

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

This is an authorized facsimile
printed by microfilm/xerography on acid-free paper
in 1985 by
UNIVERSITY MICROFILMS INTERNATIONAL
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

СОЧИНЕНІЯ

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1889.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1889 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Русское періодическое изданіе Академіи Наукъ.

Записки Академіи Наукъ. Спб., 1862, 2 т., 4 книжки.

1863.

Слѣдящимъ за ученою дѣятельностью Академіи Наукъ извѣстно, что съ прошлаго года она предприняла изданіе «Записокъ». Причина основанія новаго литературнаго органа заключалась какъ въ прекращеніи прочихъ русскихъ повременниковъ Академіи (каковы: Ученыя Записки по I и III отдѣленіямъ, Ученыя Записки и Извѣстія по Отдѣленію русскаго языка и словесности), такъ и въ желаніи, соединенными силами ученыхъ всѣхъ трехъ Отдѣленій, способствовать русской литературѣ къ пріобрѣтенію самостоятельности въ дѣлѣ науки. Если для науки можетъ существовать *свое* мѣсто и *свое* время, то нельзя не сознаться, что литературное предпріятіе Академіи является очень кстати: самый поверхностный взглядъ на современную журналистику убѣдитъ, мы думаемъ, каждаго, что такъ-называемые *современные* вопросы и интересы текущей минуты почти исключительно завладѣли общественною мыслію. Порицать или хвалить это было бы и странно и смѣшно, но мы желали бы, чтобъ и иныя, не менѣе существенныя потребности нравственной природы человѣка находили также свое удовлетвореніе. Мы говоримъ о потребности знанія, науки, безъ которой и самыя современныя начинанія будутъ рядомъ заблужденій и оступей, и часто — ка-

кихъ оступей! Поэтому мы съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ смотримъ на періодическое изданіе, посвященное исключительно цѣлямъ науки. Намъ кажется, что въ такихъ изданіяхъ настоитъ дѣйствительная потребность для современнаго русскаго общества, или, по крайней мѣрѣ, для той части его, которая не успѣла еще облѣниться до отрицанія пользы и пригодности науки...

Вышедшіе въ прошломъ году два тома, или четыре книжки «Записокъ Академіи Наукъ», представляютъ собою не только начало, но и прочный залогъ будущихъ, болѣе обширныхъ и разнообразныхъ изслѣдованій въ области отечественной науки. Изъ протоколовъ засѣданій членовъ Академіи и изъ нѣкоторыхъ указаній въ статьяхъ, уже напечатанныхъ, видно, что для «Записокъ» готовится очень многое, имѣющее высокій интересъ для науки, и что, во всякомъ случаѣ, русская публика въ правѣ ждать добрыхъ плодовъ отъ новаго повременника Академіи; но, не гадая о будущемъ, мы позволимъ себѣ остановиться на томъ, что уже есть.

По отдѣлу наукъ историко-филологическихъ прежде всего обращаетъ вниманіе трудъ г. Гедеонова: «Отрывки изъ изслѣдованій о варяжском вопросѣ» (кн. 2-я и 4-я). Мысль, лежащая въ основѣ труда — это, что *Варяги были западно-славянскаго происхожденія; а Русь — народъ восточно-славянскій*. Вышедшіе доселѣ отрывки не представляютъ еще пока рѣшительныхъ доказательствъ такой мысли, а потому мы не можемъ и сказать о ней ничего положительнаго; но критическая часть сочиненія г. Гедеонова для науки весьма важна: она основана на самомъ тщательномъ, добросовѣстномъ изученіи источниковъ и подкрѣплена остроумными и часто блестящими соображеніями. Главнымъ образомъ, эта часть направлена противъ теоріи норманскаго происхожденія Руси, и если она не сильна убѣдить послѣдователей этой теоріи въ ложности ихъ системы, то, по крайней мѣрѣ, послѣ критики г. Гедеонова, уже становится невозможнымъ рѣшеніе вопроса тѣмъ путемъ, какимъ онъ рѣшался до сихъ поръ изслѣдователями-норманистами. Потому мы думаемъ, что

«Отрывки» г. Гедеонова должны непремѣнно имѣть значеніе, хотя бы и отрицательное, въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи Руси: говоримъ —отрицательное, такъ какъ положительная часть системы остается еще за г. Гедеоновымъ, а нѣкоторыя отрывочныя замѣчанія (какъ напримѣръ о росопоклоненіи, о характерѣ начальнаго лѣтописца и т. д.) своею явною несостоятельностью даютъ противъ себя же оружіе и убѣждаютъ только въ томъ, какія еще трудности представляетъ рѣшеніе основныхъ вопросовъ исторической этнографіи, что ни знаніе, ни остроуміе не спасаетъ отъ очевидныхъ ошибокъ и мечтаній!

Статья академика И. И. Срезневскаго: «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ» (к. 4-я), представляетъ, сколько намъ извѣстно, первый опытъ реставраціи древнѣйшаго періода русской лѣтописи. Отправляясь отъ несомнѣннаго положенія о существованіи лѣтописнаго дѣла до Владимира, г. Срезневскій выбираетъ изъ извѣстныхъ лѣтописей все, что̀ должно было находиться въ древнѣйшихъ, до насъ не дошедшихъ и, такъ сказать, первичныхъ лѣтописныхъ замѣткахъ. Конечно, такая реставрація не можетъ быть полною: многое, что̀ имѣло мѣсто въ первоначальныхъ лѣтописныхъ замѣткахъ, могло и не войти въ лѣтописи вторичной формаціи; тѣмъ не менѣе самая попытка отдѣлить древнѣйшій слой отъ позднѣйшаго была необходима уже и для того, чтобы не путаться въ опредѣленіи историческаго и литературнаго характера различныхъ эпохъ, чтобы въ старину не внесть относительно новыхъ чертъ и тѣмъ не обезобразить ея, не лишить своей особой оригинальной окраски. Признавая плодотворность такой попытки для исторической науки, мы должны признать за г. Срезневскимъ не только честь перваго начинанія въ этомъ дѣлѣ, но честь перваго удачнаго исполненія его. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны и важны страницы, посвященныя разбору быта русскаго народа по лѣтописнымъ сказаніямъ X вѣка, хотя авторъ иногда бываетъ черезчуръ скупъ на обширныя объясненія и ограничивается, по большей части, краткими указаніями и намеками. Академику Срезневскому же

принадлежитъ не менѣе любопытная статья: «Русскіе калики древняго времени» (кн. 2-я). Существенно новое въ ней — это объясненіе круты или одежды каликъ перехожихъ и, между прочимъ, загадочнаго *колокола*, который, по новгородской былинѣ о Василъѣ Буслаевѣ, помѣщается на головѣ у старчища пилигримища. Г. Срезневскій видитъ въ немъ верхнюю неразрѣзную одежду въ родѣ плаща (klakol, cloche, clocca, etc.) у племени романскаго, и въ доказательство приводитъ одинаковыя наименованія плаща и у Чеховъ. Не останутся также безъ вниманія и нѣкоторыя общія соображенія академика, каковы напр. о западномъ источникѣ русскаго каличества, о связи каликъ съ нищими и нѣкоторыя другія. Не останавливаясь на многихъ мелкихъ, хотя и любопытныхъ статьяхъ (нѣкоторыя изъ нихъ, какъ ст. ак. Бэра и Шифнера: «О собираніи доисторическихъ древностей въ Россіи для этнографическаго музея», уже извѣстны русской публикѣ изъ изданнаго въ 1861 г. сочиненія Ворсо: «Сѣверныя древности», другія же, какъ напр. ст. акад. Шифнера: «Сампо». Опытъ объясненія связи финскихъ сказокъ съ русскими» — переведены изъ Bulletin и Mélanges, издаваемыхъ Академіей), — нельзя не обратить вниманія на любопытные матеріалы по русской исторіи и литературѣ XVIII вѣка, обнародованные акад. Гротомъ со многими объясненіями и замѣчаніями, таковы: «Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову» (кн. 1-я), «Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, бумаги Бибикова и Кара» (кн. 2), «О дополнительныхъ матеріалахъ для біографіи Державина» (кн. III)...

По славянской исторіи и литературѣ «Записки» представили двѣ статьи: «О подлинности суда Любуши и Краледворской рукописи», акад. Куника, и «Петръ Скарга, іезуитъ и проповѣдникъ Сигизмунда III» — бывшаго академика Дубровскаго. На сколько статья г. Куника, несмотря на свою неоконченность, можетъ служить образцомъ ученаго библіографическаго изслѣдованія, на столько коротенькое сочиненіе г. Дубровскаго способно возбудить недоумѣніе насчетъ своей цѣли и значенія. Для

того, кто знакомъ съ жизнью и сочиненіями извѣстнаго Сарги ex ipso fonte или изъ изслѣдованій польскихъ ученыхъ, статья г. Дубровскаго не представляетъ рѣшительно никакого значенія, а для людей несвѣдущихъ — она слишкомъ поверхностна, чтобы научить, или внушить интересъ къ изученію. Много разъ въ протоколахъ Академіи намъ приходилось читать каталоги обширныхъ историко-филологическихъ изслѣдованій, предпринятыхъ бывшимъ академикомъ Дубровскимъ; если они не уступятъ въ своемъ достоинствѣ настоящему его труду, то не мы, конечно, поздравимъ историческую науку съ этими новыми пріобрѣтеніями!

По отдѣлу наукъ физико-математическихъ «Записки» также предлагаютъ много любопытныхъ монографій и изслѣдованій; но, не будучи въ состояніи оцѣнить ихъ, мы довольствуемся тѣмъ, что сообщимъ здѣсь заглавія важнѣйшихъ изъ нихъ, таковы: «О звѣздныхъ системахъ и туманныхъ пятнахъ», рѣчь акад. Струве, «О черепахъ ретійскихъ романцевъ», акад. Бэра, «О проектѣ разведенія устрицъ у русскихъ береговъ Балтійскаго моря» — его же, «О теоріи параллельныхъ линій», акад. Буняковскаго, «О солнцѣ», разсужденіе Виннеке, «Амурскій край — географія», очеркъ г. Максимовича, и нѣк. другія.

Таково любопытное и важное содержаніе четырехъ, доселѣ вышедшихъ, книжекъ «Записокъ Академіи Наукъ». Остается прибавить, что оба тома спабжены довольно тщательно составленными указателями личныхъ именъ, встрѣчающихся въ нихъ. Есть здѣсь, конечно, свои недосмотры и ошибки (такъ напр. *Вильгельму* Гримму приписано сочиненіе Deutsche Rechtsalterthümer, тогда какъ оно принадлежитъ *Якову*, и нѣк. др.), но все же этотъ указатель весьма значительно облегчаетъ справочный трудъ. Внѣшность изданія, несмотря на его дешевизну, можно сказать даже изящная и мало оставляетъ мѣста требованіямъ самымъ разборчивымъ. Но, оканчивая нашу бѣглую замѣтку о содержаніи первыхъ двухъ томовъ «Записокъ», — мы позволимъ себѣ еще на минуту остановиться: не покажется ли нѣкоторымъ нѣ-

сколько страннымъ то обстоятельство, что въ періодическомъ изданіи высшаго ученаго сословія нѣтъ мѣста исторической критикѣ и библіографіи? Кто какъ смотритъ на это дѣло; но мы сознаемся откровенно, что считаемъ это опущеніе капитальнымъ недостаткомъ превосходнаго повременника Академіи. Дѣло въ томъ, что ученая критика нашихъ періодическихъ изданій или вовсе прекратилась, или дошла до послѣдняго предѣла пустоты и безпомощности. Кому же, какъ не спеціальнымъ ученымъ, слѣдуетъ, въ этомъ случаѣ, направить на добрую дорогу безкритичное блужданіе общественной мысли, случайно и нетвердою ощупью идущей въ своихъ стремленіяхъ къ наукѣ и знанію? Мы не говоримъ уже, сколько можетъ выиграть сама наука, если каждое явленіе въ ея области будетъ подвергаться тщательному критическому осмотру, составляемому спеціалистами по превосходству. Если въ ученой повременной литературѣ Англіи, Франціи и Германіи—критическій и библіографическій отдѣлы занимаютъ самое видное мѣсто, то развѣ одна дурно понятая *сообразность* могла бы еще удержать отъ внесенія такого полезнаго обычая къ намъ; но вѣдь о ней не можетъ быть и рѣчи, коль скоро общество сознало, что наука есть общее благое достояніе всѣхъ людей!

Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки VI—XVII вѣковъ.

Издалъ Савва, епископъ Можайскій. М. 1863 4°.

1863.

Слухъ о томъ, что бывшій синодальный ризничій, архимандритъ Савва (нынѣ епископъ Можайскій) приготовляетъ къ изданію палеографическіе снимки, извлеченные изъ греческихъ и славянскихъ рукописей богатой синодальной библіотеки — подтвердился: на дняхъ это изданіе вышло въ свѣтъ, подъ заглавіемъ, которое мы привели выше. Обращая на него вниманіе

всѣхъ интересующихся наукою о русской старинѣ, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о современномъ состояніи науки русской палеографіи.

Едва ли существуетъ необходимость говорить о важномъ значеніи *палеографіи* въ отношеніи къ историческимъ наукамъ: если послѣднія невозможны и немыслимы безъ строгой исторической достовѣрности, безъ прочныхъ залоговъ исторической правды, то и великое значеніе палеографіи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Стоитъ вспомнить прежніе длинные споры о знаменитомъ *Texte du Sacre*, Реймскомъ евангеліи и послѣдніе горячіе споры о достовѣрности *Суда Любуши* и *Краледворской рукописи*, чтобы убѣдиться въ значеніи палеографіи, какъ рѣшительницы запутанныхъ историческихъ вопросовъ. Только молодостью науки и отчасти пренебреженіемъ къ ея указаніямъ, можно объяснить себѣ продолжительность этихъ споровъ, и то, почему они до сихъ поръ не привели ни къ какимъ положительнымъ и для всѣхъ равно убѣдительнымъ результатамъ. Въ строгомъ смыслѣ слова, палеографія—наука обширная: она объемлетъ всѣ дошедшіе до насъ памятники старины преимущественно со стороны вопросовъ, относящихся къ нимъ, какъ къ таковымъ; она имѣетъ дѣло только съ самимъ памятникомъ, а если пользуется его содержаніемъ, то затѣмъ, чтобы опредѣлить степень его достовѣрности, время и обстоятельства его возникновенія.

Потому палеографія есть то же, что́ критика историческаго памятника, или, какъ говорилъ знаменитый Шлецеръ, *низшая* критика. Принимаемая въ этомъ обширномъ смыслѣ, наука русской палеографіи уже можетъ похвалиться многими важными пріобрѣтеніями, а если остается еще много сдѣлать, то уже совершонное достаточно ручается, что не будетъ недостатка ни въ дѣлателяхъ, ни въ общемъ интересѣ къ ихъ спеціальнымъ занятіямъ. Обозрѣвая все, что́ успѣла пріобрѣсти наука русской палеографіи отъ перваго, въ собственномъ смыслѣ, палеографическаго труда Оленина («О Тмутораканскомъ камнѣ» 1806 года) до настоящаго времени, легко замѣтить не только увеличеніе матеріаль-

наго благосостоянія науки, но и самыхъ понятій и пріемовъ палеографическаго изученія. Въ этомъ отношеніи съ особенною признательностію должно упомянуть имена гг. Строева, Кеппена и Востокова; ихъ безкорыстнымъ и самоотверженнымъ трудамъ наука обязана главнѣйшими своими основаніями. То, что теперь, въ силу историческаго закона преемственности понятій, сдѣлалось общею ходячею истиною, добыто ими трудомъ продолжительнымъ и упорнымъ, трудомъ, который кажется чуть ли не сказкою въ наше тревожное, легкомысленно гонящееся за новизною, время. Палеографическія изслѣдованія этихъ и нѣкоторыхъ другихъ тружениковъ науки по необходимости ограничивались изслѣдованіями частныхъ вопросовъ: объ общемъ нечего было и думать! Но, несмотря на дробности ихъ трудовъ, они успѣли намѣтить и много общихъ вопросовъ, потому нельзя не пожелать, чтобы кто-нибудь принялъ на себя трудъ сведенія воедино общихъ палеографическихъ пріемовъ, руководившихъ вышеназванныхъ ученыхъ при ихъ изслѣдованіяхъ. Такой трудъ успѣшно совершонъ только относительно одного Востокова, но онъ въ равной степени былъ бы необходимъ и относительно другихъ: множество мелкихъ замѣчаній, щедро разсыпанныхъ въ трудахъ предшествовавшаго поколѣнія русскихъ палеографовъ, будучи сведены вмѣстѣ, представятъ не только надежное руководство для начинающихъ, но и страницу изъ исторіи русской науки, важную уже и потому, *чтобы воздать всѣмъ должная*. Для вѣрной оцѣнки предшествовавшихъ палеографическихъ трудовъ не слѣдуетъ забывать и того, что многіе изъ нихъ по разнымъ причинамъ остались не изданы: такъ не издано и превосходное, богатое собраніе палеографическихъ снимковъ П. И. Кеппена, которое онъ приготовилъ къ своему «Списку русскимъ памятникамъ»; такъ не издано и превосходное, богатое собраніе палеографическихъ снимковъ еще одного любителя и знатока рукописной старины, почти совершенно оконченное и отпечатанное.

Въ послѣднее время палеографическія занятія все болѣе и болѣе привлекали вниманіе ученыхъ. На первомъ планѣ здѣсь

должно поставить дѣятельность ученыхъ обществъ, предлагающихъ средства для изданія памятниковъ русской рукописной старины.

«Древнія русскія грамоты XII, XIII и XIV вв.», изданныя акад. Куникомъ, «Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ», изданныя акад. Срезневскимъ на иждивеніи Археологическаго Общества, «Матеріалы для исторіи славянскихъ письменъ», извлеченныя изъ рукописей синодальной библіотеки проф. Буслаевымъ, многія палеографическія изданія г. Бодянскаго, помѣщаемыя въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей», а также и г. Срезневскаго въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ» и въ «Извѣстіяхъ Археологическаго Общества» — вотъ важнѣйшіе палеографическіе труды послѣдняго времени. Конечно, не всѣ эти изданія въ одинаковой степени могутъ похвалиться палеографической точностью и вѣрностью оригиналу: кое-гдѣ проглядываетъ, хотя неумышленная, прикраса исполнителя-литографа, но тѣмъ не менѣе, ученое значеніе ихъ велико, и мы нисколько не подивились, когда въ протоколахъ Археологическаго Общества прочли извѣщеніе о томъ, что скоро поступитъ въ печать общая *славяно-русская палеографія* г. Срезневскаго. Кто знаетъ предыдущія палеографическія работы нашихъ ученыхъ и кому не безъизвѣстны обширныя познанія г. Срезневскаго въ славяно-русской письменной старинѣ, тому не покажется такое предпріятіе преждевременнымъ или черезчуръ смѣлымъ. Въ общемъ, русская палеографія дошла до нѣкоторыхъ положительныхъ заключеній и выводовъ, которымъ едва ли когда предстоитъ коренная перемѣна: дальнѣйшее движеніе науки можетъ измѣнить только частности, пополнить недостающіе пробѣлы; но никакъ не основное, потому что оно основано не на личномъ произволѣ, а на строгомъ и тщательномъ изслѣдованіи памятниковъ.

Обратимся къ труду пр. Саввы. Все изданіе состоитъ изъ шестидесяти таблицъ; изъ нихъ *пятьдесятъ одна* заняты снимками греческихъ и славянскихъ рукописей, начиная съ шестого вѣка и кончая семнадцатымъ; четыре — посвящены свободному

алфавиту греческихъ и славянскихъ письменъ (кирилловскихъ и глагольскихъ); остальныя пять—заняты греческими словосокращеніями. Главное достоинство палеографическихъ снимковъ пр. Саввы, по нашему мнѣнію, заключается въ строгой палеографической точности. Это первый палеографическій трудъ, имѣющій хотя сколько-нибудь систематическій характеръ. Конечно, точный палеографъ можетъ сдѣлать небольшой упрекъ въ нѣкоторой неточности снимка; но тѣмъ не менѣе, изданіе пр. Саввы имѣетъ свое положительное достоинство: всѣ снимки, за исключеніемъ весьма немногихъ, *заимствованы изъ рукописей, означенныхъ годами*. Дѣйствительно, отъ этихъ твердыхъ основаній, достовѣрность которыхъ стоитъ выше личныхъ толкованій, слѣдуетъ отправляться палеографу затѣмъ, чтобы возвести свою науку на степень положительнаго, достовѣрнаго знанія. Со временемъ навыкъ замѣнитъ отсутствіе хронологическихъ помѣтокъ; но пріобрѣсти этотъ навыкъ только и можно предварительнымъ изученіемъ рукописей, рожденіе которыхъ отмѣчено, такъ сказать, въ метрической книгѣ, потому въ изданіи пр. Саввы мы видимъ не только богатый вкладъ въ науку отечественной палеографіи, но и прочное руководство тѣмъ, кто захочетъ пріобрѣсти палеографическій навыкъ. Могутъ сдѣлать упрекъ, что изданіе пр. Саввы заключаетъ нѣкоторые снимки уже извѣстные; но мы думаемъ, что почтенный палеографъ иначе и поступить не могъ, если желалъ сообщить своему изданію возможную полноту: пусть будетъ повтореніе, лишь бы не было важныхъ опущеній. Не безъ пользы для русской науки пройдутъ и снимки съ греческихъ рукописей (начиная съ VI вѣка): отъ ближайшаго изслѣдованія ихъ зависитъ рѣшеніе самаго основного вопроса славянской палеографіи, именно о связи и хронологическихъ отношеніяхъ кирилловскихъ письменъ съ греческими. Вопросъ этотъ долгое время считался рѣшеннымъ, и только года два тому назадъ снова поднятъ г. Срезневскимъ (Извѣстія Академіи Наукъ, т. 9-й, вып. 3-й) съ доказательствами, указывающими на необходимость новаго изслѣдованія и на важность его для науки.

Весьма важное условіе палеографическаго труда — умѣніе выбрать наиболѣе существенное и характеристическое,—выполнено пр. Саввою удовлетворительно: рукописи имъ избранныя, дѣйствительно могутъ служить образцами письма данной эпохи. Объясненія на счетъ рукописи, ея вѣка и состава, хотя не велики, но до нѣкоторой степени достигаютъ своей цѣли. Внѣшность изданія даже роскошна, по крайней мѣрѣ такъ должно сказать о рисункахъ; но они бы заслуживали если не красивѣйшаго текста, то бумаги почище той, на которой онъ напечатанъ. Изъ сказаннаго нами ясно, что палеографическіе снимки пр. Саввы есть явленіе въ высокой степени утѣшительное, и важно не только по своему значенію для науки, но и для общества, среди котораго оно является, какъ укоризна бездѣйствію тѣхъ, кто можетъ сдѣлать многое и дѣлаетъ такъ мало. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о ближайшихъ задачахъ, какія предстоятъ наукѣ отечественной палеографіи. Мало одного изслѣдованія рукописей; необходимъ также точный разборъ письменъ, сохранившихся на матеріалѣ болѣе грубомъ, на камнѣ, металлѣ и деревѣ, а также и на шелкѣ, холстинѣ. Сказать правду, у насъ имѣется не малое количество удовлетворительныхъ снимковъ, снятыхъ со старинныхъ вещей, каменныхъ, металлическихъ, съ шелковыхъ и холстинныхъ тканей, но, сколько мы знаемъ, до сихъ поръ не было ни одного серьезнаго палеографическаго труда по этому вопросу. Необходимо было бы хотя на первый разъ сдѣлать сводный хронологическій алфавитъ изо всѣхъ письменъ, подлежащихъ вѣдѣнію палеографіи: это сообщило бы заключеніямъ науки ту широту и прочность, какой она не можетъ имѣть, ограничиваясь кругомъ одной рукописной старины. Такого труда русская наука вправѣ ожидать отъ г. Срезневскаго, который въ своемъ «Повременномъ спискѣ памятниковъ русскаго языка и письма», съ истинно ученою осмотрительностью, не только не брезгуетъ самыми, повидимому, мелочными памятниками, но и удѣляетъ мѣсто въ наукѣ и тѣмъ, которые когда-то были и отъ которыхъ намъ ничего не сохранилось кромѣ глухой помники современниковъ.

Однимъ изслѣдованіемъ письменъ не ограничивается однако дѣло палеографіи; она должна удѣлить часть вниманія и самому матеріалу, на которомъ сохранились эти письмена: различные виды пергамена, бомбицина и бумаги, время ихъ употребленія и господства, фабричныя клейма, всѣ мелочи, ускользающія отъ неопытнаго глаза, должны быть взвѣшены и опредѣлены до послѣдней возможности. По этой части русскому палеографическому труженичеству предстоитъ еще долгая работа: сдѣлано такъ мало, а дѣла такъ много! Не менѣе, если не болѣе, важно изслѣдованіе рукописной орнаментировки: раскраска заставокъ и заглавныхъ буквъ; въ этомъ случаѣ палеографія соединяется съ исторіею художествъ, важности которой, мы думаемъ, не станутъ отрицать и самые отчаянные противники, такъ-называемыхъ ими, *безплодныхъ* знаній. Укажемъ, наконецъ, на нѣкоторые частные вопросы русской палеографіи. Такъ какъ русская письменность не имѣла туземнаго характера, а пришла къ намъ готовою отъ южныхъ Славянъ, то едва ли, имѣя въ виду палеографическую полноту, должно ограничиться рукописями собственно русской редакціи; необходимо, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, на первыхъ страницахъ науки дать мѣсто разсмотрѣнію древнѣйшихъ рукописей и церковно-славянскихъ по сербской и болгарской редакціи, иначе исчезнетъ необходимая связь и преемственность явлений. Приведеніе въ извѣстность и палеографическое изслѣдованіе древнѣйшихъ юго-славянскихъ рукописей обязательно для насъ Русскихъ болѣе другихъ: огромное количество этихъ рукописей навсегда переселилось въ наше отечество, и даже въ чисто-матеріальномъ отношеніи мы имѣемъ гораздо болѣе средствъ, чѣмъ иноземные славянисты. Не безъ вниманія должна остаться также и глагольская письменность, потому что связи ея съ кирилловской не подлежатъ нынѣ никакому сомнѣнію, да къ тому же извѣстно, что при началѣ письменности въ русской землѣ, глаголица нашла въ ней довольно радушный пріемъ. Отъ болѣе или менѣе тщательнаго изслѣдованія названныхъ нами вопросовъ, будетъ зависѣть отчасти и самое рѣшеніе о проис-

хожденіи обоихъ славянскихъ алфавитовъ и ихъ отношеніяхъ къ алфавиту греческому, а также и къ народной письменности Славянъ, извѣстной подъ именемъ рунической, отвергать существованіе которой, въ настоящее время, едва-ли возможно!

Слово о послѣдней дѣятельности Общества любителей россійской словесности.

1863.

«Московское Общество любителей россійской словесности» имѣетъ свои открытыя публичныя собранія; оно постоянно доводитъ до свѣдѣнія публики о своей дѣятельности, печатаетъ въ газетахъ протоколы своихъ частныхъ собраній; однимъ словомъ, оно подвергаетъ свою дѣятельность публичному обсужденію, признаетъ законность суда со стороны публики, суда не домашняго, не частнаго, а открытаго, публичнаго, какъ открыта и самая его дѣятельность. Поэтому наше намѣреніе сказать нѣсколько словъ о его дѣятельности не должно показаться неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла: что́ дѣлается публично, о томъ можно и говорить публично, и если многіе у насъ еще не доросли до сознанія этой простой истины, то, конечно, не члены Общества любителей россійской словесности. По великимъ затрудненіямъ, сопряженнымъ съ полученіемъ права на входъ въ публичныя засѣданія Общества, мы не могли регулярно посѣщать эти собранія: въ текущемъ году мы были лишь на первомъ и на послѣднемъ изъ нихъ.

Въ характерѣ человѣка, какъ и въ характерѣ цѣлыхъ учрежденій, бываютъ черты типическія, по которымъ почти безошибочно можно заключать обо всемъ прочемъ: если среди обыденныхъ недомысленныхъ мыслей и пошлыхъ сужденій, мы вдругъ встрѣчаемся съ свѣтлой геніальной мыслью, брошенною не случайно, не съ чужого голоса, а съ глубокимъ, трезвымъ созна-

ніемъ, не въ правѣ ли мы заключить о нравственной силѣ носителя этой мысли, о томъ, куда можетъ быть направлена его дѣятельность? Если въ цѣлой массѣ энергіи и дѣйствій человѣческихъ мы не видимъ никакой путеводной звѣзды, никакой руководящей мысли, не правы ли мы будемъ назвать эту дѣятельность ребячески-легкомысленною, не установившеюся, подобно кораблю безъ вѣтрилъ и кормила, носимому вѣтрами по житейскому морю? Не можетъ быть и рѣчи о прочной пользѣ такой дѣятельности: она имѣетъ свою полезную сторону, но это капля въ морѣ того, что̀ можетъ и что̀ должна она сдѣлать. И дѣятельность Общества любителей россійской словесности проходитъ не даромъ: многіе — если не всѣ — добромъ помянутъ изданіе пѣсенъ Кирѣевскаго и «Толковаго Словаря» г. Даля, но тѣмъ не менѣе вся совокупность настоящей дѣятельности Общества отличается полнѣйшими признаками неустановившагося умственнаго несовершеннолѣтія, идущаго ощупью впередъ только потому, что шествіе назадъ не столь удобно и представляетъ больше случаевъ къ паденію.

Хорошо было быть *любителемъ россійской* словесности въ годы, когда впервые возникло *старое Общество:* то была пора наивной героической любви къ *россійской* словесности; одно чувство соединяло всѣхъ членовъ, и понятно, почему выразилось оно въ такой непринужденной, шутливо-наивной формѣ, о какой говорятъ намъ воспоминанія литераторовъ эпохи Карамзина и Жуковскаго: прочесть свое или переводное стихотвореніе, оду, балладу, басню, гимнъ и т. п.—все это было тогда у мѣста и у времени, возбуждало общій интересъ и проходило не безъ пользы; но если теперь, почти полстолѣтіе спустя, опять читаются стихотворенія въ прежнемъ духѣ и старикъ литераторъ-любитель костлявыми пальцами перебираетъ ветхую тетрадку, чтобы прочесть предъ публикой какое-нибудь прозаическое переложеніе, то все это становится грустнымъ анахронизмомъ и звучитъ живымъ упрекомъ молодымъ членамъ Общества — зачѣмъ, воскресивъ дряхлое тѣло, они не умѣли вдохнуть въ него свѣжихъ силъ

жизни! Или это злая насмѣшка надъ старческимъ маразмомъ прежняго поколѣнія нашихъ литераторовъ, или же — ясный знакъ, что за дѣло обновленія взялись не размысливъ, *зачѣмъ*, *какъ* и *куда* итти!

Мы помнимъ первое время *возрожденія* Общества: казалось, оно обѣщало строгую и во всякомъ случаѣ опредѣленную дѣятельность. Тактъ и талантъ, всегда отличавшіе Хомякова (перваго предсѣдателя Общества), внесли порядокъ въ ряды новыхъ членовъ, указали цѣль дѣятельности болѣе слабымъ, поддержали и ободрили другихъ, болѣе сильныхъ. Несмотря на патріархально-клерикальный характеръ, которымъ Хомяковъ облекалъ свои наставленія и напутственныя слова, Общество сформировалось и довольно дружно принялось за работу; началось изданіе пѣсенъ Кирѣевскаго, отыскались средства къ изданію капитальнаго труда г. Даля, поговаривали даже объ особомъ изданіи журнала Общества; не обошлось, конечно, безъ скабрезныхъ приключеній и скабрезныхъ чтеній, но умъ предсѣдателя ловко заглаживалъ эти неровности, и многіе ждали добрыхъ плодовъ отъ Общества, по крайней мѣрѣ думали, что изъ него можетъ выйти много полезнаго.

Хомяковъ умеръ — и что́ же сталось съ Обществомъ? Вмѣсто прямого отвѣта, взгляните на первое и послѣднее его засѣданія въ текущемъ году.

Первое засѣданіе началось отчетомъ новаго предсѣдателя, г. Погодина, о литературной и ученой дѣятельности членовъ Общества и о финансовомъ его благосостояніи. Оказывается, что всѣ заняты своимъ дѣломъ, печатаютъ или приготовляютъ къ изданію свои труды. Деньги, пожертвованныя членомъ Кошелевымъ на изданіе «Толковаго Словаря живого русскаго языка», г. Даля, всѣ истрачены, но продолженіе его достаточно обезпечено выручкою изъ изданія; довольно значительное денежное пособіе правительства (если не ошибаемся 3 тысячи р. с.) предназначается на изданіе сочиненій *нашего общаго учителя* (слова г. Погодина)—А. Ѳ. Мерзлякова! Мы ничего не гово-

ряхъ о весьма похвальныхъ чувствахъ уваженія къ памяти стараго учителя, но едва ли одинъ этотъ мотивъ покажется настолько уважительнымъ въ глазахъ публики, чтобы оправдать затрату денегъ на литературныя поминки объ этомъ учителѣ: она въ правѣ потребовать иныхъ, болѣе серьозныхъ основаній, въ правѣ спросить: за что такое предпочтеніе Мерзлякову, и есть ли настоятельная нужда изданія сочиненій этого плохого ученаго, не замѣчательнаго поэта и превосходнаго эстетика-критика своего времени? Дѣло идетъ о пользѣ настоящаго поколѣнія, а потому ссылки на любовныя чувства къ *старому* учителю становятся просто смѣшны, и теперь пусть члены «Общества любителей российской словесности», позабывъ на время *невещественныя* отношенія—потрудятся объяснить побужденія, руководившія ихъ въ этомъ литературномъ предпріятіи.... Мы не думаемъ, чтобы они сослались на великую пользу и важность такого дѣла: это значило бы торжественно сознаться въ своемъ непониманіи потребностей современной литературы и науки. Не говоря уже о томъ, что груды любопытнѣйшихъ памятниковъ протекшей жизни Русскаго народа лежатъ нетронутыми, достаточно упомянуть, что сочиненія нашихъ первыхъ писателей прошлаго и текущаго столѣтій до сихъ поръ нуждаются въ сколько-нибудь порядочномъ изданіи, а между многополезною и блестящею литературной дѣятельностью Фонвизина, Новикова, Карамзина и др., какое скромное мѣсто принадлежитъ литературнымъ произведеніямъ краснорѣчиваго профессора Московскаго университета! Роскошь понятна тамъ, гдѣ удовлетворены первыя необходимыя потребности, а гдѣ онѣ еще требуютъ удовлетворенія, тамъ стремленіе къ роскоши обнаруживаетъ только отсутствіе яснаго сознанія о цѣли дѣйствій, прихоть или капризъ нравственной распущенности и умственнаго несовершеннолѣтія. И какое заключеніе можно вывести *о любви* членовъ Общества къ успѣхамъ россійской словесности, если это чувство, минуя предметы болѣе его достойные, бросается на скромныя произведенія Мерзлякова только потому, что онъ «нашъ общій старый учитель»! Если бы Общество

любителей было *частное*, мы не имѣли бы никакого права разсуждать о его симпатіяхъ и зависящихъ отсюда литературныхъ предпріятіяхъ, но при публичномъ характерѣ его дѣятельности намъ кажется непростительнымъ молчать о его странныхъ распоряженіяхъ.

Откуда происходитъ эта финансовая и литературная безтактность—пусть рѣшаютъ другіе, но, по нашему мнѣнію, она служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ отсутствія крѣпкой внутренней связи между членами Общества, отсутствія организаціи и яснаго сознанія предполагаемой цѣли. Этимъ же характеромъ не выяснившейся, не опредѣлившейся, безцѣльной дѣятельности отличаются и публичныя чтенія членовъ Общества. Благодаря движенію политическихъ событій, чтенія приняли общественный оттѣнокъ: не только гг. Погодинъ и Аксаковъ, но даже извѣстный библіографъ М. Н. Лонгиновъ сочли долгомъ отвѣчать духу времени. Манера г. Погодина достаточно извѣстна, чтобы о ней распространяться: дѣло шло о польскомъ вопросѣ; ораторъ, отправляясь отъ указаній исторіи и современнаго состоянія дѣлъ, очень долго разсуждалъ и заключилъ свою рѣчь любимою мыслію о соединеніи славянскихъ племенъ въ одно цѣлое подъ супрематіей Русскаго государства. Вопросъ о пропорціональныхъ отношеніяхъ славянскихъ племенъ по религіи и степени умственнаго и нравственнаго развитія, и о возможности согласить имѣющіяся здѣсь различія, остался въ сторонѣ, а потому доводы и мысли оратора не могли быть равно для всѣхъ убѣдительны и рѣчь не произвела особаго впечатлѣнія на публику, тѣмъ болѣе, что самая форма ея не отличалась ясностью и литературнымъ изяществомъ: по обыкновенію, въ ней было много нелитературныхъ выходокъ и намековъ на то, чего не вѣдаетъ никто.

Чтеніе г. Аксакова на тэму: *что дѣлать*, хотя и заключало въ себѣ нѣкоторыя иллюзіи, тѣмъ не менѣе предлагало и нѣкоторыя мѣры, достойныя серьезнаго вниманія; мы не распространяемся о нихъ потому, что русской публикѣ онѣ уже извѣстны изъ газеты «День»; но были два пункта въ чтеніи г. Аксакова,

на которыхъ нельзя не остановиться. Мы сказали, что г. Погодинъ очень много говорилъ о невозможности уступить Польшѣ западно-русскія области и Литву; г. Аксаковъ, напротивъ, съ самаго начала объявилъ, что даже всякія разсужденія по этому вопросу — дѣло праздное и нелѣпое! Это было неловко въ отношеніи къ председателю, который разсуждалъ именно по этому вопросу. Новый признакъ отсутствія нравственнаго единства и сознательной цѣли впереди. Другое замѣчаніе г. Аксакова имѣетъ еще болѣе странный характеръ: къ слову о политической организаціи Россіи онъ упомянулъ о какихъ-то домашнихъ врагахъ, которые безсмысленно стремятся раздѣлить вѣками созданное, прочно сложившееся политическое тѣло! Кто же эти враги? Въ литературѣ, сколько мы знаемъ, никто никогда не выражалъ подобной дикой мысли, или, быть-можетъ, это дѣло, стоящее внѣ литературы: тогда, какая цѣль упоминать о немъ въ литературномъ чтеніи и мрачнымъ призракомъ мнимыхъ враговъ понапрасну пугать и безъ того достаточно запуганную русскую публику!

Но все сказанное нами блѣднѣетъ предъ чтеніемъ извѣстнаго нашего библіографа и секретаря Общества, М. Н. Лонгинова. Дѣло шло о томъ, чѣмъ можетъ и должно «Общество любителей россійской словесности» помочь распущенному, бѣдственному состоянію нашей современной литературы. Ораторъ сначала чрезвычайно яркими красками изобразилъ развращенность современной литературы и журналистики, сдѣлалъ нѣсколько упрековъ покойному Бѣлинскому о томъ, что онъ былъ весьма слабъ въ библіографіи, и затѣмъ, поблагодаривъ г. Тургенева за разоблаченіе такъ-называемыхъ *нигилистовъ*, принялся за строгое ихъ обличеніе. Это были — громъ и молнія; Зевсъ, мещущій перуны,— показался бы слабѣе въ сравненіи съ нашимъ ораторомъ: по крайней мѣрѣ Зевсъ никогда не вызывалъ такихъ отчаянно дружныхъ рукоплесканій. «Нигилисты, эти пустозвонныя головы, эти литературные горланы — развратили современную журналистику и литературу, молодые умы и общество; необходимо помочь дѣлу, и это должно исполнить «Общество любителей россійской сло-

весности»: мы, люди серьезные, станемъ крѣпко на сторожѣ, подымемъ павшую литературу, внушимъ ей добрые нравы....» и т. д. Таковъ общій смыслъ филиппики г. Лонгинова, произведшей самое сильное впечатлѣніе на старческую половину посѣтителей этого публичнаго собранія; но кто не подчинился обаятельному краснорѣчію оратора, тотъ, отстранивъ вопросъ о физіологіи какихъ-то нигилистовъ, — въ правѣ спросить: достаточно ли одного звонкаго голоса и громкихъ фразъ для убѣжденія публики въ важной роли «Общества любителей россійской словесности»? Поправится ли больная литература отъ той дѣятельности, какую находимъ мы въ Обществѣ? Нѣтъ, не выходками и библіографіей, не политическими грёзами, не стишонками исправляется литературное дѣло, а путемъ честной, серьезной мысли и науки. Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока въ «Обществѣ любителей россійской словесности» будутъ возможны такія явленія, какъ чтеніе г. Лонгинова — пусть оставитъ Общество гордую мысль о своей великой миссіи исправлять развращенную литературу и испорченный общественный вкусъ! Мы не слишкомъ печально смотримъ на современную литературу; но если справедливо, что она находится въ болѣзненномъ состояніи, то этой болѣзни прежде и болѣе всего причастно «Общество любителей россійской словесности»: говорить о порчѣ журналистики и литературы и не чувствовать этой порчи въ себѣ, когда симптомы ея очевидны — это признакъ полнѣйшаго болѣзненнаго разстройства, забытья или безпамятства. Признавать и цѣнить свои дѣйствительныя заслуги свойственно каждому человѣку и даже полезно, какъ поддержка энергіи и чувства собственнаго достоинства; но когда кичатся заслугами мнимыми или еще не существующими, когда, не сдѣлавъ ничего прочнаго, серьезнаго, — торжественно облекаютъ себя въ роль спасителя добрыхъ нравовъ литературы и кричать, что «мы-де люди серьезные и должны стать на сторожѣ противъ литературнаго разврата», тогда такая претензія поистинѣ становится жалка и указываетъ на крайне-болѣзненное состояніе умственныхъ отправленій!

«Люди серьезные»! Но вѣдь серьезные люди дѣлаютъ и дѣла серьезныя, а чѣмъ серьезнымъ можетъ образумить гибнущую литературу «Общество любителей россійской словесности», что̀, кромѣ нетвердыхъ умственныхъ блужданій и нехитрыхъ выходокъ, можетъ представить это Общество, какъ залогъ серьезнаго образа мыслей и дѣйствій; чѣмъ можетъ уничтожить такъ-называемыхъ нигилистовъ рѣчь г. Лонгинова, когда она въ цѣломъ составѣ представляетъ самый блистательный образецъ пустозвоннаго крика, журнальной болтовни безъ всякаго содержанія? Ужъ не нигилистъ ли и самъ г. Лонгиновъ? Намъ пріятно допустить эту мысль потому, что въ такомъ случаѣ — намъ не пришлось бы упрекнуть г. Лонгинова въ одномъ весьма непріятномъ качествѣ, обладая которымъ люди обыкновенно не только не понимаютъ того, что̀ говорятъ другіе, но даже и того, что̀ они сами говорятъ!

«Серьёзные люди»! А что̀ сдѣлали эти серьезные люди съ памятью дорогихъ для всего славянскаго міра первоучителей его, св. Кирилла и Меѳодія, чѣмъ помянули они этихъ первыхъ миротворцевъ и насадителей науки на славянской почвѣ! Намъ стыдно сказать и тяжело сознаться, что русское литературное Общество встрѣтило день славянскихъ апостоловъ жалкой пародіей на ихъ великое дѣло. Они проповѣдывали примиреніе и спокойствіе, а г. Погодинъ (главный ораторъ этого публичнаго собранія) металъ укоризны и осужденія; они возвѣщали науку, знаніе, просвѣщеніе, а г. Погодинъ бросилъ камнемъ въ науку затѣмъ, чтобы дать волю своимъ политическимъ грёзамъ и своимъ псевдоученымъ мечтаніямъ. Кто былъ въ этомъ собраніи — тому понятны наши слова, а для читателей мы приведемъ два примѣра: день памяти св. Кирилла и Меѳодія совпалъ со днемъ памяти обновленія Царьграда; г. Погодинъ такое совпаденіе счелъ замѣчательнымъ, какъ новое пророчество въ пользу своей теорійки о томъ, что-де Царьградъ есть настоящая столица русской исторіи и что слѣдуетъ намъ прибрать его къ своимъ рукамъ! Разбирая вопросъ о языкѣ перевода священныхъ книгъ, г. Погодинъ

рѣшилъ, что это языкъ русскій, потому что онъ ближе всего походитъ на нынѣшній великорусскій. Пріемъ, употребленный имъ для доказательства этой мысли, поистинѣ, замѣчателенъ: онъ предложилъ какому-то молодому болгарину прочесть «Отче нашъ» на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ[1]) и потомъ заключилъ, что языкъ перевода есть языкъ русскій. Не говоря уже о томъ, что для допущенія такой мысли слѣдуетъ отвергнуть всѣ истины, добытыя наукой славянской филологіи: зналъ ли г. Погодинъ, что этимъ онъ произносилъ самый невыгодный приговоръ надо всею русской исторіей, надъ всѣмъ развитіемъ русскаго народа? Языкъ есть живая исторія народа: чѣмъ менѣе онъ развитъ, тѣмъ ближе къ старинѣ, тѣмъ менѣе жилъ и дѣйствовалъ самый народъ, тѣмъ менѣе онъ имѣетъ правъ на *историческое* вниманіе. Если русскій народъ въ своемъ языкѣ недалеко ушелъ отъ языка древнѣйшаго перевода, то и въ жизни онъ не много подвинулся впередъ отъ времени св. Кирилла и Меѳодія! Приговоръ слишкомъ невыгодный для русской исторіи, а главное: какъ согласить съ этимъ прежнюю теорію г. Погодина о соединеніи всѣхъ славянскихъ племенъ подъ руководствомъ Россіи: вѣдь, по вашему, Русскіе-то оказываются всѣхъ отсталѣе въ исторіи!

Конечно, все это шутка, полуученое мечтаніе, и намъ приходится только пожалѣть, что г. Погодинъ свое долгое литературно-ученое поприще заключаетъ парадоксами, убѣждающими въ бренности бытія человѣческаго! Особенно же непріятно, что это случилось въ день памяти св. Кирилла и Меѳодія!

«Серьезные люди»! припомните изреченіе: *«врачу — исцѣлися самъ»*, — и подумайте, что́ вы дѣлаете и куда идете!

---

1) Это чтеніе было рѣшительно комическою стороной настоящихъ литературныхъ поминокъ: вмѣсто живыхъ, ясныхъ звуковъ славянскихъ нарѣчій, здѣсь слышалось что-то нестройное, ни на что не похожее, какія-то новыя, только не славянскія нарѣчія. А тутъ еще по *сходству* предлагаютъ заключать о тожествѣ церковнаго языка съ русскимъ.

Публичное засѣданіе Московскаго Общества любителей россійской словесности, 17-го ноября.

1863.

Нынѣшнимъ открытымъ засѣданіемъ начинается рядъ зимнихъ сеансовъ Общества любителей россійской словесноси. При томъ отсутствіи единодушной цѣли и положительныхъ, опредѣленныхъ стремленій, какимъ отличается дѣятельность этого Общества со дня его «возрожденія» — по началу нельзя заключать о продолженіи: сегодня чтенія могутъ быть разнообразны и занимательны, завтра скучны и пусты, послѣзавтра — хотя и не скучны, но зато не доброкачественны и т. д. Все это въ порядкѣ вещей у нашего «Общества», отличительный характеръ котораго состоитъ въ безхарактерности. Какъ бы то ни было, но *начало* чтеній вышло не блестяще: кирилло-меѳодіевская ревность г. Погодина угомонилась, затихли и гражданственные перуны г. Лонгинова, этого великаго прокурора-обвинителя петербургской литературы; одинъ только Ѳ. Б. Миллеръ, равно смиренный и въ радости и въ горѣ, не измѣнилъ себѣ и предложилъ публикѣ невиннѣйшій цвѣтокъ скромной музы своей, — цвѣтокъ, который хотя и носитъ названіе «Турецкой бомбы», но въ сущности не заключаетъ въ себѣ ничего смертоноснаго и совершенно неповиненъ въ соблазнительныхъ намекахъ на современность. Но говорить о «бомбѣ» нашего поэта не время: ею заключилось настоящее засѣданіе, а мы еще ни слова не сказали, изъ чего состояло оно.

Предсѣдательствующій Общества, г. Погодинъ открылъ засѣданіе докладомъ о томъ, чѣмъ занимались члены Общества въ теченіе лѣтняго времени: предпріятій множество! Одни уже окончены, другія приводятся къ концу, третьи — только замышляются, и вообще, если будетъ выполнена хоть поло-

вина того, о чемъ докладывалъ г. Погодинъ, то мы первые поздравимъ русскую публику и литературу съ полезнѣйшими пріобрѣтеніями и первые, отъ лица публики, скажемъ членамъ Общества любителей россійской словесности горячее, искреннее спасибо!

Но вотъ вещь, непріятно поразившая насъ въ докладѣ г. Погодина: «Послѣдніе выпуски «Словаря» г. Даля плохо поддерживаются публикой, такъ что можетъ затрудниться дальнѣйшее продолженіе изданія»! Но кого же винить въ этомъ? Публику— странно, а главное безполезно: это не прибавитъ ни одного лишняго рубля на дальнѣйшее изданіе, нѣтъ—васъ, члены Общества любителей россійской словесности, васъ должно винить, что, не сообразивъ средствъ, вы принимаетесь за обходимыя, покамѣсть, изданія сочиненій Мерзлякова и какого-то новаго еще «Сборника» въ память св. Кирилла и Меѳодія, и тѣмъ затрудняете продолженіе изданія такого многополезнаго труда, каковъ «Словарь» г. Даля. Вы разсчитывали на публику, но вы забыли, что сами же вы, въ вашихъ прежнихъ публичныхъ засѣданіяхъ, отводили глаза этой публики отъ серьезнаго занятія литературой и наукой: вы устремляли ея вниманіе на суету памфлета, терніемъ текущаго дня вы безъ нужды раздражали и безъ того раздраженную мысль и чувство—и теперь, не давъ пройти лихорадкѣ страсти, вы жалуетесь на равнодушіе публики къ серьезному изданію г. Даля! Равнодушіе понятное и даже законное, конечно, не по отношенію къ почтенному труду г. Даля, а по отношенію къ увлеченіямъ мимолетной минуты,—увлеченіямъ, которымъ вы такъ много содѣйствовали, хотя въ то же время и провозглашали себя жрецами самаго серьезнаго направленія въ литературѣ и наукѣ. Нѣтъ, прежде чѣмъ жаловаться на равнодушіе публики, умѣйте воспитать въ ней серьезную мысль, серьезную любовь и уваженіе къ наукѣ: тогда и всякое страстное увлеченіе добро и полезно, ибо оно коренится на прочныхъ основаніяхъ и ведетъ за собою прочныя и благія послѣдствія. Не самовосхваленіемъ не по разуму и не по заслугамъ, не отсталыми выход-

ками и бранью, а трудомъ серьезной мысли, распространеніемъ свѣта науки, науки, которая одна озаряетъ блуждающія тропинки темной жизни—можете вы насадить и укрѣпить въ публикѣ уваженіе къ литературѣ, *образовать* публику, а вы *можете* это, по крайней мѣрѣ, у васъ есть на это средства: была бы добрая воля, да болѣе вниманія къ публичному слову, болѣе мысли о томъ, чтó дѣлаешь и говоришь; тогда бы и изданіе г. Даля не осталось безъ поддержки, тогда бы — скажемъ откровенно — и все нынѣшнее засѣданіе «Общества» едва ли могло появиться въ томъ видѣ и въ той формѣ, какъ оно происходило: въ самомъ дѣлѣ — взгляните серьезнѣе на дѣло.

Г. Погодинъ, докладывая публикѣ о трудахъ гг. сочленовъ, не ограничился ролью простого лѣтописца, но еще постоянно вдавался въ хвалебный панегирикъ, что-де такое-то и такое произведеніе есть образецъ ума, знанія, критики, проницательности, остроумія, таланта и т. д. Къ чему это? Не можемъ думать, чтобы цѣлью такой оцѣнки было желаніе устранить на будущее время тѣ обстоятельства, которыя легли препятствіемъ къ продолженію изданія «Словаря» г. Даля. Вѣроятно г. Погодинъ хотѣлъ предложить публикѣ оцѣнку и характеристику трудовъ своихъ сочленовъ, но какое же понятіе объ этихъ трудахъ можетъ дать этотъ кимвалъ, бряцающій въ одну хвалебную ноту? Да, это опять оно, по мѣткому выраженію русской пѣсни—*гнило слово похвальное;* а *похвала*, заключаетъ та же пѣсня—*живетъ человѣку нагуба!*

Въ заключеніе своего отчета г. Погодинъ, упомянувъ о недавней смерти члена Общества, П. Н. Давыдова, прочелъ его послужной формулярный списокъ. Хотя мы и не сомнѣваемся, что на нѣкоторыхъ это послѣднее чтеніе произвело впечатлѣніе сильное, но на самомъ дѣлѣ — какое отношеніе между рангами покойнаго члена, *россійскою* словесностію и *русскою* публикою? Если уже г. Погодинъ хотѣлъ чтеніемъ формулярнаго списка усладить свою душу и почтить память покойнаго, то этотъ актъ, и съ гораздо бóльшимъ чувствомъ, можно было исполнить у себя

въ кабинетѣ въ одиночку, или со знакомыми, для которыхъ подобныя поминки не были бы странностію!

За докладомъ г. предсѣдателя, г. Аксаковъ прочелъ стихотвореніе члена М. А. Дмитріева, подъ названіемъ «Правда и поэзія», стихотвореніе хотя и мрачнаго, пессимистическаго содержанія, но не лишенное нѣкотораго поэтическаго достоинства, относительно своей основной мысли, что въ настоящее время «правда — стала лишь поэзіей одной!»

Самое значительное и по объему, и по содержанію чтеніе — было чтеніе одной главы изъ 3-го тома записокъ Ф. Ф. Вигеля. Г. Лонгиновъ предпослалъ чтенію этихъ записокъ небольшое предисловіе, въ которомъ объяснилъ, по своему разумѣнію, что за человѣкъ былъ этотъ Вигель, каковы характеръ и достоинства его записокъ. Судя по этому предисловію, мы ожидали услышать нѣчто необыкновенное, новое и чрезвычайно важное для исторіи русской литературы и общества въ первой половинѣ текущаго столѣтія: г. Лонгиновъ буквально не находилъ словъ, чтобы достойно восхвалить эти записки, ихъ историческія и литературныя достоинства; а автору ихъ отводилъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи русской литературы XIX вѣка. И что же? Какое разочарованіе! Скучнѣе и пустѣе перваго читаннаго отрывка, *обыкновеннѣе* второго — намъ рѣдко приходилось что-нибудь читать или слушать! Въ первомъ говорилось о русскомъ и иностранныхъ театрахъ въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и какъ говорилось: такая-то актриса имѣла пріятный голосъ, такая же не имѣла его, но играла страстно; одна была неуклюжа и толста, другая смерть-смертью; одна жила въ незаконномъ бракѣ съ такимъ-то, другая убѣжала и тайно обвѣнчалась съ другимъ; но что изъ всей этой театральной закулисной и публичной кутерьмы, какой литературный или историческій интересъ имѣетъ она — этотъ вопросъ остался для слушающей публики нерѣшеннымъ, а для чтеца, выбравшаго этотъ отрывокъ для открытаго, публичнаго чтенія, кажется и вовсе не существовалъ, по крайней мѣрѣ, предложивъ себѣ этотъ вопросъ напе-

редъ, едва ли бы г. Лонгиновъ рѣшился предлагать публикѣ то, что гораздо занимательнѣе и съ гораздо бóльшими подробностями уже извѣстно изъ театральныхъ воспоминаній не только Аксакова и Жихарева, но даже и г. Рафаила Зотова.

Второй отрывокъ о литературѣ русской того же времени былъ гораздо интереснѣе, хотя и не заключалъ въ себѣ ничего такого, что бы оправдывало отзывъ г. Лонгинова о достоинствахъ записокъ Вигеля: удивленіе и восхваленіе Карамзина и Жуковскаго, скандалезная, хотя, можетъ-быть, и остроумная и не лишенная нѣкоторой справедливости—скандалезная хроника прочаго литературнаго міра того времени, вотъ и все. Все это болѣе или менѣе извѣстно занимавшимся исторіею новой русской литературы, а для прочихъ, равнодушныхъ къ судьбамъ ея, не имѣетъ особенно высокаго интереса. Но неизвѣстенъ многимъ остается только авторъ записокъ, самъ Ф. Вигель, а интересенъ этотъ *рыцарь правды*, ума и *благородства*, предъ строгимъ судомъ котораго все выходитъ глупо, пошло и подло; интересно и *замѣчательно* его благородное негодованіе на противниковъ Карамзина за то, что они употребили не совсѣмъ честное средство покарать своего врага; интересно и то, что этотъ же самый Вигель негодуетъ и скорбитъ, зачѣмъ не употребили *этого* средства противъ пр. Гаврилова, который въ своемъ журналѣ печаталъ (о ужасъ!) цѣлыя рѣчи Мирабо; интересно, скажемъ мы наконецъ, какъ этотъ же самый Вигель прибѣгнулъ къ вышесказанному средству въ дѣлѣ противъ издателя «Телескопа», а еще интереснѣе, какъ-то онъ разсказалъ объ этомъ въ своихъ запискахъ!

Какъ бы то ни было, если судить по прочтеннымъ отрывкамъ, выходитъ одно изъ двухъ: или записки Ф. Вигеля вовсе не имѣютъ того космическаго значенія, какое имъ приписалъ г. Лонгиновъ, или же г. Лонгиновъ сдѣлалъ крайне-неудачный выборъ изъ нихъ; мы не рѣшаемся судить объ этомъ, такъ какъ эти «Записки» извѣстны намъ только по слухамъ.

Скажемъ въ заключеніе: не хорошо поступило Общество лю-

бителей россійской словесности, допустивъ съ своей стороны публичную вигелевскую клевету на покойнаго Каченовскаго, одного изъ дѣятельнѣйшихъ своихъ членовъ, котораго заслуги русской наукѣ долго останутся памятны.

«Турецкой бомбой» г. Миллера заключилось настоящее открытое засѣданіе Общества любителей россійской словесности. Это была благоуханная капля цѣлительнаго бальзама послѣ желчныхъ діатрибъ Вигеля!

Русская народная сказка.

Народныя русскія сказки. А. Н. Аѳанасьева. М. 1855—1863 г. 8 томовъ.

1864.

Если бы, столѣтіе тому назадъ, кому-нибудь пришла въ голову мысль собрать и издать народныя сказки въ томъ видѣ, какъ онѣ живутъ въ народѣ, едва ли такая попытка избѣжала бы насмѣшекъ и литературныхъ пересудовъ.

Ни историческая наука, ни педагогика XVIII вѣка не знали цѣны народнымъ произведеніямъ: изъ рукъ брюзгливой науки старинныхъ книжниковъ общество перешло подъ опеку чопорнаго свѣтскаго аристократизма; прежній взглядъ на народныя произведенія, какъ на душевредную бѣсовскую забаву, замѣнился новымъ, не менѣе строгимъ и исключительнымъ. Не страшась болѣе соблазна для души и даже открыто бросаясь къ нему въ объятія, общество уже не *страшилось* ни пѣсенъ, ни сказокъ: оно съ высоты своего образованія *презирало* ихъ, находя, что этотъ *вздоръ* приличенъ только людямъ *подлаго* происхожденія, а отнюдь не благовоспитанному образованному человѣку. Чопорный вкусъ напудреннаго литератора оскорблялся наивною простотою этихъ произведеній, а историческая наука и не думала о нихъ, потому что не знала и не подозрѣвала ихъ цѣны и значенія. Въ воспитаніе они входили лишь контрабандой, проскользая мимо

глазъ воспитателей въ то время, когда ихъ питомцы какъ-нибудь позамѣшкаются въ горничной, передней или на дворѣ съ крестьянскими ребятишками. Даже въ Германіи, этой классической странѣ науки, еще въ концѣ прошлаго вѣка у серьезныхъ людей народныя сказки пользовались дурною репутаціей: онѣ распространялись, но исключительно между дѣтьми, и когда въ 1796 году извѣстный Людвигъ Тикъ издалъ свою стихотворную передѣлку сказокъ, онъ подвергся серьезнымъ укоризнамъ со стороны своихъ друзей и знакомыхъ, конечно, не потому, что онъ рѣшился *передѣлывать* сказки, а вслѣдствіе убѣжденія, что неприлично серьезному поэту заниматься такимъ суетнымъ и пустымъ предметомъ, каковы народныя сказки и преданія. Долго ли имѣлъ силу у насъ такой исключительный взглядъ—сказать трудно, но, если вѣрить г. Снегиреву, еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія члены Общества любителей русской словесности серьезно разсуждали о томъ, можно ли допустить въ ихъ обществѣ разсужденіе о такомъ пошломъ, площадномъ предметѣ, какъ *лубочныя изображенія народа!* Всему свое время. Теперь то же самое Общество гордится изданіемъ пѣсенъ, собранныхъ П. Кирѣевскимъ, та же самая публика поддержала изданіе русскихъ народныхъ сказокъ г. Аѳанасьева и такимъ образомъ дала ему средства привести къ концу свое многотрудное и полезнѣйшее предпріятіе.

Было бы слишкомъ неблагоразумно съ нашей стороны на страницахъ газеты пускаться въ подробный разборъ богатаго матеріала, предлагаемаго изданіемъ г. Аѳанасьева: нѣтъ сомнѣнія, оно со временемъ вызоветъ спеціальную оцѣнку и можетъ-быть, спеціальное изслѣдованіе, но мы хотѣли бы угадать мысль публики и науки, когда онѣ съ такимъ вниманіемъ встрѣчаютъ эти простыя, незамѣтныя созданія народной фантазіи; намъ желалось бы перевести на опредѣленный языкъ это чувство уваженія къ народнымъ произведеніямъ, разъяснить его смыслъ и причины. Чтобы не потеряться въ предметѣ, мы ограничимся только народною сказкою и представимъ нашимъ читателямъ

нѣсколько соображенiй о ея ученомъ и литературномъ значенiи.

Еще Платонъ, въ своемъ идеальномъ государствѣ, предписывалъ, чтобы матери и кормилицы образовывали душу ребенка разсказами миѳовъ и сказокъ. Это служило началомъ воспитанiя. Несмотря на коренное различiе современнаго намъ взгляда на науку воспитанiя отъ классической педагогiи, мысль великаго философа имѣетъ за собою залоги неопровержимой истины и оправдывается вѣковымъ опытомъ. Если необходимымъ условiемъ каждой педагогической книги должна служить занимательность разсказа и его соотвѣтствiе съ понятiями дѣтскаго возраста, то едва ли какая иная книга выдержитъ соперничество съ народными сказками,—такъ родственно близки онѣ дѣтямъ и такую богатую поживу предлагаютъ онѣ юному воображенiю. Въ справедливости этого явленiя легко убѣдиться каждому: пусть дастъ онъ дѣтямъ народныя сказки вмѣстѣ съ разсказами à l'usage des enfants, разсказами, въ которыхъ и слогъ опрятнѣе, и содержанiе, кажется, занимательнѣе, и нравоученiе искусно повершаетъ все дѣло, онъ скоро увидитъ, какъ, пренебрегая всѣми педагогическими и литературными достоинствами послѣднихъ, дитя съ жадностью бросается на сказку, простой и безыскусственный разсказъ которой удовлетворяетъ его гораздо болѣе всѣхъ тонкихъ моральныхъ повѣствованiй. Причину понять не трудно: живой воспрiимчивой натурѣ дѣтей рѣшительно противны эти искусственныя растенiя, усилiемъ выращенныя въ педагогической теплицѣ безъ вольнаго воздуха и свѣта, безъ поэтической фантазiи и души. Мы не говоримъ, чтобы таковы были всѣ повѣствовательные педагогическiе разсказы для дѣтей, но таковы они по большей части. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ: нужно имѣть громадный поэтическiй генiй, чтобы создать *свою собственную* сказку, которая могла бы удовлетворить дѣтское воображенiе, любознательность и чувство; писателю эпохи образованной чрезвычайно трудно отрѣшиться отъ *серьезнаго*, *зрѣлаго* взгляда на вещи, и вполнѣ перенестись въ область наивной дѣтской жизни,

о которой каждый взрослый человѣкъ сохраняетъ лишь смутныя, неясныя воспоминанія; усиліемъ ума и воображенія поэтъ можетъ возстановить образы этой жизни, но за ними всегда будетъ виденъ *иной* взглядъ, не похожій на простодушный, наивный взглядъ ребенка. Вотъ почему всѣ попытки *создать* для дѣтей сказку не имѣли и не имѣютъ успѣха; талантливѣйшіе писатели понимали это: ни Тикъ, ни Андерсенъ, ни Жуковскій, ни Пушкинъ не *создавали* сказокъ, они только *пересказывали* ихъ, сообщая изящную литературную форму содержанію, уже давно готовому, которымъ утѣшались и на которомъ воспитывались сотни народовъ и цѣлыя тысячи поколѣній. Сверхъ этого, если глядѣть на народную сказку съ точки зрѣнія *нравственной* (а въ педагогіи, конечно, это — первое дѣло!), то едва ли кто, внимательно вникавшій въ смыслъ и значеніе народной сказки, станетъ отрицать нравственное ея основаніе: изъ всего запаса *чисто-народныхъ* сказокъ, какому племени и народу онѣ ни принадлежали бы — пусть укажутъ намъ хотя одну, гдѣ преступленіе законовъ человѣческой природы, несправедливость, порокъ, безнравственность находили оправданіе и участіе: временно они торжествуютъ, но лишь за тѣмъ, чтобы своею гибелью оправдать законъ нравственности и укрѣпить нравственную вѣру живыхъ въ добро и истину. Въ этомъ нравственномъ значеніи народной сказки заключается первое и главное условіе ея долговѣчности, вся, такъ сказать, сила ея: народъ, въ жизни котораго такъ много заботъ и горестей (а у каждаго народа ихъ не много ли?!), не находя утѣхи и удовлетворенія своему нравственному чувству даже и въ поэзіи, — такой народъ не можетъ любить своей поэзіи и рано или поздно долженъ погибнуть подъ бременемъ непривѣтливой тяжелой жизни. Но такого явленія не представляетъ еще исторія человѣчества! Съ полною увѣренностію можно сказать, что, подобно пѣсни, сказка не простая забава праздныхъ головъ — съ забавой легко разстаться — но нравственное подспорье существованія народа, столь часто грубо оскорбляемаго противорѣчіями жизни: она удовлетворяетъ нравственное чувство, возму-

щенное людскою неправдою, облегчаетъ грудь отъ накопившихся болей и заботъ, которыми всегда бываетъ полна низменная жизнь простолюдина. Сомнѣнія въ нравственномъ характерѣ сказки происходятъ, какъ кажется, отъ того, что многіе еще не умѣютъ отдѣлить общій мотивъ сказки отъ подробностей ея содержанія: спору нѣтъ, что въ иныхъ случаяхъ эти подробности переходятъ за предѣлы, приличные дѣтскому пониманію, что чтеніе ребенкомъ всѣхъ сказокъ безъ разбора можетъ преждевременно смутить юное чувство и даже испортить его; но кто же говоритъ о чтеніи безъ разбора? У опытнаго педагога всегда есть средство отвратить такое явленіе посредствомъ разумнаго *выбора*: какъ въ поэзіи, такъ и въ жизни есть много *преждевременнаго* для дѣтей, но изъ-за этого какой педагогъ рѣшится отказать дѣтямъ въ объясненіи доступныхъ ихъ пониманію явленій жизни вообще, или оставить въ небреженіи ихъ умственное развитіе, только изъ опасенія, чтобы они не выучились *слишкомъ многому!* Были у насъ когда-то и послѣдователи этой предупредительной педагогіи, но они принадлежатъ теперь далекому прошедшему, а потому пора, кажется, оставить и мысль, что игривыя вольности нѣкоторыхъ сказокъ мѣшаютъ народной сказкѣ имѣть важное педагогическое значеніе: оно, какъ мы сказали, оправдано вѣковымъ опытомъ и подтверждается голосомъ людей, которыхъ никто не упрекнетъ въ легкомысліи: «нашимъ намѣреніемъ—говорятъ бр. Гриммы въ предисловіи къ своему классическому изданію нѣмецкихъ сказокъ — нашимъ намѣреніемъ было и то, чтобы поэзія, которая въ сказкахъ является такъ живо — дѣйствовала и утѣшала тѣхъ, кто можетъ ею утѣшаться, чтобы эти сказки служили также *воспитательною книгою.* Мы ищемъ для нея не той чистоты, которая достигается боязливымъ устраненіемъ всего, что́ касается извѣстныхъ обыденныхъ положеній и отношеній, которыя не могутъ быть скрыты никоимъ образомъ... Мы ищемъ чистоты *въ истинѣ разсказа, не заключающаго въ себѣ ничего несправедливаго*». Намъ кажется, русское общество имѣло ту же мысль, выражая свое сочувствіе къ изданію г. Аѳа-

насьева; по крайней мѣрѣ, такого широкаго[1]) распространенія «Народныхъ русскихъ сказокъ» нельзя объяснить однимъ признаніемъ *ученаго* достоинства этихъ произведеній, такъ какъ число людей, привыкшихъ обращаться къ сказкѣ съ научными требованіями и вопросами, еще очень не велико сравнительно съ массою читающей публики.

Сказка сама по себѣ — произведеніе дѣтское, плодъ дѣтской наивной фантазіи народа; но какъ ребенокъ, его воспитаніе, развитіе — могутъ и должны быть предметомъ науки, строгой серьезной мысли педагога, такъ и сказка имѣетъ весьма важное научное значеніе. Мысль старая, общеизвѣстная; но по крайней мѣрѣ у насъ — она до сихъ поръ остается мыслью.... Мы попытаемся въ общихъ чертахъ предложить оправданіе этой мысли и разсмотримъ значеніе народной сказки въ отношеніи къ сравнительной миѳологіи, исторіи литературы и древностей, при чемъ, для большей убѣдительности, представимъ и нѣкоторые примѣры изъ русскихъ народныхъ сказокъ.

I.

Въ послѣднее время въ русской ученой литературѣ не рѣдкость встрѣтить выраженія: *доисторическая эпоха*, *эпическій періодъ народной жизни*. Мы употребляемъ этотъ общій терминъ для обозначенія періода времени, лежащаго за предѣлами положительной исторіи, мы употребляемъ его, какъ нѣчто опредѣленное, извѣстное, а между тѣмъ, самъ по себѣ — онъ до того туманно-неопредѣленъ, что даже и тѣ предметы его, которые доступны наблюденію современной науки, сливаются въ немъ въ одну безраздѣльную кучу: какъ будто съ тѣхъ поръ, какъ народъ объявился извѣстнымъ народомъ до времени появленія его на историческое поприще — онъ не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ въ умственномъ развитіи, гражданственности и средствахъ матеріальнаго существованія, какъ будто все это долгое время онъ

---

1) Говоримъ *широкаго* потому, что нѣкоторыя части «Нар. рус. ск.» выдержали *два* и *даже три* изданія.

жилъ *одною* жизнью безъ измѣненій, безъ эпохъ, безъ своихъ періодовъ! Еще не пользуясь указаніями исторіи, теоретически можно утверждать, что такая *мысль немыслима*, что такой періодъ слишкомъ неопредѣленъ и обширенъ, и требуетъ болѣе точныхъ подраздѣленій. Нѣкоторыя изъ этихъ подраздѣленій наука успѣла отмѣтить, если не съ надлежащей полнотой, то съ достаточною ясностію.... И такъ, мы очень мало скажемъ, если скажемъ, что сказка происхожденіемъ своимъ относится къ древнѣйшему эпическому періоду народной жизни; гораздо важнѣе опредѣлить время и причины ея появленія относительно прочихъ формъ народной поэзіи и въ особенности относительно миѳа и героической былины. Какъ по содержанію, такъ и по формѣ, сказка не можетъ быть признана за первичную форму народной поэзіи: въ ней нѣтъ этой первобытной торжественности, той теплоты вѣрующаго чувства, которую мы видимъ въ молитвенномъ гимнѣ, миѳологической и героической пѣснѣ; она могла явиться только тогда, когда народъ уже умѣлъ отдѣлять поэзію отъ религіи и вѣрованія, словомъ — она могла явиться только въ эпоху относительно позднѣйшую. Первоначально существуетъ миѳъ, какъ разсказъ о жизни и дѣлахъ небожителей, правящихъ міромъ, какъ прославленіе ихъ могущества и молитва къ нимъ (религіозный гимнъ). Если миѳъ сходитъ на землю и облекается въ форму эпическаго сказанія, гдѣ дѣйствуютъ или герои, или обыкновенные смертные, то все же за тѣмъ, чтобы выразить идею о присутствіи божества въ исторіи, о томъ, что и въ низменномъ мірѣ все происходитъ по волѣ вѣчнодержавныхъ боговъ. Вотъ почему въ миѳѣ владычествуетъ поэтическая фантазія, ее не стѣсняютъ историческія событія и воспоминанія, она свободна, измѣнчива и разнообразна; въ эпическомъ сказаніи же фантазія не можетъ имѣть этого широкаго полета, его затрудняетъ воспоминаніе о томъ, что̀ случилось или что̀ слыветъ за случившееся, и она окрашиваетъ своимъ цвѣтомъ сказаніе только потому, что самое божество принимаетъ участіе въ судьбахъ цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ людей. Съ теченіемъ времени сказаніе и миѳъ часто такъ тѣсно

сплетаются другъ съ другомъ, что между ними трудно и даже невозможно бываетъ положить границу: миѳъ низводится на землю, получаетъ народный и мѣстный отпечатокъ, переходитъ въ героическое сказаніе и, наконецъ, въ обыкновенную историческую пѣсню, помѣченную извѣстнымъ событіемъ и извѣстнымъ годомъ. Такое перерожденіе обыкновенно бываетъ тогда, когда система древнихъ миѳовъ начинаетъ колебаться и разстроиваться, когда вѣрованіе, коренящееся на этой системѣ, слабѣетъ и, само себя переживая, уступаетъ мѣсто новому, являющемуся откуда бы то ни было. Миѳы сливаются съ народными сказаніями, или — что̀ бываетъ чаще — сбрасываютъ съ себя все народное, все что̀ дѣлало ихъ миѳами *извѣстнаго* народа, и удерживаютъ только общечеловѣческія черты, общечеловѣческую форму воззрѣнія: они становятся *сказкой*. Такое превращеніе обезпечиваетъ для древней миѳологіи вѣрныя средства дальнѣйшаго существованія; тѣсно соединенная съ народнымъ вѣрованіемъ, миѳологія должна была бы погибнуть при вторженіи новой чужеземной вѣры, но, потерявъ народныя черты и удержавъ только общечеловѣческія воззрѣнія, общій характеръ — ей нечего болѣе опасаться за свое существованіе: новая религія приходитъ съ такимъ же общечеловѣческимъ характеромъ, а потому она или дружится съ сказкою, или становится къ ней въ отношенія терпимости, хотя эта терпимость часто бываетъ соединена съ пренебреженіемъ. Таково происхожденіе сказки. Понятно, каковъ долженъ быть ея характеръ: въ противоположность *народному* сказанію, сказка не только лишена всякаго народнаго историческаго основанія, она почти не имѣетъ никакого дальнѣйшаго отношенія къ народной исторіи, она обходитъ стѣснительные историческіе и этнографическіе элементы: то, о чемъ разсказываетъ она, никогда — даже произвольно — не относится къ какому-нибудь опредѣленному времени или мѣстности: и дѣйствующія лица ея, и мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе, не носятъ опредѣленныхъ названій, это обыкновенно какой-то царь, царица, слуга, пастухъ или конюшій, тридевятое царство, заморское государ-

ство и т. д. Если же попадаются собственныя имена, то одни изъ нихъ не имѣютъ никакой исторической достовѣрности: ихъ носили и носятъ сотни тысячъ другихъ лицъ, другія же—являются только, какъ чистая игра фантазіи, какъ прилагательное качественное, отвердѣвшее въ имя собственное. То, чтó сказка разсказываетъ о какихъ-нибудь миѳическихъ существахъ, змѣяхъ, великанахъ и т. д., не имѣетъ ни малѣйшей опоры ни въ мѣстѣ, ни во времени: стоитъ сравнить похожденія и подвиги муромскаго героя Ильи съ нѣкоторыми русскими сказками и посредствомъ сравнительнаго анализа возстановить первоначальный миѳъ, тогда станетъ ясно, что богатырская былина исказила этотъ миѳъ, а сказка — вывѣтрила его. Если народныя сказанія у различныхъ племенъ представляютъ сходныя между собою черты, то они сходны вопреки ихъ національному характеру; если же сказки сходны, то это имѣетъ свою необходимость: освободившись отъ всего ограниченнаго, народнаго, сдѣлавшись общечеловѣческимъ, *миѳъ* сталъ *сказкой*, а какъ эпоха созданія первоначальныхъ миѳовъ падаетъ на то время, когда родственныя племена (напримѣръ, индо-европейскія) составляли одинъ народъ, еще не раздробившійся на племенныя розни, то понятно, почему, напримѣръ, славянскія сказки иногда дословно сходны съ литовскими, нѣмецкими и даже сказками романскихъ племенъ: оттого сказка какъ будто бы лишена исключительной родины. Есть еще и иная важная черта въ характерѣ сказки. Пѣсня или народное сказаніе — даже и тогда, когда фантазія принимаетъ въ нихъ огромное участіе — всегда идутъ за дѣйствительную исторію, сказка же сама говоритъ, что она происхожденіемъ своимъ обязана фантазіи; вѣра въ истину и правдивость сказки совершенно иная, чѣмъ въ правдивость народнаго сказанія: ей вѣрятъ не потому, чтобы считали за истину внѣшнее ея содержаніе, но потому, что въ ней заключается внутренняя, идеальная истина, какъ отблескъ религіозной идеи, перешедшей изъ первоначальнаго миѳа. Вотъ почему здѣсь и фантазія дѣйствуетъ свободнѣе. Смѣлѣе, такъ сказать—легкомысленнѣе, она часто приходитъ въ столкновеніе

съ разумомъ и чувствомъ, является насмѣшка, шутка, юморъ. Эти качества не чужды и миѳу, такъ какъ и миѳъ образуется главнымъ образомъ при участіи фантазіи, — но въ сказкѣ они принадлежатъ къ существеннымъ, характеристическимъ мотивамъ.

Эта общая характеристика сказки, какъ поэтической формы, намъ показалась необходимою затѣмъ, чтобы привести въ надлежащую ясность вопросъ объ отношеніи сказки къ миѳологіи. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что даже и въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ родъ поэзіи живетъ до сихъ поръ въ народѣ — онъ представляетъ собою не иное что, какъ *поблекшіе старинные миѳы*: измѣнились и мѣсто дѣйствія, и дѣйствующія лица, вмѣсто области воздушной разсказъ перенесенъ на землю, хотя, какъ бы помня свое незсмное происхожденіе, онъ рѣдко сидитъ на ней прочно и проводитъ своего героя по многимъ подземнымъ и надземнымъ областямъ; вмѣсто боговъ, дѣйствовавшихъ въ первоначальномъ миѳѣ, выступили обыкновенные люди, отношенія которыхъ устроились уже совершенно по образцу человѣческаго быта, со многими бытовыми подробностями, какихъ не могло быть въ миѳѣ; величіе физической силы замѣнилось силою нравственною, хитростью и смышленностью, прибавились цѣлые исторіи и поэтическіе эпизоды; но несмотря на все это, миѳическое зерно уцѣлѣло, какъ главный мотивъ, какъ смыслъ сказки: оно сквозитъ изъ-за искаженій времени и позднѣйшей романической обстановки. Наука давно уже оцѣнила важное значеніе сказки по отношенію къ миѳологіи, но, кажется, эта мысль долго не имѣла прочной ученой заручки, она была болѣе предчувствіемъ, чаяніемъ, чѣмъ строго сознанною и доказанною истиною: изслѣдователи не разъ пытались объяснять сказки и сказками объяснять языческую старину, но выходила страшная разноголосица: одни, не принявъ во вниманіе космополитическаго значенія сказки, искали въ ней исключительной народности, приписывали, напримѣръ, исключительно славянскому язычеству то, что только принадлежало ему только, какъ равная часть общаго родоваго имущества, доставшагося всѣмъ родственнымъ племенамъ отъ эпохи первоначальнаго еди-

нения; другіе — позволяли себѣ домыслы и догадки совершенно личные, шедшіе не отъ самаго предмета, а отъ личнаго каприза и отъ особаго образа мыслей изслѣдователя. Такія попытки не исчезли еще и понынѣ: стоитъ прочесть, напримѣръ, миѳологическія толкованія сказокъ извѣстнаго Вольфг. Менцеля (въ I т. его соч. «Deutsche Dichtung». St. 1858 г.), или объясненія барона Шеппинга и г. Безсонова, чтобы убѣдиться, что отсутствіе прочнаго критеріума изслѣдованія, а отсюда — произволъ и прихоть толкованій еще не могутъ быть признаны явленіями давно прошедшими въ наукѣ о народной поэзіи. А между тѣмъ и достовѣрный критеріумъ изслѣдованія и прочный, строгій методъ—существуютъ, ихъ даетъ намъ *сравнительная миѳологія*; разногласія и здѣсь не мало, но только относительно частностей: общая точка зрѣнія, общіе пріемы изслѣдованія установились прочно и правильно. Новѣйшія изслѣдованія въ этой области (А. Куна, Рохгольца, чеха Гануша[1]) и др.) представляютъ такое тожество въ воззрѣніяхъ, методѣ изслѣдованія и результатахъ, что прочность новой науки должна быть признана за положительную истину, если не объяснять этого тожества вліяніемъ *одной* школы! То же самое доказываетъ и г. Аѳанасьевъ, на обильныя *примѣчанія* котораго мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей: здѣсь они могутъ найти прекрасные образцы приложенія сравнительнаго метода къ разработкѣ миѳологіи русскихъ народныхъ сказокъ; можно оспаривать объясненія нѣкоторыхъ частностей, но въ цѣломъ нельзя не согласиться съ почтеннымъ издателемъ и не признать справедливости его пріемовъ. Одно, чтó можетъ смутить читателя, непривыкшаго къ этого рода изслѣдованіямъ, это — отсутствіе общихъ положеній сравнительной миѳологіи, почему издатель употребилъ именно *эти*, а не *иные*

---

1) Называя Гануша, мы разумѣемъ такіе труды его, какъ: «Дѣва, златовласая богиня славянъ», 4 Пр. 1860, «Объ ученомъ объясненіи славянскихъ сказокъ», 7 Пр. 1862, а не прежнія мечтанія о *славянскомъ миѳѣ*, мечтанія, отъ которыхъ онъ самъ отказался впослѣдствіи.

способы объясненія, имѣлъ *это*, а не *иное* воззрѣніе на миѳологію сказки. Предназначая свое изданіе, главнымъ образомъ, для изслѣдователей, г. Аѳанасьевъ не счелъ нужнымъ объясняться по этому поводу: нѣкоторыя общія воззрѣнія разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ его примѣчаній, но вообще же онъ полагалъ ихъ достаточно извѣстными; но рецензентъ — говорящій съ читающей публикой — не имѣетъ этого права, потому онъ долженъ представить *оправдательную* статью къ разбираемой книгѣ. Исполняемъ это тѣмъ охотнѣе, что надѣемся снять съ почтеннаго издателя незаслуженный упрекъ, какой намъ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ читателей его книги, упрекъ въ произвольности объясненій. Уже болѣе полустолѣтія наука считаетъ за доказанную истину, что Индусы, Персы, Греки, Римляне, Кельты, Нѣмцы, Литовцы и Славяне суть разрознившіеся члены одной общей семьи, называемой обыкновенно арійскою или индо-европейскою. Сравнительное языкознаніе показало, что еще въ отдаленнѣйшую эпоху, во время, предшествовавшее распаденію этой семьи на отдѣльныя племена и народности, она достигла уже извѣстной степени нравственной и физической культуры, знала начала земледѣлія, имѣла свои обычаи, религію и общественное устройство. Къ этому же времени должно отнести и первыя основы поэтической миѳологіи индо-европейскаго племени: тщательное сравненіе миѳологическихъ представленій различныхъ народовъ, пошедшихъ отъ этого корня, убѣждаетъ насъ, что, несмотря на видимое этнологическое качественное и количественное различіе ихъ миѳологій, основа, закладка, первичное зерно ихъ — одно и то же у всѣхъ этихъ народовъ; оно обще имъ не какъ простое независимое произведеніе человѣческаго духа, дающаго одинакій результатъ при одинакихъ жизненныхъ условіяхъ, но какъ явленіе *общеродственное*, какъ наслѣдіе, вынесенное отдѣльными народностями изъ эпохи своего первоначальнаго этнологическаго единства и сохранившееся то въ измѣненномъ, то въ своемъ древнемъ суровомъ видѣ. Еще слѣдуя одному только сравненію миѳическихъ образовъ и представленій, преданій и по-

вѣрій этихъ народностей—можно сомнѣваться въ справедливости такой мысли, такъ какъ не всегда имѣется прочное ручательство, что сравниваемыя представленія дѣйствительно *родственно-тожественны*, а не *сходны* только случайнымъ внѣшнимъ образомъ, не возникли путемъ внѣшняго заимствованія, или вслѣдствіе одинакихъ условій матеріальной и нравственной жизни народовъ; но когда строгій лингвистическій разборъ миѳологической терминологіи предлагаетъ прочную опору этой мысли, показывая тожество многихъ миѳологическихъ наименованій, тогда она получаетъ значеніе неопровержимой истины и, такъ сказать, оправдываетъ сравнительныя сближенія самихъ *предметныхъ* миѳологическихъ представленій. Изслѣдователю здѣсь предстоитъ не легкая задача: онъ долженъ извлечь общія миѳическія начала изъ позднѣйшаго матеріала, потерпѣвшаго на долгомъ жизненномъ поприщѣ различныя крушенія и видоизмѣненія. Это пытались сдѣлать съ успѣхомъ нѣкоторые нѣмецкіе ученые (назовемъ Куна, Шварца, Маннгардта), это съ не меньшимъ успѣхомъ пытался сдѣлать и г. Аѳанасьевъ относительно русской народной сказки. Главная мысль его объясненій та, что въ сказочныхъ существахъ, ихъ похожденіяхъ, борьбѣ съ другими, смерти или побѣдѣ, народъ олицетворилъ—конечно, путемъ безсознательнаго наивнаго творчества — важнѣйшія явленія изъ жизни природы и преимущественно явленія весеннія, когда атмосфера и природа вся находится въ возбужденномъ состояніи и представляетъ собою какъ бы борьбу растревоженныхъ элементовъ. Дѣйствительно, *сказка*, мы сказали, есть миѳъ *поблекшій* и *пересаженный на землю* и притомъ—не забудемъ—миѳъ первоначальный, возникшій не на особной народной почвѣ, но на племенной, индо-европейской. Чтó же было въ эту эпоху предметомъ миѳовъ, чтó сообщало имъ содержаніе? Земля не могла въ началѣ оказать сильнаго вліянія на воображеніе первобытнаго человѣка: вѣчная и чуждая внезапныхъ перемѣнъ и потрясеній, она могла занять его умъ и нисколько не потревожить его воображенія; сверхъ того, она была въ слишкомъ близкихъ связяхъ съ человѣкомъ, слиш-

комъ послушна и уступчива его велѣніямъ, чтобы вызвать въ немъ религіозный трепетъ, растревожить душу и фантазію. Земля не могла быть предметомъ вѣрующей поэзіи первобытнаго человѣка (мы говоримъ о первобытномъ человѣкѣ такъ-называемыхъ *активныхъ расъ*). Но на твердомъ голубомъ небесномъ сводѣ человѣкъ видѣлъ постоянное движеніе и смѣну, здѣсь всегда происходило что-нибудь, что̀ возбуждало его чувство, вызывало вниманіе и тревожило умъ. Въ особенности внезапныя и грозныя явленія съ сферѣ воздушной производили на него сильное и глубокое впечатлѣніе: предъ ихъ могуществомъ и силою онъ вполнѣ чувствовалъ свое безсиліе и слабость, отъ нихъ зависѣло благосостояніе природы и самаго человѣка. Задумываясь о причинѣ такихъ явленій, ему естественно было прійти къ понятію причины дѣйствующей, одушевленной и самопроизвольной: эти силы дѣятельныя и безпокойныя, то злобно скрывающія радостное небесное свѣтило, то снова очищающія дорогу его побѣдному шествію—кто они? Кто эти существа, поражающія землю зноемъ и засухою и снова оживляющія ее небесною влагою, погружающія всю природу въ сонъ и окаменѣніе и снова съ бурною грозою вызывающія ее къ жизни и радостямъ? На эти вопросы не могъ дать отвѣта спокойный разсудокъ, еще не имѣвшій точки опоры въ положительномъ знаніи: за него отвѣчала юношески наивная, то игривая, то возвышенная фантазія. Понятно, что она могла отвѣчать только созданіемъ боговъ живыхъ, дѣйствующихъ, борющихся, побѣждающихъ и побѣждаемыхъ. Такимъ образомъ, олицетворились явленія воздушной сферы: человѣкъ перенесъ на нихъ отвлеченную отъ самого себя и другихъ земныхъ существъ и неодушевленныхъ предметовъ—идею дѣйствія, образа или формы: идею *иного* дѣйствія, иной формы онъ не могъ себѣ вообразить; но такъ какъ рядъ послѣдовательныхъ положеній и дѣйствій слагается въ цѣлую исторію, то изъ послѣдовательнаго ряда природныхъ явленій развились разсказы о жизни и подвигахъ небожителей, разсказы, называемые *миѳами*. При такомъ безсознательномъ, можно сказать роковомъ стремленіи къ олице-

творенію, къ метафорѣ, всѣ понятія древняго человѣка о природѣ должны были превратиться въ поэтическую миѳологію; впечатлѣнія, производимыя явленіями природы на человѣка, были необыкновенно разнообразны и живы: одно и то же явленіе часто производило нѣсколько разныхъ впечатлѣній, и на оборотъ — разныя явленія нерѣдко производили одинаковое впечатлѣніе; отсюда эта роскошь миѳологическихъ олицетвореній и метафоръ, сближающихъ между собою самые разнообразные предметы и раздѣляющихъ самые близкіе: одно и то же явленіе природы олицетворяется въ разныхъ формахъ и образахъ, для олицетворенія разныхъ явленій часто употребляется одинъ и тотъ же образъ, такъ напримѣръ, *облака* представлялись то въ видѣ *скалъ*, то какъ *озеро*, *дерево*, какъ *косматая кожа*, какъ *лебедь*, *ревущая корова*, ниспосылающая молоко на землю, какъ *корабль*, какъ *плащъ* или иная одежда; *радуга* олицетворялась въ образѣ *моста*, *лука* съ молніеносною стрѣлою, *пояса*, *ожерелья*, *остраго серпа*, въ образѣ послѣдняго олицетворялась также и самая *молнія*, и т. д.

Всѣ эти образы — взяты ли они изъ природы неорганической и неодушевленной, или заимствованы отъ существъ одушевленныхъ: птицъ, звѣрей и самаго человѣка, находились не въ неподвижныхъ, остывшихъ формахъ, но измѣнялись сообразно эпохамъ племенной жизни: въ періодъ быта кочевого, пастушьяго и охотничьяго — они были одни, въ земледѣльческую эпоху возникали другіе, потому изслѣдователь по нимъ однимъ можетъ до нѣкоторой степени слѣдить развитіе племенной жизни, ея до-историческую исторію, хотя, конечно, это еще самая слабая сторона современной науки, сравнительной миѳологіи и исторіи культуры. Приведемъ примѣръ. Такъ-называемый *животный эпосъ*, гдѣ дѣйствуютъ звѣри, какъ существа разумно-нравственныя — когда могъ возникнуть онъ и къ какой эпохѣ племенной жизни должно отнести его происхожденіе? Конечно, не въ тревожномъ бытѣ звѣролововъ, недопускавшихъ разумно-нравственнаго начала въ звѣряхъ и относившихся къ нимъ враждебно, и не въ

спокойной эпохѣ осѣдлой земледѣльческой жизни — должно искать корня животной сказки: создать ее могла только жизнь пастушеская, когда человѣкъ, неразвлекаемый посторонними заботами, имѣлъ столько случаевъ вникать въ природу звѣрей, общаться съ ними; и должно полагать, что періодъ пастушьяго быта у племени индо-европейскаго былъ довольно продолжителенъ: кромѣ слѣдовъ, оставленныхъ имъ въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ народной жизни, это подтверждается довольно широкимъ распространеніемъ животной сказки у всѣхъ народовъ арійскаго корня.

Итакъ, не правъ ли былъ г. Аѳанасьевъ, когда, понимая, что сказки суть остатки миѳовъ, онъ при объясненіяхъ ихъ держался миѳологическаго объясненія и сказочные образы понималъ, какъ олицотворенія, метафоры природныхъ явленій и преимущественно явленій быстрыхъ, мгновенныхъ, движеній вѣтра, облаковъ, грозы, грома? Кто бы вмѣстѣ съ д-ромъ М. Мюллеромъ[1]) захотѣлъ держаться *исключительно* солнечной теоріи объясненія миѳовъ, тотъ, конечно, во многомъ разойдется съ г. Аѳанасьевымъ, но, намъ кажется, въ этомъ случаѣ онъ разойдется и съ главнѣйшими положеніями всей науки сравнительной миѳологіи.

Имѣютъ ли народныя сказки, кромѣ миѳологическаго, еще *иное* значеніе, допускаютъ ли онѣ *иныя* объясненія — объ этомъ рѣчь впереди.

Странная участь выпала на долю русской народной сказки: со времени ея появленія и образованія до вчерашняго, можно сказать, дня она не имѣла исторіи, никого не воодушевила къ поэтической обработкѣ ея матеріала, никому не внушила мысли создать на ея основѣ художественную новеллу, разсказъ, или романическую повѣсть. Какъ будто она прошла даромъ для исторіи русской литературы, какъ будто благотворная теплота и искренность ея согрѣвала одного только простолюдина и оказы-

---

1) Образцовый русскій переводъ превосходной «Сравнительной миѳологіи» Макса Мюллера исполненъ Н. М. Живаго и появился въ V т. Лѣтописей русской литературы и древности, изд. г. Тихонравовымъ.

валась несостоятельною и низкою относительно человѣка образованнаго! Правда, на страницахъ исторіи русской литературы кое-гдѣ мелькаетъ стремленіе сообщить сказочному матеріалу художественную обработку; но до половины прошлаго вѣка это стремленіе не имѣло смысла свободнаго художественнаго творчества: сказка — противъ воли литератора — вторгалась въ исторію, окрашивала своимъ цвѣтомъ историческую быль и шла за вѣрную историческую дѣйствительность. Повѣствовательная легендарная наша литература XIV—XVI вѣковъ можетъ представить нѣсколько примѣровъ такой помѣси сказочныхъ мотивовъ съ историческимъ матеріаломъ; само собою разумѣется, что сочинитель этихъ назидательныхъ повѣствованій былъ далекъ отъ мысли свободно воспользоваться сказкою для сообщенія художественнаго интереса своему разсказу: имѣя въ виду одно только спасеніе души, благочестивое назиданіе, онъ былъ далекъ вообще отъ всякихъ литературныхъ цѣлей, не понималъ и не могъ понять ихъ смысла и значенія. Онъ бралъ готовый матеріалъ, ни сколько не подозрѣвая, что дѣйствительность и правда здѣсь вставлены въ широкія рамы фантастической *складки* и изобилуютъ сказочными подробностями, и, нѣтъ сомнѣнія, если бы на минуту подобная мысль запала въ голову нашего благочестиваго писателя, онъ бросилъ бы перо и никогда не рѣшился бы на такое еретическое литераторство. Ясно, что если русскія легендарныя повѣствованія и важны для исторіи народной сказки, то уже никакъ не въ смыслѣ свободной художественной ея обработки. Не могутъ въ этомъ отношеніи похвалиться и особенною важностью и значеніемъ попытки образованныхъ русскихъ литераторовъ прошлаго и текущаго столѣтія: Чулковъ, передѣлывавшій нѣкоторыя русскія сказки, какъ намъ кажется, былъ совершенно далекъ отъ художественно-литературныхъ цѣлей и имѣлъ въ виду угодить вкусу особаго круга читателей, для которыхъ занимательность разсказа заключалась лишь въ фантастической нелѣпости, скандальной интригѣ и грязныхъ подробностяхъ; романтическое направленіе, въ лицѣ Жуковскаго, въ

русской сказкѣ не нашло предмета, достойнаго для художественнаго воспроизведенія и предпочло лучше обработать нѣмецкую сказку, чѣмъ обращаться къ родному творчеству; художественные пересказы русскихъ сказокъ Пушкина, оставаясь урокомъ для будущихъ поэтовъ, представляютъ не болѣе, какъ пробы геніальнаго пера промежъ прочихъ серіозныхъ литературныхъ занятій; однѣ только попытки г. Даля сообщить русской сказкѣ литературную обработку — имѣютъ видъ серіозной литературной мысли; но за то исполненіе не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ; оно чуждо художественнаго элемента: лишивъ сказку первобытной ея наивности и свѣжести красокъ, г. Даль, взамѣнъ этого, далъ ей лишь холодныя, а иногда и скучныя подробности.

Такова, въ общихъ чертахъ, незавидная литературная судьба русской народной сказки. Не ясно ли, что она не имѣла гражданскихъ правъ въ русской литературѣ, что всѣ попытки художественной ея обработки — попытки случайныя, не твердыя и, быть-можетъ, боязливыя! Въ западной Европѣ народная сказка представила богатый матеріалъ для художественныхъ литературныхъ произведеній, она свободно переходила въ новеллу, повѣсть и даже романъ, а у насъ цѣлые вѣка она оставалась безплодна для литературнаго дѣла. Причина такого явленія лежитъ, конечно, въ исключительности направленій, господствовавшихъ въ русской литературѣ, и нельзя, говоря правду, не пожалѣть, что подъ вліяніемъ этой исключительности, безвременно и безплодно погибло столько роскошныхъ цвѣтовъ народнаго творчества, полныхъ здоровой силы и свѣжести!

Попытка вознаградить потерянное, возвести сказку на степень художественнаго разсказа или повѣсти — едва ли не должна быть признана запоздалою въ отношеніи къ современному образованному обществу: оно оставило далеко позади за собою и самое содержаніе сказки, и образъ ея воззрѣнія; оно не можетъ довольствоваться ими, потому что не довольствуется вообще одною художественностію произведеній, а требуетъ отъ нихъ и современной мысли; только для дѣтскаго міра и для простолю-

дима такія попытки не только желательны, но и крайне необходимы — въ этомъ-то, по нашему мнѣнію, и заключается современное литературное значеніе народной сказки; въ другихъ отношеніяхъ она принадлежитъ исторіи, становится предметомъ науки, къ которой мы и возвращаемся теперь.

Незначительность вліянія русской сказки на развитіе литературы и недостатокъ свидѣтельствъ о судьбѣ ея — даютъ ли право историку русской литературы исключить ее изъ круга предметовъ своей науки? Несмотря на незрѣлость этой науки, до сихъ поръ ни одинъ историкъ ея [1]) — каковы бы ни были его воззрѣнія — не рѣшался на такое исключеніе: уже одно то, что сказка и пѣсня суть единственныя поэтическія формы, которыми пользовался простой неграмотный простолюдинъ въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ—достаточно свидѣтельствуетъ объ ихъ историко-литературной важности. Весь вопросъ въ томъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на сказку, съ какой стороны подойти къ ней, если она не имѣетъ опредѣленной исторіи [2]). Мы думаемъ, что литературная оцѣнка сказки можетъ быть только *художественно-бытовая*. Трудно понять значеніе сказки для народа, мѣряя ее одною мѣркою искусства: сказка нравится простолюдину не потому только, что въ художественныхъ образахъ представляетъ идеальную истину, но и потому, что самая обстановка сказки, бытъ ея — близкій, или фантастически-далекій отъ

---

1) Одинъ г. Шевыревъ дѣлаетъ въ этомъ случаѣ исключеніе, но и онъ, повидимому, оберегалъ разсмотрѣніе сказки для одного изъ послѣдующихъ выпусковъ своего труда.

2) Есть, впрочемъ, возможность до нѣкоторой степени отдѣлить эпохи въ ростѣ и развитіи сказокъ, по крайней мѣрѣ можно сказать, какая сказка — древняя и какая — позднѣйшаго происхожденія. Такъ, гдѣ главный мотивъ сказки вращается среди обыкновенныхъ людскихъ отношеній, гдѣ дѣйствуютъ простые смертные, гдѣ менѣе чудеснаго миѳологическаго элемента — тамъ можно сомнѣваться въ глубокой древности. Конечно, сказка можетъ спуститься съ миѳологической высоты до низменной житейской обстановки, но никогда она не возвыситъ простыхъ людскихъ отношеній до миѳологическаго чудеснаго, потому можно ошибаться на счетъ позднѣйшаго происхожденія сказки, но трудно ошибаться и не отличить дѣйствительно древней сказки.

слушателя и разсказчика, есть быть не будничный, потому что онъ даетъ пищу для мечты, иногда самой отрадной, успокоительной мечты, иногда тревожной, но во всякомъ случаѣ — благодѣтельной. Заманчиво рисуя торжество угнетаемаго, побѣду правды и добра, сказка поддерживала въ народѣ душевную энергію, такъ часто изнемогавшую подъ тяжестью житейской нужды и тревоги; она будила и вызывала новыя силы для борьбы съ жизнью, однимъ словомъ — имѣла не только художественное, но и жизненное значеніе. Съ этой точки зрѣнія сказка является однимъ изъ незримыхъ, но дѣятельныхъ началъ въ исторіи народа: что при другихъ обстоятельствахъ дѣлаетъ наука.

Какъ произведеніе художественно-бытовое, сказка является предметомъ, необыкновенно важнымъ въ исторіи литературы: до появленія письменности, она, вмѣстѣ съ пѣснею, наполняетъ цѣлый періодъ литературной дѣятельности народа, и потомъ долго, цѣлые вѣка, остается любимѣйшею формою, отвѣчающею его поэтическимъ и литературнымъ потребностямъ.

Не малые матеріалы предлагаетъ сказка и для *исторической эстетики*, именно въ опредѣленіи того, какъ самъ народъ понималъ *красоту* и преимущественно *красоту человѣка*, такъ какъ во взглядѣ на искусство и природу народъ до сихъ поръ держится прикладного практическаго взгляда и на первый планъ всегда ставитъ вопросъ объ удобствѣ и пользѣ, мало заботясь о художественномъ наслажденіи. Если эстетикѣ, наукѣ нынѣ почти всѣми забытой, суждено поюнѣть и обновиться, то она не пройдетъ мимо драгоцѣннаго матеріала, представляемаго народной поэзіей, сказкой и еще болѣе пѣсней.

Разсматривая значеніе народной сказки въ исторіи литературы, встрѣчаемся еще съ однимъ чрезвычайно важнымъ вопросомъ, — мы разумѣемъ вопросъ о *литературной сказкѣ*. Въ древній, и въ особенности въ средній, періодъ исторіи нашей литературы заходили къ намъ изъ-чужи, путемъ письменности или простого изустнаго пересказа, много сказочныхъ разсказовъ, повѣстей. На русской почвѣ они или сохраняли признаки

чужеземнаго происхожденія, или, подобно монетѣ, утрачивающей свой чеканъ отъ продолжительнаго обращенія, теряли черты своей первоначальной національности, принимали русскій народный оттѣнокъ и мало-по-малу становились какъ бы русскими.

Изслѣдователю предстоитъ здѣсь благородный, хотя и не легкій трудъ: онъ долженъ отыскать и первообразъ сказки, и ближайшій источникъ, откуда она перешла къ намъ (такъ какъ часто она являлась къ намъ изъ вторыхъ и даже третьихъ рукъ!), долженъ отдѣлить свое отъ чужаго, объяснить всѣ усвоенія и передѣлки чужого элемента на народный ладъ, всѣ народныя привнесенія въ чужой источникъ... Понятное дѣло, что такой трудъ не легокъ: даже въ Германіи, гдѣ народная сказка обсмотрѣна почти со всѣхъ сторонъ, разработка исторіи литературной сказки только-что началась; упомянемъ имена Бенфея, Либрехта, двухъ Келлеровъ (Köhler'а и Keller'а), труды которыхъ, значительно расширяя наши понятія объ этомъ предметѣ, въ то же время даютъ чувствовать и трудность его, и необходимость самой тщательной осторожности въ конечныхъ выводахъ и результатахъ. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, пока не будутъ выполнены всѣ названныя нами условія исторической критики, едва ли наука можетъ пользоваться литературной сказкой, какъ историческимъ памятникомъ извѣстнаго времени: согласіе такого произведенія съ началами русской жизни, русская обстановка, даже русскія имена — еще не представляютъ ручательства въ его русскомъ происхожденіи: часто это историческій призракъ, который разсѣевается сравнительнымъ изслѣдованіемъ предмета. Примѣры увлеченія подобными призраками не рѣдки у насъ. Мы приведемъ два изъ нихъ, какъ доказательство необходимости ученой осторожности въ дѣлѣ историческихъ выводовъ изъ народныхъ произведеній.

Въ 5—6 № «Русскаго Архива», за истекшій годъ, напечатана любопытная сказка объ искусномъ ворѣ Шибаршѣ (простонародное русское нарицательное имя бродяги, пройдохи), любопытная и по содержанію, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ

является Иванъ Васильевичъ Грозный, и по тѣмъ историческимъ объясненіямъ, какія она вызвала со стороны г. Бѣляева 2-го (Ил. В.). Мы не обинуясь признали бы справедливость этихъ объясненій, если бы противъ г. Бѣляева не говорилъ одинъ очень важный въ этомъ случаѣ историко-литературный фактъ: изслѣдователь принимаетъ эту сказку *за чисто-народное русское произведеніе*, объясняетъ ее русскою исторіею, русскимъ бытомъ и обстоятельствами; а сравнительная исторія литературы говоритъ, *что эта сказка не русская, что она не возникла среди народа, а зашла въ него путемъ литературнымъ*, что народъ взялъ готовое содержаніе и перевелъ его на русскую жизнь, пріурочилъ только къ родной исторіи. Если послѣднее справедливо, то и весьма рѣшительныя объясненія г. Бѣляева не могутъ быть признаны за вполнѣ справедливыя. Похожденія искуснаго и ловкаго вора — главный мотивъ нашей сказки — составляютъ предметъ многочисленныхъ народныхъ разсказовъ не только въ Европѣ, но и въ Азіи и даже въ Африкѣ. Не затрудняя нашихъ читателей библіографическими справками по этому предмету, мы отсылаемъ ихъ къ изданіямъ Гримма, Келлера и Либрехта[1]), гдѣ они найдутъ подробную и обстоятельную его литературу; выскажемъ только, къ чему привело насъ тщательное разсмотрѣніе нашей сказки сравнительно съ однородными произведеніями прочихъ народовъ: какъ въ общемъ ходѣ разсказа, такъ и въ большинствѣ эпизодовъ сказка о Шибаршѣ обнаруживаетъ чужое происхожденіе; собственно русскихъ важныхъ историческихъ эпизода — два: 1) Иванъ Васильевичъ подговариваетъ Шибаршу обокрасть царскую казну и получаетъ за это отъ него заушеніе, 2) царь чрезъ Шибаршу узнаетъ о

---

1) *Grimm's* Kinder- und Hausmärchen, pars 3, стр. 260—1. *Keller*: «Les Romans des Sept sages», стр. CXCIII—VII; *его же*: Diocletianus Leben v. Hans v. Bühel. 1841, стр. 55—6; *Liebrecht*: Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen. 1851; стр. 263—4. Та же сказка находится и у Чулкова, ч. 6-я (1820 г.), стр. 32—53, и въ нѣсколько отличномъ, сокращенномъ видѣ у Аѳанасьева, ч. VI, № 10.

намѣренія министра (?) извести его лютымъ зельемъ. На эти русскіе эпизоды и слѣдовало бы обратить особенное вниманіе при сравнительномъ разборѣ сказки[1]); остальныя русскія черты, не встрѣченныя нами въ иноземныхъ сказкахъ, совершенно незначительны: онѣ остались безплодны даже для широкой мысли г. Бѣляева. Но имѣя въ виду несомнѣнный чужеземный источникъ сказки, имѣетъ ли право изслѣдователь, основываясь только на двухъ вышезамѣченныхъ русскихъ эпизодахъ, да на русскомъ складѣ сказки—имѣетъ ли онъ право утверждать, что герой сказки Шибарша есть представитель русской земщины, русскаго простонародія XVI в., а не злого исчадія опричины; митрополита же, которому Шибарша «отсмѣялъ насмѣшку», считать митроп. Филиппомъ и весь этотъ эпизодъ сказки объяснять русскими историческими данными, тогда какъ объ немъ почти дословно говоритъ нѣмецкая сказка, называя только простого священника вмѣсто митрополита?

Поневолѣ пожалѣешь, что осторожность и осмотрительность въ выводахъ и заключеніяхъ еще не составляетъ отличительнаго качества многихъ нашихъ историческихъ изслѣдователей! Намъ думается, что отдѣливъ русскія черты въ этой чужеземной повѣсти, объяснивъ ихъ событіями и обстоятельствами русской жизни, г. Бѣляевъ пришелъ бы къ выводамъ не менѣе любопытнымъ, и къ тому же гораздо болѣе вѣрнымъ и для науки пригоднымъ.

Нѣчто еще болѣе странное случилось съ покойнымъ К. Аксаковымъ: въ сказкѣ о Шибаршѣ мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ дѣло съ обрусѣлою сказкою, въ которую внесены народные историческіе мотивы, но въ «Повѣсти о бражникѣ» съ перваго раза бросается въ глаза отсутствіе чисто-народнаго элемента: рѣчь книжная, содержаніе также книжное, не обличающее въ себѣ ни

1) Первый эпизодъ тѣмъ болѣе любопытенъ и важенъ, что о подобномъ происшествіи съ Грознымъ упоминаетъ Коллинсъ въ X главѣ своего сочиненія «О нынѣшнемъ состояніи Россіи».

іоты русской, и, несмотря на это, когда въ первый разъ напечатана была повѣсть въ «Русской Бесѣдѣ» (1859, № 6), Аксаковъ счелъ необходимымъ приложить свое объясненіе, гдѣ, утверждая прямо, что эта повѣсть есть произведеніе, *безъ сомнѣнія, народное*, и полагая, что она заслуживаетъ многосторонняго изслѣдованія, онъ пускается въ обширное толкованіе нравственнаго смысла повѣсти, съ цѣлью защитить чистоту народнаго русскаго воззрѣнія на *веселіе жизни* [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что подобная апологія не состоялась бы, если бы покойному изслѣдователю было извѣстно, что эта повѣсть не есть произведеніе *народное русское*, а взята нашими книжниками изъ неизвѣстнаго, покамѣстъ, книжнаго источника: мы находимъ ее и у Французовъ (Méon, Recueil de fabliaux. T. III, c. 282, t. IV, c. 114), и у Нѣмцевъ (какъ говорилъ намъ одинъ знатокъ исторіи русск. лит.), и у Литовцевъ (Schleicher, Lit. Märch. p. 108). Полагать, что эта повѣсть возникла въ эпоху до-историческую единства племенъ — будетъ вопіющею нелѣпостью, а стало быть нужно предположить литературный источникъ ея, тѣмъ болѣе, что варіанты очень близки между собою и прямо свидѣтельствуютъ, что она не была и не могла быть произведеніемъ *народнымъ*.

Всего менѣе можно ожидать литературныхъ заимствованій въ тѣхъ русскихъ народныхъ сказкахъ, которыя заключаютъ въ себѣ какія-нибудь черты народнаго быта, оправдывающіяся другими историческими данными, или туземными свидѣтельствами; нужды нѣтъ, что такія черты и представленія могутъ встрѣтиться и у прочихъ народовъ индо-европейскаго корня: мы говорили уже о причинѣ такого явленія; но и здѣсь, гдѣ готовъ дать полную вѣру народности произведенія, гдѣ такъ обольстительно заманчивы дѣлаются выводы о своемъ — нужно соблюдать край-

---

1) Замѣчательно, что отъ этой «Повѣсти о бражникѣ» сочли нужнымъ отказаться и самые старообрядцы, которые уже никакъ не могутъ похвастаться разборчивостью въ уваженіи къ подобнымъ писаніямъ: въ своемъ сту «Окружномъ посланіи» (1862 г.) они отвергаютъ повѣсть, «яко отъ нѣкоего кощуна сочиненную»!

нюю, чтобъ не сказать брюзгливую, осторожность въ историческомъ употребленіи памятника: не имѣя вѣрныхъ залоговъ его народнаго происхожденія, благоразумнѣе будетъ, покамѣстъ — вовсе оставить его въ сторонѣ, чѣмъ итти, можетъ-быть, къ обманчивымъ и призрачнымъ заключеніямъ. Въ собраніи г. Аѳанасьева (т. V № 32, т. VIII, № 20) находятся двѣ редакціи сказки о томъ, какъ одинъ человѣкъ нанялся служить у богача и прослужилъ у него три года; каждый годъ, вмѣсто полнаго жалованья, онъ бралъ только по одной копейкѣ и бросалъ ихъ въ воду, говоря: «если я служилъ вѣрой и правдой — моя копейка не утонетъ». Первыя двѣ копейки потонули, но когда онъ бросилъ третью — всѣ три выплыли поверхъ воды. На эти деньги онъ купилъ котенка, который и сталъ источникомъ его богатства и счастія: въ неизвѣстномъ царствѣ водилось множество крысъ и мышей, царь и жители не знали, чѣмъ и какъ отъ нихъ избавиться; заѣзжій купецъ случайно привезъ туда этого котенка, и царь, удостовѣрясь въ его способности уничтожать вредныхъ животныхъ, купилъ его за огромную сумму денегъ, которыя купецъ, по возвращеніи на родину, и отдалъ хозяину котенка. Съ перваго взгляда очень привлекательнымъ покажется это свидѣтельство русской сказки о существованіи у насъ древняго обычая ордалій, именно *испытанія водой*. Что испытаніе водой дѣйствительно имѣло мѣсто у насъ въ старину, въ этомъ удостовѣряетъ и Русская Правда, и народные обычаи, испытанія вѣдьмъ и колдуній посредствомъ вверженія въ воду. Повидимому, русская сказка предлагаетъ еще одинъ подтвердительный документъ этого юридическаго обычая, и документъ тѣмъ болѣе важный, что онъ взятъ прямо изъ среды народа, удержавшаго въ памяти то, что̀ давно исчезло изъ практической жизни. Но осторожный изслѣдователь откажется воспользоваться свидѣтельствомъ русской сказки о существованіи у насъ юридическаго обычая испытанія водою. Причина очевидна: какъ главный мотивъ сказки, такъ, быть-можетъ, и самая подробность объ испытаніи водою чистоты денегъ—зашли въ народъ путемъ литературнаго заимствованія.

Въ средневѣковой литературѣ сказка объ обогащеніи бѣдняка чрезъ котенка, купленнаго имъ на послѣднія деньги, нашла довольно широкое распространеніе, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того освоилась, что получила даже мѣстное и историческое приложеніе: она встрѣчается въ Англіи (извѣстное сказаніе о кошкѣ Ричарда Уайттингтона, род. 1360 г.), въ Германіи, въ Даніи, въ Италіи. Иногда эта сказка разсказываетъ просто исторію обогащенія чрезъ кошку, опуская важную для насъ черту испытанія водою; иногда же (какъ, напримѣръ, въ датской Cart) прямо и почти дословно сходится съ русскою въ этой подробности; но, несмотря на всѣ историческія осложненія и различія и варіанты, основный мотивъ ея одинъ и тотъ же. Очевидно, что она могла возникнуть только путемъ литературнаго заимствованія, и дѣйствительно, извѣстный саксонскій библіографъ и историкъ литературы, Грессе, основательно изслѣдовавшій эту сказку[1]), находитъ ее и на Востокѣ. Грессе съ большою вѣроятностью предполагаетъ, что она была занесена въ Европу путешественниками въ эпоху крестовыхъ походовъ. Быть-можетъ, при дальнѣйшей разработкѣ литературной исторіи повѣстей и сказокъ, отыщется и восточный первообразъ этой сказки, но и при тѣхъ средствахъ, какими теперь располагаетъ наука, изслѣдователь также вправѣ отказать этой сказкѣ въ русскомъ народномъ происхожденіи и не принимать ее въ число свидѣтельствъ о существованіи у насъ обычая испытанія водою.

Предметомъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, мы приблизились къ послѣднему пункту нашихъ замѣчаній о значеніи народной сказки, къ *археологіи* ея.

III.

Въ какой степени сказка можетъ служить матеріаломъ при изслѣдованіи быта, народныхъ обычаевъ, правовъ извѣстнаго

1) Статья Грессе помѣщена въ энциклопедическомъ сборникѣ Рохберга: Die Wissenschaften im 19-ten Jahrhundert, т. 1-8 L. 1856 г. Она носитъ названіе «Ueber Sagenverwandtschaft»; къ нашему предмету относится стр. 570—575.

народа, иначе—въ какомъ отношеніи стоитъ сказочная поэзія къ дѣйствительному быту и его порядкамъ: имѣетъ ли она какое-нибудь историческое основаніе, или—подобно миѳологіи сказки—должна быть признана за произведеніе наивной вѣрующей фантазіи? Если не можетъ быть сомнѣнія, что миѳологическія похожденія и взаимныя отношенія боговъ, самые типы ихъ опредѣлялись въ народныхъ понятіяхъ по образу чисто-человѣческихъ дѣйствій и отношеній, по дѣйствительному, а не фиктивному быту, то еще болѣе это должно сказать о сказкѣ, такъ какъ она миѳологическое происшествіе низводитъ на землю, заставляетъ его совершаться среди обыкновенныхъ людей, въ обстановкѣ обыкновеннаго человѣческаго быта и его порядковъ! Утверждать, что при этомъ сказка *создала* особую бытовую обстановку, совершенно отличную отъ дѣйствительной—значитъ предполагать въ народной поэзіи сознательное, умышленное творчество, и притомъ творчество, обдуманною прихотью искажающее дѣйствительность. Да и могли ли подобныя произведенія разстроеннаго воображенія встрѣтить любовь и привѣтъ въ народѣ, могли ли они имѣть такое широкое распространіе, такую прочную долговѣчность? Безъ внутренней истины и правды, составляющихъ необходимое условіе всякаго поэтическаго произведенія, сказка не могла бы существовать, истина же и правда для народа опредѣляются всегда дѣйствительностью, жизненнымъ бытомъ, а не пустыми фантастическими грёзами и мечтаніями. Итакъ, обстановка сказки идетъ отъ дѣйствительнаго народнаго быта, отъ обстоятельствъ исторіи, хотя и не помѣченной событіями, опредѣленнымъ временемъ и мѣстностью, но тѣмъ не менѣе дѣйствительной и достовѣрной. Въ этомъ смыслѣ сказка становится важнымъ историческимъ памятникомъ народнаго быта, обычаевъ, нравовъ и заслуживаетъ серіознаго вниманія историка и изслѣдователя русской древности. Стоитъ бросить бѣглый взглядъ на бытовую сторону сказки, чтобы убѣдиться въ справедливости этой мысли. Развѣ не исторія и дѣйствительная жизнь создали тотъ взглядъ на семейную жизнь, какой мы находимъ въ русской сказкѣ: строгое повино-

веніе волѣ отца идетъ за нерушимый вѣковѣчный законъ, отступленіе отъ котораго всегда ведетъ за собою наказанія и несчастіе преступившихъ, и наоборотъ — покорность ей вѣнчается счастіемъ и успѣхомъ; супружеская любовь рисуется довольно слабо, преимущественно со стороны вѣрности жены; напротивъ, любовь матери къ дѣтямъ, сестры къ братьямъ — выступаютъ въ довольно яркихъ очертаніяхъ; отношенія отца къ дѣтямъ не обнаруживаютъ особенной мягкости и очень смутны, еще менѣе она видна въ отношеніяхъ между братьями, наслѣдниками отцовскаго имущества: сказка представляетъ ихъ постоянно несправедливыми и завистниками относительно младшаго брата. «Цѣлый рядъ сказокъ, скажемъ словами г. Аѳанасьева, преслѣдуетъ нелюбовь и ненависть мачихи къ падчерицамъ и пасынкамъ и излишнюю зловредную привязанность ея къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Этотъ типъ мачихи составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ указаній на особенности патріархальнаго быта и вполнѣ оправдывается и древнимъ значен[іе]мъ сиротства, и свадебными пѣснями о судьбѣ *молодой* среди чужой для нея семьи» (Пред. стр. XV).

Любопытны въ сказкахъ сословныя отношенія и занятія: впереди другихъ выступаютъ на сцену купцы, и почти всегда торгующіе за моремъ въ чужихъ краяхъ. Рѣзкаго различія сословій не замѣчается въ русской сказкѣ: всѣ они находятся между собою въ свободныхъ отношеніяхъ.

Слѣды пастушьяго и охотничьяго быта довольно значительны: любимое занятіе *охота*, и притомъ всегда съ *лукомъ*, верженіемъ *стрѣлы*, чья упадетъ далѣе, — рѣшаются и спорныя дѣла, и выборъ невѣстъ, и выборъ старѣйшины; въ нѣкоторыхъ сказкахъ занятіе пастуха разсматривается, какъ занятіе низкое, и опредѣляется въ наказаніе.

Много чрезвычайно любопытныхъ и важныхъ археологическихъ подробностей предлагаютъ наши сказки. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

1) По древне-германскому праву (Grimm Rechtsalth. 455—

61), находящему подтвержденіе въ юридическихъ постановленіяхъ народовъ Востока; грековъ и римлянъ, отецъ новорожденнаго ребенка имѣлъ право *выбросить* (exponere) его, оставить на произволъ судьбы. Поводомъ къ такому суровому обычаю бывали обыкновенно или физическіе недостатки ребенка, дѣлавшіе его неспособнымъ къ труду воинской жизни, или подозрѣнія въ незаконности его происхожденія, или, наконецъ, недостаточное существованіе его родителей. Славянскія сказки свидѣтельствуютъ, что этотъ обычай имѣлъ мѣсто и у Славянъ; но такъ какъ эти племена отличили себя въ исторіи преимущественно мирнымъ характеромъ, то сказка по большей части забываетъ настоящую причину экспозиціи и объясняетъ ее иными побужденіями (Kulda I, 289, Erben, Citanka I, such. Аѳан. I, № 13, II, № 35), иногда же, впрочемъ, прямо указываетъ на *бѣдность* (Худяк. III, стр. 126), или на подозрѣнія въ незаконности происхожденія (Аѳан. VI, № 63—66).

2) Между многими родами смертной казни, о которыхъ упоминается въ нашихъ сказкахъ, чаще всего встрѣчается *размычка конями*. Преступника привязывали къ хвосту дикой лошади, или къ нѣсколькимъ лошадямъ и пускали въ открытое поле (Аѳан. I—II, с. 266; IV, с. 148; VII, с. 24; VIII, 230; Худяк. II, 30—43; III, 6; и мн. др. Сравн. В. С. Карад. пѣсни II, стр. 114, ibid. 17—18).

Нельзя думать, что этотъ способъ смертной казни есть плодъ народнаго вымысла: дѣйствительное существованіе его въ средневѣковой старинѣ подтверждается свидѣтельствами памятниковъ древне-германской литературы (Grimm, Rechtsalth p. 692—3). Сказка возстановляетъ здѣсь забытый фактъ юридической жизни Славянъ.

3) *Выбросить тѣло усопшаго звѣрямъ на съѣденіе* (Аѳан. ск. VIII, 87), *оставить кости безъ погребенія* (Аѳан VII, 165; срав. В. Карад. пѣсни т. II, с. 197) по понятіямъ языческой старины было величайшимъ несчастіемъ для души усопшаго: она не находила себѣ покоя до поры, пока не совершено погребеніе

бренныхъ остатковъ и не справлена тризна по нихъ. Съ большею ясностью, чѣмъ въ русскихъ сказкахъ, эти понятія выступаютъ у племенъ греческихъ (Иліада, Антигона Софокла) и нѣмецкихъ (см. Simrock. Der gute Gerhard und die dankbaren Todten. 1856 г.), но нѣтъ причинъ думать, что они были чужды и славянской старинѣ, такъ какъ объ этомъ, кромѣ нѣкоторыхъ чисто-историческихъ свидѣтельствъ, мы имѣемъ довольно ясное свидѣтельство народной сказки.

Этихъ немногихъ примѣровъ, думаемъ, достаточно для убѣжденія, что сказка не пустой вымыселъ, а важный памятникъ народной жизни, драгоцѣнный матеріалъ исторической науки.

IV.

Излагая въ общихъ чертахъ значеніе народной сказки, мы очень мало сказали о самомъ изданіи г. Аѳанасьева. Возвратимся же къ нему и посмотримъ, на сколько собиратель удовлетворительно выполнилъ задачу изданія. Кому случалось имѣть передъ собою груды рукописныхъ сказокъ, разбирать ихъ, отдѣляя годное отъ негоднаго, приводить въ порядокъ, тому не покажется страннымъ, если мы скажемъ, что это работа трудная и утомительная, требующая и вниманія и умѣнія понимать цѣну и значеніе сказки. Какъ въ области прочихъ произведеній народной поэзіи, такъ и въ сказкѣ, рядомъ съ чистымъ источникомъ народнаго творчества идетъ иногда мутная струя искаженій и порчи, любопытная лишь въ отрицательномъ смыслѣ. Можно и должно не оставлять ее безъ вниманія, но дорожить ею не слѣдуетъ: и въ поэтическомъ, и въ ученомъ отношеніи это хламъ обременительный и скучный для читателя, да едва ли не излишній для изслѣдователя, въ особенности для русскаго изслѣдователя, еще нуждающагося въ самомъ необходимомъ насущномъ. Г. Аѳанасьевъ исполнилъ эту часть задачи совѣстливо и удовлетворительно: важнѣйшія сказки напечатаны въ цѣльномъ, подлинномъ видѣ, изъ другихъ того же содержанія, но менѣе важ-

ныхъ, или дурно пересказанныхъ — приведены только варіанты и отличія. Если кое-гдѣ и встрѣчается отступленіе отъ этого правила, то должно вспомнить, что начиная свое изданіе г. Аѳанасьевъ располагалъ, какъ видно, не слишкомъ богатымъ матеріаломъ и спѣшилъ подѣлиться тѣмъ, что̀ у него было; а между тѣмъ запасъ сказокъ умножался, явились новые лучшіе списки, и издатель предпочелъ снова напечатать уже извѣстное только въ лучшемъ видѣ, чѣмъ опустить его вовсе изъ-за того, что оно—хотя и по худшему списку—было напечатано прежде. Разумный изслѣдователь, конечно, скорѣе поблагодаритъ за это издателя, чѣмъ укоритъ его, тѣмъ болѣе, что число такимъ образомъ напечатанныхъ сказокъ не можетъ назваться значительнымъ сравнительно съ объемомъ всего сборника. При новомъ изданіи—мы не сомнѣваемся, что оно потребуется—такой недостатокъ исправить не трудно! За *вѣрность* изданія, за отсутствіе самовольныхъ передѣлокъ и подправокъ—на нашъ взглядъ, можетъ поручиться уже одно то обстоятельство, что даже и тамъ, гдѣ перемѣна была и желательна и необходима (какъ напримѣръ въ правописаніи, или вѣрнѣе произношеніи нѣкоторыхъ сказокъ, зависѣвшемъ не отъ какихъ-либо лингвистическихъ областныхъ особенностей, а просто отъ физическаго недостатка разсказчика, отъ личнаго коверканья словъ, см. Нар. р. ск., т. IV, № 20), г. Аѳанасьевъ вполнѣ остался вѣренъ подлиннику. Это скорѣе недостатокъ, чѣмъ достоинство, но, повторяемъ, такой недостатокъ, который прямо свидѣтельствуетъ о томъ, какъ честно обращался издатель съ памятниками народнаго творчества. Понимая преждевременность систематическаго распредѣленія сказокъ, издатель не держался никакого особаго порядка при печати и представлялъ сказки такъ, какъ онѣ накоплялись въ его рукахъ; но чтобы облегчить дѣло будущей систематизаціи, онъ всегда прибавлялъ къ каждому нумеру сказки и ссылки на иныя подобныя сказки, помѣщенныя во всѣхъ прочихъ выпускахъ. Читатель получаетъ возможность если не систематизировать весь запасъ сказокъ, то, по крайности, обозрѣть однимъ разомъ всѣ ва-

ріанты какого-нибудь сказочнаго мотива. А это далеко не послѣднее дѣло при изслѣдованіи. Излишними намъ показались частые пересказы (въ примѣчаніяхъ) содержанія сказокъ, напечатанныхъ въ текстѣ: примѣчанія имѣютъ цѣлью объясненіе сказки; никто не станетъ читать примѣчаній, не прочтя напередъ самой сказки, для чего же и для кого нужны эти вторичные пересказы, такъ какъ они, не объясняя самаго дѣла, являются только какъ внѣшняя прибавка къ дальнѣйшимъ аналитическимъ объясненіямъ!

Что касается самихъ объясненій, то мы уже имѣли случай замѣтить, что г. Аѳанасьевъ ограничился только изслѣдованіемъ миѳическаго содержанія сказки и очень мало, или почти совершенно не коснулся другихъ ея сторонъ. Это зависѣло, впрочемъ, не отъ особаго исключительнаго взгляда собирателя, или его личной прихоти: гдѣ разработка предмета только начинается, тамъ естественно ограничиться одною какою-нибудь частью, чтобы не растеряться въ разнообразіи. Сверхъ этого, кто же и когда представилъ намъ полное миѳологическое, историко-литературное и археологическое изслѣдованіе о сказкѣ? Мы видѣли, что наука о литературной исторіи повѣстей и сказокъ только что начинается, а безъ ея прочныхъ выводовъ кто отважится строить цѣлое зданіе науки о народныхъ сказкахъ? Требовать, чтобы г. Аѳанасьевъ сверхъ силъ и средствъ — исполнилъ все, значитъ не понимать развитія науки, которая нигдѣ и никогда не создается въ короткое время и за одинъ разъ. Нельзя, однако же, сказать, чтобы изданіе г. Аѳанасьева совершенно пренебрегало литературной исторіей сказокъ: въ примѣчаніяхъ предлагаются значительные матеріалы для рѣшенія этого вопроса, варіанты чужихъ сказокъ приведены тщательно и еще тщательнѣе исполнена такая работа надъ сказками русскими, напечатанными прежде или въ отдѣльныхъ изданіяхъ, или по разнымъ сборникамъ и журналамъ. Въ послѣднемъ отношеніи можно безъ преувеличенія сказать, что трудъ г. Аѳанасьева для изслѣдователя вполнѣ замѣняетъ всѣ прочія собранія и освобождаетъ его

отъ предварительныхъ библіографическихъ справокъ по этому предмету.

Но, распространяясь о достоинствахъ изданія г. Аѳанасьева, выскажемъ откровенно и то, чтó показалось намъ существеннымъ его недостаткомъ: прежде всего это—крайнее неудобство въ расположеніи примѣчаній послѣднихъ четырехъ выпусковъ: примѣчанія къ нимъ всѣ отнесены къ послѣднему (8-му) выпуску, и притомъ такимъ образомъ, что требуется значительное количество времени при пріисканіи ихъ; нумера ихъ даже не обозначены въ короткомъ указателѣ въ концѣ книги. Намъ думается, было бы гораздо лучше всѣмъ примѣчаніямъ дать нѣсколько иной порядокъ, и отнести ихъ въ отдѣльную книгу; конечно, трудно разсчитывать на расходъ ея, но за то какъ бы облегчилось пользованіе всѣмъ изданіемъ! Второй, по нашему мнѣнію, еще болѣе важный, недостатокъ заключается въ отсутствіи *алфавитнаго предметнаго указателя* книги: изслѣдователю приходится самому составлять его, а это отнимаетъ очень много времени; къ тому же, кому, какъ не опытному и навыкшему въ этого рода занятіяхъ издателю — кому же было и заняться этимъ. О пользѣ и выполнимости указателя едва ли слѣдуетъ распространяться: кто пользовался превосходными изданіями нѣмецкихъ народныхъ преданій и сказокъ А. Куна, Панцера и др., тотъ согласится въ удобоисполнимости этого дѣла и легко пойметъ, каксе огромное облегченіе для изслѣдователя представляютъ съ толкомъ составлешные предметные указатели.

Припомнивъ все, чтó было сказано нами о важномъ значеніи народной сказки, и мѣряя этою мѣркой изданіе «Русскихъ народныхъ сказокъ» г. Аѳанасьева, мы не преувеличимъ его достоинствъ, если скажемъ, что между всѣми изданіями послѣдняго времени по предмету народной русской поэзіи, оно занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, представляя богатые и драгоцѣнные матеріалы для науки о русской старинѣ и народности. Такого полнаго и обстоятельнаго изданія до сихъ поръ не существуетъ ни въ одной изъ славянскихъ литературъ.

Отъ души желая, чтобы примѣръ г. Аѳанасьева вызвалъ другіе труды въ этой, все еще темной и невоздѣланной области, заключимъ наши замѣтки пріятнымъ извѣстіемъ, что г. Аѳанасьевъ готовитъ къ изданію цѣльный большой трудъ по предмету славянской миѳологіи, а также, въ скоромъ времени, надѣется подарить русскую педагогическую литературу выборомъ сказокъ для дѣтскаго чтенія.

Поминка о С. В. Ешевскомъ.

(Читана въ засѣданіи Археологическаго Общества въ Москвѣ 18 октября 1865 года).

1865.

Почти годъ тому назадъ происходило первое обыкновенное засѣданіе нашего Общества. Каждый изъ присутствовавшихъ въ немъ вынесъ грустное впечатлѣніе, каждый невольно подумалъ, что Общество скоро должно лишиться одного изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ членовъ своихъ, что чтеніе С. В. Ешевскаго «*о свайныхъ постройкахъ*» будетъ первымъ и вмѣстѣ послѣднимъ его чтеніемъ. Вскорѣ затѣмъ онъ слегъ въ постель, съ которой ученики, друзья и товарищи подняли его, чтобы снести на мѣсто вѣчнаго покоя (1865 г. мая 30 дня). Всего два-три раза присутствовалъ Ешевскій въ засѣданіяхъ Общества, но не этою мѣркою должно мѣрить его участіе въ нашихъ трудахъ, его доброе нравственное значеніе для Общества; нельзя отрицать этого значенія: оно было — и имѣетъ полное право на добрую память и признаніе съ нашей стороны. Вотъ почему, я думаю, не неумѣстно будетъ сегодня, при открытіи 2-го года нашей дѣятельности, отдать должную справедливость заслугамъ этого честнаго товарища по наукѣ, во имя которой мы соединяемся здѣсь для общаго труда. Пусть тяжелое чувство нашей утраты хотя отчасти вознаградится доброю и правдивою о немъ поминкою.

Въ Ешевскомъ мы встрѣчаемъ рѣдкій примѣръ душевной энергіи и высокой любви къ наукѣ, уцѣлѣвшихъ среди полнаго разстройства организма и упадка физическихъ силъ: интересы знанія и науки были для него всѣмъ, онъ ими жилъ и согрѣвалъ свою недолговѣчную жизнь, ими воодушевлялся до крайней минуты послѣдняго разсчета съ жизнью. Среди общественнаго равнодушія къ наукѣ—зачѣмъ скрывать его—такой человѣкъ былъ не изъ ряда *обыкновенныхъ*: и теперь мы имѣемъ право говорить о его почтенной дѣятельности, но не то сказали бы мы, если бы судьба не обидѣла его физическими силами. Немного ученыхъ трудовъ оставилъ послѣ себя Ешевскій, но каждый изъ нихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названъ пріобрѣтеніемъ науки; археологъ и историкъ съ благодарностью помянетъ его Этнографическое введеніе въ курсъ всеобщей исторіи, его описаніе Пермскихъ древностей, его Аполлинарія Сидонія, его труды по исторіи русскаго масонства, которое составляло предметъ его любимѣйшихъ занятій въ послѣдніе годы; но грубо поступитъ тотъ, кто скажетъ, что въ этомъ немногомъ заключался весь подвигъ его дѣятельности по наукѣ: при оцѣнкѣ нравственной дѣятельности человѣка не должно забывать и того, что́ желалъ онъ сдѣлать и къ *чему стремился:* когда — за нѣсколько дней до его кончины — я посѣтилъ его, онъ былъ далекъ отъ мысли о смерти, съ одушевленіемъ говорилъ о близкой своей поѣздкѣ за *границу* (какая безсознательная горькая иронія судьбы звучала въ этихъ словахъ!) и прибавлялъ «жалко, что едва ли буду въ состояніи окончить ко 2-й книгѣ «Древностей» мою статью о свайныхъ постройкахъ, но за то критическихъ разборовъ книгъ я пришлю вамъ множество, множество. Можно ли будетъ удѣлить мнѣ для нихъ около 3-хъ печатныхъ листовъ?» Это говорилъ онъ наканунѣ смерти, и послѣ этого можно ли судить о немъ только по тому, что́ онъ написалъ или издалъ; притомъ какъ знать, что́ сдѣлано имъ въ тишинѣ, что́, можетъ-быть, было извѣстно только его близкимъ друзьямъ и знакомымъ, что́ незримо для глаза посѣяно имъ въ его слушателяхъ и что́ —

быть-можетъ — взростетъ добрымъ плодомъ![1]) Въ характерѣ Ешевскаго была еще черта, которую нельзя не цѣнить и не уважать: воспитанный въ одной изъ русскихъ гимназій, онъ вынесъ изъ нея ограниченныя познанія въ классическихъ и новоевропейскихъ языкахъ; въ университетѣ онъ усиленнымъ трудомъ познакомился съ языками латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, но греческій и другіе европейскіе языки остались для него закрытою книгою: захваченный болѣзнью, онъ не успѣлъ осилить ихъ. Этотъ недостатокъ знанія много затруднялъ его историческія занятія—и какъ нравственно тяготился онъ этимъ, какъ свято бывалъ недоволенъ своими знаніями, какъ искренно и усердно—въ ущербъ своему, и безъ того хилому, здоровью—искалъ бо́льшаго, стремился пополнить роковые пробѣлы первоначальнаго обученія... Никогда я не слыхалъ отъ Ешевскаго гордаго самодовольства или похвальбы знаніями, еще менѣе щегольства тѣмъ, что́ было ему извѣстно по слухамъ, и въ этомъ отношеніи, какъ ни странно можетъ показаться нѣкоторымъ, я не затрудняюсь назвать его *скромнымъ ученымъ*. Видѣть и сознавать недостаточность своихъ знаній, чувствовать тяжесть этого—признакъ обширнаго ума и искренней, честной любви къ наукѣ. Не часто приходится встрѣчать такую честность—и тѣмъ болѣе должно цѣнить и уважать ее. Общество считало Ешевскаго въ числѣ своихъ членовъ-основателей: вмѣстѣ съ предсѣдателемъ и секретаремъ ему принадлежитъ честь первыхъ начинаній. Всею душою отдался онъ мысли соединить разрозненныя силы для взаимной помощи и труда: когда Общество, еще до своего офи-

---

1) *Поздн. приписка.* Укажу здѣсь одинъ интересный фактъ изъ ученой дѣятельности Ешевскаго. Какъ-то разъ, оставаясь одинъ въ его рабочей комнатѣ, случайно я взялъ одну книгу съ полки. Это была пѣснь о Роландѣ въ изданіи Génin: всѣ поля мелко исписаны карандашомъ, каждая страница содержала много исправленій текста. На мой вопросъ о причинѣ, Ешевскій отвѣчалъ, что онъ *провѣрилъ* и сличалъ все изданіе съ лучшими рукописями парижской публичной библіотеки. Быть-можетъ, найдутся и другіе такіе труды его; невидны и незамѣтны для общей пользы пройдутъ они, но при оцѣнкѣ личности человѣка — непростительно забывать ихъ.

ціальнаго открытія, собиралось на квартирѣ у гр. Алексѣя Сергѣевича Уварова Ешевскій уже былъ въ полномъ смыслѣ слова *дѣйствительнымъ его членомъ;* не проходило ни одного вопроса, къ которому онъ относился бы равнодушно, его серіозное обсужденіе вопросовъ науки, его подчасъ игривая, остроумная бесѣда постоянно оживляла тѣсный кружокъ присутствовавшихъ и увлекала ихъ къ дальнѣйшему продолженію начатаго дѣла. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ Ешевскій прочелъ лекцію о швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ и новѣйшихъ открытіяхъ по части такъ-называемыхъ кельтскихъ древностей. Въ сжатомъ извлеченіи эта статья напечатана въ 1 т. «Древностей». По открытіи Общества, тотъ же самый предметъ послужилъ ему темою для чтенія въ 1-мъ обыкновенномъ засѣданіи, и многіе изъ васъ, мм. гг., конечно, помнятъ эти интересныя сообщенія, подтвержденныя объясненіемъ вещественныхъ памятниковъ изъ значительнаго собранія древностей, принадлежавшихъ покойному. Болѣзнь не остановила участія Ешевскаго въ трудахъ Общества: по званію члена редакціонной коммиссіи, онъ съ постели посылалъ намъ добрые совѣты и указанія и дѣятельно старался примирить противорѣчія, если они возникали. Можно положительно сказать, что мысль о «Трудахъ» Общества занимала послѣднія минуты его существованія. Мѣсяца за два до его кончины я принесъ ему первые отпечатанные листы; онъ обрадовался имъ, какъ ребенокъ, и просилъ присылать далѣе по мѣрѣ выхода. Несмотря на запрещенія докторовъ читать что-нибудь серіозное, онъ жадно читалъ эти листы, они возвратились потомъ ко мнѣ, и каждая страница носитъ слѣды его внимательнаго осмотра, отмѣтокъ карандашомъ его руки, уже давно повиновавшейся движенію воли. Еще когда Ешевскій былъ на ногахъ, я просилъ у него согласія напечатать въ «Трудахъ» Общества его короткій, сжатый экстрактъ изъ чтеній о швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ; онъ мимоходомъ согласился на это, но потомъ забылъ; когда же получилъ первый листъ библіографическаго отдѣла и увидѣлъ свое имя, онъ былъ глубоко тронутъ и утѣшенъ этимъ:

«по крайней мѣрѣ, говорилъ онъ, въ 1-й книжкѣ есть и моя капля, во *второй* я приготовлю вамъ много мелкихъ статей, къ *третьей* же обширную статью...» По увѣренію людей, бывшихъ при немъ до самой его кончины, послѣднею книгою, пробудившею въ немъ гаснувшую силу мысли, былъ только что вышедшій въ свѣтъ *первый выпускъ изданія нашего Общества!*

Такого честнаго дѣятеля лишилась наука, такого преданнаго, усерднаго члена лишилось наше Общество въ лицѣ С. В. Ешевскаго!

Да будетъ же — по сердечному слову народа — *земля ему перомъ!*

Помянувъ добромъ искреннія, усердныя заботы Ешевскаго о нашемъ Обществѣ, я позволю себѣ сдѣлать вамъ, мм. гг., бывшіе сочлены его, одно предложеніе: въ числѣ нѣкоторыхъ бумагъ археологическаго содержанія, оставшихся послѣ Ешевскаго и обязательно доставленныхъ мнѣ однимъ изъ близкихъ покойника, сохранились двѣ записки: одна экстрактъ статьи о свайныхъ постройкахъ, другая — начало обширной статьи о томъ же предметѣ,—статьи, предназначавшейся для «Трудовъ» Общества. Я предлагаю вамъ, мм. гг., соединивъ эти статьи въ одномъ переплетѣ съ печатною біографіей Ешевскаго, внести ихъ въ библіотеку Общества и поставить это подъ особымъ № въ каталогѣ: пусть память о дѣятельномъ членѣ-основателѣ Общества сохранится въ немъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать самое Общество.

Замѣтки о значенiи гончарныхъ знаковъ.

1867.

Замѣтка къ статьѣ гр. К. П. Тышкевича: *О сеннцовыхъ оттискахъ, найденныхъ въ рѣкѣ Бугѣ у Дрогичина* (см. Древн. I. стр. 115).

Въ своей статьѣ гр. К. П. Тышкевичъ упоминаетъ о знакахъ, какiе встрѣчаются на внѣшней сторонѣ дна сосудовъ, находимыхъ въ дохристiанскихъ, западно-русскихъ, литовскихъ и чешскихъ могилахъ. По приглашенiю А. С. Уварова почтенный археологъ доставилъ въ Общество 4 таблицы такихъ знаковъ; помѣщая ихъ здѣсь (табл. I—IV), считаемъ не лишнимъ дать мѣсто и нашей *догадкѣ* о ихъ происхожденiи и значенiи.

Въ своемъ сочиненiи «О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси» (В. 1865 г.) гр. К. П. Тышкевичъ высказываетъ предположенiе, что эти оттиски или знаки имѣли какое-то миоическое или символическое значенiе: «на многихъ изъ нихъ находятся оттиски круговъ, въ нѣкоторыхъ крестъ внутри. Кругъ — всегда означалъ вѣчность... въ соединенiи съ крестомъ онъ составлялъ миоическiй ключъ. Поэтому подобные оттиски, выдавленные на жертвенныхъ горшкахъ, ставившихся въ могилѣ, могли быть эмблемою ожидаемой въ будущности болѣе благополучной жизни, соединенной съ вѣчностью по ту сторону могилы...» Далѣе, говоря о сходствѣ этихъ западно-русскихъ и литовскихъ керамическихъ знаковъ съ подобными же знаками на разныхъ памятникахъ Чехiи, Польши, Скандинавiи, гр. К. П. выражается еще опредѣленнѣе: «Подобiе оттисковъ на жертвенныхъ горшкахъ въ странахъ, столь отдаленныхъ другъ отъ друга, отнюдь не можетъ быть случайнымъ только знакомъ мѣстныхъ горшечниковъ, какъ и мнѣ это самому казалось до сличенiя ихъ; не подлежитъ

сомнѣнію, что это *миѳы*, высказывающіе сродство упомянутыхъ народовъ въ ихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ» (см. стр. 62 и 64 l. c.). Такова догадка гр. Тышкевича. Прежде чѣмъ мы позволимъ себѣ противопоставлять ей нашу собственную, считаемъ нужнымъ замѣтить, что знаки на внѣшней сторонѣ дна могильныхъ горшковъ встрѣчаются и во многихъ другихъ мѣстностяхъ: въ Силезіи, Лужицахъ, Помераніи, Пруссіи, Мекленбургѣ, Шлезвигъ-Гольштейнѣ, Баваріи и др. Такое распространеніе ихъ уже само по себѣ заставляетъ предполагать, что они имѣли какое-нибудь значеніе; но какое — это вопросъ, который позволительно считать не вполнѣ разрѣшеннымъ и послѣ догадки гр. К. П. Тышкевича. Остановимся сначала на очевидностяхъ. Эти знаки не могли имѣть значеніе простаго украшенія съ цѣлью сообщить сосуду болѣе изящный видъ: украшенія помѣщаются на видимыхъ частяхъ сосуда, а не на *днѣ* его; украшенія всегда состоятъ изъ непрерывно повторяемыхъ симметрическихъ витковъ, ломаныхъ или прямыхъ линій: симметрія знаковъ есть первое и послѣднее условіе красоты простыхъ глиняныхъ погребальныхъ горшковъ; ничего подобнаго нѣтъ на знакахъ, о которыхъ мы говоримъ: они — не симметрически расположенныя украшенія, а *единичные* знаки. Единственнымъ путемъ къ разрѣшенію вопроса—какъ намъ кажется—можетъ служить сравненіе съ знаками, значеніе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Изъ такихъ знаковъ мы прежде всего останавливаемся на *рунахъ*. Что славянскія племена имѣли руны, образныя или звуковыя начертанія — это фактъ, засвидѣтельствованный исторіей (напр. лѣтоп. Титмаромъ, Ибнъ-Фодланомъ, мон. Храбромъ и др.): *глаголица*, быть-можетъ, стоитъ въ связи съ *чертами* и *рѣзами*, т. е. рунами; иной вопросъ: откуда взяли Славяне эти письмена, сами ли изобрѣли, или заимствов. извнѣ отъ Нѣмцевъ,— вопросъ, разсмотрѣніе котораго сюда не входитъ; довольно сказать, что у Славянъ, какъ и у Нѣмцевъ, *были руны*. Сравнимъ же теперь наши изображенія, и мы увидимъ поразительное сходство, даже полное тожество нѣкоторыхъ знаковъ съ рунами, какъ

будто остается только *читать ихъ*; но не говоря уже о томъ, что искусство чтенія этого письма Славянъ потеряно, что бывшія досель попытки объяснить его не могутъ внушать довѣрія,— представляется еще другая трудность: только нѣкоторые, весьма немногіе *знаки* горшковъ представляютъ рѣшительное тожество съ рунами, остальные же — большая часть — представляютъ совершенно обратное явленіе; они не только не сходны съ рунами, но по своей наклонности къ кругу, *звѣздѣ* и *кресту* рѣшительно противорѣчатъ руническому способу написанія. Такихъ рунъ, какъ большинство этихъ знаковъ,—нѣтъ, а потому и объяснять ихъ рунами невозможно, но можно и должно сказать, что *нѣкоторые знаки тожественны съ рунами*. Вышеприведенное объясненіе гр. К. П. Тышкевича также едва ли можетъ быть примѣнено ко всей совокупности *керамическихъ знаковъ*: если относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ можно предположить миѳъ или символическое выраженіе религіозныхъ понятій, относящихся до будущей жизни, то большинство знаковъ не покоряется никакому символическому объясненію, даже и въ томъ случаѣ, когда мы допустимъ, что только для насъ утраченъ этотъ миѳическій или символическій смыслъ, все же — остается вопросъ о его существованіи вообще, о его *возможности*: племена, ведущія природную, простую жизнь, незнакомыя еще ни съ образованностью, ни съ наукой, ни съ искусствомъ въ собственномъ смыслѣ — могутъ ли они дойти до отвлеченно-философской мысли о вѣчности и выразить ее въ такомъ неопредѣленномъ знакѣ, какъ кругъ? Сверхъ этого, зачѣмъ эта верховная мысль, этотъ символъ, не встрѣтили болѣе приличнаго мѣста для своего помѣщенія, почему они уступили видное мѣсто беззначительнымъ, нехитрымъ черточкамъ и линіямъ на открытыхъ бокахъ сосуда и скромно помѣстились на темное дно его? Чуждыя отвлеченности, мысли народа, нетронутаго образованіемъ, находятъ и выраженіе не въ отвлеченной, а въ чувственной формѣ; потому, если и предположить въ нѣкоторыхъ знакахъ смыслъ, то этотъ смыслъ долженъ быть чувственный, а не отвлеченный; знакъ долженъ выражать

видимое, осязательное подобіе извѣстнаго предмета или форму впечатлѣнія, имъ произведеннаго на душу человѣка. Въ догадкѣ почтеннаго гр. К. П. Тышкевича намъ кажется истиною та сторона ея, по которой *нѣкоторые* гончарные знаки будутъ видимымъ внѣшнимъ подобіемъ извѣстныхъ представленій и предметовъ, какъ житейскихъ, такъ и неразлучно съ ними связанныхъ — миѳологическихъ, напр. лука и стрѣлы, солнца и звѣзды; но выражали ли эти знаки болѣе связную, глубокую символическую мысль примѣнительно къ будущей жизни и погребенію — это подлежитъ сильному сомнѣнію, потому и объяснять предметъ съ этой точки зрѣнія едва ли возможно. Итакъ руны — и вмѣстѣ съ тѣмъ не руны, изображенія нѣкотор. житейскихъ предметовъ и миѳол. представленій и вмѣстѣ съ тѣмъ случайные значки, линіи и круги — все это указываетъ, что гончарные знаки не имѣютъ особаго глубокаго, такъ-сказать нарочитаго смысла примѣнительно къ погребенію; не ради ихъ существуетъ и поставляется въ могилу горшокъ, но они существуютъ ради горшка, представляя только добавочную, обходимую часть его: горшки могутъ исполнять свое погребальное назначеніе и безъ этихъ знаковъ, ибо сотни вскрытыхъ могилъ представляли горшки безъ всякихъ подобныхъ знаковъ; сколько извѣстно напр. на центральной русской территоріи до сихъ поръ не встрѣчались сосуды съ такими оттисками. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ знаками, принадлежащими не погребальному обычаю, а единственно сосудамъ. Какіе же знаки должны были принадлежать горшкамъ, и для какой цѣли, по какой причинѣ? Выше я замѣтилъ, что это не были украшенія, ибо помѣщать украшенія на внѣшней сторонѣ дна, которое, при обыкновенномъ положеніи сосуда, всегда закрыто, — болѣе чѣмъ странно; потому, кажется, эти знаки могли имѣть только единственное значеніе, значеніе *клеймъ*. И въ теперешнемъ своемъ значеніи клеймо не только обозначаетъ фабриканта, мастера или производителя извѣстной вещи, но и владѣльца, собственника; клеймо — знакъ происхожденія столько же, сколько и знакъ собственности. Въ отдаленнѣйшую эпоху, когда всѣ матеріальныя

потребности удовлетворялись запасомъ домашнихъ средствъ и силъ, раздѣленіе труда, ремесла и мануфактуры не переходили семейнаго или родового порога, не играли никакой общественной роли,—естественно, что клеймо обозначало въ одно и то же время и владѣльца, и производителя. Такое значеніе, по моему мнѣнію, имѣютъ и эти гончарныя клейма: они были знаками *домовой* собственности — haus und hofmarken, по общеупотребительному нѣмецкому термину. Мы представляемъ здѣсь таблицу (рис. XI б) изображеній такихъ марокъ, взятыхъ нами какъ изъ документовъ письменныхъ: грамотъ, завѣщаній, гдѣ онѣ замѣняютъ мѣсто подписей, такъ и съ памятниковъ вещественныхъ: зданій, погребальныхъ горшковъ, камней и т. д. № 1—3 изображаютъ марки изъ Шлезвигъ-Гольштейна (нордалбингскія); № 14—17— марки изъ Тюрингіи; № 18—19 — нѣмецкія марки, приведенныя профессоромъ Гомейеромъ въ Zeitschrift für Deutsche Mythologie; № 20—29 — марки изъ Померанія, Мекленбурга, Силезіи; № 30—47 — марки чешскія на зданіяхъ Звикова и малостранскаго моста, и наконецъ, № 48—52 — марки, употреблявшіяся на русской землѣ. Сравнивъ гончарные знаки съ марками, нельзя не замѣтить ихъ основнаго разительнаго сходства. Нѣкоторые знаки — совершенно тѣ же, другіе нѣсколько различествуютъ, и понятно почему: это различіе времени, народности, различіе матеріала, на которомъ тѣ и другія находятся: шлезвигъ-голштинскія марки взяты съ печатей 16 в. и съ письменныхъ памятн., грамотъ, завѣщаній, другія — взяты со зданій и мебели...

Но сколько бы ни было различій, достаточно, думаю, бросить лишь бѣглый взглядъ, чтобы убѣдиться, что наши гончарные знаки и германскія марки принадлежатъ къ одному и тому же роду предметовъ. Какъ тѣ, такъ и другія — знаки собственности владѣльца-производителя, символъ его лица или семьи и рода. Что такія марки съ отдаленнѣйшихъ временъ употреблялись въ Германіи, что онѣ употребляются и теперь у полудикихъ азіатскихъ кочевниковъ — это фактъ, засвидѣтельствованный наукою

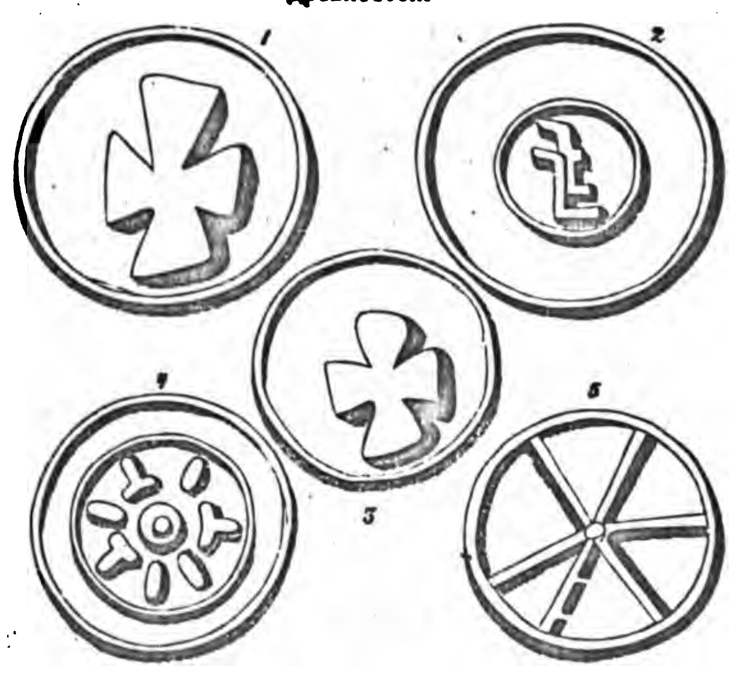
и путешественниками; что онѣ имѣли и имѣютъ мѣсто и въ теперешнемъ быту Славянъ, въ этомъ не трудно убѣдиться, обративъ вниманіе на помѣтки, котор. кладутъ наши крестьяне преимущественно на движимую собственность, скотъ или иные неодушевленные предметы. Позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе отъ главнаго предмета и представить нѣсколько соображеній объ археологическомъ значеніи домовой *марки*. Домовая марка есть извѣстный знакъ или фигура, обозначающая юридически — во всеобщее вѣдѣніе — извѣстный предметъ въ его принадлежности и лицо временнаго владѣльца предмета. По большей части марка состоитъ изъ прямыхъ линій, круга, креста, а позднѣе изъ единичныхъ буквъ алфавита. Марки находятся на дверяхъ дома, притолкахъ, оконныхъ рамахъ, старинныхъ шкапахъ, стульяхъ и другихъ домовыхъ вещахъ и утвари, на погребальныхъ камняхъ, на печатяхъ и письменныхъ документахъ вмѣсто подписи, наконецъ на живой движимой собственности, какъ у насъ на домашнемъ скотѣ. Служа съ древнихъ временъ постояннымъ знакомъ собственности, марка имѣетъ важное значеніе не только для сфрагистики, но и въ особенности для юридическихъ древностей, для бытовой старины. Маркою объясняется напр., почему въ древне-германскомъ правѣ присягающій владѣлецъ бралъ за ухо отчуждаемую скотину, при передачѣ недвижимой собственности, въ средн. вѣка передавалась и бирка съ маркою этой собственности. Послѣдній обычай существуетъ и теперь въ нашемъ простонародьи. Маркою помѣчались предметы межевые. При ближайшемъ изслѣдованіи, ихъ встрѣтится не мало и у насъ, и потому марка заслуживаетъ полнаго вниманія русскихъ археологовъ. Возвращаясь къ нашимъ гончарнымъ маркамъ, замѣтимъ прежде всего, что не было ничего естественнѣе, какъ положить марку на такой необходимый въ житейскомъ обиходѣ предметъ, какъ горшокъ. Нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, чтобы погребальные горшки у доисторическихъ народовъ средней и сѣверной Европы были какіе-нибудь особые сосуды, отличавшіеся отъ обыкновенныхъ, употребляемыхъ въ житейскомъ быту; напротивъ можно думать,

что и въ могилу они полагались съ цѣлью служить житейскимъ потребностямъ покойника, наравнѣ съ другими предметами,— утварью и вооруженіемъ: на это указываютъ остатки веществъ, въ нихъ открываемыхъ, — напитковъ и пищи. Если таково дѣйствительно было ихъ назначеніе, то не можетъ быть сомнѣнія, что они ни въ чемъ не отличались отъ обыкновенныхъ хозяйственныхъ горшковъ, и въ такомъ случаѣ явленіе *клейма* представляется намъ совершенно естественнымъ. При бѣдномъ состояніи хозяйства — а другаго для той эпохи и предположить нельзя,— и простые горшки могли быть предметомъ спора, и они составляли собственность, требовавшую юридической помѣты для доказательства своего происхожденія и принадлежности; такъ дѣйствительно должно было быть до поры, пока не возникло гончарное ремесло въ собственномъ смыслѣ, и мастерская фабрикація не замѣнила домашнее, семейное производство. При этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ первоначальныя домовыя марки собственности перешли въ ремесленныя марки производства, въ фабричныя клейма, и удалившись отъ своего первоначальнаго назначенія, конечно, перестали быть юридическимъ знакомъ собственности. Къ какому роду марокъ принадлежатъ наши гончарные знаки — я не могу сказать, за неимѣніемъ данныхъ. Немаловажнымъ обстоятельствомъ при рѣшеніи этого вопроса можетъ служить точное описаніе раскопокъ и изслѣдованіе самихъ сосудовъ. Если въ одной и той же могилѣ семейной встрѣчаются сосуды съ одними и тѣми же марками, если эти сосуды сдѣланы отъ руки, а не на гончарномъ кругѣ, если они или вовсе не обожжены или обожжены не въ гончарной печи, а на открытомъ огнѣ,—тогда можно прямо полагать, что знаки на горшкахъ суть *домовыя марки собственности*: всѣ обстоятельства указываютъ прямо на до-ремесленный періодъ гончарнаго производства, а въ этотъ періодъ— марки не могли имѣть другаго значенія, какъ только знаковъ собственности; если же, напротивъ, въ одной и той же могилѣ—предполагаю могилу не разновременную — встрѣчаются горшки съ *разными* знаками, если эти горшки выдѣланы на гончарномъ кругѣ,

по правиламъ гончарнаго ремесла, обожжены въ гончарной печи, то знаки, на нихъ изображенные, нѣтъ сомнѣнія, принадлежатъ уже къ фабричнымъ клеймамъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти обстоятельства мнѣ неизвѣстны, и относительно гончарныхъ оттисковъ, присланныхъ въ Общ. гр. Тышкевичемъ, я не могу ничего сказать: были ли это знаки собственности или просто фабричныя клейма. Нахожу нужнымъ прибавить еще нѣсколько словъ о самыхъ знакахъ. Я указалъ, что, во 1-хъ, они сходны съ рунами, во 2-хъ, они не всегда случайно придуманы, они имѣютъ какое-нибудь значеніе. Ученый изслѣдователь германскихъ марокъ Михельсенъ («Die Hausmarke» 1853, стр. 11) говоритъ, что тотъ рѣшительно зашелъ бы слишкомъ далеко, кто отважился бы предположить, что домовыя марки произошли именно изъ рунъ, которыя онѣ такъ сильно напоминаютъ, но что, впрочемъ, нельзя отрицать въ нѣкоторыхъ домовыхъ и фамильныхъ клеймахъ присутствія азбучнаго элемента. Зная, что у Славянъ были руны— и можетъ-статься руны звукового характера, что эти руны такъ сходны съ нѣкоторыми горшечными клеймами — нельзя ли предположить, что онѣ обозначали первые звуки имени владѣльца?— предположеніе, правда, глухое, но и его опустить нельзя, потому что оно представляется само собою, хотя доказать его, пока, нельзя, да и доказавъ, нельзя извлечь изъ него пока никакого вывода. Другіе гончарные знаки напоминаютъ нѣкоторые миѳическіе символы природы, напр. колесо—миѳическое представленіе солнца, молотъ — громовой молніи; нѣтъ сомнѣнія, что они произошли изъ миѳическаго міросозерцанія, но ставъ условнымъ знакомъ собственности, они, кажется, отрѣшились отъ своего религіознаго основанія, остались лишь *знаками*, *клеймами* и разсматриваются народомъ, какъ простыя клейма. Впрочемъ, и объ этомъ предметѣ трудно сказать что-нибудь положительнаго: доисторическая древность еще такъ мало намъ извѣстна!

Представляемъ наше предположеніе о связи керамическихъ знаковъ съ марками собственности въ видѣ *простой догадки*, потому и воздерживаемся до-поры-времени отъ дальнѣйшихъ из-

Дна жертвенныхъ горшковъ найденныхъ въ дохристіанскихъ славянскихъ могилахъ хранящихся въ Виленскомъ музеѣ древностей.

Дна горшковъ хранящихся въ частной коллекціи древностей графа К. Тышкевича въ Логойскѣ.

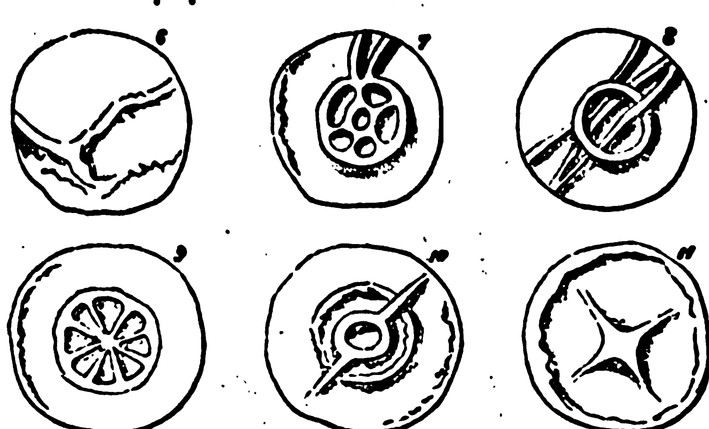

Табл. III. Къ стр. 65—73.

Дна горшковъ хранящихся въ Народномъ Чешскомъ музеѣ древностей въ Прагѣ.

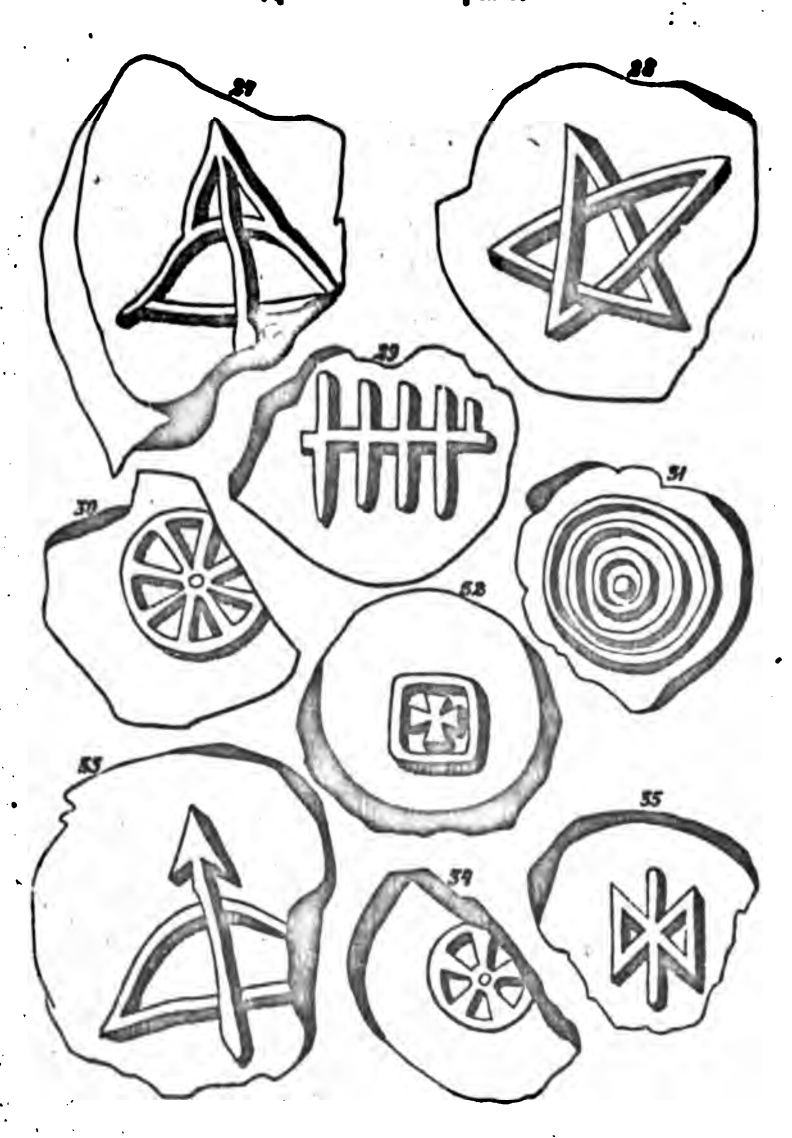
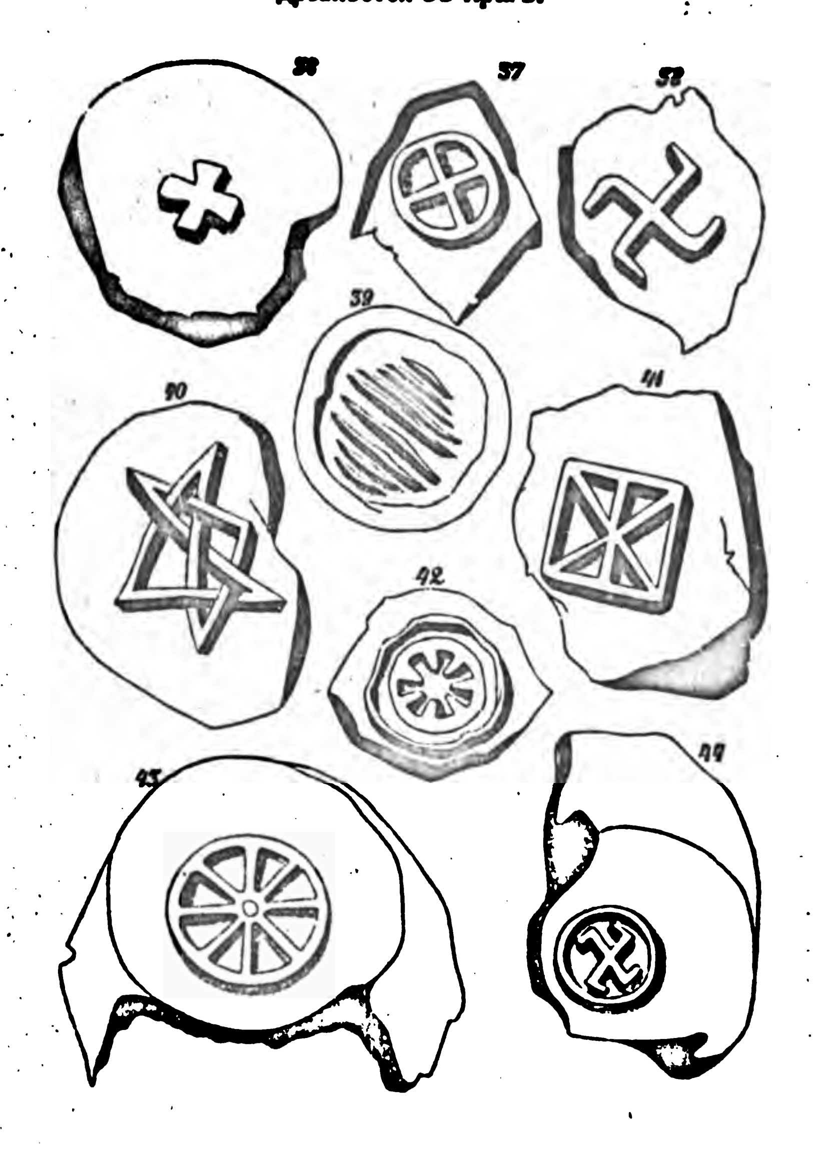

Табл. IV. Къ стр. 65—73.

Дна горшковъ хранящихся въ Народномъ Чешскомъ музеѣ древностей въ Прагѣ.

слѣдованій, равно какъ и отъ разсмотрѣнія ученыхъ мнѣній [1]) по этому предмету; быть-можетъ, собравъ болѣе матерьяла, чѣмъ сколько имѣется у насъ подъ руками въ настоящее время, мы найдемъ возможность впослѣдствіи осмотрѣть этотъ предметъ во всемъ его объемѣ.

Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей.

1868.

Обозначимъ сначала, слѣдуя хронологическому порядку, имена арабскихъ свидѣтелей и тѣ сочиненія ихъ, гдѣ говорится о землѣ и племенахъ Славянскихъ; ограничиваемся только *древнѣйшими*, до XI-го вѣка и притомъ такими, которые представляютъ извѣстія самостоятельныя [2]), незаимствованныя изъ сочиненій предшественниковъ, таковы:

Аль Ферганк (пис. около 844) составилъ *начала Астрономіи*, въ которыхъ онъ обозрѣваетъ важнѣйшія земли и города 7-ми климатовъ [3]).

---

1) Въ особенности заслуживаетъ вниманія мнѣніе *Я. Э.* Воцеля, высказанное имъ недавно въ сочиненіи: «Pravěk země české». Pr. 1866, p. 207 и слѣд. Мы намѣрены возвратиться къ этому предмету при критическомъ отчетѣ о сочиненіи Воцеля, по выходѣ заключительной (второй) его части.

2) Говоримъ *относительно*, съ точки зрѣнія современной науки: быть-можетъ, многое, что въ арабскихъ писателяхъ теперь кажется намъ *оригинальнымъ*, было лишь *копіей* неизвѣстнаго или неотврытаго досел оригинала, быть-можетъ впослѣдствіи оно и окажется *таковою*. Примѣры въ этомъ отношеніи не рѣдки.

3) Латинскій переводъ мѣста, относящагося къ Славянамъ, перепечатанъ у г. Гедеонова: «Отрывки изъ Изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ». Спб. 1862, p. 82—8, при чемъ г. Гедеоновъ, слѣдуя Френу, полагаетъ, что Аль-Фергани черпалъ свои показанія изъ греческихъ источниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Аль-Фергани былъ знакомъ съ греческой географіей, но заимствовалъ ли онъ изъ нея свои показанія—это вопросъ, и пока не разрѣшится онъ, свидѣтельства его сохраняютъ для насъ цѣну прямаго показанія.

Ибнъ-Кхордадъ-Бегъ († 912), написавшій «Книгу дорогъ и странъ»[1]).

Массуди († 956) написалъ пространное историко-географическое сочиненіе «Лѣтописи временъ» или «Историческія Лѣтописи»; изъ него доселѣ извѣстны только небольшіе отрывки; изъ этого большого труда авторъ сдѣлалъ сокращеніе, озаглавивъ его именемъ «Золотые Луга»[2]).

Ибнъ-Фоцланъ, посланникъ калифа Муктедира къ Булгарамъ волжскимъ (путешеств. съ 921 г.); отрывокъ изъ его путешествія, именно о Руси, внесенъ въ географическій Словарь Якута[3]).

---

1) Отрывки о Славянахъ изданы у Рено: Géogr. d' Aboulféda. t. I. intr. p. LVIII—LIX, и съ объясненіями въ статьѣ И. И. Срезневскаго: «Слѣды давняго знакомства Русскихъ съ южной Азіей» въ Вѣст. Геогр. Общ. 1854, № 1, стр. 49—68; мы пользовались новымъ французскимъ переводомъ (вм. съ подлин.) Barbier de Meynard'a: Le livre des routes et des provinces, texte arabe, publié, traduit et annoté. Par. 1865 (отд. оттискъ изъ Journal asiatique 1865, № 9).

2) До 1860 г. полагали, что «Лѣтописи временъ» Массуди — утрачены, такъ думалъ Рено (Géogr. d'Ab. 1, p. LXVI) и др., но въ 1849 нѣмецкій оріент. Кремеръ открылъ, если полагаться на точность его извѣстія, экземпляръ этого сочиненія въ Халебѣ (Алеппо) въ библіотекѣ одного изъ тамошнихъ Медрезетовъ (училищъ); Кремеръ напечаталъ объ этомъ краткое извѣщеніе въ Sitzungsberichte d. k. Akademie der Wissenschaften zu Wien, philosoph.-hist. classe. 1850, Heft IV и V p, гдѣ представилъ любопытныя, хотя къ сожалѣнію очень краткія, выписки касательно Славянъ и Борджанъ. Сравни также замѣчаніе Рёдигера объ открытіи Кремера въ Zeitschr. d. deutsch. Morgenländ. Gesellsch. t. V p. 429: Рёдигеръ полагаетъ, что Кремеромъ открытъ только 1-й томъ «Лѣтописей временъ». Выдержки о Славянахъ изъ «Золотыхъ Луговъ» Массуди изданы Оссономъ: Les peuples du Caucase P. 1828 p. 85 sq., потомъ Шармуа: Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves въ Mém. de l'Acad. de Spb. 1834 г. t. VI, p. 397—408 (или 1—112 от. от.). Теперь, на иждивеніи парижскаго азіатскаго Общества, выходитъ полное изданіе текста съ французск. переводомъ Barbier de Meynard'a и Pavet de Courteill'я: Maçoudi-Les Prairies d'Or, P. 1861—1865, всего вышло до сихъ поръ 4 тома. Мы указываемъ главы и текстъ по этому послѣднему, какъ болѣе доступному, отмѣчая, однако, и разнорѣчія въ другихъ переводахъ.

3) Текстъ съ нѣмецкимъ переводомъ и обстоятельнымъ комментаріемъ издалъ Френомъ: Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Spb. 1823; потомъ у Оссона: Les peuples du Caucase. P. 1828, p. 85 sq. и Расмуссена: De Orientis Commercio cum Russia... etc. H. 1825, p. 82—45.

Эль-Истахри (½ X вѣка) написалъ «Книгу Земель»; хотя онъ, какъ кажется, и пользовался Ибнъ-Фоцланомъ и Масуди, но представляетъ свѣдѣнія, до сихъ поръ не замѣченныя у этихъ писателей[1]).

Ибнъ-Хаукалъ составилъ сочиненіе (около 976 г.): «Книгу дорогъ и земель». Главнымъ источникомъ его былъ трудъ Истахри, но нѣкоторыя показанія его имѣютъ для насъ и самостоятельное значеніе[2]).

Мы не остановимся на извѣстіяхъ Ахмедъ-Эль-Катэба (пис. въ 889—891 г.), потому что они уже получили вѣрную оцѣнку въ трудѣ г. Гедеонова[3]).

Хотя и Шармуа и былъ того мнѣнія, что Арабы IX—X-го вѣка владѣли *точными* историко-этнологическими и географическими свѣдѣніями, какъ ни одинъ изъ современныхъ народовъ[4]), но въ сущности эта *точность* не шла далѣе простаго и случайнаго знакомства съ предметами. Арабы не были людьми науки въ строгомъ смыслѣ этого слова, подобно современнымъ путешественникамъ, которые посѣщаютъ отдаленные страны и народы съ цѣлью *изслѣдовать* ихъ нравы и обычаи; они не имѣли и не могли имѣть никакихъ точныхъ пріемовъ историко-этнографическаго изслѣдованія и наблюденія; но, по своему времени хорошо образованные и начитанные, они въ своихъ странствіяхъ и сношеніяхъ съ невѣдомыми народами, многое видѣли соб-

---

1) Полный нѣмецкій переводъ съ комментаріемъ сдѣлалъ Мордтманомъ: Das Buch der Länder von Schech Ebu Ishak el Farsi el Isstachri. Hamb. 1845 г., 4°.

2) Извлеченія изъ него представлены у: Оссона, Les peupl. du Cauc. глава V; Френа (о Руссахъ), passim; Шармуа (о Славянахъ), Relation, etc. p. 323—4 или 27—8 отд. отт.. Сравни Reinaud, Géogr. d'Aboulféda, I, p. LXXXIV. Замѣтимъ здѣсь, что между древнѣйшими источниками арабскими мы не поставили Ибнъ-Досты, потому что намъ пока неизвѣстны его показанія, кромѣ отрывковъ о погребальныхъ обычаяхъ.

3) Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ. Спб. 1862, стр. 90—93.

4) Charmoy. Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie, Spb. 1834, p. 8.

ственными глазами; еще болѣе слышали отъ людей бывалыхъ или туземцевъ, къ которымъ любознательно обращались за объясненіями; свѣдѣнія, довѣрчиво собранныя между дѣломъ, они приводили въ систему, заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы дать имъ характеръ, соотвѣтствующій мусульманской историко-географической наукѣ того времени, привести ихъ въ связь съ тѣмъ, что было замѣчено прежде ихъ, и чтó они могли читать въ разныхъ сочиненіяхъ; но такое стремленіе къ систематизаціи, замѣчаемое у большинства арабскихъ географическихъ писателей, не развило въ нихъ критическаго такта, и вся арабская географическая наука стоитъ еще на переходѣ отъ древняго баснословнаго взгляда къ точной наукѣ нашего времени: рядомъ съ положительными открытіями и историко-этнографическими фактами она заключаетъ въ себѣ еще цѣлую массу полуминическихъ воззрѣній и понятій, географическихъ и этнографическихъ неточностей, непримиренныхъ противорѣчій; оттого при разборѣ арабскихъ извѣстій необходимо полагать различіе не только между прямымъ свидѣтельствомъ опыта и темнымъ слухомъ или литературнымъ заимствованіемъ, но и между сообщаемымъ фактомъ и его объясненіемъ, откуда послѣднее ни шло бы, между наблюденіемъ и системою, подъ которую подводится оно. Только взвѣшивая по возможности всѣ эти обстоятельства, можно приблизительно уяснить себѣ противорѣчія арабскихъ источниковъ, можно понять, почему напр. у однихъ Турки относятся къ племени Славянъ и считаются самыми красивыми, многочисленными и сильными изъ нихъ, у другихъ — земля Славянъ граничитъ съ Китаемъ, Руссы причисляются то къ Славянамъ, то къ Туркамъ, то наоборотъ — Славяне составляютъ часть Руссовъ или состоятъ изъ турецкихъ племенъ и т. д.

Не принимая на себя подобнаго труда, мы ограничимся разсмотрѣніемъ арабскихъ извѣстій о Руссахъ и Славянахъ.

Что подъ именемъ Сакалибовъ, Саклабовъ, С(в)еклабовъ арабскіе источники разумѣютъ славянскія племена — это не мо-

жетъ подлежать сомнѣнію[1]): въ этомъ убѣждаетъ не только тожество имени съ греческими и латинскими названіями Σκλαβηνοί, Σκλαβοι, Sclavi, Slavi, но и арабская топографія славянскихъ земель и многія подробности быта, нравовъ и обычаевъ Саклабовъ, находящія полное подтвержденіе въ современныхъ свидѣтельствахъ—своихъ и чужихъ—о Славянахъ. Всѣ доселѣ извѣстные арабскіе источники говорятъ объ этомъ съ опредѣленностью, которая не допускаетъ сомнѣній[2]).

Арабы знаютъ имя Славянъ не въ его народной, но въ византійской или латинской формѣ Саклибы, Саклабы; но отсюда неосновательно будетъ заключать, что всѣ свѣдѣнія Арабовъ о Славянахъ идутъ изъ византійскаго источника: греческая форма имени получила общее ученое распространеніе, она была усвоена и арабскими географами точно такъ напр., какъ ими было усвоено имя озера Мэотійскаго, моря Евксинскаго и пр.: Арабы могли быть лично въ земляхъ Славянъ и въ то же время обозначать ихъ по византійской географической терминологіи, ибо имъ знакомы были сочиненія греческихъ географовъ и историковъ.

---

1) Попытка Гаммера (Sur les Origines russes, Spb. 1825 p. 59—60) связать Геродотовыхъ Саковъ съ Сакалибами Арабовъ — не получила признанія: она сближала между собою слишкомъ отдаленныя эпохи. Впрочемъ, вопросъ о происхожденіи имени *Славянъ* не можетъ еще назваться рѣшеннымъ.

2) Френъ замѣтилъ (p. LX), что Якутъ смѣшиваетъ Булгаръ волжскихъ съ Славянами, на основаніи этого пок. Сенковскій (въ ст. «Скандинавскія саги» Собр. соч. т. V, стр. 466) полагалъ, что Арабы на Руси называли Славянами однихъ Булгаръ волжскихъ; но не слѣдуетъ забывать: а) общей неточности этнографическихъ понятій и терминологіи Арабовъ, б) что это смѣшеніе есть исключительный случай, стоящій въ видимомъ противорѣчіи съ показаніями другихъ Арабовъ, потому и возводить его въ общее правило арабской этнографіи не позволяютъ условія строгой науки; да и кромѣ того, неизвѣстнымъ остается, кому принадлежитъ эта этнографическая ошибка: Ибнъ-Фоцлану ли или Якуту: въ послѣднемъ, жившемъ въ 13 вѣкѣ, она понятнѣе; ибо Болгарское царство ждало тогда послѣдней минуты своего существованія. Если трудно иногда бываетъ пользоваться извѣстіями арабскихъ писателей, то вовсе не «потому, что подъ именемъ Славянъ они часто (?!) разумѣютъ Болгаръ» (Гедеоновъ. О Варяжскомъ вопросѣ, стр. 37), а по общей запутанности ихъ географическихъ и этнографическихъ понятій, по легковѣрному характеру ихъ показаній.

Аль-Фергани опредѣляетъ пространство седьмого климата съ востока на западъ, отъ сѣверной страны Ягоговъ (Jagogûm) чрезъ землю Турковъ, сѣверные берега Каспійскаго моря, Евксинское море и озеро Мэотійское, потомъ чрезъ страны *Борджаніи* и *Славоніи* и до самаго моря Гесперійскаго (Атлантическій океанъ); остальная населенная полоса земли, лежащая выше этихъ климатовъ, по словамъ Аль-Фергани, также начинается на востокѣ, идетъ чрезъ страны Тагаргаровъ, Турковъ, Татаръ и Алановъ, потомъ чрезъ *Борджанію* и *Славонію* и оканчивается у моря Гесперійскаго[1]). *Славонія*. Аль-Фергани лежитъ на западъ отъ Чернаго моря, на одной линіи за *Борджаніей*, а послѣдняя на линіи къ западу за Константинополемъ[2]). Что же это за страна *Борджанія?* На этомъ вопросѣ считаемъ умѣстнымъ здѣсь остановиться, чтобы не возвращаться къ нему впослѣдствіи: онъ имѣетъ особую важность для изслѣдователя славянской древности. *Борджанія*—страна Борджанъ. Имя этого народа нерѣдко упоминается арабскими писателями, и кажется не можетъ быть сомнѣнія, что подъ *Борджанами* они разумѣли *Болгаръ дунайскихъ*. *Борджанія* это—Мизія: въ первый разъ, сколько извѣстно, упомянулъ о ней Аль-Фергани, за нимъ *Борджанъ* называетъ арабъ Эль-Гарами (пис. 845—46), текстъ котораго сохранился въ выпискѣ у Ибнъ-Кхордадъ-Бега; изъ Аль-Фергани ясно только, что Борджанія лежала къ западу отъ Константинополя;

---

1) «Septimum denique clima ob oriente itidem sc. boreali Jagôgum regione exorsum protenditur per Turcarum terras, borealia Caspii maris littora, tum per mare Euxinum et paludem Maeotidem, porro per regiones *Burgidnae atque Sclavoniae*. Terminatur item mari Hesperio».

«Reliquum vero habitati tractûs, quod quidem cognovimus ultra haec climata proferri, initium quoque capit ab oriente scil. Jagogum regno. Dehinc Tagárgarûm, Turcarum, Tatarorum et Alanorum regna secat. Dіende per *Burgianam et Sclavoniam* tendit, tandemque a mari Hesperia finem habet». Fergani Elem. astr. Amst. 1669 Cap. IX, p. 38—39 apud Гедеоновъ: Отрывки о Варяжск. вопр. p. 82—3.

2) «Clima sextum quoque ab Oriente per Jagôges porrigitur, tum per Chásaros et medium mare Caspium transit, usque Romanorum ditionem et secat Charasânam, Amasiam, Heracleam, Chalcedonem, Constantinopolim, tractus *Burgianae*, et tandem finitur ad mare Hesperium». *ibid.*

Эль-Гарами говоритъ, что Византійская имперія раздѣляется на четырнадцать провинцій, вторая изъ нихъ, Ѳракія (Doraky*a*, Tarakia), граничитъ на западѣ со *страною Борджанъ*, съ Македоніей — на югѣ и съ Хозарскимъ моремъ (Черное) на сѣверѣ; *третья* провинція, Македонія граничитъ на югѣ съ Сирійскимъ моремъ, на западѣ съ *страною Славянъ*, на сѣверѣ съ *страною Борджанъ*[1]). Соображая эти топографическія указанія, нельзя не видѣть, что Борджанія какъ разъ совпадаетъ съ страною Болгаръ дунайскихъ, Славонія же или земля Славянъ — съ страной юго-западныхъ, адріатическихъ Славянъ; подтверждается это и показаніемъ Массуди: «Борджане, говоритъ онъ, идутъ отъ колѣна Юнана сына Яфетова, ихъ область велика и обширна, они дѣлаютъ нападенія на *Грековъ* и *Славянъ*, *Хазаръ* и *Турковъ*, но *всего сильнѣе* на *Грековъ*. Отъ *Константинополя* въ *землю Борджанъ 15 дней пути*, а самая ихъ страна простирается на 20 дней ѣзды — въ длину и 30 — въ ширину. Область Борджанъ окружена колючимъ плетнемъ (dornigen Zaune), въ которомъ находятся отверстія на подобіе оконъ изъ дерева. Деревни не огорожены подобнымъ плетнемъ. Борджане — Маги (язычники) и не имѣютъ священнаго закона (книги); ихъ кони, употребляемые на войнѣ, всегда вольно пасутся на лугахъ и никто не ѣздитъ на нихъ въ не военное время; если поймаютъ человѣка, который

---

1) Barbier de Meynard. Le livre des routes d' Ibn-Khordad-beh. P. 1865, p. 224—5. Cf. Reinaud. Géographie d'Aboul-féda. t. 2, p. 263 not. На тожество Борджанъ и Болгаръ дунайскихъ первый указалъ Оссонъ: Les peuples du Caucase, p. 260—2; въ пользу этой мысли онъ привелъ и иныя свидѣтельства, почерпнутыя изъ болѣе позднихъ арабскихъ и персидскихъ источниковъ. Эту догадку Оссона раздѣляютъ и другіе ученые: Дефремри: Fragments de géographes et d' historiens arabes et persans inédits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale. P. 1849. (отт. изъ Journal asiatique 1849, № 10), p. 203—4 nota; Рено: Géographie d'Aboulféda t. II, p. 331 not.; Гедеоновъ: О Варяжск. вопросѣ, p. 63 et not; Шармуа: Relation de Mas'oudi, p. 336 (или 90 отт.) not. 160 — видитъ здѣсь Бургундовъ, Бургіоновъ (Burgiones, Burgundiones), обитавшихъ въ прибалтійскихъ странахъ, но такое мнѣніе основано лишь на одномъ внѣшнемъ созвучіи именъ и противорѣчитъ яснымъ топографическимъ указаніямъ Арабовъ.

сидеть на военную лошадь въ мирное время, его предаютъ смерти. Когда они выходятъ на войну, то строются въ ряды. Стрѣлки (лукари) образуютъ передовую часть, а за ними находятся женщины и дѣти. Борджане не имѣютъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ монетъ, всѣ ихъ покупки и свадьбы платятся коровами и овцами. Когда между ними и Греками существуетъ миръ, то Борджане привозятъ Грекамъ въ Константинополь дѣвицъ и отроковъ[1]) изъ рода Славянъ... Далѣе, между ними существуетъ обычай, ежели рабъ какъ-нибудь ошибся или провинился, и его господинъ хочетъ его бить, то рабъ падаетъ предъ нимъ на землю — безъ всякаго съ чьей-либо стороны принужденія, и господинъ бьетъ его сколько душѣ угодно. Ежели же рабъ встанетъ прежде позволенія, онъ терпетъ жизнь. Еще существуетъ между ними обыкновеніе при наслѣдованіи надѣлять женщинъ богаче, чѣмъ мужчинъ»[2]). Такимъ близкимъ къ Грекамъ народомъ, ведущимъ съ ними, а также съ Славянами и Хозарами, постоянную войну, берущимъ рабовъ на Славянахъ, могли быть только *Болгаре дунайскіе*[3]). И въ приведенномъ извѣстіи ничто

---

1) Мѣсто, испорченное въ нѣмецкомъ переводѣ Кремера: Ist Frieden zwischen ihnen und den Griechen, so führen die Bordschan Mädchen und Knaben aus dem Geschlechte der Slawen oder der (?) Griechen nach Constantinopel. Аль-Бекри, передающій то же о Борджанахъ въ сокращеніи, говоритъ яснѣе: «Когда Греки заключаютъ съ ними миръ (Борджанами), они платятъ имъ дань молодыми дѣвицами и отроками, *которыхъ они берутъ на Славянахъ*. Defrémery. Fragments etc. p. 24—5. Нельзя при этомъ не вспомнить словъ Святослава о Болгаріи: «яко есть середа въ земли моей: яко ту вся благая сходятся... изъ Руси скора и воскъ, медъ и *челядь*».

2) Изъ неизданнаго сочиненія Массуди «Лѣтописи времени» v. Kremer: Bericht über meine wissenschaftl. Thätigkeit in Haleb, въ Sitzungsberichte der philosoph.-hist. Classe d. Wien. Akad 1850, p. 210—211. Мы нарочно привели вполнѣ—за вычетомъ извѣстій о погребальныхъ обычаяхъ Борджанъ, это, въ высшей степени замѣчательное, мѣсто Массуди о Болгарахъ: въ археологическомъ отношеніи оно—истинная драгоцѣнность, тѣмъ болѣе, что несомнѣнно принадлежитъ очевидцу. Замѣтимъ также, что это извѣстіе въ сокращеніи перешло въ сочиненіе Аль-Бекри († 1094) «Пути и Области», извлеченіе изъ котораго представилъ Деффремри.

3) Рено, Géog. d' Ab. II, 813 not. замѣчаетъ, что вѣроятно, имя Борджанъ придавалось также Аварамъ и Сербамъ.

не противорѣчитъ ихъ полу-славянскому, полу-азіатскому характеру. Причина, почему названіе Болгаріи, Болгаръ выродилось въ Борджанію, Борджанъ, можно полагать съ Дефремри, чисто-лингвистическая: у арабскихъ писателей не рѣдко употребляются имена Borghar, Borghal вм. Bulgar, Bolghar; такое наименованіе представляло удобный поводъ къ дальнѣйшей порчѣ собственнаго имени, и изъ Borghar—явилось Bordjan. Конечно, такую ошибку языка (lapsus linguae) сдѣлалъ какой-нибудь одинъ писатель, но съ той поры она могла войти въ общее употребленіе тѣмъ легче, что Арабы всегда пользовались трудами своихъ предшественниковъ.

Итакъ, *Борджанія* и *Славонія* (Sclavonia) Аль-Фергани— будутъ страны *нынѣшнихъ юго-западныхъ Славянъ*.

Ибнъ-Кхордадъ-бегъ помѣщаетъ землю Славянъ на западѣ, въ Европѣ, на ряду съ Андалузіей, землею Грековъ и Франковъ. Изъ Германіи[1]), по его словамъ, можно итти чрезъ землю Славянъ—въ городъ Хозаръ и къ Каспійскому морю, изъ земли Славянъ вывозятся рабы чрезъ Западное море (? Maghreb), лежащее за страною Славянъ до города Boulyah и не посѣщаемое никакими кораблями и торговыми суднами; мало этого — Ибнъ-Кхордадъ-бегъ знаетъ и *Руссовъ, принадлежащихъ къ племени Славянъ*: «они, говоритъ онъ, ходятъ въ самыя отдаленныя страны отъ *земли Славянъ*, спускаются съ товарами по *рѣкѣ Славянъ* (Волгѣ) въ Каспійское море[2]). Торгуютъ русскіе и съ Греками, императоръ которыхъ взимаетъ десятину съ ихъ товаровъ, и на Средиземномъ морѣ, гдѣ они продаютъ бобровые и лисьи мѣха, а также и сабли (épées)». Опредѣленнымъ представляется намъ

---

1) У Барбье де Мейнара, p. 265, вмѣсто *Германіи* стоитъ *Арменія*, что имѣетъ весьма затруднительный географическій смыслъ, если не вовсе не имѣетъ никакого смысла; Рено, Géogrph. d'Ad. I, LIX, предполагаетъ ошибку писца и ставитъ *Германія*: ошибка была тѣмъ возможнѣе, что зависѣла отъ одной черточки.

2) Le livre des routes. ed. Barbier de Meynard'a p. 213, 214, 264—5. Cf. Reinaud. Géograph. d'Aboulféda. t. I p. LIX.

только послѣднее показаніе, принадлежность *Руссовъ* къ *племени Славянъ*; что же касается до *земли Славянъ*, то можно думать, что подъ ней Ибнъ-Кхордадъ-бегъ разумѣлъ земли, лежавшія на сѣверо-западъ отъ Чернаго моря и преимущественно *землю русскую;* иначе зачѣмъ было называть *Волгу — рѣкою Славянъ*, зачѣмъ было говорить, что *русскіе* купцы ходятъ въ отдаленнѣйшія страны отъ *земли Славянъ*[1])!

Массуди знаетъ о Славянахъ гораздо болѣе, онъ знакомъ съ ними не по однимъ слухамъ: территорія ихъ, по его извѣстію, касается необитаемаго[2]) сѣвера, граничатъ съ востокомъ и отсюда распространяется на западъ; Славяне раздѣлены на многія племена и ведутъ войну съ Греками, Франками, Ломбардами (Лонгобардами?) и другими варварскими народами[3]); Массуди знаетъ и отдѣльныя племена южныхъ и западныхъ Славянъ; онъ приводитъ собственныя имена ихъ, изъ которыхъ иныя ясны съ перваго взгляда, какъ Лужане, Кышане, Сербы, Хорваты, Моравы, Дулѣбы; другія ждутъ еще объясненія[4]); онъ передаетъ любопытныя, и во многихъ случаяхъ подтверждающіяся другими источниками, свѣдѣнія о бытѣ и нравахъ Славянъ, однимъ словомъ, онъ коротко знаетъ Славянъ, какъ оче-

---

1) Вопросъ — откуда идетъ мнѣніе нашего путешественника о генерической принадлежности Руссовъ къ Славянскому племени: самъ ли онъ вывелъ это вѣрное этнографическое заключеніе, или какое изъ русскихъ племенъ — подобно Новгородцамъ — носило племенное имя Славянъ, — вопросъ этотъ, по крайней мѣрѣ здѣсь, насъ не касается, хотя мы и не можемъ не замѣтить, что эти Руссы — Славяне, по всему вѣроятію, были отъ одного изъ сѣверно-русскихъ племенъ, носившихъ племенное названіе *Словенъ*; сравни объ этомъ прекрасн. замѣчанія г. Гедеонова въ III главѣ (стр. 31—43) его сочиненія о Варяжскомъ вопросѣ.

2) Этотъ необитаемый сѣверъ, по замѣчанію Рено, Géogr. d'Aboulf. 1, CCXCIV, начинался для Массуди въ недалекомъ разстояніи на сѣверъ отъ Чорнаго и Каспійскаго морей.

3) Barbier de Meynard. Maçoudi гл. XXIV, Шармуа. Relation etc. гл. XXXII, стр. 16 и сл. от. Kremer l. c. p. 208—9.

4) Объясненіемъ этихъ именъ, кромѣ Оссона: Les peuples du Caucase p. 220 sq, въ особенности занимался Шармуа, Relation p. 380 (или 84) et sq. и Лелевель — Géographie du Moyen Age, Br. 1852, t. III—IV p. 47—52.

видецъ, или по крайней мѣрѣ, какъ человѣкъ, черпавшій свои свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, изъ разсказовъ правдивыхъ очевидцевъ[1]). *Славянская земля* Массуди—это почти вся огромная территорія, занятая Славянскими племенами 10 в.; онъ перечисляетъ племена западныя и южныя, восточныя же собираетъ въ одно общее, коллективное, племенное имя *Руси*. Руссы, говоритъ онъ, генерическое названіе для *огромнаго* числа племенъ; самое многочисленное изъ нихъ называется Лудане (*Loudaaneh*, *el-Losa'ane*, по Френу=Ладожане, по Лелевелю=Лучане изъ Луцка, на Стирѣ), т. е. русскіе Лужане, Лютичи (cf. Šafařik, Starož. 2 vyd. t. 2, p. 150—1); осѣдлое жилище Руссовъ Массуди помѣщаетъ на побережьи Русскаго (Чернаго) моря, и всю землю на сѣверъ отъ Чернаго моря и западъ отъ странъ Хозаръ и Булгаръ онъ разсматриваетъ, какъ *землю Руссовъ*[2]).

Предположимъ даже, что имя *Руссовъ* пришло къ восточнымъ Славянскимъ племенамъ съ (скандинавскаго) Сѣвера, нельзя не видѣть, что Массуди все же подъ ними понималъ не скандинавскихъ выходцовъ, а русское племя Славянъ; вообще, въ извѣстіяхъ Массуди мы не встрѣтимъ ни одной черты, обличающей норманское происхожденіе Руссовъ: Норманны не могли быть *огромнымъ осѣдлымъ народомъ, состоящимъ изъ безчисленнаго множества племенъ*; морскіе разбои Руссовъ на Каспійскомъ морѣ также не говорятъ ничего въ пользу ихъ норманскаго происхожденія; напротивъ, народъ осѣдлый на морскомъ побережьѣ, могущій выставить около 50 тысячъ воиновъ—необходимо ука-

---

1) Былъ ли Массуди въ странахъ Славянъ—достовѣрно сказать нельзя; извѣстно только, что въ этой части своего труда онъ пользовался какими-то (письменными?) источниками, см. начало XXXIV главы (Шармуа XXXII, p. 321 или 16): «Les Slaves descendent de Mar, fils de Japhet.... telle est du moins opinion la plus généralement soutenue *par les hommes qui* ont *appliqué leur* intelligence à *l'étude de cette question*». Къ извѣстіямъ, почерпнутымъ изъ темнаго слуха, должно отнести главу (XLVI) о баснословныхъ славянскихъ храмахъ. Что Массуди былъ въ землѣ Хозаръ, на это существуютъ указанія въ его «Золотыхъ лугахъ» cf. Frähn, Ibn Foszlan's Berichte p. X и Рено, Géogr. t. 1, p. CCXCVI.

2) Cf. Reinaud. Géogr. d'Aboulf. 1, p. CCXCV et sq.

зываетъ на коренныхъ туземцевъ, которые сами хорошо должны были быть знакомы съ тревогами морскаго наѣздничества[1]); Пираты—*маджусъ*, дѣлавшіе набѣгъ на Испанію въ 912 г., которыхъ Массуди принимаетъ за *Руссовъ*, объясняются странностью географическихъ понятій Араба: онъ допускалъ соединеніе Чернаго и Мэотійскихъ морей съ Балтійскимъ посредствомъ канала, и такъ какъ за страною Руссовъ, по его понятіямъ, была уже необитаемая пустыня, то естественно, что, слыша о набѣгѣ на Испанію варваровъ съ Сѣвера чрезъ Океанъ, онъ долженъ былъ прійти къ мысли, что это—Руссы, переправившіеся чрезъ воображаемый каналъ изъ Чернаго моря въ Балтійское[2]); ко всему этому мы можемъ прибавить еще, что разсказывая о *Руссахъ* въ Хозаріи, Массуди всегда ставитъ ихъ въ ближайшую связь съ *Славянами*: *Руссы* и *Славяне*—его обыкновенное выраженіе: они *вмѣстѣ* обитаютъ въ одномъ концѣ Итиля, имѣютъ *одинаково* религію и обычаи, управляются *однимъ* судьею, находятся *вмѣстѣ* на службѣ у хозарскаго владыки...

О хозарскихъ Славянахъ позволительно думать, что они—не тѣ, (юго-западныя) племена, обычаи и зданія которыхъ Массуди описалъ въ XXXIV и XLVI главахъ, что эти Славяне—тѣ же русскія сѣверныя племена, въ отличіе отъ южныхъ (Руссовъ) именовавшіяся племеннымъ именемъ *Словенъ*[3]); такое заключеніе естественнѣе, чѣмъ мысль, что на службѣ у хозарскаго владыки были Славяне, приходившіе съ юго-запада.

---

1) Объ осѣдлыхъ поселеніяхъ Руси на Черномъ морѣ много прекрасныхъ замѣчаній высказано г. Гедеоновымъ: «Отрывки о Варяжск. вопросѣ», г. V, р. 63.

2) Reinaud. Géographie d'Aboulfeda t. 1. Intr. p. CCXCVIII—IX. При чемъ онъ прибавляетъ: «si quelques savants se sont autorisés de ce passage pour dire que dans l'opinion de Massoudi les Russes étaient les Normands, ils ont commis une grave erreur». Во франц. переводѣ Barbier de Meynard'a, t. 1, p. 364—5, вмѣсто *Океана*, по которому приплываютъ Пираты (Маджусъ) въ Испанію—стоитъ *Средиземное море*, хотя потомъ, далѣе говорится объ Океанѣ!!

3) Гедеоновъ. Отрывки о Варяжскомъ вопросѣ, глава III: «Словене и Русь».

Итакъ, если ничто не говоритъ въ пользу *норманскаго* происхожденія массудіевой Руси, если ничто не противорѣчитъ въ ней происхожденію *славянскому*, если многое прямо указываетъ на послѣднее, то мы имѣемъ полное право заключать, что *Сакалибы* Массуди были преимущественно племенемъ юго-западныхъ Славянъ, *Русь* же его, несомнѣнно—племя Славянъ восточныхъ, русскіе Славяне X-го вѣка.

Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о *Славянахъ* опредѣлительно только одинъ разъ[1]), что они повинуются хозарскому Хакану и состоятъ въ его власти (Frähn, De Chasaris Spb. 1822, p. 18), о *Руси* же — онъ говоритъ подробно. Ибнъ-Фоцланъ далекъ отъ какихъ бы то ни было ученыхъ, этнологическихъ и географическихъ, замѣчаній: онъ просто передаетъ то, что онъ видѣлъ и что успѣлъ свѣдать отъ постороннихъ лицъ, Булгаръ и Русскихъ; его извѣстія нужно разбирать совершенно иначе, чѣмъ извѣстія предшествующихъ Арабовъ; критика ихъ можетъ быть только этнографическая, бытовая. Съ этой стороны на Ибнъ-Фоцлана обратилъ вниманіе до сихъ поръ только пок. акад. Кругъ, черновой комментарій котораго изданъ по его смерти А. А. Куникомъ[2]). Кругъ смотритъ на Ибнъ-Фоцлановыхъ Руссовъ, какъ на племя скандинавское и съ этой точки зрѣнія ищетъ въ скандинавскихъ источникахъ подтвержденія извѣстіямъ Ибнъ-Фоцлана; мы становимся на совершенно иную точку зрѣнія: для Круга, Ибнъ-Фоцлановы Руссы — напередъ рѣшенное скандинавское племя, онъ идетъ отъ *несомнѣнной*, по его мнѣнію, *истины* о скандинавскомъ происхожденіи Руси, онъ приводитъ только *объяснительныя статьи* къ ней, не *доказываетъ*, а *объяс-*

---

1) На основаніи сказаннаго въ примѣч. на стр. 50-й мы не можемъ отнести къ Славянамъ того, что Ибнъ-Фоцланъ говоритъ о придворныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ обычаяхъ Булгаръ—въ извѣстіи, занесенномъ въ географію Казвини (у Шармуа Relation etc. p. 340—1 или 44—5 от. от.).

2) Комментарій Френа—сюда нейдетъ: онъ почти весь состоитъ изъ филологической критики текста и только кое-гдѣ касается самаго содержанія. Объясненія Круга напечатаны въ его Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. II, Spb. 1848 p. 465—535.

часть ее; мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ эту *гипотезу* и *ищемъ* затерянный племенной корень Ибнъ-Фоцлановыхъ Руссовъ; готовой мысли о скандинавствѣ Руси мы противопоставляемъ вопросъ объ этнологіи Руссовъ Ибнъ-Фоцлана. Зная уже, что Ибнъ-Кхордадъ-бегъ и Массуди подъ именемъ *Руссовъ* разумѣютъ *племена восточныхъ Славянъ* или *Славянъ русскихъ*, естественно и здѣсь, прежде всего, остановиться именно на *нихъ*.

Итакъ, не должно ли въ Руси Ибнъ-Фоцлана видѣть русскихъ Славянъ?

Чтобы отвергнуть или доказать эту мысль, мы пройдемъ извѣстія Ибнъ-Фоцлана, подвергнемъ ихъ посильной повѣркѣ какъ норманскими, такъ и славянскими источниками, обращая при этомъ особое вниманіе на комментарій Круга; если явный перевѣсъ останется на сторонѣ скандинавскаго характера Иб.-Ф. Руси, то вопросъ, поставленный нами, упадетъ самъ собою; въ случаѣ же равновѣсія, онъ останется въ силѣ и потребуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Замѣтимъ, что объясненія Круга имѣютъ отрывочный, необработанный характеръ: иногда—это объясненія, прямо идущія къ дѣлу, иногда—это просто личное мнѣніе изслѣдователя, хотя и подкрѣпленное доказательствами, но доказательствами, относящимися не къ извѣстіямъ Ибнъ-Фоцлана, а къ личнымъ же мнѣніямъ комментатора. Само собою разумѣется, что мы опустимъ всѣ личныя мнѣнія ученаго и остановимся только на его прямыхъ объясненіяхъ словъ Ибнъ-Фоцлана.

Мы уже прежде имѣли поводъ говорить о характерѣ извѣстій Ибнъ-Фоцлана, при чемъ замѣтили, что къ нимъ нельзя относиться безъ критики: они не чужды вольныхъ и невольныхъ преувеличеній, проистекавшихъ какъ отъ руководителей, которымъ онъ довѣрялся, такъ и отъ личнаго взгляда писателя, его стремленія поразсказать своимъ читателямъ необычайныя дѣла, какія ему пришлось увидѣть. Здѣсь мы найдемъ полное подтвержденіе нашего взгляда. Обозначимъ предварительно всю сравнительную выгоду норманскаго комментатора предъ славян-

скимъ: послѣдній владѣетъ лишь немногими свидѣтельствами о языческой Руси, первый же имѣетъ множество памятниковъ норманскаго язычества; самый характеръ ихъ, скупой относительно Руси, слишкомъ щедръ для Норманновъ: мы видимъ ихъ среди мелочей домашняго быта, въ живой обстановкѣ нравовъ, одежды, вооруженія и украшеній; все это ближе подходитъ къ характеру извѣстій Ибнъ-Фоцлана, чѣмъ отрывочныя и глухія извѣстія о русскомъ язычествѣ; потому, гдѣ русскій комментаторъ долженъ довольствоваться *приблизительными* указаніями и вѣроятностью, гдѣ онъ можетъ заключать только о томъ, что извѣстное явленіе не *противорѣчитъ* языческому русскому быту и его порядкамъ, тамъ послѣдователь норманскаго происхожденія Руси въ состояніи бываетъ представить аналогіи прямыя, имѣющія на первый взглядъ всю силу убѣдительности; но позволительно ли на нихъ основывать этнологическія рѣшенія — это вопросъ, на который можно отвѣчать отрицательно и потому, что Норманы и Славяне — были племена одного происхожденія, что они и до настоящаго времени имѣютъ много общаго въ нравахъ и обычаяхъ, общаго не въ смыслѣ заимствованія, а въ смыслѣ нравственнаго наслѣдія, вынесеннаго изъ общей колыбели; эти черты независимаго родства въ X вѣкѣ были, конечно, еще ближе и тожественнѣе; да и самая степень гражданственности Норманновъ X-го вѣка не стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ степенью культуры русскихъ Славянъ; иначе не будетъ понятенъ самый первый фактъ русской исторіи, призваніе чужихъ (скандинавскихъ?) правителей, если только должно принимать это призваніе за *дѣйствительный* историческій фактъ, а самыхъ *князей* — *за дѣйствительныхъ* Норманновъ.

Изо всего этого видно, какія, почти непреоборимыя, трудности встрѣчаютъ изслѣдователя въ точномъ опредѣленіи этнологіи Ибнъ-Фоцлановыхъ Руссовъ. Переходимъ къ его извѣстіямъ и замѣтимъ напередъ, что рѣчь идетъ не о простомъ народѣ, но о зажиточныхъ купцахъ, пріѣзжавшихъ торговать въ Булгаръ.

«Я видѣлъ Руссовъ (Русь), какъ они пришли съ своими товарами и расположились на рѣкѣ Итилѣ».

Кругъ (стр. 507) приводитъ изъ сѣверныхъ источниковъ достаточное количество свидѣтельствъ о распространенной торговлѣ древнихъ Скандинавовъ съ другими странами (между прочимъ и съ Русью); остается не яснымъ, какихъ Скандинавовъ видѣлъ Кругъ въ русскихъ купцахъ Ибнъ-Фоцлана: потомковъ ли пришедшихъ когда-то съ 3-мя братьями князьями и уже осѣдлыхъ на Руси, или просто купцовъ, выѣхавшихъ временно изъ сѣвернаго отечества для торговли съ Русью и Востокомъ? Это вопросъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, вовсе не маловажный. Между тѣмъ, не мало можно также указать и свидѣтельствъ о торговыхъ сношеніяхъ собственно русскихъ племенъ съ Булгарами и Хозарами: для девятаго вѣка мы имѣемъ ясное, положительное извѣстіе Ибнъ-Кхордадъ-бега, который, какъ мы видѣли, не допускаетъ сомнѣній на счетъ народности русскихъ купцовъ, прямо выводя ихъ изъ племени Славянъ. Свидѣтельство Массуди, какъ ни рѣшительно и важно оно, мы опускаемъ, слѣдуя правилу, что спорное — не объясняется спорнымъ; Эль-Истахри прямо говоритъ, что Булгарскіе купцы ходили до Кутабы (Куябе = Кіева); стало быть русскіе въ 10 в. стояли въ торговыхъ сношеніяхъ съ Булгарами, и нѣтъ сомнѣнія, что эти сношенія были взаимныя: третья вѣтвь *русскихъ племенъ*, по Эль-Истахри — Утане, мѣсто пребыванія князя ихъ — Арба (по др. Эрза), но сюда не приходитъ никто изъ купцовъ (булгарскихъ и арабскихъ), а между тѣмъ самъ Истахри говоритъ, что изъ Арбы *вывозятъ черныхъ соболей* и олово, вывозятъ, конечно, русскіе купцы — въ Булгарію и въ Хазарію, два средоточія восточной торговли того времени. Ясно, что эти мѣста посѣщались русскими (изъ племени Славянъ) купцами. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» знаетъ путь изъ Руси по Волгѣ въ Болгары и Хвалиссы (Лавр. сп. стр. 3); нѣтъ сомнѣнія, что этотъ путь былъ исключительно торговый; Татищевъ въ своей Исторіи[1]) сберегъ одно

1) Исторія Россійская... кн. 2-я, М. 1773, стр. 88—89, подъ 1006 годомъ.

древнее извѣстіе, относящееся ко времени Владимира, о привилегіяхъ, данныхъ кіевскимъ княземъ булгарскимъ купцамъ, «дабы они вездѣ и всѣмъ вольно торговали и русскіе купцы со печатьми отъ намѣстниковъ въ Болгары съ торгомъ ѣздили безъ опасенія»; не малымъ доказательствомъ *собственно русскихъ* торговыхъ сношеній съ Булгарами и Хозарами служитъ и топографія восточныхъ кладовъ. «Кіевъ, по словамъ пок. Савельева, велъ непосредственно торговлю съ Булгаромъ и Итилемъ. Ближайшій путь въ Булгаръ лежитъ отсюда по Деснѣ и волокомъ въ Оку. Этотъ-то путь и разумѣли арабскіе писатели (Истахри, Ибнъ-Хаукалъ), говоря, что купцы изъ Булгара доходили до Кіева черезъ мордовскую землю[1]). Это подтверждается и кладами съ арабскими монетами VIII, IX и X в., вырытыми въ Тульской губерніи. Но этотъ путь былъ повидимому не самый употребительный, по-крайней мѣрѣ со времени Руссовъ (Савельевъ считалъ Руссовъ вообще и арабскихъ Руссовъ — несомнѣнными Норманами... см. стр. CLXXIX его Мухаммед. Нумизм. и его Ахметъ эль-Катебъ, Ж. М. Н. Пр. 1838 г. № 6). Они обыкновенно спускались изъ Кіева по Днѣпру, такъ, какъ описываетъ Константинъ Порфирородный, и вступали въ Черное море, обогнувъ Таврическій полуостровъ, гдѣ были уже значительные торговые города..., изъ Азовскаго моря они подымались въ Донъ, и отсюда уже волокомъ втягивались въ Волгу, которая открывала имъ свободный путь и въ Итиль и въ Булгаръ»[2]). Эти ясныя свидѣтельства дѣлаютъ позволительнымъ въ купцахъ Ибнъ-Фоцлана подозрѣвать и русскихъ (изъ племени Славянъ). Можно ли съ такимъ же правомъ въ нихъ видѣть Скандинавовъ? Естественно, что этотъ вопросъ приводитъ насъ снова къ обстоятельству, оставленному Кругомъ въ тѣни, именно — какихъ Скандинавовъ: туземныхъ или временно пришедшихъ? Кажется, что на счетъ послѣднихъ

---

1) Замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ сочиненія Эль-Истахри — здѣсь нѣтъ и помина объ Эрзѣ или Мордовской землѣ... Объ этомъ см. ниже.

2) П. Савельевъ. Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи Спб. 1847. р. CXLIII—IV, р. LXIII—IV.

не можетъ быть и рѣчи: нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы они назывались Русью, равнымъ образомъ и нѣтъ свидѣтельствъ, чтобы они вели непосредственно торговлю съ Булгарами: скандинавскіе источники знаютъ 3 торговыхъ пути: *западный* (Vesturvegr) — въ Европу западную, *восточный* (Austurvegr) чрезъ нынѣшнюю Россію въ Царьградъ, т. е. лѣтописный путь изъ Варягъ въ Греки, и *сѣверный* (Norrvegr), огибавшій Скандинавскій полуостровъ и чрезъ Нордъ-капъ приводившій въ Біармію; о торговлѣ Скандинавовъ по этимъ путямъ свидѣтельствуютъ многіе памятники (Савельевъ, Мухам. Нумизм. CLXXX—II); но о *прямыхъ* сношеніяхъ Скандинавовъ съ Булгарами мы до сихъ поръ не встрѣтили никакихъ указаній. Зная торговую предпріимчивость Скандинавовъ, можно, конечно, предполагать, что они приходили и въ Булгаръ, изъ Біарміи или изъ Кіевской Руси по вышеуказанному пути; но безъ прямыхъ доказательствъ это предположеніе и останется лишь вѣроятностью[1]). Савельевъ указываетъ на клады съ арабскими монетами, мѣстонахожденіе которыхъ прямо подтверждаетъ существованіе русской туземной торговли съ Булгарами и Хозарами: въ самомъ дѣлѣ, не временные же, заѣзжіе гостинные люди хоронили въ русской землѣ эти сокровища; потому слѣдуетъ допустить, что это скандинавская Русь осѣдлая, дѣти или внуки тѣхъ, которые пришли съ 3-мя князьями; но допустивъ эту мысль, не исчезнетъ ли причина, по которой соединяютъ имя Руси исключительно съ Норманами: въ 922 году, когда, по всему вѣроятію, Ибнъ-Фоцланъ имѣлъ случай увидѣть Русь въ Булгарѣ, этимъ именемъ, даже съ точки зрѣнія норманской теоріи, могли назваться и племена славянскаго происхожденія. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что самые защитники норманской Руси ограничиваютъ значеніе норманскаго элемента преимущественно сферой политической жизни.

---

1) Къ тому же, по самой теоріи норманскаго происхожденія имени Русь — Арабы преимущественно называли Варенгами жителей Скандинавіи, а Русами — Норманов, господствовавшихъ въ Россіи. Савельевъ, Мухам. Нумизм. стр. CLXXIX.

Итакъ, съ одной стороны мы видимъ несомнѣнные *факты*
)говыхъ сношеній русскихъ Славянъ съ Булгарами, съ дру-
і — *предположенія* о торговлѣ Норманновъ съ тѣмъ же наро-
іъ, и къ тому — имя *Руси* безъ норманскаго знаменованія.

«Никогда я не видѣлъ людей болѣе рослаго тѣлосложенія: они
соки, какъ пальмы, имѣютъ русые (рыжіе) волосы и цвѣтъ
ца румяный»[1]).

Въ комментаріѣ къ этому мѣсту Кругъ (стр. 509) приво-
гъ мѣста изъ Іорнанда и другихъ свидѣтелей-лѣтописцевъ о
ісокомъ ростѣ Норманновъ; но сколько ни нашлось бы подобныхъ
азаній, они едва ли могутъ имѣть значеніе отличительнаго этно-
афическаго признака: о Славянахъ русскихъ никакъ нельзя
ізать, чтобы они были небольшого роста[2]); русый (рыжій?)
ѣтъ волосъ и румяное лицо подали Расмуссену поводъ замѣ-
гь: «id minime in Sclavos (plebem Russicam), sed egregie in
andinavos, Varegos quadrat»[3]). Напрасно! Еще Прокопій (Lib.
[, c. 24) замѣчалъ, что Славяне имѣютъ цвѣтъ лица не *совсѣмъ*
лый и волосы *рыжеватые*; далѣе — *русые* волосы (русы кудри) —
стоянный идеалъ физической красоты русской народной поэзіи,
къ сказать типъ русскаго лица.

«Они не носятъ ни камзоловъ, ни кафтановъ. У нихъ муж-
на носитъ грубую одежду, которую онъ набрасываетъ на одно
ечо, такъ что одна рука его остается свободна»[4]).

Ибнъ-Фоцланъ глядитъ съ точки зрѣнія арабской одежды, въ
торой постоянно употреблялись и кафтанъ и полукафтанье; дѣй-
вительно, ни въ памятникахъ письменности, ни въ памятникахъ

---

1) Слѣдуемъ въ этомъ мѣстѣ опредѣленному переводу Оссона: ils ont les
veux blonds et le teint vermeil (p. 90); Френъ (p. 5) передаетъ: fleischfarben
d roth; Расмуссенъ (p. 82) russei rufique (sc. blonds). Смыслъ, впрочемъ,
инаковъ.

2) Сравненіе съ пальмою — восточная реторическая фигура. Френъ. p. 72.

3) De Orientis Commercio cum Russia et Scandinavia medio aevo. Hav. 1825
82.

4) У Расмуссена (p. 82): neque tunicis Orientis neque chaftanis se cingunt
e. more Orientis haud vestiuntur); sed viri pallio se induunt; Оссонъ (p. 90):
vestes, ni tuniques.

древне-русской миніатюрной живописи такая одежда не представляется намъ обыкновенною, но что она существовала, въ этомъ убѣждаютъ насъ слова того же Ибнъ-Фоцлана, который разсказываетъ далѣе, какъ русскіе одѣли своего покойника въ куртку и кафтанъ изъ золотой парчи. Обыкновенною древне-русскою одеждою представляется *корзно*, *мятль*=плащь, она набрасывалась на лѣвое плечо и застегивалась запонкою на правомъ, такъ что правая рука оставалась *совершенно свободною* [1]).

«Каждый носитъ при себѣ топоръ (сѣкиру), ножъ и мечь. Они всегда ходятъ съ этимъ оружіемъ. Ихъ мечи широки, волнообразно отточены и европейской (французской) работы. На одной сторонѣ ихъ отъ острея до рукоятки изображены деревья, фигуры и другое, тому подобное» [2]).

Кругъ въ комментаріѣ (p. 510—11) документально показываетъ, что у Скандинавовъ была въ употребленіи *сѣкира*, но здѣсь же приводитъ и нѣкоторыя мѣста русскихъ лѣтописей, свидѣтельствующія, что то же оружіе было военнымъ оружіемъ и русскихъ племенъ, напр.: I новг. стр. 281: секырою и ножемъ, с. 360: съ топорцемъ, с. 361: топоръ; 332: ножъ. Какому народу ни принадлежало бы изобрѣтеніе обоюдоостраго *меча*, но въ IX—X вѣкахъ это оружіе является *обычнымъ* у русскихъ Славянъ: имъ они такъ отличались отъ южныхъ тюркскихъ кочевниковъ, употреблявшихъ *сабли*, что даже создалась особая сказка, какъ бы въ прославленіе *меченосныхъ* Полянъ предъ *сабельными* Хозарами [3]); самый терминъ, послѣ основательныхъ разъясненій

---

1) См. Изображенія такой одежды въ соч. г. Срезневскаго: Древнія изображенія Св. князь Бориса и Глѣба. Спб. 1863, рисунки съ фресокъ церквей новгородскихъ, см. на стр. 26 и сл. разсужденіе о самой одеждѣ. Замѣтимъ, что схожая одежда была у Скандинавовъ: *möttull*, она была *безъ рукавовъ*, какъ теперешній плащъ. Cf. Weinhold. Altnordisches Leben. B. 1856, p. 167—8.

2) Послѣднее представляется въ текстѣ въ испорченномъ видѣ. Оссонъ, loc. c., слѣдуя Сильвестру де Саси, думаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о татуировкѣ (!!) Русскихъ; Расмуссенъ (p. 83, not): seq. haud intelligo. Auctor loquitur de ornamentis vaginarum gladiorum. Я перевелъ по Френу. l. c. p. 77—8.

3) Хозары заставляютъ Полянъ платить имъ дань, они «сдумавше» даютъ отъ дыма мечь; Хозары принесли мечи и показали своему князю. «Рѣша же

г. Срезневскаго [1]), не можетъ считаться заимствованнымъ отъ Норманновъ. Широкіе, волнообразные мечи западной (французской = ефранджие?) работы, по указаніямъ Круга, въ Скандинавіи считались *рѣдкостью* и высоко цѣнились; дѣйствительно — въ сѣверныхъ могилахъ, представившихъ огромное количество мечей, *волнообразные* попадаются въ небольшомъ количествѣ [2]); видно — это оружіе не было обыкновеннымъ оружіемъ народа, а только нѣкоторыхъ, знатныхъ и богатыхъ; могли его имѣть и русскіе богатые купцы, чрезъ землю которыхъ шелъ торговый путь изъ «Варягъ въ Греки». Извѣстіе о фигурахъ, изображенныхъ на мечахъ, сколько знаемъ, не встрѣчаетъ подтвержденія ни въ скандинавскихъ, ни въ русскихъ источникахъ, и если правильно чтеніе и объясненіе Френа, мы пріобрѣтаемъ здѣсь новый археологическій фактъ X-го в., къ кому бы ни относился онъ: къ Норманамъ или русскимъ Славянамъ.

«Женщины носятъ на груди небольшую коробочку изъ желѣза, мѣди, серебра или золота, смотря по состоянію и обстоятельствамъ своего мужа; къ коробочкѣ прикрѣплено кольцо, на которомъ виситъ ножъ также на груди. На шеѣ женщины носятъ золотыя и серебряныя цѣпи; именно, если мужъ имѣетъ состояніе въ десять тысячъ диргемъ, онъ заказываетъ женѣ своей цѣпь, если въ — двадцать, то она получаетъ двѣ цѣпи, и такъ жена его получаетъ по цѣпи по мѣрѣ того, какъ состояніе его увеличивается десятью тысячъ диргемъ, потому часто русская

старци Козарстіи: недобра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружіе одиною стороною, рекше *саблями*, а сихъ оружіе обоюдо остро, рекше *мечи*; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ. Се же сбысться все...». Полн. Соб. рус. лѣт. I, стр. 7.

1) Мысли объ Исторіи русскаго языка. Спб. 1850, стр. 145—6.

2) Если принять за норму такого меча тотъ, который находится въ дрезденскомъ собраніи (изображенъ у Lepkowskiego, Broń sieczna, Kr. 1857, tab. III, № 22) и представляетъ тк. наз. *мечь пламенный*, то въ сѣверныхъ могилахъ не отыщется ничего подобнаго; волнообразная линія сѣверныхъ бронзовыхъ мечей не рѣзка (см. Atlas de l'Archéologie du Nord, Cop. 1857, tab. II—III), въ *желѣзныхъ* же вовсе не существуетъ: они имѣютъ лезвіе прямое (см. Ворсо, Сѣверныя Древности, Спб. 1861, стр. 79, 119. 168—9).

женщина носитъ на шеѣ цѣлое множество цѣпей. Самое роскошное украшеніе женщинъ — бусы зеленаго стекла [1]), подобныя тѣмъ, какія находятся на корабляхъ [2]). Они слишкомъ гоняются за ними, платятъ за каждую бусину по диргемѣ и составляютъ изъ нихъ ожерелье своимъ женамъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что коробочка, о которой говоритъ И. Ф., была женскимъ украшеніемъ: Расмуссенъ замѣчаетъ при этомъ (p. 33, not.): «harum capsularum multae: aureae, deauratae, argenteae, argentatae et aeneae in Museis nostris servantur»; онѣ разной формы: овальны, круглы, съ отверстіями и при нихъ когда-то (olim) висѣло кольцо. Положимъ, что дѣйствительно такія коробочки были въ употребленіи у норманскихъ женщинъ, спрашивается — однѣ ли онѣ ихъ носили, и исключаетъ ли это такія же украшенія женъ богатыхъ русскихъ купцовъ? При отсутствіи положительныхъ свѣдѣній, какъ, откуда и какими путями распространялись по Европѣ металлическія украшенія, нельзя сказать ничего достовѣрнаго объ этихъ предметахъ роскоши: были ли они туземнаго, европейскаго производства, или привозились извнѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и ограничивать ихъ употребленіе Скандинавіей: подобныя украшенія были распространены по Европѣ и находятся не рѣдко въ земляхъ Славянъ: такъ въ одной, по мнѣнію Воцеля чешской, могилѣ [3]), принадлежащей уже къ желѣзному вѣку культуры и потому съ вѣроятностью усвоиваемой Славянамъ, найдены были двѣ бляхи, которыя первоначально составляли одну коробочку, она украшена выбитымъ изображеніемъ четвероногаго животнаго, внизу имѣла четыре отверстія,

1) По другому списку: зеленыя бусы или кораллы изъ глины.

2) Расмуссенъ понимаетъ это мѣсто такъ: haud omnes promiscue uniones (бусы) volunt, sed quales e Persia per mare Caspium exportatos Arabs noster in navibus per Volgam navigantibus ipse vidit. p. 34 n. Френъ p. 90 not. тоже держался вначалѣ этого мнѣнія, но потомъ, подкрѣпленный Сильвестромъ де Саси — онъ полагалъ, что здѣсь разумѣются *восточные корабли, украшенные* (*въ задней части*) *бусами*, которыя, по мнѣнію моряковъ, предохраняютъ отъ бури.

3) Въ деревнѣ Желенки (Schelenkea).

и въ срединныхъ изъ нихъ еще уцѣлѣли остатки серебряной проволоки; на нихъ, конечно, висѣлъ какой-то предметъ, б. м. ножъ, черенокъ котораго найденъ въ могилѣ пониже ладунки. Воцель, подробно описавшій находку[1]), не находитъ для нея другаго объясненія, какъ извѣстіе о грудной ладункѣ русскихъ женщинъ Ибнъ-Фоцлана. Сюда мы не задумываемся поставить и чудско-русскіе *сустуги*, о которыхъ упоминаетъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» въ преданіи о мести Ольги, какъ Древляне сидѣли «въ великихъ *сустугахъ* гордящеся». Слово уцѣлѣло донынѣ въ сѣверо-восточной полосѣ Россіи для обозначенія груднаго металлическаго украшенія, бляхи, снизу которой спускаются цѣпи; нѣкоторые древніе *сустуги* были найдены въ пермской и другихъ мѣстностяхъ Руси; они, судя по изображеніямъ[2]), совершенно подходятъ къ ладункѣ Ибнъ-Фоцлановыхъ женщинъ... Не была ли богатая и обильная металлами Біармія главной производительницей ихъ, не отсюда ли эти украшенія шли и къ русскимъ Славянамъ и къ Скандинавамъ? *Цѣпи*, которыя носили женщины на шеѣ, также не могутъ служить доказательствомъ норманскаго происхожденія *Русскихъ* Ибнъ-Фоцлана: Кругъ приводитъ только мѣсто изъ Инглинга-Саги, гдѣ одной женщинѣ даютъ, какъ Morgen-gabe — три помѣстья и одну золотую цѣпь; въ могилахъ Славянскихъ земель цѣпи находятся не рѣдко: онѣ были найдены въ той же чешской могилѣ и въ нѣкоторыхъ русскихъ[3]); кромѣ того, кажется, что Ибнъ-Фоцланъ *цѣпями* могъ назвать и *витыя шейныя гривны* (Оссонъ передаетъ это мѣсто арабскаго путешественника словомъ collier), которыя были довольно распространенными украшеніемъ и у насъ и на западѣ Европы. *Зеленыя бусы*, по

---

1) Archäologische Parallelen (aus d. Sitzungsber. d. wien. Akademie 1853 г. XI), I, 1854, p. 38—46, особ. 41—2.

2) См. Ешевскій. Замѣтка о Пермскихъ древностяхъ, въ Пермскомъ Сборникѣ, т. I, М. 1859, рисунки № 1, 28; превосходный *сустугъ* изъ серебра найденъ въ Лихвенскомъ уѣздѣ (Калужск. губ.), снимокъ и описаніе его во Временникѣ Общ. истор. и древностей, кн. V-ая, смѣсь, стр. 87.

3) Wocel, Archäol. Parall. I, p. 40. Ешевскій, l. c. Гр. К. Тышкевичъ. О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси. В. 1865, стр. 40—2.

свидѣтельству Финна Магнусена и Расмуссена (р, 84, not.), очень цѣнились въ Скандинавіи, онѣ могли высоко цѣниться и на Руси, какъ товаръ чужеземный, привозимый съ Востока на корабляхъ. Такія бусы были находимы гр. К. П. Тышкевичемъ въ могилахъ западной Руси [1]), встрѣтились онѣ и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ извѣстномъ Перепетовомъ курганѣ Кіевской губерніи [2]).

Извѣстіе Ибнъ-Фоцлана, что русскіе купцы платили арабскою *монетою*, должно объяснить тѣмъ, что она была единственнымъ представителемъ монетной цѣнности на Руси того времени.

«Русь—самый нечистоплотный народъ, какой только созданъ Богомъ: они не очищаются по совершеніи естественныхъ нуждъ, не моются послѣ оскверненія ночнаго (R. post pollutionem v. coitum), точно дикіе ослы. Они приходятъ изъ своей страны, становятъ на якорь свои корабли въ Итилѣ, большой рѣкѣ, и на берегу ея строютъ большіе деревянные дома (бараки). Въ такомъ помѣщеніи живетъ ихъ десять, двадцать, болѣе или менѣе, человѣкъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою лавку для отдохновенія (постель), на которой сидитъ онъ и его красавицы-рабыни, назначенныя къ продажѣ; иногда какой-нибудь изъ нихъ забавляется съ рабынею, а товарищъ смотритъ; иногда и многіе изъ нихъ находятся въ такомъ положеніи предъ глазами другихъ. Случается, что какой-нибудь купецъ, желая купить рабыню, входитъ къ нимъ въ домъ и застаетъ ее въ сладострастныхъ объятіяхъ господина, который не прекращаетъ этого занятія, пока не удовлетворитъ своей похоти. Каждый день постоянно моютъ они лицо и голову самою грязною водою, какую только можно найти, именно: каждое утро приходитъ служанка, приноситъ большую лохань съ водою и ставитъ ее предъ своимъ господиномъ. Онъ моетъ въ ней руки и лицо, также волосы, чешетъ ихъ гребнемъ въ лохань, потомъ сморкается, плюетъ въ нее и не выплевы-

1) О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси, стр. 80 sq. 86—7.
2) Древности издан. Кіевск. врем. Коммисіей, К. 1846, таб. IX. № 1—2.

ваетъ нечистоты вонъ, а въ ту же воду[1]). Когда онъ окончитъ что слѣдуетъ, служанка переноситъ тотъ же самый сосудъ къ его сосѣду, и онъ дѣлаетъ то же. Такъ, поочередно, отъ одного къ другому, обноситъ она лохань, и каждый туда сморкается, плюетъ, моетъ лицо и волосы. Какъ скоро ихъ корабли стали на якорь на стоянку, каждый изъ нихъ идетъ въ городъ, имѣя при себѣ хлѣбъ, мясо, лукъ (чеснокъ), молоко и крѣпкій напитокъ (медъ), отправляется къ высокопоставленному чурбану, который имѣетъ точно человѣчье лицо и окруженъ небольшими изваяніями, за которыми поставлены снова высокія колья (частоколъ). Онъ подходитъ къ большому деревянному изображенію, бросается предъ нимъ на землю и говоритъ: «Владыка мой, я пришелъ издалека, привезъ столько-то рабынь съ собою, столько-то соболиныхъ шкуръ», и пересчитавъ такимъ образомъ всѣ свои привезенные товары, онъ продолжаетъ: «тебѣ принесъ я этотъ подарокъ», потомъ кладетъ принесенное предъ деревяннымъ идоломъ и говоритъ: «я прошу тебя, пошли мнѣ купца, богатаго чистыми золотыми и серебряными деньгами, который купилъ бы у меня все это и не перечилъ никакому моему требованію». Сказавъ это, онъ уходитъ прочь. Если его торговля идетъ плохо, и его пребываніе тамъ слишкомъ затягивается, онъ приходитъ снова, приноситъ второй и потомъ третій подарокъ. И если послѣ того, онъ все-таки не достигаетъ того, чего желалъ, онъ приноситъ одному изъ небольшихъ идоловъ подарокъ и проситъ его о помощи, говоря: «это нашего бога — жоны и дочери», и такъ переходитъ онъ отъ одного идола къ другому, прося ихъ о заступничествѣ и въ благоговѣніи преклоняясь предъ ними. Часто случается, что его торговля потомъ идетъ хорошо, и онъ продаетъ весь свой товаръ, онъ говоритъ: «мой Владыка исполнилъ мое желаніе, теперь мой долгъ его возблагодарить»; затѣмъ, онъ убиваетъ извѣстное число рогатаго скота и овецъ, раздаетъ одну часть мяса

1) Оссонъ переводитъ послѣднюю фразу: «il s'y mouche, il y crache, enfin il jette toutes ses ordrures dans cette eau», p. 92.

бѣднымъ, остальное приноситъ большому идолу и стоящимъ вкругъ него малымъ, вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на колья, вбитые въ землѣ позади небольшихъ идоловъ. Ночью приходятъ собаки и пожираютъ мясо, тогда онъ говоритъ: «мой Владыка благосклоненъ ко мнѣ, онъ принялъ (сожралъ) мою жертву».

Съ нѣкоторымъ изумленіемъ останавливается Я. Гриммъ[1]) на чертѣ нечистоплотности и сладострастія русскихъ купцовъ, онъ находитъ эти качества совершенно несогласными съ порядками древне-сѣвернаго и вообще древне-нѣмецкаго быта; дѣйствительно, не только древне-сѣверному быту, но и быту всякаго народа противорѣчатъ эти извѣстія; ибо трудно подумать, чтобы какой человѣкъ сталъ умываться помоями другого, имѣя подъ рукою чистую воду (въ Волгѣ)! Ибнъ-Фоцланъ недосмотрѣлъ и преувеличилъ видѣнное; преувеличеніе естественно вытекало изъ пресловутой чистоплотности Арабовъ, получившей значеніе религіознаго предписанія; не находя у русскихъ тѣхъ постоянныхъ омовеній и очищеній, которыя соблюдаются правовѣрными мусульманами, путешественникъ съ отвращеніемъ взглянулъ на простое, и до сихъ поръ вездѣ на Руси употребительное, обыкновеніе умываться изъ одной посуды, перемѣняя лишь воду; ему показалось, что каждый моется помоями другого... Могло такое преувеличеніе произойти и отъ неточнаго разсказа руководителя: Ибнъ-Фоцланъ слышалъ, что русскіе купцы поутру умываются поочередно изъ *одной* лохани, и его воображеніе дорисовало остальное, когда онъ взялся за писчую трость, чтобы передать своимъ чистоплотнымъ соотечественникамъ видѣнное. То же должно сказать и о сладострастіи русскихъ: частный случай могъ дать поводъ къ картинѣ, краски же для нея представила арабская противоположность. Отстранивъ преувеличенное, мы въ этой части разсказа получимъ правильное наблюденіе, что русскіе купцы въ Булгарѣ имѣли свои домашнія обыкновенія, содержали себя *по-своему*, т. е. *не по арабски*, и пользовались тѣми

1) Kleinere Schriften, II p. 294.

правами, какія предлагало рабство, для удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей. Очевидно, такое извѣстіе не имѣетъ рѣшительно никакой этнографической цѣны: въ равной мѣрѣ оно идетъ и къ Славянамъ, и къ Скандинавамъ, и ко всякому другому народу.

Торговля требуетъ внимательнаго осмотра. Прежде всего возникаетъ вопросъ: откуда приходила торгующая Русь. Изъ словъ Ибнъ-Фоцлана видно, что она приходила въ Булгаръ изъ своей земли путемъ рѣчнымъ и оттуда привозила свои товары: его купцы — *исключительно купцы* по роду занятій, они *исключительно ради торговли* приходятъ въ Булгаръ изъ своей страны и привозятъ *оттуда же* свой товаръ, они просятъ своихъ боговъ только объ успѣшной *распродажѣ* товара и *ни о чемъ* болѣе...; ни одна черта не указываетъ въ нихъ воиновъ-разбойниковъ, которые, случайно захвативъ добычу, продавали ее въ Булгарѣ; они ведутъ *постоянную* торговлю, потому имѣютъ опредѣленное мѣстопребываніе въ Булгарѣ (сравни выше, свидѣт. Массуди, стр. 012), опредѣленное мѣсто святилища; случайные удальцы не стали бы заводить его. И какимъ путемъ пришли бы Норманы изъ своего отечества въ Булгаръ? Городъ лежалъ внѣ знакомаго имъ сѣвернаго и восточнаго путей, они могли проникнуть сюда или изъ Біарміи, или изъ Кіева чрезъ Черное и Азовское моря, Дономъ и волокомъ въ Волгу; но послѣднее крайне невѣроятно, а Біармія сама предлагала выгодный торговый рынокъ; допустить средній путь, чрезъ Ладожское, Онежское и Бѣлоозеро Шексною въ Волгу, мы не можемъ по совершенному отсутствію всякихъ указаній. Въ такомъ положеніи, какъ были русскіе купцы Ибнъ-Фоцлана, могли быть только или природные русскіе Славяне, или Норманы переселенцы, избравшіе русскую землю своимъ вторымъ отечествомъ; и соображая всѣ обстоятельства разсказа Ибнъ-Фоцлана, нельзя не прійти къ мысли, что это были — первые, т. е. русскіе Славяне. Въ этомъ убѣждаетъ насъ какое-то постоянство торговыхъ связей купцовъ съ Булгаромъ, ясно чувствуемое изъ разсказа Ибнъ-Фоцлана: торговля соболями пред-

полагаетъ развитіе туземной промышленности[1]), которую трудно допустить для недавнихъ колонистовъ, пришедшихъ притомъ съ военно-административными цѣлями; торговля рабынями у русскихъ Славянъ находитъ подтвержденіе въ словахъ Святослава, что изъ Руси идетъ воскъ, медъ и *челядь* (Пов. вр. лѣтъ, подъ 6477 годомъ).

Ошибаются тѣ изслѣдователи, которые думаютъ, что язычество русскихъ Славянъ не доросло до обычая придавать видимую форму образамъ боговъ, что истуканы, поставленные въ Кіевѣ Владиміромъ, были произведеніемъ его личныхъ соображеній, его желанія установить общественное богослуженіе: намъ извѣстно, что кумиры — dii manufacti по выраженію Титмара, стояли и въ другихъ мѣстностяхъ русской земли, что ниспроверженіе ихъ сопровождалось *плачемъ* народа о своихъ богахъ; обычай придавать видимую форму божествамъ существуетъ и у племенъ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, потому нѣтъ причинъ не относить извѣстія Ибнъ-Фоцлана къ русскимъ Славянамъ; нѣтъ причинъ и *родственный союзъ* русскихъ боговъ араба объяснять скандинавскими понятіями[2]): слѣды затерянной, можетъ-быть нетвердой, генеалогіи боговъ видны и въ скудныхъ извѣстіяхъ о славяно-русскомъ язычествѣ. Жертвы богамъ ро-

---

1) «Бобры, соболи и горностаи, говоритъ пок. Савельевъ, вывозились изъ земли Веси или нынѣшней Вологодской губерніи, соболи ловились въ странѣ Эрзы (губерн. Нижегородской и Симбирской); лучшія чернобурыя лисицы, продававшіеся по 100 динаровъ, носили названіе буртасскихъ по имени страны Буртасовъ, гдѣ онѣ добывались (Саратовская и Пензенская губерніи); выдры водились въ сѣверныхъ рѣкахъ, въ земляхъ Булгара, Руси и Кіева, и привозились въ Булгаръ Руссами». Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи русской исторіи. Спб. 1847. стр. CCIV—V. Неужели въ странѣ, столь обильной пушнымъ товаромъ, торговлю производили не *свои* промышленники-купцы, а чужіе люди, неужели и самый товаръ шелъ не изъ ближайшей Руси, а изъ далекой Скандинавіи?

2) Какъ это дѣлаетъ *Расмуссенъ*, видящій въ женахъ и дочеряхъ божества скандинавскихъ Фриггу, Герту (?) и Скадe, Гуналду, Ринду и Гриду. De Orientis Commercio. p. 36 in notis.

гатымъ скотомъ достаточно подтверждаются свидѣтельствомъ Прокопія [1]).

«Если они (русскіе) поймаютъ вора или разбойника, то приводятъ его къ высокому толстому дереву, затягиваютъ прочную веревку вокругъ его шеи, привязываютъ ее къ дереву и оставляютъ его висѣть, пока онъ, разложившись отъ вѣтра и дождя, не распадется въ куски».

Способъ казни, весьма обычный на Руси: лѣтопись (подъ 1071 годомъ) разсказываетъ, что такъ повѣшены были волхвы на Бѣлоозерѣ, въ 1489 г. такая казнь была совершена надъ двумя преступниками [2]), позднѣе — законодательство усвоиваетъ этотъ народный обычай.

«Они предаются пьянству самымъ нелѣпымъ образомъ и пьютъ день и ночь напролетъ. Часто случается, что кто-нибудь изъ нихъ умираетъ со стаканомъ въ рукѣ».

Въ своемъ комментаріѣ Кругъ приводитъ много свидѣтельствъ о чрезмѣрномъ употребленіи Скандинавами крѣпкихъ напитковъ. Едва ли не болѣе свидѣтельствъ въ этомъ родѣ можетъ представить и русская старина. Почти съ самаго введенія христіанства церковная проповѣдь протестовала противъ этого порока, и притомъ иногда прямо называла его «поганскимъ норовомъ»; въ русской народной поэзіи — пиръ и пьянство принадлежатъ къ самымъ основнымъ, обыкновеннымъ мотивамъ: съ этого идетъ починъ всякому дѣлу, отсюда иногда выходятъ послѣдствія, наполняющія все содержаніе былины. Довольно указать на Ваську Буслаева съ его разгульными товарищами, чтобы видѣть, что купеческая Русь въ Булгарѣ не представляла исключенія изъ общаго правила и что поэтому только ее нельзя ставить въ рѣшительное родство съ Скандинавами [3]).

1) Καὶ θύουσιν αὐτῷ (т. е. богу-громовержцу) βόας τε καὶ ἱερεῖα ἅπαντα. De bello Goth. L. III, cap. 14.

2) Карамзинъ. Ист. Г. Р. т. VI прим. 312.

3) По извѣстности предмета считаемъ излишнимъ приводить документальныя ссылки: кто знаетъ слова *Өеодосія Печерскаго*, тотъ не потребуетъ дальнѣйшихъ подтвержденій извѣстіямъ арабскаго путешественника.

«У князей русскихъ существуетъ обыкновеніе, что вмѣстѣ съ княземъ, въ княжьей палатѣ (или на княжьемъ дворѣ) живетъ четыреста храбрѣйшихъ, надежнѣйшихъ людей изъ его свиты, которые готовы умерсть съ нимъ, или пожертвовать за него жизнью; каждый изъ нихъ имѣетъ дѣвушку, которая ему прислуживаетъ, моетъ ему голову, приготовляетъ ѣду и пищу, но при этомъ онъ имѣетъ еще и другую, которая служитъ ему наложницей. Эти четыреста сидятъ у (внизу) княжьяго стола, большого и украшеннаго драгоцѣнными камнями. За столъ съ собою онъ садитъ сорокъ дѣвокъ, назначенныхъ для его постели. Иногда онъ забавляется съ одной какой изъ нихъ въ присутствіи упомянутыхъ знатныхъ мужей своей свиты. Своего сѣдалища (дивана) онъ никогда не покидаетъ; когда же онъ захочетъ удовлетворить естественной нуждѣ, онъ употребляетъ для этого особую посуду; если онъ хочетъ выѣхать, ему подводятъ коня къ самому сѣдалищу, откуда онъ на него и садится; захочетъ онъ сойти съ коня, то подъѣзжаетъ къ своему престолу такъ близко, что съ коня прямо садится на него.

«Онъ имѣетъ своего намѣстника, который предводительствуетъ его войсками, сражается съ врагами и заступаетъ его мѣсто въ отношеніи къ подданнымъ».

Въ своемъ разсужденіи о «Варяжскомъ вопросѣ» (стр. 107) г. Гедеоновъ [1]) останавливается на этомъ странномъ извѣстіи Ибнъ-Фоцлана, говоря, что оно, по всей вѣроятности, относится не къ Олегу и Игорю, а къ предшествующимъ турецкимъ (т. е. хозарскимъ) династамъ. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о существованіи Хозарскаго каганата въ Кіевѣ, вопроса если и не рѣшеннаго достаточно, то, по крайней мѣрѣ, основательно по-

---

1) Сочиненіе г. Гедеонова, безспорно, замѣчательнѣйшее явленіе русской исторической литературы послѣднихъ годовъ; только ослабленію нашей любви къ занятіямъ этого рода должно приписать, что до сихъ поръ оно вызвало лишь краткія, но *значительныя* замѣтки г. Куника и пространныя, но незначительныя разсужденія г. Погодина. Сочиненіе заслуживало бы большаго вниманія и уваженія.

ставленнаго г. Гедеоновымъ, мы замѣтимъ, что мысль его находитъ не малую поддержку въ извѣстіяхъ Арабовъ о Хозарскомъ хаганѣ, его образѣ жизни и правленія [1]): отличаясь по подробностямъ отъ вышеприведеннаго, эти извѣстія не разнятся отъ него въ общемъ характерѣ восточнаго деспотизма; тѣмъ не менѣе, княжеская дружина, воевода, существованіе многихъ наложницъ, образъ пирующаго князя — черты, не противорѣчащія русской жизни X-го вѣка; но способъ его жизни — несомнѣнно восточный, столь же мало идущій къ русскому, какъ и къ скандинавскому быту. Допустимъ ли мы дѣйствительное присутствіе восточнаго начала въ бытѣ русскихъ династовъ (до Олега), припишемъ ли Ибнъ-Фоцлану преувеличеніе или этнографическое смѣшеніе Русскихъ съ Хозарами, во всякомъ случаѣ мы не найдемъ въ его извѣстіи поддержки для мысли о норманскомъ происхожденіи русскихъ купцовъ въ Булгарѣ.

Всѣ прочія показанія Ибнъ-Фоцлана касаются погребальныхъ русскихъ обычаевъ и уже подробно разсмотрѣны нами; здѣсь мы пополнимъ результатъ нашего осмотра авторитетнымъ мнѣніемъ Якова Гримма, который находитъ, что сожженіе въ кораблѣ или ладьѣ не можетъ быть исключительно выводимо изъ Скандинавіи, потому что оно представлялось само собою какъ бы необходимостью для чужеземцевъ русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Булгаръ [2]), принесеніе же въ жертву животныхъ — есть общераспространенный обычай, встрѣчающійся и у Литвы; поэтому Гриммъ не находитъ причины относить къ скандинавскимъ Варягамъ тѣ обычаи, какіе Ибнъ-Фоцланъ наблюдалъ въ Булгарѣ. «Естественнѣе всего принять, говоритъ нѣмецкій ученый, что какъ у Славянъ, такъ и у Нѣмцевъ издревле былъ общій, разнящійся лишь въ частностяхъ, обычай сожигать мертвецовъ; мы бы убѣдились въ этомъ вполнѣ, еслибы наши писатели

1) Ohsson. Les peuples du Caucase... p. 34 sq. Григорьевъ. Объ образѣ правленія у Хозаровъ. Ж. Мин. Н. Пр. 1834, стр. 3—6 отд. оттиска.

2) Мы позволили себѣ объяснить этотъ фактъ, какъ обычай и указали на его основаніе.

сумѣли представить обычаи съ тою наглядностью, съ какою Геродотъ изображалъ скиѳскіе, Прокопій — герульскіе, Вульфстанъ — обычаи Эстовъ (Пруссовъ), а Ибнъ-Фоцланъ — русскіе (?) [1]).

Земля Славянъ извѣстна и другому арабскому путешественнику половины X-го вѣка — *Эль-Истахри* [2]), но, кажется, главнымъ источникомъ его свѣдѣній объ ней былъ Массуди: Истахри знаетъ только, что Славяне живутъ въ сосѣдствѣ съ Русскими и Болгарами (какими?), земля ихъ граничитъ съ Римлянами (Греками) и землями Ислама. Ширину земли онъ опредѣляетъ, проводя линію отъ крайняго сѣвера до крайняго юга, т. е. отъ береговъ Океана до земли *Яджусъ* и Маджусъ (Гогъ и Магогъ) вдоль *Славоніи*, чрезъ землю Булгаръ и *Славянъ*. Говоря о торговлѣ въ Хорасанѣ, Истахри замѣчаетъ, что изъ земли *Славянъ*, Хозаръ и прилежащихъ странъ привозятся много рабовъ и привосходныя кожи [3]).

О *Руси* Истахри знаетъ гораздо болѣе: по немъ — она живетъ въ нынѣшней южной Россіи, сосѣдя съ землями Хозаръ и Булгаръ, между Булгарами и Славянами, такъ что землю Русскихъ (изъ ихъ земли) предъ входомъ въ Булгары протекаетъ Атель (Волга), которая потомъ вливается въ Каспійское море [4]).

«Русскіе раздѣляются на три вѣтви: первая живетъ по близости къ Булгарамъ, князь ея живетъ въ городѣ Кутабѣ (Куябѣ = Кіевѣ), который болѣе, чѣмъ Булгаръ; вторая вѣтвь

1) Kleinere Schriften, t. II, p. 293—4.

2) Нѣкоторые ученые несправедливо усвоивали сочиненіе Истахри—Ибнъ-Хаукалу: еще Френъ (I. F, 266 sq.), за нимъ Шармуа (Rel. 301 или 5), Мордтманъ (Buch der Länder, p. XII sq.) и Рено (Géogr. d'Ab. F. I, LXXXV) указали и исправили эту ошибку. Мы пользовались указаннымъ выше изданіемъ Мордтмана: Buch der Länder. 1845. Къ великому изумленію своему читатель не найдетъ на картѣ, приложенной къ этому изданію, ни *Славоніи*, ни *Славянъ*, а между тѣмъ карта составлена такимъ знаменитымъ картографомъ, какъ *Киперты*!

3) У Шармуа (Relation, p. 322 или 26 от. от.) нѣтъ извѣстія о рабахъ, за то есть иное: «въ Каріснѣ можно видѣть ковры изъ земли Славянъ и Хозаръ».

4) Mordtmann. Buch der Länder.. p. 1, 4, 103, 129.

называется *Славянами* (Словѣне), третья *Утане*, ихъ князь живетъ въ Арбѣ. Купцы ходятъ лишь до Кутабы, въ Арбу же не приходитъ никто изъ нихъ, потому что жители убиваютъ каждаго иноземца и бросаютъ его въ воду. Потому никто ничего не знаетъ о ихъ дѣлахъ, и ни съ кѣмъ они не состоятъ ни въ какихъ сношеніяхъ... Изъ Арбы вывозятъ черныхъ соболей и олово... Русскіе носятъ короткія платья. Арба лежитъ между землею Хозаръ и великими Болгарами (мизійскими), которые сосѣдятъ съ Римлянами (т. е. съ Греками), на сѣверѣ ихъ (т. е. Римлянъ). Эти Болгары такъ многочисленны и сильны, что налагаютъ на сосѣднихъ Грековъ дань. Внутренніе Болгары—христіане»[1])

Истахри хотя и заимствовалъ многое изъ Ибнъ-Фоцлана и Массуди, но приведенныхъ мѣстъ не встрѣчается въ извѣстныхъ ихъ сочиненіяхъ; потому можно думать, что онъ самъ зналъ описываемые народы и мѣстности; или, по крайней мѣрѣ, получилъ свѣдѣнія о нихъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ въ земляхъ прикаспійскихъ[2]). Много темнаго, спутаннаго находимъ мы въ извѣстіяхъ Истахри:

---

1) Mordtmann l. c. p. 106. Касательно Утанъ мы слѣдовали чтенію Мордтмана; Френъ (l. c. 162 sq.) читаетъ Арсане или Ерсане, Оссонъ (l. c. p. 84) Ertsayens; Абулфеда въ передачѣ этого мѣста Истахри пишетъ: вторая вѣтвь — Alsalaouye, третья — Alautsanye. (Geógr. d'Ab. F. II. p. 405); если чтеніе Френа вѣрно, то это будетъ народъ чудскаго происхожденія и Арабы причислили его къ русскимъ племенамъ по причинѣ, достаточно объясненной пок. Савельевымъ (Мухаммед. Нумизмат. стр. CXXI); но быть-можетъ — чтеніе Утане правильно, потому что это имя встрѣчается, какъ названіе одного изъ славянскихъ племенъ, см. Šafařik. Slov. Starož., 2 vyd. p. 648. Для нашей цѣли — дѣло въ сущности не измѣнится, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Что же касается до преувеличеннаго извѣстія о нелюдимой дикости этого племени, то оно придиктовано торговою ревностью Булгаръ, которымъ было не выгодно, чтобы Арабы вступили въ непосредственныя сношенія съ этимъ племенемъ, и для того они пугали ихъ ложными страхами. Послѣднее мѣсто *Истахри* о Болгарахъ—Рено (l. c. II, p. 306) читаетъ не такъ, а именно: «Русскіе изъ Арбы простираются до древнихъ греческихъ провинцій и находятся на сѣверѣ ихъ; они такъ многочисленны и такова ихъ сила, что они наложили дань на Болгаръ, прилежащихъ къ Римлянамъ».

2) Reinaud. Géogr. d'Aboul-Feda, I, p. LXXXIII.

странно напр. его заключеніе, что Китай граничитъ съ Славянами, неизвѣстно, что за городъ Арба или Арза[1]), и гдѣ былъ онъ; но главное передано вѣрно: Истахри не знаетъ пришлой дружины Руси, но осѣдлыхъ туземцевъ средней и южной полосы восточной Европы, онъ ставитъ ихъ въ связь съ Славянами (м. б. Словѣнами сѣверной части Руси), говоритъ о дѣйствительномъ, многочисленномъ Славяно-русскомъ народѣ и вѣтвяхъ его, а не о дружинѣ норманскихъ пришельцевъ, которая на русской землѣ могла имѣть лишь политически-административныя, но не этнографическія подраздѣленія.

Ибнъ-Хаукалъ заимствовалъ бо́льшую часть своихъ извѣстій изъ Истахри; но не все. О Славянахъ, сколько могу судить по доступнымъ мнѣ источникамъ, онъ не упоминаетъ вовсе, но нѣсколько разъ говоритъ о нападеніяхъ Руси на Булгаръ и однажды, кажется, на Болгаръ дунайскихъ[2]); о торговлѣ Руси съ Хозарами и Булгарами, которымъ они продаютъ шкуры выдръ[3]).

«Русь — по его словамъ — многочисленное и сильное племя, потому что когда-то они наложили дань на Римлянъ; съ одной стороны они торгуютъ съ Римлянами, съ другой — перевозятъ свои товары (мѣха) въ Булгаръ и оттуда спускаютъ въ Персію; ихъ корабли ходятъ до Хорасана, они носятъ короткія платья, и одни изъ нихъ брѣютъ бороду, другіе отпускаютъ ее и заплетаютъ точно, какъ мы (Арабы) заплетаемъ гриву у лошадей... Изъ Руси Хозары получаютъ медъ и мѣха»[4]).

Извѣстное мѣсто Истахри о трехъ племенахъ Руси Ибнъ-Хаукалъ повторилъ съ добавленіемъ, что

«Арсаи (Arsâja, по Френу — Ersanja) приходятъ водою (въ Булгаръ или къ Хозарамъ?) и производятъ торговлю, они ни-

1) Рено (l. c. II, p. 306) полагаетъ, что это Біармія = Пермь; древніе писатели упоминаютъ объ Арбѣ, Арсѣ, Рабѣ въ землѣ нынѣшнихъ юго-западныхъ Славянъ. Šafařík. Abkunft der Slaven, Of. 1828, p. 159—160.

2) Frähn. Ibn Foszlan, p. 66.

3) ibidem, p. 66. 147.

4) ibidem, p. 71. Ohsson. Les peuples du Caucase.. p. 89—90.

чего не говорятъ о своихъ дѣлахъ и товарахъ (?), никому не позволяютъ сопровождать себя и приходить въ ихъ страну. Изъ Арбы (Arsa, Ersa) вывозятъ мѣха черныхъ соболей, черныхъ лисицъ и олово»[1]).

Ибнъ-Хаукалъ, какъ извѣстно, лично былъ въ Булгарѣ на Волгѣ, потому, не смотря на запутанность его извѣстій, на несамостоятельный характеръ большинства изъ нихъ, все-таки для насъ можетъ имѣть нѣкоторую цѣну то, что онъ принимаетъ Русь за народъ туземный, обитателей Южной Россіи, и ничего не знаетъ о ихъ сѣверномъ происхожденіи.

Послѣдующіе арабскіе писатели не входятъ въ наше разсмотрѣніе: свидѣтели XI, XII и послѣд. вѣковъ едва ли должны быть приводимы въ доказательство норманскаго или славянскаго происхожденія Руси IX—X-го вѣковъ; замѣтимъ только, что значительный изъ нихъ — Муккадези († 1052) также не даетъ никакого права видѣть въ Руси Нормановъ, ибо устранивъ мнимый островъ Вабію[2]), въ его извѣстіяхъ не останется ни одной черты исключительно норманской.

Осмотрѣвъ бѣгло свидѣтельства древнѣйшихъ арабскихъ путешественниковъ о Славянахъ и Руси, нельзя не прійти къ убѣжденію, что ихъ Саклабы — несомнѣнное племя Славянъ, по преимуществу западныхъ; *Русь* же — племя Славянъ восточныхъ.

Нѣтъ ни одного факта, ни одного даже намека, который изобличилъ бы чуждое, скандинавское происхожденіе послѣднихъ....

Остается только самое наименованіе Руси, но можно и должно ли соединять съ нимъ скандинавское происхожденіе, когда подъ рукою нѣтъ никакого доказательства въ существованіи особаго скандинавскаго племени *Руси*? Мы не касаемся здѣсь неразрѣшеннаго понынѣ вопроса о происхожденіи этого наименованія, а

---

1) Frähn, l. c. p. 258.

2) Frähn, l. c. p. 8, 47, sq. отожествляетъ его съ Danieй, но Вабія есть не иное что, какъ дурное чтеніе имени прилагательнаго въ смыслѣ сырой болотистой земли.

дѣлаемъ лишь простое заключеніе по извѣстному. Арабы постоянно называютъ племя *Русь* и указываютъ на *южныя* ихъ жилища, съ первыхъ страницъ лѣтописи мы встрѣчаемъ Русь въ коллективномъ смыслѣ *русско-славянскихъ племенъ*, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ мы не находимъ этой Руси, ни одна черта въ бытѣ и характерѣ арабской Руси не обличаетъ исключительно скандинавскаго ея происхожденія, ни одна черта, за вычетомъ преувеличеній, не противна быту и характеру Славянъ — русскихъ; напротивъ, многое прямо подходитъ только къ нимъ и только ими объясняется... Къ кому же, какъ не къ русскимъ Славянамъ, должно отнести извѣстія Арабовъ? Къ такому выводу неминуемо придетъ всякій, для кого вопросъ о происхожденіи имени Русь имѣетъ значеніе дѣйствительно нерѣшеннаго вопроса.

Но станемъ на другую точку зрѣнія: примемъ распространенное историческое *вѣрованіе* о скандинавскомъ происхожденіи этого загадочнаго имени, убѣдимся, что Русь, русская земля стала такъ называться лишь съ прибытіемъ трехъ норманскихъ братьевъ съ дружиною,—дастъ ли это намъ право утверждать, что арабская Русь была дѣйствительно Русь норманская, пришлая, не славянская? Выше мы замѣтили, что во время, когда Ибнъ-Фоцланъ наблюдалъ обычаи и образъ жизни русскихъ купцовъ — этимъ именемъ могли называться уже и русско-славянскія племена, и они должны были такъ называться потому, что нигдѣ нѣтъ никакого слѣда, чтобы въ то время именемъ Руси обозначалась исключительно шведская Русь; имя становится общимъ, земскимъ, имъ необходимо должны были назваться славянскіе купцы, пріѣзжавшіе въ чужую страну: это было какъ бы залогомъ ихъ безопасности, порукой неприкосновенности ихъ и ихъ имущества; для Булгаръ они были *только русскіе*, сами для себя они могли быть и Полянами, и Сѣверянами, и Кривичами. И не покажется ли страннымъ, что едва лишь приходитъ чуждая *военная* дружина, едва успѣваетъ взять подъ свой надсмотръ неустроенныя массы туземцевъ, какъ изъ среды ея выдвигается уже мирное торговое сословіе, цѣли котораго совершенно иныя.

О пріѣзжей скандинавской Руси изъ отечества — и думать нечего; иначе, кромѣ прочаго, придется допустить немыслимую этнографическую странность: туземной скандинавской Руси не знають ни свои, ни сосѣди (иначе она заявила бы себя въ памятникахъ, въ особенности въ такой богатой литературѣ, какъ сѣверная): ее въ маломъ количествѣ знають только Булгары да Арабы.

Съ двухъ противоположныхъ концовъ мы приходимъ къ одному и тому же результату.

Русь арабскихъ писателей была *славянскою Русью*.

Къ стр. 013. Текстъ мѣста Ибнъ-Фоцлана о Славянахъ въ латинскомъ переводѣ Френа: «Slavi et quicunque iis conterminant, sub ejus imperio (sc. regis Chasarorum) serviliter sunt eique obedienter parent». Frähn. De Chasaris. P. 1812, p. 18.

Къ стр. 017—018. А. А. Куникъ замѣтилъ намъ, что Austrvegr, Vestrvegr, Norvegr — вовсе не значатъ пути, но *страны* или *земли*.

На память будущимъ библіографамъ.

Замѣтка о библіографіи въ отношеніи науки о русской старинѣ и народности.

1863.

Мы живемъ въ черезчуръ требовательное и строгое время: отъ каждой науки, отъ всякаго знанія мы требуемъ немедленнаго практическаго приложенія и не задумываемся окликнуть такое знаніе именемъ пустой и безполезной игры, если оно на наши торопливые вопросы отвѣчаетъ глухо и неопредѣленно. Людей, преданныхъ такой наукѣ, мы считаемъ или слишкомъ ограниченными, или *потерявшимися:* ихъ сломили, говоримъ мы, безвыходныя аномаліи жизни, и вотъ они ушли отъ волненій ея

въ безплодную пустыню схоластики, подобно тому, какъ въ средніе вѣка анахореты уходили въ идеальную область мистицизма, ища позабыться, отдохнуть отъ бурь и невзгодъ суровой дѣйствительности. Такимъ образомъ оцѣнивая область человѣческихъ знаній, отдѣляя годное и новое отъ стараго и износившагося и негоднаго, мы почти всегда мѣряемъ мѣрою слишкомъ личною, упускаемъ изъ виду, что при видимомъ разнообразіи явленій нравственной жизни человѣка, полезное для однихъ можетъ быть вовсе безполезно для другихъ: мы какъ будто забываемъ реальное, истинное значеніе пользы и, схвативъ верхушку ея, требуемъ, чтобы польза имѣла всеобщее благое значеніе, была для всѣхъ въ равной мѣрѣ доступна, всѣмъ въ равной степени полезна. Въ какія безвыходныя противорѣчія впадаемъ мы при такомъ взглядѣ — понять нетрудно. Не говоря уже о томъ, что этимъ бросается тѣнь на чистоту одной изъ благороднѣйшихъ потребностей человѣческой природы — *потребности знанія*, самое исключительное признаніе гражданскихъ правъ за однимъ родомъ занятій и презрительное отрицаніе ихъ за другимъ, когда оба они, другъ безъ друга, и существовать не могутъ — вотъ прямое слѣдствіе такого опрометчиваго воззрѣнія. Мы не изслѣдуемъ причинъ этого явленія: быть-можетъ, онѣ имѣютъ свое уважительное право на существованіе, но мы не могли не оправдаться въ нашемъ намѣреніи, когда рѣшаемся предложить нѣсколько мыслей о современныхъ задачахъ русской библіографіи.

Многочисленные, почтенные труды совершены русскими учеными на этомъ поприщѣ: Сильвестръ Медвѣдевъ, Сопиковъ, Калайдовичъ, Строевъ, Анастасевичъ, Кеппенъ, Востоковъ, Сахаровъ, Ундольскій, Максимовичъ, Горскій и Невоструевъ — имена, которыя не разъ помянетъ добромъ всякій трудолюбивый изслѣдователь русской науки; но это, говоря вообще — старина, отъ которой отклонилось новое поколѣніе русскихъ библіографовъ, и отклонилось, сказать правду, съ видимымъ ущербомъ для науки: библіографія послѣдняго десяти-

лѣтія какъ будто отказалась отъ служенія исторической наукѣ: она стала занятіемъ случайнымъ, отрывочнымъ или, говоря технически — *искусствомъ для искусства*, безъ опредѣленной цѣли, безъ строгаго метода—занятіемъ, отъ котораго никому не тепло, а многимъ холодно. Мы вовсе не раздѣляемъ насмѣшекъ, которыми отъ поры до времени преслѣдуетъ русская критика это *гробокопательство;* но нельзя въ самомъ дѣлѣ не сознаться въ безплодности и пустотѣ этихъ занятій, видя, какъ въ спискѣ сочиненій Гоголя опускаются «Мертвыя души», какъ въ указателѣ къ Губернскимъ Вѣдомостямъ, по ошибкѣ переплетчика, одинъ годъ предлагается вмѣсто другого, какъ въ каталогѣ записокъ русскихъ людей помѣщается, наприм., статья Сер. Аксакова о Дм. Б. Мертваго, и не упоминаются самыя записки Мертваго, какъ въ спискѣ русскихъ писательницъ — за писательницу принято даже одно названіе мѣстности, какъ «Рѣчь о любви къ отечеству» относится къ разряду государственнаго и сельскаго хозяйства, и такъ далѣе.... Мы бы могли отыскать сотни подобныхъ примѣровъ, вызывающихъ невольную улыбку сожалѣнія, что за такое многополезное и важное дѣло берутся люди, неуполномоченные наукою и предварительными строгими занятіями, и думаютъ, что вся *суть* дѣла въ простой регистратурѣ. Эти спѣшные валовые труды достойнымъ образомъ можетъ оцѣнить только тотъ, кто рѣшался пользоваться ими и слѣдовать ихъ указаніямъ! Сверхъ этого, библіографы послѣдняго времени всѣ какъ-то бросились на новизну и въ особенности на новый періодъ исторіи русской литературы. Упрекать ихъ за это, конечно, странно, но въ то же время нельзя не посѣтовать, что старина отодвинулась на задній планъ, ибо относительно старины библіографія можетъ оказать несравненно бо́льшую пользу, чѣмъ относительно новаго времени. Кто думаетъ, что для старины сдѣлано уже все возможное людьми, имена которыхъ мы привели выше, тотъ подтверждаетъ только нашу мысль о плохомъ знакомствѣ библіографовъ съ русскою историческою наукою и ея современными задачами и о полнѣйшей безотчетности ихъ заня-

тій[1]). Очевидно, что при такомъ такъ сказать *артистическомъ* направленіи новѣйшихъ библіографическихъ занятій, ими не можетъ воспользоваться русская наука: ученому у насъ еще нужно до всего доходить самому, въ одно и то же время быть и библіографомъ, и изслѣдователемъ предмета въ собственномъ смыслѣ; какъ отъ такого отсутствія раздѣленія труда страдаетъ современная наука—легко можно видѣть на каждомъ новомъ явленіи въ области русской исторической науки: не только старина выдается за новое, но и часто предлагаются такія мнѣнія, о которыхъ не могло бы быть и помину, еслибы изслѣдователь былъ знакомъ со всею предыдущею литературою предмета; часто строятся цѣлыя системы, оказывающіяся потомъ совершенно ложными, и все это только потому, что изслѣдователь упустилъ изъ виду какое-нибудь свидѣтельство или документъ, помѣщенный гдѣ-нибудь въ старомъ, забытомъ изданіи.

Мы желаемъ именно сказать нѣсколько словъ о томъ, какую пользу библіографія можетъ принесть наукѣ о русской старинѣ и народности; выбирасмъ эту часть русской исторической науки потому, что считаемъ ее фундаментомъ, красугольнымъ камнемъ всему остальному зданію. Замѣтимъ предварительно, что всѣ указанія, какія намъ придется дѣлать въ продолженіе этой замѣтки,

---

1) Что библіографическія занятія могутъ быть дѣломъ прихоти, а не науки, это доказываютъ и наши старые библіографы, все еще посвящающіе свои досуги Альдамъ и Эльзевирамъ. Конечно, grandes marges, papier vélin, vergé — вещи очень заманчивыя, но кто же будетъ относить это къ области исторической науки, а тѣмъ болѣе науки русской, гдѣ и безъ этого такъ много жатьбы и такъ мало дѣлателей. Это—библіографы-поэты: для нихъ библіографія уже чистое искусство, какъ для музыканта — музыка: они не бьютъ на практическую пользу—и потому стоятъ внѣ похвалы или осужденія, хотя всякій, конечно, согласится, что занятіе книгой, какой бы ни былъ ея характеръ—все-таки занятіе почтенное. О такомъ библіографѣ очень метко говоритъ одна эпиграмма Pont-de-Verdun'a.

La voilà, Dieu que je suis aise
Oui, c'est une bonne édition
Car, voici page douze et seize
Les deux fautes d'impression
Qui ne sont pas dans la mauvaise.

мы дѣлаемъ *на память*, безъ всякихъ справокъ съ книгами, которыя въ настоящую минуту, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, совершенно намъ недоступны, а потому просимъ извинить отсутствіе строгой библіографической точности, столь необходимой вездѣ, гдѣ дѣло касается библіографіи.

Нѣкогда намъ случилось читать превосходное сочиненіе Альфреда Морѝ: «Les fôrets de France» (4°); насъ особенно заняли тѣ отдѣлы сочиненія, въ которыхъ говорится о вліяніи лѣсовъ на образъ жизни, нравы, обычаи, вѣрованія и вообще на цивилизацію лѣсныхъ поселенцевъ. Увлеченные геніальными соображеніями автора, мы желали его точку зрѣнія провѣрить на отечественной территоріи и ея обитателяхъ, предвидя, сколь многое въ русской народности можетъ объясниться отъ такого пріема. Статья, помѣщенная въ «Beiträge zur Kenntniss d. Russisch. Reiches», издав. академиками Бэромъ и Гельмерсеномъ, а равно и извлеченіе изъ этой статьи, сдѣланное въ 1-мъ годѣ «Русскаго Вѣстника», не удовлетворили нашихъ исканій: намъ необходимы были историко-статистическія и географическія свѣдѣнія о лѣсахъ въ Россіи. Не обладая спеціальными свѣдѣніями о предметѣ, не имѣя подъ руками никакихъ библіографическихъ указаній, не пользуясь досугомъ, чтобъ предпринять самостоятельныя разысканія, мы должны были отказаться отъ нашего намѣренія и такимъ образомъ лишили себя возможности объяснить многія важныя явленія въ русской народности, только потому, что не имѣли подъ руками библіографіи вопроса. Что послѣдняя возможна, въ этомъ убѣдились мы, когда позднѣе, по совершенно другому побужденію, мы перечитывали разныя путешествія по Россіи, но часть извѣстныхъ намъ фактовъ — капля въ морѣ предъ тѣмъ богатствомъ извѣстій, какое заключается въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ, газетахъ, губернскихъ вѣдомостяхъ, и т. д. и до котораго не можетъ коснуться рука этнографа или историка безъ опытныхъ библіографическихъ указаній.

Всякому извѣстно, что русская народность не можетъ быть

въ строгомъ смыслѣ названа цѣльною, чуждою всякой чужеплеменной примѣси: обрусеніе инородцевъ чудскаго племени—фактъ, совершающійся предъ нашими глазами, но оно началось не вчера и не за сто лѣтъ предъ симъ: оно проходитъ чрезъ всю русскую исторію, слѣды его видны на первыхъ страницахъ лѣтописей; но принимая русскую народность, чудская культура въ свою очередь не прошла безслѣдно для русской цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. въ художественной обработкѣ металловъ) она стояла выше послѣдней; да, сверхъ этого, предположить отсутствіе чудского элемента въ той части русскаго населенія, которой приходилось быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ инородцами—это такая историческая невозможность, которая даже и теоретически, помимо фактовъ, немыслима. Воздѣйствіе иноплеменной народности на русскую замѣчается не только на сѣверѣ и востокѣ и западѣ, гдѣ оно такъ сказать во-очію у насъ, но и тамъ, гдѣ чужая народность только мимоходомъ коснулась русской, какъ на югѣ: ибо присутствія азіатскаго элемента въ бытѣ украинскихъ казаковъ этнографически, какъ кажется, отрицать невозможно. Какъ важны намѣченныя нами явленія для науки о русской старинѣ и народности — очевидно для каждаго; для посильнаго рѣшенія этихъ вопросовъ въ нашей ученой литературѣ имѣются богатѣйшіе матеріалы [1]), но они до того разбросаны по разнымъ изданіямъ (Жур. Минист. Внутрен. Дѣлъ, Горный журналъ, Губернск. Вѣдомости, Сибирск. Вѣстникъ и проч. и проч.), что для приведенія ихъ въ порядокъ потребно гораздо большее количество времени, нежели какое можетъ удѣлить изслѣдователь русской старины и народности, для котораго эта часть только небольшой уголокъ въ программѣ его обширныхъ занятій. Библіографическій указатель, составленный съ толкомъ и знаніемъ дѣла, не по однимъ только заглавіямъ, а съ

---

1) Въ прошломъ году изданы подъ редакціею акад. Кеппена «Матеріалы для исторіи инородцевъ въ Россіи». Это — извлеченіе изъ лѣтописей и правительственныхъ актовъ. Вотъ, въ полномъ смыслѣ, достойный библіографическій трудъ.

ученою оцѣнкою и краткимъ изложеніемъ содержанія сочиненія, принесъ бы здѣсь огромную пользу и далеко подвинулъ бы науку. Все досел высказанное нами насчетъ задачъ библіографіи становится еще необходимѣе, когда остановимся на собственно-нравственныхъ элементахъ русской народности: на народномъ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ, понятіяхъ о поэзіи и вообще литературѣ. Огромное количество матеріала областныхъ видоизмѣненій русской народности хранится въ нашей прежней литературѣ: почти нѣтъ журнала, нѣтъ газеты, сборника или книжки путешествій, гдѣ бы изслѣдователь не нашелъ для себя дорогихъ свѣдѣній или указаній, и между тѣмъ, странно подумать, что весь этотъ матеріалъ представляетъ какъ бы мертвый капиталъ науки, по крайней мѣрѣ ни одинъ еще изслѣдователь не воспользовался имъ въ должной мѣрѣ, да и едва ли можемъ воспользоваться безъ помощи библіографическихъ тщательныхъ указаній. Изъ многихъ примѣровъ остановимся на нѣкоторыхъ, болѣе яркихъ. Въ нѣмецкой наукѣ существуетъ цѣлая огромная литература народныхъ преданій: по пути, проложенному братьями Гриммами, изслѣдователи пустились собирать мѣстныя народныя преданія, и труды ихъ увѣнчались полнымъ, превосходящимъ ожиданія, успѣхомъ: цѣлую огромную библіотеку можно составить изъ книгъ, посвященныхъ этому одному предмету. Чтó выиграла при такомъ стремленіи наука, легко видѣть изъ каждаго новѣйшаго сочиненія, посвященнаго разработкѣ нѣмецкой старины и народности, въ особенности же изъ трудовъ Вольфа, Куна, Маннгардта и Шварца; но чтó представляетъ эта область науки у насъ? Три тощія, вполнѣ наполненныя вздоромъ, книжонки Макарова («Русскія преданія» М. 1838—41), и больше ничего! Въ матеріалѣ ли недостатокъ? Но довольно пересмотрѣть нѣсколько лѣтъ губернскихъ вѣдомостей и старыхъ журналовъ, чтобы убѣдиться, что матеріалъ существуетъ, хотя, конечно, не въ такой степени, какъ въ нѣмецкой наукѣ, гдѣ на этой области спеціально были посвящаемы многочисленныя и обширныя изысканія; но и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ мертвымъ капиталомъ

лежитъ въ архивахъ старой журналистики, путешествій, описаній и т. д., собранный и приведенный въ порядокъ библіографически, онъ принесъ бы несомнѣнную пользу наукѣ. Взгляните на отрывки изъ лекцій г. Буслаева, помѣщенные въ послѣднихъ книжкахъ журнала, издаваемаго г. Тихонравовымъ («Лѣтописи русской литературы и древности»), и вы увидите, какъ, за неимѣніемъ библіографически обслѣдованныхъ указаній, наука должна ограничиваться мелкими крохами, случайно попавшимися трудолюбивому изслѣдователю. Само собою разумѣется, что при такомъ характерѣ изслѣдованій не можетъ быть и рѣчи о той законченной полнотѣ, о той ясной убѣдительности доводовъ, которыя составляютъ необходимую принадлежность всякой серіозной науки. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отеч. Записокъ», мы намѣрены познакомить читателей съ небольшой частью архивнаго матеріала русскихъ преданій; тогда будетъ видно, какъ часто въ самой пустой, давно забытой книжкѣ, даже въ какой-нибудь повѣсти хранятся драгоцѣннѣйшіе факты русской народности, невошедшіе въ науку только потому, что эта послѣдняя чужда прочныхъ *библіографическихъ* основаній. Какъ важны для науки такія произведенія народной словесности, какъ загадки, пословицы, поговорки — объ этомъ и говорить нечего; такъ теперь никто уже не сомнѣвается въ этомъ, но еслибы изслѣдователь имѣлъ настоятельную нужду познакомиться, напр., съ пословицами, поговорками украинской народности, какія средства для этого нашелъ бы въ подручной ученой литературѣ? По одному сборнику г. Закревскаго («Старосвѣтскій бандуристъ». М. 1861 г.), совмѣстившему въ себѣ предыдущія (русскія и галицкое) изданія, онъ, пожалуй, заключилъ бы о бѣдности этого рода произведеній украинской народности, а между тѣмъ, самые дорогіе и обширные матеріалы по этому предмету залегли праведнымъ сномъ въ черниговскихъ, полтавскихъ, курскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ какомъ-нибудь «Маякѣ» или трудѣ г. Арандаренко о Полтавской губерніи. Нужды нѣтъ, что здѣсь зачастую чистое золото смѣшано съ грязью, вещи серіоз-

ныя и важныя съ самымъ наивнымъ задоромъ: опытный изслѣдователь легко отличитъ первыя отъ второго; ему нужны только строгія, методическія библіографическія указанія, чтобы знать, куда обратиться и за чѣмъ, а до остального онъ дойдетъ самъ, такъ какъ предыдущія разысканія могли развить въ немъ критическій тактъ и способность оцѣнки.

Еще примѣръ — изъ сферы народнаго быта, касающейся русской народной годовщины и дневника. Въ недавно вышедшей книгѣ «Памятники народнаго быта болгаръ» (М. 1862), находится болгарскій народный дневникъ и въ pendant къ нему нѣкоторыя черты изъ русскаго дневника. Эти черты крайне отрывочны и неполны, несмотря на то, что составитель или редакторъ видимо старался и думалъ о полнотѣ. Такое явленіе произошло опять отъ отсутствія ученой библіографіи предмета: составитель не воспользовался ни превосходными изслѣдованіями г. Максимовича («Рус. Бесѣда». 1856), ни описаніемъ праздниковъ малороссіянъ, составленнымъ когда-то г. Сементовскимъ и помѣщеннымъ въ «Маякѣ» 1843 г. Положимъ, серіозный изслѣдователь долженъ былъ знать объ этихъ трудахъ, такъ какъ они принадлежатъ къ числу самыхъ капитальныхъ по предмету народной годовщины и, сверхъ того, не могутъ быть отнесены, въ строгомъ смыслѣ, къ библіографическому архиву; но откуда знать ему, что самое главное по этой части помѣщено въ воронежскихъ и владимірскихъ вѣдомостяхъ (ст. Ан. фон-Кремера); всѣ такъ-называемые «Указатели» къ губернскимъ вѣдомостямъ могли *указать* ему только одно заглавіе, безъ всякой оцѣнки внутренняго содержанія и ученаго значенія труда, да и сами прежніе «Указатели», помѣщавшіеся въ «Вѣстникѣ Географическаго Общества», мало кому доступны. По древне-русской литературѣ мы приведемъ примѣръ, отчасти знакомый читателямъ «Отечественныхъ Записокъ». Въ августовской книжкѣ «Отеч. Зап.» (Отд. русской литературы) помѣщена рецензія перваго выпуска лекцій г. Костомарова. Рецензентъ, на стр. 261, говоритъ: «Спеціальныхъ сочиненій о лѣтописяхъ мы знаемъ три: Иванова,

Полѣнова и Перевощикова». Рецензія обнаруживаетъ въ себѣ человѣка, хорошо знакомаго и съ предметомъ и съ литературою его, но, несмотря на это, онъ выставилъ только *три* спеціальныхъ сочиненія о лѣтописяхъ, а ихъ существуетъ болѣе (напр. сочин. Срезневскаго: «О новгородскихъ лѣтописяхъ» въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ», Погодина, о томъ же и тамъ же, неизвѣстнаго автора въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1859 г.)[1]).

Предположить незнаніе со стороны рецензента трудно, такъ какъ мы уже сказали, что этому противорѣчитъ весь характеръ рецензіи. Чтó же за причина? Причина очевидна: это — отсутствіе строгой библіографіи предмета, безъ которой изслѣдователь легко можетъ упустить изъ виду тó или другое важное явленіе. Какъ часто самая повидимому мелочная замѣтка можетъ имѣть важность при изученіи исторіи литературы, это доказываютъ замѣтки г. Горскаго, разсѣянныя по «Москвитянину» (позднѣе онѣ были перепечатаны г. Погодинымъ въ его «Изслѣдованіяхъ»); иногда какая-нибудь рецензія важнѣе для науки самаго сочиненія, и эта рецензія проходитъ даромъ только потому, что не существуетъ ученой библіографіи, умѣющей по достоинству оцѣнить ее и такъ сказать спасти для потомства.

Сказать ли, что относительно рукописной и печатной старины наша библіографія уже покончила свое назначеніе, теченіе скончала и вѣру соблюла; но всякій, сколько-нибудь знакомый съ русскою наукою въ ея современномъ состояніи, согласится, что она только *начала* это дѣло, что много времени пройдетъ еще, пока она озаритъ свѣточемъ науки и воскреситъ старыя запыленныя хартіи, въ которыхъ опочила жизнь, нелишенная своей энергіи, своихъ тревожныхъ интересовъ.

Вотъ обильная и плодоносная жатва для нашихъ библіографовъ. Только прочнымъ знакомствомъ съ потребностями русской

1) Имѣя въ виду болѣе или менѣе общіе обзоры, рецензентъ не упомянулъ о статьяхъ, касающихся новгородскихъ лѣтописей, какъ не упомянулъ ни объ изслѣдованіи г. Лавровскаго касательно Іоакимовской лѣтописи, ни о трудахъ гг. Буткова, Кубарева и т. д. о Несторѣ.

(*Прим. редакціи «Отеч. Зап.»*).

науки и ея наличнымъ капиталомъ, вниманіемъ къ этимъ потребностямъ могутъ они сообщить своимъ занятіямъ характеръ, достойный науки, достойный настоящаго времени. Безъ этого всякое библіографическое занятіе будетъ праздною игрою досужаго ума и, чего добраго, заслужитъ то поощреніе, какимъ наградило французское правительство временъ революціи одного изъ своихъ согражданъ, посвятившаго долголѣтній трудъ на созданіе восковой модели Парижа и достигшаго въ этомъ дѣлѣ удивительнаго совершенства.

Оставивъ регистраторскіе труды и составленіе каталоговъ людямъ, на это призваннымъ, пусть библіографы наши послужатъ русской наукѣ, но для этого нуженъ строгій предварительный трудъ, строгій систематическій методъ. Прекрасныя начала и того и другого они найдутъ въ трудахъ такихъ предшественниковъ, какъ Строевъ, Кеппенъ, Востоковъ, Ундольскій и др. Конечно, единичному человѣку трудно и почти невозможно дойти до всего самому, а потому нельзя не пожелать, чтобъ и предметъ библіографическихъ занятій и самый методъ опредѣлялись сообща людьми опытными и имѣющими любовь къ этому роду занятій.

Мы указали только на одну часть библіографическихъ занятій, но часть, которая, по нашему понятію, должна лечь во главу угла прочему зданію.

Замѣтка о трудахъ Ѳ. Н. Глинки по наукѣ русской древности[1]).

1867.

Мм. Гг.

Не современникамъ извѣстнаго дѣятеля политической и общественной жизни принадлежитъ право окончательной, правдивой оцѣнки его подвига жизни: слишкомъ непроченъ и скоръ бываетъ этотъ судъ, слишкомъ много входитъ въ него живаго на-

1) Статья эта была также прочтена въ публичномъ собраніи Общества Л. Р. С., посвященномъ празднованію пятидесятилѣтія со времени избранія въ дѣйствительные члены Общества князя П. А. Вяземскаго и Ѳ. Н. Глинки.

чала личной страсти, симпатій и антипатій, чтобъ быть ему вполнѣ справедливымъ и безпрвстрастнымъ; потому лишь *немногіе* дѣятели при жизни своей находятъ правдивую, навѣки нерушимую оцѣнку, для огромнаго большинства лицъ послѣдующія поколѣнія всегда измѣняютъ — и иногда въ конецъ измѣняютъ этотъ судъ: много прежнихъ героевъ, умѣвшихъ на долгое время обмануть и подкупить историческій судъ, нисходятъ въ послѣдніе ряды обыкновенныхъ слабыхъ смертныхъ; много прежде неизвѣстныхъ и темныхъ именъ выходятъ съ теченіемъ времени на свѣтъ, окруженныя признательностью и славой, въ которыхъ отказало имъ легкомысліе современниковъ или ближайшаго потомства; но если правдивый историческій приговоръ принадлежитъ грядущему, то за современниками остается право признательности къ лицамъ, заслуги которыхъ по крайней мѣрѣ въ данное время не могутъ подлежать вопросу. Такъ позволяю я себѣ понимать значеніе сегодняшняго празднества нашего Общества: никто изъ насъ, мм. гг., не возьметъ на себя непринадлежащаго намъ суда надъ литературною дѣятельностью старѣйшихъ *дѣйствительныхъ* нашихъ сочленовъ; но кто же изъ насъ не помянетъ этой дѣятельности должною признательностью?.... Съ нашей стороны — это не мимолетное выраженіе оффиціальнаго почета на случай, а столько же необходимая потребность чувства правды и уваженія къ полувѣковой благородной дѣятельности, сколько и стремленіе привести въ ясность отношенія между нашимъ прошедшимъ и настоящимъ. Публичное выраженіе общей признательности къ литературному и ученому труду умѣстно вездѣ, но всего болѣе умѣстно у насъ, гдѣ занятія литературой и наукой въ сознаніи чуть ли не большинства не достигли полнаго признанія и все еще стоятъ за чертою, внѣ круга граждански-полезнаго дѣла, какъ занятія обходимыя, излишнія и даже суетныя: привѣтствуя признательностью литературную дѣятельность кн. П. А. Вяземскаго и Ѳ. Н. Глинки, мы въ лицѣ ихъ привѣтствуемъ благородное званіе литератора, мы требуемъ большихъ общественныхъ правъ для науки и лите-

ратуры, бо́льшаго общественнаго признанія и уваженія къ нимъ!

Оцѣнка литературной дѣятельности Ѳ. Н. Глинки будетъ не полна, если не обратить вниманія на ту сторону ея, которая, быть-можетъ, всего менѣе видна для образованной публики: молодыя поколѣнія съ именемъ Глинки знакомятся съ первыхъ шаговъ своего обученія, со школьной скамьи: вмѣстѣ съ другими немногими писателями, съ Карамзинымъ, Жуковскимъ, Крыловымъ — Ѳедоръ Николаевичъ раздѣляетъ имя русскаго педагогическаго классика, его стихотворенія и «Письма русскаго офицера» принадлежатъ къ числу необходимыхъ статей первоначальнаго чтенія воспитывающихся поколѣній — и вотъ одна изъ причинъ, почему его имя пользуется такою широкою популярностью; но изъ тѣхъ, кому извѣстно оно, многіе ли знаютъ Ѳедора Николаевича какъ человѣка родной науки, оказавшаго ей немаловажныя и, во всякомъ случаѣ, достойныя добраго слова, услуги. При настоящемъ праздникѣ непростительно, какъ-то совѣстно будетъ позабыть о нихъ. Я позволю себѣ остановить на нихъ ваше вниманіе, мм. гг., и постараюсь въ немногихъ словахъ показать значеніе того, что́ сдѣлано Ѳ. Н. Глинкой для отечественной науки.

Въ 30-хъ годахъ усиленные служебные труды разстроили, и безъ того некрѣпкое, здоровье Ѳедора Николаевича. Повинуясь предписаніямъ врачей, онъ отправился въ тверское имѣніе своей тещи, Е. И. Голенищевой-Кутузовой. Это обстоятельство и было поводомъ одного весьма важнаго открытія, сдѣланнаго Ѳ. Н. Глинкой. «Тамъ — писалъ онъ къ извѣстному археологу и статистику П. И. Кеппену — тамъ на древнихъ высотахъ Алаунскихъ, плавая въ сухомъ горномъ воздухѣ и дыша испареніемъ сосенъ и можжевеловыхъ кустарниковъ, началъ я много ходить. Долго, лѣса одѣтые листьями, и жатвы еще не снятыя, закрывали *тайну окрестностей*. Я не видалъ быта историческаго, но видѣлъ ясные и яркіе слѣды моря. Море какъ будто вчера тамъ было! Множество окаменѣлыхъ мадрепоровъ, морскихъ рако-

вишъ, гнѣзда морскихъ червей, въ разныя породы внѣдренныя, разсѣяны по полямъ этой стороны, любопытной и въ геологическомъ отношеніи. Наконецъ, когда осень стала сближаться, и лѣса и поля, по снятіи жатвъ, обнажились, я сталъ замѣчать какія-то *пятна*, индѣ задвинутыя камнями. Онѣ разсѣяны по полямъ и нивамъ на великое пространство. На вопросы: «что такое *эти лоскутья неоспаханные*», крестьяне отвѣчали: «это, батюшка, *старинныя могилки*, ихъ соха не беретъ!» Но впослѣдствіи, всмотрѣвшись и развѣдавъ объ этомъ дѣлѣ, узналъ я, что эти мнимыя могилки суть *поддонья бывшихъ кургановъ*, которыхъ потомъ нашелъ я цѣлыя *круговины*, восторжествовавшія надъ временемъ и множествомъ разрушительныхъ случаевъ. Слѣдя за курганами, я нашелъ также многіе камни — особенно любопытные — рѣзнаго искусства въ Россіи. Но всѣ эти камни обросли, затянуты болотными кочками, утонули въ грязи; а товарищи ихъ курганы утаены лѣсами и жатвами!... Надобно было много ходить, *всматриваться* и разспрашивать, чтобы напасть на слѣдъ любопытнаго, — на слѣдъ запаханный, заселенный, почти изглаженный. За то доселѣ никто и понятія не имѣлъ, что за Тверью есть или былъ цѣлый огромный бытъ какого-то неизвѣстнаго народа. Исторія молчитъ, преданія не говорятъ объ этомъ. Отъ Москвы до Твери нѣтъ ничего подобнаго. Откуда же въ Тверской Кареліи взялись курганы? Объ этомъ знаютъ или знали развѣ во времена *незапамятныя*» [1]).

Вотъ что привлекало вниманіе нашего поэта! Не однѣ картины дѣвственной сѣверной природы, которую онъ съ такимъ искусствомъ умѣлъ рисовать въ своихъ произведеніяхъ, но главнымъ образомъ слѣды опочившей жизни древняго человѣка, загадочные и молчаливые свидѣтели его быта, понятій и вѣрованій. Много потерпѣли эти памятники отъ разрушительной силы

---

1) См. О древностяхъ Тверской Кареліи. Извлеченіе изъ писемъ Ѳ. Н. Глинки къ П. И. Кеппену. Спб. 1836, стр. 2 и слѣд. (отд. отт. изъ 8-й кн. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1836 г.).

времени, всѣ они, выражаясь его же словами—заброшены, утаены въ лѣсахъ, утоплены въ болотахъ, но прилежно наблюдательный взглядъ неутомимаго ходака открылъ

«Могилы.... камней рядъ,
«На камняхъ дивныя сказанья!»

Плодомъ внимательнаго осмотра этихъ памятниковъ было: «Краткое извѣстіе о признакахъ древняго быта неизвѣстнаго народа и камняхъ, найденныхъ въ Тверской Кареліи»; Ѳедоръ Николаевичъ отправилъ эту статью къ Кеппену, который и напечаталъ ее вмѣстѣ съ письмомъ его — въ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ (1836). Нѣсколько позднѣе Ѳедоръ Николаевичъ пополнилъ и измѣнилъ это «краткое извѣстіе» и въ такомъ видѣ напечаталъ его въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ (т. 1, к. 2), издававшемся Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. На важные памятники исчезнувшей народной жизни Глинка взглянулъ не летучимъ взглядомъ равнодушнаго путешественника, но какъ человѣкъ, полный серіознаго интереса къ загадкѣ ихъ существованія, какъ поэтъ, души котораго сочувственно коснулись эти одинокіе камни и могилы, подъ которыми уснула исполинская мощь отшедшихъ невѣдомыхъ народовъ и поколѣній. «Можетъ-быть—думалъ и говорилъ онъ—можетъ, быть-подъ загадочными извитіями на этихъ мертвыхъ камняхъ трепещется мысль еще живая, еще мощная, ожидающая только возможности вырваться изъ вѣковаго плѣна своего, чтобы высказать себя на языкѣ для насъ понятномъ. Разрѣшивъ нѣсколько неизвѣстныхъ знаковъ, мы узнали бы, можетъ-быть, по крайней мѣрѣ имена тѣхъ народовъ, которыхъ невидимая роковая звѣзда могущественно влекла отъ плѣнительныхъ странъ Востока на Сѣверъ нашъ, тогда еще болѣе угрюмый, но богатый сокровищами природы, — непочатыми»!

Какъ былъ, такъ и здѣсь остался Глинка поэтомъ: чѣмъ сумрачнѣй и отдаленнѣй стояла передъ нимъ эта недосягаемая, сѣдая древность, тѣмъ болѣе она давала пищи фантазіи поэта,

тѣмъ шире и свободнѣе она представлялась глазамъ его. Такимъ поэтическимъ міросозерцаніемъ запечатлѣны всѣ общія воззрѣнія и заключенія нашего археолога-поэта. Такъ одинокіе, забытые, разсѣянные камни поражаютъ его одной своей странною особенностью: всѣ они сдѣланы такъ, что поставленные на своемъ подножьѣ, непремѣнно накрениваются на одну сторону и остаются всегда въ наклонномъ положеніи, составляя уголъ съ линіей горизонта. Простой ли случай, фактъ неразумной природы или дѣйствительный разумный фактъ народной жизни, только эта особенность карельскихъ камней вызываетъ въ душѣ наблюдателя слѣдующее поэтическое предположеніе: «Если вообразить—говоритъ онъ — что нѣкогда быть-можетъ нѣсколько сотъ такихъ разновидныхъ камней стояли вмѣстѣ, всѣ склонясь печально къ одной сторонѣ (можетъ-быть къ востоку), то нельзя не согласиться, что въ совокупности должны были они выражать одну общую мысль и—безъ сомнѣнія—мысль *унылую*...». Вопросъ— почему эти камни ниспровергнуты, разбиты и разсѣяны по полямъ, снова даетъ поводъ къ такой поэтической догадкѣ: «однѣ стихіи не могли, кажется, раскрошить на такіе мелкіе и часто правильные обломки этого стараго каменнаго быта! Можетъ-быть, какое-нибудь *враждебное племя*, сдѣлавъ набѣгъ на племена, *сидѣвшія* въ огромномъ каменномъ гнѣздѣ въ нынѣшней Тверской Кареліи, разбило ихъ домашнюю утварь, раздробило разноцвѣтные *палисады*, *изображенія птицъ*, завалило пескомъ *сухіе колодцы* (вѣроятно подземные входы и выходы), въ которыхъ находятъ иногда оружіе и вещи изъ домашняго быта; сорвало надгробные камни съ могилъ, словомъ — разрушило весь бытъ древнихъ алаунцевъ. Время, принявъ въ жернова свои остатки уцѣлѣвшаго, истерло ихъ почти въ пыль, болотная влага затянула могилы по долинамъ, и бытъ нѣкогда цѣльный, огромный, ярко пестрѣвшій среди необозримыхъ лѣсовъ, на темени Алауна, теперь едва примѣтенъ въ разсѣянныхъ отрывкахъ своихъ!» Сводя свои наблюденія къ общему итогу, Глинка еще съ большимъ, истинно поэтическимъ воодушевленіемъ и фанта-

зіей рисуетъ картину быта древней Кареліи: «Перенесемся — говоритъ онъ — на минуту въ глубокую древность, вообразимъ нынѣшнюю Тверскую Карелію—страну, пересѣченную холмами, оврагами и рѣчками, покрытую дремучими непроходимыми лѣсами, которыхъ теперь почти не осталось и признака; вообразимъ множество земляныхъ (тогда еще *высокихъ*) насыпей, кругообразно уставленныхъ по лѣсамъ; вообразимъ длинные ряды пестрыхъ каменныхъ *палисадъ*, смыкавшихъ курганы; прибавимъ множество *птицъ*, животныхъ и разновидныхъ символическихъ фигуръ, все высѣченныхъ, округленныхъ изъ камня; представимъ себѣ долины съ ихъ могилами и надгробными камнями, склоненными къ *одной извѣстной сторонѣ;* представимъ, что въ одну изъ темныхъ ночей, въ густотѣ древнихъ лѣсовъ, засверкали, въ видѣ обширнаго круга, огни на курганахъ, служившихъ алтарями; что бурное дыханіе сѣвера раздуваетъ эти *священные огни* и тысячи могучихъ великановъ, вооруженныхъ суковатыми *каменными палицами* — молятся!... Представимъ все это, и мы будемъ имѣть очеркъ картины дикаго, вѣроятно грознаго, земле-каменнаго быта, существовавшаго задолго до *Нестора*, можетъ-быть—во времена незапамятныя! Исторія моложе сихъ *построеній* и самое *преданіе* не умѣетъ ничего сказать о началѣ оныхъ. Теперь все, что̀ могло остаться, переживъ вѣка, утаено лѣсами, потонуло въ болотахъ, разсѣяно по полямъ, облитымъ зеленымъ и золотымъ моремъ жатвы, и смѣшалось съ произведеніями дна настоящаго моря, которое нѣкогда въ бурныхъ порывахъ своихъ захлеснуло верхи Алаупа»! Позднѣе еще разъ возвратился Ѳедоръ Николаевичъ къ своимъ любимымъ древнимъ курганамъ и насыпямъ Тверской Кареліи; они снова вызвали въ душѣ его мечту о жизни, опочившей подъ ихъ развалинами [1]). Къ прекрасному стихотворенію онъ присоединилъ прозаическое примѣчаніе, дополняющее его прежнія изслѣдованія и описанія. Позволяемъ

---

1) Стихотвореніе въ Москвитянинѣ 1851, № 8, стр. 291—2.

себѣ привести здѣсь небольшую выдержку, имѣющую интересъ и для археологовъ и для геологовъ:

«Надпись, найденная на одномъ изъ камней Тверской Кареліи, возбудила вниманіе Датскаго Общества Древностей, и одинъ изъ членовъ его прочелъ самую *надпись*, составленную изъ *двойныхъ* рунъ — doppelte Runnen. Именитый академикъ нашъ, г. профессоръ Шегренъ, занявшись тѣмъ же предметомъ, открылъ, въ той же надписи, и *славянскій* смыслъ.

«Оказывается, что на *томъ* мѣстѣ, или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежалъ камень, князь *Ингварь* (норманскій рыцарь) *былъ поднятъ на щитахъ*, т. е. провозглашенъ *вождемъ*. Какъ будто подъ пару надписи, на томъ же полѣ найдена каменная голова рыцаря, разумѣется, пострадавшая отъ времени, но шлемъ и кое-что уцѣлѣло.

«Въ мѣстахъ сдѣланныхъ находокъ всего примѣчательнѣе *подземные дубы*. Я называю ихъ *подземными*, потому что, по крайней мѣрѣ, на шесть аршинъ засыпаны они пескомъ и землею. По всей рѣкѣ Медвѣдицѣ, при спадепіи весеннихъ водъ, выказываются, изъ-подъ высокихъ береговъ, вѣтвистыя верхушки. Крестьяне, цѣлыми селеніями, посредствомъ каната и ворота, овладѣваютъ этими верхушками и извлекаютъ, изъ-подъ берега, дубы огромныхъ размѣровъ. У меня есть пластинки этихъ *подземныхъ* дубовъ, употребляемыхъ мѣстными жителями на разныя подѣлки. Тверская губернія почти сплошь покрыта теперь однимъ только *краснымъ лѣсомъ*: когда жь росли въ ней дубы, и такіе еще огромные?!—Въ тѣхъ же берегахъ находятъ и зубы *мамонта*, можетъ-быть современника былыхъ дубовыхъ рощей.

«Должно полагать, что нѣкогда (а когда это было?) грозный ураганъ, однимъ разомъ, повалилъ всѣ дубовые лѣса: ибо дубы всѣ лежатъ рядомъ и вершинами *всѣ въ одну сторону*. Тотъ же ураганъ надвинулъ откуда-то и глыбы песковъ, составляющихъ теперь зыбучіе берега тамошнихъ рѣкъ. — Касательно камней съ надписями, изъ которыхъ одна, какъ сказано, уже прочитана *Датскимъ* Обществомъ и нашимъ ученымъ Шегреномъ, у

меня есть два-три камня съ явственными знаками, заключающими въ себѣ мысль. И недавно получилъ я отъ (бывшаго, нынѣ уже умершаго) тверского губернатора (А. П. Бакунина), вмѣстѣ съ изданною имъ прекрасною статистическою книгою: «Описаніе состоянія Тверской губерніи», и одинъ камень (довольно большой), весь исчерченный знаками, имѣющими видъ переплетенныхъ между собою неизвѣстныхъ буквъ. Можетъ-быть, когда-нибудь исторія или догадливость ученыхъ *спрыснетъ живою водою* эти признаки и знаки древности, а до тѣхъ поръ поэту вольно любоваться ими, какъ *остатками* какого-то бывшаго міра».

Строгая наука устраняетъ изъ своей области поэтическую фантазію, она не жертвуетъ ей истиною, она требуетъ лишь дознаннаго факта, какъ бы суровъ, скупъ и непривлекателенъ ни былъ онъ, она признаетъ догадку осмотрительно, лишь въ крайнемъ случаѣ и то, когда существуютъ достовѣрныя для нея основанія, но да позволено будетъ нашему поэту и въ дѣлѣ науки не измѣнять призванію своей жизни; не станемъ упрекать его, что послѣ бесѣды съ нѣмыми памятниками сѣдой древности, онъ не остался холоденъ къ загадочной судьбѣ ихъ и далъ волю крылатой мечтѣ поэта. Отстранивъ поэзію, мы найдемъ и другую сторону въ небольшомъ трудѣ Ѳ. Н. Глинки, и она-то останется надолго достояніемъ строгой науки: это—внимательное, подробное описаніе того, что́, выражаясь его же словомъ, случилось ему встрѣтить въ Тверской Кареліи. Ѳ. Н. Глинка первый обратилъ вниманіе на каменныя древности сѣверной Россіи, первый указалъ на важные слѣды древняго исчезнувшаго быта, сохранившіеся въ каменныхъ постройкахъ и сооруженіяхъ, отъ его взгляда не ускользнула ни одна крупная черта ихъ, которою такъ дорожитъ изслѣдователь старины: обстоятельная топографія памятниковъ, подробное и точное описаніе внѣшняго ихъ вида, украшеній, способа постройки и вещей, въ нихъ находимыхъ — все осмотрѣно по возможности тщательно, насколько позволили средства и силы; даже и нѣкоторымъ догадкамъ его, при всей ихъ поэтической смѣлости, нельзя отказать ни въ убѣ-

дительности, ни въ остроуміи. Сохраняя всю свѣжесть литературнаго произведенія, небольшой трудъ Ѳ. Н. Глинки и понынѣ сохраняетъ все серіозное значеніе, пока ничѣмъ незамѣненнаго, ученаго описанія: несмотря на успѣхи русской науки древности, мы до сихъ поръ не можемъ указать ни на одно сочиненіе, которое сдѣлало бы ненужнымъ этотъ трудъ—и вотъ почему, независимо отъ своихъ историческихъ достоинствъ, онъ все еще имѣетъ за собою и достоинства такъ сказать современныя. Это заслуга прочная и нельзя съ благодарностью не помянуть о ней въ тотъ день, когда Общество Любителей Россійской Словесности празднуетъ пятидесятилѣтіе вступленія Ѳ. Н. Глинки въ число своихъ членовъ!

Некрологъ проф. Иванова.

1869.

30-го марта скончался въ Дерптѣ бывшій профессоръ русской исторіи въ Казанскомъ и Дерптскомъ университетахъ, Николай Алексѣевичъ Ивановъ. Въ скорбную книгу отшедшихъ дѣятелей русскаго просвѣщенія заносится еще одно имя, заслуживающее доброй памяти. Извѣстное немногимъ, оно тѣмъ не менѣе имѣетъ право на такую память, ибо путь жизни пройденъ этимъ человѣкомъ не безслѣдно для общаго блага — просвѣщенія.

Н. А. Ивановъ принадлежалъ къ тѣмъ миссіонерамъ, которыхъ умѣло отыскать и выслало на подвигъ блестящее министерство Уварова. Воспитанникъ Нижегородской гимназіи и Казанскаго университета, онъ довершилъ свое образованіе въ такъ-называемомъ второмъ профессорскомъ институтѣ въ Дерптѣ; здѣсь еще живы были преданія Эверсовой школы, и если тогдашній профессоръ исторіи Крузе могъ быть полезенъ молодому русскому ученому лишь своею богатою библіотекой, то онъ обильно вознаграждалъ себя въ слушаніи лекцій и бесѣдахъ съ

Рейцомъ, Бунге и Нейманномъ младшимъ; не мало, по его словамъ, обязанъ онъ и своему старшему товарищу Прейсу, который уже тогда изучалъ славянскія нарѣчія, исторію и литературу славянскихъ племенъ. Изъ такой школы Ивановъ вынесъ не только основательное знакомство съ историческими источниками и критическую отчетливость, но и цѣльность общаго воззрѣнія на историческія судьбы родной земли. Только при условіи этого общаго взгляда можно объяснить себѣ, что въ двадцати-четырехлѣтнемъ юношѣ возникла мысль написать сочиненіе, которое представило бы полную картину Россіи въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ; но мысль, конечно, и осталась бы мыслью — за недостаткомъ средствъ къ приведенію ея въ исполненіе, еслибъ г. Булгарину не вздумалось обратить ее въ свое прославленіе: онъ принялъ на себя доставить Иванову всѣ средства къ исполненію задуманнаго труда, съ обязательствомъ, однако, чтобы сочиненіе вышло въ свѣтъ не подъ именемъ настоящаго автора, а подъ псевдонимомъ издателя. Молодой ученый былъ настолько чуждъ литературнаго самолюбія, что принялъ это условіе, и въ 1837 г. появилась такимъ образомъ «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ», 4 части исторіи и 2 части статистики. Объ Ивановѣ упомянуто только, какъ о сотрудникѣ статистической части, а настоящимъ авторомъ — объявленъ Булгаринъ. Дѣло прошлое: оба виновника лежатъ въ могилахъ, и можно, кажется, объявить истину, и безъ того, впрочемъ, многимъ извѣстную. Самъ Ивановъ не любилъ разсказывать объ этомъ происшествіи: на мои неоднократные вопросы онъ отсылалъ меня къ статьѣ профессора Крузе въ Jenaische Allgemeine Litteraturzeitung, гдѣ, по его словамъ, описано все, какъ было; но однажды — въ добрую минуту — самъ разсказалъ все дѣло, прибавляя, что все-таки онъ обязанъ Булгарину доставленіемъ важнѣйшихъ литературныхъ пособій. Трудъ, о которомъ говоримъ, теперь забытъ многими, но едва-ли потому, что онъ заслуживалъ забвенія, а — ка-

жется — по милости своего ложнаго паспорта; по крайней мѣрѣ такой глубокій знатокъ славянскаго міра, какъ Шафарикъ, въ свое время отозвался объ этомъ сочиненіи съ полнымъ уваженіемъ (см. Часопись чешскаго музея 1837 г., стр. 372—4), да и теперь тридцати-семилѣтніе успѣхи науки не сдѣлали его совершенно лишнимъ.

Выдержавъ въ Дерптскомъ университетѣ экзаменъ на степень доктора философіи, Ивановъ въ 1839 году публично защищалъ диссертацію: «Cultus popularis in Rossia originis at progressus adumbratio», и вслѣдъ затѣмъ отправился въ Казань профессоромъ русской исторіи. Судя по тому, что́ удавалось намъ слышать отъ непосредственныхъ учениковъ его, дѣятельность его была особенно плодотворна въ первые годы профессорства, когда непривѣтливая среда и разныя обстоятельства еще не успѣли ослабить его благородной энергіи. Въ эту свѣтлую эпоху своей жизни онъ имѣлъ не только внимательныхъ слушателей, но и настоящихъ учениковъ[1]); читанные имъ курсы русской и всеобщей исторіи и русскихъ древностей возбуждали общій интересъ къ историческимъ занятіямъ и историческому образованію. Ихъ вліянію, кажется, должно приписать возникновеніе казанской исторической литературы, органомъ которой были сначала «Ученыя Записки» университета, а позднѣе — «Православный Собесѣдникъ». Къ этой же порѣ относятся и печатные труды Иванова, бывшіе результатомъ его прилежныхъ архивныхъ занятій въ библіотекахъ Москвы и С.-Петербурга, таковы: 1) «Краткій обзоръ русскихъ временниковъ, находящихся въ Москвѣ и С.-Петербургѣ». К. 1843 года, и 2) «Общее понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ». К. 1843 г. Можно ожидать, что эти труды окажутся теперь во многомъ недостаточными, но оказаться безполезными они не мо-

1) Вспомнимъ г. Артемьева, которому принадлежитъ замѣчательная диссертація «О вліяніи варяговъ на славянъ»: она писана подъ руководствомъ Иванова.

гутъ уже и потому, что представляютъ плодъ самостоятельной отчетливой работы надъ рукописными источниками. Послѣднее сочиненіе представляетъ живую картину развитія русской исторической науки до 1848 года и мѣткую оцѣнку ея явленій. Если ко всему этому мы присоединимъ небольшую статью «О сношеніяхъ папъ съ Россіей», то будемъ имѣть почти все, что издано Ивановымъ при жизни. Не велико число этихъ трудовъ, но нужно знать, гдѣ и при какихъ условіяхъ дѣйствовалъ человѣкъ, чтобъ воздержаться отъ празднаго укора въ недѣятельности.

Въ 1856 году Ивановъ перешелъ изъ Казани на каѳедру русской же исторіи въ Дерптскомъ университетѣ, а черезъ три года, по обстоятельствамъ, долженъ былъ выйти въ отставку. Дѣятельность его возобновилась нѣсколько лѣтъ спустя, но уже на другомъ поприщѣ: прежній профессоръ становится педагогомъ, преподавателемъ русскаго языка и русской исторіи въ Митавской gimnasium illustre. Его благородныя усилія возвести преподаваніе русскаго языка на степень, достойную педагогическаго предмета, его пріемы преподаванія, какъ намъ извѣстно, находили полное признаніе со стороны всѣхъ людей безпристрастныхъ, и приносили добрые плоды; еще болѣе, мы увѣрены, стремленія его будутъ признаны и оцѣнены въ настоящее время, когда дѣлаются попытки замѣнить ихъ иными... Во время своей педагогической дѣятельности Ивановъ получилъ порученіе отъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа составить обстоятельную програму русской исторіи для гимназій, и онъ съ увлеченіемъ юноши посвятилъ на это свои послѣднія силы. Произведеніе его вышло, въ своемъ родѣ, классическое: это не программа въ строгомъ смыслѣ, но полное руководство къ изученію русской исторіи, равно полезное и для педагогическихъ цѣлей, и для серіозныхъ спеціальныхъ занятій предметомъ. Къ сожалѣнію, Ивановъ успѣлъ напечатать только періодъ до времени Іоанна Грознаго; остальное, конечно, по нахожденіи оригинала, будетъ издано заботливымъ начальствомъ.

Должность преподавателя Ивановъ занималъ до февраля

текущаго года, когда Дерптскій университетъ пригласилъ его снова принять на себя обязанности доцента русскаго языка. Привязанный къ Дерпту съ юности, Ивановъ поспѣшилъ къ прежнимъ пенатамъ, надѣясь найти здѣсь успокоеніе своей тревожной, одинокой жизни — и встрѣтилъ *дѣйствительное успокоеніе!* Вмѣстѣ съ останками человѣка могила должна схоронить въ себѣ и память о мелкихъ слабостяхъ его природы, о страстяхъ, которыми, быть можетъ, омрачалась жизнь его. Только черствое чувство можетъ вспоминать о нихъ, когда рѣчь идетъ о доброй памяти почившаго, о правѣ его на добрую память... Вотъ почему, признавая безпристрастно это право за нашимъ близкимъ покойникомъ, мы простимся съ нимъ сердечнымъ пожеланіемъ: «да будетъ земля ему перомъ»!

Исторія русскаго права,

сочиненіе Ѳ. Леонтовича, выпускъ 1-й. Одесса. 8°, 151 стр.

1870.

Необходимость имѣть исторію русскаго права особенно стала чувствительна теперь. Къ высокому, безотносительному интересу самой науки, присоединились живые интересы практической жизни, и поучительныя истины первой могутъ свободно входить въ послѣднюю и имѣть свое доброе руководящее значеніе въ ней. То обстоятельство, что не всѣ еще матеріалы русскаго права извѣстны и вполнѣ разработаны, едва ли можетъ служить помѣхой къ попыткѣ общаго изложенія исторіи этой науки. Пробѣлами страдаетъ каждая историческая наука; это — прямое слѣдствіе недостаточности матеріала, которымъ можетъ располагать историкъ, и естественный признакъ роста науки: внося свѣтъ въ однѣ, темныя области, она вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ другія, новыя, дотолѣ незамѣченныя, стороны, которыя также бываютъ темны и нуждаются въ подобныхъ же разъ-

ясненіяхъ. Съ расширеніемъ взгляда, расширяются и самыя требованія. Преслѣдуя требованія безусловной полноты, должно навсегда отказаться отъ всякихъ попытокъ общаго изложенія историческихъ наукъ; а между тѣмъ подобныя попытки могутъ имѣть не только общеобразовательное значеніе, но и содѣйствовать дальнѣйшему развитію самой науки. Потому предпріятіе г. Леонтовича написать полную исторію русскаго права кажется намъ и своевременнымъ, и заслуживающимъ полнаго признанія и привѣта. Имя г. Леонтовича не въ первый разъ встрѣчается въ нашей историко-юридической литературѣ: онъ успѣлъ уже издать три замѣчательныя монографіи («Русская правда и Литовскій статутъ», «Крестьяне юго-западной Россіи по Литовскому праву» и «Древнее хорвато-далматское законодательство»), и нѣсколько статей по исторіи славянскаго права (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»). Къ области собственно славянскаго права принадлежитъ и первый выпускъ сочиненія, заглавіе котораго нами выписано выше, потому что въ немъ, главнымъ образомъ, излагается обычное право древнихъ славянъ и русскихъ въ особенности (до призванія князей). Эта часть служитъ какъ бы вступленіемъ въ исторію отечественнаго права, которая откроется со второго выпуска. Желая познакомить читателей съ этимъ трудомъ, мы представимъ обозрѣніе его содержанія и критическую оцѣнку тѣхъ, впрочемъ главнѣйшихъ, частей его, которыя соприкасаются съ предметами нашихъ собственныхъ занятій; оцѣнка же немногихъ страницъ чисто-юридическаго содержанія можетъ быть сдѣлана только юристами.

Во введеніи авторъ сначала предлагаетъ понятіе о предметѣ исторіи русскаго права, о внѣшней и внутренней сторонѣ ея, о раздѣленіи исторіи русскаго права на періоды. Здѣсь онъ входитъ въ подробную оцѣнку различныхъ мнѣній объ этомъ предметѣ и, представляя свое дѣленіе на шесть періодовъ, обозрѣваетъ кратко характеръ каждаго изъ нихъ. Не касаясь вопроса о важности и необходимости дѣленія исторіи русскаго права на

періоды и даже допуская, что авторъ сумѣлъ классифицировать предметъ лучше и вѣрнѣе своихъ предшественниковъ, все же едва ли можно признать сообразнымъ съ цѣлью общаго курса этотъ пространный переборъ мнѣній, иногда только тѣмъ и замѣчательныхъ, что они составлены помимо всякаго знакомства съ фактическою стороной предмета. Авторъ, безъ всякаго ущерба своему дѣлу, могъ избавить себя отъ такого труда и ограничиться только изложеніемъ своей собственной системы: степень основательности ея была бы лучшею критикой предшествовавшихъ мнѣній.

Слѣдующій затѣмъ отдѣлъ обнимаетъ обзоръ источниковъ исторіи русскаго права, т. е. простое библіографическое перечисленіе ихъ. Сознаемся откровенно, что этотъ перечень, какъ и исчисленіе трудовъ по исторіи русскаго права (стр. 60—65), мало удовлетворилъ насъ: мы не нашли здѣсь указанія на многое, несомнѣнно важное (напримѣръ, на «Исторію россійской іерархіи»—Амвросія); напротивъ, нашли указанія на многое, неимѣющее никакого значенія и даже такое, въ чемъ нѣтъ ни единаго слова о славянскомъ или русскомъ правѣ (напримѣръ, изд. «Рукописи графа Уварова» «Gildemeister»—Scriptorum arabum de Rebus indicis» и мн. др.); въ особенности же непріятно поразятъ каждаго внутренній безпорядокъ этого каталога и библіографическія неточности его. Для примѣра мы укажемъ, что извѣстное изданіе Тобина: «Die Prawda Russkaja» приводится три раза (стр. 35, 38), какъ-будто это три особыя сочиненія! Очевидно, что при многихъ указаніяхъ авторъ слѣдовалъ не собственному опыту, а такимъ же неточнымъ указаніямъ другихъ.

Вообще эти два параграфа книги г. Леонтовича нуждаются въ обстоятельной критической повѣркѣ, безъ чего они не достигнуть своей цѣли — служить указаніемъ источниковъ и пособій по исторіи русскаго права.

Далѣе авторъ разсматриваетъ научную обработку исторіи русскаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ методъ, которому должно слѣдовать въ обработкѣ его. Изъ трехъ главныхъ направленій въ

изученія предмета: западнаго, византійскаго и славянскаго, онъ считаетъ послѣднее (т. е. сравнительное изученіе славянскихъ законодательствъ) наиболѣе цѣлесообразныхъ въ примѣненіи къ исторіи русскаго права, хотя признаетъ въ то же время и важность изученія его параллельно съ правомъ другихъ народовъ неславянскаго происхожденія. Важность изученія византійскаго права авторомъ вовсе не уяснена и едва мимоходомъ затронута; нельзя признать справедливою мысль, что изслѣдователи, разработывавшіе исторію русскаго права сравнительно съ западнымъ, «не замѣчали общечеловѣческой природы юридическихъ явленій и объясняли сходство юридическихъ установленій у разныхъ народовъ — заимствованіемъ ихъ другъ у друга»; по крайней мѣрѣ это не совсѣмъ вѣрно относительно Эверса. Нѣсколько словъ въ этомъ отдѣлѣ посвящено и старой домашней распрѣ о родовомъ и общинномъ бытѣ, при чемъ авторъ вмѣняетъ въ особую заслугу покойному К. Аксакову и г. Бѣляеву разработку теоріи общиннаго быта. Сколько намъ извѣстно, Аксаковъ вовсе не пускался въ *разработку* этого предмета, а за г. Бѣляевымъ едва ли можно признать заслугу осторожнаго изслѣдователя. Теоріи общиннаго и родового быта еще ждутъ своего изслѣдователя. Если теорія строго замкнутаго родового быта не встрѣчаетъ оправданія въ исторіи, то столь же мало согласна съ исторической истиной и идеальная картина древне-русской общины, которую до сихъ поръ рисуютъ намъ нѣкоторые изслѣдователи. Изложенію собственнаго предмета, т. е. обычнаго права древнихъ славянъ вообще и русскихъ въ особенности (до призванія князей), авторъ предпосылаетъ библіографическій обзоръ источниковъ и пособій для этого времени; онъ составленъ хотя и нѣсколько обстоятельнѣе предыдущихъ двухъ, но также страдаетъ неполнотой и неточностями всякаго рода и также нуждается въ передѣлкѣ. Не указаны, напримѣръ, вовсе новыя, исправнѣйшія изданія латинскихъ источниковъ, пройденъ молчаніемъ столь важный для исторіи славянской культуры Саксонъ Грамматикъ, не помянутъ въ отдѣлѣ изслѣдованій

и прекрасный трудъ Воцеля Pravěk země české; наоборотъ указаны сочиненія и статьи, неимѣющія никакой цѣны и значенія...

Затѣмъ слѣдуетъ полное интереса разсмотрѣніе вопросовъ: о правдѣ, законѣ и обычаѣ у древнихъ славянъ, о мѣстныхъ и племенныхъ обычаяхъ и о консервативномъ характерѣ обычнаго права славянъ, о формахъ, символизмѣ и обрядности славянскаго права, о юридическихъ пословицахъ и формулахъ, о значеніи вѣщбъ, сказаній и пѣсенъ, о доскахъ и книгахъ, о внутреннемъ характерѣ и направленіи обычнаго права древнихъ славянъ, о религіозно-общинномъ характерѣ ихъ юридическихъ обычаевъ, наконецъ о дальнѣйшей судьбѣ обычнаго права у насъ и другихъ славянъ въ позднѣйшія эпохи государственной ихъ жизни. Вопросы, какъ видно — высокой важности и интереса! Но авторъ разсматриваетъ ихъ такъ бѣгло, въ такихъ общихъ чертахъ, что едва ли можетъ удовлетворить чье-либо пытливое вниманіе: собственныхъ разысканій — нѣтъ никакихъ; все ограничивается, не скроемъ этого, поверхностною передачей уже извѣстнаго; вмѣстѣ съ вѣрнымъ и доказаннымъ передается иногда и вовсе невѣрное или недоказанное. Укажемъ, напримѣръ, на невѣрную русскую передачу того мѣста изъ Суда Любуши, гдѣ говорится о «святоочистительной водѣ» (svatocudna voda), которую авторъ переводитъ беззначительнымъ словомъ: *святочудная вода;* укажемъ далѣе на повтореніе стараго, нынѣ всѣми оставленнаго, мнѣнія, будто бы у балтійскихъ вагровъ былъ особый deus juris, *Прове* — богъ правды, каратель кривды... Изъ сказаній Гельрольда намъ дѣйствительно извѣстно существованіе вагрскаго божества Prove, Proven, но чтобъ онъ былъ богомъ правды и карателемъ кривды — этого ни откуда не видно: до такого отвлеченія въ религіи не доходили балтійскіе славяне, и потому гораздо вѣрнѣе въ этомъ имени видѣть уменьшительное наименованіе Перуна.

Книгу заключаютъ *приложенія*, содержащія въ себѣ свидѣтельства о бытѣ древнихъ славянъ, извлеченныя изъ лѣтопис-

цевъ, географовъ и народныхъ (сербскихъ и чешскихъ) пѣсенъ. Такія приложенія нельзя не найти вполнѣ умѣстными, если они будутъ составлены съ извѣстной полнотой и критической осмотрительностью. Къ сожалѣнію, поспѣшность, бѣлыми нитками проходящая черезъ всю книгу автора, отразилась и здѣсь — и едва ли не болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Чтó авторомъ заимствовано изъ «Древностей» Шафарика, то, хотя и неполно, хотя и нуждается въ нѣкоторыхъ корректурахъ по новѣйшимъ изданіямъ, но вообще составлено критически; но то, чтó онъ приводитъ отъ себя, поразитъ каждаго своею неточностью. Таковъ его сборникъ извѣстій арабскихъ писателей. Здѣсь авторъ вовсе не различаетъ оригиналовъ или того, чтó, пока, должно считать за оригиналы, отъ простыхъ заимствованій, неимѣющихъ никакой цѣнности. Сверхъ того, онъ, напримѣръ, дѣлаетъ выдержки изъ доселѣ почти *неизвѣстнаго* сочиненія Массуди (Histoire des siècles etc.), тогда какъ эти мѣста находятся вовсе не тамъ (или, быть-можетъ, они существуютъ и тамъ, но этого — покамѣстъ *никто* не знаетъ), а въ другомъ сочиненіи того же араба, *извѣстномъ* всѣмъ подъ названіемъ «Золотыхъ Луговъ»; въ довершеніе же всего — авторъ открываетъ *новый арабскій* источникъ исторіи славянъ, именно писателя *Абу-эль-Кассира*, жившаго будто бы въ половинѣ X-го вѣка, и приводитъ изъ него выписки... Каждый, знакомый съ дѣломъ, догадается, что этотъ писатель есть подставное, вымышленное лицо, изобрѣтенное извѣстнымъ оріенталистомъ Оссономъ для того, чтобъ, странствуя съ нимъ, удобнѣе было свести въ одно цѣлое разнообразныя арабскія показанія о Кавказѣ и странахъ Южной Руси: Оссонъ самъ объявилъ это на 2-й же страницѣ предисловія къ своей книгѣ «Les peuples du Caucase», а авторъ поспѣшилъ принять этотъ «fraus pia» за дѣйствительность и приписалъ небывалому Абу-эль-Кассиму то, чтó въ дѣйствительности принадлежитъ Ибнъ-Хаукалю, Массуди и Ибнъ-Фадляну. Такія торопливыя, невѣрныя указанія могутъ ввести въ заблужденіе людей, не близко знакомыхъ съ предме-

томъ. Въ заключеніе скажемъ, что и корректура книги носитъ на себѣ слѣды такой же спѣшной работы.

Мы не скрыли важнѣйшихъ недостатковъ книги г. Леонтовича. Къ нѣкоторой строгости насъ обязывала и высокая важность предмета, и убѣжденіе, что такая необходимая книга скоро потребуетъ новаго изданія, что даровитый авторъ, при бо̀льшей методической отчетливости въ трудѣ, можетъ обогатить нашу историко-юридическую литературу прекраснымъ и долговѣчнымъ произведеніемъ. Съ этой точки зрѣнія мы и просимъ его взглянуть на наши краткія, безпритязательныя замѣтки.

Сравнительное языкознаніе.

«Sprache ist der volle Athem menschlicher Seele». J. Grimm.

I.

Очеркъ исторіи языкознанія. Филологія и лингвистика.

1870.

«Я васъ прошу—писалъ Гёте къ гр. Уварову—и, въ случаѣ необходимости, я требую отъ васъ обѣщанія: не ввѣрять никому изъ нѣмцевъ исправленія вашихъ (нѣмецкихъ) сочиненій. Навѣрно это отыметъ у нихъ именно то, что̀ составляетъ ихъ особое достоинство въ моихъ глазахъ и придастъ имъ много такихъ достоинствъ, къ которымъ я совершенно равнодушенъ. Пользуйтесь мирно всею огромною выгодою вашего невѣдѣнія *правилъ* нѣмецкой грамматики: вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я стараюсь позабыть ее!»

Полстолѣтіе придало много смысла этимъ словамъ перваго знатока нѣмецкой рѣчи!

До конца прошлаго вѣка наука о языкѣ находилась въ очень незавидномъ положеніи: классическіе филологи скромно ограничивались изученіемъ рукописныхъ варіантовъ въ произведеніяхъ

писателей древности и не шли далѣе—такъ называемой—практической грамматики, имѣвшей цѣлью научить правильно говорить и писать на языкахъ греческомъ или латинскомъ.

Общее направленіе литературы и образованности какъ средневѣковой, такъ и новой (съ эпохи *Возрожденія*)—не позволило языкознанію стать на родную почву и, ограничивъ его классическою стилистикою, стѣснило весь его кругозоръ въ узкія рамы книжнаго употребленія. Несмотря на то, что грамматическое изученіе довольно рано коснулось народнаго языка,—прежняя схоластическая схема удержала свои права и выродилась, наконецъ, въ довольно послѣдовательную доктрину, слѣды которой не совершенно исчезли еще и понынѣ. Въ такомъ примѣненіи филологическаго метода къ изученію родного языка заключалась большая ошибка: по весьма справедливому замѣчанію г. Буслаева «отношеніе учащихся къ чужому и къ родному языку—не одинаково.» Въ первомъ случаѣ ему должно—въ полномъ смыслѣ слова—*научиться употребленію языка* затѣмъ, чтобы понимать произведенія, на немъ написанныя; а во второмъ—съ колыбели практически знакомый съ языкомъ, онъ только приводитъ къ сознанію то, что употребляетъ дотолѣ безсознательно. Этого не понимали практическіе филологи, выросшіе на схоластической грамматикѣ—и потому очень серіозно преподавали *правила* правильнаго употребленія родного языка такимъ ученикамъ, которые, быть-можетъ, говорили гораздо правильнѣе своихъ наставниковъ.

Такого рода направленіе въ изученіи родного языка господствовало въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка въ Германіи; представителями его были двое извѣстныхъ ученыхъ того времени: Готшедъ и Аделунгъ. Несмотря на довольно близкое знакомство съ памятниками готскаго и древне-верхне-нѣмецкаго языковъ—они не извлекли изъ этого знанія никакой существенной пользы: имъ обоимъ недоставало историческаго смысла; оттого они не поняли ни историческаго движенія языка, ни того преимущества, какое имѣлъ старинный языкъ предъ новымъ;

по ихъ понятіямъ — вторая четверть прошлаго вѣка была золотою эпохою нѣмецкой литературы и языка, эпохою, предъ которою всѣ памятники древней литературы оказывались грубыми и необразованными по содержанію и по языку. «Самоувѣренно — говоритъ Вильг. Гриммъ — выступила тогда грамматика подъ начальствомъ Готшеда — и думала поставить языкъ на ноги; но не имѣя основанія въ историческомъ изслѣдованіи и навязывая языку законы мелкаго разсудка, она не могла попасть на истинную дорогу. Такое зданіе было не прочно: подчиненный произволу языкъ получилъ однообразіе и кажущуюся прочность, но внутренняя живость въ немъ исчезала».

Такъ называемая — общая или философская грамматика, появившаяся еще въ концѣ прошлаго вѣка, внесла живой элементъ въ однообразную, схоластическую область грамматическаго изслѣдованія: произвольныя, тощія правила съ тѣхъ поръ утратили всякій кредитъ; потребовалась *разумная основа* въ построеніи языка, и даже техника доктрины не ушла отъ нападокъ, когда сдѣлалось яснымъ, что она относится только къ двумъ классическимъ языкамъ, уже умершимъ, и не можетъ быть примѣнима къ языкамъ живымъ [1]). Но, при всемъ томъ — философская грамматика была крайне одностороння и обѣщала болѣе, чѣмъ дать могла. Имѣя въ виду извлечь общіе результаты и подвести разумный философскій итогъ тому, чтó было сдѣлано по языкознанію до той поры — сама она приняла этотъ готовый матеріалъ за чистую монету и нисколько не сомнѣвалась ни въ пользѣ, ни въ законности филологическаго способа изученія роднаго языка. Да — къ тому — она имѣла дѣло съ вопросами слишкомъ общими, философскими или логическими, и почти никогда не спускалась до дробнаго фактическаго анализа. Такимъ

1) Кому покажется наше мнѣніе о значеніи философской грамматики конца прошлаго вѣка—преувеличеннымъ, того мы отсылаемъ къ статьѣ извѣстнаго Потта о Сравнительной грамматикѣ Боппа, въ Hallische Jahrbücher 1838, №№ 54, 55 и сл. Авторитетомъ извѣстнаго лингвиста мы скрѣпляемъ, въ этомъ случаѣ, наше мнѣніе.

образомъ, безъ твердыхъ основаній, безъ отчетливаго изслѣдованія огромнаго матеріала, она торопливо хотѣла построить цѣлую разумную грамматическую систему, и само собою разумѣется, могла построить одну пустую форму, безъ внутренняго содержанія и жизни.

Въ то же время, если еще не ранѣе, развилось и направленіе *сравнительное*, но и здѣсь успѣхъ не соотвѣтствовалъ усиліямъ и ожиданіямъ! Вмѣстѣ съ небольшою долею вѣрныхъ сближеній — въ науку вошло столько лжи и произвола, что сдѣлалось невозможнымъ положить между ними различіе. Самые выводы и общія заключенія ни къ чему не вели и ничего вѣрнаго не говорили: изъ голыхъ сравненій словъ можно было только заключать о сродствѣ языковъ, но ни степень этого сродства, ни его причина—не находили надлежащаго объясненія. Лингвисты, обыкновенно, отправлялись отъ положеній, заранѣе принятыхъ на вѣру и ни на чемъ не основанныхъ, каково напр. положеніе о существованіи общаго *праязыка*, котораго искали то въ еврейскомъ, то въ египетскомъ, китайскомъ, мечтательномъ скиѳскомъ, кельтскомъ и даже—фламандскомъ!

Лингвистическія доказательства сводились къ тому, чтобы подтвердить такое, напередъ сложившееся мнѣніе, что̀ и оказывалось весьма не труднымъ при совершенномъ произволѣ въ сближеніяхъ. Вообще языковѣды прошлаго вѣка мало заботились о томъ, чтобы путемъ историческаго анализа вывести прочные законы развитію языка: для нихъ не существовало правильности въ переходѣ звуковъ и измѣненій словъ; каждое слово у нихъ оказывалось способнымъ ко всевозможнымъ растяженіямъ и измѣненіямъ. Говоря правду — иначе и быть не могло при отсутствіи основательнаго знакомства съ историческими памятниками языковъ и при несуществованіи критеріума, на который бы можно было опереться, потому что изъ языковъ не-европейскихъ изучались только тѣ, которые стояли въ связи съ текстами Ветхаго Завѣта. Основательному взгляду на сущность и отношенія языковъ кромѣ того — много вредили разныя анти-

научные, теологическіе предразсудки, заранѣе облекшіеся въ неизмѣнную форму, не допускавшую никакихъ ученыхъ изслѣдованій, или сочиненій.

Наконецъ, послѣ долгихъ неудачъ, для языкознанія выдалась счастливая минута: владычество англичанъ въ Остъ-Индіи повело къ открытію, что древнѣйшая литература индусовъ носитъ на себѣ неопровержимые знаки первобытной, дѣвственной красоты и совершенства. Первая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ англичанину Уильяму Джонсу († 1794 г.), который въ 1783 году отправился въ Индію и въ 1784 основалъ въ Калькуттѣ *Азіатское общество*; такимъ образомъ нѣкоторые изъ англичанъ усвоили себѣ выработанную систему древней санскритской грамматики. Эта грамматика образовалась совершенно независимо отъ эллинской науки, и даже гораздо ранѣе ея, потому-что уже въ III вѣкѣ до Р. Х. мы встрѣчаемъ полную грамматическую систему Санскрита (Панини Віакáрана), гдѣ тщательно отдѣлено все, чтó относится къ флексіямъ и производству словъ, отъ собственныхъ корней. Такого рода познанія были принесены англичанами въ Европу — и лингвисты узнали древнѣйшій языкъ, съ которымъ стоятъ въ ближайшей связи всѣ (индо-европейскія) нарѣчія Европы и Азіи. Это открытіе составляетъ поворотную точку въ языкознаніи.

Рѣшительный шагъ въ этомъ отношеніи — прежде всѣхъ — сдѣлалъ Францъ Боппъ (род. 1791 г.) своимъ сочиненіемъ: «О системѣ спряженій въ санскритѣ сравнительно съ греческимъ, латинскимъ, персидскимъ и нѣмецкимъ языками.» (Uber das Conjugationssystem der Sanscritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache. Fran. am. M. 1816 г.). Подробнымъ разборомъ спряженія и образованія частей рѣчи — онъ показалъ, что различіе между этими языками не было первоначальнымъ, а произошло съ теченіемъ времени, что, напротивъ, они имѣютъ общее основаніе и стоятъ между собою въ тѣсной связи. Въ 1824 году Боппъ читалъ въ Прусской Королевской Академіи Наукъ свой

«Сравнительный анализъ санскрита и родственныхъ съ нимъ языковъ» (Vergleichende Zergliederung des Sanscrits und der mit ihm verwandten Sprachen. B. 1824). Такимъ образомъ *санскритъ* послужилъ основаніемъ для геніальныхъ грамматическихъ изслѣдованій — и весьма понятно почему: въ санскритѣ мы имѣемъ тотъ живой отпечатокъ древнѣйшаго языка, которому обязаны своимъ происхожденіемъ всѣ индо-европейскія нарѣчія; если и они сохраняютъ въ себѣ много первобытныхъ свойствъ, объясняющихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самый санскритъ, то все же онъ занимаетъ между ними первое мѣсто по богатству корней, полнотѣ флексій и способности къ образованію словъ. Въ санскритѣ открывался ключъ къ разъясненію всей обширной области индо-европейскихъ языковъ: здѣсь уже не могло быть мѣста тѣмъ недалекимъ и нохитрымъ сближеніямъ, какими пробавлялись лингвисты прошлаго вѣка: поразительное сходство его съ языками европейскими уже не находило объясненія ни въ заимствованіи, ни въ историческомъ вліяніи одного народа на другой; оставалось принять за несомнѣнную истину родство племенное. Вопросъ о п р а я з ы к ѣ, отъ котораго будто бы пошли всѣ прочіе языки земного шара — также устранился самъ собою, за неимѣніемъ прочной точки опоры: признать такимъ языкомъ санскритъ было невозможно уже и потому, что онъ самъ не свободенъ отъ нѣкоторой позднѣйшей испорченности и находилъ свое полное объясненіе только въ сравненіи и связи съ прочими родственными языками, съ зендомъ, кельтскимъ, латинскимъ, греческимъ, нѣмецкимъ и славянскимъ, между которыми онъ былъ старѣйшимъ по своей первобытной чистотѣ и органической правильности строя. Сверхъ этого разработка языковъ азіатскихъ показала въ нихъ такое коренное различіе отъ языковъ индо-европейскихъ, что мысль объ общемъ п р а я з ы к ѣ стала чистою невозможностію въ смыслѣ научномъ.

Итакъ санскритъ былъ принятъ за исходный пунктъ при сравнительныхъ сближеніяхъ. Отсюда—прежде всего—долженъ былъ измѣниться самый сравнительный методъ. Необходимость

его была давно уже признана и тѣмъ живѣе чувствовалась, чѣмъ глубже шло убѣжденіе, что безъ него нельзя ни опредѣлять сродства и соотношенія различныхъ языковъ, ни понять первоначальнаго значенія словъ и тѣхъ внутреннихъ законовъ, какимъ слѣдуютъ языки въ своемъ образованіи и развитіи. Сравнительная этимологія теперь перестала быть дѣломъ прихоти и произвола: языковѣды не смотрѣли уже на нее лишь какъ на средство для подтвержденія заранѣе принятыхъ убѣжденій, иногда составившихся, помимо всякаго знакомства съ фактами, путемъ темныхъ, антинаучныхъ внушеній. Поэтому, прежде чѣмъ выводить общія заключенія, лингвисты озаботились точнымъ сравнительнымъ изученіемъ матеріала; тогда открылось, что всѣ родственные языки главнымъ образомъ сходны въ именахъ числительныхъ и мѣстоименіяхъ, а иногда и въ образованіи падежей и глагольныхъ флексій. Изъ сравнительнаго анализа этихъ частей рѣчи опредѣлялись отношенія и законы перехода звуковъ въ различныхъ языкахъ, явилась возможность почти съ математическою точностью узнать: какіе элементы родственныхъ языковъ должны соотвѣтствовать извѣстному элементу въ санскритѣ и, такимъ образомъ, прежнія сравнительныя сближенія по одному пустому созвучію—должны были уступить осторожной лингвистикѣ, основанной на прочныхъ законахъ перехода звуковъ. Конечно, это совершилось не вдругъ, и въ исторіи сравнительнаго языкознанія можно замѣтить нѣсколько измѣненій. На первой порѣ изумительнаго открытія о сродствѣ языковъ — о чемъ прежде едва подозрѣвали,—само собою разумѣется, изслѣдователи должны были перейти границы настоящей правильной точки зрѣнія: съ жадностью лингвисты бросились на огромное количество матеріала, стремясь сперва взять его съ бою, овладѣть имъ и оставить на время всякіе выводы и заключенія. Такое направленіе обнаруживается всего яснѣе въ первыхъ трудахъ Бенфея и Потта. Въ своемъ «Греческомъ корнесловѣ» (Griechische Wurzellexicon. B. 1839—42) Бенфей предложилъ опытъ сравнительнаго объясненія всего запаса греческаго языка, обращая

при томъ вниманіе и на языки родственные. Ав.-Фр. Поттъ не ограничилъ своихъ разысканій какимъ-нибудь однимъ языкомъ и распространилъ ихъ на всю индо-европейскую область (за исключеніемъ языковъ славянскихъ, тогда еще мало извѣстныхъ нѣмецкимъ ученымъ); таковы его: «Этимологическія разысканія въ области индо-германскихъ языковъ» (1833—36 2 т.); въ 1856—61 гг. они вышли вторымъ изданіемъ въ совершенно новомъ видѣ: здѣсь уже приняты во вниманіе и языки литовскій и славянскій (Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indo-Germanischen Sprachen unter Berücksichtigung ihrer Hauptformen Sanscrit, Zend-Persisch, Griechisch-Lateinisch, Littauisch-Slavisch, Germanisch und Keltisch. II Aufl. in völlig neuer Umarbeitung L. 1859—61 2 v.). Тогда же и Боппъ началъ собирать всѣ отдѣльныя свои изслѣдованія въ одно цѣлое и въ 1833 году вышелъ первый выпускъ его знаменитой «Сравнительной грамматики». Она выходила выпусками и съ каждымъ выпускомъ постепенно расширяла свой объемъ: сначала онъ ограничивался только санскритомъ, зендомъ греческимъ, латинскимъ, литовскимъ, готскимъ и нѣмецкимъ языками; а потомъ, въ послѣдующихъ выпускахъ, являются: славянскій, древне-персидскій и армянскій. Съ пятаго выпуска Боппъ принимаетъ во вниманіе и ударенія.

Въ другихъ своихъ трудахъ Боппъ назначаетъ также и кельтскому, и осетинскому мѣсто въ кругѣ индо-европейскихъ нарѣчій. Съ 1857 года «Сравнительная грамматика выходила вторымъ, совершенно переработаннымъ изданіемъ, и окончилась въ 1861 году. Она обнимаетъ всю формальную сторону языка: звуки, флексіи и образованіе словъ. Но при всемъ томъ, методъ изслѣдованія все еще не имѣлъ бы той безукоризненной точности и правильности, при которой бываютъ невозможны всякаго рода гаданія, если бы этому недостатку не помогли съ одной стороны — классическая филологія, съ другой — исторія, или вѣрнѣе — историческій методъ. Курціусъ, одинъ изъ основательнѣйшихъ знатоковъ классической филологіи, справедливо замѣчаетъ, что

сравнительное языкознаніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время, едва ли было бы возможно безъ тщательныхъ изслѣдованій по классической филологіи, безъ Аристарха, Геродіана, Бутмана, Лобека и др. [1]) Однако, вначалѣ, новая наука долго не получала признанія и была встрѣчена насмѣшками филологовъ, воспитавшихся на строгомъ изученіи языка образцовыхъ писателей древности; они съ неудовольствіемъ встрѣчали этимологическія сближенія лингвистовъ, видя въ нихъ посягательство на честь науки, приносимой очевидную пользу при чтеніи древнихъ текстовъ. Но когда изъ тумана миѳическихъ сказаній и темнаго преданія, мало-по-малу, выступила старая Италія, какъ *новая* земля, тогда и филологи должны были поступиться и признать нѣкоторое значеніе сравнительнаго языкознанія; презираніе о *санскритистахъ* (т. е. о людяхъ, которые, по понятіямъ классическихъ филологовъ, все выводили изъ Индіи) утихало и филологи начинали уже признавать важность изслѣдованія корней; наконецъ Готфридъ Германъ, старѣйшій и основательнѣйшій изъ филологовъ, къ удивленію своихъ учениковъ, въ одной изъ академическихъ программъ, сравнилъ греческое ésti съ санскритск. asti; а Лобекъ объявилъ, что если бы онъ былъ помоложе, онъ непремѣнно началъ бы учиться санскритскому языку. Съ тѣхъ поръ почти исчезаетъ презрѣніе классическихъ филологовъ къ сравнительному языкознанію: такіе авторитеты, какъ К. О. Мюллеръ и Ав. Бэкъ, благородно подняли свой голосъ въ пользу новой науки. «Классическая филологія, по словамъ перваго, должна теперь или вовсе отвергнуть историческое значеніе развитія языковъ и пользу изслѣдованія корней словъ и грамматическихъ формъ, или же вполнѣ вѣрить во всемъ, что́ касается этихъ предметовъ, указаніямъ и объясненіямъ сравнительной

---

1) G. Kurtius: Die Sprachvergleichung in ihrem Verhältniss zur classischen Philologie. B. 1848 и статья того же автора въ Allgemeine Monatsschrift für Wissenschaft. 1853. Heft. 1.

филологіи». То же самое говоритъ и Августъ Бэкъ, прибавляя, что «при современномъ состояніи языковѣдѣнія, грамматика классическихъ языковъ не можетъ уже обойтись безъ сравнительной грамматики языковъ индо-германскихъ» [1]). Такимъ образомъ установилось понятіе о наукѣ сравнительнаго языкознанія: она ограничилась только тѣми языками, которые между собою родственны. На эту связь указалъ еще Боппъ, когда въ предисловіи въ своей «Сравнительной грамматикѣ» говорилъ, что «цѣль его труда есть сравнительное изслѣдованіе организма *языковъ* между собою *родственныхъ*, каковы: санскритъ, зендъ, армянскій, греческій, латинскій, литовскій, славянскій, готскій и нѣмецкій». Но что значитъ *родство языковъ*, какъ не изъ первоначальнаго единства происшедшее множество? Въ обыкновенномъ юридическомъ языкѣ родственниками называются лица, имѣющіе общаго родоначальника; такъ и народы, родственные по языку, хотя бы въ послѣдующемъ историческомъ развитіи и далеко отошедшіе другъ отъ друга, развившіеся самостоятельно, необходимо составляли когда-то одинъ цѣльный народъ, цѣльное единство. Говоримъ мы, напримѣръ, о родствѣ славянскаго языка съ литовскимъ — это значитъ, что было время, когда славяне и литва еще не отдѣлялись другъ отъ друга и составляли *одинъ народъ*.

Потому сравнительное языкознаніе разсматриваетъ отличія въ родственныхъ языкахъ не какъ нѣчто первоначальное, но какъ слѣдствіе дальнѣйшей жизни языковъ, ихъ *исторіи*, потому что оно можетъ быть названо въ полномъ смыслѣ слова — *историческою наукою*. Жизнь человѣчества есть постоянный рядъ видоизмѣненій, постоянно идущая исторія, которую остановить или задержать не въ силахъ никакая частная воля, никакой капризъ или прихоть лица: она совершается по своимъ невѣдомымъ законамъ въ строгомъ порядкѣ: такъ и превраще-

1) См. рѣчь Ав. Бэка: «О филологіи и отношеніяхъ ея къ настоящему» въ журналѣ Пруца Deutsches Museum. 1851. стр. 89.

ніи въ мірѣ языка и его *исторія*. Въ современномъ своемъ состояніи языки представляютъ нестройную груду неорганическихъ частей, гдѣ старое перемѣшано съ новымъ и гдѣ трудно отыскать ту гармонію, тотъ божественный порядокъ, которымъ былъ отмѣченъ его организмъ въ эпоху созданія. Историческія и мѣстныя условія положили на него свою неизгладимую печать. Старинная живость и изобразительность языка исчезали вмѣстѣ съ исчезновеніемъ первобытныхъ воспоминаній народа, и онъ получалъ смыслъ болѣе и болѣе отвлеченный. Древнюю свѣжесть и красоту языка намъ, до нѣкоторой степени, даетъ чувствовать только наука. Но если языкъ встарину дѣйствительно отличался органическою живою природою, то первою задачею языкознанія должно быть открытіе такой древней формы языка, оттого и первый пріемъ въ изслѣдованіи языковъ есть пріемъ *историческій*: слѣдя по памятникамъ постепенное измѣненіе формы или звука какого-нибудь слова въ языкѣ, изслѣдователь доходитъ, такъ сказать, до послѣдняго историческаго предѣла, до древнѣйшаго элемента, далѣе котораго въ историческомъ изслѣдованіи итти некуда. Тогда на выручку является процессъ *сравнительный*, который и приводитъ къ *корню* слова, скрывающему первичное его значеніе. Отсюда очевидна связь сравнительнаго языкознанія съ историческимъ. Другъ безъ друга они будутъ не полны и не приведутъ ни къ какимъ окончательнымъ, плодотворнымъ результатамъ. Еще историческое—можетъ принести нѣкоторую пользу въ практическомъ отношеніи, объясняя тѣ формы языка, которыя обыкновенно употребляются безсознательно; но сравнительное, безъ исторической основы, непремѣнно введетъ изслѣдователя въ произвольныя, основанныя на одномъ пустомъ созвучіи, сравненія и производства. Иначе и быть не можетъ: сравненіе имѣетъ смыслъ только между предметами однородными, хотя и имѣющими свои отличія; если же мы пустимся въ сравненія старинныхъ формъ языка съ новыми, не принявъ во вниманіе тѣхъ посредствующихъ терминовъ или измѣненій, какіе ихъ связываютъ, мы никогда не придемъ къ ихъ

правильному объясненію. Ясно, что изслѣдователь долженъ отправляться отъ историческаго изученія отдѣльнаго языка, и только, изслѣдовавъ это поле, онъ можетъ вступить на широкую почву сравненія съ другими родственными языками.

Такимъ образомъ языкознаніе изъ сравнительнаго дѣлается *сравнительно-историческимъ.*

Если за Францомъ Боппомъ остается имя творца сравнительнаго языкознанія, то создателемъ историческаго, по всей справедливости, можетъ быть названъ Яковъ Гриммъ.

Въ то время, когда сухое руководство грамматики Аделунга выходило уже шестымъ изданіемъ, появилась «Нѣмецкая грамматика» Гримма (1819), и многіе не могли понять и надивиться, почему въ *нѣмецкую* грамматику входятъ и *готскій*, и *древне*, и *средне-верхне-нѣмецкіе* языки. Геніальный грамматистъ предвидѣлъ это и потому счелъ нужнымъ предварительно объясниться. Мы приводимъ здѣсь эту блестящую, мѣткую характеристику стараго и новаго филологическаго метода, потому что никто лучше Як. Гримма не сумѣлъ оцѣнить значеніе и опредѣлить отличительныя черты и противоположности того и другого. «Цѣль филолога, говоритъ онъ, достигнута, если онъ мало-помалу сживается съ древнимъ языкомъ, и, долго и непрерывно упражняясь вглядываться въ него и чувственно и духовно, такъ усвоиваетъ себѣ его образъ и составъ, что свободно можетъ употреблять его, какъ собственное, врожденное достояніе, въ разговорѣ и чтеніи памятниковъ литературы отжившей. Содержаніе и форма взаимно условливаются другъ другомъ, такъ что съ возрастаніемъ уразумѣнія рѣчи и поэзіи богатѣетъ и содержаніе для грамматики. Идетъ она шагомъ болѣе твердымъ, чѣмъ смѣлымъ, со взглядомъ болѣе здравымъ, нежели проницающимъ вдаль на богато разнообразной поверхности, и, кажется, боясь исказить ее, не любитъ вскапывать ее въ глубину. Такая грамматика преимущественное вниманіе обращаетъ на синтаксисъ, котораго нѣжная ткань даетъ знать о цвѣтахъ и плодахъ изучаемой почвы, и въ которомъ особенно высказывается душа

языка. Она не заботится о происхожденіи измѣнчивыхъ звуковъ и отдѣльныхъ формъ, довольствуясь тщательнымъ и обычнымъ употребленіемъ ихъ въ рѣчи. Въ ученіи объ образованіи словъ занимается она не столько обнаженіемъ корней, сколько производствомъ и сложеніемъ словъ. Всѣ правила языка направляются къ лучшимъ произведеніямъ литературы и неохотно распространяются на области языка, необработанныя искусствомъ и запущенныя. Все грамматическое изученіе неукоснительно служитъ критикѣ словесныхъ произведеній, полагая въ томъ свое призваніе и цѣль. Другой родъ изученія, лингвистическій, углубляется въ языкъ, какъ въ непосредственную цѣль свою, и менѣе заботится о живомъ цѣломъ выраженіи. Дѣйствительно, можно изучать языкъ самъ по себѣ и открывать въ немъ законы, наблюдать не то, что на немъ выражается, а то, что живетъ и вращается въ немъ самомъ. Въ противоположность предыдущему, такое языкоученіе можно назвать члено-разлагающимъ, ибо оно болѣе любитъ разнимать по частямъ составъ языка и высматривать его кости и жилы, менѣе заботясь наблюдать свободное движеніе всѣхъ членовъ и подслушивать нѣжное его дыханіе. Какъ успѣхи анатоміи вообще зависятъ отъ сравненія, такъ и здѣсь возникло сравнительное языкоученіе, извлекающее законы изъ сближенія цѣлыхъ языковъ, или формъ одного и того же языка, *исторически* развивающихся другъ изъ друга, хотя различныхъ, однако — сродныхъ и между собою соприкасающихся. Это изученіе мало слѣдитъ за ходомъ и судьбою литературы и находитъ себѣ такую же пищу въ языкѣ необразованномъ, даже грубомъ діалектѣ, какъ и въ возвышеннѣйшихъ произведеніяхъ классическихъ. Прежде всего берется оно за простѣйшія стихіи въ звукѣ и флексіяхъ, и въ гораздо меньшей степени занимается синтаксисомъ. Изслѣдователь сравнительнаго языкознанія прилагаетъ свои правила къ безграничной области, которую онъ никогда не можетъ обозрѣть совершенно, изумляетъ множествомъ открытыхъ и извлеченныхъ корней изслѣдованія; но трудно побѣдить заманчивость къ разнообразію: онъ

легко можетъ разсѣяться и послѣдовательные выводы возводить иногда на такую крутую высоту, съ которой какъ-разъ упадетъ, кто легко спутывается. Плодоносная жатва, столь надежная на нивахъ филологіи, ограниченныхъ и огороженныхъ, удается сравнительному языкоученію единственно тогда, когда оно медленно и осмотрительно поднимается отъ надежнаго основанія. Въ органическомъ языкѣ нѣтъ неправильностей, которыя не исходили бы отъ глубоко коренящагося закона, нѣтъ исключеній, которыя, основательно понятыя, не подходили бы подъ правило. Все дѣло въ томъ, чтобы дать первенство закону передъ неправильностью и правилу передъ исключеніемъ»[1]). Не надобно забывать, что это писано еще въ 1819-мъ году, когда учебникъ Аделунга достигъ уже *шестаго* изданія, а новая наука зачиналась въ лицѣ молодого Боппа, прилежно изучавшаго индусскіе тексты въ Парижѣ и Лондонѣ! Свою книгу Як. Гриммъ посвятилъ главѣ *исторической* школы, *Савиньи*, желая, конечно, этимъ выразить ея направленіе. «За 600 лѣтъ до насъ, говорилъ онъ, каждый простой крестьянинъ зналъ и практически употреблялъ нѣмецкій языкъ въ совершенствѣ, о которомъ и не снится современнымъ грамматистамъ: въ стихахъ Вольфрата фонъ Эшенбаха, Гартмана фонъ-Ауе, которые никогда не слыхали ни склоненій, ни спряженій и, можетъ-быть, едва умѣли читать и писать, въ этихъ стихахъ мы еще живо чувствуемъ различіе въ существительномъ и глаголѣ, и съ такою чистотою и положительностью въ склоненіяхъ и приставкахъ, какую мы можемъ открыть только теперь, путемъ ученаго изслѣдованія». Это мнѣніе нашло въ «Нѣмецкой грамматикѣ» свое полное оправданіе и приложеніе: Як. Гриммъ показалъ, что всѣ нѣмецкія нарѣчія со всѣми разнообразными областными особенностями развились изъ общаго основанія, образецъ котораго можно видѣть до нѣкоторой степени въ языкѣ *готскомъ!*

---

1) Мы приводимъ слова Гримма по переводу г. Буслаева въ его книгѣ: «О преподаваніи отечественнаго языка». М. 1844 ч. 1-я стр. 4—5.

Съ этой поры исчезаютъ странныя мнѣнія о мнимой грубости и несовершенствѣ древняго языка: историческое изслѣдованіе отдѣльныхъ языковъ легло въ основу языкознанія и этимъ методомъ счастливо устранились всѣ недостатки, какіе дотолѣ встрѣчала наука, разрабатываемая единственно съ сравнительной точки зрѣнія.

Самый существенный и важный законъ, открытый Яковомъ Гриммомъ въ языкѣ, былъ законъ такъ называемаго *перебоя звуковъ* (Lautverschiebung); ему-то сравнительное языкознаніе обязано устраненіемъ произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ сближеній.

Какъ въ постепенномъ усовершенствованіи выпусковъ «Сравнительной грамматики» Боппа — можно прослѣдить всю исторію сравнительнаго языкознанія, такъ на «Нѣмецкой грамматикѣ» Гримма можно видѣть исторію сравнительно-исторической грамматики: въ первомъ томѣ ея сравнительный элементъ является еще чрезвычайно слабымъ, и растетъ только по мѣрѣ выхода въ свѣтъ остальныхъ частей, по мѣрѣ усовершенствованія самой науки!

Такими тяжелыми, громадными грамматическими трудами готовился Як. Гриммъ къ «Исторіи нѣмецкаго языка» и «Нѣмецкому словарю», изданіе котораго безостановочно подвигается въ настоящее время впередъ, несмотря на преклонныя лѣта геніальнаго грамматиста и смерть его брата и ближайшаго сотрудника, Вильгельма Гримма.

Успѣхи сравнительно-историческаго языкознанія не остались безплодны и для философской мысли, нисколько не похожей на ту, какая была въ ходу у грамматистовъ-философовъ прошлаго столѣтія. Путемъ продолжительнаго, глубокаго анализа языковъ Европы, Азіи, Америки и островов Океаніи — Вильгельмъ Гумбольдтъ создалъ философію человѣческаго слова, или вѣрнѣе — философію человѣческаго духа, выражаемаго въ языкѣ. По его геніальной идеѣ, въ послѣдніе годы, нѣмецкими учеными предпринято построеніе новой науки — *народной психологіи* (Völker-

psychologie), обѣщающей богатые результаты для разъясненія исторіи человѣчества и тѣхъ тайныхъ пружинъ, которыя управляютъ ея движеніями и которыя, до сей поры, были недоступны человѣческому вѣдѣнію...

Но главная мысль, на которой зиждется лингвистическая система Вильгельма Гумбольдта, — о такъ называемомъ *организмѣ* языка — явилась слишкомъ рано и была принята не всѣми въ одинаковомъ смыслѣ. Гумбольдтъ умеръ, не успѣвъ ее высказать съ надлежащею полнотою: сочиненіе (Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts. Ber. 1836 г.), гдѣ эта мысль развита до малѣйшихъ подробностей — было издано уже по его смерти, братомъ его, извѣстнымъ естествоиспытателемъ Александромъ фонъ-Гумбольдтомъ; потому многіе послѣдователи идеи, брошенной В. Гумбольдтомъ, умѣли схватить только наружную сторону ея и постарались не по разуму вывести цѣлое зданіе, прежде, чѣмъ усвоили себѣ надлежащимъ образомъ весь запасъ грамматическаго матеріала. Такой характеръ именно имѣетъ грамматическая система языка Фердинанда Беккера, которой онъ далъ названіе «Organism der Sprache». Въ 1855 году, приватъ-доцентъ Берлинскаго университета Г. Штейнталь издалъ книгу подъ названіемъ: «Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhältniss zu einander». Бо́льшая половина ея посвящена критикѣ Беккеровой системы. Хорошо знакомый съ современною наукою и притомъ самъ самостоятельный изслѣдователь, Штейнталь мастерски разоблачилъ ложь системы Беккера и показалъ все противорѣчіе ея съ словомъ живой науки, основанной на сравнительно-историческихъ началахъ. Когда Беккеръ появился на литературное поприще, мысль объ *организмѣ* языка была господствующею мыслью, находившею отголосокъ во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности. Высказанная впервые Вильг. Гумбольдтомъ, она была проведена Беккеромъ и въ практическую грамматику, и въ этомъ состоитъ главная заслуга его

ученія, но заслуга, уже принадлежащая прошедшему: Organism der Sprache нанесъ послѣдній ударъ изученію родного языка по старинному филологическому способу и познакомилъ нѣмецкую съ немногими результатами, добытыми сравнительной лингвистикой; но недостатокъ матеріала и ранняя попытка построить цѣльное, оконченное зданіе философіи языка увлекли Беккера въ сферу отвлеченныхъ соображеній, и въ основу своей системы онъ положилъ начало логическое, смѣшавъ такимъ образомъ грамматику, философію языка съ логикой. Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ никогда не противорѣчитъ законамъ логики, но и не подчиняется ей. Онъ выше ея уже и потому, что представляетъ собою живой организмъ, неуловимое сочетаніе всѣхъ душевныхъ способностей: фантазіи, мысли, зарождавшихся подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній и выражаемыхъ въ словѣ часто помимо закона строго-логическаго процесса. Логическое начало стѣсняетъ свободу языка, вводитъ его въ сферу отвлеченную, гдѣ исчезаетъ его жизненность, и остается механическій наборъ звуковъ, связанныхъ сухою логическою нитью, безъ жизни, безъ внутренней красоты и силы. Таковъ именно организмъ у Беккера. Ратуя *за него*, Беккеръ *безсознательно отрицалъ* вмѣстѣ *все органическое*, живое въ языкѣ, и его грамматика, при самомъ появленіи своемъ, оказалась уже не современною. Беккеръ былъ тотъ же старинный схоластическій грамматистъ: онъ только обновилъ одну сторону этого ученія, на которую другіе мало обращали вниманія, именно—ученіе объ организмѣ слова, существовавшее еще у древнихъ, присоединивъ къ этому мысль о логическомъ началѣ въ языкѣ, эту *ахиллову пяту* всѣхъ схоластическихъ грамматистовъ. Организмъ языка, по понятіямъ В. Гумбольдта, далеко не таковъ, какимъ онъ является у Беккера; и Штейнталь убѣдительными доводами доказалъ, что между системою Гумбольдта и Беккера не было ничего общаго: Беккеръ — ученый стараго времени, пересадившій старинное ученіе на новую почву, Гумбольдтъ—свѣтило новой современной науки. Однимъ словомъ, ученіе Беккера устарѣло прежде своего

появленія, и, разрушая основы старинной практической грамматики, Беккеръ поднималъ руку на самого себя. Къ сожалѣнію, ученіе это имѣло довольно значительные успѣхи въ Германіи и, перенесенное къ намъ, не мало способствовало къ распространенію ложныхъ идей о языкѣ и наукѣ языкознанія [1]). Философское языкоученіе В. Гумбольдта нашло себѣ талантливаго истолкователя въ лицѣ того же Штейнталя: бо́льшая часть лингвистическихъ трудовъ этого ученаго посвящена объясненію и развитію какой-нибудь мысли, высказанной В. Гумбольдтомъ или слишкомъ кратко, или же мимоходомъ—и потому не вполнѣ ясно. Таковы напр. его труды: «Humboldt's Sprachwissenschaft und Hegelische Philosophie B. 1848», «Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues» 1860. B. «Всѣ мелкіе лингвистическіе труды свои Штейнталь соединилъ въ 1856 г. подъ общимъ заглавіемъ: «Gesammelte Sprachwissenschaftliche Abhandlungen».

Послѣдняя по времени, замѣчательная попытка изложенія философской грамматики принадлежитъ Гейзе. Его сочиненіе носитъ названіе: «System der Sprachwissenschaft», и издано уже по смерти автора (1856) Штейнталемъ отчасти изъ черновыхъ бумагъ, почему послѣдняя часть сравнительно съ первою лишена строгой отдѣлки и не доведена до конца; но несмотря на это, оно представляетъ самостоятельное, въ уровень съ успѣхами сравнительно-историческаго языкознанія стоящее, ясное изложеніе философской грамматики и общихъ результатовъ философіи языка.

Съ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія настаетъ какъ бы новый періодъ въ исторіи сравнительнаго языкознанія: изслѣдователи начинаютъ изученіе отдѣльныхъ языковъ и фамилій ихъ. До того времени санскритъ эпическихъ поэмъ и позднѣй-

---

1) Прекрасное изложеніе труда Штейнталя на русскомъ языкѣ сдѣлано г. Билярскимъ въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ. Т. X. вып. 1-й и 4-й.

шаго періода въ лингвистическихъ изысканіяхъ почти исключалъ древнѣйшій языкъ Ведъ. Тщательное знакомство съ этимъ послѣднимъ и туземными грамматиками выставило многое въ иномъ свѣтѣ, и особенно много содѣйствовало утвержденію языкознанія на прочныхъ историко-генетическихъ основаніяхъ. Изученіе классическихъ языковъ и ихъ нарѣчій также значительно подвинулось впередъ: старая латынь, оставляемая прежде безъ вниманія, благодаря односторонней привязанности къ Цицерону и писателямъ золотого вѣка, подвергается основательному изслѣдованію, и этому не мало способствуетъ знакомство съ родственными языками, изученіе надписей и точнѣйшее изслѣдованіе рукописей.

Въ настоящее время почти нѣтъ ни одного индо-европейскаго языка, который бы не нашелъ своего талантливаго изслѣдователя. Мы еще будемъ имѣть случай, при обозрѣніи вѣтви языковъ индо-европейскаго корня, указать важнѣйшіе изъ этихъ трудовъ, а теперь возвратимся къ точнѣйшему опредѣленію сравнительно-историческаго языкознанія и его составныхъ частей.

II.

Сравнительно-историческое языкознаніе. Его пріемы и задачи. Исторія языковъ.

По мнѣнію величайшаго изъ языковѣдовъ нашей эпохи В. Гумбольдта, языкъ есть произведеніе внутренней духовной силы, лежащей въ человѣкѣ, непостижимой въ своей сущности и недоступной предварительному разсчету въ своихъ дѣйствіяхъ; разнообразіе же языковъ есть произведеніе стремленія раскрыть врожденный людямъ даръ слова, различными успѣхами этого стремленія, по мѣрѣ дѣйствія, какое оказываетъ имъ умственная сила національнаго духа. *Прослѣдить и изобразить это стремленіе, раскрыть полноту языка есть послѣдняя задача языкознанія.*

Въ современномъ своемъ состояніи языки представляютъ

нестройную груду неорганическихъ частей, гдѣ старое перемѣшано съ новымъ и гдѣ трудно отыскать ту гармонію, тотъ божественный порядокъ, которымъ былъ отмѣченъ его организмъ въ эпоху созданія. Историческія и мѣстныя условія положили на него свою неизгладимую печать. Старинная живость и изобразительность языка исчезали вмѣстѣ съ исчезновеніемъ первобытныхъ воспоминаній народа и онъ получалъ смыслъ болѣе- и-болѣе отвлеченный.

Древнюю первобытную свѣжесть и красоту языка намъ, до нѣкоторой степени, даетъ чувствовать только наука, достигшая этого путемъ *сравнительно-историческаго анализа;* потому, если языкъ встарину дѣйствительно отличался органическою, живою природою, то первою задачею языкознанія должно быть открытіе такой дрёвней формы языка; оттого и первый пріемъ въ изслѣдованіи языковъ есть пріемъ *историческій;* слѣдя по памятникамъ постепенное измѣненіе формы или звука какого-нибудь слова въ языкѣ, изслѣдователь доходитъ, такъ сказать, до послѣдняго историческаго предѣла, до древнѣйшаго элемента, далѣе котораго въ историческомъ изслѣдованіи итти некуда; тогда, на выручку ему, является *процессъ сравнительный,* который и можетъ привести его къ корню слова, скрывающему первичное его значеніе. Отсюда очевидна связь *историческаго* языкознанія съ *сравнительнымъ.* Другъ безъ друга, они будутъ неполны и не приведутъ ни къ какимъ окончательнымъ, плодотворнымъ результатамъ. Еще *историческое* можетъ принести нѣкоторую пользу въ практическомъ отношеніи, объясняя тѣ формы языка, которыя обыкновенно употребляются безсознательно; но *сравнительное,* безъ исторической основы, непремѣнно введетъ изслѣдователя въ произвольныя, основанныя на одномъ пустомъ созвучіи, сравненія и производства. Иначе и быть не можетъ: сравненіе имѣетъ смыслъ только между предметами однородными, хотя и имѣющими свои отличія. Ясно, что изслѣдователь долженъ отправляться отъ историческаго изученія отдѣльнаго языка, и только, изслѣдовавъ это поле,онъ можетъ вступить на широкую почву срав-

ненія съ другими, родственными языками. Такимъ образомъ, сравнительное языкознаніе входитъ какъ необходимая часть въ исторію языка каждаго племени, ибо безъ него изслѣдователь долженъ остановиться на полдорогѣ и отказать себѣ въ живомъ пониманіи языка и тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается такъ называемая *народность*.

Самою важною частію сравнительно-историческаго языкознанія должно быть ученіе о *звукахъ*, потому что, не опредѣливъ законовъ перехода звуковъ въ различныхъ языкахъ, нельзя прійти ни къ какимъ положительнымъ результатамъ относительно измѣненія словъ и первоначальнаго значенія корней. Еще Боппъ и Поттъ собрали все важнѣйшее о соотвѣтствіи и развитіи звуковъ; но ихъ выводы не были чужды нѣкоторой неточности: напримѣръ, они довольствовались истиною, что въ санскритѣ нёбная ç соотвѣтствуетъ элементу *к* другихъ языковъ (санскритскому çata-m, греческому ἑ-kato-n, латинскому centu-m, готскому — чрезъ переходъ звука — hun-d), не рѣшая вопроса о томъ, какой элементъ древнѣе. Въ этомъ отношеніи особенно много грѣшили своимъ пристрастіемъ къ санскриту, когда отдавали предпочтеніе санскритскому элементу, уже испорченному и измѣнившемуся, предъ древнѣйшимъ элементомъ другихъ языковъ. Приведеніе ученія о звукахъ къ положительно-прочнымъ законамъ, чему еще Гриммъ своею таблицею перебоя звуковъ (Lautverschiebung) указалъ прямой путь, случилось только въ недавнее время, когда начали болѣе обращать вниманія на историческое развитіе звуковыхъ измѣненій въ отдѣльныхъ языкахъ. Такимъ образомъ, каждый изслѣдователь, прослѣдивъ фонетическія измѣненія въ исторіи отдѣльнаго языка, повѣряетъ полученный результатъ и ищетъ ему объясненія въ сравненіи съ соотвѣтствующими звуками другихъ, древнѣйшихъ языковъ.

На ученіи о звукахъ коренится и ученіе о *флексіяхъ* и измѣненіяхъ словъ, постоянныя и легко различаемыя формы которыхъ представляютъ важнѣйшій признакъ для опредѣленія сродства языковъ.

Во всей этимологіи, образовавшейся, безспорно, въ эпоху гораздо раньшую, чѣмъ синтаксисъ, особенно въ ученіи объ образованіи словъ, сравнительно-историческая грамматика пользуется не только письменными источниками, но и народными, то есть, областными нарѣчіями, которыя, бывъ удалены отъ центра исторической дѣятельности, сохранили чрезвычайно много древнѣйшихъ свойствъ языка, во многихъ отношеніяхъ пополняющихъ пробѣлы письменныхъ памятниковъ, потому и народный языкъ справедливо называютъ *древнѣйшимъ* періодомъ въ исторіи какого-нибудь языка. Обыкновенно языкъ измѣняется (портится) съ усложненіемъ элементовъ общественной жизни, съ привнесеніемъ различныхъ чуждыхъ вліяній, съ распространеніемъ грамотности и просвѣщенія; при отсутствіи этихъ условій, нѣтъ достаточныхъ причинъ и къ измѣненію языка, и онъ цѣлыя столѣтія можетъ сохранить тотъ же живой характеръ, какимъ былъ отмѣченъ его организмъ въ эпоху доисторическую. Народный языкъ есть камень, который благоразумный лингвистъ кладетъ во главу угла своей науки. Вообще изслѣдователь не долженъ упускать изъ виду ни отношенія языка къ прочимъ родственнымъ, кругъ которыхъ въ настоящее время уже почти окончательно обозначенъ, ни тѣхъ матеріаловъ, какіе ему можетъ предложить исторія языка, его областныя видоизмѣненія, а отчасти и историческія вліянія. Только при соблюденіи этихъ условій онъ можетъ удовлетворить современнымъ требованіямъ науки.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ о языкѣ, которые уже успѣла намѣтить наша наука.

Можетъ-быть, ни одинъ изъ вопросовъ въ языкознаніи не вызывалъ стольких разнообразныхъ рѣшеній, какъ вопросъ о происхожденіи языка; самое свойство его давало широкій просторъ всякаго рода догадкамъ и гаданіямъ: одни признавали откровенное, высшее его начало, другіе относили его къ произведеніямъ человѣческаго духа, происшедшимъ сознательно, то есть вслѣдствіе изобрѣтенія. Философія XVIII вѣка полагала, что языкъ былъ такъ же изобрѣтенъ человѣкомъ, какъ и ремесла,

путемъ постепеннаго прогресса. Было время, по ея понятіямъ, когда человѣкъ еще не былъ человѣкомъ и находился въ животномъ состояніи (mutum et turpe pecus); необходимыя нужды привели его къ созданію *природнаго языка*, состоящаго въ извѣстныхъ движеніяхъ лица и тѣла и въ интонаціяхъ голоса. Съ увеличеніемъ идей почувствовали несостоятельность подобнаго способа выраженія и изобрѣли языкъ *искусственный*, или членораздѣльный. Какъ всѣ произведенія человѣческія, этотъ языкъ вначалѣ былъ бѣденъ и недостаточенъ, совершенствуясь только съ теченіемъ времени, такъ что позднѣйшее его состояніе есть самая высшая эпоха его процвѣтанія. Какъ видно, это убѣжденіе философовъ прошлаго столѣтія ничѣмъ не разнится отъ убѣжденій практическихъ грамматистовъ школы Готшеда и Аделунга, а потому сравнительное языкознаніе, открывъ истинную природу языка, нанесло ему такой же ударъ, какъ и старинной схоластической грамматикѣ, какъ и другому, не менѣе схоластическому, мнѣнію о *сверхъестественномъ* происхожденіи языка. Если бы языкъ былъ созданъ свыше, то его происхожденіе осталось бы для нашего взгляда такъ же непроницаемымъ, какъ и первозданныя животныя и растенія; но онъ созданъ не высшею силою, а самъ возникъ и образовался изъ человѣческой свободы, потому и его начало должно быть доступно для человѣческой мысли или, какъ говоритъ Як. Гриммъ, языковѣду не слѣдуетъ отступать предъ этимъ вопросомъ: онъ можетъ итти далѣе естествоиспытателя, потому что предметомъ своего изслѣдованія онъ избираетъ произведеніе человѣка, коренящееся на его свободѣ и исторіи, образовавшееся не разомъ, но постепенно [1]). Плодомъ такого убѣжденія было нѣсколько попытокъ объяснить происхожденіе языка; между ними мы отмѣтимъ прежде всего брошюру извѣстнаго Якова Гримма: Über den Ursprung der Sprache, имѣвшую уже четыре изданія, потомъ сочиненія: Э. Ренана

---

1) Grimm. Ursprung der Sprache. 1852. Стр. 11—12.

(De l'origine du langage. P. 1858. 2-me edit) и Штейнталя (Der Ursprung der Sprache im zusammenhange mit den letzten fragen alles Wissens. B. 1858. 2-е изд.). Образованіе и происхожденіе языка объясняется совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ душевныхъ способностей, прирожденныхъ человѣку, и это творится невольно, безъ предварительнаго расчета, отъ котораго былъ далекъ первобытный человѣкъ, безъ сознанія, подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы и ея явленій. «Первоначально языкъ, по словамъ Вильгельма Гумбольдта, исходитъ изъ такой глубины человѣческой природы, что его нельзя назвать произведеніемъ или твореніемъ самого народа: онъ видимо обнаруживаетъ въ себѣ самобытную силу, хотя въ существѣ своемъ она остается необъяснимою. Съ этой точки зрѣнія языкъ не есть произведеніе дѣятельности, а невольное изліяніе духа, не дѣло народа, а даръ, назначенный ему въ удѣлъ судьбою. Народъ употребляетъ языкъ, не зная, какъ онъ образовался... Рѣчь и пѣсня лились свободно, и языкъ образовался по мѣрѣ вдохновенія, свободы и мысли, дружно дѣйствующихъ силъ, а въ этой совокупности должны были участвовать всѣ отдѣльныя лица; каждый человѣкъ долженъ былъ находить подкрѣпленіе во всѣхъ другихъ, потому что вдохновеніе только тогда предается вольному полету, когда увѣрено, что всѣми будетъ понятно и принято умомъ и чувствомъ». Словомъ, языкъ создается въ ту эпоху жизни человѣчества, когда въ немъ пробуждается человѣческая внутренняя духовная сила и обнаруживаются внутреннія потребности въ цѣломъ рядѣ творческой дѣятельности, которую французы очень удачно называютъ словомъ la spontanéité. Такимъ характеромъ отмѣчены всѣ произведенія человѣческаго духа въ его первобытномъ состояніи: вмѣсто творящей личности, здѣсь выступаютъ цѣлыя народныя массы, имѣющія какъ бы одну волю и одно душевное настроеніе, воодушевляющіяся однимъ чувствомъ. Оттого какъ языкъ, такъ и первобытная поэзія не носятъ на себѣ никакого личнаго характера: въ нихъ выражаются откровенія всего народа, не принадлежащія никому отдѣльно, но составляющія общее достояніе

всѣхъ и каждаго. Первобытный языкъ былъ совокупнымъ произведеніемъ народнаго духа и явленій природы, въ немъ отражающихся. «Какъ бы ни представляли себѣ языкъ—міросозерцаніемъ, или системою мысли, или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, такъ какъ онъ дѣйствительно совмѣщаетъ въ себѣ оба направленія, во всякомъ случаѣ онъ долженъ основываться на *всей совокупности духовныхъ силъ человѣка*, не исключая ничего, что есть въ нихъ, потому что языкъ все обнимаетъ» (Вил. Гумб.). Поэтому характеръ древнѣйшаго языка отличается этою свѣжестью, живостью, которыя прямо указываютъ на впечатлѣніе, какому обязано слово своимъ происхожденіемъ. «Въ продолженіе первобытнаго періода—говоритъ Максъ Мюллеръ — предшествующаго образованію отдѣльныхъ національностей, каждое арійское слово было въ извѣстномъ отношеніи *миѳомъ*. Всѣ слова вначалѣ были нарицательными: они называли одинъ изъ многочисленныхъ характеристическихъ признаковъ предмета; выборъ этихъ признаковъ указываетъ на своего рода инстинктивную поэзію, которую совершенно утратили новѣйшіе языки». То же можно сказать о всѣхъ первобытныхъ языкахъ, созданныхъ и образовавшихся подъ вліяніемъ живаго чувства явленій природы внѣшней.

Въ эпоху созданія языка мысль представлялась въ сжатой, если можно такъ выразиться, смѣшанной формѣ: человѣкъ не сознавалъ тѣхъ элементовъ, которыми распоряжался. Впечатлѣнія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что память и матеріалъ языка, вмѣсто того, чтобъ воспроизводить каждое отдѣльно, отражали ихъ вмѣстѣ. Мысль имѣла характеръ сжатый, синтетическій, потому-то и въ древнѣйшихъ языкахъ каждое слово было фразою, особымъ организмомъ съ своими тѣсно-связанными частями. Конечно, такой способъ выраженія мало благопріятствуетъ логической ясности рѣчи, но мысли первобытнаго человѣка были очень просты и не требовали большихъ усилій разума: онѣ понимались болѣе путемъ внутренняго живаго ощущенія, нежели логикой. Дальнѣйшее развитіе языка идетъ путемъ аналитическимъ: отъ синтеза къ анализу. Древнѣйшій языкъ богатъ

флексіями для выраженія тончайшихъ отношеній мысли, живъ и изобразителенъ въ своемъ значеніи, хотя и бѣденъ отвлеченными идеями; языкъ новый, напротивъ, болѣе логически опредѣленъ и болѣе даетъ мѣсто отдѣльному самостоятельному выраженію каждой мысли и каждаго отношенія. Отдѣльныя слова или элементы древнѣйшаго языка, по большей части, коротки, односложны (моносиллабы), составлены почти всѣ изъ краткихъ гласныхъ и простыхъ согласныхъ; но эти слова входятъ въ выраженіе и до того сростаются съ другими, что бываетъ трудно отдѣлить ихъ невооруженнымъ глазомъ. То же самое должно сказать и относительно произношенія словъ: необыкновенная простота звуковъ ясно передаетъ всѣ составныя части ихъ организма. «Никакой изъ первобытныхъ языковъ—по словамъ Якова Гримма — не удвоиваетъ согласной. Это удвоеніе рождается только отъ постепенной ассимиляціи различныхъ согласныхъ». Далѣе—появляются двугласныя, сокращенія и наконецъ смягченія и другія измѣненія гласныхъ. Эти законы постепеннаго измѣненія языковъ лучше всего можно видѣть на санскритѣ: въ языкѣ Ведъ мы встрѣчаемъ еще вполнѣ тѣ характеристическіе признаки древнѣйшаго состоянія языка, о которыхъ мы говорили выше. Въ санскритѣ эпическихъ поэмъ, при всемъ его первобытномъ характерѣ, можно замѣтить уже болѣе гибкости. Скоро, однако, грамматическій составъ языка разстроивается и въ языкѣ *Пали* (Pali) видны уже замѣчательные успѣхи анализа; еще болѣе это замѣтно въ Пракритѣ; онъ съ одной стороны менѣе богатъ, съ другой—простѣе; наконецъ, языкъ Кави (на островѣ Явѣ) есть уже прямая порча санскрита, когда этотъ языкъ, утративъ измѣненія словъ по флексіямъ, заимствовалъ изъ языка туземцевъ предлоги и вспомогательные глаголы. Всѣ эти три языка, происшедшіе отъ санскрита, скоро испытываютъ и участь, ему подобную: они дѣлаются языками священными, мертвыми, учеными. Причина измѣненій языка лежитъ въ немъ самомъ, въ способахъ, которыми, если такъ можно выразиться, языкъ приноравливается къ выраженію впечатлѣній и потребностей разума.

Какъ все органическое, и языкъ подлежитъ закону развитія. «Языкъ не слѣдуетъ разсматривать — говоритъ Вильгельмъ Гумбольдтъ—какъ нѣчто мертвое, однажды образовавшееся; напротивъ, онъ всегда живъ и производителенъ. Человѣческая мысль вырабатывается вмѣстѣ съ развитіемъ разумѣнія, а языкъ есть откровеніе этой мысли; поэтому никакой языкъ не стоитъ неподвижно: онъ движется, развивается, растетъ и мужаетъ, наконецъ, старѣетъ и исчезаетъ».

При безграничномъ разнообразіи языковъ земного шара, при относительной молодости сравнительно-историческаго языкознанія, было бы несвоевременно отважиться на полную классификацію языковъ по ихъ внутренней, такъ сказать, физіологической природѣ и характеру; потому нѣкоторые современные лингвисты (напр. Шлейхеръ) основываютъ классификацію языковъ по признакамъ *морфологическимъ* [1]). Въ жизни языка вообще они различаютъ три эпохи: моносиллабизмъ, агглютинацію и эпоху флексій. Языки *моносиллабическіе* состоятъ только изъ неизмѣняемыхъ неорганическихъ звуковъ или корней, выражающихъ только *значеніе* словъ (Bedeutungslauten); въ нихъ нѣтъ способовъ для выраженія отношеній мысли, а потому они и не имѣютъ грамматическихъ формъ, — таковъ напр. языкъ китайскій. Языки *агглютинирующіе*, приставочные (zusammenfügende) къ первичнымъ неизмѣняемымъ элементамъ значенія прибавляютъ уже спереди, съ срединѣ, на концѣ и во многихъ иныхъ мѣстахъ — элементы, *выражающіе отношеніе мысли*; но они прибавляютъ ихъ къ корню слова совершенно внѣшнимъ способомъ, не измѣняя его, — таковы языки племени финно-татарскаго. Наконецъ—третью группу составляютъ языки съ флексіями (flectierende): здѣсь грамматическая форма можетъ выражаться не только внѣшнею приставкою элементовъ къ корню слова, но измѣненіемъ самаго корня. Слѣдовательно *значеніе*

---

1) Schleicher. «Zur Morphologie der Sprache». Spb. 1859 и также его «Die Deutsche Sprache». St 1860 p. 11—33.

слова, выражаемое корнемъ, и его *отношеніе*, выражаемое приставкою, флексіею, являются здѣсь въ такомъ тѣсномъ единствѣ, какъ и въ самой мысли, которой вѣрнымъ отпечаткомъ бываетъ языкъ. Сюда принадлежатъ языки народовъ историческихъ, каковы племена индо-европейское и семитическое[1]). Сравнительное языкознаніе до нѣкоторой степени опредѣляю тотъ путь, по которому идетъ языкъ въ своемъ развитіи. Первичнымъ элементомъ его бываетъ звуковой корень, передающій впечатлѣніе и чувство во всей его простотѣ. Это ни глаголъ, ни существительное, ни прилагательное, но слово, передающее общія впечатлѣнія и чувства: на практикѣ языкъ сообщаетъ ему или существительное, или глагольное значеніе, но самый корень, по своей формѣ, не имѣетъ такого грамматическаго смысла. Древнѣйшіе языки именно находятся въ этой формѣ. Позднѣе только образуются части рѣчи. Возможность ихъ, конечно, существовала въ самомъ языкѣ; но онъ не чувствовалъ надобности въ ихъ обособленіи. Грамматическія формы усложняются и получаютъ развитіе сообразно съ характеромъ племени, или природою страны. Въ эту эпоху творческая дѣятельность человѣка была смѣлѣе и свободнѣе, чѣмъ нынѣ, и потому въ самыхъ грубыхъ языкахъ мы замѣчаемъ такіе тончайшіе оттѣнки, какіе совершенно невозможны въ языкахъ позднѣйшихъ.

Тотъ бы глубоко ошибся, кто бы подумалъ, что всѣ языки должны проходить свое развитіе по тремъ указаннымъ ступенямъ. По справедливому замѣчанію Ренана[2]), каждое семейство языковъ идетъ своимъ путемъ въ развитіи, слѣдуя не абсолютному закону, для всѣхъ одинаковому, но повинуясь необходимости своего собственнаго строя и генія: языки, испоконвѣка бывшіе моносиллабическими, каковы языки восточной Азіи, никогда не теряли своего природнаго (моносиллабическаго) характера. И

1) Schleicher. Die Sprachen Europas. стр. 5—20.

2) Renan. De l'origine du langage». P. 1858. 14—16. Сличи. также 165—8. См. также статью: Alf. Maury, въ «Revue des deux mondes». 1857. Avril.

если бы языки индо-европейскіе и семитическіе находились когда-нибудь въ этомъ періодѣ развитія, они никогда бы не получили грамматической организаціи, никогда бы не достигли той грамматической гибкости, какую мы встрѣчаемъ у нихъ уже въ древнѣйшую эпоху ихъ существованія. Какъ замѣчаетъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, языкъ народа не могъ иначе образоваться, какъ весь въ одинъ разъ (aus einem gusse), — оттого съ перваго дня рожденія характеръ его былъ опредѣленъ, какъ отчасти уже былъ опредѣленъ самый характеръ народа, его создавшаго. Въ языкѣ, какъ въ матеріи, лежитъ возможность моносиллабизма; но, какъ живое произведеніе творческаго духа человѣка, языкъ можетъ обойтись и безъ этой первой ступени развитія, перешагнуть ее и сразу образовать своеобразную грамматику.

Итакъ, если языкъ создалъ грамматику, значитъ въ немъ лежала возможность этого, и такіе языки принадлежатъ всегда народамъ *историческимъ*.

Съ образованіемъ грамматическихъ формъ, всѣ *живыя* превращенія и перемѣны въ языкѣ совершаются уже въ лексическомъ отношеніи, то есть въ созданіи бóльшаго или меньшаго количества словъ, обозначающихъ предметы или, вѣрнѣе, обозначающихъ впечатлѣнія, производимыя предметами на человѣка. Подъ двойнымъ вліяніемъ роскошной природы и живой фантазіи увеличивался запасъ словъ, потому что предметъ могъ производить впечатлѣніе на человѣка съ разныхъ сторонъ. Отсюда множество словъ однозначащихъ, синонимовъ, которыми такъ богаты древнѣйшіе языки и въ особенности санскритъ; такъ, въ немъ одинъ *слонъ* имѣетъ нѣсколько названій, напр. *два раза пьющій*, двузубый, *трубачъ* или *хоботникъ*. Въ иныхъ языкахъ, вмѣсто именъ и прилагательныхъ, которыя также не иное что, какъ имена, усиливаются глаголы: это особенно замѣтно у народовъ, преданныхъ строгой напряженной дѣятельности, каковы, напримѣръ, жители Америки. Такимъ образомъ и природа, и климатъ, и самый образъ жизни племенъ обнаруживаютъ немалое вліяніе на историческое развитіе отдѣльныхъ языковъ. Къ этимъ при-

чинамъ, въ нѣкоторой степени, должно присоединить и слiянiе расъ и влiянiе одного языка на другой, при чемъ природный организмъ языка неминуемо подвергается порчѣ. Лучшимъ свидѣтелемъ этого могутъ служить *романскія* нарѣчія, въ которыхъ искаженіе шло такъ глубоко, что даже разстроило самую грамматику. Но какъ живуча сила народнаго духа, создавшаго языкъ, ясно изъ того, что, несмотря на величайшія искаженія и перемѣны, какія претерпѣваетъ языкъ въ своемъ движеніи, онъ почти никогда не можетъ утратить своего первоначальнаго типа, который ясно бываетъ виденъ изъ-за глубокой порчи позднѣйшихъ привнесеній.

Въ Сѣверной Америкѣ раздѣлилось нѣкогда индійское племя на двѣ части, избѣгая внутреннихъ несогласій и раздоровъ; каждая изъ частей поселилась далеко другъ отъ друга и не имѣла между собою никакихъ сношеній. Новыя привычки и мѣстныя впечатлѣнія не замедлили въ скоромъ времени измѣнить и лексиконъ словъ, ими употребляемыхъ. Дѣйствительно, небольшое количество словъ такъ исказилось, что стало почти невозможнымъ открыть ихъ древнее родство: создался новый словарь, но грамматика осталась та же. Глагольныя формы одинаково лежатъ въ основѣ рѣчи каждаго племени, а одинаковое устройство скелета — вопреки измѣненію цвѣта кожи — обнаруживаетъ тоже единство происхожденія[1]). Есть языки, которымъ можно дать болѣе трехъ тысячъ лѣтъ и которые терпѣли много различныхъ перемѣнъ, но основа ихъ осталась та же, чтó была и встарину, какъ она создалась вмѣстѣ съ созданіемъ самаго языка. Мы думаемъ, что эти факты могутъ убѣдить каждаго въ глубокой истинѣ мысли Вильгельма Гумбольдта, который сказалъ, что языкъ не есть произведеніе дѣятельности, а невольное излiянiе духа, не дѣло народа, а даръ, назначенный ему въ удѣлъ судьбою и обнаруживающій самобытную силу.

---

1) Maury, artic. citée.

II.

Индо-европейская вѣтвь языковъ и ея подраздѣленіе.

Мы много разъ упоминали объ индо-европейской вѣтви языковъ и дали имъ первое мѣсто въ ряду языковъ съ флексіями; теперь время взглянуть на эту область языковъ нѣсколько ближе.

Можно думать, что въ незапамятную эпоху, которая еще не знаетъ хронологіи, по сѣверной сторонѣ Гималая жило цѣлое племя, хранившее въ себѣ свѣжіе элементы исторической цивилизаціи и развитія; но положительная исторія уже не застаетъ этого племени: на ея долю достаются только позднѣйшія его подраздѣленія. Когда и по какимъ причинамъ они совершились, — это, покамѣстъ, неизвѣстно: сравнительно-историческое языкознаніе убѣждаетъ насъ только въ томъ, что они произошли не вдругъ, а постепенно: арійское племя [1]) (индо-европейское) сначала должно было раздѣляться на нѣсколько вѣтвей, которыя, въ свою очередь, испытали дальнѣйшія подраздѣленія. Относительное время и путь, какому слѣдовало это расчлененіе, тоже опредѣляется до нѣкоторой степени сравнительною лингвистикою: изъ восьми главныхъ языковъ, составляющихъ индо-европейскую семью, не всѣ находятся между собою въ одинаковомъ отношеніи и не всѣ равно богаты относительно старины. Положительно извѣстно, что санскритъ и зендъ сходны и сродны между собою ближе всѣхъ другихъ; въ такомъ же отношеніи стоятъ греческій и латинскій, хотя между ними и менѣе сродства. Славянскій, литовскій и нѣмецкій языки образуютъ одно близкое цѣлое. Языкъ кельтовъ стоитъ совершенно особо.

---

1) Это первичное племя называютъ — то *индо-германскимъ*, то *индо-европейскимъ*; мы утверждаемъ послѣднее, хотя и оно не вполнѣ обозначаетъ предметъ. Всего бы лучше, какъ предполагалъ Март. Гаугъ (Allgemeine Monatschrift für Wissenschaft. 1854. стр. 785 и сл.), назвать это племя и этотъ періодъ жизни—*арійскимъ*. Срав. также замѣчанія объ этомъ предметѣ Ав. Ф. Потта въ его статьѣ: Indo-germanischer Sprachstamm (Энцикл. Эрша и Грубера) стр. 2 и слѣд.

Эта классификація языковъ подтверждается и географическими доказательствами: путь, которому слѣдовало индо-европейское племя, по выходѣ изъ прародины, былъ путь съ востока на западъ; чѣмъ ранѣе выдѣлился какой-нибудь народъ изъ общаго источника, тѣмъ западнѣе должно было быть его географическое положеніе, и тѣмъ менѣе языкъ его сохранялъ старины; таково напр. племя кельтовъ: зашедшіе на отдаленный западъ Европы, они должны были отдѣлиться первые, и оттого ихъ языкъ представляетъ такое значительное уклоненіе отъ общаго корня. За ними выселилось предполагаемое племя славяно-германское, позднѣе раздѣлившееся на три вѣтви: славянскую, литовскую и нѣмецкую. Пелазги, давшіе происхожденіе двумъ классическимъ народамъ, должны были въ продолженіе долгаго времени составлять одно цѣлое съ арійцами (въ тѣсномъ смыслѣ) и наконецъ, отдѣлившись, заняли юго-востокъ Европы. Единственнымъ остаткомъ древняго индо-европейскаго племени были арійцы, въ свою очередь раздѣлившіеся на индійцевъ и персовъ [1]).

Такимъ образомъ вся семья индо-европейскихъ языковъ систематически распадается на двѣ группы: азіатскую и европейскую.

Азіатская группа индо-европейскихъ языковъ снова распадается на двѣ половины: юго-восточную, преимущественно *индійскую*, и сѣверо-западную — преимущественно *персидскую*. Мы уже упоминали о высокомъ значеніи, какое имѣетъ для сравнительнаго языкознанія древнѣйшій языкъ индусовъ, какъ по причинѣ глубокой древности сохранившихся его памятниковъ (Веды, по мнѣнію ученыхъ, возникли за полторы тысячи лѣтъ до Р. X.), такъ и по удивительной чистотѣ и первичности своихъ формъ. Съ ранняго времени этотъ языкъ называется *санскритомъ*

---

1) См. ст. Шлейхера: Die Ersten Spaltungen des Indo-germanischen Urvolkes. (Allgem. Monatschrift für Literatur und Wissenschaft. 1853, стр. 786—7) и его сочиненіе: Die Deutsche Sprache. St. 1860 стр. 71 и слѣд.

(Sanskrto — *оконченный*, *совершенный*), въ противоположность позднѣйшему *пракриту* (prâkrto — *производный*). По всему вѣроятію, санскритъ пересталъ быть языкомъ народнымъ еще за нѣсколько столѣтій до Р. X., но письменное его употребленіе продолжалось гораздо долѣе. Санскритъ—священная рѣчь брахмановъ — сохранился въ двухъ, между собою довольно различныхъ языкахъ; *языкъ ведійскій*, болѣе древній и для самихъ брахмановъ менѣе понятный, чѣмъ *языкъ въ собственномъ смыслѣ санскритскій*, на которомъ писаны всѣ прочія произведенія индійской литературы. Позднѣйшую ступень санскрита представляетъ *пали*, языкъ послѣдователей Будды въ Цейлонѣ и Индіи. Языкъ кави, употреблявшійся на Явѣ и другихъ островахъ, по своей основѣ собственно языкъ малайскій, но, благодаря продолжительному вліянію индійскаго, самъ сдѣлался индійскимъ. Переходъ отъ древне-индійскаго къ новому представляетъ такъ называемый *пракритъ*, хотя онъ встрѣчается уже и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ эпохи до-христіанской (такъ напр. въ санскритскихъ драмахъ онъ употребляется, какъ языкъ женщинъ и низшаго сословія [1]). Между языками ново-индійскими—*индустанскій* представляетъ языкъ образованный, распространенный во всей передней Индіи. Онъ восходитъ до XI вѣка по Р. X. и въ своей чистой, неиспорченной чужеземнымъ вліяніемъ, формѣ носитъ названіе Hindi. Новыхъ нарѣчій извѣстный Лассенъ насчитываетъ около 24-хъ, между ними находится извѣстный языкъ цыганскій (о немъ см. особое сочин. *Потта*: Die Zigeu-

1) О языкахъ санскритскаго корня писали многіе. Упомянемъ замѣчательнѣйшее: Bopp—Grammatica linguae Sanscritae. B. 1834. Benfey—«Vollständige Grammatik der Sanscrit-Sprache». 1852. Oppert—«La Grammaire Sanscrite». P. 1859 W. Humboldt—«Über die Kavi-Sprache» 3—t. 7° B. 1836—39 г. Lassen—«Institutiones linguae pracriticae. 1837. Bon. Lassen и Burnouf—«Essai sur le Pali. P. 1826. Сверхъ этого — много превосходныхъ частныхъ грамматическихъ изслѣдованій санскритской вѣтви языковъ помѣщено въ «Zeitschrift der Deutschen morgenländisch. Gesellschaft», «Zeitschrift fur vergleichende Sprachforschung» hrsg v. Kuhn. II t. «Journal Asiatique», «Zeitschrift für Wissenschaft der Sprache» hrsg. v. Höfer etc.

ner in Europa und Asien». Hall. 1844—45 2 v.). Къ сѣверо-западной азіатской группѣ принадлежитъ прежде всего языкъ *персидскій*. Древнѣйшіе памятники его сохранились въ древне-персидскихъ клинообразныхъ надписяхъ времени Ахаменидовъ (VI и V вв.); объясненіе и разборъ этихъ надписей, начатый съ успѣхомъ Гротефендомъ, продолжается въ трудахъ Лассена, Шпигеля и Опперта. Языкъ восточной Персіи, древней Бактріи, такъ называемый *зендъ*, дошелъ къ намъ въ древнихъ священныхъ книгахъ персовъ; позднѣйшія ступени его языки: *пехлеви* или *гузварешъ*, заключающій въ себѣ много чужихъ элементовъ, и такъ называемый *пазендъ* или *парси*, образующій переходъ къ *новоперсидскому;* древнѣйшіе памятники этого послѣдняго относятся къ IX вѣку; позднѣе этотъ языкъ испытываетъ сильное вліяніе арабскаго, принадлежащаго, какъ извѣстно, къ отрасли языковъ семитическихъ. Въ близкомъ родствѣ съ персидскимъ стоятъ языки: на востокѣ — *авганскій*, *белуджи*, на сѣверо-западѣ — *курдскій* [1]).

Языкъ *армянскій* простирается до подошвы Кавказа; его древнѣйшіе памятники восходятъ къ V или VII вѣку по Р. Х. [2]). Языкъ *осетинскій*, несомнѣнно принадлежащій къ индо-европейскому корню, стоитъ къ азіатской группѣ языковъ гораздо ближе, чѣмъ къ европейской. Древнихъ памятниковъ языка осетиновъ не существуетъ; формы его записаны въ позднѣйшее время изъ устъ народа [3]).

---

1) Литература персидской лингвистики не такъ обширна, какъ санскритской: замѣчательнѣйшіе труды принадлежатъ Ев. Бюрнуфу: Commentaire sur Yaçna P. 1833 г. и Шпигелю: Grammatik der Parsi Sprache, L. 1851 г. Grammatik der Huswaresch Sprache. L. Kurzer Abriss der Geschichte der Cränischen Sprachen (въ Beyträge zur vergleich. Sprachforsch. hrsg. v. Kuhn und A. Schleicher. t. 2. О языкѣ курдовъ — см. Потта статьи въ Zeitschrift d. deutschen morgenländ) Gesellschaft — и П. Лерха «Изслѣдованія объ Иранскихъ Курдахъ». Спб. 1856.

2) О языкѣ армянъ см. ст. Виндишмана — Die Grundlage des Armenischen im arischen Sprachstamme въ 4 т. Abhandlungen Баварской Академіи.

3) Берлинская Академія наукъ посылала экспедицію на Кавказъ нарочно для изученія осетинскаго языка. Результаты этой экспедиціи обнародованы

Европа почти исключительно населена племенами индо-европейскаго корня. Только на сѣверо-восточной окраинѣ Россіи, на югѣ за Дунаемъ, да среди Австріи залегли массы народовъ чуждаго финно-татарскаго происхожденія, но число этихъ, можетъ-быть первобытныхъ обитателей Европы — незначительно, сравнительно съ племенами, говорящими языкомъ индо-европейскаго корня. Всѣ эти племена, по языку, легко могутъ быть раздѣлены на семь большихъ группъ, стоящихъ между собою въ большемъ или меньшемъ родствѣ.

Крайній отдаленнѣйшій западъ занимаютъ *кельты*. Извѣстный лингвистъ Цейссъ принимаетъ двѣ главныя вѣтви кельтскаго языка: *ирландскую* и *британскую*. Къ первой принадлежатъ *нынѣшній ирландскій* (irische) или *новоирландскій* и *гаэлійскій* въ Шотландіи. Британская вѣтвь, къ которой всего ближе стоялъ *древне-гальскій языкъ*, заключаетъ въ себѣ нарѣчіе *камбрійское* (на западѣ Англіи), *корнійское*, уже съ прошлаго вѣка исчезнувшее, и *арморикаиское* (въ западномъ углу Франціи). Древнѣйшія ирландскія рукописи содержатъ въ себѣ по большей части *глоссы* и восходятъ къ IX или VIII вѣку; британскія же, много уступая въ значеніи первымъ, не идутъ далѣе XIV столѣтія. Камбрійское нарѣчіе менѣе древне, чѣмъ древне-ирландское; старшій памятникъ корнійскаго языка — глоссарій относится къ XIII вѣку, а арморикаиcкій — къ XI [1]).

Изъ географическаго положенія кельтскаго племени и изъ степени сродства его съ прочими языками индо-европейскаго корня — становится несомнѣннымъ, что кельты — *первые* оста-

---

Розеномъ и Боппомъ, — см. его Die kaukasischen Glieder des Indo-europeisch. Sprachstamms B. 1847 и Шёгрена — Осетинская грамматика. 2 ч. 1844. Спб.

1) Важнѣйшее сочиненіе по части кельтской лингвистики есть «Grammatica Celtica» Zeuss'a (1853 г. 2 v.). Боппъ посвятилъ кельтскому языку также особое сочиненіе: «Die Celtische Sprache in ihrem Verhältniss z. Sanscrit, Zend...» etc. B. 1839. Равнымъ образомъ и Ад. Пикте: «De l'affinité des langues Celtiques avec le Sanscrit». 1837 г. Касательно историческаго значенія кельтскаго языка — огромная услуга наукѣ оказана трудами Л. Диффенбаха: «Celtica» 2 v. 1839 и «Origines Europeae». 1862.

вили азіатскую прародину, за ними, по тому же пути, слѣдовало племя нѣмецко-славянское.

Первое мѣсто изъ *нѣмецкихъ* нарѣчій принадлежитъ *готскому* какъ по древности его памятниковъ (переводъ Библіи сдѣланъ Ульфилою въ 4-мъ в.), такъ и по чистотѣ и правильности его формъ. За готскимъ слѣдуетъ *древне-верхне-нѣмецкое нарѣчіе* (althochdeutsch), къ которому Як. Гриммъ относитъ памятники многихъ юго-нѣмецкихъ народовъ съ VIII по XII-е столѣтіе. Слѣдующая ступень верхне-нѣмецкаго языка носитъ названіе *средне-верхне-нѣмецкаго* (mittelhochdeutsch); изъ него, начиная съ XIV или XV вѣка развивается *ново-верхне-нѣмецкій* (neuhochdeutsch) языкъ всей современной литературы и образованности.

Верхне-нѣмецкое нарѣчіе противополагается всѣмъ прочимъ нѣмецкимъ нарѣчіямъ: между ними прежде всего слѣдуетъ назвать распространенный по всей сѣверной Германіи *нижне-нѣмецкій* (niederdeutsche) языкъ. Древнѣйшій памятникъ его (Hêliand) относится къ IX вѣку и написанъ на такъ называемомъ *древне-саксонскомъ* (altsächsisch) нарѣчіи. Младшія ступени этого языка суть: *древне-нижне-нѣмецкое* (mittelniederdeutsch), къ нему примыкающее *ново-нижне-нѣмецкое* (neuniederdeutsch) и на западѣ—*средне-нидерландское* (mittelniederländisch), за которымъ позднѣе идетъ *новонидерландское* или *голландское* (neuniederländisch, holländisch). Гораздо самостоятельнѣе выступаетъ языкъ *англо-саксонскій* съ своими древнѣйшими памятниками (VIII или IX вѣка), которые по формѣ хотя и принадлежатъ къ христіанскому времени, но по содержанію относятся еще къ языческой эпохѣ. Со II в., подъ значительнымъ вліяніемъ французскаго, возникаетъ въ собственномъ смыслѣ *англійскій* языкъ, вмѣстѣ съ англійскою цивилизаціею получившій такое широкое всесвѣтное распространеніе. Еще въ большей связи съ нижне-нѣмецкимъ нарѣчіемъ стоитъ *фризское* или *древне-фризское* (altfriesisch) въ древнѣйшемъ своемъ видѣ. Оно уже совершенно исчезло, и даже въ устахъ народа замѣнилось нижне-нѣмецкимъ.

Сѣверная вѣтвь нѣмецкаго языка стоитъ какъ бы совершенно отдѣльно. Древнѣйшіе памятники *древне-сѣвернаго* (altnordisch) нарѣчія, продолжавшагося до конца XV вѣка, сохранились въ пѣсняхъ древней Эдды, нѣкоторыя части ея могутъ быть отнесены даже къ VIII в. Къ древне-сѣверному нарѣчію съ одной стороны примыкаетъ *шведское*, съ другой — *датское* съ *норвежскимъ* и *исландскимъ* [1]).

Литовскій языкъ стоитъ въ тѣсной связи съ славянскимъ. Шлейхеръ принимаетъ слѣдующія его раздѣленія: 1) вѣтвь *литовская* въ собственномъ смыслѣ, подраздѣляющаяся на *верхне-литовскую* и *нижне-литовскую* или *жмаитскую* (древнѣйшій литературный памятникъ этой вѣтви есть Катехизисъ 1547 г.), 2) вѣтвь *древне-прусская* между Вислою и Мемелемъ, и наконецъ 3) вѣтвь *леттская* или *латышская* въ Курляндіи и большей части Лифляндіи [2]).

По первобытной чистотѣ и правильности своихъ формъ литовскій языкъ представляетъ предметъ высокой важности для сравнительной лингвистики и въ особенности для славянской лингвистики, такъ какъ извѣстно, что литовскія и славянскія племена составляли нѣкогда одинъ народъ, потому изслѣдованіе литовскихъ нарѣчій можетъ пополнить многіе пробѣлы славянской лингвистики, уничтожить которые она не въ силахъ домашними средствами.

---

1) Главнѣйшіе и самые важные труды по части нѣмецкихъ нарѣчій принадлежатъ Я. Гримму: Deutsche Grammatik 4 Th. Gött. 1819—1837. Geschichte der Deutschen Srpache. L. 1848. 2 v. Gebr. Grimm—Deutsches Wörterbuch. L. 1852—62. Graff—Althochdeutscher Sprachschatz. 7 vv. 4° 1834—46. Gabelentz und Loebe. Ulfila 2 v. 1836—1843—47. 4°. Dieffenbach. Vergleichendes Wörterbuch der gothischen Sprache 2 v. 1851. Schleicher. Die Deutsche Sprache 1860. St. Отдѣльныя нѣмецкія нарѣчія нашли многихъ обработывателей; изъ нихъ мы назовемъ: Ettmüller'a (Lexicon Anglosaxoni 1850), Dietrich'a (Altnordisches Lesebuch 1843 и др.), Rask'a (Lexicon Island. lat. danicum. 2 v. 1814), Benеck'e (Mittelhochdeutsches Wörterbuch. 1842—63), Weinhold'a (Grammatik d. deutschen Mundarten. 1863. 1 Th.), и многихъ другихъ.

2) Schleicher—Litthauische Grammatik P. 1856—57. 2 v. Nesselmann—Litthauisches Wörterbuch 1851 и Die Sprache der alten Preussen. 1845. Bopp—Die Sprache d. alten Preussen 1853.

Славянская вѣтвь языковъ, какъ по своей географіи, такъ и по внутреннимъ лингвистическимъ признакамъ, распадается на три главные отдѣла: 1-й) *восточный*, къ которому принадлежитъ языкъ *русскій* съ тремя главными нарѣчіями: *велико-русскимъ*, *южно-русскимъ* и *бѣлорусскимъ* и множествомъ подрѣчій; 2) *юго-западный*, къ которому принадлежатъ: *старо-славянскій* (какъ думаютъ, древне-болгарскій), *новоболгарскій*, *сербскій*, *хорватскій* и *хорутанскій*, наконецъ 3) *сѣверо-западный*, къ которому принадлежатъ: нарѣчіе *полабское*, яз. *польскій* (съ подрѣчіями), *лужицкій* (верхне- и нижне-лужицкій), *чешскій* (съ моравскимъ подрѣчіемъ) и *словацкій* [1]).

Славянская рѣчь занимаетъ собою весь юго-востокъ Европы, и нѣтъ сомнѣнія, что литовско-славянское племя было послѣднею по времени колоніей аріевъ, перешедшихъ чрезъ Кавказъ на западъ.

Остаются еще арійскіе колонисты, населившіе южную полосу Европы, это: греки и *племена италійскія*.

Древне-греческій языкъ еще очень рано раздѣляли на три главныя нарѣчія: *эолійское*, *дорійское* и *іонійское*. *Эолійское* имѣло наименьшее распространеніе: оно употреблялось въ Θессаліи, Бэотіи, на сѣверныхъ островахъ и на сѣверѣ западной Малой Азіи. Памятники этого нарѣчія восходятъ къ VI вѣку до Р. Х. (Алкей и Сафо). Гораздо богаче развилось нарѣчіе *дорійское*, памятники его сохранились въ многочисленныхъ произведеніяхъ поэтовъ (Пиндаръ V в. до Р. Х., Біонъ, Мосхъ III в. и мн. др.), прозаическихъ отрывкахъ и надписяхъ. Областью его была дорійская часть сѣверной Греціи, большая часть Пелопонеса,

1) Почти всѣ важнѣйшіе труды по славянской лингвистикѣ указаны г. Буслаевымъ въ предисловіи къ его «Опыту Исторической Грамматики Русскаго языка» стр. XXXV—XL. Мы укажемъ только на тѣ, которые явились позднѣе выхода въ свѣтъ «Опыта». Miklosich — Vergleichende Grammatik † III. w. 1860; его же Bildung der Nomina im altslovenischen 1858. Hattala — Srovnávací mluvnice jazyka ceského a slovanského. P. 1857. Востоковъ — Словарь Церковно-Славянскаго языка. Спб. 1858—61. О трудахъ русскихъ ученыхъ мы говоримъ подробно въ *Приложеніи* (II).

ос. Критъ и дорійскія колоніи въ Малой Азіи, Сициліи и Италіи. Но самымъ важнымъ изъ греческихъ нарѣчій, какъ по своей старинѣ, такъ и по богатству своихъ памятниковъ, было нарѣчіе *іонійское*, употреблявшееся въ Аттикѣ, на многихъ островахъ и въ западной сторонѣ Малой Азіи и многочисленныхъ колоніяхъ. На этомъ нарѣчіи дошли къ намъ древнѣйшіе памятники греческаго языка—эпическія поэмы Гомера и произведенія Гезіода. Къ іонійскому нарѣчію принадлежитъ также *аттическое*, которое съ довольно ранняго времени развило такія оригинальныя особенности, что позднѣе представляло скорѣе противоположность іонійскому, чѣмъ ближайшее сродство съ нимъ. Особенную обработку получило оно въ великихъ произведеніяхъ греческихъ драматурговъ и философовъ. Вмѣстѣ съ политическимъ возвышеніемъ Аѳинъ, съ третьяго вѣка до Р. X. аттическое нарѣчіе получило значеніе *общаго греческаго языка* (è koinè diàlectos). Позднѣе, когда широко распространенный греческій языкъ испыталъ чужеземныя вліянія и греческая наука переселилась въ Александрію — образовалось *александрійское нарѣчіе*, которое получило довольно значительное распространеніе, какъ языкъ *Семидесяти толковниковъ*, и имѣло сильное вліяніе на языкъ христіанскихъ писателей даже до VI вѣка по Р. X., послѣ чего греческій языкъ окончательно приходитъ въ упадокъ. Письменное употребленіе его сохранилось въ Византіи даже до взятія ея турками; съ этого времени древній греческій уступаетъ простонародному нарѣчію, называемому также языкомъ *новогреческимъ* или *ромэйскимъ* [1]).

Языкъ *албанскій* хотя и имѣетъ большое сродство съ греческою семьею языковъ, но по своимъ особенностямъ можетъ

1) Не упоминая о богатой нѣмецкой *филологической* литературѣ по части греческаго языка, замѣтимъ только послѣдніе *лингвистическіе* труды въ этой области: G. Curtius — Grundzüge der griechischen Etymologie. 1860—62. 2 Th. Ahrens—De dialectis Aeolicis G. 1830. *Его же* De dialecto Dorica. G. 1843. Leo Meyer — Vergleichende Grammatik der griechischen und lateinischen Sprache. B. 1861. 1 Band. Mullach.—Grammatik der griechischen Vulgarsprache in historischer Entwickelung. Ber. 1856.

быть разсматриваемъ, какъ самостоятельное цѣлое. Впрочемъ, онъ еще очень мало изслѣдованъ, чтобы рѣшиться дѣлать объ немъ общіе выводы и заключенія.

Стоящіе въ тѣсной связи съ греческимъ — *италійскіе* языки только въ послѣднее время сдѣлались предметомъ строгихъ сравнительныхъ разысканій.

На сѣверо-востокѣ отъ Лаціума господствовало нарѣчіе *умбрійское*, важнѣйшій памятникъ котораго сохранился въ такъ называемыхъ эугубинскихъ (или игувинскихъ) таблицахъ. Очень близко къ умбрійскому стоитъ нарѣчіе *вольское*, дошедшее къ намъ въ очень небольшихъ остаткахъ. На югѣ Италіи существовали очень близкія къ языку собственно латинскому — нарѣчія: *оское*, памятники котораго очень многочисленны, *сабинское* и др.

Самымъ важнымъ между италійскими языками былъ языкъ *латинскій*. Первоначальною областью его была небольшая часть Лаціума на западѣ средней Италіи, но вмѣстѣ съ возрастающимъ міровымъ могуществомъ Рима латинскій языкъ въ скоромъ времени широко раздвинулъ свои предѣлы, такъ что въ I в. до Р. Х. онъ почти исключительно господствовалъ по всей Италіи, а позднѣе въ разнообразно развитыхъ своихъ формахъ перешелъ и границы Италіи. Эпохою высшаго его литературнаго процвѣтанія было время отъ III до I столѣтія до нашей эры, послѣ чего онъ постепенно приходитъ въ упадокъ, такъ что съ VI в. по Р. Х. онъ перестаетъ быть языкомъ народнымъ и становится языкомъ ученымъ. Въ этомъ значеніи онъ играетъ огромную роль во все продолженіе среднихъ вѣковъ и даже до настоящаго времени [1]).

---

1) Aufrecht und Kirchhoff. Die Umbrischen Sprachendenkmäler, 2 v. Ber. 1849—51. Corssen — De Volscorum lingua. 1858. и его же Über Aussprache, Vokalismus und Betonung der lateinisch. Sprache v. 1-й. Leip. 1858. Theodor Mommsen — Die unteritalischen Dialecte. L. 1850, также статьи: Кирхгофа — Die neuesten Forschungen auf dem Gebiete der Italischen Sprachen (Allgemeine Monatsschrift für Wissenschaft 1852 p. 577—598.) и Шлейхера — Kurzer Abriss der Geschichte der Italischen Sprachen (Rhein. Museum. XIV p. 329—346).

Но между тѣмъ, какъ языкъ литературы все болѣе и болѣе приходилъ въ упадокъ, постепенно выходилъ на сцену языкъ простого народа и возлѣ мертвой книжной латыни вскорѣ выросли новые живые языки, извѣстные подъ именемъ *романскихъ*. Первое мѣсто между ними занимаетъ *итальянскій*, съ XIII ст. получающій права языка литературнаго.

Бо́льшую часть Пиринейскаго полуострова занимаетъ языкъ *испанскій*; его памятники восходятъ къ половинѣ XII в. Какъ особенная часть испанскаго можетъ быть названъ *португальскій*. *Провансальскій* языкъ, по памятникамъ своимъ восходящій къ X в., существовалъ на югѣ теперешней Франціи (langue d'oc), вся же сѣверная половина ея говорила языкомъ *французскимъ* (langue d'oil), памятники котораго принадлежатъ къ IX или X в.

Къ романскимъ языкамъ относится также и языкъ *валашскій*, употребляемый въ нынѣшней Молдавіи и Валахіи[1]).

Вотъ вся область индо-европейскихъ языковъ въ главнѣйшихъ нарѣчіяхъ; нѣтъ нужды говорить о мелкихъ подраздѣленіяхъ, которыми богато почти каждое изъ вышепоименованныхъ нарѣчій: это необходимое слѣдствіе историческаго движенія языка въ связи съ окружающею его природою и историческими обстоятельствами.

IV.

Языкъ и исторія народовъ. Теорія поэзіи.

Успѣхи сравнительно-историческаго языкознанія не только пролили новый свѣтъ на первобытную исторію народовъ, но—

---

1) Главнѣйшій трудъ по части романскихъ нарѣчій принадлежитъ Фр. Дицу, это его: Grammatik der Romanischen Sprachen B. 1836—1860. 3 v. и Etymologisches Wörterbuch der Romanischen Sprachen. Bonn. 1853. Отмѣтимъ также превосходный трудъ Fuchs'a: Die Romanischen Sprachen in ihrem Verhältniss zum Latein. 1849. Новѣйшее сочиненіе извѣстнаго позитивиста Литтре: Histoire de la langue française P. 1863. 2 v. и его же нынѣ выходящій превосходный Dictionnaire de la langue française. P. 1863, 4 вып.

можно сказать — создали ее: подъ анатомическимъ ножемъ лингвиста мало-по-малу оживаютъ, облекаются въ плоть и кровь эти темныя, до сихъ поръ едва предчувствуемыя, эпохи исторіи; вѣковой туманъ, застилавшій ихъ, понемногу рѣдѣетъ и цѣлые живые образы являются предъ нами въ своей юной простотѣ и свѣжести.

«Языкъ — говоритъ Як. Гриммъ — есть полное дыханіе человѣческой души. Гдѣ раздается онъ или возникаетъ въ памятникахъ, тамъ исчезаетъ всякая недостовѣрность въ отношеніяхъ народа, говорящаго имъ, къ своимъ сосѣдямъ. Въ древнѣйшей исторіи, когда всякіе другіе источники изсякаютъ, или же сохранившіеся остатки ихъ приводятъ насъ къ неразрѣшимой недостовѣрности — тамъ только и выручаетъ тщательное изслѣдованіе сродства или отличія каждаго языка и нарѣчія въ ихъ мельчайшихъ жизненныхъ подробностяхъ».

То же самое почти говоритъ и другой великій языковѣдатель нашей эпохи, В. Гумбольдтъ: «языкъ глубоко входитъ въ умственное развитіе человѣчества; онъ вѣрный спутникъ его на каждой степени мѣстныхъ успѣховъ и упадковъ; въ языкѣ можно узнать всякое состояніе умственнаго развитія народа. Но есть эпоха, когда и видишь только языкъ, гдѣ онъ уже не спутникъ или свидѣтель умственнаго развитія, а *единственный его представитель!*»

Дѣйствительно, если слово возникало подъ вліяніемъ живаго впечатлѣнія, производимаго предметомъ на человѣка, то оно должно отражать въ себѣ весь кругъ его воззрѣній на природу и человѣка: въ языкѣ — поэтому — сокрыта цѣлая жизнь народовъ, со всѣми богатыми и разнообразными ея отправленіями. Впрочемъ, это можно сказать только о языкахъ древнѣйшихъ, когда слова непосредственно выражали впечатлѣніе и были еще чужды того отвлеченнаго характера, какой они получили съ развитіемъ исторіи. Въ древнѣйшемъ словѣ не трудно подсмотрѣть внутреннюю работу духа и побужденія, вызвавшія образованіе этого слова. Сближеніемъ одинакихъ словъ во всѣхъ родствен-

ныхъ языкахъ — лингвистика достигаетъ возможности составить себѣ понятіе о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ племени, какому принадлежалъ коренной, первичный языкъ. Въ этомъ случаѣ языкознаніе совершенно оправдываетъ названіе *лингвистической палеонтологіи*. Какъ палеонтологія, съ помощью ископаемыхъ костей, не только возстановляетъ образъ животнаго, но и самыя его привычки, способъ движенія, питанія и т. д., такъ и сравнительное языкознаніе по немногимъ остаткамъ древнихъ словъ, уцѣлѣвшихъ отъ крушенія, а также — разборомъ первоначальнаго значенія корней — можетъ оживить жизнь и дѣла народовъ, погребенныхъ въ туманѣ прошедшаго. А это не значитъ ли произвести коренной переворотъ въ наукѣ исторіи и поставить ее на совершенно новую дорогу!

Относительно кореннаго племени индо-европейскаго такая реставрація была совершена ученымъ санскритистомъ Ад. Куномъ и Ад. Пикте. Кунъ только въ главныхъ чертахъ коснулся семейной жизни аріевъ, ея обстановки, и обширныя изслѣдованія посвятилъ исключительно сравнительной миѳологіи ихъ; но Пикте предпринялъ трудъ систематическій, самое названіе котораго даетъ идею о цѣломъ: «Les Aryas primitifs ou les origines Indo-Européennes. Essai de paléontologie linguistique» (Gen. 1859. т. 1-й и ibid. 1863 т. 2-й). Это реставрація всей жизни кореннаго индо-европейскаго племени, всего объема ея. Методъ, которому слѣдовалъ Пикте, ясно выраженъ имъ въ предисловіи: прежде всего онъ хочетъ соединить въ группы все сходное у различныхъ отраслей арійскаго семейства, полагая, что только это одно можетъ бросить яркій свѣтъ на бытъ цѣлаго племени. Въ сравнительномъ анализѣ онъ всегда отправляется отъ санскритскаго слова (если оно существуетъ), чтобы опредѣлить первичную тему или этимологическое значеніе, а когда какое-либо слово въ санскритѣ не существуетъ, онъ обращается къ другимъ родственнымъ языкамъ, строго придерживаясь постояннаго закона перехода звуковъ. Первый томъ заключаетъ въ себѣ географическія и этнографическія свѣдѣнія о

древнихъ аріяхъ. Для того, чтобы отыскать родину арійскаго племени, Пиктé на первомъ планѣ разсматриваетъ географическія свѣдѣнія, древнѣйшія переселенія народовъ, взаимное отношеніе ихъ языковъ и различныя названія, какими ихъ называли въ древности. Сравнительное изслѣдованіе словъ, относящихся къ климату, временамъ года, топографіи и естественнымъ произведеніямъ страны — приводитъ его къ очень важнымъ этнографическимъ выводамъ. Второй томъ только-что появился: онъ заключаетъ въ себѣ реставрацію матеріальной цивилизаціи, соціальнаго быта, нравственной, умственной и религіозной жизни древнѣйшихъ аріевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что осторожная критика современемъ исправитъ и пополнитъ недостатки этого монументальнаго лингвистическаго труда, но онъ навсегда останется и важнымъ памятникомъ значенія лингвистики въ области историческихъ разысканій, и богатою программою будущихъ трудовъ въ этой области науки.

Чтó можно сдѣлать съ помощью языка для исторіи какого-нибудь отдѣльнаго народа, — ясно показалъ Яковъ Гриммъ въ своей *«Исторіи нѣмецкаго языка»*, когда, основываясь на немногихъ остаткахъ древнѣйшаго языка, онъ освѣтилъ темныя судьбы средневѣковыхъ народцевъ и сообщилъ историческому изслѣдованію среднихъ вѣковъ ту прочность, которой оно дотолѣ не имѣло, несмотря на упорные труды такихъ геніальныхъ изслѣдователей, какъ Шафарикъ, Цейссъ и др.

Для того, чтобы ближе объяснить значеніе языкознанія для древнѣйшей исторіи, мы приведемъ здѣсь въ немногихъ словахъ нѣкоторые результаты ученыхъ изслѣдованій относительно древняго кореннаго индо-европейскаго племени.

Сравнивая слова всѣхъ индо-европейскихъ языковъ, относящихся къ семейному быту, мы находимъ, что, за вычетомъ немногихъ, они представляютъ между собою несомнѣнное родство, а изъ этого имѣемъ право заключить, что въ эпоху своего единства племена эти находились въ формахъ семейнаго быта. Названія *отца:* санскр. pitar, зендск. patar, греч. patèr, готск.

fadar и т. д. выражаютъ не идею *родителя* (для этого въ санскритѣ существуетъ другое слово ganitar (genitor лат.)), но *покровителя, питателя;* точно также и слово mâtar, мать и т. д. очень рано потеряло свое этимологическое значеніе и служило выраженіемъ покорности, нѣжности (*родительница* по-санскр. ganitri). Вообще всѣ степени родства обозначаются въ языкахъ индо-европейскихъ почти одними и тѣми же терминами и ясно показываютъ, что онѣ были строго опредѣлены еще задолго до раздѣленія аріевъ на отдѣльныя племена, таковы напр. bhrâtar, братъ — что значитъ *помогающій, носящій;* svasar, сестра — *нравящаяся, утѣшающая;* duhitar, дъщерь, дочь — *доящая*, отъ корня duh = доить, что дастъ нѣкоторое понятіе о первобытной жизни арійскаго семейства, гдѣ дочери до замужества занимались доеніемъ скота. Все это доказываетъ, что арійцы жили въ формахъ моногаміи: при полигаміи семья не можетъ имѣть такого высокаго значенія, чтобы всѣ члены ея были такъ строго опредѣлены.

Весь развитый лексиконъ древне-арійскаго языка указываетъ на жизнь тихую, пастушескую и земледѣльческую: это не были дикіе номады — охотники и звѣроловы, но племя осѣдлое съ весьма развитыми семейными отношеніями, но съ недалекими зачатками матеріальной цивилизаціи. Большое сходство въ названіяхъ, обозначающихъ *домъ*, показываетъ, что семьи жили въ построенныхъ домахъ; они имѣли терминъ для обозначенія понятія о *родѣ-племени*, о владыкѣ. Выраженія, обозначающія идею царской власти, заимствованы изъ жизни домашней, пастушеской, потому и слово go — pa сначала пастухъ, а потомъ родоначальникъ, царь, gopayati = покровительствовать; самое имя *сраженія* = gâv-ishti буквально можетъ быть переведено: «сражаться за стадо»; слово *домъ* употребляется позднѣе въ смыслѣ *города*. Также изъ языка извѣстно, что первобытное отечество аріевъ было окружено большими лѣсами, что они знали мореходство и по сходству борозды, оставляемой по себѣ плывущимъ судномъ — съ бороздою, какую проводилъ по землѣ плугъ — для

обозначенія понятій: *пахать* и *орать* — употребляли одно и то же слово. Въ отношеніи домашней жизни слѣдуетъ замѣтить, что они знали домашнихъ животныхъ, паханіе земли, молотьбу хлѣба, пряжу льна и пеньки и первоначальную обработку металловъ, но вообще — ремесла и искусства у арійскаго племени были еще очень не развиты и удовлетворяли только первымъ необходимостямъ жизни. Первоначальная религія этого племени состояла въ поклоненіи свѣтлой сторонѣ природы, свѣтлому небу, потому и общее наименованіе божества — значило *свѣтящееся*, *небесное* (dâvas).

Впрочемъ, историческое изслѣдованіе не останавливается на этомъ древнѣйшемъ періодѣ, оно пользуется языкомъ и въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи: по географіи языка оно опредѣляетъ пути, которымъ слѣдовали народы въ своихъ переселеніяхъ, и отмѣчая чужеземныя примѣси и вліянія въ языкѣ — указываетъ историческія сближенія народовъ съ чуждыми племенами, сближенія мирныя или враждебныя.

Но кромѣ объясненія собственной культуры и исторіи первобытныхъ племенъ, языкознаніе предложило богатые матеріалы для рѣшенія одного изъ животрепещущихъ вопросовъ современной науки, о которомъ было много споровъ и въ старину и въ наше время: мы разумѣемъ вопросъ о человѣческихъ породахъ, ихъ различіи и причинахъ его. Говоря это, мы не думаемъ утверждать, чтобы сравнительное языкознаніе уже достигло, въ этомъ отношеніи, какихъ-нибудь положительныхъ, прочныхъ результатовъ, но по крайней мѣрѣ — оно стоитъ на дорогѣ къ нимъ. Причина, почему лингвистическая этнологія не пришла еще къ твердымъ выводамъ касательно вопроса о единствѣ или множествѣ происхожденія человѣческихъ породъ — заключается какъ въ молодости самой науки, такъ и въ нѣкоторыхъ миѳологическихъ предубѣжденіяхъ, отъ которыхъ не свободны даже такія свѣтлыя головы, какъ Максъ Мюллеръ и Бунзенъ. Несмотря на это, лингвистическая этнологія все же стоитъ на сторонѣ того рѣшенія, какое предлагаетъ современное естествовѣдѣніе. Съ

особенною рѣшительностью это было высказано въ послѣднее время ученымъ историкомъ семитическихъ языковъ Эрнестомъ Ренаномъ: по его мнѣнію, въ вопросѣ о происхожденіи — отселѣ можно принять за аксіому, что языкъ не имѣетъ общаго источника: онъ долженъ былъ появиться параллельно, въ разныхъ мѣстахъ разомъ. Эти точки появленія могли быть очень близки другъ къ другу, происхожденіе могло совершиться одновременно, но оно было различно. Сущность языка — одна и та же вездѣ, но нарѣчія его весьма различны и не могутъ быть сведены къ одному общему началу, а потому выраженіе старинной школы, что всѣ языки суть нарѣчія одного — не получаетъ оправданія въ наукѣ. Ренанъ, однако, думаетъ, что такая аксіома не всегда можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ того, что народы, говорящіе различными языками, были бы непремѣнно и различнаго происхожденія, потому что есть племена (напр. индо-европейцы и семиты), физіологически тожественныя, но употребляющія различные языки; но слѣдуетъ сказать, что число такихъ племенъ не велико, и во всякомъ случаѣ это замѣчаніе не уничтожаетъ основной истины, подтверждающей то, что говоритъ объ этомъ вопросѣ и *современное* естествовѣдѣніе, да притомъ же — по весьма вѣрному слову Потта, даже лингвисты, поборники преданія, утверждаютъ только *возможность* единства происхожденія, которая, однако, неизмѣримо далека отъ строгой *дѣйствительности*[1]).

Какъ въ естествовѣдѣніи слѣдуетъ строго отличать вопросъ о единствѣ *происхожденія* человѣческихъ расъ отъ вопроса о *видовомъ* зоологическомъ единствѣ людей, такъ и въ языкознаніи

1) См. статью Потта: «Max Müller und die Kennzeichen der Sprachverwandschaft», помѣщенную въ Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft. T. 9, стр. 406 и слѣд., а также и новѣйшую брошюру Chavée — Les langues et les races. P. 1862, гдѣ при всемъ своемъ почтеніи къ преданію, онъ не могъ, однако, не признать первичнаго различія въ языкахъ и породахъ. Вообще — скажемъ мы словами Потта: «Es ist schwer zu glauben, dass sich für das menschliche Geschlecht genealogische Einheit noch auf sprachlichem Wege erweisen lasse».

вопросъ объ общемъ источникѣ всѣхъ языковъ существенно различенъ отъ вопроса о единствѣ духовной природы языковъ. На первый языкознаніе отвѣчаетъ отрицательно, на второй — положительно. Для человѣческаго современнаго чувства весьма утѣшителенъ тотъ результатъ, къ которому пришелъ извѣстный нѣмецкій лингвистъ Поттъ въ заключеніе своихъ обширныхъ изслѣдованій о нравственномъ неравенствѣ человѣческихъ породъ (см. его Ungleichheit menschlicher Rassen. 1856): онъ совершенно отвергаетъ оскорбительную идею о духовномъ *качественномъ* (квалитативномъ) неравенствѣ людей и племенъ и утверждаетъ, что они, какъ бы ни было велико ихъ нравственное неравенство въ *количественномъ* (квантитативномъ) отношеніи — отъ природы надѣлены равными умственными способностями. Это лучше всего подтверждается языкомъ, который даже и у самыхъ *низшихъ* народцевъ обнаруживаетъ *возможность* всѣхъ человѣческихъ требованій, и потому каждое племя, вмѣстѣ съ прочими людьми, имѣетъ полныя права на удовлетвореніе такихъ требованій.

Высокое значеніе языкознанія для исторіи этнологіи и антропологіи, въ настоящее время оцѣнено всѣми, и намъ особенно пріятно въ этомъ случаѣ привести здѣсь нѣсколько словъ нашего естествоиспытателя, акад. Бэра, представляющихъ вѣрную оцѣнку *прикладныхъ* результатовъ языкознанія: «Вообще, говоритъ онъ, мы должны сочувствовать изслѣдованіямъ этого рода (лингвистическимъ). Исторія, на сколько она можетъ проникнуть въ глубину древности, всегда подтверждаетъ заключеніе объ историческомъ развитіи народовъ и ихъ родоначальникахъ, когда эти сужденія основаны на сродствѣ языковъ. Напротивъ, мы часто встрѣчаемъ въ исторіи противорѣчіе, если захотимъ группировать народы по ихъ наружности... Поэтому можно бы надѣяться, что руководствуясь сродствомъ языковъ, можно всего лучше мысленно проникнуть въ глубину древности, отъ которой до насъ едва дошли преданія, и исторія которой для насъ вовсе не доступна. Итакъ, руководствуясь изученіемъ язы-

ковъ, мы не встрѣчаемъ никакого важнаго противорѣчія въ древней исторіи, и наши выводы при этомъ всегда подтверждаются народными преданіями... Поэтому—заключаетъ Бэръ—мы лучше (чѣмъ по тѣлеснымъ, физическимъ признакамъ) можемъ раздѣлить народы по различію ихъ языковъ, ибо тогда всего лучше можемъ понять: на какой степени развитія стоитъ каждый народъ сравнительно съ другими» [1]).

Въ заключеніе этого краткаго обзора современныхъ задачъ языкознанія, должно упомянуть еще объ одномъ важномъ переворотѣ, какой произвело изученіе языка въ историческомъ пониманіи поэтическихъ произведеній или такъ называемой *теоріи поэзіи*. Съ открытіемъ и объясненіемъ свойствъ древнѣйшаго языка, открылись и сдѣлались ясны и свойства древнѣйшей первобытной поэзіи: до того времени, подъ тяжелою рукою педантовъ, эти свѣжія произведенія народнаго духа облекались въ чудовищное построеніе и совершали путешествіе по извѣстнымъ мытарствамъ трехъ единствъ; труды Якова и Вильгельма Гриммовъ, Вильгельма Гумбольдта, Вакернагеля и др.—показали всю нелѣпость подобнаго взгляда. По путямъ, указаннымъ этими геніальными изслѣдователями, пошла цѣлая историко-филологическая школа, занимающаяся спеціальнымъ изученіемъ эпическихъ свойствъ языка и произведеній народной безыскусственной поэзіи.

---

1) См. «Русская Фауна» Ю. Симашко, т. 1-й Спб. 1860. Статья акад. Бэра: «Человѣкъ въ естественно-историческомъ отношеніи» стр. 510, 511 и 520.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Шлейхеровъ очеркъ исторіи славянскаго языка.

Недавно Шлейхеръ сдѣлалъ чрезвычайно остроумный очеркъ исторіи славянскаго языка, который мы предлагаемъ здѣсь въ возможно краткомъ извлеченіи, не столько ради самаго предмета, сколько для нагляднаго подтвержденія обозначенныхъ нами выше пріемовъ сравнительно-историческаго изученія. Въ исторіи славянскаго языка Шлейхеръ отличаетъ пять періодовъ:

Въ первомъ — славянскій языкъ существуетъ, такъ сказать, только въ возможности, нераздѣльно съ древнѣйшимъ индо-европейскимъ праязыкомъ, но не какъ его нарѣчіе, а какъ общій языкъ, въ природѣ котораго лежала возможность будущаго раздѣленія на многія нарѣчія, каковы: славянское, литовское, нѣмецкое и т. д. Словомъ — это былъ древнѣйшій языкъ, отъ котораго потомъ пошли всѣ прочія индо-европейскія нарѣчія: въ немъ не было еще ничего славянскаго, ничего литовскаго, нѣмецкаго, кельтскаго и т. д., а были одни общіе имъ всѣмъ элементы, условившіе ихъ позднѣйшее индивидуальное развитіе. Въ этотъ первый періодъ своей жизни индо-европейскій языкъ отличался необыкновенною простотою звуковъ и богатствомъ грамматическихъ формъ. Словообразованіе совершалось или приставками, по большей части мѣстоименными, къ корнямъ, или посредствомъ сложенія и измѣненія коренной гласной.

Во *второмъ* періодѣ — славянскій языкъ является *славяно-нѣмецкимъ*. Съ теченіемъ времени древній обще-индо-европейскій языкъ раздѣлился на отдѣльныя вѣтви и первою изъ нихъ была *славяно-нѣмецкая*, изъ которой впослѣдствіи выдѣлялись

нѣмцы, литовцы, славяне; изъ второй вѣтви, *аріопелазгической*— вышли индійцы, персы, греки и римляне. Въ этомъ, второмъ періодѣ своего развитія славяно-нѣмецкій языкъ уже утратилъ много древняго капитала и создалъ много новаго, такъ что сравнительно съ другою вѣтвью онъ очень рѣдко представляетъ болѣе старины.

Третій періодъ Шлейхеръ называетъ *славяно-литовскимъ*: нѣмцы являются уже обособившимися, выдѣленными, а славяне съ литвой составляютъ еще одно цѣлое.

Четвертый періодъ — *самостоятельное существованіе общаго славянскаго языка*, и наконецъ

Пятый періодъ—*славянскій языкъ въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ*, которыхъ Шлейхеръ принимаетъ десять [1]).

Такое движеніе славянскаго языка Шлейхеръ оправдываетъ доводами, если не всегда вполнѣ устраняющими сомнѣніе и исчерпывающими сущность дѣла, то по крайней мѣрѣ — доводами очень основательными. Въ настоящемъ случаѣ для насъ важна не историческая несомнѣнность этого постепеннаго расчлененія, а возможность его возсозданія и тотъ путь, какимъ должно итти къ его достиженію. На строго историческую почву мы вступаемъ только въ послѣднемъ (*пятомъ* по Шлейхеру) періодѣ: первые четыре лежатъ за предѣлами исторіи и опредѣлить ихъ можно только съ помощью *сравнительнаго процесса*. Отправляясь отъ существующихъ славянскихъ нарѣчій въ ихъ историческомъ развитіи, нельзя не замѣтить ихъ близкаго, такъ сказать семейнаго, между собою родства; пополняя пробѣлы и порчи одного нарѣчія остатками старины въ другомъ, объясняя такимъ пріемомъ то, что съ перваго взгляда кажется непонятнымъ и необъяснимымъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что нѣкогда эти нарѣчія составляли одно цѣлое, одинъ общій славянскій организмъ. Но этотъ шагъ еще не вводитъ лингвиста

1) Beyträge zur vergleichenden Sprachforschung hrsg. v. Kuhn und Schleicher. 1 B. 1858. стр. 1—27.

въ ту область, гдѣ въ звукахъ языка слышится свѣжее вѣяніе народной жизни съ ея многоразличными отправленіями. Первоначальное значеніе слова останется для лингвиста непонятно, если онъ не выйдетъ на широкое поле сравненія съ прочими родственными языками. Только путемъ сравненія извлекается и очищается отъ позднѣйшей порчи первичная форма слова и его значеніе.

Такъ, сравнивая славянскій языкъ съ прочими индо-европейскими, Шлейхеръ замѣтилъ, что прежде всего онъ ближе съ *литовскимъ*, потомъ съ *нѣмецкимъ*, и наконецъ уже со всѣми *арійскими* языками.

2.

Сравнительно-историческое языкознаніе въ Россіи.

Какъ старая нѣмецкая и французская грамматики развивались изъ схоластическихъ началъ латинской, такъ славянская постоянно имѣла своимъ образцомъ греческую, не безъ особыхъ усилій отвѣчая на вопросы, какіе предлагала послѣдняя. Собственно говоря, во всѣхъ славянскихъ грамматикахъ до Мелетія Смотритскаго было столь же мало славянскаго, сколько и греческаго: это была грамматика какого-то небывалаго, воображаемаго языка!

Славянскій элементъ, до того показывавшійся случайно, отрывочно, въ Грамматикѣ Смотритскаго вступаетъ въ свои права и скоро ведетъ за собою постепенное отдѣленіе народныхъ русскихъ началъ: уже въ сокращеніи Грамматики Смотритскаго, сдѣланномъ Максимовымъ (1723 г.), мы находимъ много отступленій отъ стариннаго текста въ пользу народнаго элемента; но окончательно это сказалось лишь въ Грамматикѣ Ломоносова. Ломоносову принадлежитъ честь созданія собственно-русской грамматики. Отправившись отъ вѣрной мысли о различіи славянской стихіи въ языкѣ отъ русской, различіи, которое существовало до той поры только на практикѣ, Ломоносовъ долженъ былъ обратиться къ народному языку уже и потому, что литературный языкъ едва только зарождался. Такой счастливый пріемъ

доставилъ ему почетное имя создателя русской грамматики, но обнаружилъ слабое, едва замѣтное вліяніе на послѣдующія судьбы русскаго языкознанія. Самъ Ломоносовъ не устоялъ противъ старинныхъ преданій и во многихъ отношеніяхъ былъ скромнымъ послѣдователемъ прежнихъ славянскихъ грамматистовъ: Мелетія Смотрицкаго, Ѳедора Поликарпова и др.

Аристократизмъ литературныхъ понятій восьмнадцатаго вѣка, воспитанный на французской классической почвѣ, не могъ снизойти до народной основы и не допускалъ, какъ тогда выражались, ничего *подлаго* (то есть народнаго) въ русскую грамматику. «Грамматика Ломоносова—говоритъ Сумароковъ—никакимъ *ученымъ собраніемъ не утверждена*, и по причинѣ, что онъ *московское нарѣчіе въ колмогорское превратилъ*, вошло въ нее множество порчи языка» [1]). Уже это любопытное обвиненіе служитъ предвѣстникомъ тѣхъ началъ, на которыхъ впослѣдствіи суждено было развиваться русской практической грамматикѣ: народный элементъ уступилъ свое мѣсто образцовой рѣчи писателей, и это случилось тогда, когда въ нашей литературѣ не являлись еще ни Державинъ, ни Карамзинъ, ни Крыловъ. «Такая исключительность въ выборѣ грамматическаго матеріала, весьма понятная въ грамматикѣ языковъ мертвыхъ, но вредная для языковъ живыхъ, могла еще имѣть нѣкоторый смыслъ въ литературѣ, уже твердо установившейся, какова литература народовъ западныхъ. Въ литературѣ же юной и свѣжей, какова наша, никоимъ образомъ не могла установиться эта разборчивая нетерпимость, которая исключаетъ изъ грамматическихъ правилъ все, чего не находимъ у образцовыхъ писателей» (Бусл.). Благія начинанія Ломоносова прошли даромъ, и вся послѣдующая судьба русской практической грамматики заключается въ постоянномъ вліяніи, какое имѣли на нее иностранные грамматисты: сперва Готшедъ съ своею школою, потомъ французы, и въ рѣзкомъ противорѣчіи правилъ ея съ рѣчью образцовыхъ писателей.

---

1) Соч. Сумарокова, изд. 2-е. 1787 г. Т. X, стр. 38.

«Грамматика Ломоносова должна была уступить мѣсто руководствамъ, принявшимъ за образецъ рѣчь карамзинскую; но дальнѣйшіе успѣхи нашего языка, въ сочиненіяхъ Грибоѣдова, Крылова, Пушкина, уже не нашли себѣ оправданія въ этихъ руководствахъ».

Начиная съ Державина и Карамзина и кончая современными намъ писателями, нѣтъ ни одного, сколько-нибудь замѣчательнаго, который бы вышелъ безукоризненно правымъ изъ судилища практической грамматики. «Не зная законовъ языка, практическая грамматика ограничилась правилами. Руководства, составленныя по методѣ Готшеда и Аделунга, до того были далеки отъ всякаго понятія о законахъ, по которымъ образуются грамматическія формы, что подвели подъ общій уровень съ явленіями языка, основанными на его внутреннемъ построеніи, многіе чисто-формальные ороографическіе пріемы. Такъ, напримѣръ, въ главѣ о правописаніи помѣщались правила объ употребленіи буквы *ѣ*, которой значеніе опредѣляется только исторіею славянскаго языка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правила объ употребленіи прописныхъ буквъ въ началѣ каждаго стиха, или въ наименованіи дѣйствующихъ лицъ басни,—правила, составленныя только на основаніи условно-принятаго обычая» (Бусл. I. Пред. V—VI). Мы имѣли уже случай замѣтить странность той роли, которую брала на себя практическая грамматика: она желала *научить правильно говорить* и *писать* на извѣстномъ языкѣ, и оттого, по справедливому замѣчанію г. Буслаева, вся этимологическая часть ея ограничивается только склоненіями и спряженіями и ничего не знаетъ о звукахъ и образованіяхъ словъ; во множествѣ правилъ она предлагала подробныя наставленія, какъ склонять и спрягать реченія родного языка, забывая, что въ этомъ рѣдко ошибаются и люди безграмотные. Успѣхи языкознанія въ Западной Европѣ, нашедшіе отголосокъ даже и въ нашей небогатой и непритязательной ученой литературѣ, почти совершенно не коснулись русской практической грамматики: до послѣднихъ дней своихъ она учила *правильно говорить* и *писать*, противорѣча не только

образцовымъ писателямъ, но и сама себѣ, предлагая *правила*, ни на чемъ не основанныя и ничѣмъ не оправдываемыя, кромѣ недалекаго взгляда грамматистовъ. Въ предисловіи къ своему *Опыту* г. Буслаевъ дѣлаетъ чрезвычайно вѣрную характеристику этой грамматики, доказывая многими примѣрами неосновательность и отсталость ея положеній. Само собою разумѣется, что число такихъ примѣровъ могло бы быть въ тысячу разъ болѣе, потому что вся практическая грамматика — говоря безъ преувеличенія — состоитъ изъ подобныхъ примѣровъ.

Одновременно съ практическою грамматикою русскаго языка появились и сравнительныя сближенія, бывшія въ такомъ ходу въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Германіи, когда по одному созвучію выводили происхожденіе народа и языка его отъ того, или другаго племени.

На русской почвѣ эти наивныя фантазіи досужихъ грамотеевъ получили нѣкоторый оттѣнокъ самобытности. Варваризмы, со времени реформы Петра пестрившіе литературную русскую рѣчь, оскорбляли національныя чувства нашихъ патріотовъ-литераторовъ, и первыя попытки противоборствовать этому выразились сравнительными сближеніями языка славянскаго съ гадательнымъ скиоскимъ, тевтоническимъ (sic!), нѣмецкимъ, кельтскимъ и др., безъ сомнѣнія, съ цѣлью доказать превосходство перваго. Не упоминая уже о забавныхъ сравненіяхъ Тредьяковскаго и Сумарокова, къ этому младенческому періоду развитія науки должно отнести Сравнительный словарь Академіи и труды адмирала Шишкова. Мы вовсе не хотимъ отрицать нѣкоторой пользы, принесенной ими: Словарь Академіи, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, по мнѣнію Як. Гримма[1]), обнаружилъ сильное вліяніе на развитіе сравнительнаго языкознанія, а труды Шишкова принесли не менѣе пользы, ограничивъ наплывъ варваризмовъ; мы желаемъ только указать имъ надлежащее мѣсто въ наукѣ. Шишковъ началъ съ защищенія *стараго слога* отъ

---

1) Uber den Ursprung der Sprache. B. 1852. Стр. 9.

нападокъ послѣдователей Карамзина. Ревнитель всего славянскаго, онъ не задумался и русскій языкъ признать церковно-славянскимъ, утверждая, что онъ только *слогъ*, видоизмѣненіе послѣдняго, но потомъ долженъ былъ согласиться, что онъ есть нарѣчіе. Признавъ русскій языкъ *нарѣчіемъ*, Шишковъ, для удержанія тождества его съ церковно-славянскимъ, долженъ былъ признать этотъ послѣдній также *нарѣчіемъ*, а не *языкомъ*, и для отысканія-то этого мечтательнаго языка подъяты были имъ такія многотрудныя, къ сожалѣнію, безплодныя, филологическія работы! Говоря вообще, корнесловіе Шишкова и Российской Академіи отличается отъ этимологическихъ фантазій Сумарокова и Тредьяковскаго развѣ только однимъ объемомъ: оно систематичнѣе наивныхъ толкованій, ученѣе, но принадлежитъ къ одному и тому же направленію. Примѣръ патріота Шишкова нашелъ себѣ подражателей и въ наше время: мы говоримъ о школѣ *панславистовъ*, которымъ принадлежитъ честь возведенія въ систему дѣтскихъ гаданій нашихъ историковъ и языковѣдовъ прошлаго столѣтія, гаданій, происхожденіе которыхъ скрывается въ идеѣ невзнузданнаго патріотизма. Это явленіе, можно сказать, общеславянское; только мы въ этомъ случаѣ опередили своихъ западныхъ соплеменниковъ: уже Тредьяковскій съ *великимъ присиливаніемъ* доказывалъ превосходство славянскаго языка предъ тевтоническимъ, и Сумароковъ утверждалъ, что гальскіе цельты *нареклись* отъ слова *гуляю*, а *славянскіе* отъ *славный*, что мы, Россіяне, *дѣти славенъ*, *внуки цельтовъ*, или *иначе славене и цельты*, когда у западныхъ славянъ еще не было ни Данковскаго, ни Коллара, ни Воланскаго. Нѣкоторымъ изъ нихъ (напримѣръ, Данковскому) нельзя отказать въ глубокой учености, въ блестящемъ и неподдѣльномъ остроуміи, и даже въ извѣстной долѣ истины; но никто не станетъ смѣшивать эти попытки съ наукою, или принимать ихъ въ серіозную сторону. Мы далеки отъ того, чтобы рѣшительно бросить въ нихъ камнемъ рѣзкаго приговора и назвать ихъ произведеніями досужей фантазіи, или разстроеннаго воображенія; но и пріемы,

и методъ ихъ, и самые результаты находятся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, чтó до сихъ поръ сдѣлала наука, что мы рѣшительно должны отказать имъ въ серіозномъ содержаніи. Это какая-то особая наука — антиподъ нашей современной; она отрицаетъ эту послѣднюю, хотя иногда и пользуется ея результатами. Не робѣя ни предъ какими трудностями, ультралингвисты, по большей части, легко и свободно снимаютъ всѣ противорѣчія, разрѣшаютъ всѣ недоумѣнія. Оттого и выводы ихъ такъ легки, свободны и съ этой стороны представляются какъ бы упрекомъ медленному развитію человѣческой науки, но упрекомъ, конечно, слишкомъ наивнымъ, младенческимъ, чтобы возмутить ея медленное, но прочное, исконное движеніе. Въ историческихъ и лингвистическихъ изысканіяхъ подобнаго рода много недостатковъ выкупается временными народными причинами, блестящимъ остроуміемъ, или ѣдкою, ироническою мистификаціею; но, при отсутствіи этихъ свойствъ, чтó остается сочиненію, въ простотѣ сердца доказывающему, что Гомеръ былъ родомъ изъ Бѣлоруссіи и писалъ по-русски, что пелазго-ѳраки были просто славяне, что греческій языкъ происходитъ отъ славянскаго и т. д?

Въ нашей небогатой лингвистической литературѣ находится также нѣсколько рѣдкостей въ этомъ родѣ: не говоря уже о Чертковѣ, который на обломкахъ этрусскихъ надписей отыскивалъ русскую болѣзнь *утинъ*, отъ которой умеръ покойникъ, и подкрѣплялъ свое заключеніе ссылками на Киршу Данилова и Желябужскаго, о Классенѣ, Вельтманѣ, — въ послѣднее время эти гаданія возобновились въ *лингвистической* школѣ покойн. Хомякова и г. Гильфердинга[1]). Подобное соревнова-

1) Кому покажется наше сужденіе о лингвистикѣ г. Гильфердинга слишкомъ строгимъ, для тѣхъ мы позволимъ себѣ привести мнѣніе Шлейхера, одного изъ первыхъ современныхъ славянистовъ: «Методъ г. Гильфердинга не есть методъ строго-научный, онъ очень мало обращаетъ вниманія на исторію звуковъ и сравниваетъ, поэтому, то, чтó едва ли можетъ между собою быть сравниваемо». Приведенными здѣсь же примѣрами Шлейхеръ оправдываетъ такой приговоръ, въ заключеніе котораго онъ позволилъ себѣ ска-

ніе филологической славѣ Сумарокова и Шишкова могло бы быть оставлено безъ серіознаго вниманія, если бы не несло за собою нѣкотораго вреда, состоящаго главнымъ образомъ въ томъ, что, видя эту пустую игру, люди, неблизко знакомые съ дѣломъ, теряютъ всякое довѣріе къ наукѣ.

Мы выше говорили о значеніи Беккера и его *Организма*. Стройность ли системы, или нѣкоторыя другія причины, только системѣ Беккера, къ несчастію, посчастливилось на нашей почвѣ: она произвела у насъ нѣсколько руководствъ, которыя должны занять достойное мѣсто въ числѣ прочихъ книгъ, препятствовавшихъ умственному развитію нашего юношества. Въ главѣ ихъ стояла уже извѣстная намъ *Общесравнительная Грамматика русскаго языка*, изъ которой, какъ изъ неизсякаемаго родника, черпали наши грамматисты втораго ранга, и которая, иногда уже слишкомъ нецеремонно, сама черпала изъ Беккера, Вурста и др.

Желая лишь только проложить новую дорогу къ воззрѣнію на родной языкъ, авторъ Общесравнительной грамматики взялъ готовыя логическія понятія и насильственнымъ образомъ приклеилъ ихъ къ русскому языку. Отвлеченными и давно оставленными понятіями, каково, напримѣръ, понятіе о *полярныхъ* (!) противоположностяхъ въ языкѣ, неудобопонятнымъ философствованіемъ, прикрывается здѣсь неисполненное обѣщаніе (въ предисл.) историческаго и сравнительнаго изслѣдованія языка русскаго; послѣдній элементъ еще кое-гдѣ встрѣчается, хотя совершенно внѣшнимъ, случайнымъ образомъ, а объ историческомъ—только и помину, что въ предисловіи. Къ самому языку авторъ приступилъ не какъ къ живому, свѣжему выразителю народной жизни, а какъ къ отвлеченному организму, о которомъ значится въ Беккеровомъ «Организмѣ языка». Что современное направленіе въ

зать слѣдующія слова: «Der deutsche Sprachgelehrte, der nicht russisch kann, braucht es dieses Buches (сочин. г. Гильфердинга «О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ»), wegen nicht zu lernen!» Beyträge zur vergleich. Sprachforschung. Ber. 1857. Ч. II, стр. 265—66.

языкознанія и успѣхи его въ трудахъ Боппа, Потта, Вильгельма Гумбольдта, Гримма и другихъ, о которыхъ говорится во всѣхъ вышеупомянутыхъ предисловіяхъ, были знакомы грамматисту только по слухамъ и даже по темнымъ слухамъ, это ясно видно почти изъ каждой страницы «Опыта общесравнительной грамматики», который, по собственному признанію сочинителя, весь состоитъ изъ отрывковъ, взятыхъ у разныхъ грамматистовъ разныхъ направленій, начиная съ г. Греча и кончая гг. Буслаевымъ и Катковымъ; короче сказать—это не грамматика русскаго языка, а свалочная книга различныхъ грамматическихъ понятій, приведенныхъ въ единство только отсутствіемъ хронологическихъ помѣтъ и недалекою логическою закраскою: старое такъ рѣшительно укладывается возлѣ новаго, немногое годное такъ тѣсно переплетается съ негоднымъ, что рѣшительно становится невозможнымъ признать у автора существованіе какой-нибудь общей мысли, руководившей его въ трудѣ, не говоря уже о современныхъ лингвистическихъ понятіяхъ.

Всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныя нами филологическія направленія въ изученіи русскаго языка имѣли болѣе или менѣе многихъ послѣдователей!... Но въ нашей филологической литературѣ есть одно сочиненіе, замѣчательное по своей рѣзкой оригинальности и потому заслуживающее упоминанія,—это курсъ, читанный покойнымъ профессоромъ Костыремъ въ университетѣ Св. Владиміра въ 46—8 годахъ и изданный подъ названіемъ «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка», 2 ч. По направленію и методу оно принадлежитъ еще прошлому вѣку и цѣлымъ столѣтіемъ запоздало въ своемъ появленіи. Къ дѣлу Костырь приступилъ какъ философъ, привыкшій отдавать себѣ отчетъ во всякомъ явленіи и во всякой мысли; но это раціональное начало не уравновѣшивалось въ немъ достаточнымъ знакомствомъ съ матеріальнымъ содержаніемъ предмета. Не ознакомившись основательно съ фактами исторіи русскаго языка, онъ рѣшился судить о нихъ, руководствуясь философскимъ критическимъ тактомъ и, само собою разумѣется,

долженъ былъ впасть въ самыя грубыя ошибки. Ничего не принимая слѣпо на вѣру, онъ не могъ образовать самостоятельной точки зрѣнія, и потому, сомнѣваясь въ одномъ, принятомъ наукою за положительный фактъ, онъ относительно другаго попадалъ на старую общую точку зрѣнія. Вотъ примѣры. Отдѣляя грамматическое изученіе русскаго языка (цѣль котораго, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобъ сообщить намъ *умѣнье употреблять формы русскаго языка*) отъ филологическаго, онъ довольно вѣрно опредѣляетъ послѣднее слѣдующимъ образомъ: «Филологическое изученіе имѣетъ предметомъ своимъ организмъ русскаго языка, разсматриваемаго въ его сродствѣ съ языками *общеславянскими* (?) и языками древняго міра и въ историческомъ развитіи его отъ древнѣйшей эпохи до эпохи современной, *въ которой онъ становится языкомъ частнымъ, языкомъ не народа, но одного избраннаго общества (?!)*, или языкомъ литературы современной» (стр. 14). Уже исключительность послѣднихъ словъ до нѣкоторой степени показываетъ, что Костырь смотрѣлъ на языкъ лишь какъ на литературный матеріалъ, не признавая его самостоятельнаго значенія. Это еще яснѣе видно при разборѣ филологическихъ изслѣдованій г. Каткова и Шишкова, корнесловію котораго онъ отдаетъ видимое преимущество предъ лингвистическимъ трудомъ перваго. На сравнительно-историческій методъ и приложеніе его къ русскому языку Костырь вообще смотрѣлъ какъ-то подозрительно, не желая хорошенько вникнуть въ сущность этого ученія; самую мысль о сродствѣ индо-европейскихъ языковъ, въ то время уже приведенную въ надлежащіе предѣлы и ясность, онъ понималъ не иначе, какъ въ смыслѣ заимствованій, и даже позволилъ себѣ попрекнуть Бюрнуфовъ и Бопповъ этимъ мнимымъ заимствованіемъ, остроумно сравнивъ его съ вѣрою въ метемпсихозисъ. Что Костырь былъ чуждъ правильному, современному воззрѣнію на языкъ, это доказываетъ и вторая половина его сочиненія, гдѣ разбирается вопросъ о происхожденіи языка и гдѣ геніальныя идеи Вильгельма Гумбольдта ставятся на ряду съ понятіями фило-

софовъ XVIII столѣтія и приносятся въ жертву отвлеченной философіи автора. Вообще, трудъ Костыря замѣчателенъ только какъ рѣдкое, одиночное явленіе, неимѣющее никакой видимой наружной связи съ другими явленіями русскаго языкознанія, и съ этой точки зрѣнія объясняется и наша помника объ немъ.

Переходимъ теперь къ другимъ трудамъ русскихъ ученыхъ.

Во всей многочисленной семьѣ языковъ и нарѣчій славянскихъ — церковно-славянскому языку безспорно принадлежитъ первое мѣсто. «Понимая его непосредственно по характеру, данному ему нашими предками, нельзя не почесть его въ высшей степени достойнымъ вниманія, какъ начала духовнаго единства, скрѣпившаго разрозненныя племена... Представляя выраженіе частныхъ потребностей каждому нарѣчію, онъ общилъ племена, разрозненныя въ пространствѣ. Съ этой точки зрѣнія, можно утверждать, что какъ во всѣхъ народахъ, такъ и въ русскомъ не внѣшняя сила, не привычка, но внутренняя потребность заставляла племена, проникавшіяся недовѣдомымъ стремленіемъ къ просвѣщенію, удерживать въ письменности языкъ, котораго характеръ не подчинялся всѣмъ современнымъ измѣненіямъ. Въ исторіи нашего просвѣщенія не столько важенъ вопросъ о вліяніи церковно-славянскаго языка на русскій, сколько обратно — вліяніе русскаго на церковно-славянскій. Это именно характеризуетъ значеніе его въ просвѣщеніи нашемъ. Внесенный вмѣстѣ съ Св. книгами, онъ примѣнялся къ народному выговору, упрощивалъ свой составъ, но, не принимая въ себя ничего, что́ розвитъ русскія нарѣчія, усвоилъ то, что́ ихъ соединяетъ. Дѣйствительно, въ немъ есть много русскаго, но ничего малороссійскаго, ничего великорусскаго, ничего бѣлорусскаго. Въ этомъ состоитъ его значеніе въ цѣломъ періодѣ образованія нашего до Петра Великаго. Онъ былъ связью племенъ, нарѣчій, былъ символомъ единства Россіи» [1]). Но съ нимъ роднятъ насъ не одни только

---

1) В. Григоровича: «Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка». Казань. 1852.

историческія воспоминанія, для многихъ уже не существующія: наука открыла другое родство, которое связываетъ насъ съ нимъ тѣснѣе и крѣпче перваго и не подчиняется условіямъ пространства и времени. Церковно-славянскій языкъ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ языковъ, которые дошли къ намъ въ полномъ цвѣтѣ своей жизни, когда порча, неизбѣжная въ языкѣ каждаго народа, уже вступившаго на историческое поприще, не успѣла повредить всего организма. Поэтому-то онъ такъ дорогъ намъ! Десять вѣковъ тревожной исторической жизни положили свой неизгладимый отпечатокъ и на языкъ нашъ: съ обмѣною мыслей, убѣжденій и формъ жизни мѣнялись и формы языка, но, конечно, не къ лучшему, потому что, какъ мы уже имѣли случай показать, законъ историческаго прогресса, и самъ по себѣ не слишкомъ-то ясный, уже совершенно непримѣнимъ къ языку, и, посреди всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ улучшеній въ жизни, одинъ языкъ представляетъ видъ нестройныхъ остатковъ организма, неуцѣлѣвшаго отъ жизненнаго крушенія. Путемъ изученія современнаго состоянія нашего языка мы не дойдемъ до полнаго его пониманія. Богатый и гибкій, но лишенный мѣстами первобытной свѣжести, онъ остается для насъ нѣмою, непонятною буквою до тѣхъ поръ, пока мы не обратимся къ его исторіи, къ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ подвергался онъ въ теченіе долгаго жизненнаго процесса, и въ нихъ не поищемъ объясненія неуступчивой современности. На первомъ шагу мы встрѣчаемся здѣсь съ языкомъ церковно-славянскимъ, этимъ *разъяснительнымъ* языкомъ, счастливо сохранившимъ въ себѣ первобытную простоту и свѣжесть. Рано возведенный до письменности, онъ хранитъ коренныя свойства славянскихъ языковъ, много потерпѣвшихъ подъ вліяніемъ мѣстности и историческихъ условій. Необыкновенная свобода этимологическихъ формъ: богатство звуковъ и флексій, эти внутреннія достоинства дѣлаютъ его — по словамъ П. Шафарика — предметомъ важнымъ для всякаго языковѣда, а для славянскаго *трижды* и *четырежды* важнымъ, и потому, въ настоящее время, по всей

справедливости, считается онъ краеугольнымъ камнемъ славянской лингвистики и филологіи: къ нему естественнымъ историческимъ путемъ приходитъ каждый изслѣдователь славянскихъ нарѣчій, и славянское языкознаніе обязано ему всѣми своими успѣхами: что было въ немъ темнаго, непонятнаго, ожило и получило надлежащій смыслъ по сближеніи съ этимъ языкомъ.

Два имени стоятъ въ главѣ его ученой обработки, и одно изъ нихъ принадлежитъ русскому. Съ тѣхъ поръ, какъ появилось разсужденіе Востокова о славянскомъ языкѣ — а этому скоро исполнится сорокъ лѣтъ — славянская наука далеко ушла впередъ, но мысли, въ немъ высказанныя, легли въ ея основу. Еще Добровскій, другой великій славянистъ нашего времени, собственнымъ примѣромъ показалъ, что пріобрѣтаетъ наука въ *Разсужденіи* Востокова. Онъ познакомился съ этимъ сочиненіемъ, когда его знаменитыя «Institutiones linguae slavicae veteris dialecti» только-что начались печатаніемъ. Важность наблюденій и выводовъ Востокова поразила его, и онъ тотчасъ хотѣлъ, прекративъ печатаніе, начать переработку труда по указаніямъ нашего славяниста. Только уступая просьбамъ друга своего Копитара, Добровскій рѣшился продолжать печатаніе [1]). Какъ Добровскій, такъ и Востоковъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, держались преимущественно историческаго начала. Оно открывало имъ древнѣйшія свойства церковно-славянскаго языка, но не могло предложить удовлетворительнаго объясненія его старинныхъ формъ. Отсюда немногія ошибки Добровскаго, которыхъ счастливо избѣжалъ Востоковъ. Иногда, впрочемъ, Добровскій обращался и къ сравнительному методу, но имъ не руководили законы строгой лингвистики, и, въ этомъ отношеніи, онъ еще послѣдователь старинной школы. Востоковъ осторожно миновалъ эту искусительную и въ то время еще неприготовленную почву: его сравнительныя сближенія, по большей части, отличаются вѣрностью и умѣренностью. Такъ носо-

1) Отчеты Акад. Наукъ, по 2-му Отдѣленію. Спб. 1852. стр. 297.

вые элементы (ринизмъ), природы которыхъ не могъ понять Добровскій, объяснены имъ сближеніемъ съ польскимъ языкомъ, гдѣ они до сихъ поръ имѣютъ свою силу [1]). Открытія Востокова на первый взглядъ могутъ показаться незначительными; но кто знаетъ, какъ важны въ лингвистикѣ правильныя понятія о звукахъ, какъ, минуя эту основу, нельзя понять никакихъ законовъ языка, тотъ пойметъ, что правильное объясненіе носовыхъ элементовъ было открытіе, значеніе котораго далеко за предѣлами видимаго современными языковѣдами горизонта. Сверхъ этой главной заслуги «Разсужденія» Востокова, мы встрѣчаемъ въ немъ много другихъ здравыхъ мыслей о переходѣ гортанныхъ въ шипящія и свистящія, о звукахъ полугласныхъ, объ особенности склоненія прилагательныхъ простыхъ и сложныхъ, о неупотребленіи дѣепричастія, и т. д.

Опредѣливъ древнѣйшія свойства церковно-славянскаго языка, Востоковъ тѣмъ самымъ указалъ на мѣсто его и значеніе къ кругу другихъ славянскихъ нарѣчій, а это, въ свою очередь, навело на многіе важные историко-литературные вопросы, безъ рѣшенія которыхъ были невозможны дальнѣйшіе успѣхи славянскаго языкознанія, — таковы: о нарѣчіи, на которое сдѣланъ былъ первоначальный переводъ Священныхъ книгъ, о древнѣйшихъ рукописяхъ славянской письменности, объ ихъ изводахъ или редакціяхъ и вліяніи, какому подвергался церковно-славянскій языкъ въ Россіи, Сербіи и другихъ славянскихъ земляхъ. Дальнѣйшіе грамматическіе труды Востокова не имѣли уже того высокаго интереса и значенія для науки, какъ его «Разсужденіе». Они не развивали, а только доказывали его прежнія мысли и служили имъ подтвержденіемъ; таковы его *грамматическія правила*, извлеченныя изъ «Остромирова Евангелія», которыя, при отсутствіи строгой грамматической системы, пред-

1) Справедливость требуетъ, однако, сказать, что многія сравнительныя сближенія, высказанныя Востоковымъ въ образцовыхъ грамматическихъ объясненіяхъ фрейзингенскихъ памятниковъ, обличаютъ въ немъ изслѣдователя съ тонкимъ лингвистическимъ тактомъ.

ставляютъ довольно полное собраніе фактовъ языка древнѣйшаго памятника церковно-славянской письменности, значительно облегчающее его изученіе и особенно полезное при ученыхъ справкахъ.

Ученыя заслуги Востокова давно признаны и оцѣнены всѣми. Но едва ли кто замѣтилъ, или, по крайней мѣрѣ, высказалъ одно достоинство его, рѣдкое въ наше время, когда въ науку такъ часто вносятъ интересы личнаго или племенного эгоизма. Мы говоримъ о той примѣрной добросовѣстности, которая, свидѣтельствуя его возвышенный взглядъ на науку и чистыя отношенія къ ней, дѣлаетъ для насъ имя Востокова *авторитетомъ* въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Мы не знаемъ ни одного факта, какъ бы ни былъ онъ мелоченъ, неправильно переданнаго, или вымышленнаго имъ!

Есть что-то высокое въ этомъ неподкупномъ чувствѣ правды и уваженія къ истинѣ! Въ этомъ отношеніи, какая противоположность между нашимъ славянистомъ и другими филологами — Копитаромъ и его ученикомъ, Миклошичемъ, приходская народность и вѣроисповѣдное чувство которыхъ доводило ихъ до такихъ недобросовѣстныхъ искаженій истины! Не ходя далеко за примѣрами, мы укажемъ на послѣдній трудъ Востокова — «Церковно-Славянскій словарь», котораго первый томъ уже появился въ свѣтъ. Миклошичъ, вѣрный своему мнѣнію о тождествѣ двухъ полугласныхъ звуковъ Ъ и Ь, отступилъ отъ историческихъ фактовъ и, въ угоду своему мнѣнію, въ Lexicon linguae Slovenicae, выходящій нынѣ вторымъ изданіемъ, переиначилъ правописаніе всѣхъ словъ съ полугласными элементами; а о Копитарѣ и говорить нечего: онъ доходилъ иногда до крайней недобросовѣстности и рѣшительно искажалъ факты для подтвержденія своего католическаго гаданія de pannonietate sacrae linguae Slovenicae [1]). Этого мы не встрѣтимъ въ Востоковѣ: его словарь, конечно, не можетъ еще отличаться полнотою, но никто

1) См. превосходную характеристику Копитара, какъ писателя, въ сочиненіи г. Бодянскаго «О времени происхожденія славянскихъ письменъ». 1855. 218 и LXXIII—IV стр.

не упрекнетъ его невѣрностью, или недобросовѣстностью. Словарь составляется по древнѣйшимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ: смыслъ словъ опредѣляется сличеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ изъ различныхъ сочиненій, а въ переводахъ—сопоставленіемъ словъ подлинника.

Мы потому распространились о заслугахъ Востокова, что его грамматическія сочиненія, можно сказать, создали славянскую филологію. Въ нашемъ отечествѣ они, однако, не произвели того вліянія, какое имѣли у западныхъ славянъ. Церковно-Славянская грамматика у насъ еще очень недавно оставила мудрыя правила Θедора Поликарпова!

Развитіе сравнительно-историческаго языкознанія подняло и возвысило изученіе языка церковно-славянскаго: онъ сдѣлался исходнымъ пунктомъ сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій, посредствующимъ терминомъ, связывающихъ судьбы ихъ съ судьбами языковъ всего индо-европейскаго племени. Мы упоминали выше о трудахъ Шафарика, Шлейхера и Миклошича: совокупными усиліями ихъ этимологія, можно сказать, почти окончена; но за синтаксисъ еще никто и не принимался. Намъ кажется, что ближайшимъ образомъ эта обязанность лежитъ на насъ, русскихъ: ни одна славянская земля не обладаетъ такимъ сокровищемъ памятниковъ древняго церковно-славянскаго языка, какъ наше отечество, и намъ слѣдовало бы отвѣчать на потребности современной науки въ сравнительномъ славянскомъ языкознаніи. Къ сожалѣнію, наши отвѣты на это были до сихъ поръ какъ-то глухи и уклончивы: мы можемъ указать на нѣсколько именъ, съ успѣхомъ занимавшихся разработкою нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, но никто до сихъ поръ не принимался за постройку цѣлаго зданія, такъ что г. Буслаеву первому принадлежитъ честь созданія русскаго и церковно-славянскаго синтаксиса.

Немного русскихъ трудовъ — и еще менѣе именъ — мы можемъ указать, послѣ Востокова, въ ученой обработкѣ церковнаго языка. Самые владѣтели драгоцѣнныхъ рукописей до сихъ

поръ какъ-то не въ мѣру скупы на изданіе ихъ, а если и рѣшаются на такой подвигъ, то дѣлаютъ это такимъ образомъ, что изданіе памятника выходитъ никуда и никому непригоднымъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ пріятное исключеніе, можно еще упомянуть только о трудахъ гг. Бодянскаго, Срезневскаго и Григоровича, которые своими, хотя очень небогатыми, замѣтками много способствовали опредѣленію свойствъ древнѣйшаго славянскаго языка. Вопросъ о народности церковно-славянскаго языка до сихъ поръ еще не приведенъ къ окончательному рѣшенію: обыкновенно считаютъ этотъ языкъ древне-болгарскимъ и въ этомъ случаѣ ссылаются на такіе авторитеты, какъ Востоковъ и Шафарикъ. Но мнѣніе Востокова ограничиваетъ такое опредѣленіе. Принимая, что старо-славянское нарѣчіе было употребляемо въ древне-болгарской письменности, Востоковъ не думаетъ, впрочемъ, изъ этого выводить заключенія о тожествѣ старославянскаго нарѣчія съ древнимъ болгарскимъ народнымъ. Древнимъ болгарскимъ онъ называлъ его иногда только потому, что всѣхъ славянъ задунайскихъ, жившихъ на востокъ отъ сербовъ, и онъ съ другими привыкъ называть болгарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не сомнѣвается, что родина старо-славянскаго нарѣчія есть Македонія, а потому его можно назвать и македонскимъ (какъ думалъ и Добровскій); собственно болгарское нарѣчіе могло издревле отличаться отъ него очень важными признаками. Шафарикова послѣдняя ипотеза о глаголицѣ уже извѣстна. Пусть она будетъ еще не доказана, но во всякомъ случаѣ никто не откажетъ ей въ серіозности содержанія и во всѣхъ условіяхъ, необходимыхъ для правдоподобія; а при этомъ и положеніе о древнѣйшемъ языкѣ богослужебныхъ книгъ должно нѣсколько поизмѣниться. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что рѣшать такой важный вопросъ наобумъ не приходится, и съ этой точки зрѣнія мы не можемъ не сочувствовать мнѣнію г. Билярскаго, который требуетъ положительно-историческаго анализа памятниковъ средне-болгарской письменности, полагая, что только этимъ путемъ можно придти къ прочному рѣшенію во-

проса о народности языка богослужебныхъ книгъ и избѣжать той шаткости въ сужденіяхъ, какою страдаютъ почти всѣ мнѣнія по этому предмету [1]). Другой вопросъ объ отношеніяхъ этого языка къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ, который, въ свое время, такъ живо интересовалъ нашихъ филологовъ, кажется, уже принялъ окончательное рѣшеніе въ «Начаткахъ русской филологіи» г. Максимовича, тогда какъ другой, гораздо болѣе важный вопросъ объ измѣненіяхъ, какимъ подвергался церковно-славянскій языкъ дома и на чужбинѣ — вопросъ, приступъ къ которому съ такимъ блестящимъ талантомъ былъ сдѣланъ еще Прейсомъ, до сихъ поръ встрѣтилъ только одинъ отголосокъ къ почтеннымъ трудамъ г. Билярскаго о средне-болгарскомъ вокализмѣ и Реймскомъ Евангеліи. Короче сказать, славянское языкознаніе еще не получило у насъ права гражданства и остается досужимъ занятіемъ очень немногихъ людей, заслуживающихъ добраго слова тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе равнодушіе окружающей среды къ подобнымъ занятіямъ и чѣмъ менѣе можно разсчитывать на поддержку и одобреніе.

Недалеко ушло и ученое изслѣдованіе собственно-русскаго языка! Не говоря уже о томъ, что изученіе русскаго народнаго языка, такъ сказать, находится еще въ пеленкахъ, что лексикографія только въ послѣднее время (въ трудахъ II Отдѣл. Академіи Наукъ и г. Даля) начинаетъ свое многотрудное дѣло, — самый маверъ ученыхъ изслѣдованій до сихъ поръ какъ-то не установился, и къ нему въ полной мѣрѣ можетъ быть отнесенъ тотъ энергическій упрекъ, какой въ послѣднее время былъ сдѣланъ г. Билярскимъ всей современной наукѣ славянскаго языкознанія, именно — въ недостаткѣ положительнаго историческаго направленія [2]). Какъ поздно у насъ принялись начала сравни-

1) «Ученыя Записки» 2-го Отд. Акад. Наукъ, т. 2. II ч., стр. 19. Safarik— über d. Ursprung und die Heimath des Glagolismus. P. 1858. Стр. 80 — 82. Билярскій «О средне-болгар. вокализмѣ», Спб. 1858. Стр. 10—19.

2) Билярскій «О средне-болгарскомъ вокализмѣ», стр. 9—20 новаго (58) изданія. Дальнѣйшія объясненія *положительно-историческаго метода въ языко-*

тельно-историческаго изученія русскаго языка, это лучше всего видно на судьбѣ *Филологическихъ Изслѣдованій надъ составомъ русскаго языка*, протоіерея Павскаго. Они были встрѣчены самымъ горячимъ сочувствіемъ, переходящимъ въ изумленіе, и только съ теченіемъ времени, лѣтъ десять спустя по выходѣ первыхъ выпусковъ, сдѣлалось яснымъ ихъ настоящее достоинство. Отъ новой науки пр. Павскій заимствовалъ только наружную сторону, заключающуюся въ сравнительномъ элементѣ; но, не желая поступиться началами старинной филологической грамматики, онъ, противъ воли, впалъ въ сферу тѣхъ произвольныхъ сближеній, которыя основаны на случайномъ созвучіи, и во всемъ видитъ или заимствованіе, или вліяніе одного языка на другой. Такого рода сближенія, можетъ-быть, немало способствовали увеличенію объема книги, но на дѣлѣ едва ли могли содѣйствовать успѣхамъ науки и ничѣмъ не разнились отъ корнесловія адмирала Шишкова, кромѣ того, что послѣднее было своевременнѣе. Историческій элементъ является такою же случайностью въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ», какъ и сравнительный: признавая принципъ сравнительно-историческаго изученія, пр. Павскій не воспользовался какъ должно его результатами и въ большей части грамматическихъ объясненій не оставался вѣренъ этому методу; отсюда у него постоянное смѣшеніе древнѣйшихъ формъ съ позднѣйшими и смѣлые выводы, противорѣчащіе историческимъ даннымъ. Вообще «Филологическія Наблюденія» Павскаго, какъ справедливо было замѣчено однимъ изъ его критиковъ, объясняются переходнымъ состояніемъ отъ теорій Шишкова и другихъ къ ясному взгляду на языкъ, основанному Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, Боппомъ, Гриммомъ. Оттого они остались одинокимъ явленіемъ въ наукѣ: практическая грамматика была уже закончена и заключала въ себѣ почти тѣ же самыя положенія и ту же систему, для которой пр. Павскій со-

---

знанія см. въ крит. статьѣ А. А. Куника («Спб. Вѣд.» 1847 г., №№ 213, 214) по поводу сочиненія г. Билярскаго.

вдалъ такой ученый пьедесталъ, а начатки сравнительно-историческаго изученія не могли помириться съ его «наблюденіями» потому, что въ нихъ видѣли тотъ мертвый взглядъ на языкъ и тотъ устарѣлый методъ, отъ котораго наука только-что освободилась.

Сравнительно-историческое изученіе русскаго языка появилось у насъ не далѣе, какъ за пятнадцать лѣтъ предъ симъ, и первые труды въ этомъ направленіи давали поводъ надѣяться на будущіе блестящіе успѣхи новой науки. Это были: «О преподаваніи отечественнаго языка», г. Буслаева, 1844 г., и «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка», г. Каткова, 1845 г. Послѣднее сочиненіе до сихъ поръ остается лучшимъ ученымъ анализомъ звуковъ и формъ русскаго языка, особенно, если поставить его рядомъ съ сочиненіемъ пр. Павскаго. Цѣлью автора было уясненіе того пути, какимъ обособлялся русскій языкъ въ ту эпоху, когда онъ самъ впервые произнесъ себя. Основательно знакомый съ трудами Боппа и Гримма, авторъ приложилъ ихъ методъ къ разбору элементовъ и флексій отечественнаго языка и чрезвычайно удачно объяснилъ много темныхъ спорныхъ пунктовъ въ организмѣ языка. Такъ, напримѣръ, значеніе полугласныхъ элементовъ ь и ъ, для объясненія которыхъ Павскій изобрѣлъ хитрую теорію придыханій, у г. Каткова получаетъ надлежащій смыслъ чрезъ сравненіе съ соотвѣтствующими элементами родственныхъ языковъ. Причина разнорѣчій въ фонетикѣ славянскаго языка очень легко объяснена смягченіемъ согласныхъ и неравномѣрнымъ ослабленіемъ вокализма, опредѣлена граница физіологическаго и историческаго начала звуковъ; а равнымъ образомъ и въ объясненіи существительныхъ и глагольныхъ флексій сочиненіе г. Каткова представляетъ очень много важнаго и—по тому времени—совершенно новаго. Несмотря на то, что въ настоящее время наука, съ увеличеніемъ матеріала, далеко ушла впередъ, трудъ г. Каткова, основанный на положительномъ сравнительно-историческомъ методѣ, надолго еще останется сочиненіемъ, необходимымъ каж-

тельно-историческаго изученія русскаго языка, это лучше всего видно на судьбѣ *Филологическихъ Изслѣдованій надъ составомъ русскаго языка*, протоіерея Павскаго. Они были встрѣчены самымъ горячимъ сочувствіемъ, переходящимъ въ изумленіе, и только съ теченіемъ времени, лѣтъ десять спустя по выходѣ первыхъ выпусковъ, сдѣлалось яснымъ ихъ настоящее достоинство. Отъ новой науки пр. Павскій заимствовалъ только наружную сторону, заключающуюся въ сравнительномъ элементѣ; но, не желая поступиться началами старинной филологической грамматики, онъ, противъ воли, впалъ въ сферу тѣхъ произвольныхъ сближеній, которыя основаны на случайномъ созвучіи, и во всемъ видитъ или заимствованіе, или вліяніе одного языка на другой. Такого рода сближенія, можетъ-быть, немало способствовали увеличенію объема книги, но на дѣлѣ едва ли могли содѣйствовать успѣхамъ науки и ничѣмъ не разнились отъ корнесловія адмирала Шишкова, кромѣ того, что послѣднее было своевременнѣе. Историческій элементъ является такою же случайностью въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ», какъ и сравнительный: признавая принципъ сравнительно-историческаго изученія, пр. Павскій не воспользовался какъ должно его результатами и въ большей части грамматическихъ объясненій не оставался вѣренъ этому методу; отсюда у него постоянное смѣшеніе древнѣйшихъ формъ съ позднѣйшими и смѣлые выводы, противорѣчащіе историческимъ даннымъ. Вообще «Филологическія Наблюденія» Павскаго, какъ справедливо было замѣчено однимъ изъ его критиковъ, объясняются переходнымъ состояніемъ отъ теорій Шишкова и другихъ къ ясному взгляду на языкъ, основанному Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, Боппомъ, Гриммомъ. Оттого они остались одинокимъ явленіемъ въ наукѣ: практическая грамматика была уже закончена и заключала въ себѣ почти тѣ же самыя положенія и ту же систему, для которой пр. Павскій со-

---

званія см. въ крит. статьѣ А. А. Куника («Спб. Вѣд.» 1847 г., №№ 213, 214) по поводу сочиненія г. Бизярскаго.

языкомъ самостоятельнымъ. Первобытнаго періода онъ не касается потому, можетъ-быть, что это потребовало бы такихъ обширныхъ предварительныхъ занятій и знаній, какими не можетъ еще располагать русскій ученый. Главныя мысли, выведенныя г. Срезневскимъ изъ тщательнаго изслѣдованія историческихъ изысканій строя русскаго языка, слѣдующія: древній народный русскій языкъ отличался отъ древняго церковно-славянскаго очень немногими особенностями въ употребленіи звуковъ и грамматическихъ формъ. Къ такимъ особенностямъ авторъ относитъ отсутствіе носовыхъ гласныхъ, особое произношеніе глухихъ гласныхъ звуковъ ъ и ь въ соединеніи съ согласными, употребленіе мѣстоименныхъ формъ въ склоненіи прилагательныхъ и причастій неопредѣленныхъ, и мн. др. За поворотную точку въ измѣненіи строя какъ русскаго языка, такъ и нѣкоторыхъ западныхъ нарѣчій, авторъ признаетъ XIV вѣкъ. Это время, XIII—XIV, по его мнѣнію, было и временемъ образованія мѣстныхъ нарѣчій — великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ. «Книжный языкъ отличался отъ народнаго, безъ сомнѣнія, всегда, но въ X — XIV в. отличія одного отъ другого у насъ заключались болѣе въ привычкахъ слога, чѣмъ въ грамматическихъ формахъ. Отъ близости строя русскаго народнаго языка съ языкомъ книгъ церковно-славянскихъ, къ намъ занесенныхъ, зависѣло то, что, сколько ни мѣшались одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ нашей письменности элементы — старославянскій книжный и русскій народный, языкъ этихъ произведеній сохранялъ правильную стройность всегда, когда вмѣстѣ съ элементомъ старославянскимъ не проникалъ въ него насильственный элементъ греческій, византійскіе обороты рѣчи, византійскій слогъ, и когда притомъ писавшій имъ былъ не чужестранецъ, неумѣвшій выражаться правильно по-славянски. Прочное начало образованію книжнаго русскаго языка, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда же, какъ народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію въ своемъ древнемъ строѣ. Въ XIV

вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ языкъ народный, уже примѣтно отдѣлялся отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XVI в. отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлять» [1]).

Быть-можетъ, многіе изъ этихъ выводовъ уже слишкомъ рѣшительны, но для насъ очень важны тѣ основы, стоя на которыхъ, авторъ позволилъ себѣ сдѣлать такія заключенія: не только историческіе памятники церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, но и сравнительное изученіе славянскихъ нарѣчій и народный языкъ въ областныхъ видоизмѣненіяхъ входятъ въ его сочиненія какъ необходимыя части и даютъ ему положительное значеніе въ нашей наукѣ. Съ этой стороны «Мысли объ исторіи русскаго языка»—явленіе безупречное, и какъ бы ни пошла далеко впередъ наука, за ними останется честь благаго вліянія на утвержденіе въ нашемъ отечествѣ животворныхъ началъ сравнительно-историческаго метода въ изученіи родного языка.

Трудъ г. Лавровскаго «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» построенъ на планѣ, и можно сказать, на мысли, выраженной въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка», а потому въ немъ должно отличать двѣ стороны: фактическую и общіе выводы.

Въ фактическомъ отношеніи, сочиненіе г. Лавровскаго заслуживаетъ полнаго вниманія и совершенно достигало бы своей цѣли, если бы не было основано на источникахъ *филологическая достовѣрность* которыхъ можетъ подлежать сильнымъ сомнѣніямъ. Таковы: «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», «Полное собраніе русскихъ лѣтописей», «Историческіе и юридическіе акты» и мн. др. Эти изданія принадлежатъ тому времени, когда не дорожили буквой подлинника для отысканія историческаго смысла; отсюда и выходило, что многія формы

---

1) «Извѣстія Академіи Наукъ,» г. 5. См. предисловіе г Срезневскаго къ «Запискѣ о русскомъ языкѣ» г. Погодина, стр. 65—70.

языка получали, при такомъ искусномъ толкованіи, совершенно *иной* видъ, чѣмъ онѣ имѣли встарину. Однимъ словомъ, незнакомство съ филологическимъ пріемомъ вело издателей къ искаженію первоначальнаго текста, а потому и лингвистъ имѣетъ полное право не довѣрять точности печатнаго текста нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ языка. Чтобъ быть убѣждену въ полной законности подобнаго скептицизма, достаточно развернуть первый попавшійся томъ «Полнаго собранія русскихъ Лѣтописей»: не только замѣна однихъ элементовъ другими (гражданское *я* вездѣ замѣняетъ церковно-славянскія *ю* и *юсы;* ъ и ь перемѣшаны не только между собою, но и съ буквами *е* и *о),* несоблюденіе звуковыхъ значковъ, но и самое искаженіе формъ можно найти въ такомъ изобиліи, что невозможность основать прочные филологическіе выводы на такомъ зыбкомъ фундаментѣ сдѣлается ясна сама собою. Сверхъ этого, должно замѣтить, что изданіе памятниковъ по сводному методу, вмѣсто изданія отдѣльныхъ древнѣйшихъ списковъ, какъ бы ни были велики и значительны его достоинства въ историческомъ отношеніи, дѣлаетъ памятникъ рѣшительно негоднымъ къ филологическому употребленію.

Принявъ въ расчетъ эти обстоятельства, мы поймемъ надлежащій смыслъ и значеніе сочиненія г. Лавровскаго. Что же касается его общихъ выводовъ, то они почти повторяютъ положенія, высказанныя въ сочиненіи г. Срезневскаго. Послѣдній замѣчательный трудъ въ области сравнительно-историческаго изслѣдованія русскаго языка принадлежитъ г. Буслаеву. Мы разумѣемъ его «Опытъ Исторической Грамматики русскаго языка» (2 т.). Несмотря на прямое педагогическое назначеніе свое, «Опытъ» г. Буслаева представляетъ скорѣе богатый сборникъ матеріаловъ для полной сравнительно-исторической грамматики русскаго языка, чѣмъ книгу въ собственномъ смыслѣ педагогическую, потому тотъ едва ли надлежащимъ образомъ оцѣнитъ достоинство этого труда, кто взглянетъ на него съ точки зрѣнія стройной оконченной системы: какъ въ расположеніи матеріала, такъ и въ обработкѣ его «Опытъ» г. Буслаева представляетъ

нѣкоторую неоконченность и даже торопливость; но какъ полнѣйшее, тщательное собраніе грамматическаго матеріала, онъ надолго останется настольною книгою каждаго изслѣдователя церковно-славянскаго и русскаго языка. Самая важная заслуга г. Буслаева заключается въ обработкѣ русскаго синтаксиса, или вѣрнѣе сказать въ *созданіи* его, ибо до него синтаксическій отдѣлъ нашихъ практическихъ грамматикъ былъ очень скуденъ и совершенно лишенъ историческихъ оснований.

«Опытъ Исторической Грамматики русскаго языка», какъ показываетъ самое заглавіе, имѣетъ въ виду лишь историческую сторону русскаго языка: педагогическія цѣли, вѣроятно, были причиною, что авторъ почти совершенно исключилъ сравнительный элементъ и только въ концѣ перваго *для желающихъ*—присоединилъ нѣсколько сравнительныхъ приложеній. Мы ничего не имѣли бы противъ такой исключительности, если бы главное назначеніе книги г. Буслаева было только педагогическое, напротивъ въ виду важнаго ученаго ея достоинства и значенія—нельзя не пожалѣть о такомъ капитальномъ недостаткѣ этого почтеннаго труда; но вообще — если справедлива мысль, что каждая наука невозможна безъ предварительнаго тщательнаго собранія и осмотра матеріала, то «Опыту» г. Буслаева принадлежитъ самое видное мѣсто въ исторіи русскаго языкознанія,—такъ облегчены имъ послѣдующіе труды въ этой области отечественной науки.

Исторія всеобщей литературы въ Россіи.

1) Исторія литературы древняго и новаго міра, составленная по I. Шерру, Шлоссеру, Геттнеру, Ф. Шлегелю, Ю. Шмидту, Р. Готтшалю, изд. подъ редакціею А. Милюкова, т. 1-й Спб. 1862. XVI + 568 стр. 2) Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ, составл. Гарусовымъ. I. Поэзія драматическая. М. 1862, XI + 456 с.

Кто знаетъ, какое важное значеніе имѣетъ исторія литературы въ общей системѣ историческихъ наукъ и педагогіи, тому не покажется страннымъ наше намѣреніе—войти въ нѣкоторыя

подробности относительно этого предмета. Кромѣ соображеній болѣе или менѣе общихъ, мы желали бы представить хотя краткую историческую оцѣнку того, что̀ сдѣлано у насъ по исторіи всеобщей литературы, и указать на задачи ея въ будущемъ. Не величина пройденнаго пути, не обиліе разработаннаго и освѣщеннаго матеріала — съ этой стороны можно сказать, что *русская* исторія всеобщей литературы — вся въ будущемъ, а интересъ современнаго поколѣнія къ наукѣ — вотъ что̀ побуждаетъ насъ, въ виду будущихъ успѣховъ въ этой области знаній, свести счеты съ прошедшимъ, серьезно оцѣнить настоящее и, по нашему крайнему разумѣнію, намѣтить пути для грядущаго.

Въ смыслѣ науки — исторія литературы появилась очень недавно: правда, на нѣкоторыя избранныя произведенія поэтовъ указываютъ еще теоретики древнихъ временъ, но ихъ цѣль была совершенно иная: они не понимали *науки* исторіи литературы и произведеніями писателей пользовались, какъ матеріаломъ для созданія теоріи прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, какъ образцами, отъ которыхъ они отвлекали свои теоретическія наставленія и правила. Такую же судьбу имѣла наука о словесности и въ средніе вѣка и въ новое время. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, по слѣдамъ Баумгартена и геніальнаго Винкельмана, возникло стремленіе создать общую философію искусства или эстетику; оно освободило науку отъ схоластическихъ опредѣленій, но мало помогло успѣхамъ собственно историческаго знанія. Гораздо болѣе принесло въ этомъ отношеніи движеніе романтическихъ идей: указывая на старину, какъ на чистѣйшій первообразъ народнаго духа, оно вывело на свѣтъ множество памятниковъ старинной поэзіи и вообще литературы, — началась разработка ихъ — и вскорѣ стала на ноги въ собственномъ смыслѣ историческая наука о литературѣ. Что̀ выиграло при этомъ историческое знаніе вообще — рѣшить не трудно: *достовѣрность* составляетъ высшую цѣль исторіи, а изъ всѣхъ историческихъ наукъ только одна исторія литературы и можетъ въ полномъ смыслѣ слова похвалиться *исторической достовѣрностью*. Изъ

современныхъ ученыхъ никто, помнится, не высказалъ этой мысли яснѣе и лучше Эдельстана дю Мери (du Meril). Въ пролегоменахъ къ своей Исторіи Скандинавской поэзіи (1863) онъ указываетъ на то, что историческія событія не всегда могутъ имѣть характеръ необходимости, что многое въ нихъ, если и не есть дѣло случая, то по крайней мѣрѣ, — воли слишкомъ личной, или личнаго произвола, имѣющаго для массы только характеръ принудительной необходимости, но никакъ не необходимости нравственно-свободной. Иное дѣло — произведенія литературы и въ особенности поэзіи: свободный, нравственно необходимый характеръ ихъ виденъ и въ нихъ самихъ, и въ томъ вліяніи, какое обнаруживаютъ они на окружающую среду. Литературное произведеніе, не имѣя оправдательныхъ корней въ народѣ, или извѣстномъ обществѣ, никогда не пойдетъ впередъ и, каковы бы ни были его достоинства, всегда останется одинокимъ, безъ признанія и привѣта. Отсюда ясно, какое огромное преимущество имѣетъ историкъ литературы сравнительно съ историкомъ политическимъ и гражданскимъ: въ стремленіяхъ къ истинѣ и исторической достовѣрности послѣдній рѣдко выходитъ полнымъ побѣдителемъ. Пусть онъ будетъ вполнѣ свободенъ отъ мономаніи историко-органическаго воззрѣнія, пусть обладаетъ громаднымъ знаніемъ, здравою мыслію, тонкимъ критическимъ тактомъ—все же ему не уйти отъ множества капитальныхъ гаданій и предположеній, имѣющихъ большую *вѣроятность*, но никакъ не *достовѣрность*. Судить историческія явленія судомъ ихъ современниковъ историкъ не имѣетъ ни возможности, ни права: объ одномъ и томъ же событіи современники судятъ различно,— передаютъ разнорѣчивыя извѣстія, многихъ событій они вовсе не касаются—и неужели историкъ занесетъ въ свое произведеніе весь этотъ разнорѣчивый матеріалъ сырьемъ, неужели онъ не захочетъ осмыслить его, указать каждому явленію надлежащее мѣсто въ исторіи народной жизни, а достигнуть этого онъ можетъ не иначе, какъ путемъ своей *собственной* мысли, оттого и критеріумъ исторической достовѣрности лежитъ здѣсь столько же

въ количествѣ и качествѣ фактовъ, сколько и въ личномъ талантѣ историка, въ убѣдительности его домысловъ и соображеній. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о полной достовѣрности, обнимающей отъ мала до велика всѣ историческія явленія, всѣ факты. Въ мірѣ нѣтъ той исторіи, которая могла бы похвалиться такимъ качествомъ, и между тѣмъ, имъ, въ полной мѣрѣ, обладаетъ исторія литературы. Какъ наука, имѣющая своимъ предметомъ идеальную сторону человѣческой жизни, она мало обращаетъ вниманія на историческую достовѣрность. Событія для ней дѣло второстепенное—какъ сталось оно событіемъ, ей важно только, какъ отразилось это событіе въ умахъ и сердцахъ современниковъ на основаніи ихъ поэтическихъ и литературныхъ произведеній. Современники могли неумышленно изукрасить какой-нибудь историческій фактъ, могъ этотъ фактъ и не существовать вовсе, но существовало *сознаніе* его,—оно-то и составляетъ дѣйствительное, достовѣрное содержаніе исторіи литературы. Оставляя исторической критикѣ отличать реальную истину отъ вымысла и лжи, она беретъ только литературную сторону дѣла и, такъ какъ послѣдняя не можетъ быть не достовѣрна, то наука и возводитъ ее въ фактъ *дѣйствительной идеальной* жизни народа или общества. Странно было бы, если бы историкъ за дѣйствительныя историческія событія принялъ странствованія и подвиги легендарныхъ героевъ; но еще было бы страннѣе, если бы историкъ литературы не увидѣлъ въ нихъ *существенныхъ дѣйствительныхъ явленій нравственной жизни народа*. Вся трудность заключается здѣсь не въ томъ, чтобы отдѣлить истину отъ вымысла: истина здѣсь предъ глазами, а въ томъ, чтобы понять *смыслъ* этой истины и *степень* или объемъ ея по отношенію къ носителямъ ея, т. е. принадлежитъ ли извѣстное литературное явленіе всему народу, или только извѣстному классу людей. Потому, хотя многое въ исторіи литературы еще требуетъ предположеній, догадокъ, но достовѣрность самаго матеріала не допускаетъ никакихъ сомнѣній: можно спорить о литературномъ значеніи произведенія, его судьбѣ, вліяніи на обще-

ство, но нельзя сомнѣваться въ его существованіи! Что для историка составляетъ рѣшительный камень преткновенія въ его изслѣдованіяхъ, то дается здѣсь само собою, въ силу благодарнаго матеріала. Имѣя такія положительныя, достовѣрныя основанія, исторія литературы уже успѣла оказать много услугъ и общей исторической наукѣ: вотъ почему въ настоящее время нельзя встрѣтить почти ни одного замѣчательнаго историческаго труда, гдѣ были бы позабыты или пренебрежены литературныя произведенія эпохи, — вотъ почему и историки, подобные Шлоссеру, Гроту, Дункеру, Веберу, въ своихъ историческихъ трудахъ всегда отводятъ такое широкое мѣсто обозрѣнію литературы!

Выше мы замѣтили о молодости литературы сравнительно съ прочими историческими науками; несмотря на это обстоятельство, она успѣла получить гражданскія права не только въ наукѣ, а и въ общественной нравственной жизни, какъ знаніе въ высшей степени привлекательное, дающее удовлетвореніе не одной пытливой любознательности, но и болѣе нѣжнымъ сторонамъ духовной природы человѣка.

Говорить ли еще объ одномъ качествѣ этой науки,—качествѣ, которое не всѣмъ знаніямъ выпадаетъ на долю и далеко не въ равной степени — мы разумѣемъ образовательную ея силу, ея высокое педагогическое значеніе, нынѣ уже всѣми признанное?

Переходимъ къ состоянію исторіи всеобщей литературы въ Россіи.

Едва ли какая-нибудь иная наука находится у насъ въ такомъ жалкомъ положеніи, какъ исторія всеобщей литературы,— тогда какъ по отдѣлу всеобщей исторіи мы имѣемъ и переводы хорошихъ сочиненій и замѣчательныя монографіи (Грановскаго, Кудрявцева, Бабста, Куторги, Ешевскаго, Леонтьева), по литературѣ — лишь плохіе переводы плохихъ книгъ, неудачныя компиляціи и очень мало трудовъ, дѣйствительно заслуживающихъ вниманіе и уваженіе. Еще въ тридцатыхъ годахъ начали у насъ появляться переводы по исторіи всеобще*

литературы. Первыми изъ нихъ, если не ошибаемся, были *Исторія древнихъ и новыхъ литературъ, наукъ и изящныхъ искусствъ, Жарри де Манси* (1832—34 ч. 1), *Исторія древней и новой литературы* (1834) 2 т. *Ф. Шлегеля* и *Руководство къ исторіи литературы* (Спб. 1836 г. ч. 1), *Вахлера*. При нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ для того времени фактическихъ достоинствахъ, послѣднія два сочиненія эти страдали такими существенными недостатками, которые сдѣлали невозможнымъ ихъ доброе вліяніе на русское читающее общество: Шлегель піэтистъ и католическій философъ; обо всѣхъ литературныхъ явленіяхъ онъ судитъ съ точки зрѣнія ультра-монтаниста романтика: онъ рѣдко вдается въ подробную литературную оцѣнку произведенія и довольствуется тѣмъ, что въ немъ отыскиваетъ свои задушевныя мысли и вноситъ его въ свою мистико-философскую схему. Отъ этого изложеніе его по большей части темно и невразумительно. Прибавить нужно, что уже и во время своего появленія на русскомъ языкѣ, сочиненіе Шлегеля не стояло въ уровень съ наукою: оно было написано, если не ошибаемся, въ 1811 — 12 г.; а съ того времени до тридцатыхъ годовъ наука сдѣлала громадные успѣхи. Характеръ русскаго перевода только могъ способствовать неуспѣху книги: онъ далеко тяжеле самаго подлинника и уже рѣшительно не годился для чтенія. О трудѣ Л. Вахлера говорить нечего, такъ какъ это не исторія литературы въ собственномъ смыслѣ, а справочная энциклопедическая книга, притомъ и переводъ ея остановился на первомъ томѣ.

Едва ли не такой же успѣхъ имѣли и переводы *Исторіи европейской литературы XV и XVI стол. Г. Галлама* (Спб. 1836) и *Исторіи литературы среднихъ вѣковъ, извѣстнаго Вилльменя* (М. 1836, 3 т.), этого подбитаго вѣтеркомъ оратора временъ реставраціи. Сочиненіе Галлама прошло незамѣтнымъ, а жиденькій курсикъ Вильмена принесъ выгоду и пользу одному автору «Чтеній о словесности», доставивъ собою неис-

черпаемый источникъ для буквальныхъ заимствованій [1]; но для большинства читателей онъ прошелъ даромъ, быть-можетъ, потому, что вмѣсто фактическаго содержанія и критическаго разбора писателей онъ предлагалъ образцы академическаго краснорѣчія, легкіе, ни для кого не обременительные, но за то — никому не полезные! Пропуская безъ вниманія забытый переводъ сухихъ очерковъ Исторіи греческой и римской литературы Гарлесса (М. 1838), мы не можемъ, однако, умолчать объ одномъ сборникѣ, который, если бы былъ болѣе распространенъ, то оказалъ бы гораздо болѣе пользы, чѣмъ всѣ вышеназванныя сочиненія. Въ 20—30-хъ годахъ И. Кронебергъ, профессоръ классической словесности въ Харьковскомъ университетѣ, издавалъ нѣчто въ родѣ ученаго журнала подъ названіями: *Амалтея*, потомъ вслѣдъ за этимъ, *Брошюрки* и, наконецъ, онъ сдѣлалъ изъ этихъ изданій выборъ своихъ лучшихъ статей и переводовъ и такимъ образомъ составилось четыре тома сборника «Минерва». Кромѣ многихъ замѣчательныхъ статей по классической древности и литературѣ, здѣсь помѣщены превосходные разборы многихъ произведеній Шекспира и Гёте, общія замѣчанія о поэзіи и исторіи философіи искусства, историческіе очерки средневѣковой литературы и мн. др. Кронебергъ былъ не только *ученый*, но и человѣкъ, одаренный въ высшей степени чувствомъ изящнаго, по *школѣ* своей онъ принадлежалъ къ романтикамъ лѣвой стороны, т. е. стороны Шеллинга (въ первую эпоху его философской дѣятельности), Жанъ-Поль Рихтера, Тика, Уланда и др. Романтическое направленіе Кронеберга особенно выходитъ наружу въ его сужденіяхъ о поэзіи вообще и о Шекспирѣ въ частности: оно помогло ему проникнуть въ ту глубину души человѣка, предъ которой обыкновенно отступаетъ строгій

1) Злые языки говорятъ, что это заимствованіе простиралось иногда до умилительныхъ подробностей, такъ напр. о Данте было сказано, что «онъ много способствовалъ развитію нашего (т. е. *русскаго*) языка....» и все это потому, что у Вильмена стояли слова notre langue! Не ручаемся за справедливость этого факта: мы давно не читали «Чтеній о словесности»!

изслѣдователь-аналитикъ. Изложеніе его, при всей суровости языка, отличается необыкновеннымъ одушевленіемъ и постоянно поддерживаетъ интересъ въ читателѣ. Вообще, осматривая тогдашнее положеніе русской литературы и науки, нельзя не признать «Минерву» стараго харьковскаго профессора однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ литературныхъ явленій. Нѣкоторыя статьи ея еще и теперь не утратили своего значенія (таковъ напр. разборъ Шекспирова Макбета). Если она не имѣла прочнаго вліянія и успѣха въ обществѣ, то это должно приписать столько же обществу, сколько и тому обстоятельству, что книга скромно явилась въ Харьковѣ и медленными путями достигала центровъ нашей ученой и литературной дѣятельности. Въ то же самое время и въ нашихъ университетахъ открылись курсы «Исторіи всеобщей литературы». Плодомъ этого было появленіе перваго тома «Исторіи поэзіи» г. Шевырева (М. 1835). Томъ этотъ, кромѣ вступительныхъ чтеній, обнималъ исторію поэзіи евреевъ и индусовъ. Несмотря на то, что критика, въ лицѣ Надеждина, тогда же указала капитальные недостатки этого компилятивнаго поспѣшнаго труда, самое предпріятіе могло бы принести несомнѣнную пользу, если бы не остановилось на этомъ началѣ: продолженія «Исторіи поэзіи» не было, хотя изъ университетскихъ отчетовъ извѣстно, что авторъ ея приготовилъ къ изданію всю Исторію литературы древняго міра, и нѣкоторыя отрывки отсюда были, дѣйствительно, напечатаны въ Ученыхъ запискахъ Московскаго университета и Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія [1]). Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ области *русской* исторіи всеобщей литературы тридцатыхъ годовъ была докторская диссертація г. Шевырева: «Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ» 1836 г. Что бы ни говорили объ ученомъ самостоятель-

1) Позднѣе г. Шевыревъ читалъ публичный курсъ «Исторіи поэзіи», первыя лекціи котораго (Востокъ) были напечатаны въ «Московскомъ городовомъ листкѣ» 1847 г.

номъ значеніи этого сочиненія, оно принесло свою неоспоримую пользу, въ первый разъ, въ широкихъ объемахъ, познакомивъ русскихъ читателей съ исторіей философіи поэзіи. Мы не принадлежимъ къ тѣмъ взыскательнымъ людямъ, которые, не разбирая условій, требуютъ отъ каждаго историческаго труда самобытности, *оригинальныхъ* ученыхъ разысканій: по нашему мнѣнію, въ дѣлѣ исторіи всеобщей литературы такое требованіе неумѣстно и обнаруживаетъ непониманіе современнаго состоянія русской науки; прежде чѣмъ дойти до возможности самобытныхъ изслѣдованій, намъ необходимо усвоить то, что́ уже сдѣлано по этому предмету на Западѣ, иначе какъ разъ за самобытное придется выдать что́ найдено чужимъ трудомъ и гораздо прежде насъ! Нуждаясь въ необходимомъ, можемъ ли мы требовать роскошнаго излишка; а потому для насъ кажется въ высшей степени почтеннымъ трудъ г. Шевырева, тѣмъ болѣе, что доброе вліяніе его замѣтно еще и понынѣ. Мы позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобы «Теорія поэзіи» была издана вторично, конечно, съ пополненіемъ тѣхъ пропусковъ, которые прежде были не видны, а теперь стали замѣтны для всякаго сколько-нибудь знакомаго съ предметомъ (такъ напр. въ изложеніи нѣмецкой науки вовсе опущенъ Вильг. Гумбольдтъ).

Болѣе всего, по предмету исторіи литературы у насъ посчастливилось классической древности, особенно когда проф. Леонтьевъ основалъ для того особый литературный органъ. Въ «Пропилеяхъ», о безвременномъ прекращеніи которыхъ, поистинѣ, нельзя не сожалѣть, помѣщены многія превосходныя монографіи по исторіи греческой и римской литературы, принадлежащія самому издателю, пок. Кудрявцеву, Шестакову, Благовѣщенскому и другимъ. На многія изъ нихъ мы еще будемъ имѣть случай сослаться далѣе. До самаго послѣдняго времени почти не существовало попытокъ изложенія общей исторіи литературы, только въ 49 г. Зеленецкій для своихъ слушателей, издалъ Лекціи о важнѣйшихъ эпохахъ въ исторіи поэзіи по Вахлеру, Шлегелю, Шевыреву, Вилльменю, Сис-

монди, Розенкранцу и др. Уже одинъ выборъ руководителей какъ бы ручается за невеликое достоинство этихъ лекцій, но онѣ могли бы принесть свою относительную пользу, если бы промышленный профессоръ не вздумалъ сдѣлать изъ нихъ *казеннаго* экстракта, извѣстнаго подъ именемъ *Піитики: Лекціи* были забыты, а это послѣднее чудище и пошло по всей Россіи смущать учителей и учениковъ. Трудъ бывшаго нѣжинскаго проф. г. Тулова «Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формы поэзіи» К. 1854 г. — тоже вышелъ не совсѣмъ удаченъ: нѣкоторыя части его имѣютъ свое неоспоримое достоинство, за то другія (а ихъ гораздо болѣе) уже очень слабы и вообще все воззрѣніе на сущность поэзіи, значеніе формъ и ихъ исторію — несовременно.

Въ послѣднее время потребность знанія всеобщей литературы сдѣлалась очевидна, но сколь велика и настоятельна была эта потребность, столь же недостойно было ея удовлетвореніе: переводы «Исторіи всеобщей литературы» Грессе и «Исторіи греческой литературы» Мунка — достаточно показали, какъ за такое важное дѣло принимаются недостойныя руки литературныхъ chevaliers d'industrie, не имѣющихъ ни достаточныхъ знаній, ни уваженія къ предмету [1]). Не многимъ лучше и та жалкая, безграмотная спекуляція, которую подъ названіемъ «Курса исторіи поэзіи» издалъ кіевскій *ученый* профессоръ Липпиченко. Здѣсь не знаешь, чему болѣе дивиться: основательному ли знанію нѣмецкаго языка и самаго предмета, или практическимъ цѣлямъ, которыя довели автора до *вторбго* изданія!

Вотъ все, что мы имѣемъ по предмету исторіи всеобщей литературы — до появленія «Исторіи литературы древняго и новаго міра» г. Милюкова и «Очерковъ литературы древнихъ и

1) Образцомъ добросовѣстнаго перевода можно назвать переводъ г. Соколова «Очерки исторіи Римской литературы» — Шаффа и Горрмана М. 1856.

новыхъ народовъ г. Гарусова [1]). На этихъ сочиненіяхъ мы остановимся съ подобающею подробностью: мы хотимъ быть строги къ нимъ, но не ради самыхъ сочиненій, по новости предмета заслуживающихъ полнаго вниманія и снисхожденія, но ради важности самаго дѣла, ради его успѣховъ въ будущемъ. Сперва о книгѣ г. Милюкова. Это имя уже извѣстно русской публикѣ: ему принадлежитъ «Очеркъ исторіи русской поэзіи», о которомъ въ свое время мы отдали отчетъ читателямъ (Отеч. Зап. 1858. № 4). Мы тогда же отмѣтили благородное направленіе мыслей автора—и теперь намъ понятно, почему въ основу его новѣйшаго труда легло такое благородное, вызывающее невольную симпатію—произведеніе, какъ «Allgemeine Geschichte der Literatur» v. J. Scherr. Характеромъ руководителей, избранныхъ г. Милюковымъ при составленіи книги (они: Шерръ, Шлоссеръ, Геттнеръ, Шмидтъ, Готтшаль и др.), объясняется самый характеръ и достоинство книги; почему не во всѣхъ случаяхъ труды этихъ лицъ могутъ служить надежнымъ руководствомъ, увидимъ нѣсколько далѣе; но здѣсь замѣтимъ, что напрасно составитель позабылъ стараго Розенкранца, труды котораго (Handbuch einer allgem. Geschichte der Poësie 1832—3. 3 v. и Poësie und ihre Geschichte. K. 1854) во всякомъ случаѣ и выше и современнѣе сочиненій Фр. Шлегеля и Готтшаля! О томъ, какими спеціальными сочиненіями не мѣшало бы воспользоваться при изложеніи исторіи литературы Греціи и Рима, мы скажемъ ниже, а теперь возвратимся къ самой книгѣ. Подобно труду Шерра, эта исторія литературы собственно не учебникъ, а книга для чтенія—für die Gebildete aller Stände и заключаетъ въ себѣ только Элладу и Римъ: Востокъ опущенъ совершенно, вѣроятно на томъ основаніи, что литера-

---

1) Статья эта писана до выхода въ свѣтъ прекрасныхъ переводовъ «*Исторіи всеобщей литературы*» Шерра (изд. подъ редакціей А. Н. Пыпина), «*Исторіи французской литературы*» Юліана Шмидта и «*Исторіи литературы 18 в.*» Г. Геттнера.

тура и цивилизація его не имѣли для европейской культуры такого рѣшительнаго значенія, какъ литература Греціи и Рима. Въ учебникѣ, предназначенномъ для юношества, мы не сочли бы такое опущеніе — недостаткомъ; но въ книгѣ для чтенія—иное дѣло. Народы Востока съ своею оригинальною цивилизаціею, которой послѣ блистательныхъ новѣйшихъ открытій исторической науки, никто не откажетъ во вниманіи и удивленіи—никакъ не могутъ относиться къ числу народовъ безплодныхъ въ литературномъ отношеніи: стоитъ указать на индусовъ, персовъ, арабовъ; у нихъ мы находимъ не одни «изустно-переданныя пѣсни и сказки», но и произведенія художественныя; да и самыя сказки и преданія ихъ играютъ не послѣднюю роль въ исторіи средневѣковой литературы и потому уже имѣютъ право на вниманіе историка. Къ счастію для русской публики, она не лишена нѣкоторыхъ пособій, для ознакомленія съ литературой Востока: первый выпускъ русскаго перевода той же Исторіи всеобщей литературы Шерра (М. 1861) дополняетъ опущенное въ изданіи г. Милюкова, да сверхъ этого, у насъ имѣются свои переводы и статьи по литературѣ Востока, каковы переводы съ санскритскаго гг. Коссовича и Петрова. Двѣ публичныя лекціи о санскритскомъ эпосѣ г. Коссовича (Русск. Слово 1859), статьи Петрова «О духовной литературѣ индусовъ», «Объ Упанишадахъ» (въ Ж. Мин. Народ. Просв.), сочин. Назаріанца о Фердоуси, изложеніе эпическихъ сказаній Ирана г. Зиновьева (Спб. 1855), рѣчь Петрова объ арабскомъ языкѣ и литературѣ (М. 1861), статья г. Холмогорова о томъ же предметѣ въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета» (1862 № 1) и нѣкоторыя другія.... Пусть читатель не сѣтуетъ на насъ за эти библіографическія указанія: на этотъ предметъ обращаютъ особое вниманіе и въ книгѣ, о которой мы ведемъ рѣчь.—Библіографія здѣсь —дѣло очень важное, въ особенности для учителей, потому мы всегда будемъ указывать на замѣченныя нами библіографическія опущенія: книга г. Милюкова, конечно, не остановится на первомъ изданіи, и это ей можетъ быть полезно.

Изложеніе исторіи литературы—какъ мы сказали—открывается Элладой, прекрасными общими характеристиками, взятыми главнымъ образомъ изъ книги Шерра[1]). Изложеніе греческаго эпоса у Шерра очень неудовлетворительно, а потому издатель, какъ исторію вопроса, такъ и содержаніе поэмъ почерпнулъ изъ другихъ источниковъ. Мы ничего не говоримъ о послѣднемъ, но исторія вопроса не удовлетворила насъ: въ ней много ненужнаго (каковы напр. подробности о судьбѣ Гомеровыхъ поэмъ до Вольфа) и многаго нѣтъ нужнаго, такъ напр. даже не упомянуто о послѣдней теоріи эпическихъ поэмъ Гейдельбергск. професс. Ад. Гольцмана (см. его соч. Untersuchungen über das Nibelungenlied 1855 и въ особенности статью Vyâsa und Homer, въ журналѣ сравнительнаго языкознанія Куна т. 1-й), не обращено также *должнаго* вниманія на теорію Лахманна, въ библіографіи вопроса совершенно опущено прекрасное изслѣдованіе объ этомъ предметѣ г. Леонтьева (Пропил. кн. 2-я ст. Миѳическая греція), между русскими переводами поэмъ позабыты переводы Мартынова. Художественная и бытовая характеристики поэмъ также, по нашему мнѣнію, слабы. Это, конечно, произошло отъ того, что составитель не имѣлъ въ этомъ дѣлѣ надежныхъ руководителей: ни одинъ изъ указанныхъ имъ историковъ не стоитъ, что называется, въ уровень съ наукой. На первый разъ мы можемъ указать на новѣйшее нѣмецкое изданіе Адольфа Вольфа «Pantheon des klassisch. Alterthums» (другое его заглавіе — Classiker aller Zeiten und Nationen); оно не имѣетъ особыхъ ученыхъ достоинствъ, но очень можетъ быть пригодно въ книгѣ для чтенія: изъ него напр. можно бы взять художественную характеристику боговъ и героевъ и прочихъ лицъ. Для характеристики гомерическаго общества отмѣтимъ также прекрасныя страницы статей г. Леонтьева (Миѳическая

1) Изданій книги Шерра имѣется два: первое 1851 г. и второе 1861 г. Несмотря на ученыя преимущества 2-го изданія намъ приходится по сердцу болѣе—первое.

Греція. Пропил. т. 2 отд. 2) и берлинскаго ученаго языковѣда Штейнталя: «Durchbruch der subjectiven Persönlichkeit be den Griechen» (въ его Zeitschrift fur Sprachwissen. und Völkerpsychologie B. 2). Эта послѣдняя статья составлена, главнымъ образомъ, на основаніи изслѣдованій Макса Дункера, и что въ ней заслуживаетъ особеннаго вниманія—это характеристика гомеровскаго пѣвца и значенія пѣсни для общества той эпохи [1]). Какъ по высокому безотносительному художественному значенію, такъ и по вліянію на образованность и культуру европейскаго общества, греческій эпосъ въ исторіи литературы долженъ занимать самое видное мѣсто, и мы не можемъ не посѣтовать на составителя разбираемой нами книги, что онъ въ этомъ отношеніи не вполнѣ удовлетворяетъ насъ. Къ началу Олимпіадъ въ общественной жизни эллиновъ произошли значительныя перемѣны: возникла торговля, упрочилось обладаніе землею, аристократическая корпорація вытѣснила власть прежнихъ царей-владыкъ, и хотя при этомъ народъ почти ничего не выигралъ, но внутри самой корпораціи аристократовъ личность развилась и возвысилась, сознаніе пріобрѣло болѣе широкую почву для развитія. Конечно, все это имѣло корпоративный аристократическій характеръ въ тѣсныхъ предѣлахъ аристократической общины, внѣ которой личность такъ же не существовала, какъ и въ прежнее время, потому здѣсь нечего искать проявленій свободной независимой личности; но тѣмъ не менѣе это было существенное измѣненіе въ жизни и понятіяхъ: вмѣсто природной наивной привязанности къ родной почвѣ и богамъ появился патріотизмъ, сознаніе необходимости заботы объ обществѣ и отечествѣ, о пользѣ и преуспѣяніи ихъ. Какъ подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ измѣнилась поэзія и ея отношенія къ обществу—видно на любомъ лирическомъ поэтѣ: уже Каллиносъ изъ Эфеса и

1) Значеніе ходовъ и переходовъ отъ нихъ къ рапсодамъ, поэтическія занятія этихъ послѣднихъ превосходно объяснены В. Вакернагелемъ въ его статьѣ: «Die Epische Poesie» (Schweizerisches Museum für historische Wissenschaften. 1837. т. 1-4).

Тиртей (полов. 8 в.) напоминали своимъ слушателямъ о славныхъ дѣлахъ предковъ, но не затѣмъ, какъ во времена гомерическія, чтобы только прославить эти дѣла, а съ чисто-практическою цѣлію — возбудить этимъ напоминаніемъ гражданское мужество и воинскій духъ своихъ согражданъ и воодушевить ихъ противъ враговъ. У нихъ — какъ у элегиковъ — на первомъ планѣ стояла современность и ея интересы. Еще яснѣе это измѣненіе характера поэзіи на Архилохѣ, котораго справедливо называютъ первымъ настоящимъ лирикомъ Греціи. Не только дѣла общественныя, но и личныя отношенія и событія ежедневной жизни — составляютъ предметъ его вдохновенія; на самыя общественныя дѣла онъ смотритъ съ точки зрѣнія личной, поскольку они его касаются; у него вездѣ на первомъ мѣстѣ его собственная личность, — воспѣваетъ ли онъ боговъ, дѣла общественныя, общее или свое личное горе. Но, несмотря на все это, его сознаніе принадлежитъ не ему лично — это сознаніе аристократической корпораціи того времени, и хотя поэтъ часто нападаетъ и преслѣдуетъ аристократовъ, но онъ дѣлаетъ это не изъ принциповъ, а по чисто-личнымъ отношеніямъ. Онъ аристократъ — потому, что не можетъ и помыслить о демократіи. Такое направленіе поэзіи Архилоха уже служитъ какъ бы предвѣстникомъ паденія аристократіи и возвышенія могущества тирановъ и чрезъ нихъ демократіи. Столѣтіе спустя по Архилохѣ является Алкей — поэтъ извѣстной партіи, существованіе которой прямо указываетъ на упадокъ аристократической корпораціи. Алкей преслѣдуетъ своего противника не потому, что этотъ послѣдній отступалъ бы въ его глазахъ отъ извѣстнаго идеала, а только потому, что онъ его противникъ; дѣлу частію посвящаетъ онъ свое вдохновеніе, но только той партіи, съ которой онъ связанъ чисто-личными эгоистическими интересами. Онъ аристократъ, но аристократъ-эгоистъ, въ противоположность тиранамъ и простонародью. Корпоративный духъ, какой мы замѣчаемъ у Архилоха, въ Алкеѣ уже не обнаруживается: очевидный признакъ нравственнаго разложенія самой корпораціи. Мы не станемъ слѣдить

даже развитія греческой литературы въ связи съ развитіемъ общественной жизни: для насъ довольно и этого, чтобы убѣдиться, какъ слѣдуетъ разсматривать произведенія литературы. Оторванныя отъ общественной почвы, на которой родились и воспитались, эти произведенія являются не только необъяснимыми, но и совершенно безсмысленными. Почему, напримѣръ, въ періодѣ по Гомерѣ являются религіозные гимны, почему извѣстный лирикъ имѣетъ тотъ или другой взглядъ на вещи, воспѣваетъ разные предметы общественной или домашней жизни? Историки литературы (по крайней мѣрѣ у насъ) не затрудняются долго подобными вопросами: они не слѣдятъ, какія явленія въ жизни вызвали поэтическое вдохновеніе и дали ему содержаніе, они какъ будто не хотятъ признать тѣсной связи между поэзіей и жизнью и думаютъ повершить все дѣло простою систематическою регистратурою поэтовъ и произведеній съ краткимъ обзоромъ содержанія послѣднихъ. Встарину, когда поэзію, какъ независимую силу человѣческаго духа, считали до того самостоятельною, что отрицали всякую связь между ею и окружающимъ міромъ явленій — такой пріемъ изложенія еще имѣлъ смыслъ, но теперь онъ не болѣе, какъ рутина, и рутина тѣмъ злѣйшая, что рѣдко кто сознаетъ, что это—*рутина*. Къ крайнему нашему сожалѣнію, мы мало можемъ сказать добраго объ Исторіи литературы г. Милюкова въ этомъ отношеніи: изложеніе греческой лирики у него составлено по старинному рецепту безъ всякаго почти вниманія къ собственно-исторической почвѣ; все совершается какъ будто внѣ времени и обстоятельствъ, все проходитъ предъ вашими глазами, не представляя никакой достаточной причины своего существованія, потому все имѣетъ видъ случайности, а не разумнаго историческаго явленія. Пусть не говорятъ намъ, что разсмотрѣніе произведеній литературы въ связи съ развитіемъ общественной жизни есть дѣло трудное и почти невозможное [1]); оно далеко не невозможное и вовсе не такъ труд-

1) Этого въ особенности опасается г. Туловъ, говоря: такимъ образомъ историку литературы придется говорить о желѣзныхъ дорогахъ, явленіяхъ

ное, какъ можетъ показаться для людей, непривыкшихъ различать важное и необходимое отъ случайнаго и мелочнаго: чего бы, напр., Милюкову стоило справиться съ порядочными сочиненіями по исторіи Греціи, каковы сочиненія Шлоссера, Вебера и всего лучше М. Дункера; въ нихъ онъ нашелъ бы превосходное объясненіе тѣхъ литературныхъ явленій, которыя стоятъ у него безъ внутренней связи и основанія. Конечно, ни Шлоссеръ, ни Веберъ, ни М. Дункеръ, тамъ, гдѣ касаются они произведеній литературы, не всегда разсматриваютъ ихъ именно съ этою точкою зрѣнія, но это потому, что они избѣгаютъ повтореній, потому, что предыдущее собственно-историческое ихъ изложеніе дѣлаетъ достаточно важнымъ ихъ легкіе литературные очерки; но историку литературы нечего бояться повторенія того, о чемъ онъ вовсе не говорилъ, а потому изложеніе развитія литературы въ связи съ развитіемъ и измѣненіемъ общественной жизни становится для него необходимымъ историческимъ пріемомъ, безъ котораго его трудъ никогда не достигнетъ своей цѣли, не внесетъ развитія и ясности въ голову читателя, а скорѣе спутаетъ и сведетъ узломъ всѣ входящіе факты, всякое знаніе. Можетъ-быть, отъ несоблюденія такого необходимаго историческаго пріема, произошло и то, что переходныя формы отъ

экономическихъ и т. д. Возраженіе—пустое: оно основано на неумѣніи опредѣлить границу между явленіемъ собственно литературнымъ и явленіемъ науки, а потому даже не заслуживаетъ опроверженія. Съ г. Туловымъ — у насъ, впрочемъ, есть еще не сведенный счетецъ, о которомъ мы позволимъ себѣ теперь напомнить почтенному эстетику: когда, въ началѣ прошлаго года мы помѣстили въ Московскихъ Вѣдомостяхъ нашъ отчетъ о книгѣ Лимиченко, г. Туловъ (тамъ же) предложилъ нѣсколько замѣчаній на нашу статью. Мы не отвѣчали ему по двумъ причинамъ: 1) мы ждали обѣщаннаго имъ подробнаго изложенія его взгляда на преподаваніе словесности, и 2) намъ стыдно было указывать на такія вопіющія вещи въ его замѣткѣ, каковы — мнѣніе о томъ, что Гриммъ и В. Гумбольдтъ занимались только языками, а не исторіею литературы, что учебникъ—будетъ ли плохъ онъ или хорошъ—дѣло не важное и др. На счетъ Гримма и Гумбольдта мы рекомендуемъ г. Тулову изучить «Указатель источниковъ и пособій къ курсу исторіи и поэзіи», ученаго профессора Лимиченко, а объ учебникѣ скажемъ только, что хороши тѣ, кто, при такомъ мнѣніи, не только преподаютъ по учебникамъ, но даже и сочиняютъ ихъ;—*хороши* должны быть и эти учебники!

эпоса къ лирикѣ въ книгѣ г. Милюкова не получили надлежащаго, если такъ можно выразиться, техническаго объясненія: не видно, отчего былъ и исчезъ эпосъ, отчего онъ перешелъ въ лирику; не видно и того, какимъ путемъ и въ какихъ формахъ выразилось это перехожденіе. Не пускаясь въ подробности объ этомъ предметѣ, мы укажемъ составителю на превосходныя статьи базельск. професс. В. Вакернагеля объ эпической поэзіи (Schweizerisches Museum für historische Wissenschaften, т. 1 и 2-й 1837. и Aestetische Versuche Вильг. Гумбольдта), гдѣ онъ найдетъ обстоятельное рѣшеніе этихъ вопросовъ. Въ библіографіи также мы нашли нѣкоторыя опущенія: не упомянуты русскіе переводы Гезіода, Эзопа и Пиндара г. Мартынова, позабыта статья г. Водовозова объ Анакреонѣ (въ Современникѣ). Гораздо болѣе, чѣмъ отдѣлъ лирики, удовлетворило насъ изложеніе греческой драмы; конечно, это могло зависѣть и отъ степени большей разработки предмета, но также и отъ того, что составитель не пренебрегъ тѣмъ вопросомъ, на который мы только что указали: обозрѣніе трагедій Эсхила, Софокла и Еврипида [1]) стоитъ не одиноко, но въ связи съ развитіемъ греческаго общества, съ вопросами общественными.

Характеристика Аристофана намъ показалась нѣсколько слабою, быть-можетъ потому, что изъ всѣхъ его комедій, составитель съ должнымъ вниманіемъ остановился только на «Облакахъ» [2]); политическія тенденціи въ этой комедіи ярко выступаютъ наружу, какъ во «Всадникахъ», и составителю не великаго труда стоило пополнить этотъ пробѣлъ; даже на русскомъ языкѣ есть прекрасная характеристика Аристофана, гдѣ можно найти обстоятельный разборъ «Всадниковъ» по отношенію къ общественнымъ

---

1) На русскомъ языкѣ мы видимъ только два труда объ Еврипидѣ: одинъ принадлежитъ г. Орбинскому (въ Журн. Минист. Народн. Просв. 1853 №№ 7—8), другой г. Тихоновичу; послѣдній имѣетъ своимъ предметомъ только одну «Медею» и напеч. въ Харьковѣ въ 1862 г.

2) Объ этой комедіи Аристофана существуетъ статья г. Стасюлевича (Моск. 1851 г.).

дѣламъ того времени (см. 1-ю ст. С. Д. Шестакова о Менандрѣ. Отеч. Зап. 1857 г. №№ 6 и 7). Равнымъ образомъ и значеніе Аристофана является неопредѣленнымъ: за желчныя, злыя выходки и пасквили составитель какъ бы прощаетъ поэту его ретроградный консерватизмъ и отсталость, и даже какъ будто отстраняетъ всякіе упреки въ этомъ отношеніи; — совершенно-напрасно! Уже изъ одного разбора «Облаковъ» ясно виденъ отсталый взглядъ поэта: если онъ хорошо сознавалъ общественные недуги и умѣлъ живо изображать ихъ, то все же его идеалы принадлежали тому прошедшему, которое подозрительно смотритъ на все новое, не разбирая и, можетъ-быть, не имѣя нравственной силы разобрать, что̀ хорошо, что̀ худо. Къ чему можетъ привести этотъ завистливый, тупой консерватизмъ — ясно видно изъ судьбы Сократа, и, если трудно въ настоящее время *обвинять* Аристофана за выходки противъ Сократа, то кто же не увидитъ въ нихъ тупого, отсталаго взгляда на вещи, не умѣющаго постигнуть новыхъ плодотворныхъ побѣговъ нравственной жизни — и потому выступающаго противъ нихъ съ доносами и обвиненіями. Что̀-нибудь одно: или Аристофанъ вовсе не понималъ Сократа, или онъ, понимая его стремленія, въ угоду толпы изображалъ его по-своему; въ первомъ случаѣ поэтъ является отсталымъ консерваторомъ, во второмъ — человѣкомъ несчастнымъ! Отъ одного изъ этихъ нареканій не спасетъ писателя ни та неопредѣленность, въ какую облекъ дѣло г. Милюковъ, ни та плоскость, какую онъ (стр. 167) привелъ изъ Фридриха Шлегеля для оправданія Аристофана. Послѣ изложенія буколики [1]) составитель посвящаетъ нѣсколько страницъ исторіографіи и ораторскому искусству. Это самыя слабыя страницы изъ всей книги! Если не ошибемся, главнымъ образомъ, онѣ взяты изъ Шлоссера; но взглядъ историка Всемірной исторіи значительно разнится отъ взгляда историка литературы: для перваго достаточно

---

1) Для буколики, кромѣ переводовъ, указанныхъ составителемъ, назовемъ еще изданіе г. Кошанскаго: «Цвѣты греческой поэзіи».

и общихъ характеристикъ, потому что предшествующее положеніе дѣлаетъ ихъ ясными для читателя; для второго, неприготовленнаго ничѣмъ въ предыдущемъ, нужны кое-какія подробности, выдержки, иначе самая мѣткая и справедливая характеристика ляжетъ комомъ въ голову читателя и можетъ быть удержана въ ней только памятью, а не разумомъ и смысломъ. Пусть не посѣтуетъ на насъ г. Милюковъ, но въ отношеніи, напр., его изложенія ораторскаго искусства въ Греціи — старая, приснопамятная *частная Риторика* Кошанскаго даетъ гораздо болѣе, чѣмъ его *Исторія литературы:* въ первой, по крайности, есть выдержка изъ рѣчей Демосѳена и Эсхина о вѣнкѣ, а во второй рѣшительно ничего нѣтъ, кромѣ голой, сухой характеристики [1]). Оканчивается «Исторія Греческой литературы» Александрійско-Римскимъ періодомъ ея. Читатель въ изумленіи спрашиваетъ: гдѣ же произведенія классической науки, гдѣ Платонъ, Аристотель, — неужели въ *Исторіи Греческой литературы* имъ нѣтъ мѣста? Дѣйствительно, ни Платону, ни Аристотелю въ нашей «Исторіи литературы древняго и новаго міра» не нашлось никакого помѣщенія. Эта странность тѣмъ непонятнѣе, что послѣднія страницы книги кишатъ множествомъ именъ, производящихъ въ головѣ читателя звукъ мѣди звенящей и кимвала бряцающаго! У Эд. Мунка въ его учебникѣ Платону отведено почти что половина книги, а у нашего составителя о немъ и строчки нѣтъ. Объяснить такое явленіе принятою системою — нельзя: во-первыхъ, у такого писателя, какъ г. Милюковъ, подобная система и немыслима, а во-вторыхъ, въ книгѣ его нѣтъ никакой системы. Легче всего отнести это къ случайному *пропуску*, но хорошъ *пропускъ* — нечего сказать! Этимъ же можно объяснить и то обстоятельство, что среди всей шумихи именъ и ярлыковъ, о Лукьянѣ Самосадскомъ — лишь нѣсколько строчекъ, тогда какъ произведенія его очень важны для исторіи

---

1) О жизни и трудахъ историковъ и ораторовъ эпохи распаденія Греціи. См. сочиненіе г. Бабста: «Государственные мужи Греціи» 1851 г.

состоянія общественныхъ дѣлъ и идей, въ чемъ можно убѣдиться даже изъ русскихъ статей г. Ордынскаго объ этомъ писателѣ, помѣщенныхъ въ Современникѣ. Переходя къ изложенію римской литературы, составитель повторяетъ слова Шерра: «Римская литература развилась подъ безусловнымъ вліяніемъ греческой. Римскую литературу можно даже назвать продолженіемъ греческой, потому что Римъ подхватилъ блѣднѣющіе лучи эллинскаго солнца, которое давно ужъ закатилось въ Элладѣ, чтобы хотя и съ меньшимъ блескомъ и жаромъ сіять надъ Италіей». Говоря проще, римская литература есть пересадокъ греческой. Мысль, до нѣкоторой степени вѣрная; но вотъ непостижимая странность: въ нашей книгѣ обращено гораздо большее вниманіе на этотъ *пересадокъ*, чѣмъ на его *первообразъ*: литературѣ Рима отведено 367 страницъ, а литературѣ Греціи всего только 196. Какъ это обстоятельство, такъ и все доселѣ осмотрѣнное нами, свидѣтельствуетъ о недостаточной обработкѣ исторіи греческой литературы въ изданіи г. Милюкова. Оно и не удивительно: г. Милюковъ выбралъ себѣ такихъ руководителей, которые не могли сообщить ему правильнаго взгляда на дѣло: у Шерра отдѣлъ греческой литературы очень слабъ и уже черезчуръ сжатъ; Шлоссеръ смотрѣлъ на все съ точки зрѣнія исключительно исторической; Фр. Шлегель, несмотря на отсталость во взглядѣ на предметъ, объясняющуюся временемъ, когда онъ занимался исторіею греческой литературы (конецъ прошлаго и начало нынѣшняго вѣка), — все же представляетъ болѣе надежную опору, чѣмъ два предшествующіе писатели; но, какъ нарочно, нашъ составитель пользовался тѣмъ изъ его сочиненій (Исторія древней и новой литературы), въ которомъ греческій отдѣлъ всего слабѣе. Гораздо болѣе достоинства въ его отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи греческой литературы, помѣщенныхъ въ вѣнскомъ изданіи его сочиненій (т. 3 — 5). Трудами историковъ, на которые ссылается составитель въ самомъ текстѣ своей «Исторіи», онъ, по всему вѣроятію, вовсе не пользовался; почти всѣ они заимствованы изъ указаній Шерра

и, во всякомъ случаѣ — знакомство съ ними не обнаружилось никакими послѣдствіями въ нашемъ сочиненіи.

Какъ по новости предмета и своему благородному направленію, такъ и по другимъ литературнымъ достоинствамъ «Исторія литературы древняго и новаго міра», составленная подъ редакціею г. Милюкова, должна ждать другаго изданія, а потому составитель не посѣтуетъ на насъ, если мы позволимъ себѣ сказать, что весь греческій отдѣлъ его книги нуждается въ коренной переработкѣ; съ этою практическою цѣлію мы и дѣлали выше указанія на нѣкоторыя сочиненія, гдѣ можно найти посильное рѣшеніе многихъ вопросовъ по исторіи греческой литературы. Всего ближе для исправленія и пополненія труда, о которомъ мы ведемъ рѣчь, взять изданіе Ад. Вольфа: Pantheon des classischen Alterthums и прекрасный словарь классической древности (Reallexicon des classisch. Alterthums) Любкера, гдѣ можно найти стоящій въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки отвѣтъ на всѣ историко-литературные вопросы по классической древности. Не мѣшало бы также, хоть на одной страничкѣ, объяснить сущность греческой метрики и значеніе каждаго метра въ отдѣльности: безъ этого для людей несвѣдущихъ многое не будетъ понятно въ исторіи лирики и драмы.

Несравненно тщательнѣе и полнѣе греческой изложена исторія римской литературы: читатель, даже и такой, который не можетъ похвалиться особыми историческими свѣдѣніями, будетъ удовлетворенъ здѣсь всѣмъ, если не съ излишкомъ, — за историческими справками ему теперь нечего обращаться къ учебникамъ: все имѣется подъ рукою, потому что каждой эпохѣ въ развитіи литературы предпослано обстоятельное историческое обозрѣніе измѣненій въ общественной жизни, нравахъ и понятіяхъ. По всему замѣтно, что римскій отдѣлъ «Исторіи литературы древняго и новаго міра» составляло совершенно иное лицо, съ инымъ взглядомъ на свою задачу. Иначе, какъ понять и объяснить, напр., слѣдующее обстоятельство: нѣсколько страницъ (270 — 277) посвящено исторіи водворенія и распростра-

ненія греческой науки, реторики и философіи — въ Римѣ, и далѣе, въ разныхъ мѣстахъ книги, говорится о томъ же предметѣ, о Платонѣ и Неоплатоникахъ, а между тѣмъ — какъ мы замѣтили — въ греческомъ отдѣлѣ обо всемъ этомъ нѣтъ и помину. Разнымъ составителямъ книги можно было и не предвидѣть такой странной непослѣдовательности, но какъ допустилъ ее редакторъ?! Относительно полноты матеріала мы позволимъ себѣ сказать, что книга г. Милюкова удовлетворяетъ требованіямъ даже съ излишкомъ. Дѣйствительно, мы находимъ очень много именъ писателей, о которыхъ часто съ похвалой отзываются современники, но отъ произведеній которыхъ дошло къ намъ какихъ-нибудь двѣ-три строчки, или же ровно ничего. Было бы весьма странно, если бы въ систематической ученой Исторіи римской литературы мы не нашли упоминаній объ этихъ писателяхъ; но такъ какъ книга г. Милюкова, надѣемся, не имѣетъ этой цѣли, а желаетъ только познакомить русскихъ читателей съ произведеніями римской литературы [1]), то такое перечисленіе именъ, иногда даже ничѣмъ не замѣчательныхъ, только излишне обременяетъ память, и могло бы быть опущено безъ особаго ущерба для русскихъ читателей. То же излишество замѣтили мы въ подробной оцѣнкѣ Горація: къ чему, напр., этотъ длинный, сухой каталогъ его одъ, и не лучше ли бы было ограничиться общею характеристикою съ выдержками изъ самыхъ замѣчательныхъ, такъ, какъ это отчасти и исполнено относительно прочихъ произведеній поэта?

Но такихъ излишествъ мы замѣтили въ книгѣ г. Милюкова очень немного, какъ немного, вообще, въ ней недостатковъ и

---

1) Совершенно тщетными показались намъ слѣдующія слова составителя въ предисловіи къ его книгѣ: «Задача настоящаго труда состоитъ въ томъ, чтобы изобразить національно-литературное развитіе всѣхъ народовъ земного шара, которые обладаютъ дѣйствительной литературой!» Къ чему это притязаніе не по разуму и силамъ, когда такой задачи не могутъ еще выполнить и свѣдые нѣмцы, у которыхъ наука достигла такого высокаго совершенства, и не сообразнѣе ли съ дѣломъ было бы, въ этомъ случаѣ, взять болѣе скромную задачу, на которую мы только что указали?

опущеній. Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ. Объ Ателланахъ и застольныхъ пѣсняхъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы сказать подробнѣе, за источниками и пособіями далеко ходить нечего: они существуютъ даже въ нашей, небогатой литературѣ (см. статью г. Благовѣщенскаго объ Ателланахъ въ Пропил. кн. 2-я) и его же латинскую рѣчь «De carminibus convivalibus».

При указаніи русскихъ переводовъ изъ Плавта позабыты Captivi въ переводахъ г. А. Кронеберга (въ Библіот. для Чтенія); тотъ же библіографическій недостатокъ замѣтенъ и въ отдѣлѣ о Гораціи: не указано почти ни одного изъ лучшихъ русскихъ сочиненій о поэтѣ, каковы — ст. пок. Шестакова по поводу переводовъ г. Фета (Русск. Вѣстн. 1856 г.), разборъ 6 одъ профес. Ив. Кронеберга (Сборникъ его—Минерва. Харьк. 1836 г. ч. 2-я) и наконецъ — что̀ важнѣе всего, обширная, отдѣльная монографія г. Благовѣщенскаго, помѣщавшаяся въ Отечественныхъ Запискахъ 1854 — 55; мало обращено также вниманія на общее состояніе литературныхъ мнѣній и партій въ эпоху Августа, — предметъ, обстоятельно изложенный тѣмъ же г. Благовѣщенскимъ въ его рѣчи «О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ». Вообще, не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что составитель, до мелочности точный въ библіографіи русскихъ старинныхъ переводовъ и статей по классической древности, какъ нарочно забываетъ новѣйшіе и — нужно ли прибавлять — главнѣйшіе изъ нихъ: такъ вовсе позабытъ послѣдній переводъ Тацитовыхъ лѣтописей (г. Кронеберга), не упомянута и единственная русская замѣчательная статья объ этомъ писателѣ (Крюкова — о трагическомъ характерѣ исторіи Тацита, въ Москвитянинѣ 1841 г.), а между тѣмъ исчислены не только большинство старинныхъ переводовъ, но̀ даже приведены и рецензіи ихъ въ современныхъ журналахъ. Впрочемъ, объяснить такое вліяніе не трудно: составитель воспользовался здѣсь библіографическими указаніями г. Тихонравова (въ русскомъ переводѣ «Очерки римской литературы» Шаффа и Горрмана), въ которыя, ко-

нечно, не могли войти ни сочиненія, ни переводы, сдѣланные нѣсколько позже.

Римскій отдѣлъ обработанъ въ книгѣ г. Милюкова не только тщательнѣе греческаго, но и въ полномъ смыслѣ слова удовлетворительно, потому что указанныя нами опущенія нельзя назвать существенно вредящими достоинствамъ изложенія. Конечно, разъ принявъ на себя библіографическую повинность (См. предисл. XIV—XV), составитель обязанъ и отвѣчать за неточности и пропуски; но эти пропуски могутъ быть ощутительны только для немногихъ: большинство образованной читающей публики весьма равнодушно къ библіографіи и требуетъ только занимательнаго и вѣрнаго изображенія событій, справедливой и мѣткой оцѣнки писателей и ихъ произведеній. Всѣ эти качества соединяетъ въ себѣ римскій отдѣлъ книги г. Милюкова, и потому мы смѣло рекомендуемъ его нашимъ читателямъ, какъ лучшее на русскомъ языкѣ полное изложеніе исторіи римской литературы. Можетъ-быть, при болѣе внимательномъ разборѣ обозначились бы нѣкоторыя черты противорѣчій, зависѣвшія отъ компилятивнаго характера книги (такъ, напр., очень рѣзко нуждаются въ разборѣ трагедіи Сенеки, а изъ разбора этихъ трагедій, скрѣпляемаго словами Лессинга, выходитъ, что онѣ имѣютъ свое не малое литературное достоинство; ясно, что приговоръ взятъ изъ одного источника, а разборъ изъ другого), но онѣ замѣтны только опытному глазу и вообще не много вредятъ общей цѣльности воззрѣнія. Корректура книги — скажемъ въ заключеніе — весьма неисправна.

Обратимся теперь къ книгѣ г. Гарусова. На ней мы не станемъ останавливаться съ такою подробностію, какъ на «Исторіи литературы древняго и новаго міра», главнымъ образомъ потому, что «Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ» не имѣютъ такихъ гордыхъ притязаній, какъ изданіе г. Милюкова: цѣль ихъ чисто-педагогическая,—они «пособіе при изученіи словесности въ среднѣ-учебныхъ заведеніяхъ», и съ этой стороны имѣютъ необходимое, такъ сказать, хрестоматическое

достоинство. Въ рукахъ опытнаго преподавателя словесности, умѣющаго сдѣлать выборъ и отличить существенное отъ неважнаго — польза «Очерковъ» г. Гарусова несомнѣнна: нѣкоторыя характеристики писателей, литературные разборы произведеній и объяснительныя статьи очень удачны; но вообще, какъ систематическій, строго-обдержанный трудъ книги г. Гарусова — имѣетъ много капитальныхъ недостатковъ. Мы укажемъ на главнѣйшіе изъ нихъ тѣмъ съ большею охотою, что авторъ имѣетъ намѣреніе въ такомъ же видѣ изложить всю такъ называемую науку словесности: быть-можетъ, наши замѣтки къ чему-нибудь и пригодятся.

Историческому изложенію развитія драмы у древнихъ и новыхъ народовъ предшествуетъ историческое введеніе. Прежде, во время исключительнаго господства въ наукѣ такъ называемой «теоріи поэзіи», подобныя теоретическія опредѣленія были необходимы; но съ перевѣсомъ историческаго воззрѣнія они оказались недостаточными по двумъ причинамъ: во-первыхъ, въ смыслѣ философскомъ они не исчерпывали сущности дѣла и были по большей части невѣрны; во-вторыхъ, они мѣшали правильному историческому взгляду внесеніемъ разныхъ нѣмецкихъ рубрикъ и классификацій, спутывавшихъ въ одинъ узелъ разнородныя и разновременныя вещи. Такія философски-эстетическія введенія не вывелись еще и понынѣ, но вмѣсто прежняго чисто-философскаго или чисто-практическаго характера — они приняли другое, такъ сказать, переходное направленіе, стремящееся совмѣстить и практику, и философію, и исторію. Нѣтъ нужды говорить, что отъ этого дѣло нисколько не выиграло. Такое колебаніе между старымъ и новымъ замѣтно отчасти и во введеніи г. Гарусова; такъ напримѣръ, опредѣляя значеніе и свойства драмы (стр. 15—18), онъ говоритъ:

«Въ драмѣ *должно быть* — столько дѣйствующихъ лицъ, сколько ихъ участвовало или могло участвовать въ извѣстномъ событіи, сдѣлавшемся предметомъ для драмы. Каждое отдѣльное, введенное въ драму, лицо *должно имѣть* свой опредѣленный

характеръ. Разговоры и рѣчи его *должны быть* сообразны съ его личнымъ характеромъ...»

«*Нельзя* давать мѣсто въ драмѣ ни одному мелочному, незначительному явленію, какъ бы оно само по себѣ заманчиво ни было, если только оно не объясняетъ главной идеи дѣйствія; но *нужно* вносить въ драму только такія крупныя и наглядныя явленія изъ жизни, которыми характеризуется эта жизнь.»

«Въ драмѣ необходима перемѣна мѣстъ, значительные или короткіе промежутки времени, перенесеніе дѣйствія изъ одного мѣста въ другое.»

«Въ нашей жизни нѣтъ ничего произвольнаго, случайнаго (о, какая свѣжая, хоть и фальшивая мысль!); все совершается по законамъ, заранѣе предложеннымъ Творцемъ міра, безъ воли Котораго, по слову Евангелія, и волосъ съ головы не спадетъ. Въ драмѣ, какъ художественной картинѣ жизни, также *не должно быть* ничего произвольнаго, а всякое явленіе *должно итти* строгимъ нормальнымъ путемъ» и т. д.

«Входы и выходы дѣйствующихъ лицъ *должны* быть строго соразмѣрены съ потребностью и крайнею необходимостью...»

«Рѣчи дѣйствующихъ лицъ *должны* быть ясны, просты и вразумительны...»

«При разнообразіи рѣчи въ драмѣ *допускается* лиризмъ, но на столько, на сколько *нужно* его для развитія дѣйствія.»

«Драматическій разговоръ *долженъ* быть чуждъ всякой натяжки.»

Правила и *предписанія*, какъ видите, всѣ такія обязательныя и поучительныя (особенно мысль о стройной законности міровыхъ явленій), они даже и въ техническомъ смыслѣ небезполезны; но объясняется ли отъ этого сущность и значеніе драмы? Рядомъ съ этимъ остаткомъ практицизма мы находили и философскія понятія, о томъ, напримѣръ, что книжное краснорѣчіе *безплодно*, потому что внѣшняя выработка слова мѣшала проявляться глубокому чувству и говорила лишь уму (стр. 3), что дѣленіе поэзіи по тремъ рубрикамъ эпоса, лирики и драмы — не

существенно (стр. 13), что трудно и почти не нужно дѣлить драматическую поэзію по̀ родамъ и видамъ (стр. 21) и такъ далѣе. Все введеніе г. Гарусова вообще заключаетъ въ себѣ вещи невинныя, но за то и совершенно неопредѣленныя, не дающія яснаго, стройнаго понятія объ историческомъ развитіи поэзіи вообще и драмъ въ особенности. Вмѣсто этихъ схематическихъ опредѣленій и предписаній не вѣрнѣе ли взглянуть на дѣло исторически, какъ отъ простѣйшихъ началъ постепенно развились формы драматической поэзіи и усложнялся ея механизмъ? Дойдя до художественныхъ образцовъ драмы—на примѣрахъ не трудно будетъ уже объяснить значеніе нѣкоторыхъ подробностей и драматической техники, а безъ этого всѣ философскія и практическія опредѣленія будутъ несвоевременны и едва ли не безполезны. Самая номенклатура не требуетъ предварительныхъ объясненій: она можетъ уясняться по мѣрѣ историческаго развитія, ибо названіе вещи не является прежде своего предмета. Какъ образецъ современнаго взгляда на драматическую поэзію, мы укажемъ на небольшое разсужденіе базельскаго профес. В. Вакернагеля: «Ueber die dramatische Poesie». Переходя къ историческому отдѣлу книги г. Гарусова, мы замѣчаемъ въ немъ отсутствіе соразмѣрности въ частяхъ, разбору же нѣкоторыхъ произведеній посвящены цѣлыя обширныя главы, а о другихъ, не менѣе важныхъ, едва упомянуто, такъ напр. говорится о Софокловой трилогіи, посвященной судьбѣ царственнаго дома Лабдакидовъ, первыя двѣ части ея (Эдипъ царь и Эдипъ въ колоннѣ) разбираются довольно подробно, а о послѣдней (Антигонѣ), едва ли не самой художественной изъ всѣхъ трагедій Софокла, почти ни слова; о комедіяхъ Плавта *буквально* всего пять строчекъ; о Сенекѣ говорится, что *для историка драматической поэзіи* личность и дѣятельность его важнѣе, чѣмъ его трагедіи (??), и потому оцѣнкѣ личности его посвящены цѣлыхъ горячихъ полторы страницы, а трагедіямъ—ни полъ-слова. Средневѣковымъ мистеріямъ удѣлено только три странички, а между тѣмъ, какую важную роль играютъ эти произведенія въ исторіи

драматической поэзіи, въ этомъ легко убѣдиться не только изъ спеціальныхъ сочиненій и изданій, но даже изъ того популярнаго очерка мистерій, какой предлагаютъ намъ Газе (Das geistliche Schauspiel) и Шакъ (въ предисловіи къ своей Geschichte des Spanisch. Dramas). Тѣмъ непонятнѣе подобное упущеніе, что въ «Очеркахъ» г. Гарусова, въ отдѣлѣ русской драмы, довольно подробно говорится и о русскихъ мистеріяхъ, которыя, какъ каждому извѣстно, были только слабымъ отблескомъ западныхъ произведеній этого рода.

Драматической поэзіи новой эпохи въ книгѣ г. Гарусова отведено гораздо большее мѣсто, чѣмъ древней; но неразборчивость въ оцѣнкѣ произведеній и несоразмѣрность — тѣ же: очень подробно, напр., разбирается *Макбетъ* Шекспира и очень недостаточно его *Гамлетъ*, много говорится о *Расинѣ* и очень немного о *Корнелѣ* и т. д.

Мы не имѣемъ ни охоты, ни времени вдаваться въ повѣрку художественныхъ анализовъ г. Гарусова, но не можетъ не замѣтить, что и они, при всей видимой своей обстоятельности, чужды того опредѣленнаго плана, который составляетъ необходимое условіе всякаго ученаго или педагогическаго труда: часто здѣсь говорится очень много, но выносится очень немногое. Въ изложеніи нѣмецкой драмы замѣтно отсутствіе новыхъ писателей: все дѣло ограничивается только Шиллеромъ и Гёте. Отдѣлъ русской драматической поэзіи тоже неполонъ и несоразмѣренъ въ частяхъ: опущены напр. комедіи Лукина, императрицы Екатерины; на нѣсколькихъ страницахъ раскинулась мѣщанская драматургія г. Островскаго, названы даже Сухово-Кобылинъ и Ленскій (?! Боже! за что обиженъ К. Кугушевъ!).

Возвращаясь къ *общему* книги г. Гарусова, мы повторимъ уже высказанное нами мнѣніе: въ рукахъ опытнаго преподавателя трудъ этотъ несомнѣнно принесетъ свою пользу, но какъ сочиненіе цѣльное, задуманное и выполненное по извѣстному плану, — оно не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, главнымъ образомъ по отсутствію полноты и соразмѣрности въ

въ частяхъ: это — не болѣе, какъ брульоны, въ сыромъ, неотдѣленномъ видѣ, которымъ не достаетъ окончательнаго пересмотра. Съ этой точки зрѣнія «Очерки» г. Гарусова далеко уступаютъ книгѣ г. Милюкова, у котораго весь второй отдѣлъ оставляетъ немного мѣста для желаній; но, прибавимъ мы, было бы очень жаль, если бы подобные труды оставались подъ спудомъ и не вышли на свѣтъ, такъ какъ они могутъ принести большую пользу и почти никакого вреда.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какого пути слѣдуетъ держаться въ обработкѣ всеобщей литературы. По нашему крайнему убѣжденію, историческій путь здѣсь не только лучше и умѣстнѣе теоретическаго, но и представляетъ единственную возможность выхода изъ безчисленныхъ повтореній и неточностей, въ какія поневолѣ впадаетъ изслѣдователь, желающій излагать развитіе литературы по тремъ стариннымъ теоретическимъ отдѣламъ: эпоса, лирики и драмы. Что произведенія литературы должны быть разсматриваемы въ связи съ исторіею жизни общественной и народной — объ этомъ мы уже говорили, и такъ какъ многія различныя формы поэзіи возникаютъ въ одно и то же время, то и историку предстоятъ безчисленныя повторенія одного и того же, если онъ рѣшится слѣдовать развитію общихъ литературныхъ формъ, а не развитію литературы извѣстнаго народа; но положимъ, что это обстоятельство, такъ или иначе, будетъ устранено, все же внѣшняя картина развитія родовъ и формъ поэзіи никогда не дастъ яснаго, цѣльнаго образа литературнаго развитія народовъ, а только это послѣднее и можетъ быть признано достойнымъ исторической науки о литературѣ. Историческій способъ разсмотрѣнія произведеній литературы по народамъ — совершенно устраняетъ это неудобство: съ одной стороны здѣсь получаетъ объясненіе каждая нововозникающая форма поэзіи, и объясненіе тѣмъ болѣе вѣрное, что эта форма разсматривается не отвлеченно, а въ связи съ условіями почвы и времени, откуда и когда развилась она; съ другой — открывается возможность изобразить

историческій ходъ національнаго литературнаго развитія: «теорія поэзіи» должна уступить мѣсто «исторіи». Этимъ, однако, мы вовсе не отрицаемъ возможности теоретическихъ изслѣдованій въ области литературы: можетъ быть теорія классическаго или средневѣковаго художественнаго эпоса, теорія древней лирики, средневѣковой провансальной лирики, теорія древняго краснорѣчія и т. д.; но теорія литературной формы общей, безусловной для всѣхъ вѣковъ и народовъ — и помыслить нельзя, такъ каждый народъ въ литературномъ развитіи идетъ своимъ собственнымъ путемъ, даже и тамъ, гдѣ оказывается такъ называемое подражаніе чужеземнымъ образцамъ — оно никогда не бываетъ простымъ фотографическимъ снимкомъ съ оригинала, а всегда имѣетъ какой-нибудь своеобразный оттѣнокъ. Все, что можно найти общаго, напр., между греческой лирикой и лирикой средневѣковой, классическимъ художественнымъ или ложнымъ эпосомъ и новеллою или романомъ — это какой-нибудь формальный, внѣшній признакъ, на которомъ такъ же странно основываться, какъ и въ естественной классификаціи — человѣка ставить на ряду съ птицею, потому, что у обоихъ по двѣ ноги.

Литература, въ особенности древняя, развивается не одиноко, а въ связи съ религіозною, художественною и общественною жизнью: для полнаго, отчетливаго пониманія развитія литературы необходимо знаніе и этихъ отраслей народной жизни. На Западѣ удовлетворить такому требованію не трудно: миѳологія и исторія искусства тамъ вводятся въ кругъ народнаго образованія, существуютъ и популярные учебники по этимъ наукамъ; наше дѣло — у насъ, гдѣ все это pia desideria.. На нашъ взглядъ *русскій* историкъ всеобщей литературы обязанъ отчасти пополнить эти пробѣлы, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы сообщить своимъ литературнымъ обозрѣніямъ возможную ясность и полноту, которой они безъ этого имѣть не могутъ. Будутъ ли ясны намъ содержаніе и смыслъ поэмъ Гомера, трагедій Эсхила, Пиндаровыхъ одъ, если мы не знаемъ основаній греческой миѳологіи въ ея историческомъ развитіи, или литера-

турная дѣятельность эпохи «Возрожденія» — безъ вниманія къ художественному направленію образовательныхъ искусствъ той же эпохи?? По неимѣнію или недоступности хорошихъ русскихъ переводовъ многихъ произведеній литературы (въ особенности средневѣковой) — на историкѣ ея лежитъ также обязанность хрестоматора: конечно, можно ограничиться немногими замѣчательными отрывками, общими изложеніями содержанія произведеній; и они необходимы уже и за тѣмъ, чтобы приговоры изслѣдователя не были голословны и не поражали читателя своею неудобопонятностью. Этому требованію гг. Милюковъ и Гарусовъ удовлетворяютъ только отчасти. Для полнаго успѣха дѣла нужно желать какъ можно болѣе хрестоматическихъ подробностей или же самую литературную хрестоматію въ родѣ той, какая издана Шерромъ въ 40-выхъ годахъ.

Основной элементъ русской богатырской былины.

(по поводу соч. Л. Майкова: «О былинахъ Владимірова цикла». Спб. 1863, 139 стр.).

1870.

Русская исторія еще очень молодая наука: не прошло еще и столѣтія, какъ началась ея серьезная, ученая разработка. Много уже сдѣлано, многое уяснено, но гораздо болѣе остается сдѣлать и объяснить. Въ особенности слаба современная разработка внутренняго доисторическаго быта русскихъ племенъ, быта, который камнемъ легъ во главу угла послѣдующаго, чисто-историческаго, движенія. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ географическихъ и территоріальныхъ опредѣленій, всегда постоянныхъ и неизмѣнныхъ, за вычетомъ нѣсколькихъ извѣстій иностранныхъ и русскихъ, занесенныхъ въ лѣтопись съ чужого голоса, или по преданію—чтó находимъ мы на страницахъ исторіи о судьбахъ Русской земли до пришествія сѣверныхъ нарядчиковъ? Гдѣ тотъ періодъ нашей исторіи, который на чужомъ языкѣ называется героическимъ, а на нашемъ можетъ быть также удачно названъ—

богатырскимъ? Пусть не говорятъ, что это явленіе чуждо русскому духу: оно — обще всѣмъ индо-европейскимъ племенамъ, и наша народность въ то время еще не успѣла получить того рѣзкаго обособленія, съ характеромъ котораго мы видимъ ее въ вѣка послѣдующіе; она сохранила, если не полную память, то по крайней мѣрѣ яркія черты своего индо-европейскаго происхожденія. Греки имѣли свою героическую эпоху, ясно и цѣльно выразившуюся въ ихъ безсмертныхъ эпическихъ созданіяхъ, Германцы—свою, сказавшуюся въ пѣсняхъ древней Эдды и средневѣковыхъ героическихъ сказаніяхъ; куда же скрывалось это золотое поэтическое время, это свѣжее утро исторической жизни нашихъ предковъ — славянъ? Или оно прошло безслѣдно и ни одной чертой не отмѣтилось въ ихъ исторіи! Гдѣ оно? Историки молчатъ о немъ, потому что оно не вписано въ старинныя хартіи, не встрѣчается ни на страницахъ иноческихъ *повѣстей временныхъ лѣтъ*, ни въ правительственныхъ актахъ, ни въ договорахъ и завѣщаніяхъ князей и т. д.; но народная память лучше всякихъ письменныхъ документовъ сохранила намъ величественные образы жизни этого героическаго, богатырскаго періода народной жизни — и если первой страницей исторіи должна быть географическая ландкарта, то введеніемъ, истиннымъ началомъ русской народной исторіи должны быть *языкъ* и *богатырская былина*, суровые типы которой замыкаютъ темную миѳическую старину и открываютъ народу новые историческіе пути. Такимъ образомъ, только *языкъ* да *народная пѣсня* могутъ, до нѣкоторой степени, возстановить цѣлый потерянный періодъ русской исторіи; а этотъ юный поэтическій періодъ такъ значителенъ и важенъ! Если и теперь, по истеченіи цѣлаго десятка вѣковъ, на сѣверѣ и въ глубинахъ Сибири, простолюдинъ съ любовью поетъ про своихъ славныхъ витязей и богатырей, то что же было въ ту эпоху, когда народъ въ богатырскіе образы отливалъ свою собственную человѣческую мощь и сущность, когда эти образы были для него ближе и дороже, чѣмъ нынѣ, когда онъ чувствовалъ ихъ *живое* значеніе, любовался ихъ нравствен-

ною физіономіею, понималъ сердцемъ ихъ высокій смыслъ и значеніе?

Изданія русскихъ богатырскихъ былинъ, собранныхъ пок. П. В. Кирѣевскимъ и г. Рыбниковымъ предлагаютъ богатый матеріалъ указаннаго мною пробѣла: они вызвали уже нѣсколько замѣчательныхъ изслѣдованій, замѣчательныхъ или по нѣкоторымъ счастливымъ объясненіямъ, или по оригинальности взгляда, переходящаго въ странность; но всякій, кому не безызвѣстно современное состояніе западной науки о старинѣ и народности, всякій согласится, что это — только начало, зыбкое и колеблющееся, какъ всякое начало; для дальнѣйшаго успѣха этой области науки необходимо не только всестороннее изслѣдованіе матеріала, но и болѣе твердая точка зрѣнія и болѣе близкое знакомство съ сравнительно-историческимъ методомъ, примѣненнымъ къ изслѣдованію языка, миѳологіи и народной поэзіи. Въ особенности сравнительное изученіе миѳологіи составляетъ ахиллову пяту нашихъ изслѣдователей: съ одной стороны самый дикій произволъ и полетъ разнузданной фантазіи, съ другой — излишняя робость, останавливающаяся на серединѣ и не идущая до корней явленій, случайность сближеній, а потому и неопредѣленность самой мысли, темнота и запутанность изложенія: изслѣдователю какъ будто жаль подвергнуть анатомическому вскрытію живой поэтическій образъ народной фантазіи и вѣрованія, какъ будто совѣстно посягнуть на его красоту, отыскивая обыкновенное его происхожденіе; потому бо́льшую часть сравненій онъ ограничиваетъ сближеніемъ поэтическихъ мотивовъ — и не идетъ въ глубь, боясь нарушить очарованіе.

Много чести для поэтическаго чувства изслѣдователя, но много ли пользы для науки, стремящейся узнать причину явленія и его историческую судьбу!

Это ли колебаніе въ методѣ изслѣдованія, или иныя какія причины — только нѣкоторые изслѣдователи еще мало цѣнятъ сравнительное изученіе миѳологическаго элемента нашихъ богатырскихъ былинъ: для нихъ это — дѣло второстепенное: полагая,

что былины возникли въ историческую эпоху, они ставятъ на первый планъ ихъ *историческій* элементъ, разработкѣ его посвящаютъ свои труды, а на миѳологію смотрятъ, какъ на случайный элементъ, называя его схоластически-школьнымъ именемъ— *чудеснаго!* Какъ будто это *чудесное* не есть необходимый плодъ духовной жизни народа, какъ будто оно—нежданно-негаданно— упало съ облаковъ!

Съ особенною опредѣленностію такой взглядъ былъ высказанъ въ послѣднее время г. **Майковымъ**, въ его магистерской диссертаціи, заглавіе которой мы привели выше. Мы оставимъ до конца нашей замѣтки разборъ этого труда, и попытаемся сближеніемъ нѣкоторыхъ мотивовъ русской богатырской былины съ родственными мотивами народной поэзіи другихъ индо-европейскихъ племенъ — доказать не только присутствіе, но и первостепенное основное значеніе миѳологическаго элемента былины.

Тотъ плохо пойметъ наше намѣреніе, кто въ этихъ сближеніяхъ станетъ искать полнаго обстоятельнаго объясненія миѳологіи нашихъ былинъ: это предметъ труда болѣе обширнаго и не легкаго. Мы ограничимся разборомъ только нѣкоторыхъ главныхъ эпизодовъ, соблюдая при этомъ возможную краткость; потому многое въ нашемъ изложеніи можетъ показаться произвольною догадкою, предположеніемъ, ни на чемъ не основаннымъ, но мы обращаемъ вниманіе читателя на приводимую нами библіографію предмета, пусть ею онъ потрудится *повѣрить* наши толкованія:

I.

Миѳъ, сказаніе, исторія.

Вопросъ о происхожденіи сказаній о герояхъ и богатыряхъ, о началѣ ихъ и дальнѣйшемъ развитіи—рѣшался различно. Одни находили, что основаніемъ ихъ служили древнѣйшія сказанія о богахъ, которыя, съ теченіемъ времени, теряли свой первоначальный видъ и принимали земныя, чувственныя формы, дру-

гіе—влагали въ нихъ историческую истину, подъ вліянія свободной фантазіи народа принявшую видъ чудеснаго происшествія, изукрашенную вымысломъ. Къ такимъ мнѣніямъ изслѣдователи были приводимы нѣкоторыми частными фактами, и въ этомъ отношеніи нельзя отказать имъ въ извѣстной долѣ справедливости; но односторонность этихъ объясненій обнаруживается при первомъ взглядѣ на цѣлое, на то, чтб мы называемъ полнымъ цикломъ народнаго эпоса. Въ самомъ дѣлѣ, если сказанія о героахъ и богатыряхъ были простымъ овеществленіемъ сказаній о богахъ, если самые герои и богатыри были только низведенные на землю небожители, то какимъ образомъ стирается ихъ индивидуальная и народная сторона, содержаніе сказаній расширяется, теряетъ свою опредѣленность и свой колоритъ и получаетъ видъ чего-то безформеннаго, безжизненнаго! Не менѣе непрочно и историческое объясненіе. Во всемъ циклѣ эпическихъ сказаній едва можно отыскать нѣсколько именъ собственно историческихъ, да и то съ такими странными анахронизмами и смѣшеніями, что плодомъ всѣхъ попытокъ исторически объяснить сказанія о богатыряхъ и героахъ бываютъ или несбыточныя надежды на будущее время, или полное убѣжденіе въ исторической недостовѣрности этихъ сказаній.

Вопросъ этотъ имѣетъ такую важность относительно главнаго нашего предмета, что мы позволимъ себѣ войти въ небольшія подробности и отсюда уже опредѣлить нашу точку зрѣнія на сущность богатырской былины.

Въ эпоху юности народовъ, когда они не перешагнули еще своего *природнаго* состоянія, человѣкъ почти не сознаетъ себя, какъ отдѣльную личность, но спокойно и безъ намѣренія, безъ истиннаго знанія и воли — дѣйствуетъ, какъ членъ великаго цѣлаго и живетъ только имъ, только въ немъ и съ нимъ. Личность совпадаетъ съ совокупностью всего народа, исчезаетъ въ ней, а потому—какъ сознаніе человѣка, такъ и самыя чувствованія его являются не въ особенной единичной формѣ, а коллективно: чтб

сознаетъ и чувствуетъ онъ, то сознаютъ и чувствуютъ и всѣ его соплеменники.

Первою верховною мыслію такого коллективнаго сознанія, мыслію, которая шла не отъ разсудка только, а отъ всего внутренняго міра человѣка, отъ его души и сердца — была мысль о *зависимости отъ божества*. Это же чувство зависимости, первая причина всякой языческой религіи, была неминуемымъ слѣдствіемъ отношеній народа-младенца къ природѣ. Тѣ явленія ея, условіямъ и вліянію которыхъ подлежалъ человѣкъ, предъ которыми онъ чувствовалъ свое безсиліе, были первыми предметами его поклоненія, его поэтическихъ грёзъ и представленій, и чѣмъ неотразимѣе и страшнѣе была сила этихъ явленій природы, тѣмъ болѣе чувства тяжелой зависимости въ его первоначальныхъ языческихъ вѣрованіяхъ, тѣмъ безотраднѣе и мрачнѣе они. Оттого на первой ступени народной жизни находимъ мы подчиненіе космическимъ силамъ природы, оттого на ряду съ свѣтлыми образами находимъ мы темныя представленія о зломъ, губительномъ началѣ, которое ведетъ постоянную борьбу съ добрыми, благодѣтельными божествами. Все развитіе народной миѳологіи заключается въ постепенномъ освобожденіи сознанія изъ-подъ тяжелаго, сковывающаго гнета темныхъ космическихъ силъ природы: свѣтлые образы мало по малу выясняются и получаютъ опредѣленный видъ. Здѣсь мы не встрѣчаемъ уже того безотраднаго чувства, которое охватываетъ язычника, заставляя его преклоняться предъ губительною, грозящею силою: онъ не боготворитъ ее, какъ прежде, не приноситъ ей умилостивительной жертвы, не возсылаетъ моленія, а обращается къ своимъ свѣтлымъ, добродѣющимъ богамъ — и отъ нихъ ждетъ защиты отъ зла и покровительства. Это одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи развитія языческихъ вѣрованій. Народъ придаетъ своимъ добрымъ богамъ человѣческія свойства и качества, и такимъ образомъ прежнему темному поклоненію противопоставляетъ поклоненіе своей собственной сущности. Небожители мало-помалу низводятся на землю и сближаются съ людьми, и вслѣдъ за

ними являются *герои* или *богатыри*, какъ посредники между небомъ и землею.

Созданіемъ богатырей, героевъ, народная миѳологія достигаетъ высшаго своего развитія. Человѣческая сущность вступаетъ въ свои права и въ лицѣ героя празднуетъ свою побѣду надъ темными враждебными силами природы.

Такимъ образомъ, въ эпоху *природнаго* состоянія, во всѣхъ людяхъ живетъ чувство и опытъ, что весь народъ, все человѣчество, весь міръ — происходитъ отъ божества и имъ держится, все, что̀ случается — въ понятіяхъ народа — случается по волѣ божества.

Это чувство зависимости, при участіи воображенія, породило *миѳъ*, первую поэтическую форму народнаго міросозерцанія. Еще у Гомера, сообразно характеру эпохи, глядѣвшей на исторію чисто поэтическимъ взглядомъ, миѳъ значитъ вообще разсказъ, въ эпоху же болѣе древнюю это былъ разсказъ, повѣствованіе о дѣлахъ и жизни небожителей — *боговъ*. Миѳъ еще не спускается на землю; держась постоянно олимпійской божественной высоты, онъ занятъ лишь поэтической исторіей божества. Правда, населяя воздушное пространство сонмомъ боговъ, рисуя ихъ образы и взаимныя отношенія, фантазія народа идетъ отъ земной дѣйствительности, но это потому, что иного источника фантастическихъ образовъ и быть не могло въ эпоху безсознательнаго творчества, когда личная прихоть или капризъ не могли еще имѣть мѣста ни въ жизни, ни въ поэзіи.

На этой же религіозной основѣ, нѣсколько позднѣе, возникаетъ и *народное сказаніе* (былина), предметомъ котораго служатъ первыя полу-историческія, полу-миѳическія воспоминанія народа. Повѣствуя о томъ, что̀ пережилъ народъ, о его герояхъ и мудрецахъ, оно всегда безсознательно возводитъ эти личности и ихъ дѣла къ религіозной миѳологической основѣ, потому сказаніе съ одной стороны служитъ исторіей народа, съ другой удовлетворяетъ его вѣрующее религіозное чувство, иными словами: сказаніе разсматриваетъ человѣческія дѣла, отправляясь

отъ средоточія миѳологической идеи. Вотъ почему нѣкоторые народы дѣлаютъ боговъ своими родоначальниками, предками своихъ земныхъ повелителей и царей! Подобный сказочный способъ пониманія исторіи преобладаетъ у всѣхъ народовъ, покамѣстъ они ведутъ природную жизнь, еще не возмущенную цивилизаціей и образованіемъ, потому всякая *исторія* сперва начинается *сказаніемъ*, исторія каждаго племени, такъ же, какъ греческаго, римскаго, нѣмецкаго и славянскаго, потому такъ же сходны между собою и по своей сущности, и по формѣ представленія — сказанія самыхъ отдаленныхъ народовъ, хотя каждое изъ нихъ бываетъ дома только на своемъ мѣстѣ и имѣетъ, повидимому особный, чисто *народный* характеръ: первоначальныя сказанія вездѣ выражаютъ какія-нибудь религіозно-миѳологическія идеи, воплощаемыя въ исторіи, вездѣ человѣческая фантазія овладѣваетъ первыми воспоминаніями народа и сообщаетъ имъ миѳическую окраску.

Такимъ образомъ, становятся понятны связь и взаимныя отношенія *миѳа* и *сказанія*, *былины*. Въ миѳѣ народъ переходитъ за черту дѣйствительности, его воображеніе пытается сдѣлать шагъ въ исторію божествъ, оно творитъ цѣлые образы, устанавливаетъ между ними отношенія и связи; въ сказаніи же народъ раскрываетъ намъ участіе божествъ въ своей исторіи, въ окружающемъ его дѣйствительномъ бытѣ, переноситъ небожителей на землю, заставляя ихъ располагать судьбами человѣка. Отсюда уже недалекъ переходъ изъ боговъ въ героевъ, особенно когда развитіе антропоморфизма передѣлываетъ миѳологическія существа по образу и подобію человѣка; что́ до той поры служило формою миѳическихъ представленій, становится простымъ сказаніемъ, такъ, напр., лицо Зигфрида нѣмецкой героической саги, слившись съ другими сказочными и историческими личностями — и само получило историческую окраску, но по своей основѣ, какъ это убѣдительно доказали Лахманъ и В. Мюллеръ [1]).

---

1) Lachmann, Kritik der Sage v. d. Nibelungen. Приложеніе къ примѣчаніямъ его къ поэмѣ о Нибелунгахъ.—W. Müller, Versuch einer Mythologischen Erklärung der Nibelungensage. Ber. 1841.

Зигфридъ принадлежалъ *миѳу*, и то, что разсказываетъ о немъ народное сказаніе, произошло вслѣдствіе постоянно развивавшагося стремленія сообщать человѣческія и историческія формы древнему миѳу о божествѣ. Вообще миѳъ и сказаніе очень близко граничатъ другъ къ другу: они взаимно соприкасаются и связываются самымъ разнообразнымъ способомъ; есть даже много примѣровъ образованія миѳовъ изъ народныхъ сказаній: у Гомера нельзя рѣзко отдѣлить сказаній о богахъ отъ сказаній о герояхъ, — послѣдніе нерѣдко чествуются, какъ боги, но въ особенности миѳъ и сказаніе сливаются воедино тамъ, гдѣ дѣло идетъ о времени, лежащемъ за предѣлами всякаго воспоминанія и даже воспоминанія сказочнаго, такова напр. эпоха до существованія народа, или даже человѣка: возникаютъ цѣлыя космогоніи, теогоніи и антропогоніи, и все это носитъ чисто миѳическій характеръ; скоро, однакоже, сюда присоединяется и *народное сказаніе*: такъ скиѳы-пахари вели свое происхожденіе отъ младшаго изъ трехъ сыновей Солнца (Targitavus, блестящій дискъ), который назывался kolaksaïs, т. е. владыка плуга [1]); германцы, по свидѣтельству Тацита (Germ. II Cap.), прославляли въ своихъ пѣсняхъ бога Твиско, рожденнаго изъ земли, сына его Маннуса — перваго человѣка, отъ трехъ сыновей котораго произошли нѣмецкія племена.

Итакъ очевидно, что сказаніе почти всегда коренится на миѳѣ, на старинныхъ миѳическихъ воспоминаніяхъ.

Но въ какихъ же отношеніяхъ къ сказанію стоитъ дѣйствительная исторія — иначе, въ какой мѣрѣ сказаніе можетъ быть принимаемо за реальную историческую дѣйствительность?

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія одинъ изъ первыхъ знатоковъ народной поэзіи упрекалъ современныхъ ему историковъ въ неправильномъ пониманіи характера историческаго сказанія и преданія.

---

1) См. нашу статью о сочиненіи Вергмана: Les Scythes.... въ Лѣтописяхъ Русской литер. и древ., издав. г. Тихонравовымъ 1859, кн. 1-я, стр. 127.

Въ то время, когда одни факты, содержаніе которыхъ видимо принадлежитъ къ области народныхъ сказаній, вносятся безъ затрудненій въ достовѣрную исторію, какъ событія дѣйствительно случившіяся, — другіе, во всемъ сходные съ первыми, съ презрѣніемъ отбрасываются въ сторону, какъ жалкій вымыселъ разстроеннаго воображенія или ребяческая забава празднолюбцевъ. Время значительно смягчило силу подобныхъ упрековъ, и истинная наука уже отличаетъ сказочный характеръ событія отъ дѣйствительнаго и указываетъ каждому изъ нихъ свое особое мѣсто въ общей исторіи народа. Но есть изслѣдователи, для которыхъ упрекъ Гримма еще не утратилъ своего значенія: они заботливо отыскиваютъ строгую историческую истину и событіе тамъ, гдѣ ихъ быть не можетъ, гдѣ вмѣсто событія находимъ иное, вмѣсто свидѣтельства — сказаніе или темное преданіе, истину относительную вмѣсто истины реальной.

Смѣшивая сказаніе съ исторіей, мы теряемъ изъ виду его существенный характеръ, придаемъ ему вещественную, земную истину, которой оно не имѣетъ, и отрицаемъ ту духовную истину, которая составляетъ его сущность. Сказаніе (сага) идетъ совершенно другимъ путемъ и смотритъ на вещи другими глазами, нежели исторія: ему недостаетъ того жизненнаго человѣческаго чувства, которымъ такъ сильно дѣйствуетъ на насъ исторія, за то оно умѣетъ соглашать и возводить всѣ частныя отношенія до спокойной эпической ясности.

«Въ то время, какъ судьбы исторіи — говоритъ Як. Гриммъ — совершаются дѣлами людей, сказаніе носится надъ ними, какъ призракъ, что́ между ними свѣтитъ, какъ благоуханіе, которое нисходитъ къ нимъ. Никогда не повторяется исторія: она вездѣ нова и свѣжа, неисчерпаемо возрождается сказаніе. Прочнымъ шагомъ идетъ исторія по землѣ, но крылатое сказаніе опускается и подымается: его продолжительное посѣщеніе есть благо, которое дается не всѣмъ народамъ; гдѣ далекія событія потерялись бы во мракѣ временъ, тамъ сплетаются съ ними сказанія и умѣютъ сохранить нѣкоторую часть ихъ; гдѣ

миѳъ ослабѣлъ и готовъ распасться, тамъ поддерживаетъ его исторія. Когда же миѳъ и исторія совпадаютъ и внутренно соединяются, тогда основываетъ зданіе и выводитъ свои нити — *эпосъ*».

Между исторіею и сказаніемъ такое же отношеніе, какое соединяетъ добродѣтель дѣйствительной жизни съ добродѣтелью поэзіи. Счастливъ народъ, когда исторія его вмѣстѣ съ поэтическими сказаніями имѣетъ, подобно дню, свое утро и свой вечеръ, когда его протекшая жизнь, не всегда доступная слабому зрѣнію современной науки, полно и ясно раскрывается въ его сказаніяхъ и преданіяхъ.

Приписывать сказанію, сагѣ историческую истину такъ же несправедливо и несообразно съ требованіями исторической науки, какъ и вносить въ достовѣрную исторію созданія народной фантазіи и воображенія. Эпоха миѳическая есть разсвѣтъ исторіи народа, но еще не исторія, въ ней нѣтъ событій, нѣтъ опредѣленнаго времени и пространства для нихъ, здѣсь мы находимъ образы, сложившіеся неизвѣстно когда и какъ. Смотрѣть на это время должно другими глазами, мѣрить его иною мѣрою, отличною отъ обыкновенно употребляемой въ исторической критикѣ. Историческій анализъ можетъ отдѣлить позднѣйшіе наросты, но мало окажетъ помощи въ стремленіи постигнуть духъ старины и проникнуть въ ея сокровенные тайники: они останутся непонятными до тѣхъ поръ, пока не низойдемъ до самаго свѣжаго родника, хранилища старинныхъ вѣрованій и откровеній — родного языка, пока сближеніями съ родственною доисторическою стариною прочихъ индо-европейскихъ народовъ — не научимся понимать и цѣнить надлежащимъ образомъ свои собственныя сокровища [1]).

---

1) Превосходныя мысли объ отношеніи сказанія къ исторіи были высказаны знаменитымъ Яковомъ Гриммомъ впервые еще въ 1818 году въ журналѣ Фридр. Шлегеля «Deutsches Museum» 1818 г. т. 3-й стр. 53—75 въ статьѣ: «Gedanken über Mythos, Epos und Geschichte», потомъ въ предисловіяхъ къ 2-мъ томамъ нѣмецкихъ сказаній (Deutsche Sagen 1816—1818).

Событія исторіи, становясь предметомъ народнаго эпоса, или создаютъ новую, совершенно отличную отъ прежней, форму сказанія — историческую пѣснь, или же, въ большей части случаевъ, теряютъ свой *дѣйствительный* образъ и подчиняются стародавнимъ сказочнымъ типамъ и образамъ, получаютъ полусказочный, полу-историческій характеръ. Народный эпосъ тѣмъ охотнѣе даетъ историческимъ событіямъ старинную сказочную окраску, что основывается на воображеніи, а образы этого послѣдняго создаются не столько по свободной прихоти, сколько по вѣковымъ, опредѣленнымъ взглядамъ и понятіямъ народа; потому, если событія исторіи получаютъ фантастическій видъ и обстановку, то корни этой фантазіи всегда восходятъ къ глубокой старинѣ, всегда основываются на *прежнихъ представленіяхъ* и *образахъ*, въ дѣйствительность которыхъ народъ вѣрилъ душою и сердцемъ младенца. Такимъ образомъ, становится понятно, почему даже въ чисто-историческихъ пѣсняхъ могутъ встрѣтиться черты глубокой миѳической древности. Голая историческая истина не удовлетворитъ вопросовъ ума и фантазіи народа; входя въ область эпическаго творчества, она должна измѣнить свой прозаическій характеръ, должна облечься въ чудесныя фантастическія формы, изъ реальной дѣйствительности стать дѣйствительностью идеальной. Проигрывая въ отношеніи внѣшней достовѣрности, она выигрываетъ въ отношеніи внутренней правды, и потому такъ живо затрогиваетъ народное нравственное чувство, умъ и фантазію. При такомъ характерѣ исторической былины, кто можетъ сказать, что фантастическій ореолъ, какимъ окружаетъ народъ историческія происшествія и лица, есть плодъ пустой фантазіи, или ничѣмъ не сдержаннаго прихотливаго вымысла? Нѣтъ, эта чудесная обстановка есть нѣчто гораздо большее, чѣмъ пустой вымыселъ: она коренится на любимыхъ сердечныхъ стремленіяхъ народа, неразлучныхъ съ дорогими вѣрованіями, и стало быть — восходитъ къ эпохѣ, когда создавались эти фантастическія вѣрованія.

Таковы взаимныя отношенія и связь *миеа*, *сказанія* и *исторіи*.

Взглянемъ теперь съ точки зрѣнія этой связи на русскую богатырскую былину.

Что сказанія о русскихъ богатыряхъ создались не вдругъ и не въ эпоху Владимира, объ этомъ теперь, по обнародованіи превосходныхъ былинъ о такъ называемыхъ богатыряхъ *старшихъ* — и рѣчи быть не можетъ: нѣтъ сомнѣнія, что эти сказанія были плодомъ всей предыдущей жизни народа, лебединою пѣснью, если можно такъ выразиться, народнаго творчества, еще питавшагося соками старииннаго преданія. Отдѣливъ въ нихъ все случайное, привнесенное послѣдующими вѣками и образовавшееся подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, можно понять ихъ настоящій характеръ: мы встрѣтимъ здѣсь глубокую старину, еще не успѣвшую получить рѣзкаго характера исключительно русской народности, старину, прямо указывающую на доисторическую эпоху единства индо-европейскихъ племенъ. Такое разграниченіе стараго отъ новаго необходимо уже и потому, что безъ него мы смѣшаемъ самые разнородные предметы, и богатыри потеряютъ для насъ то живое значеніе, какое они имѣли въ народѣ, они будутъ непонятными образами, игрою народной фантазіи безъ участія въ жизни, безъ вліянія на развитіе народнаго сознанія. А между тѣмъ эпоха полнаго развитія русскаго богатырства есть одна изъ важнѣйшихъ эпохъ духовной жизни русскаго народа. Она подготовлялась исподоволь и издалека, и только при Владимирѣ получила полнѣйшее выраженіе и развитіе. Историческій Владимиръ, его дружина приняли миеическіе образы, и рядомъ съ историческою жизнью народа шла своимъ чередомъ прежняя миеическая жизнь народа со всѣми старинными своими отправленіями.

Дѣйствительность имѣла вліяніе на созданія народнаго воображенія и въ свою очередь подчинялась его вліянію и часто принимала миеическую окраску. Примѣры такого взаимнаго вліянія исторіи и сказанія очень знакомы каждому, читавшему рус-

скія богатырскія былины: они какъ нельзя лучше подтверждаютъ мысль, что эпоха Владиміра для народа была продолженіемъ старинной жизни, даже, позволю себѣ сказать, полнѣйшимъ ея довершеніемъ, предѣломъ, далѣе котораго въ своемъ развитіи она не шла и подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ начала снова возвращаться къ тѣмъ темнымъ временамъ грубаго подчиненія космическимъ силамъ природы, освобожденіе отъ которыхъ она такъ радостно отпраздновала въ лицѣ своихъ богатырей.

Слѣдовательно, отыскивать строго историческіе корни и причины сказаній о богатыряхъ и ихъ подвигахъ — значитъ противорѣчить характеру эпохи, въ которую слагался ихъ образъ, эпохи миѳической, жизнью которой народъ жилъ еще во времена Владиміра, когда его богатыри получили полные опредѣленные образы и очертанія.

Попытаемся же отыскать иныя основанія нашихъ богатырскихъ былинъ.

Разборъ сочиненія А. Аѳанасьева:

«Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. Т. 1-й. Москва, 1866. 8° 800 страницъ.

1872 г.

Что миѳическія представленія народовъ суть не плоды праздной, лишенной почвы фантазіи, или произвольнаго, обдуманнаго вымысла, а необходимый результатъ нравственной и матеріальной культуры младенчествующаго человѣчества — это старая, безупречная истина; признавъ ее, необходимо признать и историческую важность науки миѳологической древности. И она признана очень давно; но только въ недавнее время это смутное признаніе перешло въ строгое убѣжденіе, и *вѣра* въ историче-

ское значеніе миѳологіи смѣнилась *уверенностію* въ дѣйствительность этого значенія.

При всей доброй волѣ со стороны прежней науки миѳологической древности, при всей проницательности ума, иногда глубокаго, таланта, иногда творческаго, своихъ воздѣлывателей, она не могла овладѣть загадкой: она имѣла дѣло съ предметомъ неуступчивымъ, для объясненія котораго недостаточны были всѣ средства, какими она располагала. Вотъ почему ни одна наука, изслѣдующая нравственную сторону природы человѣка, не представляетъ, можетъ-быть, такихъ измѣнчивыхъ колебаній, такого разнообразія противоположныхъ системъ, мнѣній, взглядовъ, какъ миѳологія. Конечно, небезплодно прошли эти многовѣковыя стремленія человѣческой пытливости: ими подготовленъ былъ богатый запасъ матеріаловъ, они собрали и привели въ порядокъ источники письменные и вещественные, объяснили художественную и позднѣйшую историческую стороны миѳологіи; но самая сущность предмета, источникъ и смыслъ миѳическихъ представленій, историческое движеніе миѳовъ — оставались для нихъ закрытою книгою; прочесть ее суждено было наукѣ послѣдняго времени, когда для нея открылся новый міръ древнѣйшей индійской цивилизаціи, и сравнительное языкознаніе неожиданнымъ свѣточемъ озарило судьбы народовъ, казалось бы навсегда погибшія для мысли потомства. Считая еще только годами свое существованіе, наука сравнительной миѳологіи успѣла уже, однако, достаточно опредѣлиться и стала на столько сильна, что не имѣетъ нужды въ оправданіи или защитѣ. Можно относиться съ недовѣріемъ къ произволу нѣкоторыхъ частныхъ трудовъ въ этой области, но нельзя уже болѣе распространять этого недовѣрія на всю науку, владѣющую и прочнымъ методомъ изслѣдованія, и обиліемъ важныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію, результатовъ. Вотъ почему, имѣя дѣло съ такимъ трудомъ, какъ «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» г. Аѳанасьева, мы считаемъ неумѣстнымъ и несвоевременнымъ говорить о правахъ сравнительной миѳологіи на общественное признаніе; мы можемъ огра-

ничиться лишь разборомъ этихъ правъ относительно самого автора, т. е. разборомъ достоинствъ и недостатковъ его труда.

Прежде другого — приведемъ въ ясность, чѣмъ могъ быть обязанъ г. Аѳанасьевъ своимъ предшественникамъ, взглянемъ на прошедшее и настоящее науки славянской миѳологической древности, при чемъ ограничимся лишь отечественными трудами и изслѣдованіями, такъ какъ г. Аѳанасьевъ (см. его «Послѣсловіе») снялъ съ себя отвѣтственность за полноту въ отношеніи славянскаго матеріала.

I.

Миѳологическія попытки изслѣдователей прошлаго и первой четверти текущаго столѣтія были болѣе чѣмъ бѣдны въ фактическомъ отношеніи, болѣе чѣмъ слабы по мысли и обработкѣ, чтобы стоять въ непосредственной связи съ наукой нашего времени вообще и трудомъ г. Аѳанасьева въ частности. Кругъ тогдашнихъ *понятій* о наукѣ миѳологической древности былъ очень ограниченъ: миѳологи заботились лишь о *богахъ* и *богиняхъ*, трудолюбиво собирали ихъ имена, подкладывая подъ нихъ готовыя нравственныя или физическія толкованія и нимало не стѣсняясь тѣмъ, что эти безжизненные образы идутъ въ разрѣзъ съ живою историческою дѣйствительностью, оттого весь результатъ этихъ попытокъ не пошелъ далѣе устраненія изъ миѳологической славянской древности нѣкоторыхъ именъ мнимыхъ божествъ, изобрѣтенныхъ досужей фантазіей старинныхъ миѳографовъ XVI — XVII вѣковъ; славянскія миѳологическія преданія, какъ были, такъ и послѣ этого остались загадкой для того, кто искалъ въ нихъ явленій протекшей дѣйствительной жизни, и чья любознательность не удовлетворялась ни лѣтописнымъ безцвѣтнымъ фактомъ, ни произвольной — природной или нравственной — интерпретаціей миѳологическихъ именъ, ни, наконецъ, явными выдумками «подъ стать древней фантазіи». Между тѣмъ совершенно независимо отъ этихъ попытокъ, собирался матеріалъ по исторіи народнаго быта: произведенія народной поэзіи, описанія народныхъ нравовъ, обычаевъ, обрядовъ, повѣрій; собирали его

не столько по сознанію ученой цѣны и важности предмета, сколько по влеченію естественной любознательности; оттого, вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ важныхъ для науки фактовъ народной жизни, въ этнографическія описанія и статьи привзошло и много такого, что́ не только не важно, но иногда и не достовѣрно и во всякомъ случаѣ изслѣдователемъ не должно быть принимаемо иначе, какъ послѣ разборчивой критики. Первымъ замѣчательнымъ трудомъ по предмету русской миѳологической древности было сочиненіе г. Снегирева: «Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды». М. 1837—9, 4 ч. Въ соображеніе г. Снегиревъ принималъ не только русскій матеріалъ, но и преданія прочихъ родственныхъ племенъ и факты славянской жизни, на сколько они, по времени, были доступны; оставивъ въ сторонѣ объяснительную часть, нынѣ уже устарѣлую, должно замѣтить, что сборникъ г. Снегирева и до сихъ поръ остается незамѣненнымъ и полезнымъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто сумѣетъ отличить факты *дѣйствительной* народной жизни, важные отъ случайныхъ и не всегда достовѣрныхъ. Гораздо важнѣе, по обилію разнообразнаго матеріала, былъ трудъ Сахарова: «Сказанія русскаго народа». Спб. 1841, 9 ч., 2 тома. По матеріаламъ и онъ доселѣ остается необходимою, настольною справочною книгою изслѣдователя русской бытовой древности; но какъ слабы были еще изслѣдовательные пріемы и задачи, какъ далеки были они отъ условій исторической науки— видно изъ того, что Сахаровъ, въ главѣ, посвященной предмету славянской миѳологіи, иногда рѣзко осуждая попытки прежнихъ миѳографовъ, не смогъ въ сущности прибавить къ нимъ ничего новаго: онъ только повторилъ тѣ заключенія ихъ, какія казались ему болѣе справедливыми и основательными, и отвергъ то, что́, по его мнѣнію, было лишено основанія. Изслѣдованія Сахарова касались не столько самаго *предмета*, сколько *библіографіи* его. Такой характеръ и значеніе имѣетъ и другой сборникъ, изданный нѣсколько лѣтъ позднѣе г. Терещенкомъ, подъ названіемъ «Бытъ русскаго народа». Спб. 1848. 7 частей. Составитель

заимствовалъ многое изъ трудовъ гг. Снегирева и Сахарова, но многое и прибавилъ изъ другихъ, не всегда доступныхъ, источниковъ, и между прочимъ не мало и такого, что̀ было въ свое время новостью и безъ чего нельзя обойтись и нынѣ; въ объяснительномъ отношеніи, сборникъ Терещенка стоитъ гораздо ниже труда г. Снегирева, и едва ли уже не совершенно безполезенъ. Такъ постепенно выросталъ запасъ свѣдѣній и матеріаловъ, важныхъ для русской миѳологической науки: памятниковъ народной поэзіи, преданій, повѣрій и обычаевъ; но мысль не освѣщала собраннаго до поры, пока изслѣдователи ближе не познакомились съ источниками славянской древности и съ фактами современнаго быта славянскихъ племенъ: тогда стали возможны не только изслѣдованія частныхъ вопросовъ Славянской миѳологіи, но и общіе обзоры ея. Изъ болѣе замѣтныхъ трудовъ этого направленія слѣдуетъ отмѣтить: «Славянскую миѳологію» г. Касторскаго (Спб. 1841.), «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ» г. Срезневскаго (Хар. 1846.), монографіи о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предметахъ славянскаго язычества, того же автора [1]) и «Славянскую миѳологію» г. Костомарова (Кіевъ 1847 г.). Неравномѣрно значеніе этихъ трудовъ и не одинаково важны они для науки: первое мѣсто въ этомъ отношеніи, безспорно, принадлежитъ трудамъ г. Срезневскаго. Но въ общемъ — какая разница съ прежними слабыми попытками! Здѣсь въ первый разъ были сведены и, по возможности, критически оцѣнены всѣ имѣвшіяся на лицо свидѣтельства письменныхъ источниковъ славянской древности, приняты въ соображеніе и народныя славянскія преданія, [2]) по-

1) Таковы: «Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ», Ж. М. Н. Пр. 1846. № 7, «Свидѣтельство Паисьевскаго Сборника о языческихъ суевѣріяхъ русскихъ», Москвит. 1851, № 5; «о роженицахъ» въ Архивѣ Калачова. Т. 2. кн. 1-я.

2) Стоитъ вспомнить здѣсь заглавіе труда г. Срезневскаго: «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и *преданіямъ*». Главнымъ образомъ и въ другихъ своихъ изслѣдо-

вѣрья, пѣсни, обычаи, обращено вниманіе и на свидѣтельства языка, хотя исключительно въ предѣлахъ славянской рѣчи. Результатъ этихъ изслѣдованій былъ немаловаженъ: нѣкоторыя части миѳическаго и религіознаго быта славянъ приведены въ ясность и порядокъ, таковы напр. данныя, относящіяся къ богослуженію древнихъ славянъ—у г. Срезневскаго, къ народнымъ празднествамъ — у г. Костомарова; но загадка: откуда, изъ какого зерна возникли эти миѳическіе образы, эти, подчасъ странные, обряды и повѣрья; почему они бытовали въ жизни—все еще оставалась не разрѣшенною, тѣмъ менѣе могли быть разрѣшены вопросы исторіи народныхъ представленій и обычаевъ: всякая система въ этомъ отношеніи была еще преждевременна, и сознавая это, изслѣдователи, болѣе осторожные, благоразумно довольствовались ближайшимъ, подручнымъ объясненіемъ фактовъ, а если и были теоріи (какъ напр. теорія Костомарова, составившаяся подъ видимымъ вліяніемъ Крейцеровской символики), то не онѣ, конечно, составляютъ заслугу трудовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и даютъ право на наше вниманіе. Новый важный шагъ въ исторіи науки славянской миѳологіи былъ сдѣланъ, когда изслѣдователи ближе познакомились съ сочиненіями Якова Гримма и началами сравнительнаго языкознанія. Нельзя не назвать счастливымъ время, когда начали у насъ изучать Я. Гримма: въ литературѣ уже готовъ былъ богатый запасъ матеріаловъ, совершенно однородныхъ съ тѣми, на основаніи которыхъ великій ученый выводилъ свою художественную постройку нѣмецкой миѳологической старины, именно фактовъ народнаго быта, или источниковъ такъ называемой *низшей* [1]) народной миѳологіи: изученіе «Нѣмецкой миѳологіи» Гримма необходимо привело къ ближайшему изслѣдованію русскаго матеріала: пѣсенъ, сказокъ, повѣрій, обычаевъ и обря-

ваніяхъ по миѳологической славянской древности г. Срезневскій всегда допускалъ преданія, какъ важный историческій источникъ: это было рѣшительнымъ шагомъ впередъ!

1) Объясненіе термина см. въ соч. Шварца: «Ursprung der Mythologie» стр. 5 и слѣд

довъ, — матеріала, которымъ хотя и пользовались до того времени, но далеко не въ должной степени и не съ надлежащей точки зрѣнія. Обозрѣвая труды по русской миѳологической наукѣ, возникшіе подъ вліяніемъ идей и изслѣдованій Гримма, нельзя не признать ихъ важности: ими опредѣлительно былъ поставленъ и уясненъ вопросъ о значеніи языка въ области миѳологическихъ изслѣдованій, или иначе, о связи языка съ миѳологическими представленіями; они указали на отношенія славянскихъ преданій къ преданіямъ прочихъ индо-европейскихъ народовъ, на необходимость сравнительнаго и историческаго ихъ изученія, на отличительныя черты и ученое значеніе произведеній народной словесности. Въ этомъ отношеніи неотъемлемая заслуга остается за г. Буслаевымъ: ему принадлежитъ честь перваго почина и счастливыхъ указаній на многія стороны предмета. Но какъ ни значителенъ былъ запасъ изслѣдованнаго, все же онъ былъ слишкомъ малъ сравнительно съ цѣлымъ, слишкомъ наскоро обработанъ, чтобы г. Аѳанасьевъ могъ воспользоваться имъ какъ готовымъ и оконченнымъ: изслѣдователи уклонялись иногда и отъ пріемовъ самого Гримма, а еще чаще отъ тѣхъ успѣховъ, какіе сдѣлала наука въ послѣдующее время усиліями непосредственныхъ учениковъ знаменитаго германиста: одни напр. ограничивали свою работу только сближеніями, параллельнымъ сопоставленіемъ миѳическихъ представленій у родственныхъ народовъ, вовсе не заботясь о происхожденіи и первоначальномъ смыслѣ этихъ представленій; другіе, удовлетворяя послѣднему, мало обращали вниманія на историческую сторону миѳовъ, на ихъ соотвѣтствіе съ постепенными видоизмѣненіями быта; къ тому же оставалось еще столько нетронутаго богатаго матеріала, столько открыто было новаго въ послѣднее время, что хотя настоящее сочиненіе г. Аѳанасьева и обработывалось постепенно, по частямъ, въ продолженіе 17 лѣтъ [1]), все же ав-

1) Первое, если не ошибаемся, изслѣдованіе г. Аѳанасьева («Дѣдушка домовой») было помѣщено въ 1-мъ томѣ Архива историко-юрид. свѣдѣній, изд. Калачовымъ въ 1850 г.

тору предстояло еще много труда при изслѣдованіи цѣлой области «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу» — труда не только собирающаго, но и зиждительнаго: попытки предшественниковъ въ отношеніи славянскаго и русскаго матеріала, при всей значительности своей, могли служить пособіемъ въ исполненіи нѣкоторыхъ частей его задачи, но не *цѣлаго;* онѣ давали ему многія счастливыя объясненія частностей, многія указанія и намеки, осуществленіе которыхъ выпадало на долю его личнаго самостоятельнаго труда; по существу своей задачи, авторъ менѣе могъ пользоваться тѣмъ, что́ всего полнѣе разработано наукой славянской древности, именно: историческими свидѣтельствами о славянскомъ язычествѣ, и всего болѣе, почти исключительно, имѣлъ дѣло съ матеріаломъ, разработка котораго едва начата, съ явленіями протекшей народной жизни, донесенными къ намъ въ языкѣ, повѣрьяхъ, преданіяхъ и обычаяхъ; на этомъ полѣ онъ обязанъ былъ еще столько же черновой работой собирателя, сколько и трудомъ изслѣдователя, онъ долженъ былъ равнымъ образомъ слѣдить и за возможной полнотой фактовъ, критической оцѣнкой ихъ, систематическимъ размѣщеніемъ и за вопросами науки.

Тотъ вѣрнѣе пойметъ трудность задачи автора, кто самъ имѣлъ случай обращаться съ этого рода матеріаломъ и кто испыталъ, сколько тяжелаго, невознаграждающаго труда сопряжено съ собираніемъ свѣдѣній, разбросанныхъ по старымъ забытымъ изданіямъ, журналамъ, повременникамъ; достаточно сказать, что, за отсутствіемъ надежныхъ библіографическихъ пособій, г. Аѳанасьеву мало облегченъ былъ даже простой трудъ пріискиванія матеріаловъ, что и здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, онъ предоставленъ былъ личному опыту.

Оцѣнивая трудъ г. Аѳанасьева со стороны полноты русскаго матеріала, нельзя не признать и не уважить его трудолюбія и совѣстливаго, внимательнаго отношенія къ предмету: авторъ пользовался фактами народной жизни не ради доказательства какой-нибудь своей теоріи или идеи, а ради объясненія ихъ са-

мияхъ, потому и не поскупился трудомъ собирателя; онъ заботливо осмотрѣлъ и исчерпалъ не только все важнѣйшее, но не оставилъ безъ вниманія и того, что имѣетъ хотя какое-нибудь отношеніе къ предмету; во многихъ случаяхъ онъ пользовался и матеріаломъ, до сихъ поръ необнародованнымъ, такъ что, независимо отъ другихъ своихъ достоинствъ, его сочиненіе имѣетъ прежде другаго — неоспоримыя достоинства полнаго *упорядоченнаго* сборника бытовыхъ русскихъ древностей, *упорядоченнаго* потому, что матеріалъ труда не только собранъ, но и, по возможности, приведенъ въ порядокъ, размѣщенъ систематически; позволительно, какъ увидимъ далѣе, не считать этой систематики единственно возможною, а тѣмъ менѣе правильною, но нельзя отрицать, что она стоила автору многихъ усилій, что и въ такомъ видѣ, какъ есть, она даетъ читателю полную возможность найтись среди хаотическаго разнообразія дробныхъ фактовъ, а это одно — уже не малая заслуга. Что касается матеріала по миѳологическимъ древностямъ другихъ родственныхъ народовъ и славянскихъ племенъ въ частности, едва ли справедливо будетъ со стороны критики требовать отъ г. Аѳанасьева той же полноты, такъ какъ по многимъ причинамъ у русскаго ученаго еще пока нѣтъ средствъ удовлетворить такому требованію; скажемъ, однако, что и въ этомъ отношеніи авторъ остается свободенъ отъ упрека въ важныхъ опущеніяхъ или недосмотрахъ: онъ добросовѣстно воспользовался чѣмъ могъ и чѣмъ долженъ былъ воспользоваться: ему знакомы и главнѣйшіе труды западной науки, и небогатая литература собственно славянской миѳологической древности; если же гдѣ и замѣчаются пропуски и неточности — они вызываютъ сѣтованія не столько на личную долю труда автора, сколько на причины, по которымъ русскій изслѣдователь, при всей доброй волѣ, еще не всегда имѣетъ способы ознакомиться съ трудами другихъ, или отнестись къ нимъ съ вопросами критики.

По своимъ основнымъ воззрѣніямъ и по методу изслѣдованія г. Аѳанасьевъ присоединяется къ числу тѣхъ изслѣдователей ми-

ѳеологической древности, которые вышли изъ школы Я. Гримма и повели далѣе его дѣло — къ числу изслѣдователей сравнительнаго направленія [1]); поэтому мы находимъ умѣстнымъ опредѣлить точнѣе основныя положенія и методъ науки сравнительной миѳологіи: это дастъ намъ и общую мѣрку при оцѣнкѣ изслѣдовательной стороны труда г. Аѳанасьева. Создателемъ науки сравнительной миѳологіи совершенно справедливо считаютъ Якова Гримма [2]); но между его задачею, воззрѣніями и пріемами изслѣдованія и между задачею и методомъ его послѣдователей оказалась уже значительная разница, какъ необходимое слѣдствіе дальнѣйшаго хода науки. Гриммъ былъ патріотъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова: патріотическое чувство воодушевляло всѣ его великіе подвиги въ области науки, потому и задачу своего миѳологическаго труда онъ опредѣлялъ патріотической точкой зрѣнія: «въ предыдущихъ моихъ сочиненіяхъ — говоритъ онъ въ предисловіи — я стремился показать, что наши предки (т. е. нѣмцы), даже въ эпоху языческую говорили не дикимъ нестройнымъ языкомъ, но изящною, гибкою и мѣткою рѣчью, что уже въ отдаленнѣйшую эпоху они воздѣлывали поэзію, что они вели жизнь не дикой необузданной орды, но, въ свободномъ союзѣ, управлялись стародавними полными смысла законами, имѣли прочно цвѣтущіе обычаи и нравы. Теперь (т. е. въ миѳологіи) я хотѣлъ показать, что сердца ихъ были полны

---

1) См. его объясненіе въ «Послѣсловіи».

2) Въ послѣднее время одинъ изъ послѣдователей Лахманна, В. Шереръ, въ своей, впрочемъ замѣчательной и остроумной, оцѣнкѣ заслугъ Я. Гримма (J. Grimm. Ber. 1865.), выразилъ совершенно противоположное мнѣніе: «Dass die deutsche Mythologie — говоритъ онъ — auf eine falsche Bahn gerathen sei, darf heute ohne Scheu behauptet werden. Und zu bedauern bleibt nur dass man hinzufügen muss: J. Grimm hat die Bahn gewiesen» (p. 150). Чтобы такой приговоръ получилъ оправданіе, необходимо сначала самымъ дѣломъ доказать, что миѳологическая наука на другомъ пути можетъ принести по крайней мѣрѣ такіе удовлетворяющіе и обильные результаты, какіе принесла она въ школѣ Гримма и его преемниковъ. Мы не сочли бы умѣстнымъ указать на слова Шерера, если бы въ русской наукѣ они не находили никакого отголоска.

вѣрою въ божество и боговъ, что ихъ жизнь одушевляли свѣтлыя и величественныя, хотя и несовершенныя, представленія о высшемъ существѣ, о радости побѣды и презрѣніи къ смерти, что ихъ природа и расположеніе были далеки отъ тупаго самоуничиженія фетиша предъ своими грубыми истуканами». Это достойное національное побужденіе отразилось и въ общемъ взглядѣ, и въ самихъ пріемахъ изслѣдованія *Я.* **Гримма**: не дробныя поэтическія воззрѣнія нѣмецкихъ племенъ на природу и человѣка желалъ изобразить онъ, а величавые физическіе и нравственные образы германскихъ боговъ и отношенія къ нимъ человѣка; не наивныя миѳическія представленія народа, а цѣльный сложившійся образъ нѣмецкаго язычества, какимъ застаетъ его христіанство, — словомъ, не столько миѳологію въ собственномъ смыслѣ, сколько систему національной религіи; потому его изложеніе, хотя и основанное на историческихъ началахъ, чуждо историческаго движенія и развитія: образы и понятія взяты въ одинъ остановившійся, спокойный моментъ. Народныя преданія, которыми, какъ мы выше замѣтили, **Гриммъ** оживилъ мертвенныя дотолѣ страницы религіозной лѣтописи нѣмецкихъ племенъ, представлялись ему *ослабѣлымъ*, позднимъ остаткомъ національныхъ вѣрованій, поблекшими эпизодами изъ жизни боговъ германскаго Олимпа (Mythische Niederschläge), и потому онъ и сосредоточилъ ихъ около образовъ извѣстныхъ божествъ или извѣстныхъ религіозныхъ вѣрованій. При такомъ взглядѣ, сближенія съ преданіями другихъ родственныхъ племенъ получали лишь случайное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ становился обходимымъ и вопросъ о происхожденіи и первоначальномъ смыслѣ миѳическихъ образовъ и представленій, и хотя **Гриммъ** имѣлъ ясное понятіе объ отношеніяхъ индо-европейскихъ народностей, хотя онъ щедрою рукою предлагаетъ разнообразныя сравненія и сопоставленія преданій, но онъ имѣетъ въ виду не объясненіе начала и первобытнаго смысла ихъ, а желаетъ только уяснить ближайшій, такъ сказать *этнологическій* смыслъ образовъ нѣмецкой миѳологіи, хочетъ рѣзче оттѣнить ихъ народныя осо-

бенности; оттого онъ болѣе склоненъ видѣть нравственную сторону и значеніе этихъ образовъ, и если кое-гдѣ позволяетъ себѣ заключеніе на счетъ ихъ природнаго смысла, то дѣлаетъ это какъ бы по необходимости, приведенный къ тому своимъ высокоразвитымъ чувствомъ археологической истины. То же позволительно сказать и о лингвистической сторонѣ «нѣмецкой миѳологіи»: прежде чѣмъ опредѣлить образъ и характеръ какого-нибудь божества или языческаго вѣрованія, Гриммъ обыкновенно подвергаетъ строгому этимологическому анализу термины, сюда относящіеся; но неразрывная, генетическая связь языка съ бытомъ представлялась ему лишь въ предѣлахъ нѣмецкой рѣчи: онъ удовлетворяется объясненіями изъ родного богатаго запаса и только случайно, влекомый тѣмъ же чувствомъ истины, переходитъ за грань нѣмецкой народности и ищетъ, посредствомъ сравнительныхъ сближеній, извлечь общее коренное значеніе слова. Сравнивая общее направленіе и методъ изслѣдованія Я. Гримма съ современными, нельзя, какъ мы сказали, не замѣтить разницы; но это — разница не коренная, а преемственная, разница дальнѣйшаго развитія науки: новая наука не отвергла ничего существеннаго изъ того, что́ намѣтилъ Гриммъ, но она повела дѣло далѣе. Мы увидимъ это ясно, когда взглянемъ на задачи и методъ изслѣдованія науки сравнительной миѳологіи: основываясь на убѣжденіи, что начала миѳическихъ представленій индо-европейскихъ племенъ восходятъ къ отдаленнѣйшей эпохѣ ихъ доисторическаго единства, она стремится прежде всего извлечь эти общія миѳическія начала изъ позднѣйшаго матеріала, потерпѣвшаго на долгомъ жизненномъ поприщѣ различныя крушенія и измѣненія, и этотъ процессъ реставраціи производитъ посредствомъ сравнительнаго разбора: во 1-хъ, миѳическихъ наименованій и терминовъ; во 2-хъ, миѳическихъ образовъ и представленій, дошедшихъ къ намъ какъ въ письменныхъ источникахъ, такъ и въ преданіяхъ индо-европейскихъ племенъ. Такимъ путемъ, изъ-подъ слоевъ, нанесенныхъ исторіею, необходимостями и случайностями долгой жизни, постепенно освобождаются

и выходятъ прозрачные первичные образы наивнаго народнаго міровоззрѣнія и вѣрованія; здѣсь, на этой высотѣ, уже нѣтъ нужды прилагать заботы объ отысканіи первоначальнаго знаменованія этихъ образовъ: источникъ и смыслъ ихъ становится понятенъ и осязателенъ самъ собою, потому что онъ простъ и очевиденъ. Овладѣвъ такимъ образомъ значеніемъ и формою первичныхъ миѳическихъ представленій и вѣрованій, наука идетъ потомъ путемъ обратнымъ и слѣдитъ уже историческое и этнологическое измѣненія этихъ простѣйшихъ элементовъ, т. е. ихъ измѣненій соотвѣтственно съ движеніемъ быта, историческими и природными судьбами различныхъ народностей; въ этой области — сравнительная миѳологія входитъ, какъ часть, въ общую исторію культуры народа.

Итакъ сравнительная миѳологія преслѣдуетъ двѣ задачи: объясненіе происхожденія и первоначальнаго смысла миѳическихъ представленій и историческую жизнь ихъ, и значеніе въ условіяхъ отдѣльныхъ народностей. Средство къ достиженію этого она, какъ мы замѣтили, употребляетъ то же, какое впервые было употреблено и Я. Гриммомъ — сравненіе языка и народныхъ преданій [1]; но идя рука объ руку съ сравнительнымъ языкознаніемъ, пользуясь его результатами и участвуя въ нихъ, она не видитъ возможности достигнуть своихъ цѣлей, ограничившись предѣлами языка какой-нибудь отдѣльной народности, и распространяетъ кругъ своихъ изслѣдованій на всю вѣтвь родственныхъ языковъ, добываетъ искомое посредствомъ разнообразныхъ, но точныхъ сравненій миѳическаго лексикона всѣхъ извѣстныхъ индо-европейскихъ языковъ; потому многое, о чемъ Гриммъ могъ лишь догадываться, въ рукахъ его преемниковъ получило значеніе неопровержимаго факта; другое, что́ считалъ онъ достовѣрнымъ, подверглось измѣненіямъ, или же было вовсе отвергнуто; но для разбора миѳическихъ терминовъ и выраженій, обра-

---

1) Говорить о письменныхъ и вещественныхъ источникахъ не предстоитъ надобности: значеніе ихъ не подлежитъ вопросу.

зовавшихся на почвѣ отдѣльныхъ народностей, пріемы изслѣдованія Гримма навсегда останутся образцовыми и единственно истинными. Къ немалой также разницѣ съ Гриммомъ пришла наука и относительно взгляда на характеръ народныхъ преданій: въ нихъ она видитъ не позднѣйшіе поблекшіе, раздробившіеся образы боговъ, но древнѣйшія миѳическія представленія, изъ которыхъ позднѣе развились эти образы: народная память въ этомъ случаѣ вѣрнѣе сохранила черты древности, чѣмъ письменные источники. Отсюда, сама собою, явилась необходимость дать полную силу сравнительной разработкѣ народныхъ преданій, и результатъ въ этомъ отношеніи совершенно совпалъ съ результатами лингвистики: объяснилось природное происхожденіе миѳологіи, природный смыслъ ея первичныхъ образовъ. Нынѣ эта сторона миѳологическихъ изслѣдованій стоитъ уже на весьма прочныхъ основаніяхъ и имѣетъ значительную литературу; но историческая часть науки, исторія миѳическихъ представленій въ соотвѣтствіи съ историческими измѣненіями народной жизни и быта, еще вовсе не разработана; есть, правда, нѣкоторыя попытки, заслуживающія полнаго признанія, но болѣе по своимъ стремленіямъ, чѣмъ по исполненію: въ общемъ — онѣ слабы въ сравненіи съ важностью задачи.

Обратимся теперь къ труду г. Аѳанасьева. Кто захотѣлъ бы судить о содержаніи его по заглавію, тотъ навѣрное разошелся бы съ авторомъ: онъ даетъ гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ: не только поэтическія воззрѣнія славянъ составляютъ предметъ сочиненія, но и религіозныя вѣрованія, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько они соприкасаются и вытекаютъ изъ стариннаго воззрѣнія на явленія и существа природы; короче — авторъ предпринялъ объяснить всю массу миѳовъ, преданій, повѣрій и обычаевъ славянскаго племени, въ основаніи которыхъ лежитъ языческое народное міросозерцаніе и которые могутъ быть возведены къ своему природному источнику. Открыть затерявшійся смыслъ ихъ, показать, какъ произошли они, что̀ обозначали или къ чему относились, какъ росли и измѣня-

лись, — онъ могъ только путемъ генетическаго сравненія ихъ съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ племенъ, потому что только посредствомъ сравненія становится доступенъ источникъ ихъ и можетъ опредѣлиться ихъ народный славянскій характеръ. Г. Аѳанасьевъ, дѣйствительно, избралъ этотъ вѣрный путь и прошелъ его — скажемъ напередъ — для главнѣйшей части своей задачи съ полнымъ успѣхомъ: въ его книгѣ мы получаемъ не только богатый сборникъ матеріаловъ, но и серьезный трудъ мысли, изслѣдованіе, замѣчательное какъ по обилію остроумныхъ разысканій, сближеній и объясненій, такъ и по твердымъ выводамъ касательно важнаго вопроса о первоначальномъ значеніи народныхъ славянскихъ преданій и вѣрованій. Въ такой ли удовлетворительной мѣрѣ рѣшена и историческая часть задачи, и могъ ли онъ въ такой мѣрѣ рѣшить ее — ясно будетъ изъ дальнѣйшаго; но не могу напередъ не замѣтить, что, если бы г. Аѳанасьевъ и не представилъ данныхъ для ея рѣшенія и не отважился бы вовсе на такую попытку, то одно обстоятельство громадной трудности предпріятія и отсутствіе удовлетворительныхъ предшествующихъ трудовъ даже въ такой богатой наукѣ, какова нѣмецкая — снимаетъ съ русскаго ученаго бо́льшую долю отвѣтственности: тамъ, гдѣ трудъ мысли еще не овладѣлъ предметомъ, не благоразумнѣе ли, до поры времени, отказаться вовсе отъ рѣшеній, чѣмъ идти по стропотному пути гаданій?

Переходя къ разбору содержанія сочиненія г. Аѳанасьева, считаю необходимымъ оговориться, что болѣе намѣренъ отмѣчать свои разногласія съ нимъ, чѣмъ каждый разъ показывать его достоинства и все, что́ нахожу въ немъ новымъ и вѣрнымъ: труды, подобные сочиненію г. Аѳанасьева, не нуждаются въ многорѣчивыхъ признаніяхъ или голыхъ похвалахъ: ихъ заслуга выше этого, въ критикѣ она вызываетъ серьезное стремленіе принести свою долю участія въ рѣшеніе вопросовъ, надъ которыми трудился авторъ.

Не забудемъ, что трудъ г. Аѳанасьева, хотя и имѣетъ зна-

ченіе цѣлаго, но все же составляетъ первую часть его изслѣдованій; это обстоятельство должно воздержать насъ отъ преждевременныхъ указаній на опущенія.

II.

Первая глава сочиненія посвящена изслѣдованію о происхожденіи миѳа, методѣ и средствахъ его изученія; она важна для насъ въ томъ отношеніи, что объясняетъ общую точку зрѣнія автора на предметъ и его взглядъ на источники славянской миѳологической древности. Касательно происхожденія миѳическихъ представленій, г. Аѳанасьевъ, кажется, сходится съ Максомъ Мюллеромъ, по мысли котораго вся миѳологія есть только слѣдствіе болѣзни языка. Замѣтимъ, однако, что къ такому убѣжденію г. Аѳанасьевъ пришелъ не вслѣдствіе знакомства съ теоріей М. Мюллера, но путемъ совершенно независимымъ и гораздо прежде европейскаго санскритолога: онъ проводилъ эту мысль лѣтъ еще 15 тому назадъ во многихъ своихъ статьяхъ по миѳологіи, и теперь, получивъ поддержку со стороны европейскаго ученаго авторитета, авторъ высказывается только съ большею рѣшительностію и опредѣленностію. Не одобряя рѣзкихъ сторонъ Мюллеровой теоріи [1]) и не принимая странной мысли о болѣзни языка, г. Аѳанасьевъ тѣмъ не менѣе совершенно подчиняетъ всѣ миѳическія представленія историческому движенію языка: «зерно, изъ котораго выростаетъ миѳическое сказаніе, говоритъ онъ, кроется въ первозданномъ словѣ (стр. 15). Слово человѣческое было, по его мнѣнію, не только богатымъ, но и единственнымъ источникомъ миѳическихъ представленій: пока оно сохраняло еще свое живое коренное значеніе, т. е. пока это значеніе было присуще народному сознанію, миѳовъ не существовало, а были лишь прозрач-

---

1) «Mythology, which was the *bane* of the ancient world, is in truth a *disease* of language». Lectures, I p. 11! Чѣмъ же будетъ послѣ этого миѳологія, если не слѣдствіемъ ненормальнаго развитія человѣческаго духа, болѣзнью его!

ныя, понятныя для народнаго ума, поэтическія метафоры. Миѳы начинаются со времени, когда забывается первоначальное коренное значеніе словъ, и языкъ вступаетъ въ періодъ превращеній и порчи: прежнее метафорическое уподобленіе тогда получаетъ для народа все значеніе дѣйствительнаго факта, служитъ поводомъ къ созданію цѣлаго ряда баснословныхъ сказаній: свѣтила небесныя уже не только въ переносномъ, поэтическомъ смыслѣ именуются очами неба, но и въ самомъ дѣлѣ представляются народному уму подъ этимъ живымъ образомъ; извилистая молнія является огненнымъ змѣемъ, быстролетные вѣтры надѣляются крыльями, владыка лѣтнихъ грозъ — огненными стрѣлами».... (стр. 9 — 10). Такова общая мысль г. Аѳанасьева на счетъ происхожденія миѳическихъ представленій. Не скроемъ, что она не представляется намъ ни вѣрною, ни опредѣленною: сходясь въ основаніи съ Максомъ Мюллеромъ, авторъ такъ расходится съ нимъ во взглядѣ на характеръ древней метафоры, что его воззрѣніе теряетъ все логическое достоинство Мюллеровой теоріи, и онъ какъ бы становится въ видимое несогласіе съ своимъ собственнымъ основнымъ воззрѣніемъ. По М. Мюллеру, поэтическая метафора явилась вслѣдствіе лексической бѣдности древняго языка: не пользуясь достаточнымъ запасомъ словъ, языкъ вынужденъ былъ употреблять одинакіе термины и слова для обозначенія различныхъ предметовъ и впечатлѣній; по мнѣнію же г. Аѳанасьева, которое нельзя не раздѣлять, метафора произошла вслѣдствіе сближенія между предметами, сходными по производимому впечатлѣнію; она создавалась совершенно свободно, черпая изъ богатаго источника, а не по нуждѣ, не ради бѣдности языка. Отсюда, на нашъ взглядъ, одно прямое слѣдствіе — что первоначальный источникъ миѳическихъ представленій лежитъ не въ исторической порчѣ языка, не въ забвеніи первоначальнаго значенія словъ, а въ самомъ способѣ воззрѣнія народа на природу и ея феномены. При богатствѣ древняго языка, какая была необходимость употреблять поэтическую метафору? Если народъ могъ полагать строгое сознательное различіе между предметами

извѣстной ему дѣйствительности и загадочными явленіями природы, то одно неполное сходство впечатлѣній, производимыхъ на чувства тѣми и другими, еще не столь важно, чтобы породить поэтическую метафору, такъ какъ народъ легко могъ обозначить сознанное различіе въ предметахъ, прибѣгнувъ къ богатому запасу языка и обрисовавъ ихъ различными словами; но когда мысль и опытъ были еще недостаточно сильны для того, чтобы различить предметы, производившіе одинаковое впечатлѣніе, то метафора, и при богатствѣ языка, является необходимостью; только тогда она есть не только *поэтическая*, но и *реальная* форма мысли древнѣйшаго человѣчества, его способъ видѣть и понимать предметы, короче — его вѣрованіе. Народъ оказывалъ предпочтеніе къ метафорѣ именно потому, что живую природу и ея явленія онъ не могъ понять и представить иначе, какъ въ формахъ извѣстной ему жизни, какъ совокупность живыхъ дѣйствующихъ существъ. Когда человѣкъ говорилъ: «солнце садится», онъ видѣлъ въ немъ живое существо, подобное другимъ живымъ, ему знакомымъ, существамъ, имѣющее нужду въ отдыхѣ и покоѣ; когда свѣтила небесныя онъ называлъ очами неба, молнію — огненнымъ змѣемъ и т. д., онъ не только *называлъ*, но и *сознавалъ* ихъ таковыми; онъ искони употреблялъ эти имена не въ переносномъ, поэтическомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ реальной дѣйствительности; въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить невозможное, что *мысль явилась вслѣдствіе движенія языка!*

По всему этому намъ кажется, что г. Аѳанасьевъ противорѣчитъ самъ себѣ, или по крайней мѣрѣ объясняется не довольно ясно, когда, допуская жизненность древней метафоры, въ то же время единственнымъ источникомъ миѳическихъ представленій признаетъ превращенія языка [1]). Теорія болѣзни языка,

1) Такъ и въ 11 главѣ сочиненія, говоря объ отношеніи древняго человѣка къ природѣ, онъ видитъ источникъ миѳическихъ представленій уже не столько въ движеніи языка, сколько въ самихъ воззрѣніяхъ человѣка на природу, какъ на существо живое. Вотъ его слова: на раннемъ утрѣ своего доисторическаго существованія, человѣкъ «любилъ природу и боялся ея съ дѣт-

какъ источника миѳическихъ представленій, нашла уже даровитыхъ послѣдователей; потому мы считаемъ умѣстнымъ продолжить наши замѣчанія: это дастъ намъ поводъ коснуться и историческаго движенія миѳа. Допустимъ на минуту, что единственнымъ источникомъ миѳическихъ представленій были превращенія и порча языка, забвеніе первоначальнаго кореннаго значенія словъ; миѳы въ такомъ случаѣ будутъ явленіемъ относительно позднѣйшимъ, и спрашивается: откуда и вслѣдствіе какихъ жизненныхъ причинъ въ человѣчествѣ явилось стремленіе придавать реальное бытіе прежнимъ поэтическимъ метафорамъ? откуда эта, прежде небывалая, расположенность ума къ созданію миѳовъ? Или человѣкъ, по мѣрѣ успѣховъ и опыта жизни (такъ какъ періодъ превращеній въ языкѣ необходимо предполагаетъ, если не успѣхи, то значительную степень историческаго опыта и превращеній самой жизни), утрачивалъ прежній разумный взглядъ на природу и отдавался наивнымъ воззрѣніямъ простодушно вѣрующаго ребенка, т. е. отъ первоначальнаго свѣта все далѣе уходилъ во мракъ умственныхъ блужданій, все болѣе и болѣе становился ребенкомъ? Хотя въ исторіи науки и можно указать многихъ защитниковъ этой мысли, но тѣмъ не менѣе она не принадлежитъ наукѣ и не можетъ вызывать серьезнаго опроверженія — въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи стоитъ она со всѣмъ ходомъ исторіи и движеніемъ разумной органической жизни! Потому иначе и нельзя объяснить мнимо-позднѣйшей расположенности къ созданію миѳовъ, какъ допустивъ, что она искони была присуща нравственной природѣ младенчествующаго человѣчества; только имѣя такой антецедентъ, только на его основаніяхъ, миѳъ могъ возникнуть и пустить свои побѣги; люди, которые изначала не были расположены видѣть чудеса въ явленіяхъ природы, не могли бы превратить *облака* въ дѣйствительныхъ

скимъ простодушіемъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея знаменіями, отъ которыхъ зависѣли и которыми опредѣлялись его житейскія нужды. Въ ней находилъ онъ живое существо, всегда готовое отозваться и на скорбь и на веселье» (стр. 57).

коровъ, *звѣзды* — въ дѣйствительныя *очи*, *молнію* — въ дѣйствительнаго *огненнаго змія*, только по причинѣ тождества въ наименованіяхъ тѣхъ и другихъ. Сдѣлаемъ еще шагъ далѣе: религія юныхъ народовъ предполагаетъ твердое вѣрованіе, въ нее переходитъ масса разнообразныхъ миѳическихъ представленій и получаетъ свое освященіе, становится догмою; спрашивается: возможенъ ли былъ бы такой переходъ, если бы миѳическія представленія были лишь поэтическими метафорами, а не наивными вѣрованіями; возможно ли поклоненіе природѣ, когда ея явленія не представляютъ для человѣка ничего загадочнаго и таинственнаго, ничего, внушающаго чувство страха или радости, когда онъ можетъ относиться къ нимъ вполнѣ свободно и независимо, глядѣть на нихъ лишь поэтическимъ взглядомъ, рисовать ихъ лишь *поэтическими* метафорами? Съ точки зрѣнія М. Мюллера, преемственная связь миѳическихъ представленій съ религіей необъяснима, а потому онъ совершенно отдѣляетъ религію отъ миѳологіи и сводитъ первую на степень чистаго религіознаго чувства (см. 10 главу II кн. его «Lectures», стр. 416 и сл.), отъ котораго древній человѣкъ былъ, конечно, столько же далекъ, какъ и отъ того, чтобы въ явленіи тучи или облака видѣть только *дѣйствительное физическое* явленіе тучи или облака, въ *грозѣ дѣйствительную* грозу, въ молніи *дѣйствительную* молнію и т. д., а не что-нибудь болѣе, не живыя существа въ ихъ отношеніяхъ или предметы, служившіе ихъ орудіями. Сверхъ этого сколько существуетъ въ языкѣ метафоръ и синонимовъ, которые не вызываютъ смѣшенія и не даютъ повода къ созданію миѳовъ! Почему напр., называя словомъ *dvig'a* дважды рожденное, и яйцо и брахмана, болѣзнь языка не произвела миѳа о рожденіи брахмана изъ яйца? Почему метафорическія выраженія: *слѣпой* орѣхъ, *живой* или *мертвый* лѣсъ — не выродились и не разрослись въ миѳы? Потому, конечно, что такія метафоры (ихъ можно указать множество) дѣйствительно основываются на поэтическомъ, а не на миѳическомъ міровоззрѣніи. Вотъ почему нельзя, кажется, объяснять происхожденіе первоначальныхъ ми-

оическихъ представленій такой слабой причиной, какъ порча и превращеніе языка: языкъ, какъ сила дѣйствующая, оставался совершенно чуждъ первоначальнаго происхожденія миоическихъ представленій; онъ оказалъ сильное вліяніе на миоы, такъ сказать, вторичнаго образованія, когда худое толкованіе древнихъ выраженій и словъ, происходившее отъ забвенія первоначальнаго значенія ихъ, произвело цѣлую массу сложныхъ баснословныхъ повѣствованій; и какъ возможно объяснить этотъ второй періодъ въ исторіи миоологіи, не допустивъ перваго, ему предшествовавшаго, періода первичныхъ миоическихъ воззрѣній, возникавшихъ изъ наивнаго дѣтскаго взгляда на явленія природы!

Поставленная въ свои законныя границы, мысль Макса Мюллера является совершенно вѣрною и плодотворною: ею снимается множество трудностей въ объясненіи происхожденія нѣкоторыхъ миоовъ, она счастливо разрѣшаетъ нѣкоторые гордіевы узлы миоологіи, неподдававшіеся доселѣ никакому прочному толкованію; но распространенная на всю область миоологіи, какъ единственный пріемъ для изъясненія происхожденія миоическихъ представленій, она остается невѣрною, или, по крайней мѣрѣ, недоказанною и неоправданною. Еще менѣе она можетъ быть названа оправданною въ отношеніи къ труду г. Аѳанасьева: изъ всей массы осмотрѣнныхъ имъ миоическихъ представленій только очень немногія оказываются произведеніемъ порчи языка и двусмыслія, отсюда проистекающаго; всѣ же прочія объясняются изъ первобытныхъ воззрѣній человѣка на природу и ея явленія. Никто не станетъ сѣтовать въ этомъ случаѣ на непослѣдовательность автора его основному воззрѣнію, такъ какъ она остерегла его отъ односторонняго направленія и вообще условила истинныя достоинства его труда. Вотъ все, что мы имѣемъ сказать о происхожденіи миоическихъ представленій; но это еще не *миоъ* въ собственномъ смыслѣ: онъ является позднѣе и слагается изъ разнообразныхъ элементовъ; въ историческомъ развитіи миоа г. Аѳанасьевъ, слѣдуя Маннгардту, ставитъ на первый планъ

слѣдующія обстоятельства: а) раздробленіе миѳическихъ сказаній, b) низведеніе миѳовъ на землю и прикрѣпленіе ихъ къ извѣстной мѣстности и историческимъ событіямъ, наконецъ с) нравственное мотивированіе миѳическихъ сказаній. Нѣтъ сомнѣнія, что все это — обстоятельства, дѣйствительно важныя въ историческомъ движеніи миѳовъ; но объясняютъ ли они самый способъ формаціи собственныхъ миѳовъ? Прежде, чѣмъ миѳическому сказанію раздробиться, прежде чѣмъ миѳу быть низведену на землю и получить историческій и нравственный оттѣнки, ему необходимо образоваться, сложиться изъ предшествующихъ и новыхъ элементовъ. Этотъ-то процессъ образованія миѳическихъ сказаній, какъ намъ кажется, не довольно отчетливо изслѣдованъ и представленъ г. Аѳанасьевымъ. Даже допустивъ отвергнутую нами мысль, что миѳическія представленія возникли только вслѣдствіе забвенія кореннаго значенія словъ, какъ результатъ порчи и превращеній языка, все же, въ концѣ концовъ, мы получимъ массу *миѳическихъ представленій*, но не *миѳовъ* въ собственномъ смыслѣ, не миѳическихъ сказаній, и загадка образованія послѣднихъ не разрѣшится. На нашъ взглядъ вопросъ не представляетъ особыхъ трудностей и довольно положительно уже разрѣшенъ современною наукою сравнительной миѳологіи. Первый періодъ миѳологическаго процесса даетъ въ результатѣ обильный запасъ разнообразныхъ миѳическихъ представленій. Они существуютъ отдѣльно другъ отъ друга: умъ и фантазія народа-младенца еще безсильны связать ихъ причинными отношеніями и централизировать въ подробные разсказы или сказанія; когда же народъ достигаетъ значительной степени нравственнаго развитія и первоначальный природный смыслъ представленій его, переданныхъ въ языкѣ и по преданію — забывается, воображеніе соединяетъ отдѣльныя черты воедино, пополняетъ пропуски, тогда возникаетъ миѳъ въ собственномъ смыслѣ, или миѳическое сказаніе. Поставивъ своею задачею, какъ мы видѣли, не исторію миѳическихъ воззрѣній, а систематическое изложеніе ихъ и объясненіе ихъ первоначальнаго смысла, г. Аѳанасьевъ, конечно, имѣлъ

нѣкоторое право не входить въ подробный анализъ историческаго движенія миѳовъ; но объясненіе по этому поводу все же было необходимо, какъ потому, что этого требовала цѣль «введенія», такъ и въ силу того обстоятельства, что и въ славянской миѳологіи мы нерѣдко встрѣчаемся съ сложными миѳическими повѣствованіями. Равнымъ образомъ нельзя не пожалѣть, что, при объясненіи нравственнаго мотивированія миѳовъ, авторъ вовсе не коснулся вопроса объ отношеніи миѳологіи къ религіи, а вопросъ этотъ такъ важенъ и въ строго ученомъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Въ древнѣйшую эпоху человѣкъ далекъ былъ отъ мысли видѣть въ миѳологическихъ существахъ существа нравственныя: добрыя и злыя, на первой порѣ они выступаютъ, какъ существа природы, безъ всякаго отношенія къ нравственному началу, и только съ постепеннымъ развитіемъ жизни, по мѣрѣ сознанія порядка въ явленіяхъ природы и зависимости отъ нихъ людскаго благосостоянія, божества получаютъ нравственный характеръ и изъ небесныхъ существъ становятся небесными силами, требующими молитвы, просьбы, жертвъ и благодарности. Вообще, по своему происхожденію, миѳологія чужда религіознаго начала, и только впослѣдствіи, хотя также довольно рано, сливается съ религіей. Во всей массѣ первоначальныхъ миѳическихъ представленій нельзя отыскать никакихъ слѣдовъ опредѣленнаго религіознаго чествованія, ничего нравственно идеальнаго. Приведя къ яснѣйшему сознанію отношенія миѳологіи къ религіи, г. Аѳанасьевъ, можетъ-быть, поступился бы и своею мыслью о лингвистическомъ источникѣ миѳическихъ представленій. Нравственное мотивированіе миѳическихъ сказаній г. Аѳанасьевъ (стр. 14) считаетъ дѣломъ не массы народа, а небольшаго количества людей, способныхъ критически относиться къ предметамъ вѣрованія, — ученыхъ (?), поэтовъ и жрецовъ. Положеніе это будетъ вполнѣ справедливо, если подъ нравственнымъ мотированіемъ миѳовъ разумѣть появленіе религіозной системы или догмы. Это, кажется, и разумѣетъ авторъ; но нравственное начало въ области миѳовъ явилось гораздо

прежде, задолго до систематическихъ попытокъ установить религіозную догму; оно было необходимымъ слѣдствіемъ и стремленія человѣка уяснить невѣдомыя причины вліянія природы на его жизнь и самаго опыта жизни, вызвавшаго этотъ вопросъ самосознанія: дикій охотникъ, звѣроловъ на первыхъ ступеняхъ своей жизни не имѣетъ еще нужды въ божествѣ и небесныхъ силахъ: его чувство зависимости отъ явленій природы не переходитъ въ сознаніе и разрѣшается лишь смутнымъ, неопредѣленнымъ страхомъ или наслажденіемъ; гораздо болѣе потребности въ религіи чувствуетъ кочевникъ-пастухъ; но ему, по выраженію гомерической эпохи, еще не вполнѣ невѣдома правда и онъ не всегда чтитъ боговъ и приноситъ имъ жертвы (Odys. c. IX). Полную необходимость и силу нравственное религіозное начало получаетъ лишь въ эпоху земледѣльческую, осѣдлую, потому что земледѣлецъ связанъ съ природою гораздо тѣснѣе и ближе, чѣмъ его предки, охотники и пастухи, да къ тому же и самая мысль его уже успѣла на столько вырости и окрѣпнуть, чтобы не только остановиться, но и рѣшить вопросъ о верховныхъ силахъ и людскихъ отношеніяхъ къ нимъ. Итакъ, не должно ли признать, что нравственное начало проникаетъ въ миѳологію гораздо прежде установленія религіозной системы чрезъ поэтовъ и жрецовъ? Система въ миѳологіи всегда остается чужда массѣ народа, и когда г. Аѳанасьевъ справедливо замѣчаетъ, что на нравственное мотивированіе миѳическихъ сказаній «оказываетъ несомнѣнное вліяніе народная культура», то должно думать, что оно было не столько произведеніемъ жрецовъ и поэтовъ, сколько всего народа. Появленію нравственнаго начала въ миѳологіи должно приписать и ту перемѣну, которая происходила въ самыхъ образахъ боговъ: изъ звѣрей (зооморфизмъ) они постепенно возвышаются до людского образа и вполнѣ людскихъ отношеній. Къ сожалѣнію, и этотъ важный пунктъ въ движеніи миѳа оставленъ въ тѣни г. Аѳанасьевымъ: онъ, кажется, предполагалъ его слишкомъ общеизвѣстнымъ; но едва ли можно вообще признать его таковымъ, потому что отъ правильнаго освѣщенія его зави-

сить объясненіе того, почти на каждой страницѣ книги повторяющагося, обстоятельства, что вполнѣ антропоморфическіе образы божествъ являются съ различными зооморфическими атрибутами. Г. Аѳанасьевъ ставитъ насъ на вѣрную точку зрѣнія касательно первоначальнаго природнаго смысла этихъ атрибутовъ, но историческая причина ихъ остается необъяснена; конечно, каждому не трудно прійти къ мысли, что это—остатокъ первоначально установившихся звѣриныхъ образовъ божествъ, и не предстояло особой нужды въ такомъ объясненіи, если бы эта палеонтологическая черта миѳовъ не являлась въ свой чередъ дѣйствующимъ началомъ въ образованіи многихъ позднѣйшихъ миѳическихъ сказаній, когда мысль остановилась и захотѣла объяснить загадочные звѣриные атрибуты антропоморфическихъ существъ. Была и иная важная необходимость въ объясненіи перехода изъ зооморфизма въ антропоморфизмъ: кажется, должно допустить, что такой переходъ совершался въ исторической преемственности, что антропоморфизмъ появился позднѣе зооморфизма; тогда какъ послѣдній совпадаетъ съ древнѣйшими миѳическими представленіями, первый предполагаетъ уже дѣйствіе собственнаго миѳа и религіознаго чувства, которое стремится облагородить первобытные грубые образы. Такимъ образомъ это обстоятельство не осталось бы безплоднымъ и при объясненіи исторической стороны древнихъ воззрѣній на природу. Вторженіе историческаго начала въ область миѳовъ и локализація ихъ объяснены г. Аѳанасьевымъ хотя кратко, но довольно обстоятельно; нельзя только согласиться съ авторомъ въ томъ, что, заимствуя для обрисовки явленій природы формы изъ земной житейской обстановки, заставляя небесныя существа творить на небѣ то же, что́ дѣлалъ человѣкъ на землѣ, фантазія руководилась первоначально поэтической метафорой, а не дѣйствительнымъ вѣрованіемъ; иначе — какъ будетъ возможно объяснить возникновеніе грубыхъ природо-подражательныхъ обычаевъ: если нѣтъ вѣры въ реальное бытіе и дѣйствія божествъ, если они понимаются только *въ поэтическомъ* смыслѣ, то что́ могло заставить человѣка под-

ражать этому бытію и дѣйствіямъ? А такое подражаніе встрѣчается уже на самой ранней ступени народнаго развитія.

Обозрѣвъ историческое движеніе миѳовъ, г. Аѳанасьевъ переходитъ къ разсмотрѣнію источниковъ предмета и предпосылаетъ вначалѣ сжатый очеркъ результатовъ сравнительнаго языкознанія относительно древнѣйшаго періода индо-европейской жизни. Главными руководителями автора служили здѣсь Пикте и М. Мюллеръ, а потому къ ихъ достоинствамъ и недостаткамъ должно отнести достоинства и недостатки очерка г. Аѳанасьева; замѣтимъ только, что эти страницы, по своей общности, мало объясняютъ дальнѣйшее содержаніе труда и блѣдны, чтобы имѣть значеніе положительнаго свѣдѣнія о предметѣ; онѣ могли быть гораздо полнѣе и обстоятельнѣе, конечно, не въ ущербъ цѣлому. Вообще позволительно заключить, что «Введеніе» г. Аѳанасьева гораздо слабѣе послѣдующаго: авторъ самъ, какъ видно, не придавалъ ему особой цѣны и уменьшилъ его объемъ до крайне малыхъ размѣровъ (всего 22 стр.); онъ видимо торопился перейти къ самымъ фактамъ, гдѣ онъ является такимъ полновластнымъ хозяиномъ. Въ общемъ нельзя не признать и не оцѣнить достоинства относящихся сюда, хотя краткихъ и отрывочныхъ, замѣтокъ: онѣ обнаруживаютъ не только вѣрное пониманіе предмета и близкое знакомство автора съ основными началами современной науки о народности, но и его талантъ изложенія, отличающагося замѣчательною, убѣждающею ясностью: касаясь иногда самыхъ трудныхъ, неизслѣдованныхъ вопросовъ, авторъ умѣетъ, если не всегда, счастливо разрѣшать ихъ, то по крайней мѣрѣ отыскать въ нихъ такія черты, которыя до него были мало замѣчены и объяснены; въ особенности это должно сказать о его оцѣнкѣ народныхъ примѣтъ, нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаевъ (стр. 27—43) и народныхъ пѣсенъ (45—50). Менѣе можно быть удовлетворену тѣми страницами, гдѣ говорится о суевѣріяхъ апокрифическихъ, духовныхъ стихахъ и легендахъ; но о воззрѣніи на нихъ автора и его способѣ пользоваться ими, какъ источниками славянской миѳологической

древности, рѣчь будетъ впереди. Произведеніями народной словесности: загадками, пословицами, примѣтами, заговорами, поговорками, пѣснями и сказками, авторъ ограничиваетъ свое обозрѣніе источниковъ. Спору нѣтъ, что эти памятники, въ виду нерѣдкихъ произвольныхъ толкованій ихъ многими изслѣдователями, нуждаются въ критической оцѣнкѣ и ученой постановкѣ; но развѣ не нуждаются въ этомъ и иные источники славянской миѳологической древности, и на общую критику ихъ не обращено надлежащаго вниманія? Согласимся въ извѣстной долѣ справедливости того, что «Лѣтописныя свидѣтельства о дохристіанскомъ бытѣ славянъ слишкомъ незначительны и, ограничиваясь ими, мы никогда не узнали бы родной старины» (стр. 22); но устраняетъ ли такое обстоятельство необходимость критической оцѣнки какъ письменныхъ, такъ и вещественныхъ свидѣтельствъ: лѣтописей, историческихъ и юридическихъ актовъ, поучительныхъ словъ, археологическихъ памятниковъ и т. д.? Г. Аѳанасьевъ довольно широко пользуется всѣми подобными источниками; онъ, можно сказать, исчерпываетъ ихъ для своей цѣли, и потому умѣстно и даже необходимо было съ его стороны поставить читателя на общую критическую точку зрѣнія касательно самихъ памятниковъ: почему и въ какомъ объемѣ принимаетъ онъ ихъ показанія. Объяснимся частными примѣрами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги Аѳанасьевъ приводитъ свидѣтельства чешскихъ глоссъ Вацерада къ С.-Галленскому словарю, извѣстному подъ именемъ «Mater verborum»; онъ заставляетъ читателя принимать на добрую вѣру ихъ показанія, а между тѣмъ самый источникъ вовсе не такого свойства, чтобы можно было къ нему относиться довѣрчиво или безъ критики: Вацерадъ несомнѣнно составлялъ, придумывалъ, иногда переводилъ славянскіе термины къ готовому латинскому индексу словъ; можно защищать отъ обвиненія въ «fraus pia» такія глоссы, какъ Прія, Сива, Сытиврать, но нельзя оставить безъ объясненія причины, почему онѣ употреблены въ дѣло, нельзя требовать лишь одного довѣрія къ нимъ со стороны чи-

тателей; то же самое можно сказать и относительно нѣкоторыхъ намековъ на язычество, встрѣчающихся въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, духовныхъ поученіяхъ: въ какой мѣрѣ должно пользоваться ими — будетъ объяснено далѣе, но во всякомъ случаѣ, пользуясь ими, едва ли должно пренебрегать предварительной критической оцѣнкой источника; на стр. 93 читаемъ: «въ Бамбергѣ былъ найденъ идолъ Чернобога, изображеннаго въ видѣ звѣря съ рунической надписью, начертанной такъ, какъ произносятъ славяне поморскіе: Цьрни бу..... Шафарикъ принимаетъ это изображеніе за льва; но справедливѣе полагать, что это волкъ, миѳическій представитель ночи, темныхъ тучъ и зимы...» Допустимъ, что авторъ, основавшись на авторитетѣ Шафарика, имѣлъ свои основательныя причины признавать достовѣрность факта, нынѣ положительно отвергнутаго наукою[1]; но не слѣдовало ли предварительно объясниться и критически осмотрѣть самый памятникъ, чтобы не подать повода къ недоразумѣніямъ?

Такой недостатокъ предварительной критической оцѣнки нѣкоторыхъ источниковъ славянской миѳологіи не совсѣмъ выгодно отозвался на нѣкоторыхъ сторонахъ труда г. Аѳанасьева; мы почувствуемъ это сильнѣе, когда перейдемъ къ разбору фактовъ.

---

1) Кто лично имѣлъ случай видѣть и изслѣдовать бамбергскій мнимый идолъ Чернобога, тотъ не могъ не убѣдиться, что это — простое изображеніе льва, обыкновенно помѣщаемаго въ средніе вѣка у церковныхъ дверей. В. Цыбульскій, въ своей статьѣ: «Obecny stan nauki o runach Słowiańskich», (Roczniki towarzystwa przyjacioł nauk poznańsk. t. 1, 1860, p. 420—30), вмѣсто рунъ на изображеніи находилъ какіе-то нарѣзы, безсвязно и безпорядочно разбросанные по камню то вверху, то внизу, на плечахъ и хвостѣ. Ворсе (Die nationale Alterthumsk. in Deutschland. K. 1846 p. 46 — 53) также не нашелъ на фигурѣ никакихъ знаковъ рунъ и вообще считаетъ извѣстіе о нихъ въ высшей степени подозрительнымъ, наконецъ лишь полагаетъ, что нарѣзы возникли на камнѣ отъ точенія ножей (Correspondenz-Blatt d. Gesammtvereines der deutschen Gesch. und Alterthumsk. VII, 1859, p. 20). Замѣчательно, что и самъ Я. Колларъ, которому принадлежитъ открытіе, позднѣе, въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Вѣнѣ, вмѣсто: carni bu (g), читалъ: «pias vu peklu nero, т. е. «песъ въ пеклѣ черъ» и сравнивалъ послѣднее слово съ санскр. начака, см. Hanuš «Zur Slavischen Runenfrage». W. 1855, p. 21.

III.

При неисчерпаемости богатства миѳическаго матеріала, при дробности фактовъ, изслѣдованныхъ г. Аѳанасьевымъ, мы не видимъ возможности шагъ за шагомъ слѣдовать за авторомъ: это ввело бы насъ въ мелкія дополненія, въ настоящемъ случаѣ едва ли умѣстныя, и потому мы предпочитаемъ, сдѣлавъ общій обзоръ сочиненія г. Аѳанасьева и показавъ и оцѣнивъ его направленіе, разобрать подробно, какъ пользовался онъ своими источниками; затѣмъ мы предложимъ нѣкоторыя частныя замѣчанія и заключимъ нашу критику общей оцѣнкой труда.

Предварительно позволимъ себѣ изложить общій очеркъ происхожденія и характеръ древнѣйшихъ миѳическихъ представленій и вѣрованій. Историко-филологическая наука пришла уже въ этомъ отношеніи къ такимъ прочнымъ выводамъ, что, выражая ихъ, мы не во многомъ разойдемся съ г. Аѳанасьевымъ и, за устраненіемъ безплодной мысли объ исключительномъ лингвистическомъ происхожденіи миѳическихъ представленій, выразимъ столько же наше, сколько и его воззрѣніе.

Миѳическія представленія возникли вслѣдствіе врожденнаго человѣку стремленія понять и объяснить окружающій его міръ; они были первыми формами мысли младенчествующаго народа, первою его попыткою уяснить себѣ загадку природы, и потому каждое древнѣйшее миѳическое представленіе образовалось изъ взаимнаго дѣйствія двухъ началъ: внѣшняго, которымъ были непонятныя для человѣка явленія физической природы, и внутренняго, или начала мысли и чувства человѣка. Смѣна дня и ночи, солнце, небо синее, темное, усѣянное свѣтилами, или покрытое мрачными тучами, частныя движенія и столкновенія элементовъ воздушной природы, гроза, молнія и дождь, лѣто и зима — вотъ явленія, искони тревожившія мысль и чувство человѣка. Чувствуя свое безсиліе предъ ними, не постигая умомъ причины ихъ, человѣкъ не могъ поставить себя въ правильныя къ нимъ отношенія: его юношеская, безопытная фантазія, руководясь внѣшнимъ сходствомъ впечатлѣній, произ-

водимыхъ этими явленіями, съ массою впечатлѣній и понятій, почерпнутыхъ изъ дѣйствительной дольней жизни, понимала ихъ въ формѣ отношеній живыхъ существъ, одаренныхъ волею и разумомъ, или же видѣла въ нихъ предметы повседневнаго, дѣйствительнаго быта, только въ увеличенныхъ громадныхъ образахъ. Живая фантазія доканчивала эти образы, сообщая имъ разумный нравственный смыслъ и устанавливая между ними причинныя отношенія, которыя потомъ, при содѣйствіи самаго языка и измѣнявшейся житейской обстановки, выростали въ цѣлыя разнообразныя исторіи и разсказы; потому миѳы обнимаютъ собою не только идеальную или поэтическую сторону жизни, выражая стремленія фантазіи народа, его взглядъ на міръ и его явленія, но и жизнь дѣйствительную народную житейскую практику, степень культуры и образованности народа. При такомъ взглядѣ на происхожденіе миѳическихъ представленій становится понятнымъ, почему въ древнѣйшую эпоху исторіи человѣчества цѣлая небесная сфера явилась населенною толпою существъ, сначала зооморфическихъ, а потомъ и антропоморфическихъ со внѣшними чувственными атрибутами: облако, быстро несомое по небу бурей, представлялось уму и фантазіи человѣка, какъ неистовый бѣгъ громаднаго коня или полетъ исполинской птицы; вѣтеръ рисовался его воображенію въ формѣ лающей собаки или воющаго волка (свистъ вѣтра); громъ понимался имъ, какъ ударъ копыта небеснаго коня, какъ ревъ небеснаго быка (буря); извилистая молнія казалась небесною змѣею, золотымъ оружіемъ; небо, отовсюду окружавшее человѣка, это громадное дерево міра съ широко - раскинувшимися вѣтвями (тучи) или исполинское жилище; солнце—око неба, свѣтлое колесо, катящееся по небу, золотая или огненная птица; неподвижныя или тихо плывущія облака — небесныя дѣвы, небесныя коровы, проливающія молоко на землю (дождь), или же громадныя горы, огромный потокъ, озеро, корабль, плывущій по водному океану (небу); рога мѣсяца подавали поводъ видѣть въ немъ быка или корову; радуга — лукъ или кольцо и т. д. Всѣ эти образы были для вѣ-

рующаго народнаго ума дѣйствительными реальными существами, а миѳы или повѣсти о ихъ дѣлахъ — дѣйствительными, достовѣрными исторіями ихъ приключеній и отношеній: отъ земныхъ существъ и земной жизни они отличались только чудесною загадочностію, размѣрами, силою, могуществомъ, и тѣмъ живѣе они дѣйствовали на юную фантазію, тѣмъ удобнѣе могли впослѣдствіи войти въ религію, стать предметомъ благочестиваго чествованія. Кто знаетъ свойства завѣщаннаго стариной миѳическаго матеріала, гдѣ разнородные преданія и факты такъ переплетаются и связываются между собою, такъ заходятъ одинъ въ другой, что разрѣшить ихъ и привесть въ систематическій порядокъ не представляется никакой возможности, — тотъ признаетъ, что г. Аѳанасьевъ избралъ удобнѣйшій путь изложенія ихъ: онъ объясняетъ и располагаетъ ихъ по предметамъ, заботясь при этомъ не столько о строгомъ разграниченіи предметовъ, сколько о томъ, чтобы однажды объясненное, по возможности, менѣе повторялось въ слѣдующемъ изложеніи. Такимъ образомъ 2-я глава имѣетъ характеръ общаго обозрѣнія: авторъ съ поэтическимъ воодушевленіемъ говоритъ объ отношеніяхъ древнѣйшаго человѣка къ природѣ, обусловившихъ какъ обоготвореніе ея, такъ и различныя олицетворенія ея явленій и силъ. Справедливо утверждая, «что противоположность свѣта и тьмы, тепла и холода, весенней жизни и зимняго омертвѣнія—должна была особенно поразить наблюдающій умъ человѣка, онъ разсматриваетъ сначала вообще народное обожаніе неба, солнца, мѣсяца и звѣздъ, затѣмъ переходитъ къ объясненію образовъ, въ какихъ народная фантазія рисовала явленія и факты природы: небесныя свѣтила, зарю, грозу, день и ночь, лѣто и зиму». Съ 3-й главы авторъ входитъ въ изслѣдованіе частныхъ миѳическихъ представленій и образовъ и начинаетъ съ представленій неба и земли, при чемъ, по неразрывной связи ихъ съ религіознымъ поклоненіемъ, опредѣляется значеніе славянскихъ божествъ Дива (?), Сварога и Святовита. 4-я глава разсматриваетъ поэтическія представленія стихіи свѣта: связь

свѣта съ зрѣніемъ, метафоры солнца, облаковъ, дождя, молніи, сближенія небеснаго свѣта съ земнымъ огнемъ, миѳы о солнцѣ, мѣсяцѣ, огнѣ, зарѣ, народный взглядъ на воспалительныя болѣзни; 5-я глава имѣетъ своимъ предметомъ неосмотрѣнныя до той поры миѳическія представленія солнца и богини весеннихъ грозъ, которую авторъ видитъ въ образѣ славянской Лады, Сивы, Пятницы и св. Недѣльки; 6-я—миѳическія представленія грозы, вѣтровъ и радуги — особенно богата разнообразіемъ содержанія; въ 7-й — изслѣдованъ природный смыслъ миѳовъ и понятій о живой водѣ и вѣщемъ словѣ; въ 8-й и 9-й главахъ разсмотрѣны миѳы о Перунѣ, за особую фразу котораго авторъ принимаетъ Ярилу, объ Ильѣ-громовникѣ или Перунѣ въ христіанской одеждѣ и объ огненной Маріи, замѣнившей языческую богиню весеннихъ грозъ; въ 10-й главѣ — баснословныя сказанія о птицахъ въ связи съ другими ближайшими миѳами, каковы о яйцѣ, о лебединыхъ сорочкахъ, коврѣ-самолетѣ, шапкѣ-невидимкѣ и т. д. Глава 11-я содержитъ въ себѣ разсмотрѣніе миѳическихъ представленій облака; 12-я—баснословныя сказанія о звѣряхъ; 13-я — представленія о небесныхъ стадахъ, при чемъ авторъ изслѣдуетъ и значеніе божествъ пастушескаго характера: Волоса, Егорія Храбраго и Полисуна; 14-ю главою, заключающею въ себѣ продолженіе изслѣдованія баснословныхъ сказаній о звѣряхъ, оканчивается 1-я часть «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу»; 2-я, которая, какъ намъ извѣстно, уже находится въ печати, будетъ содержать въ себѣ не менѣе разнообразія и интереса. Мы представили лишь сухой скелетъ содержанія книги, указывая только главнѣйшіе факты. Бросивъ взглядъ на находящееся въ концѣ книги оглавленіе, которое, замѣтимъ, никакъ не можетъ назваться полнымъ «Указателемъ», нельзя не видѣть, что г. Аѳанасьевъ изслѣдовалъ обширную и разнообразную область представленій, вѣрованій и обычаевъ славянскихъ племенъ. Если, при всѣхъ усиліяхъ, онъ не вездѣ могъ избѣжать повтореній и соблюсти строгую послѣдовательность, это не его вина, а самаго предмета, сливающаго

воедино то, что наше время привыкло раздѣлять, и олицетворяющаго въ отдѣльныхъ различныхъ представленіяхъ одинъ и тотъ же предметъ. Можно, конечно, было принять словарный порядокъ изложенія, какъ это сдѣлали Швенкъ и Фридрейхъ (Die Sinnbilder der alten Völker». F. am M. 1851; «Die Symbolik und Mythologie der Natur» W. 1859.; «Die Weltkörper in ihren myth. Symbolisch. Bedeutung. W. 1864.); чрезъ него облегчилось бы механическое пользованіе книгой, но за то увеличились бы повторенія, и сверхъ того сколько она потеряла бы въ интересѣ чтенія, интересѣ, который такъ живо и неослабно поддерживается г. Афанасьевымъ, не смотря на мелкія, кропотливыя разысканія и подавляющую массу фактовъ. Кромѣ того, принявъ словарную систему, г. Афанасьевъ едва ли удовлетворилъ бы своей главной цѣли, едва ли съ такою убѣдительною ясностью онъ могъ бы показать происхожденіе и природный смыслъ каждаго миѳическаго представленія и вѣрованія, каждаго суевѣрнаго обыкновенія, какъ исполнено имъ въ настоящемъ случаѣ. Мы назвали эту цѣль главною; но едва ли не слѣдуетъ сказать *единственною*, потому что авторъ, какъ увидимъ, вовсе оставилъ въ сторонѣ историческую сторону предмета: характеръ его труда—объяснительный, онъ раскрываетъ только природный смыслъ миѳическихъ представленій, сказаній и вѣрованій. Основываясь на началѣ народной психологіи[1]), г. Афанасьевъ обыкновенно напередъ даетъ готовое, опирающееся или на общихъ выводахъ современной науки сравнительной миѳологіи, или на своихъ собственныхъ предыдущихъ изслѣдованіяхъ, объясненіе явленія; иначе, онъ указываетъ, какіе поэтическіе образы создавались умомъ и фантазіей древняго человѣка подъ вліяніемъ извѣстныхъ явленій природы. Затѣмъ онъ разбираетъ термины языка и выраженія народной рѣчи, сюда относящіеся, группи-

1) Употребляемъ это названіе только потому, что не знаемъ лучшаго для обозначенія тѣхъ общихъ нравственныхъ явленій, которыя отличаютъ *народное развитіе отъ сословнаго и индивидуальнаго*.

руетъ и передаетъ родственныя представленія и миѳологическія сказанія разныхъ народовъ, и такимъ путемъ, перелагая на языкъ науки наивныя метафоры миѳическаго міросозерцанія, вѣрованій и суевѣрныхъ обычаевъ, удачно приводитъ въ ясность причины ихъ существованія, источникъ и коренное значеніе ихъ. Объяснительные пріемы г. Аѳанасьева вообще должны быть признаны основательными: они вытекаютъ не изъ личной прихотливой мысли, но изъ самыхъ явленій; авторъ собираетъ факты не для подтвержденія какой-нибудь предвзятой теоріи, но ради объясненія ихъ, и потому онъ заботится о возможной полнотѣ и совершенно свободенъ отъ недостатковъ теоретика, выбирающаго только то, что́ ему пригодно, и уклоняющагося отъ противорѣчій. Мы не хотимъ сказать, чтобы объясненія г. Аѳанасьева не вызывали возраженій; но такія возраженія могутъ быть не противъ основнаго воззрѣнія, но противъ примѣненія его къ частнымъ явленіямъ; приведемъ примѣръ: на стр. 184 авторъ говоритъ о Святовитѣ, изображеніе котораго онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «четыре головы Святовита, вѣроятно, обозначали четыре стороны свѣта и поставленныя съ ними въ связи четыре времени года (востокъ и югъ — царство дня, весны и лѣта; западъ и сѣверъ — царство ночи и зимы); *борода*—эмблема *облаковъ*, застилающихъ небо, *мечъ*—молнія, *поѣзды на конѣ* и *битвы* съ вражьими силами—поэтическая картина бурнонесущейся грозы; какъ владыка небесныхъ громовъ, онъ выѣзжаетъ по ночамъ, т. е. во мракѣ ночеподобныхъ тучъ, сражаться съ демонами тьмы, разитъ ихъ молніями и проливаетъ на землю дождь....» Что *облако* представлялось *волосами*, *шкурой*; *молнія* —мечемъ, *гроза* — поѣздами на конѣ и битвою съ вражьми силами, это убѣдительно доказано авторомъ на стр. 680 и слѣд. 260 и слѣд. 724 и сл. 261 и сл.; въ общемъ, стало быть, объясненія автора совершенно основательны; но спрашивается, насколько они примѣнимы къ Святовиту, божеству эпохи исторической, позднѣйшей, божеству не первоначальныхъ наивныхъ миѳическихъ представленій, а религіознаго канона, установленнаго и поддерживаемаго жрецами,

и не вѣрнѣе ли будетъ допустить здѣсь объясненіе историческое, по которому Святовитъ, богъ-воитель, вполнѣ соотвѣтствовалъ бы и воинскому характеру и быту балтійскихъ славянъ: борода явится тогда обыкновеннымъ атрибутомъ антропоморфическаго божества[1]), вооруженіе и битвы съ врагами—выраженіемъ народныхъ наклонностей и быта, ночь—простою ночью, такъ какъ днемъ, для всѣхъ видимый истуканъ не могъ выѣзжать на битвы. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что образъ Святовита и основался на древнѣйшихъ природныхъ миѳическихъ представленіяхъ, но тогда это божество было иное, чѣмъ историческій Арконскій Святовитъ и образъ его не могъ быть тотъ, какимъ описываетъ его Саксонъ грамматикъ, въ эпоху изваянія идола (положимъ, эту неизвѣстную, но во всякомъ случаѣ позднѣйшую эпоху язычества, даже нѣсколькими столѣтіями ранѣе Саксона грамматика и Гельмольда). Конечно, придавая такое украшеніе, какъ борода, и такой атрибутъ, какъ мечъ, никто и не помышлялъ объ эмблематическомъ выраженіи облака и молніи. Такихъ, по нашему мнѣнію, невѣрныхъ примѣненій общаго воззрѣнія къ объясненію частныхъ явленій, въ книгѣ г. Аѳанасьева не мало: они произошли изъ естественнаго увлеченія спеціалиста отыскать природный источникъ и знаменованіе всѣхъ явленій и фактовъ миѳологической древности; съ нѣкоторыми примѣрами такого увлеченія мы встрѣтимся далѣе, но во всякомъ случаѣ они не болѣе, какъ частные случаи и нисколько не бросаютъ тѣни на правильность основнаго воззрѣнія и объяснительныхъ пріемовъ автора.

Перейдемъ къ тому, какъ г. Аѳанасьевъ воспользовался источниками славянской миѳологической древности, ибо спеціальная задача его труда заключается въ изслѣдованіи славянскихъ поэтическихъ (миѳическихъ) воззрѣній на природу. Послѣдуемъ

---

1) Саксонъ грамматикъ говоритъ, что волоса и борода Святовита были *подстрижены по обычаю Руяна* (Hist. Danica. L. XIV), что уже вовсе не согласуется съ представленіемъ *волокнистаго* облака!

его собственнымъ указаніямъ и сначала разсмотримъ, какъ употребляетъ онъ для своихъ цѣлей языкъ, произведенія народной поэзіи и быта, и наконецъ — письменные источники.

Языкъ. До сихъ поръ славянская миѳологическая древность гораздо менѣе обработывалась съ лингвистической точки зрѣнія, чѣмъ съ бытовой, такъ что не только г. Аѳанасьевъ не имѣлъ предъ собою никакихъ систематическихъ по этому предмету разысканій, но даже число отрывочныхъ и случайныхъ замѣтокъ, которыми онъ могъ воспользоваться, было довольно ограничено. Оттого лингвистическая сторона труда его представляется бѣдною сравнительно съ другими; самостоятельною частью ея можно назвать подборъ словъ и выраженій, живописующихъ различные предметы и явленія природы и добросовѣстно извлеченныхъ авторомъ какъ изъ двухъ Областныхъ русскихъ словарей и Толковаго словаря г. Даля, такъ и для памятниковъ народной и письменной словесности; лингвистическія же собственно изслѣдованія авторъ оставилъ на долю своихъ преемниковъ и, въ большинствѣ случаевъ, скромно ограничился лишь передачею уже извѣстнаго. Въ сравнительныхъ сближеніяхъ индо-европейскихъ языковъ ему послужили руководствомъ трудъ Пикте: «Les Aryas primitifs» 2 т., «Нѣмецкая миѳологія» Я. Гримма, «Наука о языкѣ» М. Мюллера; въ славянской области — труды Миклошича (преимущественно «Radices linguae Slovenicae), замѣчанія гг. Буслаева, Срезневскаго, Микуцкаго и другихъ. Довѣряя своимъ источникамъ, авторъ, при всей основательности большей части принятыхъ имъ лингвистическихъ сравненій и сближеній, не всегда былъ на столько счастливъ, чтобы избѣжать неточностей; напр. стр. 119 греч. *οὐρανός* сближается съ словомъ *ὄρος* — гора, но сближенію противорѣчитъ разность корней: *ὄρος* — кор. *gir* (древ. *gar*), отсюда санскр. *giris*, зенд. *gairi*, слав. гора; *οὐρανός* — отъ кор. *var* — покрывать, отсюда *Varuna-s*. Такимъ образомъ, хотя понятія и могутъ быть сближены, но термины лингвистически должны быть раздѣлены. На стр. 96 читаемъ: «слова *сѣять*, *сѣвнуть*, *свять*, *святить* филологически тоже-

ственны»; но какъ объяснить тогда несогласуемый переходъ звуковъ: двоегласнаго ѣ = а + і и носового ѧ? Нѣтъ сомнѣнія, что эти слова различнаго коренного образованія, отъ двухъ корней: *çvit* и *çvam* или *çvan*; оттого въ ведахъ употребляется *cvânta*, въ санскр. — *çveta*, зендъ имѣетъ *çpenta* и *çpâcta*, литва *szwentas* и *svêtas*, славяне — *святъ* и *свѣтъ*. Не всегда удачны и нѣкоторыя этимологическія сближенія самаго автора; напр. на стр. 353 (сл. 593) онъ сближаетъ чешское oř — конь съ словами *орелъ*, *arelis* и т. д. отъ корня *r* — ire, быстро двигаться; но такому сближенію препятствуетъ составъ звука ř: въ индо-европейскихъ языкахъ, обозначая птицу орла (гот. ara, нѣм. aro, литов. erelis, въ слав. нар. орелъ, кромѣ польск., гдѣ orzeł), звукъ r является чистымъ плавнымъ звукомъ, въ словѣ же oř это звукъ составной — рж. Если принять, что r по свойству языковъ чешскаго и польскаго смягчилось въ ř, то на какомъ основаніи чешская рѣчь, допуская такое смягченіе въ словѣ oř — конь, удержала чистый звукъ r въ словѣ орелъ и производныхъ? Гораздо вѣроятнѣе будетъ думать, что oř (о — ř), литовск. eržilis стоитъ въ связи съ глаголомъ *ржать* отъ корня ru — sonum edere (cf. Dobrow. Institutiones, p. 210); на стр. 580 говорится: «*корабль*, очевидно, одного происхожденія съ словомъ *коробъ*»; но едва ли, кромѣ внѣшняго созвучія, слово *коробъ* стоитъ въ какомъ-либо отношеніи съ словомъ *корабль*; послѣднее, кажется, заимствовано съ греческаго κάραβος, καράβιον или средневѣковаго carabus, *коробъ* же стоитъ въ связи съ словомъ *кора* (*с—кора*, *шкура*, литов. skurà, лат. scortum), отсюда и *корста* — гробъ. За то нѣкоторыя этимологическія сближенія автора нельзя не назвать счастливыми; изъ нихъ отмѣтимъ производство собственнаго имени Волосъ отъ корня *vr*, *var* — облекать (стр. 694), что совершенно согласуется и съ миѳическими преданіями о Волосѣ. Вообще языкомъ авторъ пользуется съ такою умѣренностью и ограниченіями, что если лингвистическія сближенія его и немного прибавляютъ къ достоинствамъ книги, немногимъ обогащаютъ науку, то во всякомъ случаѣ они и не ведутъ его къ ложнымъ

называлось на старинномъ поэтическомъ языкѣ *похищеніемъ золота*: въ подвалахъ Соловья-разбойника лежала несчетная *золотая казна*; такъ точно въ лѣтней засухѣ и въ отсутствіи дождей зимою видѣли похищеніе живой воды и урожаевъ. Демоническія силы грабятъ сокровища солнечныхъ лучей, угоняютъ дождевыхъ коровъ и скрываютъ свою добычу въ неприступныхъ скалахъ. Этотъ хищническій характеръ облачныхъ демоновъ повелъ къ тому, что вмѣсто великановъ и змѣевъ, съ которыми сражаются богатыри въ болѣе сохранившихся варіантахъ эпическаго сказанія, въ варіантахъ позднѣйшихъ и подновленныхъ выводятся на сцену воры и разбойники» стр. 30—9. Взятый нами образецъ объясняетъ, какъ авторъ вообще пользуется миѳическимъ матеріаломъ народныхъ былинъ: онъ не могъ постепенно освобождать древнѣйшее зерно отъ историческихъ наслоеній, потому что наша былина не имѣла, подобно нѣмецкой, литературной исторіи и была занесена въ письменность только въ позднѣйшемъ ея видѣ (въ первый разъ не ранѣе средины прошлаго столѣтія); поэтому онъ отдѣляетъ древніе мотивы былины и ихъ значеніе путемъ сличенія съ родственными памятниками и преданіями другихъ народовъ, и въ общемъ получаетъ весьма твердые результаты. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе: авторъ, какъ кажется, даетъ уже слишкомъ много силы и крѣпости народному преданію и памяти. Онъ, повидимому, не допускаетъ въ ней почти никакихъ уклоненій въ область фантазіи и не признаетъ въ былинѣ никакихъ другихъ измѣненій, кромѣ внѣшняго историческаго наслоенія. Поэтому онъ стремится возвесть къ миѳическому источнику и объяснить, какъ природную метафору, всѣ даже мельчайшія частныя черты былины, все, что находитъ хотя какое-нибудь соотвѣтствіе съ другими преданіями. Не удаляясь отъ приведеннаго нами примѣра, остановимся въ немъ на объясненіи *стрѣлъ* Ильи Муромца и *золотой казны* Соловья-разбойника. Не станемъ спорить, что и *стрѣлы*, и *золото* въ данномъ случаѣ могли быть уцѣлѣвшими остатками миѳическихъ метафоръ или представленій *молніи* и

стъннахъ; но чѣмъ опровергнетъ насъ авторъ, если мы въ *стрѣлахъ* увидимъ обыкновенное бытовое орудіе доогнестрѣльнаго періода, а въ золотой казнѣ Соловья-разбойника—поэтическую прибавку фантазіи къ понятію о разбойникѣ, живущемъ грабежемъ, разбоемъ? Развѣ поэтическая фантазія, создавъ одинъ образъ на миѳической основѣ, должна была остановиться и въ послѣдующее время, уже отрѣшившись отъ первобытнаго наивнаго взгляда и войдя въ разнообразіе эпохи исторической, не могла творить иные образы, совершенно чуждые миѳической основы, что авторъ считаетъ необходимымъ объяснять природными метафорами каждую черту сказанія и даетъ ей миѳическое, природное значеніе? Или, быть-можетъ, то же *психическое* настроеніе, какое господствовало въ періодѣ младенческой жизни народа, продолжалось и далѣе въ эпоху историческую, такъ что народъ, и среди измѣнявшихся жизненныхъ обстоятельствъ, оставался при воззрѣніяхъ ребенка и, не внимая урокамъ опыта, постоянно создавалъ природные миѳы? Конечно, г. Аѳанасьевъ, какъ опытный знатокъ народной поэзіи, ни на минуту не допуститъ такой исключительной мысли; поэтому его стремленіе объяснять съ миѳической точки зрѣнія всѣ мелкія частности произведеній народной поэзіи должно признать только увлеченіемъ спеціалиста: мы выше указали такой случай съ объясненіемъ атрибутовъ Святовита; то же замѣтно, какъ въ объясненіяхъ былинъ, такъ и другихъ произведеній народной поэзіи и быта [1]).

---

1) Приведемъ нѣкоторые примѣры: стр. 117. «Распущенные волоса, какъ эмблема дождевосныхъ тучъ (дождь—слезы), сдѣлались символическимъ знаменіемъ печали; потому женщины, причитывая похоронныя возванія, припадаютъ къ могиламъ съ распущенными косами. Въ старину опальные бояре отращивали себѣ волосы и распускали ихъ по лицу и плечамъ». Если первое еще имѣетъ какое-нибудь вѣроятіе (оно, можетъ-быть, стоитъ въ связи съ обычаемъ обрѣзывать волосы на могилѣ близкаго усопшаго, какъ сдѣлалъ Ахиллъ на могилѣ Патрокла), то послѣднее вовсе не нуждается въ миѳическомъ объясненіи и есть выраженіе естественнаго чувства печали, отзывающейся и пренебреженіемъ въ костюмѣ. Объясненіе подробностей въ сказкахъ о медвѣдяхъ (стр. 388—9) также кажется намъ не вполнѣ свободнымъ отъ преувеличеній; на стр. 467—8 авторъ объясняетъ гаданія о замужствѣ по пѣтуху и ку-

О томъ, какъ авторъ понимаетъ значеніе сказки и пользуется ею, говорить едва ли необходимо: обширныя и основательныя «примѣчанія», которыя сопровождаютъ его изданіе «Русскихъ народныхъ сказокъ», получили въ литературѣ уже должную оцѣнку, и то, что онъ вноситъ изъ сказокъ въ настоящій трудъ, есть не болѣе, какъ нѣкоторые листки изъ матеріала, разработаннаго въ «примѣчаніяхъ». Сверхъ этого, въ другомъ мѣстѣ [1], мы имѣли случай разсмотрѣть эту сторону труда г. Аѳанасьева, и не нашли причинъ, при всемъ нашемъ разногласіи въ частностяхъ, не признать справедливости его пріемовъ изслѣдованія. Есть, однако, и здѣсь одинъ существенный пунктъ, который мы не можемъ оставить безъ вниманія: какъ въ своихъ общихъ замѣткахъ о происхожденіи и характерѣ сказокъ авторъ ни словомъ не поминаетъ объ историческомъ распространеніи сказокъ и необходимости отличать литературную сказку отъ чисто народной; такъ и въ самой книгѣ онъ пользуется иногда литературными, занесенными сказками, такъ (стр. 216 и сл) онъ подробно объясняетъ съ точки зрѣнія миѳологіи сказку объ Еруланѣ Залазаревичѣ и, кажется, склоненъ видѣть въ героѣ бога-громовника Перуна; но уже одни собственныя имена сказки должны были указать литературный источникъ ея (Еруланъ-Арсланъ,

рицѣ, въ которыхъ онъ видитъ эмблему счастія и плодородія, при чемъ прибавляетъ: «зерновой хлѣбъ, овинъ, гдѣ его просушиваютъ, рѣшето, которымъ просѣевается мука, квашня, гдѣ хлѣбъ мѣсится—все это эмблемы плодородія»; но какъ такіе предметы повседневнаго быта могли стать *эмблемою* плодородія, этого авторъ не объясняетъ; обративъ вниманіе на древнее значеніе слова овинъ (готск. auhns, дн. ofan, uphan, нм. ofen, кор. ꙗ) и на свидѣтельство «Христолюбца», онъ, можетъ-быть, пришелъ бы къ мысли, что овинъ былъ древнѣйшимъ *домашнимъ жертвенникомъ*, и не нашелъ бы нужды объяснять его отвлеченною *эмблемою плодородія*. На стр. 632—8 гаданіе конями справедливо возводится къ миѳическому источнику, но авторъ идетъ слишкомъ далеко, когда утверждаетъ, что *копья* или, позднѣе, *оглобли*, чрезъ которыя проводятъ коней, «есть символъ молніи и ступаніе чрезъ нихъ указываетъ на воспоминаніе о Перуновомъ конѣ, несущемся среди грозоваго пламени». Ничего не могло быть, по нашему мнѣнію, естественнѣе и проще, что воинственные штетинцы употребили *копья*, а русскія крестьянки—*оглобли* для того, чтобы вывѣдать будущее у вѣщихъ коней!

1) Въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ 1864 г. № 94, 100, 108.

Лазарь, Залюзеръ-Зальзеръ, Картаусъ-Кей-Кавусъ), и хотя нѣкоторые мотивы этой литературной передѣлки эпизода Шахъ-Намэ и позволяютъ предполагать о нѣкоторыхъ русскихъ добавленіяхъ и измѣненіяхъ въ ней, но пока литературная исторія сказки еще не вполнѣ приведена въ ясность (такъ какъ русскую сказку нельзя назвать прямою передѣлкою изъ «Царственной книги», а необходимо допустить какой-нибудь средній связующій терминъ),—до той поры не вѣрнѣе ли будетъ не принимать ее вовсе въ соображеніе, когда рѣчь идетъ о «поэтическихъ воззрѣніяхъ» славянъ. При современномъ состояніи вопроса объ исторіи сказокъ, разграниченіе литературной сказки отъ народной еще представляетъ много трудностей, но тѣмъ не менѣе оно должно быть, по возможности, принимаемо въ разсчетъ во избѣжаніе смѣшенія между народнымъ и заимствованнымъ. Одною изъ существенныхъ заслугъ г. Аѳанасьева должно признать объясненіе народныхъ загадокъ, примѣтъ, заговоровъ и суевѣрій. И прежде догадывались о ихъ древнемъ миѳологическомъ источникѣ и объясняли нѣкоторые изъ нихъ иногда довольно удачно; но честь полнаго приложенія этого взгляда ко всему запасу извѣстнаго матеріала остается за трудомъ автора. Правда, въ нѣкоторыхъ (впрочемъ, немногихъ) случаяхъ онъ здѣсь впадаетъ въ крайность, желая доискаться миѳическаго зерна [1]), не всегда принимаетъ въ соображеніе миѳическій матеріалъ народныхъ игръ [2]), но вообще его объясненія имѣютъ всѣ условія ученаго

---

1) Примѣръ на стр. 178. Говоря о значеніи *недобраго взгляда*, авторъ объясняетъ, что «*косые глаза* старинному человѣку были страшны потому, что символизировали солнечный закатъ, увяданіе древняго свѣта, близящееся торжество нечистой силы». Едва ли! Кромѣ естественнаго непріятнаго выраженія, косой глазъ могъ получить дурную славу въ силу языка, потому что, какъ это превосходно развиваетъ самъ авторъ, съ «нимъ соединялась мысль о нравственномъ несовершенствѣ, злобѣ, лукавствѣ, отчего и дьяволъ (и прибавимъ, хромой заяцъ нашихъ народныхъ сказокъ—воплощеніе злаго демона и позднѣе дьявола) носитъ названіе косой.

2) Примѣры на стр. 496 и сл. Объясняя миѳическое значеніе ворона, авторъ не обратилъ вниманія на игру, извѣстную подъ тѣмъ же именемъ. На стр. 735, говоря о волкѣ, онъ также опускаетъ важныя свидѣтельства народ-

вѣроятія и даже достовѣрности и всѣ достоинства обогащающаго науку изслѣдованія. Въ заговорахъ авторъ справедливо видитъ остатки древнихъ языческихъ молитвъ и заклинаній, въ примѣтахъ — столько же голосъ опыта, сколько и древнѣйшія миѳическія представленія, въ загадкахъ — «обломки стариннаго метафорическаго языка». Чтобы не дать повода къ недоразумѣнію на счетъ этого выраженія, прибавимъ, что авторъ тщательно отличаетъ загадки позднѣйшія, хотя также метафорическія, но безцвѣтныя, отъ древнихъ, и его опредѣленіе относится только къ послѣднимъ, которыми онъ исключительно и пользуется, свободно и естественно скрывая смыслъ метафоръ посредствомъ сравнительныхъ сближеній съ однородными фактами.

Духовные стихи, по самому свойству своему, не предлагали для цѣлей автора обильнаго матеріала. Кромѣ извѣстнаго стиха о Голубиной книгѣ, онъ пользуется стихомъ о Егоріѣ Храбромъ и еще нѣкоторыми, весьма немногими, указаніями этого рода произведеній, и хотя можно не соглашаться съ мнѣніемъ, высказаннымъ имъ на стр. 51, что суевѣрныя сказанія, передаваемыя стихомъ о Голубиной книгѣ, составляютъ общее достояніе всѣхъ индо-европейскихъ народовъ, и «что происхожденіе ихъ относится къ арійскому періоду», хотя есть основаніе полагать, что стихъ о Голубиной книгѣ возникъ путемъ литературнымъ[1]), —

ныхъ игръ. Вообще, относительно дѣтскихъ игръ, книга г. Аѳанасьева должна убѣдить каждаго въ необходимости собранія и ученаго изслѣдованія этого важнаго, но доселѣ пренебрегаемаго матеріала древности.

1) Причины, почему мы позволяемъ себѣ такъ думать, заключаются въ слѣдующемъ: во 1-хъ, космо- и антропогоническія сказанія, сами по себѣ продуктъ довольно поздней эпохи, въ томъ видѣ, какъ они представляются въ стихѣ, уже ясно побледнѣли и перешли чрезъ христіанскія понятія, и стало быть не могутъ считаться достояніемъ индо-европейскихъ народовъ; во 2-хъ, связь стиха съ сочиненіями апокрифическими и бестіаріями; въ 3-хъ, существованіе прозаическаго памятника, извѣстнаго подъ именемъ «Іерусалимской Бесѣды», которая никакъ не можетъ назваться передѣлкою изъ стиха, а скорѣе его источникомъ. Прибавимъ къ этому, что форма загадки и близость стиха съ древне-фризскимъ космогоническимъ отрывкомъ и съ позднѣйшимъ индійскимъ еще не ручательство за языческую глубокую древность происхожденія стиха: форма загадки не чужда и апокрифамъ, и многимъ произведеніямъ хри-

тѣмъ не менѣе авторъ былъ вправѣ воспользоваться этимъ памятникомъ, такъ какъ многіе его мотивы, послѣ объясненій нашихъ изслѣдователей, и въ томъ числѣ г. Аѳанасьева (см. стр. 118, 157 и др.), вытекаютъ изъ народныхъ воззрѣній или по крайней мѣрѣ вполнѣ совпадаютъ съ ними. Быть-можетъ, апокрифическіе и вообще литературные источники встрѣтились здѣсь съ сродными представленіями народнаго міровоззрѣнія и слились съ ними въ одно цѣлое. Еще болѣе, по нашему мнѣнію, имѣлъ онъ право объяснять съ своей точки зрѣнія стихъ о Егоріѣ Храбромъ (стр. 699 и сл.), потому что этотъ, единственный въ своемъ родѣ, памятникъ, отправляясь отъ христіанскаго содержанія, попадаетъ въ широкій потокъ древнихъ, дохристіанскихъ воззрѣній, хотя уже ослабѣлыхъ и держащихся только силою преданія. Мнѣніе о языческой основѣ стиха о Егоріѣ Храбромъ, въ нашей литературѣ, не ново; но полное объясненіе его въ первый разъ сдѣлано г. Аѳанасьевымъ, и тѣмъ удачнѣе, что онъ привелъ въ связь содержаніе стиха съ другими народными преданіями о Георгіѣ или Юріѣ. Въ народномъ образѣ св. Георгія или Юрія авторъ видитъ христіанскую замѣну древняго «бога-громовника, творца весенняго плодородія, побѣдителя демоническаго змѣя и пастыря небесныхъ стадъ». Конечно, слагая стихъ, народъ и не помышлялъ уже о богѣ-громовникѣ, но его фантазію влекли къ себѣ давно знакомые, хотя и непонятные образы, и допытываясь о происхожденіи и первоначальномъ смыслѣ этихъ образовъ, должно будетъ признать и умѣстность, и справедливость объясненій г. Аѳанасьева. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать того же относительно *апокрифовъ;* авторъ говоритъ: «апокрифы явились, какъ необходимый результатъ народнаго стремленія согласить преданія предковъ съ тѣми свя-

---

стіанской литературы (см. Schlieben, De antiqua Germ. poesi aenigmatica, p. 26). Сходство же съ преданіями Эдды не непосредственное. Во всякомъ случаѣ, мы противъ того только, чтобъ «Стиху» приписывать исключительно народное происхожденіе, а никакъ не думаемъ отрицать *народныхъ* его элементовъ.

щенными сказаніями, какія водворены христіанствомъ. Откуда бы ни были принесены къ намъ апокрифическія сочиненія, изъ Византіи или Болгаріи, суевѣрныя подробности, примѣшанныя ими къ библейскимъ сказаніямъ, большею частію коренятся въ глубочайшей древности, въ воззрѣніяхъ арійскаго племени, и потому должны были найдти для себя родственный отголосокъ въ преданіяхъ нашего народа» (стр. 50). Едва ли, при ближайшемъ разсмотрѣніи содержанія апокрифическихъ сочиненій, авторъ найдетъ оправданіе для своей мысли, что они явились какъ «необходимый результатъ народнаго стремленія, согласить преданія предковъ съ тѣми священными сказаніями какія водворены *христіанствомъ*...» Явились они совершенно независимо отъ этого стремленія; но если приняли въ себя черты предшествовавшей старины, то нисколько не менѣе другихъ однородныхъ сочиненій, не признаваемыхъ за апокрифы. Но, допустивъ и справедливость мысли автора, все же останется неразрѣшеннымъ главный вопросъ: какому народу-племени принадлежатъ сочиненія апокрифическія? Если бы дѣло шло о великой семьѣ индо-европейскихъ народовъ, то и тогда едва ли можно бы сказать, что они коренятся въ *воззрѣніяхъ арійскаго племени.* Но задача автора «поэтическія воззрѣнія славянъ», а при этомъ — какое значеніе могутъ имѣть переводные апокрифы, чѣмъ прояснятъ они древнее миѳическое міросозерцаніе славянъ и законно ли будетъ давать имъ мѣсто, какъ источникамъ славянской миѳологической древности? Не думаемъ, чтобы на эти вопросы можно отвѣтить иначе, какъ отрицательно, а потому едва ли правъ авторъ, прибѣгая за пособіемъ къ апокрифамъ (см. стр. 119—20, 166, 283, 362, 376, 379, 401, 472, 505—6 и др.), къ стариннымъ бестіаріямъ (стр. 164, 498, 666 и др.) и Луцидарію (268), памятникамъ переводной духовной литературы (напр. стр. 535 et passim). Онъ былъ бы вправѣ воспользоваться такими переводными произведеніями только въ такомъ случаѣ, когда изслѣдованіе успѣло бы отдѣлить народныя прибавки къ чужому тексту; пока же это не сдѣлано, наука ми-

ѳологической древности ничего не выиграетъ отъ допущенія свидѣтельствъ апокрифовъ, а скорѣе можетъ попасть на ложную дорогу, выдавая чужое за свое и смѣшивая въ одно факты жизни различныхъ народностей. Мы высказываемся здѣсь противъ общаго ученаго пріема г. Аѳанасьева; что касается до примѣненія его, то авторъ вообще остороженъ: онъ рѣдко даетъ такимъ показаніямъ самостоятельную силу, а выслушиваетъ ихъ въ качествѣ пособія, когда они сходятся съ другими народными показаніями [1]). Какъ бы то ни было, внесеніе такихъ источниковъ, какъ переводные апокрифы, бестіарія, Луцидарій, византійскій романъ (стр. 613) въ изслѣдованіе, имѣющее предметомъ своимъ древнія (миѳическія) воззрѣнія славянъ на природу, ничего не прибавляетъ къ достоинствамъ сочиненія.

Изъ письменныхъ источниковъ, которыми авторъ пользуется довольно полно, мы остановимся только на свидѣтельствахъ древнихъ русскихъ поученій о языческихъ суевѣріяхъ. Много важныхъ фактовъ язычества передано намъ въ древнихъ поученіяхъ и словахъ, но эти факты нуждаются въ критикѣ. Чтобы дать имъ мѣсто въ славянскомъ язычествѣ, необходимо доказать ихъ славянское происхожденіе, т. е. необходимо принимать въ разсчетъ происхожденіе самихъ поученій: самостоятельныя ли они,

---

1) Приведемъ нѣкоторые примѣры, гдѣ авторъ, какъ думаемъ, отступилъ отъ обычной ему осторожности. На стр. 379—80 авторъ приводитъ апокрифическія сказанія и легенды объ изобрѣтеніи вина и ставитъ ихъ въ связь съ представленіемъ тучъ — демонами. Но въ эпоху, когда слагались такіе разсказы, народъ былъ уже далекъ отъ того, чтобы съ понятіемъ вина соединять представленія о дождѣ, а въ дьяволѣ видѣть тучу: вино и дождь онъ понималъ уже реальнымъ образомъ, въ дьяволѣ видѣлъ опредѣленную личность. Христіанство не только придавало нравственный смыслъ этимъ образамъ, но и создавало, творило ихъ; потому ихъ должно объяснять не съ древней миѳической, а съ христіанской точки зрѣнія. То же можно замѣтить относительно объясненія апокрифа о грѣхопаденіи Адама и Евы (стр. 401), въ которомъ авторъ видитъ передѣлку древне-арійскаго преданія въ библейскомъ стилѣ, мы же позволяемъ себѣ видѣть разсказъ, сложившійся на библейской основѣ, въ основаніи котораго лежитъ нравственная мысль о грѣховномъ источникѣ пьянства. Христіанство пользовалось здѣсь *древними* образами такъ точно, какъ нии и *теперь пользуется всякій образованный писатель.*

или заимствованныя, переводныя. Въ иныхъ случаяхъ не трудно бываетъ отмѣтить ихъ русское или славянское происхожденіе, въ другихъ — не трудно указать славянскія прибавки; но есть и такія, источникъ которыхъ не всегда ясенъ: содержаніе не позволяетъ прямо судить о ихъ народности; изслѣдователь обязанъ здѣсь принимать въ разсчетъ соображенія литературныя. Г. Аѳанасьевъ, вообще удачно выбирая указанія поученій на русскія суевѣрія, не во всѣхъ случаяхъ обращаетъ вниманіе на ихъ происхожденіе, и потому относитъ къ славянской народности и такія черты, которыя зашли къ намъ путемъ литературнымъ, будучи переведены съ греческаго; напр. на стр. 339 (сравни 30) онъ приводитъ мѣсто изъ лѣтописи о языческой жизни; но оно не принадлежитъ русской лѣтописи (а равно и пр. Ѳеодосію, какъ полагали), а внесено сюда (по крайней мѣрѣ, въ главной своей части) изъ перевода словъ Іоанна Златоустаго, перевода, извѣстнаго подъ именемъ Златоструя; на стр. 340 приводятся свидѣтельства слова о русальяхъ, сочиненія также несомнѣнно переводнаго; на стр. 345 — протесты противъ пляски, составившіеся подъ видимымъ вліяніемъ словъ Златоуста, столь нерѣдкихъ въ нашихъ сборникахъ... Такія неточности, конечно, не столько зависѣли отъ автора, сколько отъ слабости библіографической разработки нашей древней письменности; но если бы г. Аѳанасьевъ не уклонился отъ критическаго осмотра письменныхъ источниковъ, онъ не далъ бы особой силы этимъ протестамъ противъ русскихъ «бѣсовскихъ пѣсенъ и забавъ, гуслей, русалій и т. д.»; онъ, можетъ-быть, увидѣлъ бы въ этихъ протестахъ не столько указаніе на явленіе дѣйствительной жизни, сколько литературный унаслѣдованный обычай, и рѣзче отдѣлялъ бы дѣйствительность отъ благочестивой литературной фикціи нашихъ предковъ [1]). Нерѣдко и почти всегда съ тактомъ и

1) Позволимъ здѣсь себѣ небольшое разногласіе съ авторомъ касательно значенія словъ Дый и Дивая въ извѣстной славянской вставкѣ въ словѣ Григорія Богослова: авторъ принимаетъ (стр. 128, 187, 225 и passim), что это названія славянскихъ божествъ Дива и Дивы. Это вѣроятно, но не менѣе вѣ-

мѣрою, авторъ собираетъ и разрозненныя указанія другихъ письменныхъ памятниковъ: лѣтописей, актовъ, древнихъ проповѣдей, Слова о Полку Игоревѣ, Стоглава, Домостроя, старинныхъ азбуковниковъ и другихъ. Иногда онъ умѣетъ изъ одного слова, одного намека ихъ, извлечь для себя полезныя и любопытныя данныя; при всемъ внимательномъ чтеніи книги мы не могли замѣтить въ отношеніи русскаго письменнаго матеріала ни важныхъ опущеній, ни даже особыхъ преувеличеній ихъ значенія[1]). Можно сказать, что авторъ вполнѣ осмотрѣлъ и исчерпалъ свои источники. Также основательно изучены имъ и посо-

---

роятно и мнѣніе, по которому эти слова *будутъ* лишь ославянизированными формами греческаго Ζεύς'а (Διὸς). Интерполяторъ хотѣлъ выразить, что славяне поклоняются языческому *богу* и *богинѣ*, и для этого употребилъ греческій терминъ съ славянской мужской и женской формою. На эту мысль наводитъ какъ другое, уже переводное, мѣсто изъ слова Григорія (въ Паисіев. сборникѣ): «отмѣтаемъ нечестивыхъ жертвъ и Дыева служенія» (Ист. Хр. Буслаева ст. 527), такъ и частыя употребленія въ древнихъ рукописяхъ слова *Дый, дии* въ смыслѣ *Зевса* (см. Miklošich. Lex. p. 161.).

1) Отмѣтимъ болѣе рѣзкое въ послѣднемъ отношеніи. На стр. 257—8, говоря о Перуновой палицѣ и основательно сближая ее съ молотомъ Тора (молніей), авторъ готовъ допустить, что соборное постановленіе митр. Кирилла (1274 года), въ которомъ обличаются скаредные пьяницы, біющіеся дреколььми, указываетъ на обрядовую битву, какъ подражаніе небесной битвѣ Перуна, вооруженнаго палицей. Свидѣтельство слишкомъ глухо для такой мысли и скорѣе можетъ быть истолковано обыкновенною дракою на народномъ гуляньѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь же происходилъ и грабежъ. На стр. 447, приводя извѣстный разсказъ грека-миссіонера, какъ болгары «омываютъ оходы своя»... (см. Полное Собраніе лѣтописи. 1,87), и другихъ письменныхъ поученій, говорящихъ о подобныхъ же отвратительныхъ обычаяхъ болгаръ, г. Аѳанасьевъ принимаетъ все это за дѣйствительный фактъ и видитъ здѣсь чествованіе фаллюса, вѣру въ очистительную силу мужскаго сѣмени — символа дождя. Кажется, что источникомъ этихъ нелѣпыхъ разсказовъ послужили басни, ходившія въ свое время объ ереси богумиловъ, и здѣсь, можетъ-быть, смѣшиваются два различные народа: *Поученія* говорятъ о болгарахъ дунайскихъ, а слова греческаго миссіонера относятся къ болгарамъ волжскимъ, и послѣднее тѣмъ страннѣе, что, по разсказу грека, они исполняютъ всѣ эти обычаи, поминая «Бохмита»; одна пресловутая чистоплотность магометанъ могла бы указать истинную цѣну такихъ свидѣтельствъ. На стр. 219 говорится: «такъ какъ святой собственно означаетъ: свѣтлый, блестящій, то у Кирилла Туровскаго и другихъ старинныхъ проповѣдниковъ говорится, что въ день Страшнаго Суда тѣлеса праведниковъ просвѣтятся». Нужно ли говорить, что это выраженіе и понятіе вполнѣ христіанскаго характера?

біи, важнѣйшіе труды европейскихъ ученыхъ: Гримма[1]), Симрока, Пикте, Куна, Шварца, Преллера, Маннгардта, М. Мюллера[2]) и др., сборники и сочиненія славянскихъ и отечественныхъ изслѣдователей: Коллара, Вука Стеѳанов. Караджича, Эрбена, Миладиновичей, Гануша, Срезневскаго, Буслаева и др. Будучи обязанъ имъ многими соображеніями, указаніями, рѣшеніями частностей, онъ тѣмъ не менѣе относится къ нимъ не пассивнымъ образомъ, но свободно пользуется тѣмъ, что̀ находитъ вѣрнымъ и ведущимъ къ его цѣли, и если, по необходимости, онъ не всегда заимствуетъ свои показанія изъ первыхъ рукъ, то та добросовѣстность, съ которою онъ ссылается на свой непосредственный, ближайшій источникъ, отнимаетъ у критики всякое право упрека.

IV.

Предложимъ теперь замѣчанія на общее книги и на нѣкоторыя объясненія отдѣльныхъ фактовъ.

Въ русской наукѣ до сихъ поръ не было систематическаго труда по сравнительной славянской миѳологіи: одни изслѣдователи добросовѣстно собирали свидѣтельства и преданія старины, не входя въ сравнительныя сближенія и довольствуясь ближайшими объясненіями; другіе — примѣняли сравнительный методъ къ рѣшенію частныхъ вопросовъ и задачъ. Г. Аѳанасьеву принадлежитъ *заслуга перваго систематическаго сравнительнаго изслѣдованія* цѣлой области славянской миѳологической древности. Отъ начала кто станетъ требовать условій окончательной отдѣлки! И громадность неразработаннаго матеріала, и бѣдность приготовительныхъ трудовъ, и завлекающій интересъ новизны — необходимо должны были выразиться въ трудѣ г. Аѳанасьева.

1) Авторъ, впрочемъ, не пользовался нѣкоторыми монографіями, а равно и соч. «Geschichte d. deuts. Sprache», которыя могли бы навести его на многія соображенія, важныя для историческаго пониманія миѳологіи.

2) Кажется, авторъ пользовался только 1-ю частью его «Науки о языкѣ»

Соразмѣряя его задачу («Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу») съ исполненіемъ, нельзя прежде всего не замѣтить количественнаго несоотвѣтствія славянскаго матеріала сочиненія съ матеріаломъ родственныхъ народовъ: послѣдній иногда совершенно подавляетъ первый! Причина этого заключается въ особой точкѣ зрѣнія автора на явленія славянской миѳологической древности: онъ преслѣдовалъ *не историческія цѣли*, а — если такъ можно выразиться — *психологическія*, заботился не о томъ, чтобы отмѣтить характеръ славянскихъ поэтическихъ воззрѣній на природу и вѣрованія, но единственно имѣлъ въ виду положить прочныя основанія для объясненія ихъ происхожденія и природнаго значенія; потому онъ не опускаетъ ни одной попадающейся черты, которая можетъ служить для этой цѣли, хотя бы самый фактъ и не стоялъ съ славянскими преданіями ни въ какомъ другомъ отношеніи, кромѣ общности психическаго источника. Такъ онъ передаетъ вполнѣ своеобразныя представленія и миѳы греческой и нѣмецкой древности, когда знаетъ, что они произошли изъ того же начала, какъ и нерѣдко невыросшіе, слабые образы славянскаго миѳическаго міросозерцанія. Для той же цѣли онъ прибѣгаетъ и къ миѳическимъ воззрѣніямъ народовъ чуждаго происхожденія, пользуется преданіями финскихъ племенъ (особенно Калевалой), египтянъ и семитовъ. Картина выходитъ полная разнообразія и привлекательности, но этнографическія и историческія черты ея сливаются: все разнообразіе племенныхъ элементовъ какъ будто живетъ одною жизнію, имѣетъ совершенно одинаковыя воззрѣнія, славянская народная жизнь не видна; образы ея теряются въ массѣ другихъ, заслоняются иногда болѣе величавыми и художественными, и извлечь ихъ возможно только путемъ вторичнаго процесса ученаго изслѣдованія. Не скажемъ, чтобы авторъ не имѣлъ возможности избѣжать такого недостатка: онъ могъ сначала выяснить общія основы миѳическаго міросозерцанія, равно принадлежащія всѣмъ народамъ индо-европейскаго корня и вынесенныя ими изъ эпохи общей племенной жизни, затѣмъ уже слѣдить славянскую жизнь

этого общаго достоянія и отмѣчать его видоизмѣненія. Но онъ поступился этой широкой задачей въ пользу своей исключительной цѣли, и чрезъ это, хотя сочиненіе и не мало съузилось въ своихъ ученыхъ достоинствахъ, но цѣль была вполнѣ достигнута. При исключительно психологическомъ направленіи труда г. Аѳанасьева отодвинулась на задній планъ и *историческая* сторона вопроса; трудно рѣшеніе ея и само по себѣ, по общему состоянію современной науки древности, но оно возможно, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ матеріала, отмѣченныхъ чертами времени. Возможность эта въ общихъ чертахъ указана Я. Гриммомъ въ его «Исторіи нѣмецкаго языка», а по его слѣдамъ и г. Буслаевымъ (особенно въ его сочиненіи «О русскихъ пословицахъ»). Нашъ авторъ вовсе устранился отъ условій историческаго изслѣдованія и воздержался отъ всякихъ историческихъ выводовъ и замѣчаній: слѣдя только одну цѣль — раскрытіе происхожденія и первоначальнаго смысла миѳическихъ представленій, онъ по большей части мѣтко показываетъ измѣненія миѳовъ и вѣрованій — какъ изъ простыхъ элементовъ они выростаютъ въ самые страшные образы или даютъ поводъ къ грубѣйшимъ суевѣріямъ и обычаямъ; но онъ стоитъ не на *исторической*, а на *психологической почвѣ*, и не слѣдитъ соотвѣтствіе миѳа съ развитіемъ быта, движеніемъ жизни и исторіи; оттого онъ не наблюдаетъ и исторической постепенности въ изслѣдованіи фактовъ, ставитъ рядомъ самыя различныя эпохи и разновременныя возрѣнія. Отсюда, полагаемъ, вышли и крайности нѣкоторыхъ объясненій его: когда нѣтъ регулирующихъ историческихъ требованій, когда подъ одинъ уровень ставятся произведенія различныхъ временъ и народовъ, тогда, естественно, мысль впадаетъ въ широкое обобщеніе, и разнообразіе жизненныхъ явленій, къ невыгодѣ истины, сводится къ одному исходу.

Вотъ два существенные общіе недостатка замѣчательнаго труда г. Аѳанасьева. Разрѣшивъ съ полнымъ успѣхомъ первую часть задачи сравнительнаго миѳологическаго изслѣдованія, онъ оставилъ дальнѣйшее на долю будущихъ разысканій

въ этой области. Предложимъ еще нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній:

На стр. 120 читаемъ: «древніе литовцы вѣрили, что тѣни усопшихъ, отправляясь на тотъ свѣтъ, должны карабкаться на неприступную высокую и круглую гору Anafielas....». Съ легкой руки Нарбута (см. его Dzieje staroz. narodu Litewskiego, t. 1, p. 384 — 5) это имя горы вошло какъ во многія польскія, а также и въ русскія сочиненія по литовской древности; но пора, кажется, вовсе устранить его изъ науки. Въ литовскомъ языкѣ оно рѣшительно не имѣетъ никакого смысла, и даже противорѣчитъ фонетикѣ его, въ которой нѣтъ вовсе звука *f* (литовцы его замѣняютъ звукомъ *p*); поводъ къ вымыслу подалъ, кажется, Саксонъ грамматикъ: въ VI книгѣ своей «Датской исторіи» (p. 280 ed. Müllerii), онъ разсказываетъ исторію (народное преданіе) о разбойникѣ-чародѣѣ Визинѣ, который жилъ въ русскихъ предѣлахъ на горѣ Анаѳіалѣ (ср. сканд. fiall, fiöll—гора, скала); отсюда-то, по неизвѣстнымъ причинамъ, имя перенесено было въ литовскую древность и явилось съ литовскою приставкою *as* — Anafielas.

На стр. 320 авторъ говоритъ: «другія названія, даваемыя славянами богу вѣтровъ, были Pogoda и Pochwist», и въ числѣ доказательствъ приводитъ и извѣстную будто бы малорусскую думу о *Посвистачѣ*, напечатанную г. Кулишомъ въ 1-мъ т. Записокъ о Южной Руси. Не говоря о томъ, что Погода и Похвистъ, какъ отдѣльныя самостоятельныя божества, не встрѣчаютъ подтвержденія въ свидѣтельствахъ древности [1]) и, кажется, обязаны своимъ происхожденіемъ миѳологическимъ бреднямъ позднѣй-

1) Погода и Похвистъ въ первый разъ упоминаются Длугошемъ (Hist. Pol. 1.37). Кажется, что первое имя произошло изъ желанія объяснить *Подагу* Гельмольда (Chronic. Slavorum, c. 84). Длугошъ для этого только переставилъ слога въ выраженіи своего источника. Имя Похвистъ, нѣтъ сомнѣнія, явилось изъ простаго (вовсе немиѳическаго) прилагательнаго качественнаго; какъ *собственное*, оно не древнѣе польскаго хрониста. Извѣстія Длугоша по наслѣдству перешли къ Кромеру, Стрійковскому, въ нашу Густынскую лѣтопись, Синопсисъ и т. д.

шихъ польскихъ хронистовъ, малорусская дума, на которую ссылается авторъ, есть рѣшительно книжная подделка новѣйшаго времени[1]). Чтобы убѣдиться въ этомъ, автору стоило лишь обратить вниманіе на языкъ и антипоэтическій характеръ этого произведенія школьной учености, сравнивъ его съ настоящими, неподдѣльными малорусскими думами.

На стр. 339 и слѣд. авторъ, между прочимъ, говоритъ и о *скоморохахъ*. Онъ отождествляетъ ихъ съ народными пѣвцами-гуслярами славянской старины и ставитъ ихъ въ связь съ культомъ и празднествами Перуна-оплодотворителя. Ошибка автора произошла отъ того, что, какъ онъ самъ отозвался, ему неизвѣстно было происхожденіе и значеніе слова *скоморохъ*, *скомрахъ*. Слово это давно объяснено: *scamari*, — *rae*, *scamaratores*, Σκαμάρεις — latrones, exploratores, были бродяги, которые въ 5—8 столѣтіи скитались въ восточной Европѣ. Отъ бродяжничества не далеко разстояніе и до занятій *«глумотворства»*, и скоморохъ сдѣлался у насъ нарицательнымъ именемъ комедіанта. Эти перехожіе бродячіе люди, вѣроятно, заходили къ намъ тѣмъ же путемъ, какъ и *шпилевы* или *шпильманы*, о которыхъ иногда упоминается въ памятникахъ нашей старинной письменности. Имѣя въ виду это чужеземное происхожденіе скомороховъ, едва ли позволительно ставить ихъ въ связь съ религіознымъ культомъ Перуна-оплодотворителя, если такой культъ и дѣйствительно существовалъ въ нашей древности.

На стр. 369 авторъ ссылается на малорусскую пѣсню: «За Немень иду»; пѣсня точно близко подходитъ къ народнымъ воззрѣніямъ[2]), но тѣмъ не менѣе она произведеніе образованнаго писателя нашего времени, г. С. П. Самый складъ ея значительно

---

1) Вскорѣ по обнародованіи этой, такъ называемой, думы, въ Отеч. Зап. 1857. № 6 сдѣланы были сильныя возраженія противъ ея подлинности; ни издатель Записокъ о Южной Руси, ни человѣкъ, пустившій ее въ ходъ, не представили возраженій. Отстаивать такую грубую подделку было опасно.

2) Она даже стала народною въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. См. Варенцова «Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края». Спб. 1862. р. 88—9.

отличается отъ народнаго, а пѣсенный мотивъ взятъ съ музыки Глинки.

На стр. 412 свидѣтельство черноризца Храбра, вѣроятно, опечаткой опредѣлено XIII-мъ вѣкомъ.

Сводя къ итогу наши замѣчанія о трудѣ г. Аѳанасьева, нельзя не видѣть и не признать его важнаго значенія въ отечественной наукѣ.

Въ отношеніи матеріала онъ представляетъ такой систематическій сводъ фактовъ по славянской и преимущественно русской миѳологической древности, какого не имѣла еще наша наука. Заслуга автора тѣмъ значительнѣе, что съ трудолюбіемъ и добросовѣстностью коллектора онъ почти всегда умѣетъ соединить тактъ и разборчивость критика, избирая изъ запаса матеріаловъ только существенное и оставляя въ сторонѣ безцвѣтные вымыслы, которыхъ, къ сожалѣнію, еще не чужда наша описательная этнографія. Встрѣчающіяся въ сочиненіи уклоненія отъ этого правила вообще немногочисленны, а въ сравненіи съ богатствомъ достовѣрныхъ данныхъ должны быть признаны маловажными исключеніями. Уже по одному этому книга г. Аѳанасьева становится въ рядъ трудовъ, необходимыхъ для каждаго изслѣдователя славянской древности. Но еще важнѣе значеніе ея, какъ *изслѣдованія*.

Авторъ исключительно ограничился объясненіемъ происхожденія и первоначальнаго смысла миѳическихъ представленій, вѣрованій и обычаевъ; его сочиненіе рѣшаетъ только *первую часть задачи миѳологическаго изслѣдованія*, но часть новую, доселѣ бывшую пробѣломъ въ нашей наукѣ. Несмотря на нѣкоторые существенные недостатки: неточность основной мысли относительно происхожденія миѳовъ и ея несогласіе съ цѣлымъ изслѣдованіемъ, несмотря на слабость самостоятельныхъ лингвистическихъ разысканій и нерѣдкія увлеченія, авторъ успѣлъ разрѣшить свою ближайшую задачу такимъ образомъ, что мы не

усомнился признать за его трудомъ заслугу новаго шага въ наукѣ, и шага важнаго, безъ котораго невозможно изслѣдованіе исторической и этнографической стороны предмета миѳологіи. Такимъ образомъ, не отвѣчая вполнѣ условіямъ законченнаго миѳологическаго труда (въ настоящее время рано еще и думать о такой законченности), не удовлетворяя требованіямъ, собственно историческимъ (эта часть, какъ мы сказали, оставлена авторомъ безъ освѣщенія), сочиненіе г. Аѳанасьева полагаетъ, однако же, прочныя основанія для дальнѣйшихъ успѣховъ въ этой области знанія какъ по богатству данныхъ, осмотрѣнныхъ и принятыхъ въ соображеніе, такъ и по успѣшному рѣшенію главнаго вопроса.

Въ общемъ развитіи науки славянской миѳологической древности, трудъ г. Аѳанасьева дѣлаетъ рѣшительный переходъ отъ отрывочныхъ неоконченныхъ сравнительныхъ сближеній къ систематическому сравнительному изслѣдованію.

Заслуга существенная!

Есть еще и иная добрая сторона въ трудѣ г. Аѳанасьева, которую нельзя оставить безъ вниманія. Я разумѣю общее нравственное значеніе книги: приводя массу суевѣрій, опутывающихъ народную жизнь, къ ихъ источникамъ и простымъ причинамъ, показывая, какъ возникли и сложились они, лишая ихъ обаянія таинственности, авторъ въ корню подрываетъ и ихъ обольщенія и силу, которою они владычествуютъ не надъ одними неискушенными наукой умами. Онъ дѣйствуетъ для народнаго просвѣщенія вѣрнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ та борьба во имя общихъ началъ разума, на которую уходятъ по большей части лучшія, свѣжія силы новыхъ поколѣній.

Взвѣшивая какъ достоинства, такъ и недостатки труда г. Аѳанасьева и соображая ихъ съ требованіями Положенія о наградахъ графа Уварова (§ 6-й), я не уклонюсь отъ истины и справедливости, признавъ, что сочиненіе, и по полнотѣ матеріала,

и по тщательной обработкѣ одной части предмета, въ значительной степени способствуетъ и къ «полному познанію» славянской миѳической древности, что «отечественная наука дѣйствительно нуждалась въ подобномъ произведеніи, что наконецъ, за вычетомъ немногихъ частностей, оно вообще отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ науки и критики.

Такія условія даютъ труду г. Аѳанасьева полное право на поощреніе.

Представляя мое заключеніе на благоусмотрѣніе Коммиссіи, считаю долгомъ присоединить, что подобные труды предпочтительно передъ другими имѣютъ нужду въ матеріальной поддержкѣ. Сочувствіе публики не на ихъ сторонѣ; оно не всегда вознаграждаетъ даже издержки печати, а честный трудъ ученаго, его благородное самоотверженіе для науки, стоившее, быть-можетъ, долголѣтнихъ лишеній, предоставлены бываютъ лишь нравственному удовлетворенію. И какъ часто при этомъ чистая любовь къ наукѣ становится подъ иное знамя, избираетъ для дѣйствія болѣе благодарное поприще!

Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. Москва. 1866—9, 3 т.

Ни одна изъ отраслей науки «славянскихъ древностей» не находится въ такомъ шаткомъ положеніи, какъ миѳологія: несмотря на интересъ и важность своего предмета, на значительное количество усилій, посвященныхъ его изслѣдованію, она не успѣла еще возвыситься надъ значеніемъ аггрегата отрывочныхъ свѣдѣній и стать на степень точной *историко-филологической науки*. Недостатокъ критической обработки источниковъ предмета и отсутствіе строгаго ученаго метода его изслѣдованія открываютъ свободное поле для объясненій и выводовъ по лич-

кому вкусу и личнымъ понятіямъ о *правдоподобіи*; отсюда, естественно, происходитъ произволъ толкованія, который порождаетъ сомнѣніе и въ самой наукѣ. Онъ не умѣряется и тѣмъ, что одни изслѣдователи вовсе избѣгаютъ всякихъ положительныхъ выводовъ, ограничиваясь неопредѣленными намеками о значеніи миѳическихъ представленій и образовъ, или — указаніемъ связи и соотвѣтствія ихъ съ миѳическими представленіями иныхъ родственныхъ народовъ; другіе же — довольствуются передачею фактовъ и общимъ объясненіемъ ихъ, по большей части и вѣрнымъ, но — всегда узкимъ и мало отвѣчающимъ требованіямъ историческаго знанія: неопредѣленность и сухой формализмъ объясненій столь же бываютъ неудовлетворительны, какъ и полная, предоставленная личной прихоти, свобода ихъ! Отсутствіе предварительной разработки матеріала и нетвердость метода изслѣдованія отозвались и на программѣ науки, на установкѣ тѣхъ задачъ и вопросовъ, которые должны составлять существенное ея содержаніе: самые важные изъ нихъ до сихъ поръ остаются въ тѣни, по крайней мѣрѣ — не видно, чтобы они были строго опредѣлены и получили общепризнанную обязательную силу. Оттого вниманіе изслѣдователей такъ часто обходитъ существенныя стороны предмета и вдается въ вопросы второстепеннаго порядка, оттого труды ихъ большею частію страдаютъ односторонностью направленія и столь замѣтными пробѣлами.

При такомъ несовершенномъ состояніи науки «славянской миѳологіи», мы находимъ неумѣстнымъ приступить къ оцѣнкѣ обширнаго труда г. Аѳанасьева безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ объясненій: намъ необходимо хоть въ общихъ чертахъ обозначить важнѣйшія точки и провести путеводныя нити миѳологическаго изслѣдованія, чтобы отсюда войти въ обсужденіе вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудился, или долженъ былъ потрудиться авторъ, а также — и въ частную оцѣнку отдѣльныхъ сторонъ его изслѣдованій. Сочиненіе г. Аѳанасьева — и по важности предмета, и по своимъ внутреннимъ достоинствамъ — принадлежитъ къ числу такихъ произведеній, оцѣнка

которыхъ не должна быть ограничиваема *краткимъ отзывомъ*: то трудолюбіе и та отчетливость, съ какими авторъ прошелъ избранный имъ путь, обязываютъ и критику ко вниманію отчетливому.

I.

Задачи миѳологическаго изслѣдованія опредѣляются сами собою при взглядѣ на происхожденіе и историческое движеніе миѳовъ и религіозныхъ представленій.

Разногласія о *происхожденіи* миѳологіи можно считать законченными: съ тѣхъ поръ, какъ въ рѣшеніяхъ миѳологическихъ вопросовъ приняло участіе сравнительное языкознаніе, не подлежитъ уже сомнѣнію, что *первоначальные миѳы* вышли изъ естественнаго человѣку стремленія — понять и выразить въ словѣ явленія и дѣйствія окружавшей его природы, что они были необходимыми формами мысли и представленія этихъ явленій и дѣйствій; поэтому въ основаніи древнѣйшихъ миѳическихъ представленій всегда лежитъ какое-нибудь явленіе изъ жизни природы, и каждый древній миѳъ есть поэтическая картина, или олицетворенное изложеніе природнаго явленія. Но это только первичный видъ миѳа, начало его исторіи. Первымъ шагомъ его въ дальнѣйшемъ движеніи есть вторженіе его въ сферу религіи, гдѣ онъ опредѣляетъ предметы и порядки культа, и въ сферу практической жизни, гдѣ онъ порождаетъ многіе обычаи и обрядности. Съ постепеннымъ развитіемъ и усложненіемъ жизни, развиваются и усложняются и миѳъ и религіозная сторона его, то отражая на себѣ мирные успѣхи развитія, то оттѣняясь красками историческихъ обстоятельствъ, которыя переживаются народомъ: если до сихъ поръ въ миѳахъ дѣйствовали существа нечеловѣческаго характера и въ сферѣ надземной, среди обстановки нечеловѣческой, то теперь они низводятся на землю, въ среду человѣка (локализація миѳовъ), и не только начинаютъ облекаться въ человѣческіе образы (антропоморфизмъ), но и принимаютъ въ свои ряды простыхъ смертныхъ, роднясь съ ними узами крови и допуская ихъ дѣятельному участію въ своей побѣдной борьбѣ

съ враждебными силами. Приближенный къ человѣку, миѳъ становится человѣчественнѣе и идетъ слѣдомъ исторіи. Такъ, для него не проходятъ безслѣдно ни измѣненія въ бытѣ, ни успѣхи нравственнаго и эстетическаго образованія народа: первыя вносятъ въ миѳъ историко-этнографическое содержаніе, вторые— сообщаютъ ему нравственный смыслъ и художественное значеніе; равнымъ образомъ не остается безъ вліянія и дѣятельность фантазіи: она или распространяетъ миѳъ многими прибавками, или сливаетъ нѣсколько миѳовъ въ одинъ, или—наконецъ—дробитъ цѣльный миѳъ на отдѣльныя части и каждую округляетъ въ цѣлое. Рядомъ съ такими измѣненіями миѳовъ, происходящими незамѣтно въ самомъ народѣ, совершаются еще и другія: миѳическимъ содержаніемъ овладѣваютъ *поэты* и *вѣщіе* люди (жрецы) и ведутъ далѣе его развитіе, сообразно съ требованіями поэзіи и религіи; возникаетъ такъ-называемая *высшая миѳологія*, которая приводитъ въ стройное цѣлое дотолѣ разрозненные элементы миѳовъ и религіозныхъ представленій, восполняетъ пробѣлы ихъ [1]) и находитъ свое выраженіе въ формѣ эпоса или поэтически-религіозной пѣсни (какова напр. Völuspa). Но самое сильное дѣйствіе на измѣненіе миѳовъ оказываетъ внесеніе въ жизнь новыхъ началъ образованности и религіи, приходящихъ извнѣ и ведущихъ за собою множество новыхъ понятій и представленій. Подъ ихъ вліяніемъ старые миѳы подвергаются кореннымъ превращеніямъ: дѣйствіе ихъ, правда, можетъ въ главныхъ чертахъ сохраниться, но дѣйствователи, прежніе боги и герои, замѣняются новыми, а самъ миѳъ получаетъ новую религіозно-моральную одежду и направленіе; новыя начала приносятъ не столько отрицаніе дѣйствительности старыхъ миѳическихъ представленій, сколько отрицаніе добраго нравственнаго начала ихъ, потому миѳическія существа послѣднихъ не исче-

1) Замѣтить слѣдуетъ, что иногда эти пробѣлы восполняются изъ чужеродныхъ источниковъ, какъ это видно во многихъ космо- и ѳеогоническихъ сказаніяхъ.

заютъ, но блѣднѣютъ въ своихъ индивидуальныхъ образахъ и отмѣчаются безразличными чертами зла и враждебности къ человѣку. *Миѳологія* въ собственномъ смыслѣ оканчивается, мѣсто ея заступаетъ *демонологія!*

Не слѣдуетъ, однако, думать, что этимъ и оканчивается миѳическая производительность народа: она обнаруживается не только въ измѣненіяхъ стараго, образовавшагося въ младенческую эпоху жизни племенъ, матеріала, но и въ созданіи новаго, въ произведеніи *новыхъ миѳовъ*: въ миѳическія формы можетъ облечься и историческое событіе и явленіе бытовой жизни, какъ скоро для этого соединяются извѣстныя условія; цѣлая масса новыхъ миѳовъ, баснословныхъ представленій и разсказовъ, цѣлый слой новѣйшей миѳологіи образуется подъ вліяніемъ чужеземной легендарной литературы и переводныхъ произведеній книжной мудрости. Существенное отличіе этихъ миѳовъ новаго порядка отъ старыхъ заключается въ томъ, что они совершенно чужды той природной основы, на которой выросли *миѳы первичные*, и если въ нихъ довольно часто входятъ и старые элементы природнаго чудеснаго, то это потому, что народная фантазія привыкла къ этимъ поэтическимъ формамъ и не имѣетъ нужды творить новыя; стало быть она пользуется ими только въ *поэтическомъ смыслѣ*, и со стороны изслѣдователя будетъ большою ошибкою доискиваться природнаго значенія новыхъ миѳовъ или посредствомъ его объяснить ихъ возникновеніе.

Таковы общія черты историческаго хода миѳовъ и религіозныхъ представленій!

При всемъ разнообразіи отдѣльныхъ вопросовъ, на которые должно быть устремлено вниманіе миѳолога, какъ видно — три главныхъ задачи предстоятъ вообще миѳологическому изслѣдованію, именно: во 1-хъ, опредѣленіе происхожденія и первичнаго значенія миѳовъ; во 2-хъ, раскрытіе ихъ исторической жизни, ихъ измѣненій по отдѣльнымъ народностямъ; наконецъ, въ 3-хъ, опредѣленіе происхожденія и значенія миѳовъ вторичнаго порядка или новѣйшихъ.

Взглянемъ теперь на матеріалъ, которымъ можетъ располагать изслѣдователь, и обозначимъ методъ самаго изслѣдованія.

Миѳы создаются при непосредственномъ участіи *языка*: наименованія миѳическихъ предметовъ, термины, обозначающія ихъ дѣйствія и отношенія, — живо отражаютъ въ себѣ то впечатлѣніе, которое явленія природы производили на душу младенчествующаго человѣка; такимъ образомъ *языкъ* содержитъ въ себѣ элементы древнѣйшей миѳологіи и потому является не только богатымъ и важнымъ, но иногда единственнымъ источникомъ миѳологическаго экзегеза. Далѣе—элементы миѳовъ, самые миѳы, факты религіозныхъ представленій и понятій дошли до насъ въ *народныхъ преданіяхъ*, изъ которыхъ немногіе занесены въ старинныхъ памятникахъ письменности, бо̀льшая же часть сохранилась въ бытѣ простого народа, въ произведеніяхъ его поэзіи, въ вѣрованіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ; факты же новѣйшей миѳологіи содержатся или въ позднѣйшихъ произведеніяхъ письменности, или также—въ народныхъ преданіяхъ.

Сохраненные путемъ преданія, источники миѳологіи не уцѣлѣли въ своемъ первобытномъ, чистомъ видѣ: они прошли длинный рядъ превращеній и иногда до того измѣнились, что невооруженному глазу почти невозможно разсмотрѣть ихъ старинныя основныя черты; необходима ученая, методическая реставрація, которая, освободивъ ихъ отъ историческихъ осложненій и наносовъ времени, возвратила бы ихъ къ первичной чистой формѣ. Относительно языка, значеніе и возможность подобной реставраціи давно признаны, такъ что нѣтъ никакой надобности въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. Тѣмъ же путемъ *сравненія*, которымъ идетъ лингвистъ при отысканіи затерянныхъ древнѣйшихъ формъ языка, долженъ слѣдовать и миѳологъ, и притомъ не только соблюдая всѣ точные пріемы и правила лингвистики, но и дополняя и повѣряя свои заключенія ея данными. Когда найдена чистая форма миѳа и природный смыслъ его сталъ ясенъ, тогда миѳологу предстоитъ путь *обратнаго* изслѣдованія: онъ отыскиваетъ, какъ распространялись, развивались и измѣнялись миѳы

у различныхъ родственныхъ племенъ подъ вліяніемъ природныхъ и историческихъ условій жизни. Здѣсь его изслѣдованіе становится на чисто-историческую почву и получаетъ историческое направленіе: въ миѳахъ и религіозныхъ представленіяхъ онъ слѣдитъ развитіе и измѣненія народнаго быта, мысли и самосознанія, отмѣчаетъ въ нихъ движеніе исторической жизни и этнографическія ихъ особенности, словомъ—разсматриваетъ миѳологію, какъ источникъ общей исторіи народной образованности. Особеннаго вниманія требуютъ такъ-называемыя *историческія свидѣтельства*, но вмѣстѣ съ тѣмъ — и особой осторожности употребленія; сохранившись въ старинныхъ памятникахъ письменности, они доносятъ къ намъ такіе факты миѳологическаго и религіознаго быта, которые по большей части исчезли изъ живой народной памяти, но случайность ихъ, невѣрная передача свидѣтелями, тотъ ложный свѣтъ, въ которомъ они часто представляются, наконецъ—этнографическія смѣшенія въ нихъ, указываютъ на необходимость строгой предварительной критической оцѣнки и разбора этого рода источниковъ. Что касается до *новой миѳологіи*, то изслѣдованіе ея представляется довольно сложнымъ: чтобъ раскрыть образованіе новыхъ миѳовъ, должно войти въ тщательное разсмотрѣніе письменныхъ легендарныхъ ихъ источниковъ, и притомъ—не только въ отношеніи содержанія ихъ, но и языка, ибо одною изъ главныхъ причинъ возникновенія новыхъ миѳовъ бываютъ недоразумѣнія и смѣшенія въ употребленіи, пониманіи и толкованіи словъ. Въ культурно-историческомъ отношеніи произведенія новой миѳологіи имѣютъ весьма важное значеніе: они служатъ источникомъ многихъ суевѣрныхъ понятій и убѣжденій народа, отражаясь и въ практическихъ обыкновеніяхъ жизни, и въ области поэзіи и искусства. Предметъ новой миѳологіи касается насъ стороною, именно на столько, на сколько необходимо для того, чтобы отдѣлить старое отъ новаго, потому мы воздерживаемся отъ дальнѣйшихъ объясненій, отсылая интересующихся къ сочиненію Альфреда Мори: «Essai sur les légendes pieuses du moyen âge»

P. 1848 и ко 2-й части Мюллеровыхъ «Lectures on the science of language», гдѣ они найдутъ не только богатый запасъ матеріаловъ, но и ясное, превосходное изложеніе общихъ пріемовъ изслѣдованія и законовъ образованія новѣйшей миѳологіи.

Мы обозначили только важнѣйшія стороны миѳологическаго изслѣдованія, нѣкоторыя подробности опредѣлятся ниже, при разсмотрѣніи труда г. Аѳанасьева, къ которому мы теперь и обращаемся.

II.

Принявъ во вниманіе недостаточность ученой разработки славянской миѳологіи, было бы несправедливо требовать отъ автора, чтобы онъ одинаково удовлетворилъ всѣмъ выше намѣченнымъ задачамъ миѳологическаго изслѣдованія: такой трудъ въ настоящее время — еще не по силамъ единичному ученому! Если онъ выполнитъ и одну часть ихъ, то окажетъ уже существенныя услуги наукѣ и будетъ имѣть полное право на доброе съ ея стороны признаніе.

Г. Аѳанасьевъ поставилъ своею задачею изслѣдовать обширную область народныхъ миѳическихъ преданій, вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ славянскаго племени, вышедшихъ изъ поэтическаго и религіознаго воззрѣнія на природу. Хотя онъ и не имѣлъ въ виду полнаго изложенія славянской миѳологіи, тѣмъ не менѣе его изслѣдованіе распространяется на всю ея область и касается всего ея содержанія. Главное, на что обращено вниманіе автора, есть раскрытіе первоначальнаго смысла и значенія миѳовъ и явленій языческой религіозной жизни, такъ что въ этомъ отношеніи его трудъ можетъ быть скорѣе названъ *природной символикой миѳологіи и религіи языческихъ славянъ*, чѣмъ *поэтическими воззрѣніями* ихъ *на природу*. Мы можемъ быть кратки въ обозначеніи достоинствъ сочиненія г. Аѳанасьева: они представляются уже достаточно извѣстными и признанными. Авторъ прошелъ путь изслѣдованія съ отчетливымъ вниманіемъ и любовью къ своему предмету, неохлажденными утомительнымъ

свойствомъ кропотливой работы, онъ не скупился ни трудомъ собирателя, ни трудомъ мысли: въ отношеніи матеріала въ его сочиненіи мы получаемъ не только полнѣйшій изъ доселѣ бывшихъ сборниковъ древностей народнаго быта, но и въ полномъ смыслѣ слова—первое собраніе, составленное съ знаніемъ требованій науки, и потому важное и необходимое и для археолога и для историка образованности; можно уже и теперь пополнить нѣкоторыя части его, потому что авторъ не всегда располагалъ всѣми нужными пособіями; со временемъ такихъ дополненій потребуется еще болѣе, такъ какъ запасы народнаго быта еще долго не придутъ въ истощеніе; но отъ этого собраніе г. Аѳанасьева не утратитъ своего значенія и не войдетъ въ число книгъ неважныхъ и обходимыхъ. Въ отношеніи ученаго изслѣдованія — трудъ автора представляетъ первую систематическую попытку осмотрѣть съ сравнительной точки зрѣнія весь доселѣ собранный матеріалъ народныхъ славянскихъ преданій и вѣрованій. Хотя обширность задачи и слабость предварительной разработки предмета, какъ увидимъ далѣе, отразились на этомъ опытѣ нѣкоторыми пробѣлами и болѣе или менѣе важными недостатками, но въ общемъ можно признать, что авторъ дѣлаетъ въ наукѣ довольно значительный шагъ впередъ, именно — шагъ отъ случайныхъ и отрывочныхъ изслѣдованій въ области народныхъ преданій, отъ неопредѣленныхъ сближеній ихъ и нетвердыхъ миѳологическихъ заключеній — къ систематическому разсмотрѣнію всего запаса фактовъ миѳологическаго и религіознаго быта славянъ, къ положительному сравненію ихъ съ преданіями родственныхъ племенъ, съ цѣлью объясненія затеряннаго древнѣйшаго ихъ значенія и смысла. Вездѣ ли авторъ былъ одинаково счастливъ въ своихъ объясненіяхъ — откроется далѣе, но его опытъ приложенія объяснительнаго метода сравнительной миѳологіи къ славянскимъ преданіямъ вообще можетъ быть названъ удачнымъ: множество миѳическихъ образовъ, суевѣрныхъ понятій и порядковъ жизни, получаютъ здѣсь впервые свое разумное, основанное на началахъ науки, естественное толкова-

ніе. Такія достоинства труда г. Аѳанасьева нельзя не считать существенными.

Переходимъ къ подробностямъ. Наши замѣчанія мы раздѣлимъ на двѣ части: въ однихъ—мы разсмотримъ нѣкоторыя характеристическія стороны изслѣдованія, въ другихъ—покажемъ, какъ авторъ воспользовался своими источниками. Замѣтимъ здѣсь напередъ, что если наше разсмотрѣніе будетъ имѣть преимущественно отрицательный характеръ, будетъ болѣе отыскивать слабыя стороны и указывать недостатки, чѣмъ выставлять стороны сильныя и отмѣчать достоинства труда г. Аѳанасьева, то этого не слѣдуетъ объяснять въ неблагопріятную для автора сторону, именно — не слѣдуетъ думать, что отрицательныя стороны сочиненія или его недостатки перевѣшиваютъ положительныя или его достоинства: такое заключеніе будетъ вполнѣ ложно. Достоинства разбираемаго труда гораздо значительнѣе его недостатковъ, но именно потому мы болѣе и останавливаемся на послѣднихъ: они вызываютъ мотивированныя объясненія, тогда какъ при обозначеніи достоинствъ не предстоитъ надобности входить въ подробности и можно ограничиться болѣе или менѣе общими указаніями.

Г. Аѳанасьевъ стремится раскрыть происхожденіе и первичный природный смыслъ миѳическихъ и религіозныхъ представленій; единственный правильный путь къ этому, какъ указано выше, есть реставрація преданій или возведеніе ихъ къ древнѣйшей чистой формѣ посредствомъ освобожденія отъ наслоеній времени. Авторъ, хотя и признаетъ необходимость такого пути, но слѣдуетъ ему лишь въ немногихъ, исключительныхъ случаяхъ: обыкновенно онъ ставитъ рядомъ преданія славянскія и сходныя съ ними преданія другихъ родственныхъ племенъ, удерживая всѣ подробности и мелочи ихъ индивидуальнаго, народнаго развитія; въ этнографическомъ отношеніи такое сопоставленіе вполнѣ умѣстно, но при разрѣшеніи вопроса о происхожденіи и первоначальномъ смыслѣ миѳическихъ представленій, оно порождаетъ запутанность и ведетъ къ ложнымъ заключеніямъ.

Это отчасти отразилось и на трудѣ г. Аѳанасьева: трудно составить себѣ ясное представленіе о томъ, какъ авторъ понималъ эпоху индо-европейскаго единства, т. е. какой объемъ быта, какія миѳическія и религіозныя представленія усвоялъ онъ ей и какія предоставлялъ на долю послѣдующей индивидуальной жизни отдѣльныхъ племенъ; кажется, что онъ въ этомъ отношеніи придавалъ слишкомъ много значенія *сходству* преданій и по немъ судилъ объ «общемъ наслѣдіи индо-европейскихъ народовъ»; но сходство еще не свидѣтельствуетъ о *тождествѣ* происхожденія: оно можетъ явиться и независимо у разныхъ народовъ, какъ слѣдствіе одинаковаго развитія и условій жизни, оно, наконецъ, можетъ быть и слѣдствіемъ заимствованія (какъ напр. во многихъ сказкахъ); отъ сходства преданій заключать къ ихъ тождеству можно безошибочно только тогда, когда, возведенныя въ первичную чистую форму, они совпадутъ не только по содержанію, но и по тѣмъ словамъ и лингвистическимъ терминамъ, которыми обозначаются предметы ихъ; безъ этихъ же условій заключенія по сходству о тождествѣ не имѣютъ непреложной силы и могутъ быть призрачны. Несоблюденіе этого важнаго правила сравнительной миѳологіи условило нѣкоторые недостатки сочиненія г. Аѳанасьева. Прежде всего оно отозвалось перевѣсомъ иноземнаго матеріала надъ славянскимъ: поставленныя рядомъ съ простыми элементарными славянскими преданіями, богатыя внутреннимъ развитіемъ преданія родственныхъ народовъ часто совершенно заслоняютъ ихъ, тогда какъ, по задачѣ автора, преданія иноземныя должны занимать только подчиненное, объяснительное мѣсто. Неудобства такого изложенія для славянской науки — очевидны, и они устранились бы, еслибы авторъ попытался выдѣлить мелкія черты индивидуальнаго развитія преданій и удержалъ бы только то, что̀ принадлежало къ основной индоевропейской формѣ ихъ. Какъ ни остороженъ былъ авторъ въ своихъ сближеніяхъ и объясненіяхъ, онъ не всегда попадалъ на вѣрную дорогу: не всегда сближалъ только тождественныя или родственныя черты, не всегда бывалъ и свободенъ отъ увле-

ченія объяснить съ миѳологической точки зрѣнія то, что вовсе не требовало никакого миѳологическаго объясненія. И понятно — почему: такъ какъ миѳическія представленія взяты имъ въ ихъ позднѣйшемъ видѣ, со всѣми мелочами бытовыхъ осложненій, то желаніе объяснить смыслъ цѣлаго миѳа невольно распространяло миѳологическое толкованіе и на всѣ частности его, при чемъ неизбѣжно появлялись и искусственныя объясненія, и часто внѣшнія сближенія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: на стр. 14—15 (т. II), говоря объ очистительномъ значеніи огня, авторъ видитъ отголосокъ этого миѳическаго понятія въ обычномъ народномъ лѣченіи сибирской язвы *посредствомъ раскаленнаго желѣза*, «которое въ глубочайшей древности принималось за эмблему Перуновой палицы»; но что же общаго между этимъ *раціональнымъ* медицинскимъ средствомъ и миѳическимъ представленіемъ небеснаго огня, кромѣ внѣшняго совпаденія предметовъ? На стр. 73 (т. II) читаемъ: «Народное повѣрье приписываетъ домовому особенную страсть къ лошадямъ; по ночамъ онъ любитъ разъѣзжать верхомъ, такъ что нерѣдко поутру видятъ лошадей въ мылѣ: то же самое записано въ старинной хроникѣ (т. е. у Саксона Грамматика) о Святовитѣ». И то, и другое вѣрно; но невѣрно сближеніе, ибо между Святовитомъ и домовымъ нѣтъ ничего общаго и указанная авторомъ черта представляетъ въ обоихъ случаяхъ только простое народное объясненіе обыкновеннаго явленія (что замѣчено и самимъ Саксономъ, lib. XIV, p. 826 ed. Müllerii), но никакъ не даетъ права роднить эти два различные миѳологическіе образа. На стр. 91 (т. II), авторъ весьма вѣрно опредѣляетъ священное значеніе у индо-европейскихъ народовъ межевой черты и межевыхъ знаковъ, деревянныхъ столбовъ и камней, но ему не довольно того, что они служили вещественными знаменьями владычества родовыхъ пенатовъ и наглядно для всѣхъ указывали на рубежъ собственности, и онъ даетъ имъ слѣдующее миѳологическое объясненіе: «деревянный столбъ (чурбанъ) — говоритъ онъ — былъ принимаемъ за воплощеніе Агни, такъ какъ въ немъ таится живой огонь, добываемый треніемъ,

и такъ какъ деревомъ питается священное пламя очага; камень же — символъ небеснаго пламени, которое возжегъ богъ-громовникъ каменнымъ молотомъ и низвелъ на очагъ въ видѣ молніи». Можно согласиться, что деревянные столбы и камни были грубыми изображеніями (идолами) боговъ терминовъ или пенатовъ; но чтобы матеріалъ ихъ, дерево и камень, указывали на миѳическое представленіе небеснаго огня — это преувеличенное миѳологическое толкованіе автора, которое едва ли выиграло бы въ вѣроятіи даже и тогда, когда удалось бы доказать, что индоевропейскія племена могли избирать для изображенія своихъ боговъ-терминовъ какой-нибудь иной матеріалъ, а не одни только дерево и камни. Повѣрья, что «водяной» находится въ близкихъ отношеніяхъ съ мельницами и мельникомъ, авторъ объясняетъ тѣмъ (стр. 236, II т.), что «мельница принималась за поэтическое обозначеніе громоносной тучи», а «водяной былъ первоначально дождящее божество и только потомъ низведенъ на земные потоки». Что водяной былъ первоначально дождящимъ божествомъ — это еще можетъ быть допущено на основаніи нѣкоторыхъ, хотя и отрывочныхъ, но довольно рѣшительныхъ намековъ въ преданіяхъ; но объяснять отсюда и связь его съ мельницами и придавать послѣднимъ атмосферическое значеніе — нѣтъ ни основаній, ни надобности; ибо гдѣ же доказательство, что эта черта миѳическаго представленія — дѣйствительно древняя и была въ миѳѣ еще и въ то время, когда онъ имѣлъ чисто воздушный характеръ; гдѣ ручательства, что она не произошла, когда водяной сталъ властелиномъ земныхъ водъ; не естественнѣе ли думать, что мельница поставляется въ связь съ водянымъ, какъ предметъ, который, находясь на его владѣніяхъ, стоитъ и въ нѣкоторой отъ него зависимости. Преданія даютъ этому объясненію полную силу; ибо какъ напр. можетъ быть объяснена съ точки зрѣнія атмосферическаго миѳа та *подать* или *дань* водяному, которая по народнымъ понятіямъ необходима при постройкѣ мельницы?! Далѣе (стр. 243, II т.) авторъ рисуетъ по народнымъ преданіямъ образъ дѣйствій водяныхъ и говоритъ,

что въ «ночную пору дерутся водяные съ лѣшими, отчего идетъ по лѣсу грохотъ и трескъ падающихъ деревьевъ и громко раздается во всѣ стороны шумъ плещущихъ волнъ: повѣрье, намекающее на битвы грозовыхъ духовъ; грохотъ и трескъ въ лѣсу и звучные удары по водѣ соотвѣтствуютъ громовымъ раскатамъ, отъ которыхъ сокрушаются темныя дебри облаковъ и льются дождевые потоки». Откровенно сознаемся — мы не понимаемъ причины такихъ объясненій: она могла бы существовать только тогда, когда бы можно было доказать, что мы дѣйствительно имѣемъ передъ собою поблекшія черты древняго миѳическаго воззрѣнія на борьбу надземныхъ элементовъ природы; но ничего подобнаго нѣтъ въ настоящемъ случаѣ; представленіе о борьбѣ водяныхъ съ лѣшими не можетъ быть даже названо миѳическимъ, это — простая попытка народнаго ума объяснить непонятное явленіе посредствомъ борьбы привычныхъ для него суевѣрныхъ образовъ; такія объясненія могутъ возникать во множествѣ каждую минуту, какъ только представится поводъ къ нимъ, они и исчезаютъ такъ же быстро, какъ появляются; относить ихъ къ древнему миѳу — невозможно, а потому напрасно и объяснять ихъ миѳологически. Замѣтимъ здѣсь вообще, что, по нашему мнѣнію, тогда только позволительно объяснять подобныя черты народныхъ суевѣрныхъ разсказовъ древними миѳическими представленіями, когда можно указать строгія эпическія формы языка или поэзіи, въ которыхъ путемъ преданія должны были сохраняться эти представленія и, постепенно ослабѣвая и измѣняясь, входить въ современные суевѣрные разсказы; безъ этого же критерія — произвольныя объясненія неизбѣжны. Продолжимъ еще наши отдѣльныя замѣтки, которыя служатъ къ характеристикѣ изслѣдованія автора. Можно согласиться съ его миѳологическимъ объясненіемъ сказаній о связи змѣевъ съ женщинами (стр. 612, II т.), но когда онъ хочетъ объяснить миѳологически и нравственный мотивъ этихъ сказаній, какъ измѣна долгу матери, жены или сестры, когда «въ судѣ божьемъ», которому предоставляетъ оскорбленный сынъ рѣшеніе участи

измѣнницы матери (мечь или стрѣла изъ лука сама находитъ и поражаетъ ее), — онъ видитъ миѳическое представленіе «Перуна, разящаго молніеносными мечомъ и стрѣлами мать свою — облачную нимфу» (стр. 616), тогда его объясненіе отымаетъ у сказанія его существенный нравственный элементъ, который здѣсь является вполнѣ самостоятельнымъ и не долженъ быть выводимъ изъ первоначальнаго миѳическаго представленія. Стремленіе автора объяснять всѣ частности преданій путемъ миѳологическимъ иногда переходитъ въ настоящее увлеченіе, такъ на стр. 623—4 (II т.) онъ и столь обычное эпическое измѣреніе неизмѣримо долгаго времени и пространства (жена должна искать своего потеряннаго мужа дотолѣ, доколѣ, странствуя, не износитъ желѣзной обуви и не сотретъ желѣзнаго посоха) объясняетъ — впрочемъ съ сомнѣніемъ — миѳологически (т. е. — по его мнѣнію — пока не совершенно сброситъ съ рукъ и ногъ своихъ желѣзныхъ оковъ зимы). На стр. 664 (III т.) авторъ объясняетъ названіе *волчее время*, употреблявшееся встарину для обозначенія зимнихъ мѣсяцевъ (декабря, января и февраля), тѣмъ, что «Зима въ образѣ *волка* нападала тогда на божій міръ и мертвила его своими острыми зубами». Принявъ въ расчетъ, что наименованія славянскихъ мѣсяцевъ возникли въ сравнительно позднюю эпоху (ср. соч. Миклошича: «Die slavischen Monatsnamen», W. 1867, p. 1), авторъ — думаемъ мы, поступится своимъ объясненіемъ въ пользу того, которое полагаетъ, что названія *волчьяго времени*, *волчьяго мѣсяца*, *волчина* происходятъ отъ обычной въ это время течки волковъ. Довольно часто авторъ указываетъ *на связь* вѣрованій, представленій и обычаевъ, при чемъ нерѣдко предоставляетъ догадливости читателя ближайшее ея уразумѣніе; такъ на стр. 48 (II т.) говорится: «Садникъ доселѣ поливается виномъ и масломъ; *обсыпаніе его зерновымъ хлѣбомъ* стоитъ *въ связи* съ миѳическимъ представленіемъ дождевыхъ капель ниспадающими съ небесъ сѣменами; то же значеніе имѣетъ и обрядъ посыпанія молодой четы зернами, чтобы надѣлить ее силою чадородія». Едва ли это связь — дѣйствительная: зерновой хлѣбъ и безъ вся-

каго отношенія къ дождю, служилъ самымъ естественнымъ символомъ обилія жизни и плодородія; стоитъ вспомнить только наименованія его: *рожь, жито, obilé* и т. д. На стр. 288 (т. III) извѣстіе Стоглава о томъ, что на седьмой недѣлѣ великаго поста *жгутъ солому и кличутъ мертвыхъ* приводится въ объясняющую связь съ обычаемъ *полагать умирающаго на солому;* внѣшняя связь между тѣмъ и другимъ — очевидна, но внутренней, объясняющей — мы не видимъ. Вообще должно замѣтить, что г. Аѳанасьевъ даетъ слишкомъ много силы связнымъ соотношеніямъ между отдѣльными фактами миѳическихъ представленій, вѣрованій и обычаевъ: они являются у него звеньями одной цѣльной цѣпи, одной всеобъемлющей мысли; но простое мышленіе народа, конечно, не шло такъ далеко: оно могло породить представленіе или обрядъ, удовлетворяющій ближайшей мысли и побужденію, и если эти представленія и обряды сближались съ цѣлымъ кругомъ другихъ, то отсюда нельзя еще заключать, что это — связь сознательная и причинная, а не формальная, происшедшая только потому, что запасъ формъ мышленія былъ не великъ и не разнообразенъ, и оно по необходимости прибѣгало къ однимъ и тѣмъ же формамъ для выраженія различныхъ понятій и представленій.

Мы привели нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ слабыя стороны изслѣдованія г. Аѳанасьева, они взяты нами такъ сказать случайно, безъ намѣреннаго выбора; въ книгѣ отыщется еще много подобныхъ и даже болѣе яркихъ; потому мы считаемъ себя въ правѣ распространить на сравнительную часть труда автора слѣдующее общее замѣчаніе о недостаткахъ ея. Не возведя преданій къ чистой первоначальной формѣ и подвергая ихъ сравнительному объясненію въ позднѣйшемъ ихъ видѣ, со всѣми подробностями ихъ органическаго и случайнаго развитія, авторъ слишкомъ расширилъ миѳологическій экзегезъ и слишкомъ мало призналъ бытовой, житейскій элементъ миѳическихъ преданій: обыкновенныя немиѳическія черты ихъ онъ объяснялъ миѳологически. Объясненія эти во многихъ случаяхъ

имѣютъ характеръ простой, неутвержденной на лингвистической основѣ — подставки миѳической основы подъ позднѣйшія черты преданій; потому, при всемъ правдоподобіи своемъ, не имѣютъ силы полной достовѣрности. Нѣкоторыя сближенія фактовъ должны быть признаны внѣшними или неправильными.

Высказанное здѣсь сужденіе о слабыхъ сторонахъ сравнительнаго изслѣдованія г. Аѳанасьева требуетъ, однако, существеннаго ограниченія: оно вѣрно и справедливо лишь въ безотносительномъ смыслѣ; когда же посмотрѣть ближе, что̀ могъ исполнить авторъ въ условіяхъ современнаго состоянія науки, то наше сужденіе окажется слишкомъ требовательнымъ и должно быть смягчено болѣе чѣмъ на половину. Первые шаги въ наукѣ всегда страдаютъ не только многими оступями, но и вообще нетвердостью: изслѣдователь часто идетъ наугадъ, часто долженъ довольствоваться одиѣми гипотезами, чтобы удовлетворить своему стремленію внести свѣтъ въ дотолѣ темную область; но было бы правильно основаніе его усилій — и они не останутся безплодны. Такой первый рѣшительный шагъ въ наукѣ на правильномъ основаніи дѣлаетъ г. Аѳанасьевъ, и не признавать этой заслуги изъ-за многихъ оступей, увлеченій и недостатковъ его, иногда неизбѣжныхъ при новизнѣ дѣла — будетъ болѣе чѣмъ несправедливо. Мы не сомнѣваемся, что дальнѣйшее движеніе науки измѣнитъ многое въ сравнительныхъ сближеніяхъ и объясненіяхъ г. Аѳанасьева, но мы думаемъ, что она оправдаетъ, приметъ и усвоитъ изъ нихъ еще болѣе, ибо и теперь, въ несовершенномъ видѣ, огромное большинство ихъ отличается достоинствомъ истины и полной убѣдительности.

Весь изслѣдовательный трудъ и вниманіе г. Аѳанасьева сосредоточивается преимущественно на вопросахъ о происхожденіи и первичномъ природномъ смыслѣ миѳическихъ представленій и фактовъ вѣрованья; но за этою первою, такъ сказать психологическою, задачею миѳолога, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ эпохой миѳовъ, лежащей выше обособленія отдѣльныхъ народностей, — стоитъ другая, по нашему мнѣнію еще болѣе важная,

задача, именно—раскрытіе историко-этнографическаго значенія миѳовъ у различныхъ народовъ. Здѣсь только миѳологъ становится на историческую почву и трудъ его получаетъ историческое значеніе. Г. Аѳанасьевъ вполнѣ признаетъ важность изслѣдованія историко-этнографической стороны миѳическихъ представленій, онъ дѣлаетъ иногда въ этомъ отношеніи весьма мѣткія наблюденія и замѣчанія (ср. II т. стр. 50, 618—619; III т. стр. 124 и др.); но вообще удаляется отъ историко-этнографическихъ объясненій и воздерживается отъ нихъ даже и тамъ, гдѣ они какъ бы напрашиваются сами собою. Отъ этого произошла не только общая односторонность сочиненія, но и весьма замѣтные внутренніе пробѣлы въ немъ. Войдемъ, для примѣра, въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ частностей, гдѣ авторъ, по нашему мнѣнію, не принялъ въ расчетъ требованій историческаго изслѣдованія. На стр. 2—5 (II т.) опредѣляется природное значеніе Сварожича и Радегаста, въ которыхъ авторъ видитъ одно и то же молніеносное божество; онъ принимаетъ, что первобытный воинскій характеръ этихъ миѳическихъ образовъ былъ причиною, почему они являются распорядителями войнъ. Это до извѣстной степени вѣрно, но зачѣмъ же авторъ остановился на этомъ объясненіи, зачѣмъ онъ не пошелъ далѣе путемъ историческимъ? Вглядѣвшись ближе въ подробности образовъ и атрибуты этихъ божествъ, которые передаютъ Титмаръ и Адамъ Бременскій, и сопоставивъ ихъ съ характеромъ быта балтійскихъ славянъ, онъ увидѣлъ бы, что не столько природное воинское значеніе Сварожича-Радегаста, сколько самая жизнь сдѣлала ихъ богами-воителями: среди мирнаго быта эти божества навѣрное не получили бы той грозной, воинственной опредѣленности, съ какою они явились у балтійскихъ славянъ, жизнь которыхъ вся проходила среди борьбы и воинскихъ тревогъ. Такіе образы божествъ, какъ Свантовитъ—у руянъ, Яровитъ—у лютичей, Сварожичь-Радегастъ—у ратарей—составляютъ не только явленія религіознаго быта, но факты самой исторіи, судьбы которой выразились въ нихъ такими яркими чертами.

Взглянувъ на дѣло съ этой стороны, авторъ могъ бы дополнить исторію миѳологическою страницею высокой важности. На стр. 225—229 (т. II) авторъ передаетъ преданія о рѣкахъ; въ миѳологическомъ отношеніи эти разсказы (если только они народнаго происхожденія, ибо та форма, въ которой они занесены въ книгу автора—не народнаго, а литературнаго источника) любопытны, какъ факты олицетворенія рѣкъ, но въ историко-географическомъ они также имѣютъ свою долю интереса, потому что указываютъ на народныя географическія понятія, образовавшіяся, конечно, отъ торговыхъ сношеній. Эпосъ здѣсь овладѣлъ результатомъ житейскаго опыта народа. Остановимся далѣе на нѣкоторыхъ признакахъ историко-этнографическаго быта въ преданіяхъ о домовомъ и лѣшемъ; авторъ съ большою вѣроятностью доказываетъ, что эти миѳическіе образы суть водворенные на землѣ древніе боги-громовники; но позволителенъ вопросъ: чтó вызвало это низведеніе надземныхъ существъ на землю, подъ вліяніемъ какихъ причинъ они получили тѣ черты, которыми обозначаются въ позднѣйшихъ преданіяхъ? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать иначе, какъ указаніемъ на историко-этнографическія формы быта. Дѣйствительно, не былъ ли образъ лѣшаго непосредственнымъ произведеніемъ тѣхъ условій жизни и той эпохи, когда, по словамъ лѣтописца, люди «живяху въ лѣсѣхъ, якоже всякій звѣрь», не соотвѣтствуетъ ли домовой условіямъ прочной осѣдлой жизни и ея порядкамъ! Причина, почему древнее природное представленіе было низведено на землю, заключалась именно въ новыхъ условіяхъ быта, которыя побуждали народную мысль или къ созданію чего-нибудь новаго, имъ соотвѣтственнаго, или къ подновленію стараго сообразно съ ихъ потребностями; послѣднее представлялось болѣе легкимъ и, такимъ образомъ, старые привычные образы водворялись на землѣ; но среди новой, земной обстановки, питаемые условіями народнаго быта, они развивались уже независимо отъ прежнихъ природныхъ основъ—на основаніяхъ историко-этнографическихъ. Потому—видѣть во всѣхъ чертахъ этого бытового періода миѳи-

ческихъ сказаній о лѣшемъ и домовомъ одни только подновленные отголоски древнихъ представленій и объяснять ихъ, какъ это нерѣдко дѣлаетъ г. Аѳанасьевъ (см. напр. II, 334, 337 и др.), позднѣйшею замѣною или перенесеніемъ,—значитъ все поступательное движеніе жизни и народной мысли сводить къ единственной косной работѣ претворенія стараго. На стр. 668 (II т.) авторъ указываетъ преданія, соединяемыя съ дѣйствительными или предполагаемыми изображеніями слѣдовъ богатырской ноги или копыта богатырскаго коня на камняхъ; онъ объясняетъ ихъ миѳологически, какъ отголосокъ представленія о миѳическихъ коняхъ, которые «ударяя своими копытами въ облачныя горы и камни, выбивали изъ нихъ живые источники дождевыхъ ливней»; мы же полагаемъ, что эти преданія относятся не къ столь отдаленной миѳологіи, и произошли вслѣдствіе желанія народа объяснить дѣйствительно существующія изображенія на камняхъ и скалахъ человѣчьей ступни или конскаго копыта [1]); иное дѣло преданіе о конѣ Ильи Муромца, который ударомъ копыта выбиваетъ ключевой источникъ (ср. пѣсни Кирѣевскаго, вып. I, прил. с. XXXIII): оно, нѣтъ сомнѣнія, передаетъ древній миѳъ и вполнѣ подходитъ къ объясненію г. Аѳанасьева. Въ историческомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія тѣ миѳическія сказанія, гдѣ человѣкъ выражаетъ превосходство своей природы предъ другими миѳологическими существами, богатыми внѣшней силой, но бѣдными смысломъ и умѣніемъ дать этой силѣ плодотворное для дальнѣйшихъ успѣховъ жизни направленіе, таковы напр. преданія о первой встрѣчѣ великановъ съ людьми (II, стр. 719) и объ одноглазомъ великанѣ (Полифемѣ, ib. стр. 696 и сл.). Г. Аѳанасьевъ при объясненіи ихъ ограничивается миѳическою стороною, которая, какъ бы ни была вѣрно опредѣлена, не исчерпываетъ сущности этихъ сказаній:

---

1) Происхожденіе этихъ изображеній — историко-юридическое: они служили знакомъ границы, до которой дошла и гдѣ остановилась нога завладѣтеля или его коня, сравни Grimm D. Rechtsalterthümer, p. 542.

въ первомъ изъ нихъ выражается понятіе о рѣшительномъ превосходствѣ новаго поколѣнія обитателей земли, людей-земледѣльцевъ предъ бродячимъ, чуждымъ условій общественной осѣдлой жизни поколѣній великановъ; во второмъ — о торжествѣ ума и искусства человѣка надъ неразумною силою ихъ. Только принявъ во вниманіе эти бытовые и нравственные мотивы сказаній, становится возможнымъ надлежащее уразумѣніе историческаго смысла и значенія ихъ. Весьма ощутительнымъ пробѣломъ въ сочиненіи г. Аѳанасьева представляется неполнота свѣдѣній о *великанахъ историческихъ*, въ наименованіяхъ которыхъ отразились воспоминанія о событіяхъ исторической жизни славянъ и враждебныхъ столкновеніяхъ ихъ съ чуждыми народами, именно: объ исполинахъ, обрахъ, щуди и велетахъ. На стр. 170 и слѣд. (т. III) авторъ указываетъ на воинскій характеръ вилъ, онъ относитъ его къ миѳическому источнику, такъ какъ «въ грозѣ древній человѣкъ созерцалъ борьбу стихій, кровавыя битвы и дикую охоту облачныхъ духовъ», а вилы несомнѣнно принадлежали къ разряду послѣднихъ; но можно спросить, почему идея же воинственности не соединена съ русалками, которыя по существу своему мало чѣмъ отличаются отъ вилъ? Очевидно, что не миѳическія причины, а воинскій характеръ самаго быта сербовъ отмѣтилъ чертами воинственности эти любимыя созданія его фантазіи; самъ авторъ замѣчаетъ далѣе (стр. 173), что вилы являются «защитницами политической свободы и общественныхъ интересовъ южныхъ славянъ»; такъ не ближе ли будетъ въ связи съ этимъ объяснять и характеръ ихъ, чѣмъ выводить его всецѣло изъ затеряннаго миѳическаго наслѣдства! То же самое замѣчаніе можемъ мы распространять и на выводъ автора (стр. 367, III т.), что «облачныя жены и дѣвы, подъ вліяніемъ различныхъ миѳическихъ сближеній, принимаютъ вѣщій и воинственный характеръ и дѣлаются участницами божественнаго суда»: никакія миѳическія сближенія не могли бы развить воинственный характеръ этихъ образовъ, еслибы къ тому не представила поводовъ самая исторія, тревоги воинской жизни и борьбы,

съ идеею которыхъ у многихъ племенъ неразлучно соединялась идея судьбы и суда божьяго! При объясненіи значенія народныхъ праздниковъ (гл. XXVIII) также, по нашему мнѣнію, слѣдовало указать на тотъ своеобразный *историческій* оттѣнокъ, съ которымъ они совершались у балтійскихъ славянъ (ср. Helm. I, 52; Ebo III, 3). Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, что авторъ мало расположенъ къ изслѣдованію историко-этнографическихъ началъ миѳологіи; кажется, впрочемъ, что эта задача совсѣмъ не входила въ планъ его труда: ему предстояло слишкомъ много работы при объясненіи возникновенія и первичнаго значенія фактовъ миѳологическаго содержанія, и онъ оставилъ будущимъ изслѣдователямъ исполненіе дальнѣйшаго. Потому хотя въ общемъ и должно признать, что сочиненіе г. Аѳанасьева, по отсутствію наблюденій надъ историко-этнографическимъ элементомъ славянской миѳологіи, страдаетъ односторонностью и неполнотой, но, въ виду обширности труда по исполненію первой задачи миѳологическаго изслѣдованія, мы едва ли имѣемъ право вмѣнять этотъ недостатокъ въ вину автору и поступимъ вѣрнѣе, объяснивъ его извѣстнымъ *воздержаніемъ*, а не невниманіемъ къ требованіямъ науки. Въ отношеніи *новѣйшей* миѳологіи должно замѣтить, что авторъ не имѣлъ въ виду спеціальнаго изслѣдованія ея и пользовался ея фактами на столько, на сколько въ нихъ вошли отголоски древнихъ миѳовъ, которые онъ и отыскиваетъ среди различныхъ созданій позднѣйшей суевѣрной фантазіи и мысли, уже осложнившихся множествомъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ и чуждыхъ вліяній. По большей части онъ исполняетъ это весьма удачно, но иногда, по отсутствію предварительной критической разработки источниковъ, или же по увлеченію спеціалиста, относитъ къ чистому миѳическому источнику такіе факты, которые вышли изъ гораздо болѣе поздняго литературнаго источника и должны быть объясняемы вліяніемъ христіанскихъ понятій и представленій. Мы еще будемъ имѣть случай коснуться этого предмета при разсмотрѣніи, какъ авторъ пользовался своими источниками, теперь же ограничимся немно-

гими замѣчаніями, собственно въ подтвержденіе высказаннаго нами сужденія. На стр. 458—69 (II т.) авторъ приводитъ славянскія преданія о сотвореніи міра. Можно согласиться съ его объясненіемъ, что первоначальный космогоническій миѳъ представляетъ образъ весенняго обновленія природы или созданія новой міровой жизни изъ зимняго ея омертвѣнія, но едва ли можно допустить, какъ полагаетъ авторъ, что этотъ миѳъ у славянъ непосредственно выразился въ приводимыхъ имъ преданіяхъ. Источникъ ихъ — вовсе не миѳическій, но книжный, апокрифическій (съ богумильскими элементами), который и указывается самимъ же авторомъ (стр. 462). Не станемъ спорить, можетъ-быть и въ основѣ апокрифическаго разсказа лежитъ зерно природнаго миѳа, но во всякомъ случаѣ онъ создался не на славянской почвѣ и только пересаженъ на нее при посредствѣ письменности, въ ту эпоху, когда съ миѳическими представленіями не соединялось никакаго природнаго значенія; поэтому миѳологическое объясненіе можетъ быть умѣстно развѣ въ отношеніи тѣхъ прибавокъ и отступленій противъ подлинника, которыя находятся въ преданіяхъ. На стр. 161 — 2 (II т.) авторъ говоритъ: «земля, по свидѣтельству старинныхъ памятниковъ, покоится на водахъ всесвѣтнаго (воздушнаго) океана...; но какъ тучи, эти небесныя водохранилища, олицетворялись въ образѣ великанскихъ рыбъ, то отсюда возникло вѣрованіе, что *земля основана на китахъ-рыбахъ*». По отношенію къ славянскимъ преданіямъ можно навѣрное сказать, что это вѣрованіе (!) возникло не изъ миѳологическаго представленія, а изъ источника книжнаго, апокрифическаго, который и указывается далѣе авторомъ (стр. 163 и сл.). Киты — носители вселенной не могли принадлежать славянской миѳологіи уже и потому, что славяне познакомились съ этимъ животнымъ въ очень позднее время. На стр. 44 (III т.) авторъ касается извѣстной «Повѣсти о бодрости человѣческой» или «о преніи Живота со Смертью»; онъ вѣрно опредѣляетъ христіанскій характеръ и позднѣйшее литературное происхожденіе этихъ произведеній, но потомъ самъ же отступаетъ

отъ этой мысли и говоритъ, что «можно допустить обратное воздѣйствіе, т. е. переходъ устнаго *древне-миѳическаго* сказанія о борьбѣ жизни и смерти въ старинные рукописные памятники, при чемъ оно необходимо подверглось литературной обработкѣ». На основаніи этого соображенія авторъ и вноситъ въ миѳологію важнѣйшіе мотивы этой «Повѣсти». Не входя въ разсужденіе о *возможности* такого обратнаго перехода, замѣтимъ, что гораздо надежнѣе было бы держаться *исторической достовѣрности*, т. е. указаній на позднѣйшій литературный источникъ этихъ произведеній средневѣковой трагической мысли о непрочности земнаго величія: внѣшнее сходство образовъ еще не представляетъ ручательства въ основной ихъ торжественности. Равнымъ образомъ и въ дальнѣйшемъ объясненіи «печальной обязанности» смерти — авторъ, какъ полагаемъ, слишкомъ много даетъ простора природно-миѳологическому объясненію и слишкомъ мало принимаетъ въ расчетъ религіозно-миѳологическую исторію этихъ образовъ, образовавшихся подъ вліяніемъ и при содѣйствіи разнообразныхъ этнографическихъ началъ, ибо — нѣтъ сомнѣнія, что представленія восточной (египетской) миѳологіи о божествахъ смерти перешли въ античную, а отсюда — въ христіанскую миѳологію[1]), въ которой, по переработкѣ, пустили такіе глубокіе корни! Иногда авторъ соединяетъ совершенно различные и только формально тождественные предметы; это особенно видно въ главѣ (XXV, II т.) о «дѣвахъ судьбы» — Рожаницахъ: онъ приводитъ много мѣстъ изъ русскихъ и славянскихъ памятниковъ о существованіи астрологическихъ понятій и ученій въ древней Руси, пришедшихъ изъ Византіи и Запада; но что общаго между ними и древне-славянскимъ вѣрованіемъ въ Родъ и Рожаницы? Правда, и астрологія основывала свои заключенія на теченіи звѣздъ и Рожаницы стояли въ связи со звѣздами; но первая — въ полномъ смыслѣ чужое, заносное знаніе,

---

1) См. ст. A. Maury: Des divinités et des génies psychopompes въ Revue archéologique 1845, t. I.

вторыя — естественно — произведеніе славянскаго народнаго вѣрованія. Авторъ видитъ это (стр. 322), но полагаетъ, что астрологическія ученія потому и находили сочувствіе народа, что основывались на древнѣйшихъ его вѣрованіяхъ; этимъ, по его мнѣнію, «объясняются и тѣ постоянные протесты, съ которыми вынуждена была выступать церковь противъ такъ называемаго «звѣздословія». Касаясь самаго жизненнаго вопроса о судьбѣ человѣка, астрологія могла находить сочувствіе въ народѣ и помимо своего родства съ его древнѣйшими вѣрованіями; въ то время, когда начали входить къ намъ астрологическія понятія, вѣрованіе въ Рожаницъ и связь ихъ съ звѣздами представлялось до того поблеклымъ, что едва ли народъ могъ приводить его въ какое-либо соотношеніе съ новымъ ученіемъ; протесты церкви противъ «звѣздословія» также мало указываютъ на народный элементъ астрологіи: они объясняются православнымъ направленіемъ русской церкви, которая не могла равнодушно отнестись къ еретичеству «звѣздословія». Отдѣливъ должнымъ образомъ *старое* и *народное* отъ *новаго* и *заноснаго*, авторъ правильно освѣтилъ бы и древне-миѳологическое значеніе. Рожаницъ и астрологическія суевѣрія позднѣйшей миѳологіи и, конечно, не имѣлъ бы нужды возводить послѣднія къ древнѣйшему миѳическому источнику. Вліяніе христіанства обнаружилось не только въ формальной замѣнѣ старыхъ образовъ и представленій новыми, или въ подставкѣ ихъ, но и въ созданіи новыхъ, дотолѣ совершенно чуждыхъ народнымъ понятіямъ. Если первые допускаютъ миѳологическую реставрацію, то вторые, не имѣя прямой связи съ природнымъ міровоззрѣніемъ, должны быть объясняемы изъ запаса христіанскихъ понятій и представленій. Обративъ вниманіе на внѣшность, въ нихъ найдешь не мало чертъ и мотивовъ древне-языческихъ воззрѣній: это было естественнымъ слѣдствіемъ преемственности историческихъ явленій; христіанская миѳологія развилась на готовой почвѣ и унаслѣдовала многіе элементы изъ древняго міра, но она своеобразно переработала ихъ и окончательно оторвала отъ при-

родной языческой основы, потому и объяснять ихъ послѣднею — невозможно. Нѣтъ сомнѣнія напр., что средневѣковая демонологія по своимъ пластическимъ, внѣшнимъ образамъ представляетъ прямой отголосокъ античнаго язычества; но кто захотѣлъ бы объяснять ее первоначальнымъ природнымъ значеніемъ послѣдняго, тотъ, конечно, пошелъ бы по совершенно ложной дорогѣ и исказилъ бы сущность историческаго явленія. Тѣмъ менѣе, полагаемъ, существуетъ основаній къ объясненію такихъ своеобразныхъ фактовъ христіанской миѳологіи всецѣло изъ представленій славянскаго народнаго язычества: славяне, чрезъ посредство исторіи и литературы, получили эти факты готовыми, ихъ языческій капиталъ вовсе не участвовалъ въ *созданіи* представленій христіанской миѳологіи, а развѣ только въ нѣкоторыхъ *измѣненіяхъ* или прибавкахъ къ нимъ, потому, подбирая послѣднія и пользуясь ими, миѳологъ не долженъ распространять далѣе своего экзегеза и принимать за язычество то, чтó въ сущности принадлежитъ новымъ христіанскимъ воззрѣніямъ. Не всегда такъ поступаетъ г. Аѳанасьевъ; на стр. 29 и сл. (III т.) напр. онъ представляетъ весьма интересную картину мученій въ загробной жизни и входитъ въ миѳологическое объясненіе ея подробностей; на нашъ взглядъ *непосредственная*, *внутренняя* связь этихъ представленій съ язычествомъ не только подлежитъ сомнѣнію, но и можетъ быть прямо отрицаема: христіанская идея строгаго возмездія за гробомъ воспользовалась только нѣкоторыми старинными чертами, чтобы создать свою новую картину, которая, по основной мысли (возмездія) была совершенно чужда языческому міру. Славянскія преданія и разсказы о загробныхъ казняхъ вышли несомнѣнно изъ произведеній апокрифической и легендарной литературы (каковы напр. «Хожденіе Богородицы по мукамъ», «Житіе Василія Новаго», «Слово о воздушныхъ мытарствахъ Аврамія Смоленскаго» и пр.), и если авторъ называетъ ихъ *миѳами* (стр. 32), то это справедливо въ смыслѣ позднѣйшемъ, христіанскомъ, но никакъ не въ языческомъ, и какъ ни интересны и важны они для исторіи народ-

ныхъ понятій и культуры славянской миѳологіи, съ ними дѣлать нечего.

Отъ замѣчаній на общіе пріемы изслѣдованія автора перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какъ пользовался онъ своими источниками.

Всего слабѣе разработаны славянскія миѳологическія древности — въ *лингвистическомъ отношеніи;* г. Аѳанасьевъ воспользовался почти всѣмъ, что̀ доселѣ сдѣлано у насъ въ этой области; но, несмотря на это, лингвистическая сторона его труда представляется все же крайне бѣдною сравнительно съ богатствомъ другихъ сторонъ: онъ очень часто прибѣгаетъ къ общему указанію на *древній метафорическій языкъ*, какъ на ключъ къ разгадкѣ миѳическаго разсказа; но рѣдко приводитъ дѣйствительные примѣры этого языка, почерпнутые изъ лексиконовъ славянскихъ нарѣчій, такъ что его слова имѣютъ болѣе характеръ вѣрнаго гипотетическаго указанія, чѣмъ доказательства. Съ умѣніемъ и не малымъ трудомъ авторъ выбралъ изъ русскихъ словарей тѣ слова и выраженія, которыя могли послужить его миѳологическому объясненію, воспользовался отчасти и запасомъ словъ древне-славянскаго языка; но словари прочихъ славянскихъ нарѣчій остались не только не исчерпаны, но даже не видно, чтобы они были систематически, а не случайно употребляемы въ дѣло. Важный для миѳологическаго изслѣдованія матеріалъ топографическаго славянскаго ономастикона принятъ авторомъ во вниманіе настолько, насколько имъ можно было располагать въ коллектанеахъ Ходаковскаго (въ 7-мъ т. Сборника русскаго историческаго Общества); но со времени Ходаковскаго наука сдѣлала весьма значительныя въ этомъ отношеніи пріобрѣтенія, назовемъ напр. превосходные индексы къ регестамъ и грамотамъ славянъ балтійскихъ и чешскихъ (Codex Pomeraniae diplomaticus, hrsg. v. Hasselbach, Kosegarten und Medem. 1843 sq.; Meklenburgisches Urkundenbuch, 4 т., 1867; Regesta Bohemiae et Moraviae ed. Erben, P. 1855, стр. 185, Codex diplomaticus Poloniae ed. Rzyszczewski et Muczkowski. V.

1847—58, т. 3), сочин. Миклошича: Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen. W. 1864, сочиненіе Клэдена: «Die Götter des Wendenlandes, und die Orte ihrer Verehrung» (въ Märkische Forschungen, III B. 2); наконецъ — обстоятельные «Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи». Воспользовавшись матеріаломъ этихъ источниковъ, хоть по индексамъ, авторъ могъ бы во многомъ пополнить историческія свѣдѣнія о славянскомъ язычествѣ, какъ со стороны поэтическихъ воззрѣній его на природу, такъ и въ отношеніи религіозной этнографіи. Сравнительныя этимологическія объясненія автора не многочисленны и не обнаруживаютъ притязаній на самостоятельность: не будучи лингвистомъ, онъ довольствовался передачею того, что̀ находилъ въ ближайшихъ пособіяхъ и что̀, по крайнему разумѣнію, признавалъ за вѣрное; потому хотя его трудъ и бѣденъ лингвистическими разысканіями, но онъ не мало выигрываетъ отсутствіемъ произвольныхъ и гадательныхъ толкованій словъ, отъ чего не свободны еще многіе изслѣдователи древности[1]).

Полнымъ хозяиномъ является авторъ въ области источниковъ *народнаго быта* (вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ) и *народной поэзіи:* ему одинаково знакомы и важнѣйшія собранія преданій родственныхъ племенъ, и собранія славянскія, онъ не упускаетъ изъ виду никакихъ существенныхъ[2]) успѣховъ и пріобрѣтеній

1) Какъ на рѣдкое отступленіе отъ обычной лингвистической сдержанности автора укажемъ здѣсь на этимологическое отождествленіе его, конечно — невольное, допущенное по недосмотру, слова князь съ словомъ книга; иначе мы объяснить себѣ не можемъ, почему въ рядъ славянскихъ словъ: князь, knez, ksiądz попали и černokněžnik, — stwi = чернокнижникъ, чародѣй!

2) Къ такимъ *существеннымъ* пріобрѣтеніямъ науки г. Аѳанасьевъ, какъ видно, вовсе не причисляетъ новаго объясненія происхожденій русскихъ былинъ, высказаннаго и развитаго г. Стасовымъ: онъ оставляетъ его безъ вниманія — и, по нашему мнѣнію, имѣетъ на то основаніе. Будучи совершенно далеки отъ стремленія вносить въ область науки посторонніе, къ ней непринадлежащія, симпатіи и мысли, мы не задумались бы ни на одну минуту принять теорію г. Стасова во всемъ ея объемѣ и со всѣми послѣдствіями, если бы только она имѣла силу убѣдительности и была доказана съ *соблюденіемъ*

науки, не только умѣя усвоить ихъ, но и часто дополняя ихъ новыми наблюденіями, открывая новыя стороны предмета. Въ отношеніи полноты матеріала, хотя критика и можетъ замѣтить нѣкоторые пропуски, но и трудолюбіе автора и его собственная оговорка (см. Послѣсловіе къ I т.), показывая, что эти упущенія не зависѣли отъ воли его, дѣлаютъ всякій упрекъ неумѣстнымъ [1]). Изслѣдованіе г. Аѳанасьева — естествен-

---

строгихъ ученыхъ пріемовъ. Къ сожалѣнію, этого-то мы и не могли отыскать въ ней: сравнительный методъ изслѣдованія автора мало соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ науки и принадлежитъ въ ея прошедшему, когда рѣшали бы сближеніемъ сходныхъ по *внѣшности* явленій. Выводы автора стоятъ въ зависимости отъ его метода и потому — естественно — не могутъ быть признаны убѣдительными. Мы не думаемъ отрицать всякую пользу и достоинство труда г. Стасова: при изслѣдованіи *археологическаго* матеріала былинъ наука воспользуется его искусной группировкой фактовъ и многими отдѣльными его замѣтками; но главная мысль статьи, отрицаніе народности происхожденія русскихъ былинъ, до поры, пока оно не будетъ доказано болѣе строгими учеными доводами — останется гипотезой, съ которой наукѣ дѣлать нечего.

1) *Укажемъ*, однако, на важнѣйшіе сборники фактовъ народнаго быта и поэзіи, которыми не могъ воспользоваться г. Аѳанасьевъ. Относительно Литвы: Jucewicz—Litwa pod względem starożytnych zabytków. W. 1846; Lepner — Der Preusche Littauer, hrsg. v. Jordan, B. 1848; Töppen: Geschichte d. Heidenthums in Preussen (Neue Preuss. Prov. Bl. 1846, t. I), его-же: Die letzten Spuren des Heidenthums in Preussen (ib. t. II); Bender: Zur altpreussischen Mythologie und Sittengeschichte (Altpreuss. Monatschrift, 1865, t. 2, 1867, t. 4); относительно славянъ польскихъ: Gołębiowski — Lud Polski, jego zwyczaje i zabobony, W. 1830; его-же—Gry i zabawy różnych stanów, Warsz. 1831; его-же: Domy i dwory, W. 1830; Maciejowski: Polska aż do pierwszéj połowy XVII wieku pod względem obyczajów i zwyczajów. W. 1842, 4 v.; Kozłowski: Lud. Pieśni, Podania, Baśnie, Zwyczaje i Przesądy ludu z Mazowsza. W. 1868, 4 вып.; Oscar Kolberg — Lud, jedo zwyczaje i sposób życia. Warsz. 1857 — 70, 8 v.; J. Grajnert — Studya nad podaniami ludu naszego (въ Biblioteka Warszawska 1859, t. 2 и 3); Töppen—Aberglauben aus Masuren. L. 1868; относительно славянъ чешскихъ и моравскихъ: Krolmus — Staročeski pověsti, hry obyčeje etc. Pr. 1845 — 51, 3 v.; Kulda — Der Aberglauben und die Volksgebräuche in der Mährischen Walachei (въ Schriften der hist. stat. Section d. mährischlesischen Gesellschaft der Natur- und Landes-Kunde. Br. 1856, B. IX); Houška: Pověri národní v. Čechách (Čas. č. Mus. 1853, 1854, 1856); относительно славянъ лужицкихъ: Горчанскаго — Von den Sitten und Gebräuchen der heutigen Wenden (Provinzialblätter, I. 1782); Pannach: Reliquien der Feld-, Wasser- und Hausgötter unter den Wenden (Lausitz. Monatschr. 1797); относительно славянъ сербскихъ: Караджичъ — Живот и обичаjи народа српскога, Б. 1867; Ljubic: Obi-

но — обращено только къ миѳологическому элементу произведеній народнаго быта и поэзіи; но желая осмотрѣть ихъ съ этой стороны со всевозможною полнотою, стремясь не проглядѣть въ нихъ ни одной черты миѳическаго характера, авторъ, во-первыхъ, иногда переходитъ законную грань и ищетъ миѳическаго начала тамъ, гдѣ его нѣтъ; во-вторыхъ, пользуется нѣкоторыми указаніями, которыя, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются сомнительными или вовсе недостовѣрными. Приведемъ доказательства того и другаго. На стр. 29 (II т.) авторъ видитъ слѣды древняго поклоненія очагу въ слѣдующихъ пословицахъ: «на печкѣ сидѣлъ, кирпичамъ молился» (русск.), «ко није вићео цркве—и пећи се клања (сербск.); далѣе, на стр. 37 (II т.) мы читаемъ: «отголосокъ древнѣйшаго вѣрованія, что дѣти суть плодъ благодатнаго вліянія Агни, слышится въ сербской эпической формулѣ, которою выражается мать о своемъ ребенкѣ: «моје благо у пепелу расте». Обративъ вниманіе на то, какую роль играетъ печь въ ежедневномъ бытѣ простолюдина, авторъ не отыскалъ бы въ этихъ пословицахъ ни малѣйшаго слѣда миѳологическихъ отголосковъ: въ переложеніи на обыкновенный, не фигурный языкъ первыя просто обозначаютъ человѣка, который не усерденъ къ хожденію въ церковь и лѣнится на печи; вторая же—указываетъ только на обычное дѣтское занятіе возиться въ золѣ возлѣ печки (ср. сказки на стр. 483 и сл.). Особенно широко пользуется г. Аѳанасьевъ сказками: онъ объясняетъ съ миѳологической точки зрѣнія самыя мельчайшія ихъ подробности. Такой пріемъ намъ кажется слишкомъ смѣлымъ при теперешнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ этомъ родѣ поэтическихъ произведеній: не говоря уже о томъ, что многія сказки переходили отъ одного народа къ другому и путемъ книжной, литературной и путемъ устной передачи, до-

čaji kod Morlakah u Dalmacii. Z. 1846; наконецъ, относительно славянъ русскихъ: Czerwiński—Okolica zadniestrska, Lw. 1811, Schmidt-Goebel—Russinische Volksnaturgeschichte (въ Oesterreichische Revue. 1865, t. 3, 4 и 5).

вольно вникнуть въ самый характеръ ихъ, чтобы воздержаться отъ рѣшительныхъ г[illegible]къ возводить каждую черту и каждый мотивъ ихъ къ природному миѳологическому источнику: болѣе чѣмъ прочія произведенія народной поэзіи, выражающіяся въ строгой эпической формѣ, сказка подвержена свободной обработкѣ сказателя и посторониимъ случайнымъ прибавкамъ; онѣ являются по первому ближайшему поводу, часто безъ всякаго отношенія къ какимъ-либо миѳическимъ воспоминаніямъ, вызываемыя единственно движеніемъ соображенія или фантазіи разсказчика; возьмемъ одинъ примѣръ, на стр. 779 (II т.) г. Аѳанасьевъ приводитъ сказку о трехъ братьяхъ, названныхъ по времени ихъ рожденія: *Вечоркой*, *Полуночкой* и *Зорькой*; онъ видитъ въ этихъ именахъ миѳическіе отголоски[1]); но представимъ себѣ, что разсказчикъ разсказывалъ сказку о подвигахъ трехъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ родился вечеромъ, другой — въ полночь, третій — на зарѣ, какъ обыкновенно случается въ сказкахъ, эти братья не имѣли опредѣленныхъ именъ; и затѣмъ, чтобы отвѣтить требованіямъ обычая, и затѣмъ, чтобы различить героевъ, сказочникъ чувствовалъ побужденіе окрестить ихъ именами, его мысль остановилась на признакѣ времени рожденія — и вотъ явились Вечорка, Полуночка, Зорька; другой разсказчикъ былъ менѣе оригиналенъ, онъ воспользовался бы обыкновенными именами христіанскаго календаря и назвалъ бы своихъ героевъ Иваномъ, Петромъ или Дмитріемъ и т. д.; но какъ въ послѣднихъ не возможно видѣть никакого миѳическаго отголоска, такъ точно и въ первыхъ. Чтобы увѣриться, что сказка можетъ осложняться фантастическими или естественными прибавками и мотивами, вовсе независящими отъ природной миѳической основы, стоитъ только сравнить сказку, передѣланную изъ былины, съ ея источникомъ — и свобода сказочной обработки станетъ ясна

1) «Такъ какъ темные облачные покровы отождествлялись съ ночнымъ мракомъ, а грозовое пламя съ румянымъ отблескомъ зари, то понятно, почему молніеносымъ богатырямъ, рождающимся изъ нѣдръ ночеподобныхъ тучъ, присвоены названія: Вечорка, Полуночка и Зорька» (стр. 779, II т.).

сама собою. Не споримъ, что часто весьма трудно полагать строгое различіе между природно-миѳическимъ элементомъ сказки и свободнымъ поэтическимъ началомъ ея, такъ какъ послѣднее нерѣдко пользуется тѣмъ же старымъ запасомъ миѳическаго чудеснаго, но во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, наука здѣсь болѣе выиграла бы отъ нѣкотораго ограниченія въ миѳологическихъ толкованіяхъ, чѣмъ отъ широкаго, но шаткаго, примѣненія ихъ. Другое замѣчаніе, какое мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать автору, касается нѣкоторыхъ сборниковъ, которымъ онъ довѣрялъ и которые едва ли заслуживаютъ довѣрія; потому что, вмѣсто простой передачи фактовъ народнаго быта и поэзіи, они предлагаютъ украшенную обработку ихъ, вмѣсто ученыхъ цѣлей — преслѣдуютъ литературныя. Весь запасъ литовскихъ преданій, столь важныхъ для сравнительнаго сопоставленія съ славянскимъ, авторъ почерпнулъ изъ книги: «Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа». В. 1854. Книга дѣйствительно интересная и въ отношеніи миѳологіи, но на сколько достовѣрны ея свѣдѣнія, можно видѣть уже изъ того, что всѣ они почти цѣликомъ взяты изъ Литовской миѳологіи Нарбутта, изслѣдователя самаго не достовѣрнаго въ предметѣ миѳологіи, не обладавшаго даже достаточными познаніями въ литовскомъ языкѣ и потому населившаго литовское язычество и множествомъ вымышленныхъ боговъ и множествомъ преданій въ новѣйшемъ вкусѣ[1]). То же можно замѣтить и о книгахъ г. Боричевскаго: «Повѣсти и преданія славянскаго племени», который передалъ въ литературной формѣ многіе народные и ненародные разсказы (таковы напр. взятые имъ изъ Клеходъ Войцицкаго). Пользоваться подобными сборниками — опасно, особенно, когда нѣтъ средствъ по ихъ указаніямъ дойти до чистаго, неискаженнаго источника. Позволимъ себѣ сдѣлать еще одно общее замѣчаніе о миѳологи-

1) Довольно вѣрную оцѣнку Миѳологіи Нарбутта сдѣлалъ г. Микуцкій въ Gazeta Warszawska 1854 № 18 — 19; ср. также Biblioteka Warszawska, 1868, T. I, p. 448 sq.

ческихъ объясненіяхъ автора въ примѣненіи къ народной поэзіи. Если не ошибаемся — онъ слишкомъ расширяетъ объемъ такъ называемой *арійской эпохи* и относитъ къ ней такіе факты, которые могли развиться только гораздо позднѣе: онъ основывается на видимой *тождественности* и *сходствѣ* преданій у различныхъ индо-европейскихъ племенъ; такое основаніе въ отношеніи *языка* должно быть признано вполнѣ твердымъ и вѣрнымъ; но относительно преданій и мотивовъ народной поэзіи оно оказывается шаткимъ и недостаточнымъ; ибо не подлежитъ сомнѣнію, что сходныя, даже тожественныя преданія и черты могутъ возникать у разныхъ народовъ независимо, могутъ и переходить отъ одного народа къ другому. Удовлетворяя требованіямъ строгаго ученаго метода, необходимо различать *психическое* и *этнографическое* тожество народныхъ преданій, необходимо всегда имѣть въ виду, что послѣднее можетъ быть безошибочно отмѣчено только тогда, когда встрѣчаетъ поддержку со стороны языка; равнымъ образомъ — и въ общемъ понятіи объ эпохѣ арійскаго единства — слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, строго держаться тѣхъ положительныхъ данныхъ, которыя добыты сравнительнымъ языкознаніемъ; иначе, оступи и преувеличенія — неизбѣжны.

Авторъ придаетъ не малую цѣну и *историческимъ свидѣтельствамъ* о славянскомъ язычествѣ, русскія и нѣкоторыя славянскія свидѣтельства ему извѣстны ex ipso fonte, другія же греческія, латинскія и арабскія (за вычетомъ Ибнъ-Фадлана и Ибнъ-Дасты, которые близко знакомы ему)—изъ вторыхъ рукъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, позволительно заключать изъ того, что въ его, вообще очень тщательномъ, трудѣ встрѣчаются неточности и пропуски въ отношеніи историческихъ свидѣтельствъ, которые иногда даютъ поводъ и къ ложнымъ заключеніямъ. Укажемъ важнѣйшее: нѣсколько разъ авторъ пользуется чешскими глоссами Вацерада къ Санъ-Галленскому словарю «Mater verborum», но каждый разъ онъ понимаетъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто-бы Вацерадъ чешскія слова объяснялъ латин-

скими толкованіями [1]), тогда какъ въ дѣйствительности происходило обратное: къ готовымъ латинскимъ словамъ знаменитаго энциклопедическаго словаря Вацерадъ пріискивалъ и сочинялъ слова чешскія (и нѣмецкія). Это обстоятельство никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду при историческомъ употребленіи чешскихъ глоссъ: не принявъ его въ достаточное вниманіе, можно легко впасть въ многія ошибки: можно подумать, что всѣ глоссы идутъ изъ прямого народнаго источника, можно и латинскому тексту приписать *объяснительное* значеніе и на немъ основать заключенія о славянскихъ древностяхъ. Послѣднее и случилось съ г. Аѳанасьевымъ. Къ словамъ Mater uerborum: «*triceps*, qui habet capita tria capree» Вацерадъ поставилъ славянскую переводную глоссу: *trihlav*, отсюда авторъ заключилъ, что Триглавъ почитался у чеховъ и имѣлъ три козлиныя головы, «что свидѣтельствуетъ, будто бы, за его громоносное значеніе» (козелъ—животное, посвященное Тору, стр. 524, II т.) и что роднитъ его съ сербскимъ Трояномъ, у котораго были козьи уши (стр. 643, II т.). Здѣсь — отъ невѣрнаго взгляда на характеръ памятника вышелъ цѣлый рядъ произвольныхъ заключеній: латинскій текстъ вовсе не относится къ славянскому божеству, онъ существуетъ самъ по себѣ и вообще ни въ чемъ не касается ничего славянскаго; Вацерадова глосса есть простой переводъ слова *triceps*, можетъ-быть, также безъ всякаго отношенія къ славянскому идолу; заключеніе, что чехи почитали Триглава, не находя никакой поддержки въ другихъ свидѣтельствахъ старины, не можетъ быть выводимо изъ одного Вацерада даже и въ томъ случаѣ, если принять, что съ глоссой Trihlau онъ соединялъ представленіе о славянскомъ идолѣ: Вацераду — можно ду-

---

1) Стр. 338 (II т.): «въ старинныхъ глоссахъ, приводимыхъ Ганкою, слово uilcodlac *истолковано*: faunus»; на стр. 188 (III т.): «Вацерадъ *толкуетъ* слово poludnice — dryades, deae siluarum»; стр. 565 (т. III in notis): «въ Mater uerborum — uilkodlaci *истолковано*: incubi». По настоящему слѣдовало бы сказать: «слова — faunus, dryades, incubi Вацерадъ *толкуетъ* словами: uilcodlac, poludnice».

мать — были извѣстны миѳологическія древности балтійскихъ славянъ. Послѣднія два миѳологическія толкованія, какъ выводы изъ предыдущаго, падаютъ сами собою. И напрасно авторъ не провѣрилъ воображаемаго факта свидѣтельствами очевидцевъ у жизнеописателей Оттона Бамбергскаго, которые очень подробно описываютъ штетинскій идолъ Триглава (Ebo: III, 1; Herbordus: II, 18) и, конечно, ни словомъ не поминаютъ козлиныхъ ушей его. На стр. 83 (II т.) говорится, будто-бы «Титмаръ упоминаетъ о гаданіи у славянъ *по пеплу*»; авторъ былъ введенъ въ невѣрное показаніе своимъ ближайшимъ источникомъ: Титмаръ ничего не говоритъ о *гаданіи* по пеплу, онъ передаетъ только (lib. I, c. 3), что на озерѣ «Glomaci» (въ землѣ Долинцовъ) творятся чудеса: пока въ странѣ господствуетъ миръ и плодородіе, поверхность его бываетъ покрыта пшеницей, овсомъ и желудями; когда же угрожаетъ война, озеро предвѣщаетъ будущій исходъ ея кровью и *пепломъ*. Въ главѣ о гаданіяхъ (l. VI, c. 17) Титмаръ вовсе не упоминаетъ о пеплѣ. На стр. 55 (II т.), положившись на показаніе Ходаковскаго, авторъ утверждаетъ, что «по указанію старыхъ саксонскихъ писателей, славянскіе владѣтели за р. Одрою соединяли съ своею свѣтскою властью и духовную». Ничего подобнаго нельзя найти въ самихъ источникахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ изъ нихъ, которые современны эпохѣ самостоятельнаго существованія балтійскихъ славянъ. На стр. 265 (II т.) сообщается извѣстіе, что «при закладкѣ храма (у балтійскихъ славянъ) избранное мѣсто очищалось огнемъ и водою, при пѣніи и плясках». Такаго извѣстія, сколько намъ вѣдомо, нѣтъ ни въ одномъ древнемъ источникѣ, и если это заключеніе самаго автора, основанное на какомъ-нибудь намекѣ позднѣйшаго обычая, то его слѣдовало выдѣлить изъ ряда собственно историческихъ свидѣтельствъ. На стр. 246 (т. III), слѣдуя Мацѣевскому, извѣстная грамота папскаго легата Якова 1249 г. усвояется поморянамъ, тогда какъ въ дѣйствительности она относится только къ прусской Литвѣ и не должна быть включаема въ число источниковъ славянскихъ древно-

стей [1]). На сколько полны сообщаемыя авторомъ русскія историческія свидѣтельства о славянскомъ язычествѣ, на столько же у него неполны и недостаточны по своей краткости свидѣтельства греческихъ, латинскихъ и арабскихъ писателей: иногда опускается самое существенное, такъ напр. въ главѣ XXV (о Судьбѣ) не только не объяснено, но даже и не упомянуто знаменитое свидѣтельство Прокопія о томъ, что славяне не знаютъ Судьбы (De bello Gothico III, c. 14); отдѣлъ о жертвоприношеніяхъ, идолахъ и храмахъ у славянъ также нуждается въ значительныхъ пополненіяхъ и болѣе точномъ изложеніи [2]). Кажется, впрочемъ, что авторъ и не имѣлъ въ виду полнаго собранія историческихъ свидѣтельствъ о славянскомъ язычествѣ, что онъ обращался къ нимъ въ той мѣрѣ, въ какой они могли служить пособіемъ при объясненіи фактовъ и отголосковъ язычества, сохранившихся въ преданіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ современнаго быта; тѣмъ не менѣе, думаемъ мы, удовлетворивъ и въ этомъ отношеніи требованія науки, онъ значительно увеличилъ бы достоинство своего труда.

Хотя памятники *славянской* и *русской* письменности гораздо позднѣе языческой эпохи, хотя исключительное направленіе рѣдко позволяло имъ входить въ интересы стараго быта, но все же въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились живые слѣды борьбы язычества съ христіанствомъ и весьма важные, нерѣдко единственные, факты языческихъ вѣрованій и обычаевъ; потому значеніе этого рода свидѣтельствъ въ наукѣ славянскихъ древностей стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Г. Аѳанасьевъ

---

1) См. наше изслѣдованіе: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. М. 1868, стр. 182—8.

2) Такъ при обозрѣніи языческихъ жертвоприношеній изъ показаній западныхъ лѣтописцевъ приводится очень немногое и то въ общихъ словахъ; извѣстія о храмахъ и идолахъ, кромѣ своей неполноты (обойдены напр. показанія Массуди, біографовъ Оттона и т. д.), страдаютъ еще тѣмъ недостаткомъ, что представлены въ *своде*, безъ различія къ какимъ племенамъ и мѣстностямъ относится каждое, такъ что незнакомые съ предметомъ легко могутъ подумать, что каждый храмъ у балтійскихъ славянъ былъ именно таковъ, какимъ его описываетъ авторъ.

пользуется произведеніями письменности съ такимъ исчерпывающимъ, всестороннимъ вниманіемъ, умѣетъ отыскать въ нихъ такія интересныя стороны, доселѣ почти нетронутыя наукою, что мы могли бы привѣтствовать науку съ богатѣйшимъ пріобрѣтеніемъ, если бы цѣны его значительно не уменьшалъ самый характеръ тѣхъ письменныхъ источниковъ, которыми особенно часто пользовался авторъ. Мы разумѣемъ источники переводные, занесенные къ намъ изъ Византіи, и между ними преимущественно произведенія апокрифической литературы, или — какъ ихъ называли у насъ — *отреченныя книги*. Авторъ заимствуетъ изъ ихъ баснпаго содержанія весьма многія данныя[1]), но оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи на счетъ причинъ такого заимствованія. Судя по тому, какое широкое, самостоятельное мѣсто въ своемъ изслѣдованіи отводитъ онъ этимъ источникамъ, можно подумать, что онъ считаетъ ихъ прямымъ матеріаломъ древне-славянскаго язычества, но допустить въ авторѣ такое странное мнѣніе трудно: ему хорошо извѣстно, что апокрифы — произведенія не русскаго, а византійскаго или иного происхожденія, что они распространились у насъ въ переводахъ въ довольно позднюю эпоху и, стало быть, стоятъ рѣшительно внѣ непосредственной связи съ древнимъ, языческимъ міровоззрѣніемъ славянъ.... Остается предположить, что авторъ, допуская несомнѣнное участіе апокрифовъ въ образованіи позднѣйшихъ суевѣрныхъ представленій и мнѣній народа, пользуется ими въ смыслѣ источника новѣйшей русской миѳологіи; но и это предположеніе отстраняется словами самаго автора: «основываясь на свидѣтельствахъ апокрифической литературы, говоритъ онъ, обыкновенно думаютъ, что тѣ суевѣрныя представленія, какія равно встрѣчаются и въ отреченныхъ памятникахъ, и въ устахъ простолюдиновъ, проникли въ народъ путемъ книжнаго вліянія; но если принять во вниманіе, что представленія эти стоятъ въ

---

1) См. томъ II, стр. 83, 162 — 4, 294, 356, 447, 557, 584, 592 — 3; томъ III, стр. 61 — 2, 301, 304, 418, 440 и др.

тѣснѣйшей связи съ прочими, несомнѣнно народными вѣрованіями, то едва ли не слѣдуетъ заключить, что самые апокрифы заимствовали свои басни изъ древнѣйшихъ языческихъ преданій, болѣе или менѣе общихъ всѣмъ индо-европейскимъ племенамъ» (стр. 164, II т.). Очевидно, что авторъ, часто встрѣчаясь съ поразительно сходными представленіями въ области народныхъ суевѣрій и въ отреченныхъ книгахъ, объяснялъ это сходство тождествомъ миѳическаго источника ихъ и допускалъ апокрифы въ качествѣ важнаго пособія при объясненіи русскихъ суевѣрныхъ преданій, совершенно на тѣхъ же правахъ, какъ и поясняющія народныя преданія другихъ родственныхъ племенъ. Такъ слѣдовало бы поступить, если бы основная мысль автора была справедлива, но противъ нея можно сказать многое: во 1-хъ, авторъ преувеличиваетъ родственныя связи апокрифическаго баснословія съ древними языческими преданіями, общими всѣмъ индо-европейскимъ племенамъ: апокрифы приняли въ себя нѣкоторыя черты язычества въ ту эпоху, когда послѣднее представляло самый нестройный и мутный сбродъ суевѣрій, сошедшихся сюда со всѣхъ концовъ отходящаго древняго міра; между этимъ состояніемъ язычества и древнимъ чистымъ источникомъ его уже лежала цѣлая бездна; но она увеличилась еще болѣе, когда апокрифы подвергли своей обработкѣ эти, и безъ того помутившіеся, элементы язычества; а потому связь апокрифическаго баснословія съ миѳологіей индо-европейскихъ племенъ могла быть только формальная, да и та—въ весьма слабой степени, и вводить апокрифы въ область древней миѳологіи — невозможно. Во 2-хъ, вопреки мнѣнію автора, можно съ полною достовѣрностью утверждать, что сходство апокрифическихъ преданій со многими русскими суевѣрными представленіями происходитъ не отъ тождественности миѳическаго источника ихъ, а отъ прямаго вліянія апокрифовъ на народную мысль, отъ того, что они были главнѣйшимъ источникомъ новой русской миѳологіи. Одно широкое распространеніе въ древней Руси апокрифической литературы уже достаточно свидѣтельствуетъ въ пользу такого мнѣнія, но

если этого мало, то достаточно взглянуть на приводимыя авторомъ параллели, чтобы окончательно убѣдиться, какъ обильно народъ черпалъ изъ апокрифическаго источника.... Авторъ не признаетъ этого, но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы доказать противное, слѣдовало бы, напримѣръ, привести хоть нѣсколько примѣровъ, гдѣ бы древнѣйшія, несомнѣнно миѳическія, представленія отозвались бы и въ *древнѣйшихъ*, до-христіанскихъ, народныхъ преданіяхъ и въ апокрифахъ такими же близко-родственными чертами, какія замѣчаются между *позднѣйшими* преданіями и апокрифами. Ни одно изъ приводимыхъ авторомъ сближеній не указываетъ на первоначальное коренное родство послѣднихъ, но на *зависимыя* между ними отношенія. Мы вовсе не думаемъ отрицать важность изученія апокрифическихъ произведеній для науки славянской миѳологіи: для періода миѳологіи позднѣйшей они, какъ сказано, являются самымъ главнымъ источникомъ, да и далѣе—не прояснивъ вліянія апокрифовъ на область народнаго суевѣрія, нельзя отдѣлить настоящаго миѳическаго древнѣйшаго элемента въ немъ отъ позднѣйшаго баснословія и, стало быть, почти невозможно итти прочнымъ шагомъ въ изслѣдованіи миѳологическаго значенія народнахъ преданій; но мы полагаемъ, что, держась точки зрѣнія автора, трудно достигнуть вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, и гораздо скорѣе можно усложнить вопросъ, чѣмъ привести его въ ясность. Было бы, однако, несправедливо и въ этой области не признать весьма существенной заслуги автора: его сближенія и сопоставленія апокрифическихъ разсказовъ съ народными преданіями представляютъ не только богатый, но и вполнѣ новый матеріалъ, который, нѣтъ сомнѣнія, будетъ употребленъ съ пользою послѣдующей наукой. Кромѣ апокрифовъ авторъ иногда пользуется и другими переводными произведеніями, такъ на стр. 430 и 440 (III т.) приводятся показанія Святославова Сборника (какого?), на стр. 17 (II т.) и 601 (III т.)— Кормчей книги; по нашему мнѣнію, такими свидѣтельствами должно воспользоваться тогда, когда будетъ доказано ихъ сла-

вянское происхожденіе, независимое отъ греческаго текста, подобно, напримѣръ, прибавленіямъ славянскаго переводчика къ тексту слова Григорія Богослова (XI в.); до той же поры нельзя полагаться только на сродство *содержанія*, ибо, руководясь имъ, легко можно усвоить славянамъ то, чего они не имѣли. Матеріалъ поученій и словъ, направленныхъ противъ остатковъ язычества, подобранъ авторомъ довольно полно; но мы не можемъ раздѣлить мысль его относительно присутствія языческихъ образовъ и представленій въ нѣкоторыхъ словахъ, имѣющихъ цѣлью представить наглядную картину христіанскихъ понятій; такъ напр., на стр. 22—3 (III т.) онъ приводитъ изъ слова Кирилла Туровскаго изображеніе кончины міра и страшнаго судилища и сближаетъ его съ языческими представленіями; но зная, съ какою поэтическою свободою обработывалъ этотъ проповѣдникъ событія и представленія христіанства, можно положительно утверждать, что въ его картинѣ нѣтъ никакихъ отголосковъ язычества, а тѣмъ болѣе — язычества славянскаго, что она представляетъ только самостоятельную поэтическую варіацію на тэму Апокалипсиса. То же замѣчаніе можно отнести и къ стр. 262 и 304—5 (III т.), гдѣ *распространенные* христіанскіе мотивы приняты, на основаніи внѣшняго сходства, за воспоминанія язычества. Столь же мало, какъ полагаемъ, имѣлъ авторъ права при объясненіи древняго народнаго міровоззрѣнія славянъ принимать въ уваженіе такія позднія произведенія народной мысли, каковы *лубочныя картинки* (стр. 44, II т. et passim) и *раскольничьи разсказы* о табакѣ, чаѣ и картофелѣ (стр. 507, II т.): предполагаемая языческая основа этихъ разсказовъ—болѣе чѣмъ сомнительна.

Въ заключеніе нашего разсмотрѣнія общихъ сторонъ изслѣдованія г. Аѳанасьева, мы позволимъ себѣ небольшое указаніе на существенный пропускъ въ немъ: авторъ почти не пользуется тѣми данными славянскаго язычества, которыя въ обиліи сохранились у историковъ-лѣтописцевъ, преимущественно же у Гайка и Длугоша. Нужна, правда, особая осторожность въ употребле-

нія сообщаемыхъ ими свѣдѣній, нужно умѣніе различить то, чтó они желаютъ сказать, отъ того, чтó слѣдуетъ изъ ихъ словъ само собою, но, выдѣливъ ихъ вольную и невольную ложь, можно извлечь изъ нихъ весьма важные и достовѣрные факты по древностямъ народнаго быта.

III.

Предложимъ еще нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній на тѣ частности сочиненія г. Аѳанасьева, которыя, по нашему мнѣнію, нуждаются въ дополненіяхъ и исправленіяхъ.

Стр. 83 (II т.) народное повѣрье, по которому новопостроенное жилье влечетъ за собою смерть кого-нибудь изъ обитателей и только послѣ этого можетъ быть прочно, авторъ объясняетъ мыслью, что домъ не можетъ стоять безъ охраны его стѣнъ родовымъ пенатомъ, что ему необходимо въ душѣ усопшаго получить своего генія хранителя, своего домового. Но самъ авторъ приводитъ далѣе факты, изъ которыхъ видно, что — по понятіямъ народа можно отвратить необходимость человѣческой смерти принесеніемъ въ жертву какого-нибудь животнаго, пѣтуха, курицы, ягненка и т. д., онъ видитъ въ этомъ жертвенныя приношенія въ честь богини земли — да потерпитъ она воздвигаемое на ней зданіе... Въ такомъ случаѣ первое объясненіе оказывается совершенно излишнимъ, да къ тому же, оно само по себѣ невѣроятно; ибо, допустивъ его, слѣдуетъ принять, что домъ и его обитатели могли получать своего хранителя-пената въ лицахъ животныхъ и птицъ. Принявъ во вниманіе весь рядъ преданій, сюда относящихся (см. ст. Erbena: Obětování zemi въ Časopis č. Musea 1848, I), можно видѣть, что они произошли изъ мысли о миѳическихъ владѣтеляхъ земли, которые требуютъ умилостивительной жертвы взамѣнъ уступаемой ими собственности, и берутъ ее насильно, если она не приносится имъ добровольно. Этимъ понятіемъ, по нашему мнѣнію, должно объяснять и повѣрье, что клады, подземныя сокровища даются

въ руки не иначе, какъ съ жертвою жизни человѣка или животнаго, ср. стр. 373—4. (II т.).

Повѣрья о домашнемъ порогѣ (стр. 113—15, II т.) можно дополнить нѣкоторыми чертами изъ погребальныхъ обычаевъ, см. наше изслѣдованіе: «О погребальныхъ обычаяхъ славянъ», стр. 219, 226. Свѣдѣнія о *судахъ божьихъ* (стр. 195 и сл., II т.) требуютъ также дополненій изъ польскихъ и чешскихъ источниковъ, см. сочиненія: Volckmann—Das älteste polnische Rechtsdenkmal. Elb. p. 16 sq., Hube—Wiadomość o sądach bożych w dawnéj Polsce (въ Bibliot. Warszawska, 1868, T. III, p. 312 sq.); H. Jireček — въ ст. Srovnalost starého práva slovanského se starym pravém hellenským, římskim a germanskym (въ сборн. Rozpravy z oboru historie etc. I, 1860, p. 92—95), его же — Slovanské právo v Čechách I, p. 185, Slaviček — Upominki na tak zwané «Soudy bozi» (Právnik, roč. I, 1861, p. 70—77).

Миѳологическое значеніе *жребія* (стр. 199—201, II т.) заслуживало бы, по нашему мнѣнію, большаго вниманія, см. сочиненіе Hanuša «Zur slavischen Runenfrage». W. 1855. Равнымъ образомъ и юридически-бытовое употребленіе жребія, встрѣчающееся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности, принятое и узаконенное Судебникомъ 1550 г. (ст. XXVII) и Уложеніемъ (гл. XIV) и живо присущее до сихъ поръ въ бытѣ народа, — можетъ имѣть свой интересъ и для миѳолога, такъ какъ оно основывается на религіозной мысли.

Въ изслѣдованіи преданій о морскихъ и рѣчныхъ дѣвахъ (стр. 218 — 19, II т.) — съ точки зрѣнія автора — позволительно воспользоваться записанными у древнѣйшихъ польскихъ лѣтописцевъ преданіями о миѳической Вандѣ и нѣкоторыми русскими преданіями объ Ольгѣ, если только существуютъ ручательства ихъ народнаго происхожденія.

Упоминаніе о божествѣ (?) Макоши (стр. 267, II т.) въ извѣстной поддѣльной малорусской думѣ (Кулишъ — Записки о южной Руси, I, стр. 172), выраженное даже съ сомнѣніемъ —

намъ кажется неумѣстнымъ, потому что въ подделкѣ памятника не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Свѣдѣнія о русскихъ судебныхъ поединкахъ собраны довольно полно (стр. 270, II т.), но за то славянскихъ извѣстій— почти никакихъ; а между тѣмъ очень важно изслѣдованіе вопроса: вездѣ-ли, у всѣхъ-ли славянъ судебные поединки были самостоятельнымъ явленіемъ, чисто народною формою божьяго суда; по крайней мѣрѣ — относительно поляковъ и чеховъ должно быть допущено значительное ограниченіе, такъ какъ на ходъ образованности ихъ, несомнѣнно, обнаружили вліяніе рыцарскія идеи западной Европы. Къ литературѣ предмета о судебныхъ поединкахъ (у автора 273 с. in notis) можно прибавить замѣчательное изслѣдованіе Бѣляева 2-го, въ Москвитянинѣ 1855, №№ 13—14.

Къ преданіямъ о герояхъ и богатыряхъ, погруженныхъ въ вѣковой сонъ во внутренности горы (стр. 448 и сл.), можно присоединить малорусское преданіе о Вернигорѣ (см. Nowosielski—Pisma, W. 1857. T. II, p. 193 sq.); сюда же принадлежитъ, какъ полагаемъ, и извѣстное сказаніе о томъ, «какъ перевелись богатыри на Руси», по крайней мѣрѣ—основной мотивъ его—тотъ же, окаменѣніе (погруженіе въ сонъ) въ горѣ. Сравненіе же этихъ сказаній съ средневѣковою баснью о «дивныхъ народахъ», заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ (у автора стр. 454 сл., 675, II т.), не можетъ быть признано необходимымъ, такъ какъ послѣдняя усвоена нами путемъ книжнаго заимствованія.

Преданія о *Змѣѣ Горыничѣ* можно дополнить слѣдующимъ любопытнымъ разсказомъ инока Парѳенія: «одни люди захотѣли испытать пропасти Карпатъ и, взявши много канатовъ, взошли на гору, и посадили одного на толстую палку, привязанную къ верёвкѣ, и начали спускать внизъ, и потомъ, какъ далеко его спустили и стало его уже не видать, онъ вскричалъ; они же его потащили вверхъ и ощутили великую тяжесть, и съ трудомъ могли тащить; егда же увидали они, что тащутъ великаго Змія,

ибо онъ человѣка проглотилъ, а канатъ былъ въ пасти его, то испугались и отрубили канатъ, а Змій полетѣлъ въ пропасть» (Сказанія о странствіи и путешествіяхъ. М. 1855. 1-е изд.).

На стр. 564 (II т.) авторъ говоритъ, что металлическихъ амулетовъ, подобныхъ такъ-называемой черниговской гривнѣ, извѣстно—*шесть*; ихъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, въ три раза болѣе этого.

При разсмотрѣніи преданій объ ушедшихъ подъ воду (провалившихся) церквахъ и городахъ (стр. 680 и сл. II т.) слѣдовало бы привести извѣстный разсказъ о Китежѣ (напечатанъ нѣсколько разъ, см. Заволжскіе очерки гр. Толстаго, т. I и Пѣсни Кирѣевскаго, вып. 4, стр. CXVIII).

О несостоятельности отождествленія Триглава съ Трояномъ (стр. 643, II т.) мы уже замѣчали выше; здѣсь добавимъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать названіе Триглава миѳологическимъ именемъ божества: это—названіе идола.

На стр. 71 (III т.) мы встрѣчаемъ странное мнѣніе, будто «болѣзнь, извѣстная въ медицинѣ подъ именемъ *Витовой пляски* — названа такъ вслѣдствіе уподобленія ея прихотливой пляскѣ грозовыхъ духовъ, сопутствующихъ Святовиту въ его бурномъ шествіи по воздушнымъ пространствамъ». Въ то время, когда въ первый разъ появилось названіе: «Chorea Sti Viti (въ Страсбургѣ въ 1418)—ни имени, ни воспоминаній о Святовитѣ болѣе не существовало; самая болѣзнь носила прежде названіе «Chorea Sti Johannis», потомъ же, съ усиленіемъ почитанія св. Вита, какъ одного изъ 14 святыхъ во скорбѣхъ *помощниковъ* или *аптекарей*, перенесена подъ особое его завѣдываніе и получила его имя[1]).

На стр. 294 (III т.) авторъ говоритъ: «кукушка, по указанію *старинной польской хроники*, была посвящена *Живѣ*, богинѣ міровой жизни (весны), плодородія и любви»; а на стр.

---

1) Hecker: Die grosse Volkskrankheiten des Mittelalters. B. 1865, p. 142—153.

686—9 опредѣляется и миѳологическое значеніе самой богини. Указываемая здѣсь старинная польская хроника—вовсе не старинная, а дознанное новѣйшее произведеніе, приписанное мнимому лѣтописцу Прокошу (X вѣка?)[1]), далѣе—самое существованіе божества Живы подлежитъ сильному сомнѣнію, по крайней мѣрѣ доказательства противъ нея, приводимыя Ганушемъ (Sitzungsberichte der böhmischen Gesellsch. der Wissenschaften за 1865, I, стр. 123 и сл.), могутъ быть названы очень убѣдительными.

Къ стр. 663—9 (III т.). Исчисленіе и разборъ славянскихъ наименованій мѣсяцевъ могли быть гораздо полнѣе, если бы авторъ воспользовался сочиненіемъ Миклошича: «Die slavischen Monatsnamen», W. 1867. Миѳологическое толкованіе названія *Сѣченя* — едва ли вѣрно; гораздо вѣроятнѣе думать, что оно обозначаетъ время снятія сѣна (для іюля и августа у чеховъ) и время рубки лѣса (для января и февраля — у прочихъ славянъ).

Къ тому, чтó передаетъ авторъ (II, 170; III, 745, 774)—на основаніи свидѣтельствъ Саксона Грамматика—о Свантовитѣ, находимъ не лишнимъ прибавить извѣстіе Вильгельма Мальмесбюри († 1141), сколько знаемъ—доселѣ незамѣченное въ наукѣ славянской древности: «Vindelici Fortunam adorant, cuius idolum loco nominatissimo ponentes, cornu dextrae illius componunt (v. imponunt) plenum potu illo, quod graeco uocabulo ex aqua et melle hydromellum uocamus. Vnde ultimo die Nouembris mensis in circuito sedentes in commune praegustant; et si cornu plenum inuenerint, magno strepitu applaudunt, quod eis futuro anno pleno copia cornu responsura sit in omnibus; si contra—gemunt». (De rebus gestis regum Anglorum II, 189. Pertz. Mon. XII, 466). Что подъ именемъ Vindelici здѣсь разумѣются венды, балтійскіе славяне—это не подлежитъ сомнѣнію и видно изъ предыдущаго (напр. Imperator (Heinricus III) *Vindelicos* et *Leuticios*

1) См. рецензію Добровскаго на Варшавское изданіе, въ (Wiener) Jahrbücher der Literatur, B. XXXII, pag. 77—80.

subegerit), но относится ли это извѣстіе спеціально къ руянамъ — это вопросъ. Какъ бы то ни было, оно важно, какъ дополненіе и подтвержденіе словъ Саксона Грамматика о культѣ Свантовита.

Стр. 650—1, 784 (II т.) дополнимъ слѣдующимъ сказаніемъ изъ Ноткера (XI в.): «*Cibus* héizet *grece brosis*. dánnan sint *ambrones* kenámot. Die héizent óuh *antropofagi*. dáz chit *commessores hominum*. *in scithia* gesézzene. Sie ézent náhtes. tés sie síh táges scámen múgen. also man chit. táz ouh házessa (=вѣдьмы= hexen) hier inlánde tûen. Aber *uueletabi* die in germania sizzent. tíe unír uuilze héizêe. die ne scáment síh nicht zechédenne. dáz sie íro *parentes* mit mêren réhte ézen súlin. dánne die vuúrme». (Wackernagel: Altdeutsches Lesebuch, B. 1859, p. 132—3). Сказаніе это замѣчательно и въ миѳологическомъ и въ историческомъ отношеніи: изъ миѳическаго повѣрья о великанахъ-людоѣдахъ выростаетъ историческая сказка о людоѣдствѣ обровъ и велетовъ только потому, что имена послѣднихъ становятся нарицательными наименованіями великановъ. Относительно отцеѣдства велетовъ см. Grimm D. R.-Alt. стр. 488: сказка — какъ видно — поддерживалась дѣйствительнымъ обычаемъ предавать смерти престарѣлыхъ людей.

На стр. 425 (III т.) авторъ говоритъ: «слово *колдунъ* въ коренномъ его значеніи доселѣ остается неразъясненнымъ». Въ видѣ предположенія мы позволимъ себѣ сопоставить корень его *клуд* съ готск.: *hláuts*, дврн.: *hlôz*, *lôz*, *hluz*; англс.: *hlot*, *hlût*, *hlêt*; дрсѣв.: *hlaut*, *hlutr*; сред. и нов. нѣм.: *lôz*, *loss* или *loos*. Если это сближеніе справедливо, то слово *колдунъ* будетъ по корню обозначать *гадателя посредствомъ жребіевъ*, *предсказателя*, *жреца* (такъ какъ жрецы занимались преимущественно подобными гаданіями. Tietm. Chr. VI, стр. 17); см. любопытное сочиненіе Гомейера: «Über das Germanische Loosen», B. 1854, стр. 7—8, 12—13.

На 648 стр. (II т.) авторъ останавливается на космогоніи стиха о Голубиной книгѣ. Не входя въ оцѣнку его объясненій,

пользуемся только случаемъ, чтобы обратиться съ вопросомъ къ нашимъ индологамъ, не извѣстно ли имъ *ex ipso fonte* то брахманское ученіе, на которое указываетъ В. Менцель (Mythologische Forschungen und Sammlungen I, 1832, стр. 5—6), не приводя своего прямого источника. Такъ какъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи стиха о Голубиной книгѣ это преданіе имѣетъ весьма важное значеніе, то мы и передаемъ его здѣсь: «творцомъ міра былъ древнѣйшій первобытный человѣкъ (Makro-Anthropos) Брама: изъ его глазъ творится солнце, изъ груди — мѣсяцъ, изъ носа — воздухъ, изъ волосъ — растенія, изъ соковъ (крови) — вода, изъ костей камни. Вся природа произошла изъ макро-человѣка, распавшагося на свои составныя отдѣльныя части, и новый человѣкъ, которому суждено жить на землѣ и быть ея распорядителемъ, представляетъ микрокосмъ или соединеніе въ маломъ объемѣ этихъ отдѣльныхъ частей: всѣ элементы и силы природы обратно входятъ въ его тѣло: солнце образуетъ глазъ, мѣсяцъ—груди, воздухъ—носъ (дыханіе), растенія — волосы, вода — кровь, камни — кости».

Наконецъ, сдѣлаемъ общее замѣчаніе, относящееся къ главѣ (XXVII) о вѣдовскихъ процессахъ: въ ней собраны факты только русскаго быта, матеріалъ западно-европейскій изложенъ лишь въ общихъ чертахъ, чешскій же и польскій — почти не тронутъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что, сопоставивъ разныя обнаруженія одного и того же явленія, авторъ пришелъ бы къ любопытнымъ заключеніямъ объ отличіяхъ какъ въ демонологіи у различныхъ славянскихъ племенъ, такъ и въ общемъ характерѣ ихъ образованности.

Этимъ мы заключимъ наше разсмотрѣніе сочиненія г. Аѳанасьева.

Обзоръ успѣховъ славяновѣдѣнія за послѣдніе три года.

1873—1875.

I. Эпоха до-славянская. Литва.

Тѣсная, генетически-родственная связь славянской народности съ литовскою и болѣе древнею — индо-европейскою уже давно перестала быть вопросомъ. Имѣя прямыя фактическія доказательства необходимости изученія славянскаго языка и быта сравнительно съ языкомъ и бытомъ индо-европейскихъ племенъ вообще и литовскаго племени въ особенности, я нахожу умѣстнымъ начать этотъ обзоръ съ разсмотрѣнія трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію именно этой области, т. е. индо-европейской и литовской старины. Ограничиваюсь, впрочемъ, только тѣмъ, что̀ имѣетъ ближайшее, спеціальное отношеніе къ успѣхамъ славянской науки.

Въ настоящее время едва ли кто отважился бы на реставрацію быта индо-европейскаго (арійскаго) племени до его раздѣленія на отдѣльныя вѣтви — въ томъ объемѣ и направленіи, какіе находимъ въ извѣстномъ сочиненіи Ад. Пиктé: «*Les Origines Indo-Européennes*» 1859—63. Что̀ для женевскаго лингвиста казалось легкимъ, или по крайней мѣрѣ — удобоисполнимымъ, то теперь представляется не только труднымъ, но, покамѣстъ — и вовсе не исполнимымъ. Средства науки очень расширились, но еще болѣе расширились и стали строже требованія ея: придерживаться тѣхъ пріемовъ, которыхъ придерживался Пиктé — стало рѣшительною невозможностію, а вмѣстѣ съ

тѣмъ приходится пока отказаться и отъ самой попытки такой полной реставраціи нераздѣльной арійской эпохи. Настоящее время—есть время подбора и разработки матеріала для такой цѣли. Правда, и изъ того, что́ уже собрано, приведено въ порядокъ и разъяснено, возможно до извѣстной степени составить себѣ понятіе о нѣкоторыхъ чертахъ быта эпохи арійскаго единства, но только о *нѣкоторыхъ*, очень немногихъ сравнительно съ тѣми богатствами, которыя раскрываются въ увлекательной, полу-фантастической книгѣ Пиктé. Наши заключенія и выводы сузились и какъ бы сократились, но взамѣнъ того пріобрѣли прочность, чѣмъ едва ли могла похвалиться наука прежняго времени.

Такъ какъ единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній объ арійской и летто-славянской эпохахъ является *языкъ*, то естественно, что работа лингвистической палеонтологіи вся должна сосредоточиться на разборѣ индо-европейскаго *лексикона* и *сравнительной этимологіи*. Три послѣдніе года принесли много замѣчательнаго въ этомъ отношеніи. Самымъ важнымъ должно признать окончаніе большого «*Санскритскаго Словаря*»[1]), гг. акад. Бётлинка и пр. Рота. Словарь этотъ, какъ справедливо отозвалось II-е отдѣленіе Академіи Наукъ въ своемъ адресѣ, представляетъ неисчерпаемый родникъ изученія всей многочисленной и благородной семьи арійскихъ языковъ, значеніе его и для славянскаго языкознанія столь же рѣшительно и велико, сколько и для изученія и анализа другихъ индо-европейскихъ языковъ. «Петербургскій» словарь (подъ такимъ названіемъ онъ извѣстенъ въ ученой Европѣ) не есть словарь сравнительный, но едва ли какой иной болѣе пригоденъ и надеженъ для такой цѣли, какъ онъ, и это—по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что матеріалъ его вполнѣ достовѣренъ, почерпнутъ изъ дѣйствительныхъ источниковъ; во-вторыхъ—потому, что эти-

---

1) Sanskrit-Wörterbuch, hrsg. von der kaiser. Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von Otto Böhtlingk und Rudolph Roth. Pt. 1852—75, 4°, 7 томовъ.

мологія словъ, какую даетъ онъ, есть этимологія твердая, положительная, вполнѣ отвѣчающая условіямъ современной науки языкознанія. Недавно, къ концу приведенъ также и другой важный и любопытный словарный трудъ, цѣль котораго, впрочемъ — совсѣмъ иная, чѣмъ у Бэтлинка и Рота: мы разумѣемъ *«Корнесловъ индо-европейскихъ языковъ»*. А Потта[1]). Оригинальное произведеніе патріарха нѣмецкихъ языковѣдовъ совмѣщаетъ въ себѣ достоинства сравнительно-этимологическаго словаря и реальной энциклопедіи самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Кто приметъ на себя нелегкую задачу изучить этотъ трудъ и счастливо доведетъ до конца свое предпріятіе, тотъ пріобрѣтетъ массу важнѣйшихъ и поучительнѣйшихъ свѣдѣній не только въ отношеніи языкознанія, но и общей исторіи культуры; потому что авторъ, кажется, воспользовался формою словаря, чтобы соединить въ немъ матеріалъ и результаты своего многолѣтняго исполинскаго изученія и самаго разнообразнаго чтенія. Славянскій матеріалъ у Потта — довольно значителенъ: ему извѣстны всѣ, какъ прежніе, такъ и современные труды славянскихъ филологовъ, но только тѣ, которые писаны или по-латыни или по-нѣмецки. Тѣмъ болѣе можно посѣтовать объ этомъ, что пользуясь славянскими нарѣчіями, широкою рукою сопоставляя ихъ съ другими индо-европейскими, Поттъ очень часто умѣетъ подмѣтить или освѣтить такія стороны въ этимологіи или реальномъ знаменованіи славянскихъ словъ, которыя доселѣ были темны или и вовсе неизвѣстны. Съ этой точки зрѣнія для изслѣдователя славянской рѣчи и древности книга Потта представляется трудомъ огромной важности и интереса. Къ сожалѣнію, пользоваться имъ, не затративъ предварительно огромнаго времени на его *полное* изученіе — очень затруднительно по неимѣнію «указателей». Слышно, впрочемъ, что они приготовляются. *«Сравни-*

1) Wurzel-Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen, von A. F. Pott, Det. 1867—73, 6°, 5 частей въ 8-ми томахъ, составляетъ второе отдѣленіе «Этимологическихъ Изслѣдованій» (Etymologische Forschungen), 2 Aufl. автора.

тельный Словарь Индо-Европейскихъ языковъ» Ав. Фика[1]) въ непродолжительное время достигъ третьяго изданія. Очевидное доказательство и интереса, возбуждаемаго предметомъ, и ученаго достоинства самаго труда. Онъ состоитъ изъ семи частей или отдѣловъ: а) словарь индо-европейскаго (indogermanischen) основного языка, б) словарь общаго арійскаго языка, до раздѣленія арійцевъ на индусовъ и эранцовъ, в) словарь общаго европейскаго языка, до раздѣленія европейцевъ на сѣверныхъ и южныхъ, низовыхъ и гористыхъ, г) словарь общаго греко-италійскаго языка, д) словарь общаго славяно-нѣмецкаго языка, е) словарь общаго летто-славянскаго языка (съ приложеніемъ словаря прусско-летскаго), наконецъ — ж) словарь общаго нѣмецкаго языка. Отчасти уже изъ этой схемы видно, какъ смотрѣлъ Фикъ на развитіе индо-европейскихъ племенъ и языковъ. Обозначенные періоды развитія или отдѣлы безъ исключенія относятся къ такъ называемой доисторической эпохѣ, лексиконъ каждаго изъ нихъ, по неимѣнію памятниковъ — долженъ быть искусственно возстановляемъ изъ сравненія болѣе поздняго матеріала. Быть-можетъ, въ отношеніи грамматической (фонетической) правильности реставраціи Фика и не вездѣ удачны, какъ малоудаченъ оказался и Шлейхеровъ опытъ возстановленія индо-европейскаго праязыка, но въ лексикальномъ отношеніи имъ никакъ нельзя отказать въ основательности; а признавъ это — должно признать и самую книгу Фика очень важною въ смыслѣ собранія матеріала по лингвистической палеонтологіи. Авторъ не пускается въ объясненія реальнаго значенія и видоизмѣненій слова, онъ даетъ только сравнительный матеріалъ къ тому, но и этого, пока, довольно: черты доисторическаго быта племенъ — сначала въ періодъ единства общеевропейскаго, затѣмъ славяно-нѣмецко-литовскаго обозначаются довольно явственно, изслѣдователь пріобрѣтаетъ почву, основанія, держась которыхъ стано-

---

1) A. Fick: Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen sprachgeschichtlich angeordnet. Dritte Auflage, Gött. 1874—6. 3 v.

вится возможнымъ слѣдить за движеніемъ и отмѣчать новыя пріобрѣтенія культуры въ слѣдующій періодъ — общеславянской жизни и наконецъ—въ періодъ времени уже по раздѣленіи славянъ и нѣмцевъ на отдѣльныя племена, т. е. въ эпоху историческую. Свой трудъ Фикъ заканчиваетъ словаремъ общей жизни нѣмецкихъ племенъ: лексикона общаго славянскаго языка онъ не касается, оставляя, конечно, исполненіе этой задачи славянскимъ ученымъ. Какъ дополненіе или оправдательная статья къ «Сравнительному словарю» заслуживаетъ быть упомянутъ другой, довольно обширный трудъ Фика: «*Былое единство языка индоевропейскихъ племенъ Европы*»[1]). Книга вызвана замѣчательной брошюрой Іоганна Шмидта (Die Verwandschaftsverhältnisse der Indogermanischen Sprachen, 1872), въ которой доказывается мнѣніе, что славяно-литовская вѣтвь языка образуетъ самостоятельную, естественно-органическую посредницу между арійскою вѣтвью съ одной стороны и нѣмецкою съ другой, что нѣтъ потому никакихъ основаній принимать существованіе не только общаго сѣверо-европейскаго праязыка, но и вообще — европейскаго праязыка. Фикъ защищаетъ историческое бытіе общаго европейскаго праязыка и при этомъ сводитъ въ одно цѣлое данныя, касающіяся образа жизни и вообще культуры сначала общаго индо-европейскаго, а потомъ и частнаго европейскаго племени (стр. 266—292). Съ немалымъ интересомъ остановится изслѣдователь также и на тѣхъ отдѣлахъ книги, въ которыхъ разсматривается различное звуковое строеніе древнихъ именъ у европейцевъ и арійцевъ и приводятся окончательныя доказательства, что «Индоевропейцы Европы составляли когда-то *одинъ* народъ». При этомъ авторъ довольно обстоятельно рѣшаетъ (разумѣется, на основаніи однихъ лингвистическихъ данныхъ) вопросъ о *европейской* (въ этнологическомъ смыслѣ) народности фригійцевъ и фракійцевъ. Общій результатъ книги —

---

1) Fick. Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung. Gött. 1873. 8°.

тотъ, что индоевропейское племя распадается на двѣ большія, между собою несвязанныя ничѣмъ среднимъ — группы, именно: индоевропейскій пранародъ раздѣлился на восточную и западную вѣтви; каждая, обособившись въ отношеніи языка, жила долгое время отдѣльно отъ другой, рядомъ съ нею, пока арійцы не раздѣлились на индусовъ и эранцовъ, а европейцы — на сѣверо- и юго-европейцевъ. Вообще, важный и интересный для лингвиста, трудъ Фика не менѣе важенъ и для изслѣдователя образованности: это — одно изъ самыхъ основательныхъ приложеній языкознанія къ рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ доисторической европейской древности. Нѣкоторое внутреннее сродство съ вышеназванными трудами представляетъ и сочиненіе Фэрстемана: «*Исторія нарѣчій нѣмецкаго корня*»[1]). Чтобы пріобрѣсть опору для изслѣдованія, Фэрстеманъ необходимо долженъ былъ начать съ предшествовавшихъ стадій, пройденныхъ языкомъ до того времени, какъ онъ сформировался въ нѣмецкій типъ. Этому посвящены двѣ первыя книги перваго тома; сначала разсматривается эпоха языка «до-славяно-нѣмецкая» (подъ этимъ именемъ авторъ собралъ въ одно нѣсколько періодовъ), а потомъ — время «славяно-германское» (въ приложеніи кратко обозначается характеръ летто-славянскаго языка). Матеріалъ каждаго отдѣла распредѣленъ по слѣдующимъ семи рубрикамъ: звуки, словарь, образованіе словъ, флексія, значеніе, синтаксисъ, вліяніе чуждыхъ языковъ. Второй томъ посвященъ времени историческому, языку и культурѣ готовъ и другихъ нѣмецкихъ племенъ и наконецъ разсмотрѣнію (гипотетической?) эпохи состоянія въ средне-пранѣмецкое время (Mittelurdeutsche). Очевидно, что книга Фэрстемана въ сущности преслѣдуетъ ту задачу, которую въ первый разъ начерталъ и въ широкихъ чертахъ выполнилъ знаменитый Яковъ Гриммъ въ своей «Исторіи нѣмецкаго языка», только — по нѣсколько иной программѣ и, разумѣется, владѣя

---

1) Förstemann. Geschichte des deutschen Sprachstammes, Nordhausen, 1874—5. 2 v.

иными, болѣе богатыми средствами. Умѣніе соединить вопросы чисто лингвистическіе съ важнѣйшими вопросами исторіи культуры и средневѣковой этнологіи — придаетъ книгѣ Фэрстемана необыкновенный интересъ и дѣлаетъ ее столько же поучительною для филолога, сколько и для историка. Пусть гипотеза о времени средненѣмецкомъ окажется, какъ утверждала нѣмецкая критика, несостоятельною: она мало вредитъ достоинству матеріала, собраннаго въ книгѣ, а равно и частныхъ разысканій автора. Послѣднія, естественно, во многомъ касаются и славянской области и по большей части — со стороны, если не вполнѣ новой, то очень мало разъясненной. Въ особенности любопытны и важны для науки славяновѣдѣнія тѣ отдѣлы, гдѣ авторъ на основаніи лингвистическихъ данныхъ входитъ въ культурно-историческія разысканія. Таковы: второй, пятый и седьмой параграфы каждаго отдѣленія. Самою слабою частью книги должно признать отдѣлы о вліяніи чужеземныхъ языковъ, но не слѣдуетъ забывать, что это — едва ли не самый упорный, трудно поддающійся изслѣдованію — вопросъ лингвистической науки. Если бы мы захотѣли перечислить труды по сравнительной грамматикѣ, въ которыхъ обращается вниманіе на славянскія нарѣчія, мы должны были бы поименовать вообще все, что выходитъ въ этой области, начиная съ такихъ капитальныхъ трудовъ, какъ «Grundzüge der Griechischen Etymologie» Курціуса (4-е изданіе 1873) и оканчивая отдѣльными статьями въ журналахъ А. Куна (Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung и Beiträge) и Говлака (Revue de Linguistique). Славянскій матеріалъ вездѣ занимаетъ очень видное мѣсто, хотя, конечно, далеко не каждый, толкующій о немъ — относится къ предмету *сознательно и со знаніемъ*. Объ одномъ трудѣ мы считаемъ, однако, необходимымъ упомянуть; это второй томъ сочиненія І. Шмидта: *«Къ исторіи индоевропейскаго вокализма»*[1]). Весь томъ посвя-

---

1) Johannes Schmidt. Zur Geschichte des Indogermanischen Vocalismus. II Abth. Wien. 1875, 8⁰.

щенъ изслѣдованію, выражаясь санскритскимъ грамматическимъ терминомъ — *«свarабакты»*, или по-русски: *«полногласію»*: а такъ какъ ни въ одномъ изъ индо-европейскихъ нарѣчій сварабакта не играетъ такой важной роли, какъ въ славянскихъ, то понятно, почему почти половина книги посвящена изслѣдованію славянскаго полногласія. Автору знакомы всѣ важнѣйшіе, между прочимъ и — русскіе, труды по предмету. Въ концѣ своего изслѣдованія онъ выводитъ изъ него общіе результаты для опредѣленія взаимныхъ родственныхъ отношеній славянскихъ нарѣчій — какъ бы въ дополненіе тому, чтó прежде было сдѣлано имъ относительно родства индо-европейскихъ языковъ вообще (см. выше, стр. 4). Шмидтъ отвергаетъ извѣстную (Шлейхерову) теорію постепеннаго развѣтвленія славянскихъ нарѣчій и ставитъ вмѣсто ея теорію волнообразнаго круговаго сродства нарѣчій съ переходными посредствующими звеньями, безъ рѣзкихъ разграниченій между собою. Мысль Шмидта покамѣстъ должно считать не болѣе, какъ гипотезой, но нельзя не отдать ему справедливости въ томъ, что онъ довольно рѣшительно обнаружилъ слабыя стороны Шлейхеровой классификаціи славянскихъ нарѣчій. Вопросъ — снова остается открытымъ.

Переходя къ литовской области, находимъ нужнымъ предварительно сдѣлать краткій очеркъ прошедшаго «литовскихъ занятій».

Уединенное положеніе литовской народности, ея враждебныя отношенія къ другимъ народамъ средневѣковой Европы — были причиною, что Литва почти не имѣла историческаго движенія[1]), по крайней мѣрѣ она не развила образованности, не создала литературы и потóму, естественно, не оставила никакихъ важныхъ и замѣтныхъ письменныхъ памятниковъ своей прошедшей жизни. Всѣ *старинныя* свидѣтельства о литовской древности

1) Такимъ *историческимъ движеніемъ* этнографъ не можетъ признать возникновенія и исторіи «Великаго княжества Литовскаго», такъ какъ *литовская народность* оставалась ни при чемъ, ничѣмъ незаявивъ своей жизненности и силы.

заключаются въ показаніяхъ хронистовъ и священниковъ чужеземцевъ XIV—XVII в., да въ немногихъ оффиціальныхъ грамотахъ. Источникъ для изученія литовской старины заключался единственно въ современномъ бытѣ, въ богатствахъ народнаго языка, вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ, сохранявшихъ въ себѣ черты глубочайшей древности... Историко-этнографическое направленіе, господствовавшее въ наукѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, какъ извѣстно, мало обнаруживало расположенія и интереса къ изслѣдованію языка и бытовыхъ древностей: ученыхъ гораздо болѣе занимали вопросы о происхожденіи и генеалогіи племенъ, вопросы, которые рѣшались почти исключительно на основаніи скудныхъ извѣстій и намековъ древнихъ писателей. При такомъ направленіи — изученіе Литвы не могло дать особенно богатыхъ результатовъ. Какъ заключительный сводъ подобныхъ розысканій, можно разсматривать извѣстный мемуаръ трудолюбиваго П. И. Кеппена: «О происхожденіи, языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ». Спб. 1827. Этнографическая часть этого труда уже устарѣла и требуетъ коренной передѣлки, но часть географическая и библіографическая остается лучшею въ своемъ родѣ.

Казалось бы, польскіе ученые — по своему положенію — должны были оживить литовскія занятія изслѣдованіемъ дотолѣ еще не тронутой области народнаго языка, быта и еще живыхъ вѣрованій, обычаевъ и нравовъ Литвы; но до этого было далеко: воспитанная на искусственной почвѣ, шляхетная наука держалась въ сторонѣ отъ народа, она не испытала тѣхъ внутреннихъ влеченій, которыя привели нѣмцевъ сначала къ такъ называемому романтизму, а потомъ — къ всестороннему изученію ихъ народности, она осталась въ своей аристократически-школьной ограниченности и, желая изучить *родную* Литву, не сочла нужнымъ запастись знаніемъ народнаго языка и проникнуть въ тайники народнаго быта, а продолжала лишь переборку стараго матеріала, не прибавляя ничего существеннаго ни къ критикѣ его, ни къ содержанію. Полнѣйшимъ выраженіемъ такой шляхетно-

книжной эрудиціи былъ знаменитый трудъ Нарбута: Dzieje narodu Litewskiego, имѣвшій сильное и долговременное вліяніе на ходъ изученія литовскихъ древностей въ Польшѣ и западной Руси. Для этой науки требованія критики не существовали, потому что не существовало мѣрки для нея, находимой обыкновенно въ строгомъ лингвистически-этнографическомъ методѣ; она не только не стремилась — хотя бы по здравому смыслу — отдѣлять правду отъ выдумокъ, но и свои собственныя *изобрѣтенія* не стѣснялась выдавать за сущую истину, когда видѣлась надобность украсить ими ея фантастическую картину языческой Литвы, а такая надобность видѣлась на каждомъ шагу, ибо *письменныя* извѣстія о литовской древности были очень скудны. Литовская древность явилась такимъ образомъ въ чудовищномъ видѣ: это цѣлый многосложный романъ; но романъ безжизненный и лживый: рука компилятора заботливо привела въ порядокъ и размѣстила всѣ лица, явленія и факты, которые ей удалось собрать изъ разныхъ темныхъ угловъ; эту груду, и безъ того нечистаго, матеріала она щедро увеличила созданіями собственной фантазіи антикварія, подвела всему прихотливыя объясненія и итоги — и считала по доброй совѣсти свою задачу оконченною. По всему этому, бо́льшая часть писаннаго по-польски о литовскомъ бытѣ и древностяхъ почти не имѣетъ никакой цѣны для современной науки. Исключеніе должно быть сдѣлано для трудовъ лексикальныхъ, да до нѣкоторой степени для сочиненій Ярошевича (Obrazy Litwy) и Юцевича (Litwa pod względem starożytnych zabytków). Послѣдній трудъ есть трудъ дѣйствительнаго знатока предмета, но знатока непосредственнаго, совершенно чуждаго научныхъ пріемовъ изслѣдованія. Успѣхи въ изученіи языка и народности индо-европейскихъ племенъ открыли новый путь и новые источники къ изученію и литовской старины. Если не ошибаемся, первый, кто обратилъ должное вниманіе на миѳологическія древности Литвы, былъ Як. Гриммъ въ своемъ трудѣ о нѣмецкой миѳологіи. Онъ располагалъ очень незначительнымъ запасомъ матеріала: старыя показанія хронистовъ и священни-

ковъ, нѣсколько старыхъ словарей, нѣсколько народныхъ пѣсенъ, собранныхъ и пересказанныхъ (очень не точно, со многими произвольными измѣненіями) по-нѣмецки Резою—вотъ все, чѣмъ могъ воспользоваться для своей цѣли знаменитый нѣмецкій ученый! Несмотря, однако, на это, онъ сумѣлъ съ такою геніальною ясностью показать важность и необходимость изученія литовскаго быта для общей науки индо-европейской древности, что урокъ его не могъ пройти безслѣдно. Сравнительное языкознаніе также скоро признало высокую важность литовскаго языка. Честь почина въ этомъ отношеніи принадлежитъ Болену (Über die Verwandschaft zwischen der Lithauischen und Sanskritsprache, 1830); Боппъ вноситъ литовскій языкъ, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ, въ свою знаменитую «Сравнительную Грамматику», Поттъ изслѣдуетъ отношеніе литовскаго языка къ сосѣднимъ и стремится доказать старшинство его въ кругу славянскихъ (De Borusso-Lituanicae tam in slavicis quam letticis linguis principatu, 1837, 1841); по слѣдамъ Потта и нашъ ученый Прейсъ представляетъ краткую, но въ высшей степени замѣчательную характеристику строя литовской вѣтви языковъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1840, № 5); Нессельманъ издаетъ «Остатки древне-прусской рѣчи» (1845), «Литовскій Словарь» (1851), «Литовскія пѣсни» и извѣстную поэму Доналитіуса (1869), Боппъ пишетъ особый мемуаръ «о древне-прусскомъ языкѣ» (1853); Шлейхеръ издаетъ первую, удовлетворительную въ ученомъ отношеніи «Грамматику литовскаго языка» (1856), (вторая часть ея содержитъ выборъ произведеній народной поэзіи, сказокъ, пѣсенъ и т. д.), нѣсколько другихъ трудовъ и мемуаровъ, посвященныхъ тому же предмету (Lituanica 1853, Donaleitis-Litauische Dichtungen, Spb. 1865). Если къ этому прибавимъ статьи Тэппена, Бендера, Нессельмана и Пирсона (статьи, впрочемъ, далеко не вездѣ равнаго достоинства), касающіяся языка и древностей литовскихъ (въ Altpreussische Monatschrift), то будемъ имѣть почти все, что сдѣлано по литовщинѣ до послѣдняго времени. Литература — не

особенно богатая, но это — только первые опыты разработки новаго источника къ вѣрному и живому пониманію всего славянскаго доисторическаго быта. Три послѣдніе года также остались не безплодны въ этомъ отношеніи: соединивъ въ одно цѣлое всѣ прежнія лексикальныя работы свои надъ остатками языка древнихъ пруссовъ, Нессельманъ издалъ ихъ подъ заглавіемъ «*Сокровищница прусскаго языка*»[1]). Это, можно сказать, самый полный доселѣ словарь къ уцѣлѣвшимъ памятникамъ погибшей прусской рѣчи, сравнительно съ языками литовскимъ и славянскимъ. Независимо отъ интереса въ отношеніи сравнительнаго славянскаго языкознанія, трудъ Нессельмана имѣетъ и иную, культурно-историческую важность для славяновѣда: пруссы, какъ извѣстно, сосѣдили непосредственно съ исчезнувшими балтійскими славянами, въ языкѣ прусскомъ несомнѣнно сохранились слѣды этого общенія, слѣды прежней образованности славянъ, переданной ими своимъ сосѣдямъ. Нѣкоторые слова и термины прямо указываютъ на заимствованіе изъ славянщины. Такимъ образомъ, языкъ прусскій становится до нѣкоторой степени источникомъ славянской древности и восполняетъ ея пробѣлы. Хотя Нессельманъ и не вездѣ бываетъ одинаково счастливъ въ своихъ объясненіяхъ и сближеніяхъ и обнаруживаетъ болѣе случайное, чѣмъ основательное знаніе славянскихъ нарѣчій, тѣмъ не менѣе трудъ его заслуживаетъ полной признательности, какъ трудъ, исполненный въ высшей степени совѣстливо, т. е. отчетливо и трудолюбиво. Совсѣмъ иное приходится сказать о подобномъ же небольшомъ «*древнепрусскомъ словарѣ*»[2]) Пирсона; онъ годится лишь для первыхъ справокъ, какъ указатель, и будетъ цѣниться изслѣдователями лишь настолько, насколько въ немъ есть кое-какія прибавки противъ Нессельмана и не иначе, какъ при Нессельманѣ... Выше мы довольно рѣзко отозвались о трудахъ польскихъ ученыхъ въ области литовщины.

1) Nesselmann, Thesaurus linguae Prussicae. Ber. 1873.
2) Pierson, Altpreussischer Wörterschatz. Ber. 1875.

Справедливость требуетъ сказать, что теперь дѣло начинаетъ исправляться. Доказательствомъ тому служитъ замѣчательный трудъ Я. Карловича *«о литовскомъ языкѣ»*[1]). За вычетомъ нѣкоторыхъ страницъ во вводной части, гдѣ авторъ обличаетъ невѣжество своихъ соотечественниковъ in letticis, — страницъ скучныхъ и безполезныхъ, весь трудъ г. Карловича очень интересенъ и обнаруживаетъ не только близкое знакомство съ матеріаломъ, но и современную точку зрѣнія на него: таковы въ особенности третій и слѣдующіе отдѣлы; здѣсь сначала говорится о грамматическомъ и лексикальномъ сродствѣ языка литовскаго съ славянскими, нѣмецкими и другими арійскими, о нарѣчіяхъ литовскихъ, потомъ представляется характеристика грамматическаго строя литовскаго языка въ фонетикѣ, образованіи и измѣненіи словъ и словосочиненіи, далѣе разсматривается значеніе нѣкоторыхъ словъ и чуждые элементы въ языкѣ и т. д. Сочиненіе заключается довольно обстоятельной библіографіей литовской, гдѣ, однако, мы не нашли нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ, между прочимъ и русскихъ трудовъ (напр. указанной выше статьи Прейса), а о другихъ встрѣтили одни глухія указанія. Послѣ труда Кеппена — это первая попытка литовской библіографіи, а потому недостатки ея извинительны.

Разсматривая все, что̀ доселѣ сдѣлано по ученой разработкѣ языка и древностей литовскихъ, — нельзя не видѣть, что сдѣлано очень мало въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ желательно и чего требуетъ важность задачи. Литовщина и въ области науки — неуступчива, и здѣсь она раскрывается медленно отчасти по свойству самаго дѣла, отчасти потому, что за разработку ея принимаются не тѣ, кому слѣдовало бы. Когда русскіе ученые сознаютъ, что изученіе языка и быта Литвы лежитъ главнымъ образомъ на ихъ обязанности, тогда, конечно, и дѣло получитъ совсѣмъ иное

1) Karłowicz. O języku litewskim, помѣщено въ Rozprawy wydziału filologicznego Akademii krakowsk. Tom II, 1875, стр. 135—376.

движеніе. Существуютъ уже и нѣкоторыя фактическія ручательства[1]) справедливости этой мысли.

II. Изданія древнихъ текстовъ и ихъ описанія.

Всѣ важнѣйшіе выводы славянской филологіи основываются главнымъ образомъ на древне-славянскомъ языкѣ, потому изданіе памятниковъ этого языка должно лежать во главѣ угла для славяновѣдѣнія. Знаменитая рукопись славянскаго перевода Словъ Григорія Назіанзена, по палеографическимъ даннымъ писанная въ XI столѣтіи, вышла наконецъ въ полномъ составѣ. Доселѣ она извѣстна была только по извлеченіямъ г. Чернышевскаго, да по изданію X-го Єлова г. Срезневскимъ. Г. Будиловичу принадлежитъ честь перваго изданія[2]). Свою обязанность, какъ издателя, онъ понялъ весьма правильно; желая совмѣстить строго палеографическія требованія съ критическими, онъ не только воспроизводилъ съ буквальною вѣрностью каждую строку и даже черту рукописи, но и представлялъ свое чтеніе этого текста, вмѣстѣ съ критикою перевода — *по сравненію съ греческимъ подлинникомъ*. Исполненіе послѣдней задачи можно было бы, конечно, облегчить сличеніемъ главнаго переводнаго текста съ иными списками (а такихъ извѣстно нѣсколько), но издатель, повидимому, оставилъ эту работу другимъ, а самъ ограничился точной передачей текста XI в. и поправками на основаніи греческаго подлинника, которыя, впрочемъ, очень осторожны и по большей части мѣтки, къ тому же онѣ находятся въ выноскахъ... Въ выноски же, на нашъ взглядъ, слѣдовало бы отнести и соотвѣтственныя ссылки на изданіе греческаго текста у Миня: помѣщенныя въ самомъ текстѣ, онѣ непріятно прерываютъ чтеніе. Какъ бы то ни было, одинъ изъ важнѣйшихъ памятни-

1) Всев. Миллеръ и Ф. Фортунатовъ. Литовскія народныя пѣсни. М. 1873, см. также Рѣчи и отчетъ Московскаго университета за 1875, ст. Фортунатова, стр. 1—15.

2) XIII словъ Григорія Богослова въ древне-славянскомъ переводѣ по рукописи XI в., изд. А. Будиловичъ. Спб. 1875. 8°.

ковъ древне-славянской письменности изданъ, и изданъ очень удачно, съ полнымъ вниманіемъ къ потребностямъ науки. Необходимое *введеніе* къ труду г. Будиловича представляетъ вышедшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ его же: «Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XII слова Григорія Богослова». Спб. 1871. Разсмотрѣніе труда Невоструева надъ древне-славянскимъ переводомъ Слова св. Ипполита объ антихристѣ (1868) дало академику Срезневскому поводъ издать свой сборникъ выписокъ и полныхъ славянскихъ переводовъ различныхъ сказаній объ антихристѣ [1]). Изданіе имѣетъ двоякую важность и значеніе: для филолога чистой воды оно любопытно, какъ сборникъ памятниковъ языка въ древнемъ, среднемъ и даже новомъ (таковъ напр. текстъ болгарскій) видѣ, памятниковъ, изданныхъ тщательно, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей стариннаго правописанія; для историка литературы и культуры — это драгоцѣнный матеріалъ для разъясненія одного изъ важнѣйшихъ періодовъ въ умственномъ и религіозномъ движеніи славянскихъ племенъ. Съ идеей объ антихристѣ соединяются многія нити народнаго славянскаго суевѣрія, къ этой фантастической личности привязывается мрачная идея «конца міра», которая играла такую важную роль въ жизни, искусствѣ и литературѣ многихъ народовъ, между прочимъ и славянскихъ. Сборникъ г. Срезневскаго можно разсматривать, какъ исправленіе и продолженіе труда пок. Невоструева: въ книгѣ послѣдняго издана первая половина извѣстной чудовской рукописи (т. е. собственное слово Ипполита), въ Сборникѣ перваго—вторая половина той же рукописи. Къ текстамъ приложенъ и прекрасно выполненный сборникъ палеографическихъ снимковъ. Словарнаго указателя нѣтъ, но его легко составить себѣ каждый, кто будетъ изучать тексты. О достоинствѣ изданія распространяться нѣтъ надобности; но одинъ пунктъ требуетъ нѣкоторыхъ объ-

1) Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ... И. И. Срезневскаго. Спб. 1874, 8°.

ясненій. Недавно Миклошичъ, въ трудѣ, о которомъ рѣчь будетъ впереди — довольно безцеремонно назвалъ *русскій способъ* изданія древне-славянскихъ памятниковъ — варварскимъ и вреднымъ, потому де, что русскіе филологи издаютъ тексты такъ, какъ они находятся въ рукописяхъ, съ сокращеніемъ, а не въ чтеніи. Если бы дѣло шло о текстахъ языковъ, вполнѣ извѣстныхъ, какъ напр. классическіе, тогда упрекъ былъ бы пожалуй умѣстенъ, но относительно языка (древнеславянскаго), чистый видъ котораго и этнографическія развѣтвленія извѣстны только на половину, если не менѣе, такой упрекъ — болѣе чѣмъ страненъ. Никто не станетъ отвергать надобности такихъ изданій памятниковъ, гдѣ бы все въ нихъ непонятное было объяснено, все нелегко читаемое въ подлинникѣ переписано было бы удобопонятно; но ограничиваться одними такими изданіями, не издавъ подлинниковъ, какъ они есть, буква въ букву, знакъ въ знакъ — по крайней мѣрѣ въ особенныхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ памятниковъ, при ихъ первыхъ изданіяхъ — значило бы итти противъ нуждъ науки и просвѣщенія, противъ общей пользы[1]). Второй томъ, или новая серія изданія И. И. Срезневскаго, выходящаго подъ названіемъ «*Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ*»[2]), содержитъ въ себѣ не мало цѣльныхъ текстовъ или выдержекъ изъ нихъ, снабженныхъ всякаго рода грамматическими, палеографическими, историческими и литературными объясненіями. Назовемъ болѣе важныя а менѣе извѣстныя:

а) «Финляндскіе отрывки изъ памятниковъ древняго русскаго письма XI—XV вв.». Кромѣ отрывковъ изъ богослужебныхъ книгъ, здѣсь помѣщены выписки изъ Прологовъ и Сборниковъ поученій XII—XIII в., интересные не по одному языку, а и по содержанію. Конечно, послѣднее еще нуждается въ точнѣйшемъ

---

1) Слова г. Срезневскаго, см. его статью: «Работы по древнимъ памятникамъ языка и словесности». Ж. М. Нар. Пр. 1875, № 8.

2) Въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ XII, Спб. 1875.

опредѣленія: переводное ли оно, или туземное, славянское, но во всякомъ случаѣ оно — важно по своему историческому вліянію; б) «Туровскіе евангельскіе листы XI вѣка»; текстъ ихъ давно уже извѣстенъ по двумъ изданіямъ, нынѣшнее — важно тѣмъ, что представляетъ замѣчательную попытку освободить текстъ отъ ошибокъ и описокъ русскаго и не русскаго писцовъ, т. е. представить его въ подлинномъ, чистомъ древне-славянскомъ видѣ; в) кормчая книга сербскаго письма 1262 г.; г) сборникъ поученій XII в., извѣстный уже изъ прежнихъ трудовъ г. Срезневскаго и заключающій въ себѣ часть слова «о богачѣ и Лазарѣ», столь важнаго по бытовымъ чертамъ, въ немъ встрѣчающимся. Къ прежнимъ выдержкамъ издатель присоединяетъ здѣсь нѣсколько новыхъ; особенно любопытно «поѹченьѥ любовно», представляющее на нашъ взглядъ разительное сходство съ извѣстнымъ словомъ Даніила Заточника не только по духу, но и въ выраженіяхъ, какъ ясно изъ слѣдующаго нашего сопоставленія.

Поѹченіе любовно.	Слово Даниила Заточника.
Възлегъ на многомакъцѣй постели и пространо протагаяса помани наго лежащаго подъ ѥдинѣмъ роубъмь и не дързнущю ногоу своѥю простърѣти зимы ради. . .	Егда ляжеши на мягкыхъ постелях подъ собольимъ одѣялы а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща и зимою умирающа и
Лежаща ти въ твьрдопокровнѣй храминѣ. слышащю же оушима дъжевьноѥ ночьство. помысли оубогыхъ. Како лежать нынѣ дъжевьныими каплями яко стрѣлами пронажаѥми, а дроугыя от неоусновенія сѣдаща и водою подъяты. . .	каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе.

Объяснить это сходство, конечно, должно тѣмъ, что и «По-

ученіе» и «Слово» черпали изъ общаго источника; д) грамоты кн. Дмитрія Ольгердовича, 1388 г. и Бориса Александровича тверского, 1427 (?); е) Пандекты Никона Черногорца, по древнимъ спискамъ,—съ обширными выписками. На основаніи нѣкоторыхъ, весьма уважительныхъ соображеній г. Срезневскій приходитъ къ догадкѣ, что древній переводъ пандектовъ Никона Черногорца, какъ и переводъ хроники Георгія Амартола, космографіи Косьмы Индокоплова и пр.—сдѣланъ при участіи русскаго человѣка; ж) «Паисіевскій сборникъ конца XIV или начала XV в.» краткій обзоръ всего содержанія; з) «Дубенскій сборникъ правилъ и поученій XVI в.», интересный по очень многимъ указаніямъ языческихъ суевѣрій и «грѣшныхъ» обычаевъ. Памятникъ заслуживалъ бы подробнаго изслѣдованія съ цѣлью опредѣленія источниковъ его: до той поры — хотя и должно думать, что многое въ немъ принадлежитъ русской словесности и древности, но пользоваться его указаніями въ этомъ смыслѣ должно очень осторожно; и) изъ того же сборника «поученія о пьянствѣ и пѣніи тропарей при чашахъ»; і) «наставленіе ереямъ о покаяніи съ замѣчаніемъ объ изгойствѣ» — по двумъ спискамъ. Замѣтимъ здѣсь, что вопросъ объ историко-юридическомъ значеніи «изгоевъ» требовалъ бы новаго изслѣдованія; трудъ Н. В. Калачова, при всѣхъ его достоинствахъ, едва ли рѣшаетъ дѣло, онъ написанъ съ точки зрѣнія такой исторической теоріи, отъ крайностей которой самъ авторъ отказался впослѣдствіи. Для рѣшенія вопроса объ изгояхъ, «наставленіе ереямъ» имѣетъ довольно важное значеніе, и нельзя не быть признательнымъ г. Срезневскому, что онъ издалъ памятникъ *вполнѣ*, такъ какъ только взятыя въ полномъ контекстѣ его свидѣтельства получаютъ свое истинное значеніе и объясненіе; к) «Сказаніе о Софійскомъ храмѣ Царьграда въ XII в.; л) «Копенгагенскій сборникъ стараго русскаго письма», обзоръ содержанія. Нѣкоторыя статьи его были уже и прежде извѣстны, см. Извѣст. Ак. Н. т. IX, вып. 3; м) «Еще два сборника стараго русскаго письма въ копенгагенской библіотекѣ». Сборники интересны и въ исто-

рическомъ отношеніи и въ литературномъ, одинъ изъ нихъ содержитъ въ себѣ извѣстныя притчи о звѣряхъ, т. е. бестіарій; н) «Галицкій списокъ книги Евангельскихъ чтеній конца XIII в.» Описаніе очень краткое, а это тѣмъ болѣе жаль, что самый памятникъ, по замѣчанію г. Срезневскаго, равносиленъ по важности съ извѣстнымъ галицкимъ спискомъ поученій Ефрема Сирина до 1288; наконецъ о) «февральная книга Минеи-Четьи древняго состава по списку XV в.» Часть древне-славянскаго перевода того памятника, къ которому принадлежитъ и знаменитая супрасльская рукопись. Таково содержаніе любопытнаго и важнаго сборника г. Срезневскаго. Мы не безъ намѣренія остановились на немъ столь подробно: такіе труды составляютъ истинное обогащеніе науки, потому что предлагаютъ и вѣрныя указанія или характеристики матеріала и самый матеріалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіе г. Срезневскаго будетъ продолжаться; вѣроятно появятся и «указатели», какіе приложены были къ 1-му тому. Къ подобному же роду трудовъ, какъ трудъ г. Срезневскаго, принадлежитъ и книга А. Н. Попова, содержащая въ себѣ дополненіе къ описанію рукописей купца Хлудова[1]); она совмѣщаетъ въ себѣ достоинства тщательнаго описанія рукописей съ изданіемъ самыхъ памятниковъ. Изъ памятниковъ здѣсь изданы: а) апокрифическое «Слово Іереміи пресвитера «о древѣ честнѣмъ», которое совмѣщаетъ въ себѣ всѣ «басни» этого «попа болгарскаго», указываемыя индексомъ запрещенныхъ книгъ; б) русское «поученіе о спасеніи души»; в) Климента епископа словенскаго «слово святую архангелу Михаила и Гавріила»; г) «Поученіе Моисѣя о безъвременьнѣмъ пиянствѣ» — сочиненіе русское; д) различныя апокрифическія статьи о древѣ крестномъ, главѣ Адамовой, разбойникахъ и т. д. Строгіе библіографы упрекнутъ, быть-можетъ, описателя, что въ книгѣ, предназначенной быть лишь *описаніемъ* рукописей, онъ далъ мѣсто и изданію

1) Первое прибавленіе къ описанію рукописей... библіотеки А. И. Хлудова. Составилъ Андрей Поповъ. М. 1875.

самыхъ текстовъ, но отъ такого упрека воздержится каждый изслѣдователь древне-славянской и русской письменности, каждый, кто правильно понимаетъ нужды науки и кто столь часто бывалъ удовлетворяемъ въ нихъ, единственно благодаря спасительной библіографической ереси г. Попова. Въ самомъ описаніи употребленъ методъ инвентарный, филологическія характеристики и библіографически-литературныя замѣчанія издателя—кратки, но для ближайшей цѣли своей они вполнѣ удовлетворительны. Въ концѣ—двѣ страницы посвящены описанію рукописей *подложныхъ*.

Важнымъ во многихъ отношеніяхъ должно признать трудъ В. В. Ягича: «Описаніе и извлеченіе изъ нѣсколькихъ югославянскихъ рукописей»[1]). Важенъ этотъ трудъ потому, что ученый изслѣдователь не упустилъ ничего, что̀ бы могло облегчить основательное знакомство посторонняго съ этими памятниками, мы разумѣемъ ихъ стороны филологическую, историко-литературную и палеографическую. Такъ осмотрѣны, описаны, можно сказать, изслѣдованы имъ слѣдующія замѣчательныя статьи (указываемъ только важнѣйшее): а) «недѣльныя проповѣди Константина пресвитера болгарскаго по сербской рукописи XIII в.»; б) «содержаніе и нѣсколько притчей изъ болгарскаго берлинскаго сборника» (рукопись прежде принадлежавшая В. С. Караджичу), важна, какъ образецъ такъ называемаго среднеболгарскаго языка и какъ сборникъ статей, имѣющихъ не малый интересъ въ историко-литературномъ отношеніи, такъ напримѣръ здѣсь находится *слово о злыхъ женахъ*, *притьча о тѣлѣ и души* и т. д.; в) «новые матеріалы по литературѣ библейскихъ апокрифовъ» съ обширными выдержками ихъ текстовъ. Особенно важна здѣсь статья «объ апокрифахъ попа Іереміи болгарскаго»; г) описаніе сербской кормчей 1262, уже извѣстной изъ описанія у г. Срезневскаго: Свѣдѣнія etc. № 47, съ объяснительнымъ

1) Jagić. Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovinskih rukopisa, помѣщено въ «Starine», книга V и VI.

введеніемъ и подробнымъ грамматическимъ и лексикальнымъ разборомъ текста; д) мелкіе матеріалы по церковному праву, такъ называемые пенитенціалы или епитимійные каноны, между которыми первое мѣсто занимаютъ столь извѣстные въ древней Руси «худые номоканунци» изданные здѣсь по рукописи XIII в. Какъ важны подобные каноны въ отношеніи науки древностей, если только существуютъ ручательства туземнаго, славянскаго ихъ происхожденія — распространяться незачѣмъ, но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно нужно пользоваться ими до разбора и опредѣленія вопроса о ихъ происхожденіи — это также очевидно. Вотъ почему мы не можемъ не отмѣтить здѣсь же двухъ иныхъ трудовъ, посвященныхъ разсмотрѣнію эпитимійныхъ канововъ греко-славянской церкви. Разумѣемъ трудъ пр. **Павлова**[1]) и **Горчакова**[2]). Трудъ послѣдняго къ тому же заключаетъ въ себѣ не мало древне-славянскихъ переводовъ канововъ. **Шафариковъ** «Изборъ» юго-славянскихъ памятниковъ, напечатанный въ 1851 г. въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ — сталъ снова доступенъ ученымъ во второмъ изданіи[3]), сдѣланномъ **І. Иречкомъ**. Прежніе тексты удержаны неприкосновенно и въ новомъ изданіи, хотя многіе изъ нихъ стали съ той поры извѣстны въ гораздо болѣе древнихъ и исправнѣйшихъ редакціяхъ, но изъ «**Шафарикова** наслѣдства» въ концѣ изданія добавлены нѣкоторыя сербскія, болгарскія и молдо-влашскія грамоты, изъ которыхъ не всѣ доселѣ были извѣстны, а равнымъ образомъ въ концѣ книги прибавлены указатель, составленный **К. Иречкомъ**, внукомъ знаменитаго слависта. Какъ библіографъ, я пожалѣлъ только, что остался не перепечатанъ здѣсь и первоначальный списокъ памятниковъ юго-славянскихъ, изданный **Шафарикомъ** въ 1839 годъ, подъ заглавіемъ «Mo-

---

1) **Павловъ**. Номоканонъ при большомъ Требникѣ. 1872.

2) **Горчаковъ**. Къ исторіи епитимійныхъ номокановонъ православной церкви. Спб. 1874. Изъ «отчета о XV присужденіи наградъ графа **Уварова**».

3) Pamatký dřevniho pismnicivi Jihoslovanův. Pr. 1873.

numenta Illyrica», но только «loco manuscripti in privatissimum editoris usum».

Изъ описаній древне-славянскихъ рукописей назовемъ слѣдующія, арх. Амфилохія: «Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки[1]), съ приложеніемъ атласа снимковъ. Описаніе, по частямъ извѣстное уже и прежде — инвентарное, по статьямъ и листамъ; есть выписки, но едва ли вездѣ помѣщеніе ихъ опредѣлялось дѣйствительными потребностями изслѣдователей, едва ли вездѣ онѣ принадлежатъ къ замѣчательнымъ; къ тому же онѣ сдѣланы только для образца языка и правописанія. Палеографическія замѣтки ученаго описывателя кратки, значеніе свое онѣ получаютъ тогда, когда сопоставить съ ними прекрасно исполненный атласъ снимковъ со всѣхъ древнѣйшихъ рукописей. Арх. же Амфилохіемъ изданъ и I томъ древне-славянской псалтири по рукоп. XIII—XIV в. сравнительно съ греческимъ текстомъ и со многими варіантами по древнимъ рукописямъ[2]). Трудъ — огромнаго терпѣнія, онъ, очевидно, назначенъ болѣе для богослововъ, чѣмъ для филологовъ, но можетъ-быть полезенъ и послѣднимъ. Почему избранъ славянскій переводъ въ рукописи XIII—XIV в., а не старѣе — не вполнѣ ясно. О. арх. Амфилохію же принадлежитъ изданіе древне-сербскаго Октоиха[3]). Издатель считаетъ его не только древнимъ вообще, но и, употребляя его выраженіе, *самодревнѣйшимъ*, XI в. Намъ не совсѣмъ понятны основанія такого опредѣленія: языкъ едва ли оправдываетъ его. Быть-можетъ — палеографическія данныя? Издатель не входитъ въ объясненія ихъ, а потому мы имѣемъ

---

1) Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки, съ приложеніемъ снимковъ со всѣхъ пергаменныхъ рукописей и нѣкоторыхъ писанныхъ на бумагѣ. Москва. 1876. Снимковъ всѣхъ 16 in f.

2) Древне-славянская псалтирь XII—XIV в., съ греческимъ текстомъ изъ толковой Θеодоритовой псалтири X вѣка, съ замѣчаніями по древнимъ памятникамъ. М. 1874.

3) О самодревнѣйшемъ октоихѣ XI в. юго-славянскаго юсоваго письма, найденномъ въ 1868 г. А. Θ. Гильфердингомъ въ Струмицѣ, арх. Амфилохія, съ приложеніемъ 2-хъ снимковъ. М. 1874.

пока право остаться при болѣе позднемъ опредѣленіи вѣка рукописи, именно XIII—XIV в. Изданіе сдѣлано тщательно, но съ излишнею обстоятельностію: дѣло рѣшительно не проиграло бы, если бы вмѣсто полнаго текста мы получили бы описаніе рукописи съ выдержками и словарнымъ индексомъ. Впрочемъ, мы судимъ въ качествѣ филолога, — богословъ, можетъ-быть, скажетъ иное. Первый выпускъ «Описанія рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи», составляемаго Н. И. Петровымъ[1]), можетъ удовлетворить потребности только перваго ознакомленія съ рукописями: выписокъ изъ текстовъ здѣсь нѣтъ, нѣтъ и филологическихъ эксцерптовъ и характеристикъ. Историко-литературныя замѣтки — случайны. Тѣмъ не менѣе, нельзя не отнестись признательно къ началу добраго предпріятія, нельзя не желать приведенія его къ окончанію. Духовныя училища у насъ еще какъ-то мало наклонны къ ученой сообщительности и нерѣдко оставляютъ важный свѣтильникъ подъ спудомъ, быть-можетъ изъ опасенія, чтобы онъ не освѣтилъ тѣхъ сторонъ жизни, освѣщать которыя не всегда для всѣхъ равно желательно. Очень древнихъ и первостепенныхъ рукописей музей не имѣетъ, но въ немъ есть не мало любопытныхъ сборниковъ, иногда единственныхъ въ своемъ родѣ. Вниманія заслуживаетъ и прекрасный опытъ «Описанія рукописей и книгъ Выголексинской библіотеки[2]), исполненный Е. В. Барсовымъ». Библіотека эта представляетъ жалкій остатокъ нѣкогда знаменитаго собранія книгъ раскольничьей киновіи... Несмотря на вѣковое хищеніе, въ ней и доселѣ не мало остается любопытныхъ произведеній древней письменности, хотя въ спискахъ сравнительно позднѣйшихъ. Очеркъ г. Барсова — это интересная глава изъ исторіи русской культуры и религіозной

---

1) Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи, сост. Н. Петровъ. Кіевъ. 1875, 1-й выпускъ.

2) Описаніе рукописей и книгъ, хранящихся въ Выголексинской библіотекѣ; составлено г. Барсовымъ. Спб. 1874.

жизни; самому описанію предпосланъ толково составленный исторический очеркъ Выговской библіотеки.

Если не измѣняетъ намъ память, то это — все, что́ сдѣлано въ послѣднее трехлѣтіе по изданію старославянскихъ текстовъ и описанію ихъ. Сдѣлано, какъ видно, не особенно много, но во всякомъ случаѣ довольно для убѣжденія, что дѣло не стоитъ, что наконецъ мы дождемся изданій сочиненій Іоанна Ексарха болгарскаго, двухъ Святославовыхъ сборниковъ и изданій описанія рукописей: Императорской Публичной библіотеки, библіотеки Академіи наукъ, Троицкой Сергіевой лавры, московской синодальной типографіи, московской и петербургской Духовныхъ Академій, а равно и нѣкоторыхъ рукописныхъ собраній частныхъ лицъ, какъ гр. А. Уварова, пр. Тихонравова и т. д. Съ сожалѣніемъ приходится вспомнить здѣсь, что славное дѣло Горскаго и Невоструева по описанію рукописей синодальной библіотеки доселѣ не нашло продолжателей, и что́ еще печальнѣе, не по недостатку таковыхъ, а по равнодушію тѣхъ, отъ кого повидимому зависитъ продолженіе дѣла.

Успѣхи славяновѣдѣнія за послѣднее время.

1876.

Желая представить бѣглый обзоръ важнѣйшихъ явленій по славянской наукѣ, мы находимъ болѣе удобнымъ начать его съ юга, съ сербо-хорватовъ. Академія неутомимо продолжаетъ изданія подъ заглавіемъ: «*Радъ Югославянской академіи*» и «*Старине*», которыя, благодаря открытію университета въ Загребѣ, должны получить еще большее развитіе, такъ какъ университетъ привлекъ и другія славянскія силы. Большинство трудовъ, помѣщаемыхъ въ этихъ изданіяхъ, принадлежитъ наукамъ историко-филологическимъ. По важнѣйшимъ изданіемъ Юго-Славянской академіи должно признать «Собраніе юридическихъ

обычаевъ у южныхъ славянъ», — *Зборник садашних правних обичаја у јужних Словена* (Загребъ 1874), приведенное въ порядокъ и изданное Богишичемъ. Это отвѣты разныхъ лицъ на вопросы, разосланные этимъ ученымъ. Благодаря ширинѣ программы, сюда вошли многіе обычаи не строго юридическаго характера, напр. свадебные, но во всякомъ случаѣ, въ высокой степени любопытные, какъ матеріалъ для древности народнаго быта. Загребскою же академіей изданъ 2-й томъ «Старинныхъ памятниковъ южныхъ славянъ» (Vetera monumenta Slavorum meridionalium... Загребъ. 1875) Тейнера, извлеченныхъ этимъ ученымъ изъ Ватиканскаго архива. Не безъ поддержки академіи состоялось великолѣпное изданіе юго-славянской нумизматики Любича (*Опис југославенских новаца*. Загребъ. 1875). Если иногда чтеніе надписей на монетахъ бываетъ сомнительно, то отчетливое изображеніе монетъ вполнѣ вознаграждаетъ этотъ недостатокъ. Подъ покровительствомъ академіи наукъ проф. Ганель предпринялъ сборникъ юго-славянскихъ законодательныхъ памятниковъ, по большей части, еще не бывшихъ въ печати. Имя Ганеля ручается за тщательное ученое исполненіе дѣла. Изъ трудовъ частныхъ ученыхъ укажемъ на 2-й томъ «*Юго-славянскаго дипломатарія*» (Codex diplomaticus regni Croatiæ, Slavoniæ et Dalmatiæ. Загребъ. 1876.), изданнаго Кукулевичемъ-Сакчинскимъ. Извѣстно также, что Даничичъ работаетъ надъ составленіемъ Сербо-Хорватскаго словаря по матеріаламъ, которые собирались издавна. Даничичу же принадлежитъ «Исторія формъ сербскаго и хорватскаго языка до конца XVII вѣка» (*Историја облика српскога и хрватскога језика до свршетка XVII вијека*. Бѣлградъ. 1874).

Изъ другихъ явленій юго-славянской литературы отмѣтимъ только изданія болгарскихъ пѣсенъ. Одно изъ нихъ принадлежитъ французскому консулу Дозону и отличается всѣми достоинствами достовѣрности (*Български народни пѣсни*. Paris. 1875). Пѣсни изданы съ переводомъ, снабжены примѣчаніями, прекрасно написаннымъ введеніемъ и словарчикомъ. Другое изданіе, при-

надлежащее сербу Верковичу, подъ заглавіемъ: «*Веда Словена*» — чрезвычайно странно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ него вошли чисто-народныя пѣсни, но онѣ искажены собирателемъ съ предвзятою цѣлью, именно для того, чтобы доказать, что и у болгаръ сохранились воспоминанія отдаленнѣйшаго періода арійской индійской (?!) жизни. Онъ даже вышняго Бога передѣлываетъ въ бога Вишну. Поддѣлка уже обнаруживается и въ томъ, что стихи не слѣдуютъ никакому правильному метру.

У словинцевъ заслуживаетъ упоминанія издаваемый Матицею «*Лѣтописъ*», а также сочиненіе проф. Марна, подъ названіемъ «*Язычникъ*», 9, 10 и 11-й годъ котораго посвящены разсмотрѣнію трудовъ извѣстнаго ученаго словинскаго писателя Метелка (*Jезичник, али Метелко в словенском словству.* 1873.), представляющій любопытный эпизодъ изъ исторіи славянскаго языкознанія.

Въ чешско-моравской литературѣ однимъ изъ важнѣйшихъ явленій слѣдуетъ признать выходъ въ свѣтъ «Глоссарія» (Glossarium illustrans bohemico-moravicæ historiae fontes. Brünn. 1876) старыхъ чешскихъ словъ, встрѣчающихся въ латинскихъ памятникахъ. Трудъ этотъ принадлежитъ Брандлю, архивару въ Брнѣ, уже извѣстному многими изданіями юридическихъ памятниковъ, каковы: «*Книга Рожсмберская*», «*Книга Товачовская*», «*Книга Дрновская*». Кстати, говоря о юридическихъ книгахъ, слѣдуетъ упомянуть объ изданіи Герм. Иречкомъ знаменитаго сочиненія Корнелія изъ Вшегрдъ «О правѣ земли Чешской» (о правих земе ческе книги деватеры. Прага 1874) и Кольдиномъ—«Чешскихъ муниципальныхъ правъ» (Права мѣстска кралоcтви ческего. Прага. 1876). Изданіе историческихъ источниковъ, подъ названіемъ Fontes rerum bohemicarum, предпринятое д-ромъ Эмлеромъ, продолжается. Оконченъ 2-й томъ, заключающій въ себѣ Козьму Пражскаго и его представителей, съ превосходнымъ чешскимъ переводомъ проф. Томка. Эмлеромъ же изданы моравскія и чешскія Regesta Moraviae et Bogemiae (2-й томъ 1876 г.), а равнымъ образомъ — очень важный истори-

ческій трудъ по хронологіи для повѣрки годовъ лѣтописей. Въ Моравіи недавно вышли 21—22 томы «Сочиненій, издаваемыхъ историко-статистическимъ обществомъ» (Schriftenstatistischen Section. Brünn) подъ редакціею Дельверта (въ 21-мъ—исторія музыки въ Моравіи, въ 22-мъ — историческіе документы XVII вѣка). «Исторія (*Дѣины*) Чешскаго народа» Палацкаго, нѣкоторые томы которой были распроданы до послѣдняго экземпляра, выходитъ новымъ изданіемъ. Равнымъ образомъ выходитъ въ чешскомъ переводѣ и «Исторія Моравіи» (*Дѣины Моравы*. Прага. 1875) Б. Дудика. «Дѣины (исторія) народа Болгарскаго» Иречка-сына (Константина) замѣчательны уже и тѣмъ, что представляютъ единственную книгу, не только отвѣчающую потребностямъ современной минуты, но и единственное полное изложеніе предмета. Въ отношеніи исторіи литературы нужно упомянуть о «Руководствѣ (*Рукоеѣть*) къ исторіи чешской литературы въ азбучномъ порядкѣ» Иречка-отца (Іосифа). Это — трудъ, который дѣйствительно облегчаетъ подыскиваніе первыхъ свѣдѣній о писателяхъ чешской литературы. 3-й томъ «Дѣинъ Праги» Томка интересенъ тѣмъ, что занимается судьбами Гуса и религіознаго броженія, имъ вызваннаго. Выходитъ этимологическій словарь Котта.

Въ 1876 году исполнилось пятидесятилѣтіе лучшаго литературно-ученаго органа въ славянскомъ мірѣ «*Временника* (*Часописа*) *Чешскаго музея*». Въ дѣлѣ чешскаго возрожденія ему принадлежитъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ дѣлѣ славянской науки — мѣсто, безспорно, первенствующее. Лучшіе люди славянской науки были его редакторами: Палацкій, Шафарикъ, Воцель, Небескій; лучшіе труды ихъ и другихъ ученыхъ, пролившіе столько свѣта на славянскія нарѣчія, литературу, древности и исторію, — были первоначально помѣщаемы въ «*Часописѣ*» Чешскаго музея. Какъ вѣрный показатель, этотъ «Временникъ» отражалъ на себѣ движенія и колебанія, приливы и отливы чешской образованности; понижался онъ иногда довольно сильно, но никогда не падалъ и всегда находилъ

силы къ возрожденію. Вотъ почему доселѣ онъ составляетъ необходимѣйшее пособіе для каждаго изучающаго славянство, пятидесятитомный реперторій самыхъ разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, разысканій, замѣтокъ и т. д. И справедливость требуетъ сказать, что теперешній редакторъ его, докторъ Эмлеръ, дѣлаетъ все, чтобы поднять достоинство его и держать его на высотѣ лучшаго славянскаго ученаго органа. Какъ слышно, готовится полный указатель статей и содержанія ихъ къ этому журналу. Не можемъ не пожелать, чтобы къ этому была присоединена и «исторія» его: это много прояснило бы судьбы чешской образованности и науки со времени возрожденія. По примѣру Чешской Матицы, Моравская Матица издаетъ свой журналъ, котораго идетъ уже 7-й томъ. Несмотря на незначительный объемъ, въ немъ встрѣчаются статьи очень важныя для чешской и вообще славянской старины. Таковы монографіи: Брандля, Кульды и Бартоша.

Основаніе Краковской академіи наукъ сильно содѣйствовало къ возбужденію ученыхъ занятій между австрійскими поляками. Академія издаетъ два журнала — «*Рочники*» по отдѣленіямъ: филологическому, философскому и естественно-историческому, а также Протоколы — «*Справоздання*» по тѣмъ же отдѣленіямъ. Здѣсь помѣщаются иногда статьи, отличающіяся истинно-ученымъ направленіемъ и весьма важныя въ научномъ отношеніи. Академіей издается продолженіе извѣстнаго труда Оскара Кольберга «*Люд. Его звычаи и способъ жиция*», котораго недавно вышли 8, 9 и 10 томы. Немаловажнымъ явленіемъ въ польской литературѣ должно признать сочиненіе Войцѣховскаго — «*Хробація. Розбіоръ старожитносци Словяньскихъ*» (1873). Критическая часть книги заслуживаетъ полнаго вниманія, но попытка основать славянскія «древности» на матеріалѣ мѣстныхъ названій едва ли можетъ быть признана сбыточною. Самымъ важнымъ явленіемъ, если не польской литературы, то относящимся къ польской наукѣ, должно признать сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ Цейсберга, подъ названіемъ: «Польскіе лѣтописцы среднихъ вѣ-

ковъ» (Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters. Лейпцигъ. 1878). Особенно интересно и въ историческомъ и въ историко-литературномъ отношеніи изложеніе жизни и разборъ сочиненій Длугоша. Нелишенное интереса сочиненіе о первыхъ польскихъ лѣтописцахъ, «Polnische Annalen» (Львовъ. 1873) представилъ Смолка. Цейсбергу также принадлежитъ отдѣльное сочиненіе о Викентіи Кадлубкѣ. Въ отношеніи исторіи польскаго права должно упомянуть о превосходномъ сочиненіи Ром. Губе — *«Польске право в XIII вѣку»* (Варшава. 1875), а равнымъ образомъ объ изданіи посмертныхъ трудовъ Гельцля (Т. 1. *Давне право приватне польске.* Краковъ. 1874). Не безъ интереса прочтется и «Исторія крестьянъ» (*Гисторія влосьцянъ.* Варшава. 1874) Мацѣевскаго, хотя книга едва ли что-нибудь прибавитъ къ славѣ извѣстнаго писателя, и едва ли не должна быть сочтена за самое слабое изъ его произведеній.

Дѣятельность Миклошича была столь же жива и въ послѣднее время, какъ прежде: кромѣ IV тома своей Сравнительной грамматики, заключающей сравнительный синтаксисъ славянскихъ нарѣчій, онъ издалъ наконецъ 2-й томъ «Образованія словъ» (Stammbildungslehre. Wien. 1875). Что́ непріятно можетъ подѣйствовать на читателя — это развѣ транскрипція древне-славянскихъ словъ латиницей. Миклошичемъ изданы для пользованія учащихся «Парадигмы старославянской морфологіи» (Altslovenische Formenlehre in Paradigmen), съ любопытнымъ предисловіемъ, въ которомъ снова пересматривается вопросъ объ отечествѣ церковно-славянскаго языка. Къ этому послѣднему вопросу относится и отдѣльный мемуаръ Миклошича подъ названіемъ «Древне-славянская христіанская терминологія» (Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Вѣна. 1875). Вообще, сравнительно съ прежнимъ, въ трудахъ Миклошича замѣчается нынѣ значительное измѣненіе: сравнительный элементъ въ изслѣдованіи славянскихъ нарѣчій получаетъ въ его послѣднихъ трудахъ свою настоящую силу, тогда какъ прежде онъ былъ одною формальною вывѣскою. Наконецъ слѣдуетъ упомя-

нуть и о предпріятіи Ягича — издавать на нѣмецкомъ языкѣ журналъ, посвященный славяновѣдѣнію — «Славянскій архивъ» (Archiv für slavische Philologie. Берлинъ). Самыя интересныя и важныя въ немъ статьи самого Ягича: таковы его изслѣдованія по славянской народной поэзіи и по древне-славянскому языку. Особенной признательности заслуживаетъ также помѣщаемое тамъ историко-литературное обозрѣніе явленій въ области славянской науки.

Къ сожалѣнію, литературная дѣятельность у словаковъ подъ гнетомъ мадьярскимъ должна была ослабѣть. Два года тому назадъ мадьяры закрыли матицу и такимъ образомъ прекратили изданіе очень полезнаго ученаго органа «Лѣтописи Матицы Словенской». Впрочемъ, литераторъ-историкъ Сасинекъ продолжаетъ это предпріятіе, хотя въ другомъ мѣстѣ и подъ другимъ названіемъ.

Русская наука славяновѣдѣнія за послѣднее время не представляетъ особыхъ богатствъ. Укажемъ *изданія древнихъ текстовъ и ихъ описанія*. Всѣ важнѣйшіе выводы славянской филологіи основываются главнымъ образомъ на древне-славянскомъ языкѣ, потому изданіе памятниковъ этого языка должно лежать во главѣ угла для славяновѣдѣнія. Знаменитая рукопись славянскаго перевода Словъ Григорія Назіанзена, по палеографическимъ даннымъ писанная въ XI столѣтіи, вышла наконецъ въ полномъ составѣ. Доселѣ она извѣстна была только по извлеченіямъ г. Чернышевскаго, да по изданію X Слова г. Срезневскимъ. Г. Будиловичу принадлежитъ честь перваго изданія: *XIII Словъ Григорія Богослова въ древне-славянскомъ переводѣ по рукописи XI в.* (Спб. 1875). Желая совмѣстить строго палеографическія требованія съ критическими, издатель не только воспроизводилъ каждую строку и даже черту рукописи, но и представилъ свое чтеніе текста, вмѣстѣ съ критикою перевода — *по сравненію съ греческимъ подлинникомъ*. Необходимое *введеніе* къ труду г. Будиловича представляетъ вышедшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ его же «Изслѣдованіе языка древне-славян-

скаго перевода XII Слова Григорія Богослова» (Спб. 1871). Разсмотрѣніе труда Невоструева надъ древне-славянскимъ переводомъ Слова св. Ипполита объ антихристѣ (1868 г.) дало академику Срезневскому поводъ издать *Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ* (Спб. 1874). Къ текстамъ приложенъ прекрасно выполненный сборникъ палеографическихъ снимковъ. Второй томъ, или новая серія изданія И. И. Срезневскаго, выходившая подъ названіемъ «*Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ*» (въ «Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ». Томъ XII. Спб. 1875), содержитъ въ себѣ не мало цѣльныхъ текстовъ или выдержекъ изъ нихъ, снабженныхъ всякаго рода объясненіями. Книга А. Н. Попова: *Первое прибавленіе къ описанію рукописей библіотеки А. И. Хлудова* (М. 1875) содержитъ въ себѣ достоинства тщательнаго описанія рукописей съ изданіемъ памятниковъ. Важнымъ во многихъ отношеніяхъ должно признать трудъ И. В. Ягича: *Описи и изводи из неколико южнословинских рукописа*, помѣщенный въ «*Старине*» (Загребъ. кн. V и VI). Пр. Павлова — *Номоканонъ при большомъ требникѣ* (1872) и Горчакова — *Къ исторіи епитимійныхъ номоканоновъ православной церкви* (Спб. 1874) посвящены разсмотрѣнію каноновъ, могущихъ быть важнымъ пособіемъ въ наукѣ древностей. Шафариковъ «Изборъ» юго-славянскихъ памятниковъ, напечатанный въ 1851 г. въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, сталъ снова доступенъ ученымъ во второмъ изданіи, подъ заглавіемъ — *Паматки древнюо писемництви Іигослованов* (Прага 1873), сдѣланномъ I. Иречкомъ; въ концѣ добавлены нѣкоторыя сербскія, болгарскія и молдо-влашскія грамоты, а равнымъ образомъ въ концѣ книги прибавленъ указатель, составленный Конст. Иречкомъ, внукомъ знаменитаго славяновѣда. Изъ описаній древне-славянскихъ рукописей назовемъ слѣдующія: *Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки, съ приложеніемъ снимковъ со всѣхъ пергаменныхъ рукописей и нѣкоторыхъ писанныхъ на бумагѣ* (М. 1874) арх. Амфилохія; *Древне-сла-*

ванская псалтирь XII — XIV вѣка съ греческимъ текстомъ изъ толковой Θеодоритовой псалтири X вѣка, съ замѣчаніями по древнимъ памятникамъ (М. 1874)—его-же; *О самодревнѣйшемъ октоихѣ XI вѣка юго-славянскаго юсоваго письма, найденномъ въ 1868 г. А. Θ. Гильфердингомъ въ Струмницѣ* (М. 1874)—его-же. Первый выпускъ *Описанія рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи* (Кіевъ. 1875) Н. И. Петрова можетъ удовлетворить только потребности перваго ознакомленія съ рукописями: выписокъ изъ текстовъ нѣтъ... *Описаніе рукописей и книгъ, хранящихся въ Выголевской библіотекѣ* (Спб. 1874) составлено очень тщательно Е. В. Барсовымъ.

По извѣстіямъ изъ Петербурга, недавно открыто рукописное *Евангеліе 1092 года*, слѣдовательно второе евангеліе съ обозначеніемъ года послѣ Остромирова, и нельзя не пожелать, чтобы Императорская Публичная Библіотека пріобрѣла этотъ важный памятникъ.

Въ историческомъ отношеніи болѣе всего посчастливилось балтійскимъ славянамъ: почти въ одно время вышло шесть сочиненій: 1) *Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ. Опытъ сравнительнаго изученія славянскаго права* А. А. Котляревскаго (Прага. 1874); 2) *Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древности*. А. А. Котляревскаго (Прага. 1874); 3) *Послѣдняя борьба балтійскихъ славянъ противъ онѣмеченія* (1876). И. А. Лебедева. Первая часть представляетъ историческое изложеніе происшествій; вторая, гораздо болѣе важная,—обзоръ источниковъ; 4) *Германизація балтійскихъ славянъ* (1876) І. Первольфа, гдѣ не упущены изъ виду всѣ важнѣйшія нѣмецкія разысканія по этому предмету; 5) *Начало борьбы славянъ съ нѣмцами*. А. Небосклонова (Каз. 1874) и наконецъ 6) *Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 года* Θ. Я. Фортинскаго (Кіевъ. 1876). Послѣдній трудъ исполненъ, главнымъ образомъ, на основаніи грамотъ. Капитальнымъ изда-

ніемъ должно признать матеріалы, собранные В. В. Макушевымъ во время его заграничнаго путешествія и изданные подъ заглавіемъ: *Историческіе памятники южныхъ славянъ и сосѣднихъ имъ народовъ* (Варшава. 1874. Monumenta historica Slavorum meridionalium). О богатыхъ находкахъ проф. Макушева было еще прежде извѣстно изъ его отчетовъ объ италіанскихъ архивахъ,—отчетовъ, помѣщенныхъ въ «Запискахъ Академіи Наукъ». Первый томъ настоящаго труда обнимаетъ архивы меньшіе и нѣкоторыя библіотеки Анконы, Болоньи и Флоренціи. Тексты, по большей части, имѣютъ историко-юридическій характеръ и снабжены необходимыми объясненіями и примѣчаніями. Проф. Макушевъ имѣетъ подобнаго матеріала на нѣсколько томовъ, и нельзя не пожелать, чтобы онъ нашелъ и средства, и досугъ издать ихъ. Сочиненіе М. С. Дринова—*Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ* (1876) есть опытъ изложенія политической исторіи на основаніи непосредственныхъ источниковъ. Вниманія заслуживаетъ попытка воспользоваться письмами константинопольскаго патріарха Николая Мистика, извѣстнаго у насъ по прекрасной рѣчи В. И. Григоровича: *Объ отношеніяхъ Константинопольской церкви къ Болгаріи.*

С.-Петербургскимъ отдѣломъ Славянскаго Комитета и друзьями славянства изданы: 1) *Славянскій сборникъ* (томъ I. 1875); въ него вошли: Карпатская Русь. Я. Ө. Головацкаго; О галицкой Руси. И. Наумовича; О современномъ положеніи русскихъ въ Угріи; Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣднія сто лѣтъ. Пича; Изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и Австрійской Силезіи. А. С. Будиловича; Положеніе райи въ современной Босніи. Н. А. Попова; Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вѣкахъ. В. И. Ламанскаго; О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ. А. С. Будиловича и нѣк. др. Въ 1876 году вышелъ 2) *Славянскій сборникъ* (томъ 3-й) подъ редакціею П. А. Гильтебрандта (640 стр. ц. 3 руб.) съ такимъ содержа-

ніемъ: а) Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ. В. В. Макушева. б) Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI вѣка. В. В. Макушева. в) Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. А. Н. Веселовскаго. г) Слѣды русскаго вліянія на старо-польскую письменность. В. В. Макушева. д) Сербскія житія и лѣтописи, какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ въ XIV и XV вѣкахъ. В. В. Качановскаго. е) Резья и Резьяне. И. А. Бодуэна де-Куртенэ. ж) Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ. В. Г. Васильевскаго. з) Краковская академія наукъ. А. К. Киркора. и) Институтъ Оссолинскихъ въ Львовѣ. А. К. і) Библіографическія замѣтки. П. А. Червяковскаго. к) Каница, этнографическій очеркъ болгаръ— въ пер. Е. П. Барсовой. л) Войтеха Кентржинскаго, о мазурахъ—въ пер. В. Недзвецкаго. м) Крестьяне въ Польшѣ наканунѣ послѣдняго ея раздѣла—въ пер. П. А. Червяковскаго. Въ изданіе подъ заглавіемъ 3) *Братская помочь* (Спб. 1876) вошли между прочимъ слѣдующія статьи, относящіяся къ славяновѣдѣнію: Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что она существуетъ. В. И. Ламанскаго (10 — 34 стр.). Кровная месть въ старой Сербіи. Н. А. Попова (289 — 305). О сношеніяхъ В. В. Ганки съ Россійскою Академіею и о вызовѣ его въ Россію, М. И. Сухомлинова (309 — 318). Вукъ Стефановичъ Караджичъ. И. И. Срезневскаго (337—364). Первая глава послѣдней статьи была помѣщена въ «Московскомъ Сборникѣ» 1847 года, вторая написана для «Братской помочи».

Нельзя не выразить сожалѣнія, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, задержалось изданіе 5 и 6 томовъ сочиненій Гильфердинга, которые должны были заключать самые важные зрѣлые труды по славянской наукѣ покойнаго славянофила.

Янко Шафарикъ (Некрологъ).

Въ ночь съ 6 на 7 (съ 18 на 19 н. ст.) іюля 1876 года сербская наука понесла значительную утрату въ лицѣ доктора Янка Шафарика, умершаго на 63 году своей жизни и до послѣднихъ дней бывшаго предсѣдателемъ сербскаго ученаго «дружества» (общества). Родился онъ $^{2}/_{14}$ ноября 1814 г. въ Угріи. Гимназическій курсъ проходилъ въ Новомъ Садѣ (Нейзатцѣ), подъ руководствомъ своего дяди, въ то время директора новосадской гимназіи, знаменитаго Павла Іос. Шафарика. Перейдя въ лицей въ Пресбургъ, который въ то время въ значительномъ количествѣ посѣщала славянская (сербская и словацкая) молодежь, Янко Шафарикъ прослушалъ курсъ философіи и юриспруденціи. Затѣмъ онъ поступилъ на медицинскій факультетъ Вѣнскаго университета. Въ 1838 г. получилъ степень доктора медицины. Потомъ Янко провелъ нѣкоторое время въ Прагѣ, помѣщалъ статьи въ «*Музейникѣ*» и въ «*Кветахъ*» (1838—39 г.); помогалъ также своему дядѣ, Павлу Шафарику, въ его подготовительныхъ ученыхъ работахъ, такъ напр. въ Вѣнѣ списалъ для него значительную часть архива бывшей Дубровницкой республики. Въ 1840 г. поселился въ Новомъ Садѣ въ качествѣ городского лѣкаря. Въ 1843 г. былъ приглашенъ сербскимъ правительствомъ во вновь учрежденный Бѣлградскій лицей. Въ лицеѣ онъ оставался 18 лѣтъ, сначала какъ профессоръ физики, а потомъ (съ 1849 г.) профессоромъ всеобщей и сербской исторіи. Съ 1861 г., оставивъ профессуру, Янко Шафарикъ за-

нялъ мѣсто директора народной библіотеки и завѣдующаго народнымъ музеемъ. Въ 1869 году онъ былъ избранъ предсѣдателемъ *«Дружества сербской словесности»*, и въ томъ же году членомъ сената княжества. Для науки въ Сербіи Я. Шафарикъ сдѣлалъ немало: онъ былъ душею ученаго *«дружества»* со времени его основанія; музей, преимущественно, ему обязанъ своимъ устройствомъ; онъ же имѣлъ большое вліяніе на школьное дѣло въ Сербіи. Ученыхъ трудовъ Я. Шафарика много; рѣдкая книжка *«Гласника Сербскаго ученаго дружества»* не содержитъ какой-нибудь его статьи. Преимущественно онъ занимался изданіемъ старосербскихъ памятниковъ, хроникъ, грамотъ и пр. Назовемъ нѣкоторыя изъ его изданій: *Грамота сербская султана Селима* (Гласникъ 1852); *Лѣтописецъ Трношскій XVI вѣка* (1853); *Присяга вел. бана Босанскаго Мат. Стефана 1249 года* (1854); *Письмо краля Босанскаго Ѳомы Дубровничанамъ 1440—1460 г.* (тоже); *Надпись на церкви монастыря въ Прилѣпѣ* (id.); *Прилози къ исторіи србске и бугарске іерархіе* (1855); *Писменни спомсници србски и бугарски* (id.); *Житіе Стефана третіаго сэписано Григоріемъ мьнихомъ* (Гр. Цамблакомъ 1859); Грамота объ основаніи монастыря св. Михаила и Гавріила въ Призрѣнѣ, данная царемъ Душаномъ (1862); нѣкоторыя выдержки изъ *болгарскаго пролога*, писаннаго въ 1330 г. въ Македоніи, между которыми находится и краткая *легенда о св. Меѳодіи* (1863); часть *типика св. Саввы* Хиландарскаго монастыря (1866); отрывки изъ евангелія 1279 г., найденнаго Миличевичемъ (id); *18 грамотъ сербскихъ и валашскихъ* 1349—1496 г., по снимкамъ, присланнымъ архимандритомъ русскаго монастыря на Аѳонской горѣ (1868). Съ наибольшею любовью Я. Шафарикъ занимался юго-славянской нумизматикой, которая, по его почину, такъ сказать, возникла. Онъ издалъ: *Описаніе свиjу досад познатих србских новаца* (1851 —1855). Изъ оригинальныхъ трудовъ его еще упомянемъ: *План како бы се могло доhи до нове србске исторіjе* (1849); *Попис акта принадлежеhих къ исторіjи Срба и осталих Югословена находеhих се у ц. кр. мле-*

тачком генералном архиву (1858). Онъ перевелъ на сербскій языкъ: *Развитіе славянской литературы въ Болгаріи* (1849 съ чеш.), статью своего дяди, и *хронику Турецкую* Михаила Константиновича (1865 id.). Въ 1857 и 1858 годахъ Я. Шафарикъ посѣтилъ Венецію, для обозрѣнія документовъ, касающихся юго-славянъ; результатомъ этого путешествія были два тома «Acta archivi Veneti». — Каждаго иноземнаго славянина Я. Шафарикъ всегда принималъ въ Бѣлградѣ съ необыкновеннымъ радушіемъ. Онъ былъ однимъ изъ видныхъ гостей на московской этнографической выставкѣ 1867 года. Въ Сербіи даже среди простого народа пользовался рѣдкою популярностью. —Съ зимы 1875 г., слегка пораженный параличемъ, Я. Шафарикъ часто хворалъ; тѣмъ не менѣе кончина его была для всѣхъ неожиданностью.

Викторъ Ивановичъ Григоровичъ.

(Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Кіевскаго отдѣла Славянскаго комитета 28 декабря 1876 г.).

Мм. Гг.!

Мы начали нынѣшній годъ поминками по дѣятелѣ славянской мысли (Ю. Ѳ. Самаринѣ), поминками же по дѣятелѣ славянской мысли и науки и заканчиваемъ его: телеграмма извѣстила насъ, что сегодня въ Елисаветградѣ хоронятъ В. И. Григоровича. Имя Григоровича, человѣка почти сорокъ лѣтъ дѣйствовавшаго живымъ словомъ науки въ трехъ русскихъ университетахъ, одного изъ первыхъ и по времени и по достоинству миссіонеровъ славянства въ Россіи — извѣстно каждому. Краткое воспоминаніе о немъ, о его ученыхъ и общественныхъ заслугахъ, не будетъ неумѣстно здѣсь, среди тѣснаго кружка поборниковъ и цѣнителей славянской идеи.

Григоровичъ родился въ Балтѣ (30 апрѣля 1815 г.),

воспитывался въ Уманскомъ Базиліанскомъ (уніатскомъ) училищѣ, въ которомъ пробылъ до 15 лѣтъ. Можетъ-быть, подъ вліяніемъ монаховъ въ характерѣ Григоровича выработалась уклончивость и нѣкоторое самоуниженіе, которыя отличали его въ обхожденіи съ людьми. Окончивъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ со званіемъ дѣйствительнаго студента, онъ, по собственному влеченію, отправился въ Дерптъ, гдѣ тогда находилось нѣсколько русскихъ ученыхъ, такъ называемаго, послѣдняго профессорскаго института: Ивановъ, Горловъ, Прейсъ и др. Въ Дерптѣ, славномъ тогда именами классическихъ филологовъ Моргенштерна, Нейе, Преллера, занятія Григоровича приняли классическое направленіе, онъ изучилъ основательно древніе языки и не рѣдко даже своею стилистическою опытностью въ латинскомъ выручалъ молодыхъ докторантовъ, обязанныхъ представлять докторскія диссертаціи непремѣнно на латинскомъ языкѣ. Но тогда уже, кажется, пробудился въ немъ интересъ къ изученію Византіи и славянства, послѣдняго, быть-можетъ, не безъ вліянія примѣра П. И. Прейса.

Въ 1838—39 годахъ министерство гр. Уварова отправило въ науку въ славянскія земли первыхъ нашихъ піонеровъ славянства: Бодянскаго, Прейса и Срезневскаго. Бодянскій предназначался для Москвы, Срезневскій — для Харькова, а Прейсъ — для С.-Петербурга. Пустовали Казань и Кіевъ. О каѳедрѣ славянской въ Кіевѣ пока не могло быть и рѣчи, но Казань могла имѣть ее и скоро нашла себѣ достойнаго преподавателя: при посредствѣ пр. Горлова попечитель Мусинъ-Пушкинъ предложилъ эту каѳедру В. И. Григоровичу съ тѣмъ, что онъ отправится въ ученое путешествіе по славянскимъ землямъ лишь по выдержаніи экзамена на степень магистра и защитѣ диссертаціи. Вступая на каѳедру, Григоровичъ напечаталъ въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета» (1841 г., кн. 1-я) *Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ* и потомъ, какъ магистерскую диссертацію, представилъ *Опытъ изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ* (Уч. зап. Каз.

у—та 1842 г. и отд. Казань 1843). Послѣдняя работа обнимаетъ первыя двѣ эпохи съ IX ст. до нач. XV вѣка, т. е. до Гуса. Матеріалъ для подобнаго труда въ то время былъ еще очень малъ: трудности были почти неодолимыя; но не по отношенію къ выполненію задачи онъ замѣчателенъ, а по мысли необыкновенно смѣлой, можно сказать, творческой для того времени, живой и плодотворной и въ настоящую минуту: онъ предположилъ разсмотрѣть литературу славянскихъ народовъ, какъ организмъ, какъ одно стройное цѣлое, т. е., такъ сказать, *панславистскимъ* образомъ, о чемъ мечталъ знаменитый Павелъ Шафарикъ. Объ «Опытѣ» Григоровича можно поэтому сказать, что это было *первое ученое сочиненіе въ Россіи о славянской литературѣ съ точки зрѣнія славянской взаимности.* Скуденъ и незначителенъ по матеріалу покажется этотъ «Опытъ» теперь, но мысль и задача его доселѣ остаются мыслью живою, задачею достойною науки, потому что если только возможна наука исторія славянскихъ литературъ, какъ одного цѣлаго — она возможна только по той программѣ и въ томъ образѣ, который былъ начертанъ Григоровичемъ.

Отправляясь (въ 1844 г.) въ путешествіе по славянскимъ землямъ, Григоровичъ понялъ, что въ славянскихъ земляхъ Австріи мало можно сдѣлать при враждебности ея къ Россіи и къ русскимъ: онъ избралъ невѣдомыя славянскія страны Турціи, обѣщавшія богатую жатву. Изъ Константинополя онъ переѣхалъ въ Солунь, гдѣ ему удалось открыть краткое житіе еп. Величскаго Климента; изъ Солуни пробрался на Аѳонъ и далѣе, исходилъ бо́льшую часть Мизіи, Ѳракіи и Македоніи. Въ своихъ разысканіяхъ Григоровичъ рѣдко заходилъ въ болѣе отдаленную классико-доисторическую древность, онъ ограничился эпохой христіанской: неутомимо обозрѣвая церкви, монастыри, онъ вездѣ доискивался слѣдовъ излюбленной имъ древне-слабянской письменности. Онъ былъ столь счастливъ, что умѣлъ спасти отъ гибели много чрезвычайно важныхъ письменныхъ памятниковъ, какъ напр. греческую псалтирь XI в. съ художественными ми-

ніатюрами и знаменитое глагольское евангеліе XI в. Обвиняли Григоровича, что способы пріобрѣтенія имъ рукописей были не всегда *обыкновенно-законны*, но наука не сдѣлаетъ ему такого упрека, имѣя въ виду высшую пользу его пріобрѣтеній: рукописи, конечно, погибли бы, если бы ихъ не спасла рука Григоровича на пользу науки, и имѣемъ ли мы право назвать эту руку хищническою»... Хищники не заботятся объ общей пользѣ и нуждахъ потомства, еще менѣе о наукѣ...

Осмотрѣвъ славянскія страны Европейской Турціи, Григоровичъ остановился на нѣкоторое время и у славянъ австрійскихъ, затѣмъ чрезъ Саксонію и Пруссію возвратился въ 1847 году въ отечество. Здѣсь первымъ плодомъ его путешествія былъ «*Очеркъ путешествія по Европейской Турціи*» (Уч. зап. Каз. у—та 1848 г. и отд. Казань. 1848), очеркъ—богатый разнообразнѣйшими свѣдѣніями археографическими и археологическими. Еще одно отличало Григоровича въ путешествіи: онъ не только интерессовался славянщиной, но и стариною византійскою. Съ этой стороны «Очеркъ» его важенъ и по матеріалу, и по мысли. Въ Вѣнѣ имъ обработаны *Протоколы константинопольскаго патріархата* (Ж. М. Н. Пр. 1847 г., № 6)—очень важные для исторіи русской церкви. Въ томъ же году имъ напечатаны *Изысканія о славянскихъ апостолахъ въ Европейской Турціи* (Ж. М. Н. Пр. 1847, № 1), т. е. греческій текстъ житія св. Климента съ переводомъ и объясненіями.

Жизнь профессора въ Казани въ то время не представляла много отраднаго; профессорская среда едва ли могла поддержать и ободрить дѣятельность ученаго. Григоровичъ находилъ поддержку только въ средѣ студентовъ, которыхъ очень привлекали невѣдомый дотолѣ предметъ и чудаковатыя манеры профессора. Славяновѣдѣніе нѣкоторое время было модною наукою въ Казани: имъ серіозно интересовалось общество, попечитель университета (Молоствовъ) и даже нѣкоторые помѣщики. Въ казанскомъ «Обществѣ любителей русской словесности» Григоровичъ читалъ свою рѣчь: «О значеніи церковно-славянскаго

языка», которая вошла потомъ въ небольшой сборникъ его статей, изданный подъ заглавіемъ *Статьи, касающіяся древне-славянскаго языка* (Казань. 1852 г.). Какъ самъ сборникъ, такъ въ особенности эта «Рѣчь» важны и по матеріалу, и еще болѣе по мысли: онѣ проникнуты, можно сказать, панславистской идеей... Съ этой точки зрѣнія поставленъ имъ вопросъ о церковно-славянскомъ языкѣ, какъ объ объединяющемъ началѣ въ славянствѣ. Позволю себѣ привести одно, прямо сюда относящееся мѣсто: дѣло идетъ о значеніи церковно-славянскаго языка въ нашемъ образованіи: «Охраняя намъ преданіе, онъ даруетъ намъ общеніе съ предками, сближаетъ насъ въ обширномъ отечествѣ нашемъ; находясь во взаимности съ родными нарѣчіями, онъ приводитъ насъ къ общенію съ соплеменниками; наконецъ, цѣлостно поясняемый, онъ расширяетъ предѣлы нашего сознанія и ставитъ насъ въ обширнѣйшую сферу образованнѣйшихъ народовъ. На первой степени изученія языкъ древне-славянскій роднитъ насъ съ тѣми началами отечества нашего, которыя, будучи доступны каждому, великому и малому, образованному и необразованному, уравниваютъ насъ въ потребности общечеловѣческой, въ потребности религіозной. И это сдруженіе насъ есть лучшее отличіе нашей народности, одно изъ ея преимуществъ, на которомъ основаны непоколебимость и твердость общественныхъ началъ. И въ самомъ дѣлѣ, что болѣе призываетъ насъ къ единенію, какъ не языкъ молитвы нашей? Пробуждая въ насъ пытливость, языкъ церковно-славянскій на второй степени напоминаетъ намъ о родѣ нашемъ и, заставляя относить къ нему всѣ нарѣчія нашихъ соплеменниковъ, даетъ намъ возможность отвѣчать на задушевный призывъ ихъ къ славянской взаимности. Усиливая вниманіе къ языку церкви нашей, давая примѣръ неизмѣннаго уваженія къ нему, не дадимъ ли мы почувствовать, что залогомъ этой взаимности есть общее дружное признаніе въ образованіи нашемъ языка, искони назначеннаго вразумлять насъ въ нравственныхъ обязанностяхъ нашихъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе доказать взаимность, какъ относя всѣ частно-

сти къ одному данному, ставить это данное общимъ источникомъ вразумленія. Наконецъ, поставивъ насъ на самой высшей степени созерцанія, изученіе церковно-славянскаго въ сферѣ индо-европейскихъ языковъ примиряетъ насъ съ истинными требованіями просвѣщенія, для которыхъ, ограничивая пылкость славянофиловъ и укрощая натискъ иноязычнаго, мы добровольно чувствуемъ, что истинное начало нашей дѣятельности не лежитъ въ безсознательномъ коснѣніи, въ одностороннемъ направленіи, но въ искреннемъ сознаніи, пробуждаемомъ родствомъ языковъ, сознаніи необходимости участія нашего въ нравственномъ усовершенствованіи человѣчества. На какой степени изученія мы бы ни стояли, мы не можемъ, мы не должны отрицать благотворное вліяніе церковно-славянскаго языка. Оно такъ внѣдрилось въ сознаніе наше, что отрицаніе это было бы опроверженіемъ лучшихъ началъ русской народности....» Такъ выражался панславизмъ въ русскомъ ученомъ въ Казани. Въ 1853 г. имъ напечатано *Посланіе митрополита Іоанна II, какъ памятникъ XI вѣка* (Спб.) — опытъ филологическаго возстановленія текста, дошедшаго къ намъ въ испорченномъ и подновленномъ видѣ. Въ актовой рѣчи *О Сербіи въ ея отношеніи къ сосѣднимъ державамъ въ XIV — XV в.* (Каз. 1859 г.) выражена совершенно оригинальная идея: вопреки общепринятому мнѣнію, что Косовская битва — случайность и результатъ властолюбія и завоевательныхъ стремленій турокъ, Григоровичъ указываетъ, что порабощеніе Сербія турками было только продолженіемъ старой *византійской* политики Константинопольскаго двора. Характеристика этой политики образцовая. О значеніи славянской взаимности онъ говоритъ такъ: «Славяне, сознавая суетную дѣятельность враговъ своихъ, не перестающихъ перестраивать народный ихъ характеръ на ладъ своихъ замысловъ, уже давно во взаимности своихъ племенъ поставили условія нравственнаго преобразованія. Взаимность, соединенная съ уваженіемъ къ чужимъ народностямъ, заставляя преодолѣвать предразсудки, отчуждающіе племя отъ племени, внушаетъ также нравственное

участіе, возвышающее народное достоинство, спасающее слабыхъ отъ отступничества, отъ перебѣга въ чужіе ряды. Взаимность, поддерживая состязаніе на поприщѣ развитія, въ успѣхѣ каждаго племени полагая успѣхи цѣлаго поколѣнія, можетъ насъ сдѣлать достойными соперниками просвѣщенныхъ народовъ, которые также дорожатъ судьбою своихъ племенъ на каждомъ мѣстѣ и при различныхъ условіяхъ ихъ жизни. Да будетъ же исходною точкою нашего усовершенствованія взаимность, ознаменованная благоволеніемъ къ общечеловѣческому достоянію, къ истинному просвѣщенію».... Въ 1862 г. имъ изданъ *Древнеславянскій памятникъ, дополняющій житіе слав. апостоловъ Кирилла и Меөодія*, содержащій службы имъ. Это былъ послѣдній трудъ, изданный имъ въ Казани.

Со введеніемъ новаго университетскаго устава, Григоровичъ перешелъ въ Одессу, и жизнь его приняла совершенно другое, болѣе живое и дѣятельное направленіе... Свои книги и богатое собраніе рукописей онъ пожертвовалъ Одесскому университету. Несмотря на обширные труды по профессорской должности, по насажденію новой науки въ новомъ университетѣ, Григоровичъ дѣятельно продолжалъ трудиться и для науки. Въ особенности его до самой кончины занимала задача издать свой знаменитый глаголическій аөонскій кодексъ. Съ этой цѣлью онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Москву для приготовленія фотографическихъ снимковъ и дѣятельно занимался вопросомъ о происхожденіи кирилловскаго и глагольскаго письма въ древнеславянскомъ языкѣ, что́ хотѣлъ подробно изложить во введеніи къ предпринятому изданію текста.

Въ Одессѣ дѣятельность Григоровича раздвояется: какъ южанинъ, онъ не могъ не отдаться интересамъ края, преимущественно его древней археологіи. Въ этомъ направленіи имъ изданы: *Историческіе намеки о значеніи Херсона и его церкви* (1864 г.); *Записка объ археологическомъ изслѣдованіи Днѣстровскаго побережья* (1864 г.); *Записка относительно археологическихъ изслѣдованій въ Херсонисѣ*; *Записка антикварa о его*

поѣздкѣ на Калку и Калміусъ въ Корсунскую землю и на южныя побережья Днѣпра и Днѣстра (Од. 1874 г.); *Записка о пособіяхъ къ изученію южнорусской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго Штаба* (Од. 1876 г.).

По славянской наукѣ въ Одессѣ онъ напечаталъ: *Какъ выражались отношенія Константинопольской Церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и преимущественно къ болгарамъ въ началѣ X вѣка* (1866 г.); *Замѣтка о Солунѣ и Корсунѣ* (1872 г.); *Коменскій, какъ педагогъ; изъ лѣтописи науки славянской* (1871 г.); *Значеніе взаимности славянской въ русскомъ спорѣ о старинѣ и преобразованіяхъ* (1870 г.). Главная мысль послѣдняго труда та, что Петровская реформа естественно приводила къ славянской взаимности; что изученіе старины русской тогда лишь плодотворно, когда оно ведется въ связи съ изученіемъ всего славянства. Кромѣ того имъ изданы: *О нѣкоторыхъ явленіяхъ русской жизни въ эпоху преобразованія Петра В.* (Од. 1872 г.); *Чтó принесъ намъ годъ прошедшій?* (1873 г.) и *Объ участіи сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ* (1876 г.).

В. И. Григоровичъ былъ въ жизни тѣмъ, чтó называютъ чудакомъ; нѣкотораго рода *физическій* цинизмъ, его отличавшій — сознательный или невольный, разсуждать не станемъ — былъ слѣдствіемъ жизни и воспитанія: бездомный и безсемейный, мало избалованный жизнью и людьми, онъ былъ робокъ и недовѣрчивъ къ нимъ, уклоняясь и дѣйствуя уклончиво тамъ, гдѣ только можно было; но, гдѣ того требовала гражданская честь, онъ умѣлъ дѣйствовать прямо и рѣшительно. Этой рѣшительности онъ обязанъ тѣмъ, что, не дослуживъ урочнаго времени, долженъ былъ оставить Одесскій университетъ и, не доживъ вѣку, умереть въ Елисаветградѣ...

Какъ ученый, онъ имѣлъ свои великія и неотъемлемыя заслуги: онъ былъ у насъ рѣдкимъ знатокомъ *чистаго древне-славянскаго* языка, на которомъ писалъ и произносилъ даже рѣчи. Ему принадлежитъ заслуга объясненія многихъ существенныхъ

вопросовъ древне-славянскаго языка, письменности и древности. Обладая замѣчательною способностью выучиваться языкамъ (кромѣ европейскихъ, знакомыхъ ему въ совершенствѣ, онъ говорилъ по-турецки, по-ново-гречески и по-румынски; древне-греческій языкъ зналъ на столько основательно, что въ теченіе полутора года преподавалъ его въ Казанскомъ университетѣ), онъ умѣлъ поставить свою науку на широкую почву, онъ зналъ *источники* ея и притомъ изъ самыхъ *источниковъ*: глубокое знаніе славянства соединялось въ немъ со знаніемъ Византіи и западной науки. Но сдѣланное имъ видимое далеко не перевѣшиваетъ того, что̀ сдѣлано имъ и невидимо, хранится въ его ученикахъ: любовь къ славянству, славянская идея взрощены имъ широко и прочно въ сердцахъ и умахъ многихъ поколѣній.

Да будетъ же земля легка этому доброму учителю, праведно, хотя и безвременно, скончавшему жизнь свою, но неколебимо среди житейскихъ искушеній соблюдшему вѣру свою и другихъ въ великое значеніе славянской науки и великую миссію славянской идеи!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

РѢЧЬ В. И. ГРИГОРОВИЧА

О Борисѣ-Михаилѣ Болгарскомъ, праотцѣ славянскаго просвѣщенія *).

Мм. гг! Кто этотъ мужъ, котораго нынѣ, благословляя, помянула въ своихъ священныхъ молитвахъ церковь православная? Кто этотъ мужъ, котораго память призвала насъ всѣхъ благоговѣйно стекаться на это торжество, подобно тому, какъ

1) Въ видѣ «приложенія» къ предыдущей поминкѣ о В. И. Григоровичѣ — перепечатывается здѣсь «Рѣчь» его изъ Одесскаго Вѣстника 1870, № 97. Помѣщенная на страницахъ летучей газеты, она стала недоступна и какъ бы исчезла для многихъ, а между тѣмъ мысли, въ ней выраженныя, заслуживаютъ полнаго вниманія и широкаго распространенія даже и потому, что о такомъ важномъ предметѣ говоритъ такой знатокъ дѣла, каковъ былъ покойный Григоровичъ.

древле славяне стекались совершать тризну въ память своихъ праотцевъ? Кто онъ—этотъ мужъ? Онъ есть праотецъ славянскаго просвѣщенія. Онъ былъ избраннымъ орудіемъ Промысла Божія въ строеніи судебъ славянскихъ. Могущественный вождь славяно-болгарскаго народа, первозванный въ своемъ народѣ христіанинъ, смиренный ученикъ св. первоучителей нашихъ Кирилла и Меѳодія—князь Борисъ-Михаилъ просіялъ нынѣ сквозь мракъ вѣковъ лучезарнымъ свѣтомъ, проникающимъ въ душу всякаго славянина.

Наконецъ-то можемъ съ отрадою возгласить: яко *во истину Христосъ воскресе и сущимъ во гробѣ животъ дарова!*

Но гробомъ великихъ подвижниковъ славянскаго просвѣщенія было наше человѣческое забвеніе, наше гробовое равнодушіе къ нимъ. О, въ этомъ гробѣ забвенія похоронены многіе благотворители наши, чающіе своего воскресенія!

Покоряясь чужимъ, среди напастей одолѣваемые неотразимыми бѣдами, мы, славяне, часто забывали наше прошедшее. Намъ тяжко возстановить связь и ходъ самыхъ достойныхъ памяти событій. Еще труднѣе передать правдивую повѣсть объ избранныхъ дѣятеляхъ, особенно если эту повѣсть искажаютъ злонамѣренные современники, явно обличающіе свое пристрастіе среди враждебнаго соперничества сильныхъ сторонниковъ Рима и Византіи.

Поэтому-то, отказываясь отъ завидной, но не по силамъ нашимъ задачи—изобразить дѣянія приснопамятнаго Бориса-Михаила, сознаваясь въ немощи своей вести непрерывный разсказъ о многообразныхъ, удивляющихъ блескомъ и смиреніемъ дѣяніяхъ этого, достойнаго всемірной исторіи, помазанника Божія, мы желаемъ привлечь вниманіе ваше на одинъ только предметъ,—на участіе его въ судьбахъ славянскаго просвѣщенія.

Да позволено намъ будетъ возвѣстить нынѣ о томъ только, почему мы ставимъ долгомъ нашимъ и притомъ долгомъ не только болгаръ, но и всѣхъ славянъ, почитать болгарскаго самодержца, Бориса-Михаила, праотцемъ славянскаго просвѣщенія.

Дивнымъ стеченіемъ событій этотъ мужъ былъ первый въ ряду болгарскихъ царей, который, сознавши великое назначеніе своего народа, добровольно и миролюбиво просвѣтился христіанскимъ ученіемъ, исповѣдалъ св. вѣру въ духѣ православной церкви. Съ 861 года до начала X столѣтія, первозванный исповѣдникъ святой вѣры совершалъ трудное теченіе жизни своей среди просвѣтительныхъ подвиговъ, среди соблазновъ политической жизни—какъ мудрый, прозорливый правитель, и подъ конецъ жизни отрекся отъ міра сего, принялъ образъ иноческаго смиренія, не переставая блюсти достояніе отечества, завѣщанное его сыну. Такая жизнь, еще мало озаренная исторіею, отразила событія, которыми IX столѣтіе отмѣчено въ бытописаніяхъ народовъ. Да, эти событія обнаруживаютъ, что исходъ опредѣлялся помыслами Бориса-Михаила. Пытаясь раскрыть ихъ изъ современныхъ свидѣтельствъ, надѣюсь отвѣчать своей задачѣ.

Извѣстно, что достопамятное обращеніе въ христіанство болгаръ сопровождалось распрею Рима и Византіи. Въ этой распрѣ вскорѣ вызвано было участіе Бориса-Михаила. Очевидно было, что перевѣсъ того или другого соперника зависѣлъ отъ того, куда склонялись помыслы болгарскаго владыки. Не мудрено, что новопросвѣщенный князь болгарскій долженъ былъ колебаться, страшась за послѣдствія поспѣшной рѣшимости. Среди заискиваній западныхъ учителей, въ Борисѣ созрѣвала мысль, осуществленіе которой доказываетъ глубокое пониманіе существенныхъ условій римско-византійской распри. Мысль эту, если не ошибаюсь, заронило въ душу болгарскаго царя знаменитое посланіе патріарха Фотія, который поощрялъ его къ самостоятельности, подобающей его державѣ. Это посланіе къ Борису-Михаилу — одно изъ великолѣпныхъ твореній геніальнаго Фотія — не есть только краснорѣчивое поученіе-наставленіе: оно есть актъ величайшаго историческаго значенія. Чтó бы ни говорили о недоступности его изложенія уму новопросвѣщеннаго, чтó бы ни толковали о превышающемъ пониманіе его смыслѣ,

изложенномъ въ классической формѣ — смѣю утверждать, что, судя по смыслу подвиговъ самаго Бориса, Фотій, наставляя болгарскаго вождя въ православіи, сознательно признавалъ въ немъ высокое призваніе. Сознательно, говорю, поощрялъ онъ его быть самостоятельнымъ, утверждая свою силу на довѣріи къ подданнымъ (41), на законности (42), на правосудіи (43), на прозорливости (48), на твердости (55), на признаніи общественнаго мнѣнія (58), на единодушіи подданныхъ (62), на благополучіи подданныхъ; и при такихъ условіяхъ, завершая свое посланіе, Фотій выразилъ желаніе, дабы Борисъ былъ готовъ къ великимъ подвигамъ, доблестно охранялъ свое достояніе, стремясь быть не только образцомъ въ своемъ народѣ, но и назиданіемъ роду человѣческому.

Изъ такихъ бесѣдъ Фотія какъ не угадать, въ чемъ заключалось призваніе Бориса, чѣмъ оправдалъ онъ обращенныя къ нему наставленія? Не сомнѣваюсь, что историческая критика раскроетъ связь сего посланія, смыслъ котораго многимъ кажется несообразнымъ со степенью просвѣщенія Болгаріи,—связь именно его съ послѣдующимъ достопамятнымъ событіемъ. Когда затѣмъ въ распрѣ Рима и Византіи, послѣ низложенія Фотія, выдвинулись вѣковыя недоразумѣнія, когда уклончивость патріарха Игнатія не удовлетворила властолюбія папъ, тогда участіе Бориса-Михаила получило роковое значеніе. Пояснимъ сперва кратко, чѣмъ было вызвано это участіе.

Извѣстно, что принесши Фотія въ жертву Риму, низложивъ его, политика Византіи не достигла цѣли: властолюбіе папское не насытилось. Изъ мрака вѣковъ выдвинутъ былъ непорѣшенный вопросъ — о зависимости областей, составлявшихъ нѣкогда префектуру Иллирика. Несмотря на то, что на поприщѣ Иллирика все измѣнилось, что народныя и политическія отношенія преобразились, несмотря на то, что на мѣстѣ Македоніи, Дарданіи, Мезіи, Дакіи возвысилось грозное болгарское государство—Римъ и Византія спорили о томъ, чьи они, кому они по праву подвластны въ духовномъ отношеніи. Пока папы призна-

вали власть константинопольскихъ императоровъ, споръ этотъ былъ не болѣе, какъ *затянутая* тяжба; когда же тѣ же папы создали себѣ новаго защитника, новаго римскаго императора въ лицѣ Карла В., споръ этотъ сталъ грознымъ взысканіемъ съ лихвою, лишавшею подобающаго значенія патріарховъ константинопольскихъ. Именно такое торжество готовили себѣ папы послѣ низложенія патріарха Фотія: они грозились уже предать позору и патріарха Игнатія, права котораго такъ недавно поддерживали; а между тѣмъ въ этихъ спорныхъ областяхъ, давно уже завоеванныхъ болгарами, христіанскій князь Борисъ-Михаилъ съ трудомъ удерживалъ политическое равновѣсіе, готовое рушиться въ колебаніяхъ между Римомъ и Византіею. Какой же дать исходъ этому спору? чѣмъ его порѣшить? Вотъ вопросъ, который, можно сказать, былъ самою трудною задачею IX стол. Должны ли остаться земли Иллирика, завоеванныя болгарами, въ духовной зависимости, и если въ зависимости, то отъ Рима ли или Византіи—эта задача касалась непосредственно Бориса-Михаила. Онъ постигалъ, что въ ней таилось его быть или не быть, и онъ былъ бы недостойнымъ своего призванія, если бы долѣе колебался.

Тогда-то, и именно 870 года, совершилось громадное событіе, котораго важность могутъ только постигать славяне, событіе, доказавшее, что мысль Бориса-Михаила созрѣла среди споровъ Рима и Византіи, что онъ созналъ свое призваніе. Когда на соборѣ въ Константинополѣ легаты папскіе и апокрисаріи византійскіе, въ присутствіи посланниковъ болгарскихъ, препирались о томъ, римскія или византійскія будутъ духовныя дѣти Иллирика,—когда взаимные упреки готовы были вспыхнуть взрывомъ раздора, тогда въ отвѣтъ Болгаріи пронесся всенародный голосъ: не римскія и не византійскія, но славянскія. Этотъ голосъ вѣщалъ, что роковое слово Бориса-Михаила было произнесено: славянская православная церковь, славянское богослуженіе—вотъ это завѣтное слово, которымъ ознаменовался 870 годъ. Завѣщая его грядущимъ вѣкамъ, Борисъ-Михаилъ

осуществилъ самую важную задачу въ исторіи просвѣщенія, миролюбиво воплотивъ его въ жизни народа.

Мы обязаны, слѣдственно, нынѣ, въ 1870 году, спустя тысячу лѣтъ, признательно почтить его подвигъ, сознавая громадное значеніе его не только въ IX, но и въ XIX стол. Итакъ, не даромъ патріархъ Фотій въ своемъ посланіи благословлялъ Бориса на великое дѣло — быть назидательнымъ примѣромъ роду человѣческому. И дѣйствительно, Борисъ оправдалъ это благословеніе въ дѣлѣ, которое поставило его въ ряду знаменитѣйшихъ двигателей просвѣщенія. Этотъ подвигъ, состоя въ связи съ предыдущимъ, требуетъ нѣкотораго поясненія.

Извѣстно, что когда на югѣ рѣшался споръ о зависимости Иллирика, на сѣверѣ, въ Моравіи, происходила не на животъ, а на смерть борьба за славянское богослуженіе. Великій апостолъ славянъ Меѳодій, архіепископъ моравскій, едва выдерживалъ притязанія, которыми во имя папства преслѣдовали его нѣмецкіе соперники, — епископы. Наконецъ, онъ скончался, но не окончились гоненія на его память и на его учениковъ. Подъ угрозами мадьяръ, великое дѣло славянскаго богослуженія рушилось въ Моравіи. Преслѣдуемые ученики Меѳодія были изгнаны; гонимые, скитаясь, они достигли наконецъ земель болгарскихъ. Тамъ ихъ встрѣтилъ радушный привѣтъ Бориса-Михаила. Кто не знаетъ, какою заботливостью окружилъ желанныхъ пришельцевъ тотъ, кто среди спора Рима и Византіи поставилъ задачею для своего народа славянское богослуженіе. Кто не знаетъ, что трудами Климента, Горазда, Наума и проч., изгнанныхъ изъ Моравіи, учениковъ Меѳодія славянское богослуженіе упрочилось въ земляхъ болгарскихъ, положено было, наконецъ, прочное основаніе для самостоятельной славянской церкви въ Болгаріи, которая еще при Борисѣ раздѣлена была на семь главныхъ епархій. Великодушное покровительство Бориса-Михаила, оказанное трудомъ пришельцевъ славянъ, подѣйствовало въ народѣ, устраивались церкви, возникали школы, распространялась грамотность, процвѣла наконецъ литература славянская. Просвѣтитель-

ная дѣятельность Бориса-Михаила оправдала завѣтное его призваніе. И мы, согрѣтые черезъ десять вѣковъ ея свѣтомъ, прославляя тружениковъ пришельцевъ, какъ же не должны почтить память того, чья душа исполнена была привѣта къ творцамъ той литературы, лучи которой зажгли свѣточъ просвѣщенія славянскаго? Торжественное признаніе участія Бориса-Михаила въ этомъ просвѣщеніи есть должная дань благодарности нашей. Я попытался изобразить только то значеніе Бориса-Михаила, которое исторія просвѣщенія славянъ должна признать нашимъ общимъ славянскимъ достояніемъ. Не въ силахъ повѣствовать о всѣхъ моментахъ жизни его, я счастливъ однакожъ, что въ этотъ день, посвященный его памяти, могу еще произнести общій судъ о жизни этого великаго помазанника Божія. Произношу его не своими словами, но словами современника, знавшаго лично Бориса-Михаила. Знаменитый преемникъ Фотія, патріархъ Николай, произнесъ въ 919 году, стало быть спустя 20 или 25 лѣтъ послѣ его смерти, присноnамятныя слова о Борисѣ-Михаилѣ. Зная лично его жизнь, исполненную святости, прославляя его миролюбіе, его подвижничество и ревность о благѣ своего народа, патр. Николай писалъ въ 919 году, что Борисъ, предстоя со святыми Господу, сподобился велія привѣта за великій подвигъ утвержденія вѣры, что онъ, святой Борисъ, пребываетъ среди неизреченнаго небеснаго сіянія. Такъ о Борисѣ судилъ тотъ, кто и самъ причисленъ къ лику святыхъ. Судъ, стало быть, о жизни Бориса-Михаила произнесенъ святыми устами.

Намъ осталось, признательно повторивъ этотъ судъ, озарить имъ лѣтопись народа болгарскаго.

Конечно, завистливое время лишило насъ бытописаній, начертанныхъ на хартіяхъ, но значеніе подвига Бориса-Михаила глубоко напечатлѣно въ сердцахъ славянъ болгарскихъ и читается въ каждомъ періодѣ ихъ жизни, въ теченіе протекшихъ десяти вѣковъ, начиная съ достопамятнаго 870 года. Конечно, судьбы этого народа, забвенныя или искаженныя соперниками, мало внятны намъ; онѣ, однакожъ, знаменательны,—доказывая,

какъ идея, разъ заронившись въ душу народа, не даетъ ему потеряться среди превратностей и, воскресая, воскрешаетъ собою его энергію. Народъ болгарскій потерпѣлъ много пораженій, но всегда оставался вѣрнымъ этой, двигавшей его, идеѣ. И въ X ст., и въ XII ст., и въ XIV, и нынѣ въ XIX ст. онъ выражаетъ одну мысль народности, основанной на славянскомъ богослуженіи. Страшны были потрясенія, среди которыхъ цѣпенѣло сознаніе этого народа и, однакожъ, мысль эта возникла подобно фениксу на пепелищѣ народнаго достоянія.

Со временъ возобладанія христіанства, исторія его есть рядъ испытаній, среди которыхъ эта завѣтная мысль спасала его отъ совершеннаго исчезновенія.

Такъ, въ IX и X ст. онъ является въ лицѣ своихъ представителей мощнымъ ея двигателемъ и создаетъ себѣ и другимъ славянскимъ народамъ достойные изученія памятники.

Съ конца X по конецъ XII ст. подъ гнетомъ Византіи, поставившей Болгарію поприщемъ разореній отъ монополій и наѣздовъ кочующихъ народовъ — онъ хранитъ память о славянскомъ богослуженіи, удержавъ возможную самостоятельность церкви болгарской.

Съ XII по XIV ст. включительно онъ снова возникаетъ въ политическомъ мірѣ. Образовавъ государство, хотя глубоко пораженное византійскою цивилизаціею, народъ болгарскій зиждетъ его на твердой основѣ болгарскаго патріархата.

Наконецъ, въ періодъ отъ XIV ст., въ теченіе четырехъ вѣковъ, добыча турецкаго фатализма, пожива временщиковъ фанаріотовъ, онъ, опомнившись отъ угнетеній, вздыхаетъ о своей церкви, хранительницѣ славянскаго богослуженія. И нынѣ, когда снова двусмысленная заботливость Рима и расчетливые соблазны туркофильской цивилизаціи пытаются совратить колеблющіеся умы, та же мысль, мысль славянскаго богослуженія, не переставая быть путеводною, направляетъ усилія этого народа къ завѣтному возсозданію подобающаго строя народной церкви.

Такъ вѣренъ своему призванію народъ славянскій, болгар-

скій, вѣрно слѣдующій призванію первозваннаго своего князя Бориса-Михаила, праотца славянскаго просвѣщенія!

Библіографическія свѣдѣнія о новыхъ книгахъ.

1876.

Н. Д. Иванишевъ: Сочиненія, изданныя иждивеніемъ университета Св. Владиміра, подъ редакціей проф. Романовича-Славатинскаго и библ. Царевскаго. Кіевъ. 1876, 8°, стр. V + 451.

Немногіе, собранные въ этомъ томѣ, труды составляютъ все, или почти все, написанное покойн. пр. Иванишевымъ по предмету историко-юридической науки. Первая, меньшая, половина книги содержитъ изслѣдованія по исторіи славянскаго права; вторая—статьи по исторіи юго-западнаго края. Послѣднія, какъ «Жизнь князя А. М. Курбскаго на Литвѣ и Волынѣ», «О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи», «О началѣ уніи», «Постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ юго-западной Россіи» и т. д. — полагаемъ, настолько извѣстны изслѣдователямъ и любителямъ отечественной исторіи, что въ настоящемъ случаѣ можно ограничиться однимъ простымъ упоминаніемъ о нихъ; статьи же, касающіяся славянскаго права, какъ менѣе извѣстныя, требуютъ нѣкоторыхъ пояснительныхъ справокъ. Мысль сравнительнаго изученія славянскихъ законодательствъ впервые была высказана и приведена въ исполненіе извѣстнымъ А. В. Мацѣіовскимъ. На сколь вѣрна и плодотворна была самая мысль, столь же неудовлетворительно ея исполненіе. Это зависѣло отчасти отъ тогдашней скудости и малой разработки матеріаловъ, болѣе же — отъ личныхъ ученыхъ недостатковъ польскаго ученаго, отъ отсутствія въ немъ исторической критики и прочнаго метода изслѣдованія, отъ природной, м.-б., наклонности къ мечтаніямъ и ученымъ грёзамъ. Все, что̀ выиграла наука въ четырехтомной [1832] «Исторіи славянскихъ законодательствъ» — была *идея* и *программа* предмета, но никакъ не его разработка. Заслуга перваго, строго на-

учнаго примѣненія этой идеи къ разработкѣ нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ славянскаго права—принадлежитъ Палацкому и Иванишеву, хотя оба они въ этомъ направленіи написали лишь по одному изслѣдованію: Палацкій—«Сравненіе законовъ царя Стефана Душана Сербскаго» [Музейникъ 1837, рус. перев. въ Чтеніяхъ 1846, II], Иванишевъ—«О платѣ за убійство въ древне-русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ» [1840, въ наст. книгѣ, стр. 5—81]. Невелики эти разсужденія по внѣшнему объему и кругу изслѣдуемыхъ вопросовъ, не вездѣ оказываются рѣшительны и вѣрны ихъ выводы; тѣмъ не менѣе они замѣчательны уже и тѣмъ, что представляютъ первыя методически правильныя попытки разъясненія нѣкоторыхъ пунктовъ славянскаго права. Говоримъ «методически правильныя», потому что именно въ методѣ, въ твердости и трезвости пріемовъ изслѣдованія заключается ихъ существенное отличіе не только отъ изслѣдованій Мацѣіовскаго и, но, къ сожалѣнію—и отъ изслѣдованій нѣкоторыхъ современныхъ намъ юристовъ, посвящающихъ свой трудъ разработкѣ славянскаго права. Такое ученое значеніе разсужденія Иванишева было тогда же замѣчено и признано нѣмецкой юридической наукой, которая признала его за первый удачный опытъ положить основаніе общей исторіи славянскихъ законодательствъ [Mittermaier's kritische Zeitsch. XIV, p. 92]. «Разсужденіе объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ богемскомъ и скандинавскомъ» [с. 85 — 101], какъ и статья «Древнее право чеховъ» [с. 106—148] обязаны отчасти своимъ происхожденіемъ стремленію автора отыскать *основныя начала древне-славянскаго права* и убѣжденію, что въ законахъ древнихъ чеховъ славянское право сохранилось въ большей чистотѣ и объемѣ, нежели въ законахъ другихъ славянскихъ народовъ. Убѣжденіе, кажется — основанное болѣе на доброй вѣрѣ, на увлеченіи, чѣмъ на дѣйствительномъ изученіи; по крайней мѣрѣ—оно не доказано, да едва ли и можетъ быть доказано. Тѣмъ не менѣе обѣ статьи замѣчательны во многихъ отношеніяхъ: не говоря уже о томъ, что первая изъ нихъ тогда же была переве-

дена и пространно комментирована ученымъ Штробахомъ на чешскій языкъ [Музейникъ 1843—44], а вторая — на языкъ нѣмецкій [Arbeiten der Kurländ. Gesellsch. 1847, I], стоитъ вспомнить только, что это были *первые русскіе труды о славянскомъ правѣ*, достойное начало исполненія важной задачи, которая и доселѣ, впрочемъ, къ сожалѣнію, остается еще едва тронутою задачею... Иванишевъ первый у насъ понялъ важность историческихъ изслѣдованій славянскаго права и первый ознакомилъ русскую историко-юридическую науку съ сравнительнымъ методомъ въ изученіи славянскихъ законодательствъ и съ древними рукописными памятниками чешскаго права, дотолѣ извѣстными лишь немногимъ чешскимъ ученымъ спеціалистамъ. Заслуга — по своему времени — немалозначительная! Въ настоящее время два послѣдніе труда Иванишева имѣютъ одно историческое значеніе: содержаніе ихъ можно найти въ иныхъ книгахъ, и притомъ — въ изложеніи болѣе правильномъ и обстоятельномъ; но лишними ихъ назвать нельзя уже и потому, что на русскомъ языкѣ они до сихъ поръ не замѣнены ничѣмъ лучшимъ. Занятія славянскимъ правомъ были первыми излюбленными учеными занятіями Иванишева; какъ профессоръ университета, онъ не нашелъ поддержки для нихъ въ тогдашнемъ своемъ положеніи, и нельзя упрекать его въ томъ, что оставилъ ихъ.... Теперь — самый университетскій уставъ ставитъ эти занятія въ число главныхъ предметовъ юридическаго преподаванія... Есть, стало быть поддержка, но есть-ли силы, которыя захотѣли бы отдаться дѣлу, есть ли то юношеское безкорыстное увлеченіе предметомъ, какое бывало въ прежнее доброе старое время?.. Хотѣлось бы отвѣтить на этотъ вопросъ — положительно....

Издатели исполнили свое дѣло вполнѣ совѣстливо, какъ того требовалъ піэтетъ учениковъ къ ихъ уважаемому наставнику.

Арсеній Маркевичъ. Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность. Историко-литературный очеркъ. Варшава, 1876, 8°, стр. X + 225.

Свѣдѣній о Юріѣ Крижаничѣ имѣется уже не мало, но они разсѣяны по разнымъ періодическимъ изданіямъ, а потому не всегда доступны для каждаго изслѣдователя. Свести эти свѣдѣнія въ одно цѣлое — хотя бы только затѣмъ, чтобы облегчить дальнѣйшіе поиски и изслѣдованія—представлялось дѣломъ далеко не лишнимъ. За такой трудъ взялся г. Маркевичъ и, нужно сказать — выполнилъ его не только добросовѣстно, но и вообще успѣшно. Изобразивъ во «введеніи» общественное и церковное состояніе Хорватіи въ XVII в. — на сколько этого требовалось для объясненія дѣятельности Крижанича, авторъ въ 1-й главѣ представляетъ свѣдѣнія о его жизни и сочиненіяхъ, написанныхъ до его ссылки въ Сибирь; во 2-й — разсматриваются его сочиненія, относящіяся къ русской исторіи, и подробно передается содержаніе его извѣстной «Политики»; глава 3-я посвящена разбору сочиненія о Промыслѣ и общей характеристикѣ политическихъ сочиненій Крижанича; глава 4-я разсматриваетъ его Грамматику русскаго языка; наконецъ — 5-я, заключительная, глава содержитъ въ себѣ разсмотрѣніе церковно-полемическихъ сочиненій Крижанича. Тотъ, кто ищетъ одного *ознакомленія* съ дѣятельностью Крижанича, съ его мыслями и мечтаніями, выраженными въ его литературныхъ произведеніяхъ — будетъ вполнѣ удовлетворенъ книгой г. Маркевича... Но изслѣдователь, который станетъ доискиваться источника тѣхъ или другихъ понятій и взглядовъ этого замѣчательнаго человѣка, историкъ, который захочетъ воспользоваться трудами Крижанича въ смыслѣ историческаго источника для объясненія общественнаго и экономическаго состоянія Россіи въ XVII вѣкѣ — будутъ удовлетворены гораздо менѣе. Перваго вопроса книга Маркевича не затрогиваетъ вовсе, на второй — отвѣчаетъ извлеченіями изъ текстовъ, неприведенными въ порядокъ или систему, а потому и неимѣющими значенія очищеннаго, упорядоченнаго матеріала. Сравненія съ извѣстіями Котошихина сдѣланы отрывочно,

не съ надлежащею систематическою полнотою, и оттого не достигаютъ цѣли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, характеризируя взгляды и понятія Крижанича, авторъ какъ будто бы вступаетъ въ полемику съ нимъ, опровергаетъ ихъ, что совсѣмъ неумѣстно въ историческомъ трудѣ. Вообще — на нашъ взглядъ, сочиненіе значительно выиграло бы, если бы авторъ избралъ иной планъ и заботливѣе отдѣлилъ бы личные взгляды, понятія, проекты и мечтанія Крижанича, все, что относится къ его личной характеристикѣ—отъ дѣйствительнаго историческаго матеріала, содержащагося въ его сочиненіяхъ. Правильно освѣщенная личность Крижанича и его понятія, — съ одной стороны, прочіе источники русской общественной жизни XVII в., съ другой—могли бы послужить твердыми критеріями для критическаго разбора и объясненія данныхъ о русской жизни, сообщаемыхъ этимъ писателемъ. Кажется, однако, что мы слишкомъ требовательны въ отношеніи г. Маркевича... Дѣйствительно, если вспомнить, что это — трудъ молодого писателя-студента, то придется только привѣтствовать Варшавскій университетъ, студенты котораго могутъ исполнять подобные замѣчательные труды.

Галаховъ: Исторія русской словесности древней и новой. Томъ II, половина вторая. Спб. 1875, 8°, стр. 337—472.

Чѣмъ рѣшительнѣе ученыя достоинства той части «Исторіи русской словесности» г. Галахова, въ которой излагается *новый* періодъ, тѣмъ болѣе можно сѣтовать, что сочиненіе выходитъ въ свѣтъ какими-то урывками, въ очень продолжительные періоды времени... Первая половина настоящей части, обнимающая дѣятельность Карамзина, Дмитріева, Озерова, Жуковскаго, Крылова и др., вышла еще въ 1868 году, продолженіе же — только въ нынѣшнемъ. Авторъ заканчиваетъ имъ разсмотрѣніе литературы карамзинской эпохи; онъ представляетъ характеристику идиллій, баллады, драмы, литературной критики,

описательныхъ и дидактическихъ произведеній, сатиры, дѣятельности литературныхъ обществъ и періодическихъ изданій, проповѣди, богатой мистической литературы и заключаетъ литературною дѣятельностью Грибоѣдова. Распространяться о достоинствахъ новой книги г. Галахова нѣтъ надобности: они — тѣ же, что и въ предшествующей части, то же обиліе историко-литературнаго и библіографическаго матеріала, та же самостоятельность взгляда на предметъ и живость изложенія. Нѣкотораго рода недостаткомъ книги должно, кажется, признать неравномѣрность въ обработкѣ отдѣльныхъ частей, такъ напр., отдѣлъ литературной критики и періодическихъ изданій заслуживалъ бы, на нашъ взглядъ, болѣе подробнаго и внимательнаго изложенія, а отдѣлъ мистической литературы, могъ бы быть безъ особаго ущерба для дѣла, представленъ въ нѣсколько болѣе сжатомъ видѣ. Само собою разумѣется, что сколько бы ни было въ книгѣ подобныхъ недостатковъ — они малозначительны въ сравненіи съ достоинствами ея. Для изучающихъ предметъ сочиненіе г. Галахова важно въ особенности тѣмъ, что представляетъ множество руководящихъ указаній и почти полную литературу каждаго вопроса. Такою книгою очень облегчаются и самостоятельныя работы.

Историческія пѣсни малорусскаго народа,

с объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Томъ первый. Кіевъ. 1874. 8°, стр. 2+XXIV+336.

1877.

Съ той поры, какъ историческая наука вышла изъ тѣсныхъ предѣловъ регесты внѣшнихъ событій и обратилась къ раскрытію генетическаго движенія внутренней жизни народовъ и обществъ, съ той поры, какъ задачей историка стало опредѣленіе характера эпохи и дѣйствующихъ началъ ея, — утвердилась

вмѣстѣ съ тѣмъ и мысль о необходимости расширить область такъ называемыхъ историческихъ источниковъ: лѣтописи, сказанія очевидцевъ и современниковъ, оффиціальные и частные акты и тому подобные памятники строго-историческаго характера, каково бы ни было достоинство ихъ—оказывались не вполнѣ достаточны при отвѣтѣ на задачи историка, и онъ, естественно, долженъ былъ поискать пособія со стороны поэтическихъ и литературныхъ произведеній извѣстнаго времени, въ которыхъ начала внутренней жизни, незамѣтныя или трудно подмѣчаемыя въ строго-историческихъ источникахъ, находили для себя прямое и открытое выраженіе. Это расширеніе сферы историческихъ источниковъ съ давняго времени обнаруживаетъ сильное и рѣшительное вліяніе на успѣхи исторической науки, такъ что въ современной литературѣ предмета едва ли уже возможно встрѣтить такой трудъ, который, изслѣдуя и разъясняя вопросы болѣе или менѣе общаго историческаго содержанія, оставилъ бы безъ вниманія относящіяся сюда поэтическія и литературныя произведенія, и который не былъ бы обязанъ имъ значительной долей своего успѣха.

Но между тѣмъ какъ историки съ справедливымъ довѣріемъ обращаются за помощью къ области литературы, нѣкоторые изъ нихъ еще какъ будто не рѣшаются признать достоинство историческаго источника за произведеніями устной народной поэзіи, по крайней мѣрѣ—цѣнятъ ихъ въ этомъ отношеніи ниже, чѣмъ они заслуживаютъ. Противъ исторической цѣнности народныхъ пѣсенъ обыкновенно возражаютъ тѣмъ, что содержаніе ихъ малодостовѣрно и рѣдко выдерживаетъ критическую повѣрку другими, несомнительными источниками, что облекаясь въ поэтическую форму и сохранясь путемъ устной передачи, оно уклоняется отъ строгой дѣствительности и зачастую идетъ даже въ разрѣзъ съ нею, смѣшиваетъ разнородные факты, времена и лица... Возраженіе повидимому—справедливое, но только повидимому... Никто не станетъ отвергать, что пользоваться народными пѣснями, какъ историческимъ источникомъ, въ обычномъ смыслѣ вся-

каго другого письменнаго источника—будетъ не всегда умѣстно и можетъ повлечь за собою ложныя заключенія и ошибки; но это—уже частный вопросъ исторической критики и пріемовъ ея, нисколько не колеблющій общаго важнаго значенія народныхъ пѣсенъ, какъ историческаго источника. Опытный, владѣющій надлежащими критическими пріемами изслѣдователь не смутится вышеозначенными особенностями народнаго творчества и безъ труда выйдетъ въ случаѣ на прямую дорогу. Понимая пѣсни, какъ выраженіе народной жизни, гдѣ наивная, довѣрчивая поэзія безразлично сплетается и смѣшивается съ суровою прозою, онъ отнесется къ нимъ не столько со строгими требованіями внѣшней достовѣрности, а болѣе съ требованіемъ внутренней правды, и въ этомъ отношеніи найдетъ въ нихъ богатый и драгоцѣнный историческій источникъ: не говоря уже о томъ, что нерѣдко однимъ народнымъ пѣснямъ наука бываетъ обязана разъясненіемъ темноты въ показаніяхъ другихъ свидѣтелей, что пробѣлы письменной исторіи иногда ничѣмъ инымъ не могутъ быть восполнены, кромѣ пѣсенныхъ образовъ, достаточно припомнить, что изображаемыя въ пѣсняхъ событія, совпадаютъ ли они съ исторически-достовѣрнымъ, окрасились ли цвѣтомъ наивнаго поэтическаго вымысла, запутались ли въ смѣшеніяхъ и анахронизмахъ, во всякомъ случаѣ были понимаемы и принимаемы народомъ въ значеніи исторической дѣйствительности, что пѣсни выразили существенныя стороны его стремленій и его взглядъ на свою исторію, что они имѣли, наконецъ, для него и важное нравственное значеніе, какъ начало, воспитывавшее въ извѣстномъ духѣ и на извѣстныхъ образахъ складъ ума и направленіе сердца и воли многихъ поколѣній...

Этихъ немногихъ припоминаній, полагаемъ, достаточно какъ для общаго устраненія сомнѣній въ годности и достоинствѣ народныхъ пѣсенъ, понимаемыхъ въ смыслѣ историческаго источника, такъ и для того, чтобы напередъ отмѣтить значеніе изданія гг. Антоновича и Драгоманова и признать за нимъ право на вниманіе со стороны науки.

Народныя южно-русскія историческія пѣсни возбудили интересъ и обратили на себя вниманіе литераторовъ и ученыхъ не ранѣе начала текущаго столѣтія. Время еще не было упущено, и обильная жатва увѣнчала труды собирателей: усиліями З. Д. Ходаковскаго, кн. Цертелева, гг. Максимовича, Срезневскаго, Лукашевича, Метлинскаго, Кулиша, Головацкаго постепенно составился весьма значительный запасъ ихъ; кромѣ того, какъ извѣстно, существовали также и нѣкоторые рукописные сборники, собранные разными лицами и въ разное время и ждавшіе своей очереди выхода въ свѣтъ... Для того, чтобы историческая наука могла съ успѣхомъ и безъ обременительныхъ исканій (такъ какъ нѣкоторые печатные сборники, напримѣръ, «Запорожская Старина» И. И. Срезневскаго—стали большою библіографическою рѣдкостью) пользоваться этимъ матеріаломъ, чувствовалась необходимость въ полномъ, по возможности, сводѣ его, т. е. въ такомъ изданіи, гдѣ были бы критически собраны въ одно цѣлое всѣ доселѣ уцѣлѣвшія, извѣстныя и малоизвѣстныя произведенія южно-русской народной исторической поэзіи, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и самое пользованіе ими было бы облегчено литературными и реальными объясненіями. Подобное изданіе представлялось тѣмъ болѣе своевременнымъ и исполнимымъ, что въ настоящее время, какъ можно полагать, съ окончаніемъ живаго существованія этого рода поэзіи,—закончилось и собираніе его; ибо едва ли гдѣ-нибудь еще можно встрѣтить южно-русскаго пѣвца (лирника, бандуриста), который помнилъ и сумѣлъ бы пропѣть думу, доселѣ неподмѣченную и незаписанную собирателями.

Изданіе гг. Антоновича и Драгоманова представляетъ опытъ такого полнаго, упорядоченнаго критическаго сборника южно-русскихъ историческихъ пѣсенъ. Передъ нами только начало предпріятія, первый томъ его; но такое начало, которое не должно остаться незамѣченнымъ.

При оцѣнкѣ изданія критикѣ предстоитъ обратить вниманіе на двѣ существенныя стороны его, которыми обнаружилась самостоятельная часть труда издателей: во-первыхъ—на выборъ,

критику и изданіе текстовъ, во-вторыхъ—на историческія объясненія или комментарій къ нимъ.

I.

Такъ какъ выборъ *«историческихъ пѣсенъ»* изъ массы прочихъ во многихъ случахъ зависѣлъ отъ историческихъ понятій и воззрѣній собирателей, то мы признаемъ за необходимое начать наше разсмотрѣніе съ обсужденія этой общей стороны предмета.

Понятію *«исторической пѣсни»* издатели придали смыслъ довольно широкій: «ходъ работы—говорятъ они—по выбору, сведенію и объясненію тѣхъ пѣсенъ, которыя съ перваго взгляда принимаются за историческія, т. е. пѣсенъ съ именами лицъ и событій, записанныхъ въ лѣтописи, привелъ насъ постепенно къ необходимости принять терминъ «историческія пѣсни» нѣсколько шире, чѣмъ принимали его другіе издатели. Именованныя лица и событія могутъ быть поняты только въ связи со всею обстановкою, ихъ окружавшею; они—только внѣшніе показатели тѣхъ процессовъ, какіе происходятъ въ общественной жизни. Поэтому мы остановились на мысли издать подъ привычнымъ, хотя и не точнымъ по своей общности, именемъ *историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа*, всѣ пѣсни, въ которыхъ отразились измѣненія *общественнаго* строя этого народа,—какъ другія пѣсни отразили на себѣ исторію его религіозно-обрядовой, другія—семейной, экономической жизни. Отобравъ въ печатныхъ и рукописныхъ сборникахъ пѣсни въ этомъ смыслѣ слова историческія, какъ бы онѣ ни назывались по ихъ формѣ, мы получили *поэтическую исторію общественныхъ явленій въ Южной Руси* по крайней мѣрѣ отъ XI вѣка до такихъ современныхъ событій, какъ прекращеніе панщины и венгерское возстаніе въ Австріи въ 1848 г.» и т. д. (стр. III). Древнѣйшій слой историческихъ пѣсенъ, по мнѣнію издателей, сохраняетъ явныя воспоминанія эпохи дружинно-княжеской, и потому обозначенъ ими какъ особый отдѣлъ «пѣсенъ вѣка дружиннаго и княжескаго» (первая часть Сборника); характеръ этихъ пѣсенъ преимущественно дружин-

ный; ибо «хотя подъ болѣе или менѣе аристократическою дружиною на Руси пользовались болѣе или менѣе сильнымъ значеніемъ и народныя общины, но дружина, какъ наиболѣе активная часть населенія, очевидно, превосходила другія части въ творчествѣ пѣсенъ политическаго характера... городскія вѣча, рада мѣщанъ, если и встрѣчаются въ пѣсняхъ, то на второмъ планѣ сравнительно съ дружиною, которая потомъ перешла въ боярство, и ея вождями»... (стр. V). Съ XVI вѣка, съ образованіемъ въ жизни южно-русскаго племени новаго элемента, казачества — развѣвается богатая *поэзія казацкаго вѣка* (вторая часть сборника), согласно съ жизнью отданная интересамъ борьбы въ защиту страны, труда и цивилизаціи отъ татаръ и турокъ и въ защиту свободы и народности отъ польскаго правительства и пановъ...

Таковъ взглядъ издателей на развитіе южно-русской поэзіи до половины XVIII вѣка. Такъ какъ подлежащій нашему разсмотрѣнію первый томъ сборника обнимаетъ только пѣсни перваго періода, такъ названнаго—дружинно-княжескаго, и первую половину второго, казацкаго, именно пѣсни о борьбѣ съ татарами и турками, то намъ на этотъ разъ и нѣтъ надобности слѣдить за дальнѣйшимъ взглядомъ издателей на послѣдующее развитіе южно-русской народной поэзіи; довольно будетъ только замѣтить, что они принимаютъ еще три историческіе отдѣла *пѣсни вѣка* (?) *гайдамацкаго*, *пѣсни вѣка рекрутскаго* (?) и *крепацкаго* и *пѣсни про волю*. Отголоски и слѣды дружинно-княжеской эпохи издатели усматриваютъ въ такъ называемыхъ *колядкахъ*, *щедровкахъ* и *гаивкахъ*: по ихъ словамъ, «черты быта и эпохи удѣльной въ этихъ произведеніяхъ народной поэзіи», *вполнѣ ясны*; исторія Руси до-монгольской отразилась въ нихъ *яркими слѣдами*, а потому «пѣсни, приводимыя въ первой части сборника, и другія, въ такомъ родѣ, которыя могутъ быть открыты или указаны другими изслѣдователями, должны быть принимаемы во вниманіе *прежде всего* (?) при обсужденіи вопроса о древнѣйшемъ русскомъ героическомъ и историческомъ

эпосѣ и о древности и національности самихъ велико-русскихъ былинъ» (с. XI)...

Если бы мысль издателей оправдалась, если бы они представили убѣдительныя доказательства въ пользу ея, то, нѣтъ сомнѣнія, за ними была бы заслуга открытія, чрезвычайно важнаго какъ въ отношеніи исторіи, такъ и въ отношеніи исторіи литературы. Къ сожалѣнію, едва ли критика можетъ поздравить издателей съ успѣхомъ въ этомъ отношеніи: перебравъ внимательно всѣ пѣсни перваго отдѣла и взвѣсивъ приводимые въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ доводы въ пользу «ясныхъ и яркихъ слѣдовъ дружинно-княжеской поэзіи», мы не могли отыскать никакихъ твердыхъ, положительныхъ основаній для такой мысли, такъ что она кажется намъ скорѣе случайнымъ произведеніемъ антикварнаго увлеченія, чѣмъ выводомъ, основаннымъ на строгомъ историческомъ изслѣдованіи. Въ относящихся сюда пѣсняхъ намъ не удалось подмѣтить ни единой черты быта, которая исключительно принадлежала бы времени дружинно-княжескому и была бы невозможна, напримѣръ, въ XV, XVI, XVII вѣкахъ; а безъ такого или подобнаго твердаго основанія вся историко-литературная постройка издателей нисходитъ на степень личнаго мнѣнія, очень любопытнаго и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вѣроятнаго, но не болѣе. Остановимся на важнѣйшихъ пѣсняхъ: № 1 изображаетъ раду или совѣщаніе ватаги молодцовъ, они хотятъ сковать себѣ *мѣдные челны* и отправиться по Дунаю подъ Царелрадъ на службу къ какому-то «доброму пану», который очень щедро вознаграждаетъ услуги... *Служба дружины въ Царградѣ у добраго пана*—единственная историческая черта этихъ колядокъ...; но почему эта *дружина*, какъ желаютъ видѣть издатели, должна быть «военною», а не просто служебною, почему *«добрый панъ»* долженъ быть Византійскимъ императоромъ, почему, наконецъ, подобное отправленіе ватаги молодцовъ на службу въ Царьградъ должно было имѣть мѣсто только въ до-монгольское время русской исторіи, а не въ XVI, XVII или XVIII вѣкѣ—этого изъ объясненій издателей не вид-

но, а потому ихъ мнѣніе имѣетъ во всякомъ случаѣ не бо́льшую цѣну, чѣмъ и мнѣніе противоположное, т. е. оба они—вѣроятны, хотя не естественнѣе ли будетъ думать, что колядки *скорѣе* могли сохранить память о ближайшемъ къ намъ времени, чѣмъ о такомъ отдаленномъ, какъ эпоха современная или предшествовавшая первому зарожденію государственнаго порядка въ южной Руси?! № 2 содержитъ пѣсни, рисующія довольно яркими красками картину «гордаго пана», который то идетъ съ войскомъ въ походъ, то предается забавамъ пиршества, охоты и музыки. Полагать, что это былъ вождь русской дружины до-монгольскаго періода — нѣтъ никакихъ основаній; скорѣе можно подумать о феодальномъ богатомъ панѣ времени гораздо болѣе поздняго, когда историческія сношенія и столкновенія расширялись; на это, по крайней мѣрѣ, намекаютъ упоминанія *о ляшскихъ* паннахъ, о *турецкой* или *Невиръ-землѣ*. № 3, пѣсни котораго говорятъ о несправедливомъ со стороны вождя раздѣлѣ добычи между воинами, могъ бы быть съ одинаковымъ правомъ пріуроченъ и къ эпохѣ казачества, и даже ко времени гайдамаковъ: ибо гдѣ только существуютъ вольныя удалыя дружины съ своими *ватажками*, тамъ, конечно, происходитъ и раздѣлъ добычи. При пѣсняхъ № 4, 6, 7 издатели, въ угоду своей мысли, устраняютъ подробности бытового и историческаго элемента, какъ «продуктъ позднѣйшихъ наростовъ» или «позднѣйшія вставки»; но чрезъ это дѣло ихъ выигрываетъ столь же мало, какъ и чрезъ проведеніе внѣшней параллели съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Святославѣ (при № 4, стр. 21); ибо очиствъ пѣсни отъ предполагаемыхъ *историческихъ наростовъ*, останутся лишь сказочные мотивы, лишенные уже всякаго историческаго содержанія; отвести имъ опредѣленное мѣсто и время столь же невозможно, какъ и любой странствующей сказкѣ. Что же касается до мотива *добыванія дѣвицы* (№ 4), то принявъ въ расчетъ распространенность его въ *литературѣ* (срав., напр., Дѣяніе Девгеніево) и сказкѣ, едва ли слѣдуетъ утверждать съ издателями, что пѣсни, его изображающія, «принадлежатъ къ древнимъ остат-

намъ южно-русскаго эпоса» (стр. 21); и еще менѣе можно сказать, что «пріемы ихъ извѣстны были составителю древняго лѣтописнаго свода»; ибо сходство съ сказаніемъ о Святославѣ — совершенно внѣшнее, случайное; а въ основаніи — мотивъ пѣсенъ діаметрально противоположенъ мотиву сказанія. Продолжать наши критическія замѣтки о послѣдующихъ номерахъ пѣсенъ перваго отдѣла — мы не находимъ необходимымъ: съ одной стороны потому, что о всѣхъ въ совокупности и каждой въ отдѣльности придется повторить то же самое: антикварное увлеченіе издателей вездѣ настроено видѣть опредѣленныя черты быта дружинно-княжеской эпохи тамъ, гдѣ болѣе спокойный взглядъ усмотритъ одни неясныя очертанія и образы, которымъ почти невозможно назначить опредѣленную эпоху; съ другой стороны — сами издатели значительно ослабляютъ строгость требованій критики, сознаваясь, что ихъ взгляды, можетъ-быть, «не чужды натяжекъ, что они особенно не стоятъ на всѣхъ тѣхъ объясненіяхъ, въ которыхъ усматриваютъ связь той или иной пѣсни съ извѣстнымъ опредѣленнымъ лицемъ» (стр. XI).

Такимъ образомъ, попытка издателей выбрать изъ запаса южно-русской поэзіи пѣсни, относящіяся къ древнѣйшему, доказацкому періоду южно-русской исторіи, оказывается неудачною: мы не говоримъ, что самая мысль ихъ о присутствіи въ пѣсняхъ элемента дружинно-княжеской эпохи была бы ложна или невѣроятна, но она — не доказана и не поставлена на должныя основанія, потому и остается такою же чистою гипотезой, какъ и ихъ мимоходомъ брошенное мнѣніе о томъ, что южно-русскія *колядки* и *щедровки* «должны быть принимаемы во вниманіе прежде всего (?) при обсужденіи вопроса о древнѣйшемъ русскомъ героическомъ и историческомъ эпосѣ и о древности и національности самихъ велико-русскихъ былинъ»... Въ такомъ видѣ, какъ есть — поставленный во главу изданія, первый отдѣлъ пѣсенъ или совершенно излишенъ, или, по крайней мѣрѣ, стоитъ не на своемъ мѣстѣ: начинать Сборникъ «историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» съ гадательныхъ *дружинно-княжескихъ* — значитъ от-

правляться отъ предполагаемаго неизвѣстнаго. Положительная наука не пріобрѣтаетъ чрезъ это ни одной прочной пяди земли, а возможность недоразумѣній и ошибокъ увеличивается. Намъ кажется, что издатели поступили бы сообразнѣе съ дѣломъ и несравненно полезнѣе, если бы во главу сборника поставили *историческія преданія лѣтописи*, при чемъ пѣсни и устныя преданія представили бы имъ много любопытныхъ подробностей для комментарія; по крайней мѣрѣ, здѣсь они шли бы отъ положительныхъ данныхъ, отъ дѣйствительныхъ остатковъ стараго южно-русскаго эпоса, а не отъ ощупью или наугадъ подхватываемыхъ слѣдовъ его въ *колядкахъ* и *щедровкахъ*. Для примѣра укажемъ здѣсь на одинъ фактъ: лѣтопись упоминаетъ о половецкомъ ханѣ *шелудивомъ* Бонякѣ, какъ объ оборотнѣ; сблизивъ показанія ея съ народными преданіями о той же личности, широко распространенными по всей Галичинѣ, въ особенности обративъ вниманіе на знаменитое преданіе о взятіи Бонякомъ городовъ посредствомъ воробьевъ и голубей — и на нѣкоторые намеки въ пѣсняхъ, — изслѣдователь можетъ прійти къ любопытнѣйшимъ выводамъ въ историко-литературномъ отношеніи и во всякомъ случаѣ отмѣтитъ одинъ изъ настоящихъ остатковъ сказочно-историческаго южно-русскаго эпоса [1]).

Насколько выборъ перваго отдѣла пѣсенъ мало удовлетворилъ насъ, настолько, и даже гораздо болѣе, требованія критики удовлетворяются выборомъ пѣсенъ второго отдѣла, пѣсенъ, посвященныхъ борьбѣ съ татарами и турками. Ставъ на положительную почву, издатели обнаружили такіе основательные критическіе пріемы, такую осторожность въ заключеніяхъ, что критика не иначе должна отнестись къ нимъ, какъ съ полною признательностью. Послѣ гипотетическихъ домысловъ о пѣсняхъ *дружинно-княжескаго періода* естественно было думать, что гг.

---

1) Преданія о Бонякѣ обстоятельно собраны въ статьяхъ Вагилевича, пом. въ Biblioteka Ossolinskich, 1843, t. VI, p. 151 sq и 1844, t. XI, p. 181; ср. Вѣнокъ Русинамъ, 1847, II, p. 165.

Антоновичъ и Драгомановъ найдутъ въ пѣсняхъ такіе же «яркіе слѣды» и эпохи татарскаго погрома, иначе изъ *поэтической исторіи южно-русскаго народа* выпадалъ цѣлый періодъ, но историческій тактъ удержалъ издателей въ настоящихъ предѣлахъ: «въ большинствѣ пѣсенъ второй части — говорятъ они — слѣды эпохи ихъ сложенія запечатлѣлись такъ ярко, что трудно не замѣтить ихъ. Это XVI—XVII в. Только относительно пѣсенъ, которыя въ общихъ чертахъ рисуютъ татарскіе набѣги... можетъ быть поднятъ вопросъ, но не о томъ, новѣе ли онѣ XVI в., а скорѣе о томъ, не древнѣе ли онѣ, — не зачались ли онѣ въ первую эпоху татарскихъ набѣговъ, въ XIII—XIV в... Не отрицая *возможности зарожденія* многихъ изъ пѣсенъ о татарскихъ набѣгахъ и въ раннюю пору, ни того, что многія пѣсни глубокой древности о борьбѣ русскаго народа съ разными врагами, могли потомъ приспособиться къ пѣснямъ о народѣ, съ которымъ дольше всего приходилось бороться, — съ XIII по XVIII в... мы все-таки думаемъ, что наиболѣе характерныя пѣсни наши о набѣгахъ татарскихъ скорѣе слѣдуетъ отнести къ XV — XVII в., чѣмъ къ XIII — XIV». Трезвая мысль эта отозвалась не только правильнымъ выборомъ пѣсенъ, умѣніемъ остановиться только на томъ, чтó по существу своему принадлежатъ къ предмету, а не гадательно только относится къ нему, но и достоинствомъ самихъ объясненій, о которыхъ мы распространимся далѣе. Этотъ отдѣлъ пѣсенъ, образующій главную часть изданія (стр. 74 — 339), дѣйствительно представляетъ яркія страницы изъ поэтической и реальной исторіи южно-русскаго племени и должно сказать, что эти «membra disjecta corporis» подобраны и сгруппированы издателями тщательно и вполнѣ удачно. Не пропустимъ безъ поправочнаго замѣчанія только одного недосмотра: подъ № 25, вар. Е издатели, положившись на отмѣтку г. Головацкаго, приводятъ варіантъ пѣсни о Коваленкѣ, будто бы напечатанный покойнымъ М. А. Максимовичемъ въ Кіевлянинѣ за 1841 г. Въ дѣйствительности Максимовичемъ напечатанъ (стр. 180

Кіевлянина) *совершенно иной* варіантъ, гораздо болѣе замѣчательный, потому что менѣе искаженный.

Въ концѣ каждаго отдѣла пѣсенъ издатели помѣщаютъ такъ названныя ими пѣсни *бродячія*, т. е. такія, которыя, хотя и носятъ въ своей редакціи слѣды извѣстной эпохи, но по содержанію принадлежатъ не исключительно къ поэзіи южно-русской, а къ обще-европейской, потому что встрѣчаются и у другихъ европейскихъ племенъ. Противъ помѣщенія такихъ пѣсенъ мы ничего не можемъ замѣтить, такъ какъ цѣлью издателей было собрать историческіе элементы южно-русской народной поэзіи, а эти элементы высказываются въ странствующихъ пѣсняхъ иногда довольно рѣшительно и ясно.

Самое важное и существенное затрудненіе для издателей при выборѣ пѣсенъ заключалось въ рѣшеніи вопроса о подлинности пѣсенъ: необходимо было устранить, или, по крайней мѣрѣ, отдѣлить дѣйствительныя народныя произведенія отъ поддѣлокъ, передѣлокъ и литературныхъ подражаній имъ, которыя, по разнымъ причинамъ, и въ области южно-русской поэзіи были не менѣе обычны, чѣмъ и въ поэзіи другихъ европейскихъ народовъ. Какими правилами критики руководились гг. Антоновичъ и Драгомановъ при отдѣленіи настоящихъ пѣсенъ отъ поддѣлокъ и передѣлокъ — это видно отчасти изъ Предисловія (стр. XX—XXI) и примѣчаній къ № 39, 41, 47, 48; но намъ кажется, что такихъ бѣглыхъ, случайныхъ замѣтокъ — недостаточно: вопросъ столь важный заслуживалъ бы, по нашему мнѣнію, болѣе обстоятельнаго предварительнаго рѣшенія: мы желали бы встрѣтить во «Введеніи» твердую установку «основаній» для отличія дѣйствительныхъ оригиналовъ отъ поддѣлокъ; тогда обнаружилось бы, почему издатели считаютъ поддѣльными нѣкоторыя «думы», занесенныя въ прежніе печатные сборники, почему они исключили ихъ изъ основного текста и только, во устраненіе упрека въ «субъективизмѣ» (стр. XXI), предполагаютъ помѣстить ихъ въ самомъ концѣ своего изданія... Впрочемъ, выражая подобное желаніе, критика только тогда имѣла бы право

придать ему значеніе требованія, когда издатели обнаружили бы довѣрчивость, несовмѣстимую съ правилами критики текста, и допустили бы въ свой сборникъ очевидныя подделки и передѣлки. Напротивъ, въ этомъ отношеніи мы должны признать за изданіемъ весьма значительный шагъ впередъ: гг. Антоновичъ и Драгомановъ идутъ осторожнымъ, разборчивымъ шагомъ, относятся къ дѣлу внимательно и отчетливо: за вычетомъ одного варіанта пѣсни (№ 40, В, стр. 147) о Байдѣ, принадлежащаго, очевидно, къ виршеннымъ пересказамъ, а потому незаслуживавшаго вниманія, намъ не удалось подмѣтить въ Сборникѣ ни одной важной пѣсни, о которой можно было бы съ положительною увѣренностью сказать, что она — выдумана какимъ-нибудь досужимъ писателемъ; правда, нѣкоторыя пѣсни — скорѣе пересказы, чѣмъ настоящія пѣсни, или дурно записаны, другія (напр. № 47) возбуждаютъ невольныя недоразумѣнія и сомнѣнія; но почти всегда сами же издатели отмѣчаютъ ихъ странности, предостерегая тк. обр. изслѣдователя, или сдерживая его возможную поспѣшную довѣрчивость. Критическій трудъ издателей — не виденъ и какъ бы скрытъ (онъ обнаружится, какъ сказано, въ концѣ изданія), предъ нами — одни результаты его, но за ними нельзя не замѣтить и серьезной критической работы, нельзя поэтому и не оцѣнить его по достоинству... Вообще, принявъ во вниманіе всю трудность вопроса о критикѣ текста пѣсенъ, мы не преувеличимъ заслуги въ этомъ смыслѣ гг. Антоновича и Драгоманова, сказавъ, что своимъ осторожнымъ отношеніемъ къ предмету они даютъ изслѣдователямъ возможность итти болѣе твердымъ и надежнымъ шагомъ, чѣмъ было доселѣ: отрицательная очистка текста — исполнена, и исполнена, какъ можно полагать, успѣшно.

Въ отношеніи полноты матеріала трудъ гг. Антоновича и Драгоманова вполнѣ удовлетворителенъ: онъ не только исчерпываетъ всѣ печатные сборники, но и представляетъ не мало новаго, малоизвѣстнаго или вовсе неизвѣстнаго, взятаго изъ разныхъ рукописныхъ сборниковъ. Если издателямъ было доступно не

все, чтò могло быть, то это зависѣло не отъ ихъ воли и не отъ недостатка ихъ усилій: они сдѣлали чтò могли... Не вполнѣ удобными мы должны признать внѣшніе пріемы изданія; правда, *привыкнувъ* къ нимъ, изслѣдователь получаетъ возможность возстановить каждый варіантъ въ его цѣлости, но привыкнуть къ нимъ можно только послѣ усиленнаго и притомъ непрерывнаго труда; въ типографически-экономическомъ отношеніи эта система ни чѣмъ не удобнѣе прежней, старой, гдѣ варіанты помѣщаются внизу за чертою, въ типографски же художественномъ отношеніи она — далеко ниже старой, а въ ученомъ — вообще неудобнѣе: читатель видитъ предъ собой ряды цифръ, буквъ и математическихъ знаковъ сложенія и равенства; при сплошномъ чтеніи овладѣть этой іероглификой не особенно трудно, но при справкахъ каждый разъ нужно прибѣгать къ ключу.

II.

Уже выше, при обсужденіи вопроса о гадательныхъ пѣсняхъ дружинно-княжескаго вѣка, мы имѣли поводъ коснуться и нѣкоторыхъ объясненій гг. издателей къ первому отдѣлу ихъ собранія. Неудачность этихъ объясненій вытекала изъ антикварнаго увлеченія доказать предвзятую мысль, потому они и получили скорѣе характеръ поспѣшныхъ догадокъ и наведеній, чѣмъ реальныхъ комментаріевъ. Совершенно иное находимъ мы въ объясненіяхъ къ пѣснямъ второго отдѣла: здѣсь критика не можетъ отнестись къ труду издателей иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ. Комментарій ихъ главнымъ образомъ состоитъ и идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала объясняется составъ пѣсни, дѣйствующія лица и важнѣйшіе предметы, въ ней упоминаемые; затѣмъ изъ историческихъ источниковъ, туземныхъ и иностранныхъ, собираются всякаго рода извѣстія, которыя могутъ послужить реальнымъ объясненіемъ къ тому, о чемъ разсказываетъ пѣсня, «чтобы—какъ выражаются гг. Антоновичъ и Драгомановъ—можно было судить, насколько пѣсни, сохранившіяся въ памяти поселянина малорусскаго въ теченіе стольких вѣковъ,

представляютъ поэтическое воспроизведеніе реальныхъ образовъ дѣйствительности этихъ вѣковъ, послѣдовательно смѣнявшейся» (стр. XVI). Хотя сами издатели и весьма скромно отзываются объ этой части своего труда, тѣмъ не менѣе нельзя не признать его достоинства и значенія для отечественной исторической литературы: онъ не только превосходитъ доселѣ бывшіе, случайные комментаріи къ южно-русскимъ историческимъ народнымъ пѣснямъ систематическимъ подборомъ всякаго рода относящихся сюда свѣдѣній, но своимъ критическимъ разборомъ ихъ въ значительной степени способенъ облегчить трудъ историковъ изслѣдователей. При пѣсняхъ, названныхъ издателями именемъ *бродячихъ*, они, иногда, быть-можетъ, съ бóльшими, чѣмъ слѣдуетъ, подробностями (разумѣемъ здѣсь пересказы содержанія) — входятъ въ параллельныя сближенія съ иными подобными произведеніями поэзіи племенъ славянскихъ, нѣмецкихъ, романскихъ и пр. Какъ ни посторонни и случайны подобныя указанія, но они не пройдутъ безъ пользы для сравнительной исторіи поэзіи и литературы, тѣмъ болѣе, что издатели къ общеизвѣстному запасу фактовъ сумѣли прибавить отъ себя кое-что новаго, что̀ заслуживаетъ быть замѣченнымъ. О полнотѣ такихъ параллелей здѣсь, конечно, и рѣчи быть не можетъ, какъ по существу самаго вопроса о странствующихъ сказаніяхъ, такъ и по той извинительной причинѣ, что издателямъ было недоступно много изъ обширной литературы предмета.

Выставляя на видъ достоинства этой части труда издателей, мы вовсе не думаемъ утверждать, чтобы она была чужда недостатковъ: намъ кажется, что и теперь есть возможность правильнѣе и внимательнѣе освѣтить многія бытовыя подробности думъ, что подборъ письменныхъ показаній можетъ быть значительно увеличенъ; но все главнѣйшее, какъ кажется, принято въ должное вниманіе и соображеніе. Неодобренія критики заслуживаетъ объяснительное примѣчаніе къ пѣснѣ № 22, гдѣ снова обнаруживается уже замѣченное нами антикварное увлеченіе издателей: скрываясь отъ татаръ, бѣглецъ предпочитаетъ укрыться

въ лѣсу, потому что въ водѣ выдастъ чайка, летающая надъ его головою. Подъ словомъ *вода* здѣсь, конечно, разумѣются рѣчные заливы или заводи, покрытые тростникомъ, гдѣ бѣглецы могли бы находить убѣжище, если бы ихъ не выдавали встревоженныя чайки. Издатели же видятъ въ этомъ обычаѣ глубокой славянской древности, когда, по словамъ императора Маврикія, славяне, преслѣдуемые врагами, скрывались на дно рѣкъ и могли оставаться въ такомъ положеніи довольно долго, дыша чрезъ камышевыя трости. Неумѣстность и натянутость подобнаго объясненія—очевидны!

Намъ остается сдѣлать общій заключительный выводъ о трудѣ гг. Антоновича и Драгоманова примѣнительно къ требованіямъ «Положенія о наградахъ графа Уварова».

Несмотря на указанные нами недостатки, впрочемъ — немногозначительные сравнительно съ достоинствами, первый томъ «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» представляетъ произведеніе, котораго доселѣ дѣйствительно недоставало отечественной наукѣ и которое въ значительной мѣрѣ способствуетъ къ полному познанію избраннаго предмета—и потому вообще отвѣчаетъ требованіямъ «Устава» (§ 6 «Положенія»). Увѣнчавъ этотъ трудъ *меньшей преміей*, Академія окажетъ столько же справедливое нравственное поощреніе и признаніе серьезныхъ ученыхъ занятіямъ издателей, сколько и матеріальную поддержку, необходимую для продолженія и приведенія къ концу ихъ полезнаго предпріятія.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій.

(Историко-библіографическая поминка.)

1878.

О. М. Бодянскій род. въ 1808 г., въ м. Варвѣ, воспитывался въ Переяславской духовной семинаріи. Подъ чьимъ вліяніемъ въ немъ выросла и укрѣпилась любовь къ наукѣ и литературѣ—я не знаю; но, по свидѣтельству одного школьнаго товарища своего, еще тогда онъ отличался особенною любовью къ упражненіямъ по словесности, игралъ—въ «комедійныхъ дѣйствіяхъ»—роль Наполеона. «Малороссійскія пѣсни» Максимовича (М. 1827 г.) и въ особенности одушевленное «введеніе» къ нимъ возбудили въ немъ благородную охоту къ занятіямъ языкомъ, исторіей и поэзіей его родины. Едва ли онъ могъ удовлетворить этому стремленію «у себя».. Его влекъ славный Московскій университетъ, и съ 1831 года мы видимъ его тамъ бодрымъ, дѣятельнымъ, остроумныхъ участникомъ ученыхъ занятій въ университетѣ и литературныхъ внѣ его. К. С. Аксаковъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» (въ «Днѣ») отзывается о немъ, какъ о добромъ товарищѣ и членѣ кружка Станкевича. Въ «словесномъ факультетѣ» Московскаго университета господствовала тогда историческая школа Каченовскаго, который, обладая об[illegible]къ, многостороннимъ образованіемъ и ученостью, умѣлъ у[illegible]жать молодые умы къ серіозному труду. Подъ руководствомъ Каченовскаго, Бодянскій довершилъ свое образованіе

и началъ учено-литературную дѣятельность. Въ 1835 г. онъ написалъ кандидатскую диссертацію *«О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси»* (впослѣдствіи напечатанную въ 37, 38 и 39 померахъ «Сына Отечества» и «Сѣвернаго Архива» 1835 г.). Въ ней онъ далъ полное выраженіе ученію Каченовскаго о началѣ русской исторіи: русь и варяги не норманны и не скандинавы, а балтійскіе славяне; варяги — славяне съ балтійскаго поморья, колонизовавшіе Новгородъ; русь—турецкое племя, смѣшавшееся со славянами и давшее имя южно-русскому и русскому народу; топографія подтверждаетъ-де достовѣрность такого вывода. Сочиненіе это—одна глава изъ исторіи русской исторической науки; оно—ясное и полное выраженіе мнѣній тогдашней скептической школы о происхожденіи Руси. Въ сочиненіи *«О древнемъ языкѣ южныхъ и сѣверныхъ Руссовъ»* (помѣщ. въ «Ученыхъ запискахъ Московскаго университета» 1839, № 3) Бодянскій рѣшалъ вопросъ не на основаніи фактовъ филологическихъ, а на основаніи историческихъ соображеній. Здѣсь едва ли не въ первый разъ высказана мысль о сравнительномъ изученіи славянскихъ нарѣчій и сравнительной славянской грамматикѣ. Нѣкоторыя сужденія молодого ученаго уже и тогда были запоздалыми, напр. утвержденіе, что древне-церковно-славянскій языкъ — отецъ остальныхъ славянскихъ языковъ и что онъ тожественъ съ древне-русскимъ; не видно также, чтобы будущій профессоръ славянскихъ нарѣчій былъ знакомъ съ изслѣдованіями Востокова, но многое въ статьѣ угадано вѣрно... «Скептическое» и «славянское» направленіе Каченовскаго, постоянно и неустанно проводимое имъ на лекціяхъ, въ «Ученыхъ Запискахъ Университета» и въ «Вѣстникѣ Европы»—не могло не отразиться и на ученикѣ его: въ журналѣ «Московскій Наблюдатель» 1831 г. (№ 15 и 16) онъ помѣщаетъ статью о сборникѣ Коллара *«Народныя спѣванки, или пѣсни словаковъ въ Угріи»*. Первая половина статьи была посвящена этнографическому очерку словацкаго племени, вторая—его народной поэзіи сравнительно съ поэзіей другихъ славянскихъ племенъ. Эта критическая статья послужила основою

его будущей магистерской диссертаціи. Бодянскій состоялъ въ это время учителемъ гимназіи и обратилъ уже на себя вниманіе попечителя гр. Строганова [1]). Въ 1837 г. онъ представилъ, для полученія степени магистра словесныхъ наукъ, диссертацію: *«О народной поэзіи славянскихъ племенъ»*. Теперь эта книга имѣетъ только историческую цѣну, но въ то время она имѣла и научное, и даже общественное значеніе. Теперь можно замѣтить въ ней слабость фактическаго содержанія, устарѣлыя школьныя воззрѣнія на сущность народной поэзіи, но въ 1837 году это былъ живой, исполненный воодушевленія манифестъ о славянскомъ народномъ характерѣ, раскрывающемся въ его поэзіи. Еще большее чѣмъ у насъ значеніе имѣла эта книга у западныхъ славянъ: она была переведена на языки сербскій и итальянскій (гр. Медо Пучичемъ) и въ извлеченіи—на чешскій (Штуромъ). Еще и въ 1831 г. (въ Молвѣ, издаваемой Надеждинымъ при Телескопѣ) Бодянскій пробовалъ свой талантъ въ сочиненіи стиховъ на родномъ нарѣчіи. Въ 1835 еще году онъ издалъ небольшую книжку подъ заглавіемъ: *«Наськы украинскы казкы»*—опытъ стихотворной передачи по-малорусски трехъ малорусскихъ народныхъ сказокъ. «Казки» принадлежатъ къ немногимъ произведеніямъ малорусской письменности, отличающимся необыкновенною чистотою языка. Такъ писали только немногіе... Стихотворная форма, конечно, отняла много наивной прелести у сказокъ, но содержаніе ихъ осталось нетронутымъ [2]).

Въ это время, по мысли императора Николая, должны были устроиться при университетахъ каѳедры «исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій». Графъ Уваровъ предложилъ отправить за

1) Ходилъ разсказъ, что гр. С. Г. Строгановъ, пришедши однажды въ классъ (латыни) къ Бодянскому и нѣсколько пораженный его украинско-семинарскимъ произношеніемъ, замѣтилъ ему: «Какъ дурно вы читаете по-латыни». «А вы почему знаете, что я дурно читаю—отвѣчалъ Бодянскій:—быть-можетъ, римляне читали еще хуже меня!» Любителю смѣлыхъ и оригинальныхъ отвѣтовъ этотъ отвѣтъ понравился и съ этихъ поръ началось ихъ сближеніе.

2) Малороссійскія стихотворенія подъ псевдонимомъ Боды Варвинца, Бодянскій помѣщалъ въ «Молвѣ» 1833 г.

границу Прейса для Петербургскаго университета, гр. Строгановъ указалъ на Бодянскаго для Москвы. Интересно, что выдвинуло и доставило ему каѳедру? Судя по разсказамъ современниковъ, неотвергаемымъ и самимъ Бодянскимъ, это была критика, помѣщенная въ «*Московскомъ Наблюдателѣ*» на книгу Ѳ. Булгарина «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ». Общество съ своими лучшими представителями въ литературѣ съ негодованіемъ относилось къ направленію Булгарина. Выразителемъ этого взгляда въ поэзіи являлся Пушкинъ... Статья Бодянскаго въ «*Московскомъ Наблюдателѣ*» (1837, апрѣль, кн. I) была полнѣйшимъ, остроумнѣйшимъ и убійственно-безпощаднымъ выраженіемъ этого взгляда со стороны науки и литературной критики. Какъ образецъ умѣнья О. М. Бодянскаго побивать противника юморомъ ѣдкаго анализа, позволяемъ себѣ привести слѣдующія строки, составляющія начало вышеупомянутой статьи въ «*Московскомъ Наблюдателѣ*», журналѣ, рѣдко попадавшемся, вѣроятно, большинству читателей.

«*Горе глаголющимъ лукавое доброе и доброе лукавое, полагающимъ тму свѣтъ, и свѣтъ тму, полагающимъ горькое сладкое и сладкое горькое*». Прор. Исаіи, V. 26 (Эпиграфъ Булгарина).

«Читая этотъ эпиграфъ и, особенно, слѣдующее за нимъ въ книгѣ *Введеніе*, вы ждете чего-то рѣшительнаго, окончательнаго, торжественнаго. И, дѣйствительно, какъ нашъ вѣкъ ни недовѣрчивъ, какъ ни мало расположенъ онъ вѣрить кому бы то ни было на слово, но все еще мы не дошли до той степени отчаяннаго скептицизма въ совѣсть человѣка, чтобы сколько-нибудь не повѣрить ему, когда онъ, такъ какъ г. Булгаринъ, станетъ твердить вамъ: «*Я* составилъ собственную свою систему или методу изложенія;— *я* ввелъ въ *мою* Русскую Исторію всѣ *важнѣйшія* всемірныя событія;—*я* представилъ *полные* очерки вѣры, законодательства, правленія, управленія, нравовъ и обычаевъ различныхъ народовъ, бывшихъ въ прямыхъ или косвенныхъ сношеніяхъ съ нашими предками... *Я* сдѣлалъ то, что въ моей книгѣ *каждая* эпоха

представляется въ своемъ подлинномъ характерѣ, причины объясняются *сами собою*, а послѣдствія ведутъ *всякаго* къ собственнымъ заключеніямъ. Читатель *поневолѣ долженъ* думать, разсуждать и поучаться.—*Я* открылъ въ историческихъ источникахъ *новыя стихіи, новыя качества* и свойства. Многое, чтò *до меня* почиталось истиннымъ, кажется мнѣ ложнымъ, или сомнительнымъ; многое, чтò считалось ложнымъ или сомнительнымъ, незаслуживающимъ вниманія, принято мною или за истинное, или за важное вспомогательное, или за достойное особеннаго вниманія.—Для отысканія истины, *я* употреблялъ *всѣ* извѣстныя средства и *всѣ* системы, призвавъ *здравый смыслъ* на помощь памяти и наукѣ.—*Я* старался открыть, чтò *вѣроятно*, чтò *правдоподобно*, чтò *истинно*, чтò *ложно*, чтò *сомнительно*, чтò *быть могло*, чего *быть не могло*, чему *быть надлежало* и чтò *было неизбѣжно*.—*Я* ввожу въ *мою* Исторію преданія, сказки, повѣрья и миѳы не только наши собственные, но и сосѣднихъ народовъ. *Я* истолковалъ важнѣйшія славянскія преданія, имѣющія смыслъ историческій и нравоописательный, потому что этотъ предметъ *у насъ* мало извѣстенъ и представленъ въ *ложномъ цвѣтѣ* писателями, пользующимися довѣренностію публики... *Моя* главная цѣль распространить какъ можно болѣе полезныхъ свѣдѣній между моими соотечественниками.... *Я* желалъ, чтобы читатели *мои* знали предковъ нашихъ славянъ и народъ русскій не по наружности, но чтобы знали ихъ нравственно, то есть знали *умъ, душу* и *сердце* народа... *Я* пользовался при своей работѣ множествомъ источниковъ... не осмѣлился сдѣлать ни одного предположенія, не дерзнулъ представить ни одной мысли, *не изучивъ* прежде предмета и *не справясь* съ источниками... *Я* отыскивалъ истину по всей ея полнотѣ, для извлеченія изъ Исторіи *всѣхъ возможныхъ наставленій*. *Я* ткалъ *мою* историческую ткань такимъ образомъ, что всѣ нити приходятъ къ одному центру и расходятся изъ него. При этой методѣ (т. е. при методѣ тканья) объясняется въ нашей исторіи весьма многое, чтò *при самомъ краснорѣчивомъ объясненіи* казалось до сихъ поръ темнымъ и непонятнымъ... *Я*

устраняю всѣ безхарактерныя событія, и избираю только тѣ, которыя имѣли вліяніе на судьбу народа и государства. *Дѣло велъ я совѣстно*».

«Хотя въ послѣднемъ никто не сомнѣвается; но если бы авторъ «*Россіи*» могъ выполнить и десятую долю того, что обѣщаетъ во введеніи, то вся книга его была бы первенствующею между историческими сочиненіями не только въ нашей, недовольно еще богатой самостоятельными трудами, литературѣ, но и во всѣхъ древнихъ, новыхъ и допотопныхъ. Пусть намъ укажутъ другое какое-нибудь историческое твореніе, которое бы въ одно время представляло *всѣ важнѣйшія всемірныя событія*, полные очерки вѣръ, законодательствъ, правленій, управленій и открывало, что *вѣроятно*, что *правдоподобно*, что *истинно*, что *сомнительно*, что *быть могло*, чего *быть не могло*, чему *быть надлежало*, и что *было неизбѣжно*! Пусть кто-нибудь приметъ на себя трудъ поискать такого дива, гдѣ ему будетъ угодно: смѣемъ увѣрить, что поиски его будутъ напрасны: умъ человѣческій *не сыскалъ еще истины во всей ея полнотѣ*. Но рѣшимся на невозможное: допустимъ даже, что гдѣ-нибудь въ забытомъ архивѣ человѣческой мысли и нашлось такое сокровище, и мы узнали, напримѣръ, что въ минувшихъ дѣлахъ вѣроятно, что правдоподобно, что истинно, что сомнительно, что быть могло, постигли и то, чего быть не могло, чему быть надлежало и что было неизбѣжно: положимъ, что мы отрыли наконецъ Сивиллины книги. Все это еще не «Россія» г. Булгарина: узнавши все, читатель не станетъ, можетъ-быть, думать, разсуждать, тогда какъ при чтеніи книги г. Булгарина, онъ *поневолѣ долженъ думать*, *разсуждать и поучаться*. Вотъ чего нигдѣ уже не сыщемъ. Теперь вѣковыя задачи ума рѣшены. «Я не хотѣлъ, говоритъ почтенный авторъ, чтобъ *мои* читатели, занимаясь *моею* Русскою исторіею, заглядывали въ другія книги, чтобы они припоминали читанное, справлялись или научались въ другихъ авторахъ». Альфа и омега человѣческаго разумѣнія! Имѣя такую книгу, мы можемъ уже безъ всякой потери оставить въ покоѣ всѣ другія книги и замѣнить

ихъ однимъ сочиненіемъ г. Булгарина: читатели *поневолѣ должны будутъ думать, разсуждать и поучаться*, за что не брались ни логика, ни математика. Такова-то наша Ручная книга для русскихъ всѣхъ сословій!!!

«Но оставимъ шутки. Скажите, ради Бога, случалось ли кому-нибудь на Руси читать подобныя объявленія? За кого насъ принимаютъ, думая увѣрить, что мы.... но пусть говоритъ самъ г. Булгаринъ: «прежде нежели я принимаю показанія писателей *древнихъ, среднихъ вѣковъ и новаго времени*, я разсматриваю: 1) кто онъ былъ; 2) какъ былъ образованъ; 3) къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи; 4) гдѣ писалъ и подъ какими условіями, или вліяніемъ; 5) въ какихъ отношеніяхъ находился къ народу, котораго событія описывалъ; 6) какими источниками пользовался; 7) былъ ли самовидцемъ или писалъ по слухамъ; 8) въ чьихъ рукахъ хранилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея»». Неужели думаютъ, что изъ русскихъ читателей *всѣхъ сословій* никто и трехъ перечесть не сумѣетъ, предлагая имъ такія вещи? Однихъ *главнѣйшихъ* иностранныхъ писателей г. Булгаринъ выставилъ *сто двадцать восемь*; положимъ, что на изученіе каждаго, особенно съ его осторожностью, когда онъ ««не осмѣлился сдѣлать ни одного предположенія, не дерзалъ представить ни одной мысли, *не изучивъ* прежде предмета»» употребилъ по меньшей мѣрѣ одинъ годъ: выходитъ, что ему одни источники стоили сто двадцать восемь лѣтъ работы, не включая сюда *одиннадцати* писателей русскихъ, имъ упомянутыхъ, и еще двухъ-трехъ, о которыхъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, умолчано. Какъ это ни покажется съ перваго взгляда страннымъ, но оно иначе быть не могло. Г. Булгаринъ основывается, напримѣръ, на Геродотѣ, Страбонѣ, Тацитѣ, Птолемеѣ, Цесарѣ: легко ли жъ ему было доискаться о каждомъ изъ нихъ: кто онъ былъ? какъ онъ былъ образованъ? къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи, и въ чьихъ рукахъ находилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея? когда этого не могли привести въ ясность и

всѣ совокупныя усилія европейскихъ филологовъ! Удобно ли ему было заниматься византійскими историками и западными латинскими лѣтописцами, когда въ одно и то же время онъ писалъ и издавалъ Выжигиныхъ, Чухиныхъ и еще кое-что въ этомъ же родѣ!—Обращаюсь съ этимъ вопросомъ ко всѣмъ 2656 подписчикамъ, выставленнымъ въ концѣ I-й части. И потому, прежде нежели начнутъ читать г. Булгарина, пусть они сами послѣдуютъ его благоразумному примѣру и разберутъ его собственные вопросы: 1) кто онъ былъ; 2) какъ былъ образованъ; 3) къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической партіи; 4) гдѣ писалъ и подъ какими условіями, или вліяніемъ; 5) въ какихъ отношеніяхъ находился къ народу, котораго событія описывалъ; 6) какими источниками пользовался; 7) былъ ли самовидцемъ, или писалъ по слухамъ; 8) въ чьихъ рукахъ хранилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея. Просмотрѣвъ такимъ образомъ сочиненіе, каждый уже будетъ знать, какое мѣсто дать ему въ ряду историческихъ сочиненій».

Статья произвела сильное впечатлѣніе и въ литературѣ, и въ такъ называемомъ высшемъ обществѣ... Бодянскій былъ отправленъ за границу въ 1837 году. Еще въ чужихъ краяхъ началъ онъ переводъ «*Славянскихъ древностей*» Шафарика, но Погодинъ издалъ первыя книги этого сочиненія такъ небрежно, что въ 1848 г. Бодянскій долженъ былъ вновь перепечатать книгу. О заграничномъ пребываніи своемъ Бодянскій на мѣстѣ оставилъ добрыя воспоминанія, какъ основательный ученый и хорошо усвоившій себѣ живыя нарѣчія (чешское и сербское по преимуществу). Подробности о занятіяхъ Бодянскаго за границею извѣстны. Въ «Журналѣ М. Н. Просвѣщенія» помѣщены только два небольшіе его отчета (1838, № 5 и 1839, № 8); но извѣстно, что въ этомъ журналѣ и позднѣе въ «Чтеніяхъ», какъ результатъ его занятій за границею, напечатаны: «*О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковный языкъ есть славяно-болгарскій*» (1840 № 6), «*О поискахъ въ Познанской публичной библіотекѣ*» (1846, № 1). Въ славянскихъ земляхъ Бодянскій оставался почти пять лѣтъ.

Къ этому времени его занятій относится, кажется, переводъ «Славянскаго народописанія» Шафарика, отпечатанный сначала въ «Москвитянинѣ», а потомъ отдѣльно въ Москвѣ, 1843 г. Немного спустя имъ была также переведена *«Исторія Галицкой Руси»* Зубрицкаго. Выбранный въ секретари Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, Бодянскій въ три года издалъ 23 книги «Чтеній» (съ 1846 по нач. 1849), въ которыхъ пытался соединить интересы общей славянской и частной отечественной науки. Если не ошибаюсь, «Чтенія» были первымъ изданіемъ, открывшимъ систематическое печатаніе памятниковъ древне-славянской и древне-русской письменности. Эти памятники всегда сопровождались вводными изслѣдованіями, объяснявшими особенности языка и историко-литературное значеніе памятниковъ. Много такихъ драгоцѣнныхъ произведеній издано Бодянскимъ (Паралипоменъ Зонаринъ, Славяно-русскія сочиненія въ сбор. Царскаго, Слово Кирилла Философа и т. д.); но еще болѣе приготовлено къ изданію, даже отпечатано, но не выпущено въ свѣтъ по неизвѣстнымъ причинамъ (Творенія Іоанна Ексарха Болгарскаго, Пандекты Антіоха, Творенія Константина болгарскаго, Житія Бориса и Глѣба, Өеодосія, Временникъ Амартола и т. д.), но особенно богаты «Чтенія» этого періода матеріалами по исторіи южной Руси: заслуги Бодянскаго въ этомъ отношеніи—очень велики. Есть въ «Чтеніяхъ» нѣсколько его отдѣльныхъ замѣчательныхъ изслѣдованій, таковы: Объ одномъ прологѣ московской духовной типографіи и о тожествѣ славянскихъ божествъ Хорса и Даждьбога (1846, № 2), о Всеславѣ Брячиславичѣ Полоцкомъ (1847, № 9) и множество переводовъ славянскихъ изслѣдованій Шафарика, Палацкаго и др. Подъ покровительствомъ гр. Строганова, Бодянскій печаталъ вещи, которыя тогда не рискнулъ бы издать въ свѣтъ никто, напр. «Исторію Руссовъ», припис. Конисскому, и переводъ книги Флетчера (въ 1849 г.). Но тогдашній министръ гр. Уваровъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ гр. Строгановымъ, и это отразилось на Бодянскомъ: за помѣщеніе въ «Чтеніяхъ» перевода Флетчера

Бодянскій былъ переведенъ въ Казань, а Григоровичъ на его мѣсто—въ Москву. Не считая себя обязаннымъ повиноваться прихоти министра, Бодянскій подалъ въ отставку, министръ ея не принялъ, дѣло дошло до Государя, и только чрезъ годъ Бодянскій возвращенъ на прежнюю каѳедру. Тогда же гр. Строгановъ, на свой счетъ, поручилъ Бодянскому изданіе знаменитаго «Святославова Сборника» 1073 г. Бодянскій очень тянулъ изданіе, печатая по листу въ годъ, а иногда и менѣе; житейскія ли тревоги отвлекали его, нелегкость ли работы?—сказать трудно. Работа дѣйствительно была кропотливая: «*Изборникъ*» 1073 года весь основанъ на греческихъ источникахъ, но нѣкоторые источники неизвѣстны въ подлинникѣ, и Бодянскій искалъ ихъ у древнихъ авторовъ. Труда это стоило ему не мало: будучи отъ природы очень разсчетливъ, Бодянскій однако предлагалъ значительную денежную премію тому, кто отыщетъ нѣкоторыя мѣста въ сочиненіи Кирилла Іерусалимскаго, находящагося въ «*Изборникѣ*», конечно, предварительно онъ самъ тщательно перечиталъ всего Кирилла Іерусалимскаго... «*Изборникъ*» въ 1875 году былъ почти оконченъ въ изданіи: помѣщенъ славянскій переводъ съ греческимъ и иногда латинскимъ подлинникомъ; Бодянскій хотѣлъ присоединить къ нему длинное введеніе: о развитіи литературы въ древней Болгаріи, словарь и атласъ рисунковъ. Почему трудъ не выпущенъ въ свѣтъ—неизвѣстно.

Съ 1849 по 1858 годъ наступилъ перерывъ въ редакторской дѣятельности Бодянскаго: онъ занимался только профессурой. Курсъ Бодянскаго состоялъ изъ отдѣла практическаго, гдѣ послѣ краткаго грамматическаго введенія шло чтеніе памятниковъ: Краледворской рукописи, сербскихъ пѣсенъ, «Маріи» Мальчевскаго. Этотъ курсъ велъ онъ очень успѣшно; другіе же предметы предлагалъ лишь въ отрывкахъ, такъ что, прослушавъ его даже пять лѣтъ, приходилось выслушать одни кусочки, напр. изъ грамматики: о двойственномъ и множественномъ числѣ, изъ исторіи—конецъ исторіи балтійскихъ славянъ и начало исторіи чеховъ.... Бодянскій утверждалъ, что при подобной системѣ

чтенія, онъ легче пріучалъ своихъ слушателей къ спеціальному изученію предмета.

Въ 1858 г. умеръ Чертковъ, бывшій послѣ графа С. Г. Строганова предсѣдателемъ Московскаго Общества исторіи и древностей. Снова былъ выбранъ, по предложенію Бодянскаго, гр. Строгановъ, тогда же вновь былъ выбранъ въ секретари и Бодянскій, и снова начали выходить «Чтенія» періодически по четыре объемистые тома въ годъ. Въ 1877-мъ году издана была Бодянскимъ *сотая* книга «Чтеній». Дѣятельность Бодянскаго по составленію и редакціи «Чтеній» не требуетъ комментаріевъ. Кромѣ памятниковъ онъ помѣстилъ въ «Чтеніяхъ» много объяснительныхъ и полемическихъ статей.

Въ «Чтеніяхъ» съ 1858 г. помѣщены преимущественно труды по древнимъ памятникамъ: житія Θеодосія, Кирилла и Меθодія и проч., малороссійская часть матеріаловъ замѣтно рѣдѣетъ.

Въ 1855 г. приходилось праздновать юбилей Московскаго университета; Шевыревъ, руководя всѣмъ дѣломъ, хотѣлъ совмѣстить три юбилея: два тысячелѣтніе: основанія Русскаго государства и изобрѣтенія славянскихъ письменъ, и столѣтній — Московскаго университета. Когда въ юбилейномъ изданіи, по вопросу о письменахъ Бодянскій пришелъ къ выводу, что письмена изобрѣтены были не въ 855, а въ 862 г., то, по распоряженію Шевырева, печатаніе пріостановлено и отпечатанные листы уничтожены. Тогда Бодянскій издалъ свое изслѣдованіе *«О времени происхожденія славянскихъ письменъ»* (Москва, 1855) отдѣльною книгою. Онъ хотѣлъ представить его на степень доктора, но все откладывалъ... Шевыревъ пустилъ слухъ, что Бодянскій боится диспута, и только это обстоятельство ускорило диспутъ, на который, кстати сказать, Шевыревъ не явился...

Изслѣдованіе о времени происхожденія славянскихъ письменъ доселѣ — настольная книга у всѣхъ, кто предается занятіямъ старо-славянскою письменностью. Заглавіе ея далеко не выражаетъ всего богатства содержанія; это огромный сборникъ вся-

каго рода историко-литературныхъ и палеографическихъ замѣтокъ и изслѣдованій по различнымъ вопросамъ, относящимся къ произведеніямъ древне-славянской литературы. Таковъ напр. мастерской разборъ сказанія о св. Вячеславѣ. Нѣкоторое дополненіе къ этому сочиненію представляетъ разборъ сочиненія г. Лавровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ, написанный Бодянскимъ по приглашенію Академіи Наукъ [въ 7-мъ Присужденіи наградъ гр. Уварова 1864 г.]

Въ 1870 году Бодянскому суждено было перенести ударъ — удаленіе изъ университета вслѣдствіе забаллотировки. Исторія впослѣдствіи разъяснитъ это дѣло и произнесетъ надъ нимъ свой судъ, но и теперь можно уже сказать, что съ удаленіемъ Бодянскаго изъ Московскаго университета славянская наука упала въ немъ низко, очень низко...

Бодянскій образовалъ если не школу, то многіе ученые представители славновѣдѣнія ему обязаны многимъ, назовемъ: Е. П. Новикова, А. Ѳ. Гильфердинга, А. А. Майкова, А. А. Дювернуа, А. А. Кочубинскаго и самого автора этой замѣтки.

Характера Бодянскій былъ расчетливо-обдуманнаго и сдержаннаго; послѣдняя черта нерѣдко скрывалась у него подъ видомъ простодушія; но это былъ твердый и стойкій характеръ, это былъ человѣкъ убѣжденій, не уступавшій ни пяди земли безъ боя и не входившій ни въ какія сдѣлки съ совѣстью. Такими чертами отмѣчена и его дѣятельность послѣдняго времени, когда помѣщена имъ въ «Чтеніяхъ» статья «*Трилогія на трилогію*», едва не вызвавшая разрушеніе стараго московскаго Историческаго общества.

О. М. Бодянскій былъ образецъ ученаго трудолюбія, и какъ профессоръ и какъ секретарь ученаго общества — редакторъ его журнала: онъ вполнѣ «*подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ.*» (Второе посланіе ап. Павла къ Тимоѳею, гл. 4, ст. 7).

И. Забѣлина: «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ».

М. 1876—79, ч. I—II, 8°, с. XII † 647; † 520.

1881.

Потребность оживить бытовыми подробностями иногда черезчуръ скупыя страницы исторической науки — чувствовалась съ весьма давняго времени. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстный польскій ученый Лавр. Суровецкій указывалъ на необходимость и «Способы дополнить исторію славянъ» матеріаломъ нѣкоторыхъ новыхъ или же дотолѣ пренебрегаемыхъ источниковъ, въ особенности — данными быта, преданій, религіи и вещественныхъ памятниковъ[1]). Съ той поры объявились и утвердились въ наукѣ и иные новые способы, новыя средства къ тому, а вмѣстѣ съ тѣмъ усовершились и самые пріемы изслѣдованія. Но трудности ли и широкій объемъ задачи, или иныя какія причины, только изысканія въ области исторіи быта и образованности древнихъ славянъ вообще и русскихъ въ частности — идутъ медленно, медленнѣе чѣмъ можно было ожидать, судя по интересу предмета, по энергіи и талантамъ ученой изслѣдовательности. Недостаетъ еще удовлетворитель-

---

1) Rozprawa o sposobach dopełnienia historyi i znajomości dawnych Sławian, перепеч. въ собраніи Туровскаго: «Dzieła Waw. Surowieckiego», въ 1861, р. I 496—519.

наго отвѣта не только на вопросы второстепенной важности, но иногда и на самые существенные, основные; недостаетъ необходимѣйшихъ предварительныхъ разысканій, а нерѣдко даже — и самаго подбора матеріала. Всѣ эти обстоятельства: высокая важность и интересъ предмета—съ одной стороны, трудности и недостаточность его обработки — съ другой, необходимо должны быть приняты во вниманіе при критическомъ обсужденіи трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію исторіи древняго русскаго быта и образованности. Строгая требовательность, умѣстная и законная въ наукахъ, достигшихъ значительной степени совершенства, оказалась бы мало справедливою здѣсь, гдѣ нѣтъ еще и самаго необходимаго, гдѣ изслѣдователь долженъ брать каждый шагъ съ боя, почти до всего добиваться личнымъ трудомъ, гдѣ всякаго рода пробѣлы и недостатки неизбѣжны, какъ историческое слѣдствіе молодости науки. При такомъ положеніи, критика естественно обязана болѣе цѣнить, указывать и разсматривать сильныя, чѣмъ обличать слабыя стороны изслѣдованія; по крайней мѣрѣ—ей предстоитъ отмѣчать послѣднія болѣе въ смыслѣ памятной замѣтки для будущаго, чѣмъ въ смыслѣ указаній личной оступи или ошибокъ изслѣдователя.

Руководясь такимъ воззрѣніемъ, приступаю къ разсмотрѣнію сочиненія г. Забѣлина.

Онъ предпринялъ написать «Исторію русской жизни съ древнѣйшихъ временъ».

Первый томъ составляетъ вводную часть къ этому труду. Въ отличіе отъ другихъ однородныхъ сочиненій авторъ опредѣляетъ свою задачу слѣдующимъ образомъ: «Жизнь народа, говоритъ онъ, въ своемъ постепенномъ развитіи всегда и неизмѣнно руководится своими идеями, которыя даютъ народному тѣлу извѣстный образъ и извѣстное устройство. Разработка исторіи стремится найти такія идеи въ общей жизни народа, въ его политическомъ или государственномъ и общественномъ устройствѣ. Но мелочной повседневный частный бытъ точно также всегда складывается въ извѣстные круги, необходимо имѣющіе

свои средоточія, которыя иначе можно также именовать идеями. Если подобные мелкіе круги народнаго быта не могутъ составлять предмета исторіи въ собственномъ смыслѣ, то для исторіи народной жизни они суть прямое и необходимое ея содержаніе. Раскрыть эти частныя мелкія жизненныя идеи—вотъ, по нашему мнѣнію, прямая задача для изслѣдователя народной жизни».

Такимъ образомъ, и въ этомъ новомъ рядѣ своихъ изслѣдованій авторъ предположилъ держаться того же бытоваго направленія, которое съ такимъ талантомъ и знаніемъ раскрыто имъ въ предыдущихъ трудахъ («Домашній быть русскихъ царей и царицъ», 2 т.; «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи», 2 т. и проч.).

Главный матеріалъ, которымъ по мысли г. Забѣлина можетъ быть оживлена русская доисторическая древность—это «Древности могилъ или кургановъ». «Разсыпанныя по нашей землѣ могилы, по его мнѣнію, скрываютъ въ себѣ истинную, настоящую колыбель нашей народной жизни». Но, высказавъ такую мысль, авторъ немедленно ограничиваетъ практическое ея примѣненіе: «эти памятники — продолжаетъ онъ — такъ разнообразны и разнородны и относятся къ столькимъ вѣкамъ и племенамъ, что сколько-нибудь разсудительная обработка ихъ не можетъ начаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны и сведены въ одно цѣлое именно письменныя свидѣтельства объ этихъ же самыхъ курганахъ, т. е. о той глубокой древности, когда эти курганы еще только сооружались. Какимъ образомъ мы станемъ объяснять курганныя древности, когда вовсе не знаемъ, или знаемъ очень поверхностно и невѣрно письменную исторію нашей колыбели? Естественное дѣло, что прежде всего необходимо выслушать всѣ разсказы, какіе оставили намъ о нашей колыбели античные греки и писатели римскаго и византійскаго вѣка. Это—заключаетъ авторъ—откроетъ намъ глаза, способные съ большимъ вниманіемъ видѣть и цѣнить нѣмые памятники нашей колыбели; это же откроетъ новыя двери и къ разъясненію не только древнѣйшей нашей исторіи, но и многихъ позд-

нихъ ея явленій и обстоятельствъ». Посему и въ дальнѣйшемъ изложеніи «Исторіи русской жизни» нашъ авторъ воспользовался этимъ новымъ матеріаломъ «нѣмыхъ памятниковъ» только по отношенію къ такъ называемымъ «скиѳскимъ» и «мерянскимъ могиламъ». Матеріалъ могилъ иного происхожденія, варварскихъ, славянскихъ и русскихъ или, пока—оставленъ безъ всякаго употребленія... Думаемъ—напрасно, и къ ущербу интересовъ исторической науки! Остановимся нѣсколько подробнѣе на семъ любопытномъ и важномъ предметѣ. Если употребленію матеріала могилъ въ смыслѣ историческаго источника препятствуетъ отсутствіе собранія и свода свидѣтельствъ древнихъ писателей о судьбахъ Русской земли и насельниковъ ея,—то такую помѣху можно было бы назвать почти что не существующею, ибо такая работа въ главныхъ частяхъ уже исполнена: старые, но все еще многополезные сборники графа Яна Потоцкаго, Стриттера; труды Неймана, Укерта, Ганзена, Эйхвальда, Доммериха, Вивьена Санъ-Мартена, Диффенбаха, Куно, Бреннера, Френа, Шармуа, Дефремри и Гаркави[1])—исчерпываютъ

1) C. J. Potocki: Chroniques, Mémoires et Recherches pour servir a l'histoire de tous les peuples slaves.. Vars. 1793; Его-же: Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves... Br. 1796, 4 vol.; Stritter: Memoriae populorum etc... Spb. 4 т. (Slavica помѣщ во II т. 1774); русское извлеченіе (Свѣтова): «Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія Россійскую исторію» и т. д. Спб. 1870—65, 4 ч.); Neumann: Die Völker des südlichen Russlands, L. 1855; Ukert: Skythien und das Land der Geten oder Daker (III, 2 Ab. d. Geogr.) W. 1846; Hansen: Ost-Europa nach Herodot, D. 1844; Eichwald: Alte Geographie des Kaspischen Meeres, des Kaukasus und des südlichen Russlands, B. 1838; Dommerich: Die Nachrichten Strabo's über die zum... deutschen Bunde gehörenden Länder. Mar, 1848; Vivient de Saint-Martin: Études de Géographie ancienne et d'ethnographie asiatique. P. 1850—2, 2 v., Diefenbach: Origines Europaeae. Die alten Völker Europas, D. 1861; Cuno: Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde, B. 1871; Brenner: Nord und Mitteleuropa in den Schriften der Alten, M. 1877; Frähn: Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen. Spb. 1823; Charmoy: Rélation de Masoudy et d'autres auteurs Musulmans sur les anciens Slaves (Mem. d. L'Ac. VI s. II, p. 297 sq.); Defrémery: Fragments de géographes et d'historiens arabes et persans inédits relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale P. 1849; Гаркави: Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, Спб. 1870 и нѣкоторые частные труды г. Хвольсона, Куника и др.

предметъ если и не до послѣдней іоты въ мелочахъ, то въ главномъ—съ полнотой и обстоятельностью... Иное дѣло критика и экзегезъ сихъ свидѣтельствъ: имъ, конечно, открыто еще обширное поле; но вѣдь такая работа никогда не окончится... Гораздо важнѣе *неопредѣленность характера* самихъ вещественныхъ памятниковъ, отсутствіе въ нихъ этнографическихъ и хронологическихъ помѣтъ: эти обстоятельства, дѣйствительно, препятствуютъ точному и рѣшительному употребленію могильныхъ древностей въ смыслѣ историческаго источника, но пользованіе послѣднимъ въ смыслѣ вспомогательнаго пособія вполнѣ возможно и законно. Далѣе. Нельзя, конечно, отрицать важности письменныхъ свидѣтельствъ для разбора могильныхъ древностей, но ставить обработку послѣднихъ въ полную зависимость отъ первыхъ, такъ, что будто бы она «не можетъ и начаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны и сведены въ одно цѣлое именно письменныя свидѣтельства о той глубокой древности, когда эти курганы еще только сооружались»—будетъ преувеличеніемъ: классификація матеріала могилъ и сравнительныя разысканія о немъ можно производить и помимо этого... По крайней мѣрѣ, для разбора и объясненія могилъ историческія свидѣтельства столь же важны, какъ и наоборотъ могилы—для объясненія историческихъ свидѣтельствъ... Словомъ, изслѣдованіе того и другаго можетъ и должно итти одновременно.

Способъ изложенія автора общедоступный. По его собственному заявленію, онъ не имѣлъ ни силъ, ни возможности входить въ особыя ученыя изслѣдованія по спеціальнымъ вопросамъ предмета, а въ краткихъ очеркахъ стремился только обозначить наиболѣе существенныя стороны русской жизни, главнѣйшіе корни и истоки русскаго развитія, политическаго общественнаго и домашняго, въ его существенныхъ формахъ и направленіяхъ, съ раскрытіемъ его умственныхъ и нравственныхъ стремленій и бытовыхъ порядковъ. Потому всѣ частныя изслѣдованія автора по различнымъ историческимъ вопросамъ—не видны, онъ пред-

лагаетъ только результаты ихъ въ видѣ догматическаго изложенія, почти всегда обнаженнаго отъ ученыхъ оправдательныхъ статей и ссылокъ, а нерѣдко даже и вообще отъ доказательствъ.

Въ какомъ отношеніи стоитъ трудъ г. Забѣлина къ трудамъ предшествовавшимъ — опредѣлится впослѣдствіи; но здѣсь, въ предупрежденіе и ослабленіе, быть-можетъ, излишне строгихъ въ этомъ смыслѣ требованій, я нахожу нужнымъ указать на другое, скромное заявленіе автора, что въ области «до-историческихъ изслѣдованій авторъ не успѣлъ, да и не могъ воспользоваться многимъ, что даже прямо относилось къ его задачамъ».

Первый томъ труда г. Забѣлина раздѣляется на пять отдѣловъ, и сверхъ этого заключаетъ въ себѣ нѣсколько «Приложеній.» Я разсмотрю каждую статью особо.

Первая глава разсматриваетъ «Природу русской страны» и ея вліянія на бытъ насельниковъ. Сначала авторъ излагаетъ полуутопическія, полудѣйствительныя понятія о ней древнихъ, указываетъ на физическое отличіе ея отъ прочей Европы и происходящія отсюда отличія въ образѣ жизни обитателей ихъ, дѣлаетъ характеристику равниннаго ландшафта или «русскаго вида», его, такъ сказать, образовательнаго или воспитательнаго вліянія на чувство и направленіе дѣятельности народа, говоритъ о подобномъ же дѣйствіи мороза, вліяніи лѣсной и полевой природы на бытъ человѣка, отчего возникли особыя формы соціальной жизни и особый характеръ нѣкоторыхъ племенъ; наконецъ, изображаетъ пути дороги, связывавшія русскую территорію съ иногородными странами и части ея между собою, при чемъ распространяется объ историческихъ слѣдствіяхъ сихъ связей.

Попытки опредѣлить природный, естественно-историческій элементъ русской исторической жизни, т. е. ту сторону ея и тѣ начала, которыя произошли отъ вліянія природныхъ условій, въ русской наукѣ уже существуютъ, но онѣ имѣютъ если не случайный, то какой-то отрывочный, неполный характеръ: нѣкоторыя стороны вліянія природы и ея условій на исторію указаны и объяснены — и иногда очень мѣтко; другія только намѣчены,

но полнаго, обнимающаго предметъ со всѣхъ сторонъ изслѣдованія пока—нѣтъ. Не могутъ имѣть, конечно, притязанія на такую полноту изложенія предмета и спеціально посвященныя ему страницы книги г. Забѣлина; но это обстоятельство не умаляетъ ни интереса, ни значенія ихъ: къ запасу наблюденій, сдѣланныхъ уже прежде историками и географами, нашъ авторъ сумѣлъ прибавить столь много новыхъ, если так. обр. можно выразиться, «созерцаній», сумѣлъ взглянуть на предметъ съ такой живой, никѣмъ изъ историковъ дотолѣ не тронутой, интуитивно поэтической стороны и въ то же время удержаться въ предѣлахъ трезваго ученаго изложенія, что я не колеблюсь отнести эту главу книги его къ числу замѣчательнѣйшихъ страницъ современной русской литературы, какъ въ чисто-литературномъ, такъ и въ научномъ отношеніи. Мѣткость наблюденій и живость образовъ въ полной мѣрѣ вознаграждаютъ за отсутствіе фактическихъ подробностей. Я буду еще имѣть случай указать на то, чѣмъ на мой взглядъ слѣдовало бы пополнить эти превосходныя, но нѣсколько отрывочныя страницы; теперь же предложу нѣкоторыя замѣчанія на отдѣльныя мѣста книги.

Идеализація гиперборсевъ, ихъ образа жизни и нравовъ, какую находимъ мы у многихъ классическихъ писателей, философовъ, ораторовъ, поэтовъ и т. д.—вызвала со стороны автора лишь нѣсколько строкъ, имѣющихъ характеръ «общаго мѣста». А между тѣмъ, это — одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ русской историко-этнографической науки: идеальныя картины быта и нравовъ гиперборсевъ, въ особенности «чистоты и справедливости» ихъ жизни — въ произведеніяхъ греческихъ и римскихъ писателей содержитъ въ себѣ ключъ къ разгадкѣ и къ правильному пониманію многихъ свѣдѣній древности о странахъ, лежавшихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, ибо только принявъ къ свѣдѣнію эту идеализацію, наука будетъ въ состояніи отдѣлить «поэзію» отъ «дѣйствительности» не только въ историко-этнографическихъ свѣдѣніяхъ древности, но и въ гораздо болѣе позднѣйшихъ извѣстіяхъ среднихъ вѣковъ, унаслѣдовавшихъ столь многое

отъ классической старины. Указываю на это обстоятельство не въ упрекъ труду г. Забѣлина, который для своей цѣли могъ ограничиться общимъ отзывомъ, а только по поводу его, и не могу не высказать желанія, чтобы этотъ интересный предметъ нашелъ себѣ обстоятельнаго изслѣдователя. Начало такого труда сдѣлано еще Укертомъ въ его «Skythien und das Land der Geten», а недавно *Riese* представилъ цѣлый обстоятельный мемуаръ объ этомъ предметѣ подъ заглавіемъ: «Die Idealisirung der Naturvölker der Nordens in der griechischen und römischen Literatur», Heid. 1875. Здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ разсмотрѣны представленія о сѣверныхъ обитателяхъ, находящіяся въ гомерическихъ поэмахъ, у Гезіода, Эсхила, Пиндара, Гелланика, Геродота, Ктезія, Эфора, Анеипата, Посидонія, такъ назв. Скимноса, Саллустія, Горація, Вергилія, Юстина, Страбона, Помп. Мелы, Лукана, Сенеки, Тацита.

Ничего не утратило, а скорѣе выиграло бы въ научномъ достоинствѣ изложеніе автора, если бы онъ не увлекся искушеніями «гадательныхъ этимологій». Конечно, большой бѣды еще нѣтъ, когда онъ приводитъ старое объясненіе греческаго Βορυσθένης'а славянской Березиной; но когда онъ говоритъ, что имя Ростовъ показываетъ большое родство съ Днѣпровскою Росью и ея притокомъ Ростовицей, когда отсюда заключаетъ, что самое имя Рось, Росса въ древнее время тоже произносилось какъ Ростъ, когда поэтому допускаетъ законность предположенія, что Ростовъ Приволжскій получилъ еще начало въ то время, когда по всей (!?) нашей странѣ господствовало имя Роксоланъ, которые, если хаживали на самихъ римлянъ за Дунай, то очень могли ходить и на сѣверъ къ Ростовской Волгѣ, — тогда «этимологизированье» становится не безопаснымъ, ибо за нимъ, какъ слѣдствіе, въ науку вносится рядъ призрачныхъ или просто небывалыхъ данныхъ. Далѣе я укажу еще нѣсколько подобныхъ, а отчасти и горшихъ примѣровъ «этимологическаго» увлеченія автора.

Къ необоснованнымъ и недоказаннымъ утвержденіямъ автора

принадлежитъ и то, что подъ именемъ *«бродниковъ»* нашихъ лѣтописей онъ разумѣетъ особую дружину удальцевъ, не принадлежавшихъ ни къ земледѣльцамъ, ни къ кочевникамъ, а составлявшихъ особый народъ, даже безъ названія (19—20). Какъ догадка—мнѣніе оригинально и остроумно, но доказать его пока—нечѣмъ. Совсѣмъ должно быть отвергнуто мнѣніе автора, что въ существѣ природы южнаго человѣка нѣтъ быстраго соображенія и пониманія, а преобладаетъ неповоротливость, медлительность не только въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, но даже въ мысляхъ и понятіяхъ. Мнѣ сдается, что, не говоря о всемъ прочемъ, одно простое припоминаніе характера и движенія событій кіевскаго періода русской исторіи могло бы удержать автора отъ такого внѣшняго и, не скрою, страннаго заключенія. Наружность часто обманчива, и дѣлать по ней заключенія о народномъ характерѣ—нельзя, или не должно — безъ справокъ съ исторіей, бытомъ и плодами умственной и нравственной дѣятельности народа. Если житель *русскаго Юга*, подъ вліяніемъ «мягкой, доброй и нѣжной природы», впадалъ въ апатію, умственную и физическую неповоротливость, то чтó же, кромѣ полной нравственной и физической распущенности и маразма, должно было бы ожидать и встрѣтить у тѣхъ народовъ, гдѣ природа несравненно болѣе «мягка, добра и нѣжна», какъ природа европейскаго юга: Греціи и Италіи?! И, однако....

Вторая глава посвящена разсмотрѣнію стараго вопроса «о происхожденіи русскаго имени». Сначала излагается исторія вопроса, пересматриваются мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ «славянской школы», потомъ очень пространно—мнѣніе «школы норманской»: Байера, Миллера, Шлецера и другихъ нѣмецкихъ и русскихъ послѣдователей ихъ. Рѣзкими чертами опредѣляетъ авторъ общее направленіе трудовъ «норманистовъ»: по его мнѣнію, они представляютъ основныя начала русской исторіи и историческія свойства русской народности лишь въ одномъ отрицательномъ смыслѣ: норманская теорія «отрицаетъ всякое значеніе для древнѣйшей русской исторіи свидѣтельствъ греческой и римской

древности; отрицаетъ старобытность русскаго племени и имени; отрицаетъ варяжество балтійскихъ славянъ, т. е. отнимаетъ у нихъ всѣ тѣ народныя свойства и качества, которыя принадлежатъ имъ, какъ предпріимчивымъ и воинственнымъ, наравнѣ съ скандинавами; отрицаетъ у старобытнаго русскаго славянства предпріимчивость торговую, мореплавательную, воинственную и т. д.; отрицаетъ всѣ тѣ простыя и естественныя качества народной жизни, которыя создаются самою природою страны, создаются простыми естественными условіями мѣстожительства». Наконецъ—по словамъ автора—«самыя даже фантасмагоріи нѣмецкаго ученія о скандинавствѣ Руси наполняются взглядами и мечтами только о совершенномъ историческомъ ничтожествѣ русскаго племени, наполняются одними только отрицаніями его обыкновенной природы, человѣческой и исторической, и все только для того, чтобы поставить на видномъ мѣстѣ въ началѣ нашей исторіи—однихъ норманновъ». Вся первая половина этой главы труда г. Забѣлина есть не иное что, какъ полемическій комментарій, доказывающій и развивающій вышеприведенныя общія положенія. Вторая половина ея представляетъ уже «рѣшеніе» вопроса, которое авторъ выдаетъ только за «правдоподобное вѣроятіе»: варяги первоначальной лѣтописи суть, по его мнѣнію, балтійскіе славяне, варяги же русь были древніе ругіи, получившіе имя отъ острова Ругена, въ смыслѣ Руга-Рога славянской прибалтійской земли. Очевидно, это есть возобновленіе старой, поморско-балтійской теоріи происхожденія Руси, въ первый разъ, если не ошибаемся, развитой В. К. Тредьяковскимъ въ его «Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ», Спб. 1773, стр. 198—275 («Разсужденіе о Варягахъ Русскихъ, славянскаго званія, рода и языка»). И замѣчательно, что г. Забѣлинъ сходится съ Тредьяковскимъ не только въ окончательныхъ заключеніяхъ, что варяги-русы были «Ругі померанскіхъ, а всеобщимъ именемъ славяне», что варяги «есть имя глагольное, происходящее отъ славянскаго глагола

варяю, значущаго *предваряю*», т. е. *предварители;* но и вообще въ патріотическомъ воодушевленіи изыскательности.

Останавливаясь на оцѣнкѣ этой главы сочиненія, не могу напередъ не высказать, что желаніе разрѣшить варяжскій вопросъ вполнѣ умѣстно въ трудѣ, посвященномъ исторіи русской жизни, что нѣкоторыя мысли, историческія догадки и утвержденія автора заслуживаютъ полнаго вниманія и признанія со стороны науки, что наконецъ—многія изъ указанныхъ имъ излишествъ и увлеченій норманской теоріи указаны вѣрно; но все же многія причины не дозволяютъ признать варяжскую главу изслѣдованій автора вполнѣ удовлетворительною. Даже не требуя отъ автора болѣе того, чтό онъ самъ дать желаетъ («Вовсе не обладая необходимою ученостью — говоритъ авторъ—для разслѣдованія этого вопроса со стороны подлинныхъ свидѣтельствъ и всякаго рода непосредственныхъ источниковъ, мы по самой задачѣ нашего труда можемъ только представить общій, наиболѣе для насъ вѣроятный выводъ изъ всего того, чтό въ разное время было говорено объ этомъ предметѣ въ русской исторической изслѣдовательности», стр. 43—4), нельзя не признать, что первая половина его изслѣдованія (стр. 37—132) гораздо болѣе приближается къ историческому манифесту, чѣмъ къ спокойному изложенію историческаго изслѣдованія: патріотически полемическое направленіе высказывается чуть ли не на каждой страницѣ, и нельзя сказать, чтобы вездѣ на пользу, а не во вредъ исторической истинѣ и справедливости, къ достоинству, а не къ недостаткамъ сочиненія. Тотъ, кто составитъ себѣ понятіе объ историческихъ трудахъ норманской школы только по характеристикамъ г. Забѣлина, составитъ себѣ о нихъ въ значительной степени пристрастное и несправедливое понятіе, и придетъ, пожалуй, къ убѣжденію, что всѣ ихъ заслуги сводятся къ большей или меньшей степени вреда для русской науки. Нельзя полагать, чтобы таковы были убѣжденія столь опытнаго знатока русской исторіи, какъ г. Забѣлинъ, но къ нимъ невольно приводитъ его патріотическая полемика.

Спору нѣтъ, что нѣкоторые нѣмецкіе изслѣдователи могли исходить отъ пристрастной и нелѣпой мысли о ничтожествѣ русскаго бытія; но не подлежитъ сомнѣнію, что большинство изъ нихъ разсматривало варяжскій вопросъ только съ точки зрѣнія науки и ея интересовъ, безъ заднихъ мыслей «отрицанія», безъ презрительнаго недовѣрія къ русской народности, а многіе даже съ положительнымъ убѣжденіемъ въ ея силу и историческое достоинство. Вообще говоря, устранивъ изъ норманской теоріи два-три задорныя и нелѣпыя заключенія Шлецера, нынѣ никѣмъ не раздѣляемыя, и крайнія увлеченія пок. Погодина (а онъ ли сомнѣвался въ духовныхъ силахъ русской народности?!), она не представитъ ничего предосудительнаго, развѣ только въ чисто-ученомъ отношеніи. Но ученая полемика идетъ иной дорогой, чѣмъ та, по которой ведетъ ее нашъ авторъ, и дѣйствуетъ инымъ образомъ. Рецензентъ самъ не принадлежитъ къ послѣдователямъ, а тѣмъ менѣе къ поклонникамъ норманской теоріи происхожденія Руси, онъ склоняется гораздо болѣе къ нѣкоторымъ изъ мыслей, выраженныхъ и доказываемыхъ г. Забѣлинымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ выразить, что историческій патріотизмъ усматриваетъ въ этой теоріи такія козни и прегрѣшенія, въ какихъ она неповинна, особенно когда берется выводить изъ ея положеній соціальныя заключенія; что можно признавать за истину положеніе о призывѣ и выходѣ руси изъ Скандинавіи, вовсе не отрицая и не сомнѣваясь въ достоинствахъ собственной своей природы. Иначе, что же выйдетъ? Если на каждомъ, кто по чистой совѣсти и крайнему разумѣнію придетъ къ убѣжденію въ исторической истинѣ «скандинавства» руси и варяговъ, будетъ тяготѣть укоризна въ отрицаніи достоинства русской природы, то въ какомъ положеніи окажется свобода изслѣдованія и науки?! На стр. 55—56 авторъ мимоходомъ дѣлаетъ замѣчанія о неточности исторической науки и невозможности устранить изъ нея страстный элементъ патріотическихъ или субъективныхъ идей и побужденій. Дѣло представляется въ такомъ видѣ, будто бы сіе не

только существуетъ, какъ физическая необходимость, но и существовать должно, какъ необходимость нравственная и законная.... Много правды въ его словахъ; но съ другой стороны— отымите у изслѣдователя-историка стремленіе къ правдѣ и истинѣ, дайте ему признать и сознать страстныя идеи и побужденія за неизбѣжную роковую необходимость, освободиться отъ которой не властенъ, пусть онъ убѣдится въ невозможности добыть истину, пусть покорно, безъ внутренняго протеста, сознательно онъ откажется отъ стремленія къ ней и послѣдуетъ по пути страстныхъ созерцаній, сужденій и взглядовъ, какъ пути единственно возможному и вѣрному,—и исторія въ смыслѣ науки или знанія погибнетъ: она превратится въ историческое средство къ достиженію разнородныхъ цѣлей и стремленій современности, станетъ по малой мѣрѣ манифестомъ публициста. Что г. Забѣлинъ не вездѣ въ мѣру устоялъ противъ побужденій страстнаго начала по отношенію къ норманской школѣ, это ясно изъ того, что онъ относится къ ней болѣе, какъ обличитель ея неправды, чѣмъ какъ спокойный изслѣдователь-историкъ, потому и медлитъ иногда на такихъ подробностяхъ, которыя для историка русской жизни не представляютъ никакаго интереса и вообще мало относятся къ дѣлу. Таково напр. длинное разбирательство судебно-историческаго дѣла о Миллеровой варяжской диссертаціи (65—88 стр.). Думаю также, что и упреки нѣкоторымъ утвержденіямъ ученыхъ норманнистовъ основаны на недоразумѣніяхъ увлеченія и, при болѣе спокойномъ отношеніи къ дѣлу, устранились бы вовсе или по крайней мѣрѣ высказались бы въ иной, болѣе признающей формѣ, таковы напр. возраженія автора одному изъ ученыхъ норманнистовъ о значеніи лингвистической и этнологической критики въ рѣшеніи варяжскаго вопроса (стр. 45, 122 сл. 193).

Другая половина статьи г. Забѣлина о «варяжскомъ вопросѣ» представляетъ собою не только общій, наиболѣе вѣроятный, выводъ изъ всего того, что въ разное время было говорено объ этомъ предметѣ учеными «славянской школы», но и во мно-

гихъ отношеніяхъ принадлежащія лично автору самостоятельныя дополненія и развитіе ученій этой школы. Самымъ замѣтнымъ дополненіемъ въ этомъ отношеніи является небольшой сборникъ мѣстныхъ именъ балтійскихъ славянъ, извлеченныхъ, впрочемъ, не изъ первоисточниковъ, какъ грамоты и анналы, а изъ позднѣйшихъ географическихъ и космографическихъ сочиненій. Авторъ слѣдитъ двойники этихъ наименованій на русской почвѣ, онъ видитъ въ нихъ доказательство славянской варяго-русской колонизаціи на Руси. Къ сожалѣнію, любопытное собраніе автора не имѣетъ надлежащей обработки, а этимологическія сближенія и объясненія основаны на внѣшнемъ созвучіи, почему въ число славянскихъ именъ попали многія завѣдомо нѣмецкія и литовскія, таковы напр. Rosengard, Rosenfeld, Rosenhagen, Ragnit и множество другихъ = все это будто отъ корня Рус, Руг, Рог?! Этимологія—Ахиллова пята нашего автора, а съ нимъ и всей славянской школы, по крайней мѣрѣ въ отношеніи варяжскаго вопроса. Трудно понять, какими правилами, какою лингвистикой руководятся послѣдователи этой школы въ своихъ этимологическихъ сравненіяхъ и изъясненіяхъ; но навѣрное можно сказать, что ихъ методъ имѣетъ мало общаго съ тѣмъ, который признанъ и установленъ наукою сравнительнаго языкознанія. Норманнисты сумѣли усвоить себѣ этотъ методъ, и если въ этимологическихъ толкованіяхъ ихъ мы находимъ не мало ложнаго и натянутаго, то это сдѣлано вопреки метода: это личныя ошибки изслѣдователей. Наоборотъ, когда въ этимологическихъ сравненіяхъ послѣдователей славянской школы мы встрѣчаемъ вѣрныя сближенія и объясненія, то ихъ должно приписать никакъ не правильности ихъ метода, а случайному остроумію и догадкѣ. Такія счастливыя объясненія имѣются и въ книгѣ г. Забѣлина, но вообще онъ идетъ по дорогѣ внѣшняго созвучія и мало придаетъ цѣны исторіи языка и звуковымъ свойствамъ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Извѣстно напр., что въ нарѣчіяхъ балтійскихъ славянъ господствовалъ иной вокализмъ, чѣмъ въ языкѣ русскомъ: балтійскіе славяне держались предгласія

предъ плавными Р и Л, чтó понынѣ удержалось въ нарѣчіи кашебовъ. Равнымъ образомъ у нихъ господствовали носовые звуки и иногда — какъ ясно изъ славянскихъ словъ въ латинскихъ грамотахъ — даже въ первобытной ихъ чистотѣ. На эти историческія свойства балтійскихъ нарѣчій г. Забѣлинъ не обращаетъ должнаго вниманія въ своихъ лингвистическихъ поискахъ варяжскихъ слѣдовъ на Руси, а равно и въ сближеніяхъ имени варяговъ съ наименованіями варновъ, верановъ. (Это дурное, нынѣ оставленное чтеніе вмѣсто правильнаго укряне т. е. (обитатели, сидящіе на рѣкѣ Укрѣ), какъ стоитъ въ исправныхъ текстахъ (Оттоновыхъ жизнеописаній) и варновъ, гдѣ вдобавокъ упускается изъ вида несогласимая разность суффиксовъ. Отзываясь недовѣрчиво о значеніи лингвистики (с. 45, 192, 226), авторъ тѣмъ не менѣе вполнѣ довѣряется своимъ этимологіямъ и на основѣ ихъ строитъ самыя смѣлыя историко-этнографическія заключенія.... Но когда ложно начало, то должно быть ложно и слѣдствіе его; такъ, на чемъ основано утвержденіе, что варяги-русь несомнѣнно были древніе ругіи, получившіе имя отъ острова Ругена, въ смыслѣ Руга-Рога славянской прибалтійской земли (194 с.)? Главнымъ образомъ на созвучіи первыхъ звуковъ Ру-г, Ру-с, Рог! Но если бы авторъ принялъ въ должное вниманіе относящійся сюда ономастиконъ (онъ тщательно собранъ въ 1-мъ томѣ Фабриціева Рюгенскаго Дипломатарія, «Urkunden zur Geschicte des Fürsth. Rügen, St. 1841) письменныхъ памятниковъ, онъ навѣрное не высказалъ бы гипотезы о происхожденіи наименованія острова Рюгена отъ славянскаго Рога. Формы имен. Рюгена въ нѣмецкихъ сѣверныхъ и латино-славянскихъ источникахъ не указываютъ на исходное слово Рог... Но предположимъ и допустимъ его...., тогда, по правилу славянской фонетики, притяжательное народное имя отъ Рог вышло бы Ро-ж-ане, подобно тому, какъ отъ Бугъ-Бужане, но такой формы нельзя видѣть въ латинскихъ Rujani, Rojani, Rugiani, ибо іотъ здѣсь показываетъ только смягченіе послѣдующей гласной, такъ какъ звукъ ж (=г + j) въ латинской графикѣ всегда переда-

вался начертаніямъ г. Да и какъ согласить съ предполагаемымъ кореннымъ *рос* такія формы, какъ Ry, Rye, Rani, Ruani, Roe, Re, Runi....? Чтеніе Шафарика: «Руяне», хотя гипотетическое — во всякомъ случаѣ гораздо удачнѣе, по крайней мѣрѣ оно находитъ себѣ поддержку въ имени «Руевита».... Что касается до причины, давшей поводъ, по мнѣнію автора, къ наименованію острова Рогомъ, т. е. до географической формы его, то едва ли въ такой древности можно предположить умѣніе опредѣлять географическую форму такихъ обширныхъ мѣстностей, каковъ островъ Ругенъ....

Заканчивая отдѣлъ о варяжскомъ вопросѣ, авторъ говоритъ: «предположеніе о славянствѣ варяговъ основывается прежде всего на правильномъ чтеніи и пониманіи лѣтописнаго текста. Оно подтверждается множествомъ свидѣтельствъ донорманской древности, подтверждается простымъ естественнымъ ходомъ исторіи, этнологическими законами ея развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ оно ни сколько не устраняетъ присутствія въ числѣ славянскихъ варяговъ и скандинавскихъ ихъ товарищей по морю, всегда бывавшихъ на братской службѣ въ славянскихъ дружинахъ». Думаю, что не уклонюсь отъ истины и справедливости, сказавъ, что эти положенія, эта программа доказаны и выполнены авторомъ не вполнѣ удовлетворительнымъ и убѣждающимъ образомъ; но его попытка славянствомъ варяговъ и славянскимъ происхожденіемъ руси «устранить изъ нашей исторіи тотъ рядъ противорѣчій и несообразностей, какой въ ней существуетъ доселѣ по случаю господства мнѣній о норманнствѣ-скандинавствѣ» — не должна пройти незамѣченною, потому что указываетъ на нѣкоторыя новыя стороны предмета и новые матеріалы, которыми дѣйствительно можно удобрить приходящую въ истощеніе почву «варяжскаго вопроса».

Третья глава переноситъ насъ на поле не менѣе, если не болѣе — зыбкое, но за то несравненно болѣе благопріятное для спокойнаго изслѣдованія, чѣмъ предыдущее, именно на поле «исторіи русской страны съ древнѣйшихъ временъ до появленія

русскаго имени въ историческихъ памятникахъ». Предварительно авторъ останавливается на вопросѣ о «призваніи князей». Онъ принимаетъ его за дѣйствительно случившійся фактъ народной жизни и отвергаетъ поэтическій или эпическій характеръ сказанія о немъ: «однѣ и тѣ же причины — говоритъ онъ (стр. 204) — порождаютъ одни и тѣ же слѣдствія, и очень многое въ исторіи люди вовсе не заимствуютъ другъ у друга, а приходятъ къ извѣстному рѣшенію или извѣстному концу только въ силу однородныхъ положеній и однородныхъ идей жизни. Вотъ почему нельзя думать, что призваніе нашихъ варяговъ есть сага, легенда, заимствованная изъ одного источника съ сказаніемъ Видукинда о подобномъ же призваніи бриттами воинственныхъ саксовъ». Мы смотримъ на дѣло нѣсколько иначе: допуская *возможность* (не болѣе!) призванія князей, мы все же убѣждены, что та форма, въ которой «сказаніе» о призваніи стоитъ въ лѣтописи, есть форма *сказочная*, овладѣвшая, быть-можетъ, и дѣйствительнымъ фактомъ народной жизни. Соотвѣтствіе сказанію у Видукинда не только въ содержаніи, но и въ формѣ, въ эпическихъ пріемахъ повѣствованія—для насъ имѣетъ значеніе рѣшающее. Было или не было призваніе, но оно не было такимъ, какъ разсказывается въ лѣтописи: здѣсь *сказаніе есть русская редакція того же самаго сказочнаго странствующаго разсказа, котораго саксонскую редакцію представляетъ Видукиндъ*. Что сказочный мотивъ, выходя изъ одного источника, можетъ свободно примѣниться къ разнымъ историческимъ событіямъ и у различныхъ народовъ можетъ повторяться — это явленіе, давно извѣстное въ исторіи народной поэзіи...

Въ изложеніе своего собственнаго предмета нашъ авторъ вошелъ не сразу: отголоски «варягоборства» и недовольства «нѣмецкою наукою» слышатся еще долго и на страницахъ этого новаго отдѣла, во «введеніи» къ нему. Оно посвящено разсмотрѣнію вопроса о древности славянъ въ Европѣ, который, по его словамъ, «до сихъ поръ остается подъ сомнѣніемъ». Славяне съ 5-го в. предъ Р. Х. по 5 ст. по Р. Х. занимаютъ простран-

ство между Балтійскимъ и Чернымъ морями, между Карпатами, Дономъ и верховьями Волги, т. е. «живутъ на тѣхъ же мѣстахъ, на какихъ живутъ и донынѣ, а между тѣмъ поле дѣйствій принадлежитъ не имъ: ходятъ, воюютъ, становятся извѣстными и потомъ неизвѣстными какія-то другія народности, которыхъ наука не почитаетъ за славянскія племена; славяне же бездѣйствуютъ до начала 6-го вѣка. Въ этомъ случаѣ надо принять за истину что-либо одно: или славянъ здѣсь вовсе не было, или ихъ дѣйствія и дѣла скрыты отъ исторіи подъ другими именами. При настоящемъ направленіи исторической разыскательности, когда впереди всего ставятъ изслѣдованіе бытовыхъ началъ народной исторіи, этотъ вопросъ оставить безъ отвѣта невозможно» (стр. 212—213). Авторъ думаетъ рѣшить этотъ вопросъ посредствомъ историко-этнографическаго разсмотрѣнія народовъ, обитавшихъ и дѣйстовавшихъ на русской землѣ съ тѣхъ поръ, какъ запомнитъ исторія; онъ думаетъ, что судьба этихъ «старинныхъ хозяевъ» нашей земли очень значительна для нашей народной земской исторіи, ибо они въ теченіе вѣковъ не могли же не оставить намъ кой-чего въ наслѣдство. Авторъ начинаетъ съ извѣстій Геродота о Скиѳіи и ея обитателяхъ, скиѳахъ пахаряхъ и кочевникахъ, при чемъ первыхъ онъ отожествляетъ съ полянами, кіянами русской лѣтописи, говоритъ о сосѣдяхъ скиѳовъ, неврахъ, и видитъ въ сказаніи о ихъ переселеніи на восточную сторону Днѣпра *прямой* источникъ того преданія о переходѣ радимичей и вятичей, которое чрезъ 1500 лѣтъ еще было памятно въ Кіевѣ во времена (такъ наз.) Нестора. Переселеніе невровъ, по мнѣнію автора, есть первое колонизаторское движеніе славянскаго племени на Востокъ, зародышъ такъ наз. теперь великорусскаго племени. Описавъ по Геродоту бассейнъ Днѣпра и назвавъ скиѳовъ пастырей и царскихъ, а равно и сосѣдей ихъ меланхленовъ, савроматовъ, будиновъ, которые — по его (очень вѣроятному и основательному, на нашъ взглядъ) мнѣнію [1]), были одно изъ племенъ финскихъ,

1) См. также во второмъ томѣ, стр. 492— слѣд.

гелоновъ, тиссагетовъ, исседоновъ, авторъ возвращается собственно къ скиѳамъ и даетъ этнографическое объясненіе Геродотову сказанію о происхожденіи скиѳовъ. Весьма основательно усвояя его народу земледѣльческому, онъ выводитъ изъ него тотъ историческій фактъ, что «скиѳы кочевники, обладавшіе въ то время страною, пришли въ нее послѣ всѣхъ, были по заселенію младшіе всѣмъ братья, что скиѳы-земледѣльцы, напротивъ, были братьями старшими, т. е. заселяли эти мѣста гораздо раньше скиѳовъ-пастырей. Геродотовы преданія показываютъ, что въ странѣ другъ подлѣ друга существовали два народныхъ быта, двѣ исторіи, бытъ и преданія земледѣльческіе къ Западу, къ Дунаю, и бытъ и преданія кочевые, къ Дону, къ каспійскому морю». Указавъ, какъ скиѳы-кочевники вытѣсняли киммерійцевъ (въ составъ которыхъ по гипотезѣ автора могли входить и славяне!?), г. Забѣлинъ представляетъ весьма подробную картину быта кочевыхъ скиѳовъ, при чемъ слѣдуетъ почти исключительно Геродоту. Скиѳы-земледѣльцы, какъ и невры, были, по мнѣнію автора—*несомнѣнно* славяне, ведшіе торговлю хлѣбомъ съ греческимъ Югомъ и съ уральскимъ Сѣверомъ. За изложеніемъ того, что извѣстно объ исторіи (войнахъ) скиѳовъ, разсматривается Сарматія писателей римскаго вѣка и ея обитатели, подробно разбираются свѣдѣнія о ней, находящіяся у Страбона, Тацита, Птоломея, Аммiана Марцеллина, а потомъ, въ поясненіе географическихъ показаній древнихъ писателей, излагается внѣшняя исторія роксоланъ, бастарновъ, готовъ, гунновъ. Послѣдніе вызываютъ со стороны автора подробный разборъ вопроса о ихъ народности, которую онъ признаетъ за славянскую (здѣсь находится подробное изложеніе извѣстій Приска объ Аттилѣ, его дворѣ и образѣ жизни). Далѣе авторъ разсматриваетъ исторію потомковъ гунновъ, къ которымъ относитъ булгаръ, сабировъ, славянъ-антовъ, котригуровъ и утигуровъ, говоритъ объ отношеніяхъ къ славянамъ аваръ, хозаръ, собираетъ въ одно черты древнѣйшаго славянскаго быта, отмѣченныя у византійскихъ писателей, и наконецъ, дѣ-

лаетъ нѣкоторыя общія заключенія. Слѣдуя имъ, основною народностію въ исторіи и бытѣ кочевыхъ племенъ, занимавшихъ нынѣшнюю южную Русь, Карпаты и земли по нижнему Дунаю— была народность славянская: это—славянскія дружины казацкаго устройства.

Таково содержаніе третьей главы труда г. Забѣлина, главы болѣе чѣмъ прочія обильной матеріаломъ, стоившей автору многихъ усилій по собранію, приведенію въ порядокъ и объясненію темныхъ свидѣтельствъ древности.

Историко-этнологическія разысканія о народахъ, обитавшихъ на сѣверѣ и западѣ отъ Чернаго моря, начаты давно и образуютъ уже довольно богатую литературу. Не всѣ сюда относящіеся труды одинаково важны, но есть и такіе, которыхъ современный изслѣдователь миновать не можетъ, если не пожелаетъ принять на себя непосильную работу нѣсколькихъ поколѣній и снова, безъ видимой нужды, проходить пути, давно пройденные другими. По недовѣрію ли къ началамъ и результатамъ современной исторической этнологіи, или по инымъ причинамъ, только г. Забѣлинъ оставилъ безъ вниманія всю ученую обработку предмета: если гдѣ и случится ему помянуть имя того или иного изслѣдователя, то развѣ — съ полемической цѣлью, при чемъ иногда (какъ напр. стр. 211 — 13, 250) указываются труды, вовсе незаслуживающіе памяти. Вообще же авторъ держится исключительно того, что̀ находитъ или думаетъ найти въ свидѣтельствахъ древности, не заботясь объ объяснительныхъ комментаріяхъ ученыхъ и слѣдуя, какъ онъ выражается—«золотому правилу Гроберга, что въ исторіи, равно какъ и въ географіи, чувствуя себя сколько-нибудь способнымъ судить здраво, смѣло должно полагаться болѣе всего на свои собственныя свѣдѣнія, нежели на чужія». Правило, — заслуживающее полнаго признанія; но понятое, какъ я думаю, авторомъ односторонне. Историко-этнографическія свѣдѣнія древнихъ темны и отрывочны, въ нихъ почти всегда смѣшаны факты и событія, дѣйствительно существовавшіе, съ мнѣніями, взглядами или поня-

тіями о нихъ писателей историковъ и географовъ, съ субъективнымъ пониманіемъ ихъ... Раздѣлить эти два начала, т. е. правильно освѣтить и установить фактъ — вообще дѣло очень не легкое, иногда просто невозможное; необходима критика и притомъ—очень разносторонняя, неисполнимая для усилій единичныхъ. Полагаться на свои собственныя свѣдѣнія, на свое непосредственное знакомство съ текстами — значитъ во многихъ случаяхъ уклоняться отъ правильнаго пониманія дѣла, т. е. ученой критики или обработки текста и заключающихся въ немъ извѣстій. Я не сомнѣваюсь, что при вниманіи къ трудамъ Цейсса, Укерта, Вивіена-Сенъ-Мартена, Ганзена, Неймана, Дифенбаха, Куно, Рeслера и нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей — историко-этнографическое изложеніе автора приняло бы болѣе упорядоченный видъ, даже и тогда, когда общая мысль его о преобладаніи славянской стихіи въ жизни кочевниковъ осталась бы въ своей неприкосновенности. При вниманіи къ этимъ трудамъ онъ напр. не обошелъ бы вопроса о народности скиоовъ-сколотовъ и сумѣлъ бы свою, впрочемъ очень удачную, картину ихъ быта — дополнить любопытнѣйшими подробностями; онъ непремѣнно остановился бы на тѣхъ результатахъ, какіе дала для исторіи арійскихъ народовъ наука языкознаніе, онъ удѣлилъ бы среди нихъ мѣсто и Литвѣ и, конечно, не сталъ бы вовсе упоминать о томъ старомъ, ничего не стоющемъ мнѣніи, которое роднило геруловъ съ литовцами (с. 309) и которое, по его мнѣнію, будто бы столь же удачно, какъ и мнѣніе о германствѣ геруловъ. Чтобы выбраться изъ пучины «загадочныхъ именъ, темныхъ и отрывочныхъ показаній, и по большей части несообразныхъ толкованій — по мнѣнію автора — необходимо держаться крѣпко за землю, т. е. за исторію имени, а больше всего за исторію страны, по которой время отъ времени проходили эти различныя имена» (с. 267). Если я правильно понимаю выраженную здѣсь мысль автора и ея дальнѣйшее развитіе, то они таковы: въ странѣ съ незапамятныхъ временъ, сидитъ племя одной народности, до слуха исторіи достигаетъ оно

разными частями или сторонами въ разное время, а потому и подъ разными именами. Поверхностному наблюденію эти различныя имена представляются различными народностями, различными племенами; но держась исторіи земли, убѣждаешься, что это вѣтвь одного и того же генеалогическаго древа, болѣе или менѣе близкіе родственники или потомки одного родоначальника. Такимъ образомъ устанавливается родственная преемственность и филіація между славянскими племенами, начиная съ первыхъ свидѣтельствъ исторіи (Геродота) даже «доднесь». Скиѳы—земледѣльцы, по мнѣнію автора, были несомнѣнно — славяне; на той же мѣстности въ 9 — 10 в. живутъ славяно-русскія племена, стало быть всѣ другія племена, наполняющія своими именами исторію южной Руси съ 5 с. до Р. Х. были славяне, по крайней мѣрѣ таковы племена важнѣйшія: роксолане, бастарны и въ особенности гунны. Такъ дѣйствительно и должно было быть, если бы исторія завѣдомо не знала о движеніи кочевыхъ племенъ изъ средней Азіи въ Европу, движенія, послѣднимъ значительнымъ актомъ котораго было памятное намъ татарское нашествіе XIII в. Если же движеніе кочевыхъ ордъ на западъ не подлежитъ сомнѣнію, то появленіе въ черноморскихъ степяхъ и въ странахъ карпатскихъ и при-дунайскихъ такихъ племенъ, какъ роксолане, гунны, болгаре, бастарны и т. д. требуетъ разъясненій, а такая или иная генеалогія ихъ — доказательствъ. Прежняя историко-этнологическая наука пыталась разрѣшить эти вопросы путемъ исторической и этнографической критики свидѣтельствъ, въ помощь къ ней появилась потомъ лингвистика и по большей части подтвердила прежнія заключенія. Неяснаго, нерѣшеннаго здѣсь, разумѣется, еще очень много; но нельзя сомнѣваться, что есть не мало и такихъ рѣшеній, которыя, при современномъ состояніи науки, не могутъ быть пока замѣнены ничѣмъ болѣе удовлетворительнымъ и потому, во всякомъ случаѣ, заслуживали бы бóльшаго вниманія, чѣмъ то, какое удѣлено имъ г. Забѣлинымъ. Не понимая ихъ доводовъ во многихъ случаяхъ ниже единымъ словомъ, онъ возобновляетъ ста-

ринныя мнѣнія о славянствѣ выше названныхъ народовъ. Доказательства его едва ли смогутъ поколебать установившееся противоположное мнѣніе: они сводятся главнымъ образомъ къ идеѣ прикрѣпленія славянъ къ землѣ, идеѣ хотя и вѣрной, но вовсе не исключающей пребыванія и движенія по этой же землѣ инородныхъ кочевниковъ. Этимологіи, идущія на помощь славянской теоріи автора, и выводы изъ нихъ и другія доказательства генетической связи кочевыхъ народовъ со славянами — скорѣе усилятъ, чѣмъ устранятъ недовѣріе къ утвержденіямъ автора: такъ въ объясненіе имени роксоланъ снова являются балтійскіе рогіи-роги, роксы, россы и даже аорсы; «язиги» объясняются словомъ «*языкъ*», бастарны—именемъ быстрянъ, отъ рѣки Быстрицы, гдѣ жили они (замѣтимъ, что извѣстія о великомъ и славномъ племени *бастарновъ* мало подходятъ подъ такое объясненіе отъ незначительной рѣчки); сабиры — сѣверянами, аспарухъ — спорами и т. д. Придерживаясь идеи о родственной преемственности, авторъ, какъ указано выше, не задумался соединить извѣстіе Геродота о неврахъ съ преданіемъ лѣтописи о приходѣ радимичей и вятичей отъ ляховъ. Какъ будто, это дѣло статочное, чтобы народная память могла удержать такое событіе на пространствѣ полуторы тысячи лѣтъ! Одна идея автора, идея не столько доказываемая, сколько выражаемая догматически — на мой взглядъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, это—гипотеза объ исконномъ существованіи и дѣйствіи дружинъ сбродныхъ народностей. Стоило бы заняться ближайшимъ разсмотрѣніемъ этого вопроса, такъ какъ отъ рѣшенія его зависитъ и много частныхъ рѣшеній исторической этнографіи такъ наз. эпохи переселенія народовъ. Съ особенною энергіею г. Забѣлинъ стоитъ за «*славянство*» гунновъ. Это этнологическое мнѣніе образуетъ у него исходный пунктъ для рѣшенія многихъ вопросовъ и потому требуетъ съ нашей стороны вниманія, болѣе чѣмъ обыкновеннаго... *Славянство гунновъ*, начиная съ манифестовъ пок. Венелина, время отъ времени подымается въ наукѣ... Это свидѣтельствуетъ, что общепринятое рѣшеніе вопроса не имѣетъ пол-

ной убѣждающей силы и во многихъ частяхъ еще недостаточно; но—скажемъ прямо—каждый разъ славянская теорія гунновъ выступаетъ съ такими доводами, съ доказательствами, что наша мысль, забывая недостатки общепринятыхъ историко-этнологическихъ о семъ предметѣ понятій—невольно склоняется къ нимъ, какъ къ единственно вѣрнымъ въ научномъ отношеніи и добытымъ правильнымъ ученымъ методомъ. То же испытываетъ изслѣдователь и послѣ рѣшеній г. Забѣлина... Урало-алтайское, не арійское, а туранское (?), монгольское или тюркское происхожденіе гунновъ основывается, сколько знаемъ, на слѣдующихъ историческихъ данныхъ и соображеніяхъ: а) появленіе гунновъ въ 2—3 ст. въ приволжскихъ, придонскихъ степяхъ (у Меотиды) и у Кавказа и движеніе ихъ въ Европу 5 ст. стоитъ въ несомнѣнной этнологической связи съ періодическимъ движеніемъ народовъ съ востока, составляетъ только одно кольцо въ цѣпи движенія урало-алтайскихъ племенъ на западъ; б) гунны явились въ Европѣ съ характеромъ племени совершенно новаго, внезапно надвинувшагося, нравственно и физически отличнаго отъ прежнихъ, другъ другу знакомыхъ обитателей страны... Даже допустивъ всякаго рода преувеличеніе въ разсказахъ о нихъ,—нельзя въ концѣ концовъ не прійти къ заключенію, что расовый типъ гунна былъ не европейскій, а равно ихъ образъ жизни и характеръ, кочевой, дикій, азіатски-стадный и разрушительный; в) наименованіе гунновъ встрѣчается въ китайскихъ лѣтописяхъ въ примѣненіи къ одному урало-алтайскому или монгольскому племени, образъ жизни его по тѣмъ же источникамъ весьма близко отвѣчаетъ образу жизни гунновъ у Іорнанда и Амміана Марцеллина. Въ вопросѣ о народности гунновъ еще имѣютъ значеніе и слѣдующія несомнѣнныя историческія данныя: въ своемъ движеніи съ востока на западъ гунны захватывали съ собою многія на пути лежавшія племена; оттого въ полчищахъ ихъ нельзя не замѣтить ясныхъ слѣдовъ иныхъ этнологическихъ элементовъ: славянскихъ, готскихъ, м. б. кельтскихъ и иныхъ. Этимъ, конечно, объясняются нѣкоторыя черты во внутренней исторіи

гунновъ, неимѣющія кочевого характера урало-алтайскихъ племенъ. Всѣ эти разноплеменныя полчища, однако, собирались подъ общимъ именемъ *гунновъ*, именемъ, которое осталось за ними и долго спустя по распаденіи Аттиловой державы: гуннами тогда называются славяне, готы, другія нѣмецкія племена, авары, мадьяры и пр. Имя утратило точность этнологическаго чекана, вывѣтрилось и стало нарицательнымъ. Этому не мало способствовало и вліяніе поэзіи, которая слила чисто-народныя преданія германскихъ и романскихъ племенъ съ гуннскими отголосками и усвоила себѣ Аттилу... При рѣшеніи вопроса о *первоначальной*, *коренной* народности гунновъ всѣ позднѣйшія варіаціи, мнѣнія, толкованія и преданія о гуннахъ имѣютъ очень малую цѣну, почти что никакой... Они важны въ исторіи поэзіи и этнографическихъ воззрѣній, но рѣшать по нимъ вопросъ о народности гунновъ — невозможно... Все, что даютъ они въ этомъ смыслѣ положительнаго — это повременамъ глухія указанія на чужую азіатскую народность гунновъ... Такъ полагаемъ мы; но не такъ думаетъ г. Забѣлинъ. Онъ (с. 329) не даетъ никакой цѣны показаніямъ древнихъ писателей о происхожденіи гунновъ: для него — это «только басни, догадки и темные слухи». Основываясь на позднѣйшихъ синкретическихъ показаніяхъ о гуннахъ, онъ гадаетъ, «что имя унновъ получила сѣверная дружина славянскихъ племенъ, призванная на помощь южными племенами, при низложеніи владычества готовъ, и собравшаяся въ Кіевѣ... Можетъ-быть, и имя Кіева звучитъ въ имени хунновъ или унновъ...» (с. 337) Это «догадка...»; но она немедленно утверждается имъ: *славянство* гунновъ становится для автора *историческимъ фактомъ*, которому онъ находитъ подтвержденіе въ очень темномъ географическомъ показаніи Іорнанда, въ показаніяхъ Приска и во многихъ другихъ болѣе позднихъ свидѣтельствахъ... Къ балтійскому славянскому происхожденію гунновъ мы будемъ еще имѣть случай возвратиться при разборѣ II т. «Исторіи русской» жизни, здѣсь же скажемъ только о славяногуннской теоріи автора вообще. На нашъ взглядъ ни одно изъ

положеній ученія объ урало-алтайскомъ (монгольскомъ или тюркскомъ—не вхожу въ разсмотрѣніе) происхожденіи гунновъ авторомъ не опровергнуто, ни даже не поколеблено: онъ ограничивается однимъ только отрицаніемъ «заученыхъ», по его мнѣнію, выводовъ и рѣшеній, и вовсе не входитъ въ обстоятельное разсмотрѣніе ихъ; съ другой стороны — ни одно изъ приводимыхъ авторомъ доказательствъ славянства гунновъ не имѣетъ твердой убѣждающей силы историческихъ данныхъ: тексты Прокопія и Іорнанда (с. 328 — 331) не даютъ рѣшительно никакого права считать гунновъ *коренными туземцами* Русской страны: изъ сихъ текстовъ выходитъ только, что гунны занимали земли южной Руси въ V вѣкѣ; славянскій комментарій автора къ Прискову сказанію (с. 345 сл.), при всемъ своемъ безотносительномъ интересѣ, ничего не даетъ въ пользу «славянства» гунновъ. По такому способу можно столь же хорошо доказывать и *нѣмецкое* происхожденіе ихъ... Да и принявъ въ извѣстіяхъ Приска славянщину, нельзя не видѣть, что этотъ доводъ имѣетъ въ вопросѣ о происхожденіи малую этнологическую цѣну: славяне — нѣтъ сомнѣнія—составляли существенную часть Аттилова воинства...

Противъ «славянства» гунновъ, скажемъ въ заключеніе — кромѣ всего прочаго, мы имѣемъ одно главное возраженіе: не странно ли, Аттила и гунны — славяне, они являются въ историко-поэтическихъ преданіяхъ почти всѣхъ европейскихъ народовъ, за исключеніемъ только — самихъ славянъ.. Всѣ помнятъ о грозномъ величіи славянъ, одни славяне ничего не знаютъ объ этомъ, являясь народомъ, «непомнящимъ родства»!!

Заключу разсмотрѣніе «третьей» главы нѣсколькими частными замѣчаніями. Мнѣ кажется, авторъ удѣлилъ слишкомъ мало мѣста извѣстіямъ древнихъ о природѣ страны и произведеніяхъ ея. Это важно въ томъ отношеніи, что нынѣшнее состояніе страны не во-всемъ таково, какъ было въ древности и, разсуждая о вліяніи природы на исторію, должно непремѣнно имѣть въ виду какъ нынѣшнее, такъ и древнее состояніе первой. Для разсмотрѣнія

этихъ извѣстій удобнѣйшее мѣсто представляла первая глава, но не найдя ихъ тамъ, мы надѣялись по крайней мѣрѣ встрѣтить ихъ здѣсь. Скажемъ здѣсь, что и матеріалы для разсмотрѣнія сего вопроса весьма обстоятельно собраны у Луд. Георгія, въ его сочин. «Европейская Россія въ ея древнѣйшихъ состояніяхъ» (Das Europäische Russland in seinen ältesten Zuständen, St. 1845), въ «Скиоіи» Укерта (составляющей второе отд. третьяго тома его «Geographie der Griechen und Römer, w. 1846) и въ указанныхъ выше, стр. 4 примѣч. 2, сочиненіяхъ Эйхвальда и Ганзена. Большаго вниманія заслуживали бы болгаре, которымъ отведено едва нѣсколько строкъ (369 стр.): для автора, признающаго славянство гунновъ, этнологическій вопросъ о болгарахъ въ особенности долженъ былъ бы быть важенъ, ибо съ одной стороны этотъ народъ связывается съ гуннами, съ другой же — со славянами. Запасъ матеріаловъ для рѣшенія вопроса объ этнологіи болгаръ въ послѣднее время получилъ значительныя приращенія, благодаря трудамъ оріенталистовъ: Хвольсона («Извѣстіе... Ибнъ-Даста,» 1869), Гаркави («Сказанія мусульманскихъ писателей...» Спб. 1870), разысканіямъ А. А. Куника («Извѣстія Ал-Бекри I, Спб. 1878») и отчасти Реслера («Romänische Studien» 1871). Не была бы потому излишняя попытка новаго пересмотра сей важной статьи европейской этнологіи. То, что сдѣлано въ отношеніи «болгарскаго вопроса» Л. Дифенбахомъ, въ его послѣднемъ трудѣ «Völkerkunde Ost-Europas» Dar. 1880, ч. II стр. 97 — 122 — едва ли удовлетворитъ кого-нибудь изъ изслѣдователей. Разсмотрѣніе чертъ древне-славянскаго быта (стр. 407 слѣд.) носитъ на себѣ чрезъ мѣру популярный характеръ: оно ограничивается выдержками изъ Прокопія и Маврикія и нѣкоторыми «разсужденіями» по поводу отмѣченныхъ ими особенностей образа жизни славянъ. Нельзя не желать, чтобы были приняты во вниманіе извѣстія и другихъ писателей, византійскихъ и западныхъ, и чтобы они были изслѣдованы съ большею обстоятельностью. И кому же исполнить это,

какъ не нашему автору, столь навыкшему въ подобнаго рода историческихъ изслѣдованіяхъ!

При рѣшеніи вопроса о древне-славянскомъ бытѣ есть уже нѣкоторая возможность принять въ расчетъ и пріобрѣтенія славянскаго языкознанія по отношенію къ возстановленію обще-славянской жизни на основаніи данныхъ языка. Сдѣлано здѣсь еще очень не много, но кое-что сдѣлано, и при томъ сдѣлано такъ, что можетъ быть усвоено и принято наукою, какъ неопровержимый фактъ... Древнѣйшія извѣстія о бытѣ славянъ идутъ съ Юга, отъ византійцевъ, стало быть—главнымъ образомъ имѣютъ въ виду южныхъ славянъ. Выдѣлить изъ этихъ извѣстій черты обще-славянскія — возможно только при пособіи сравнительнаго славянскаго языкознанія...

Каковы бы ни были, однако, вольные и невольные недостатки историко-этнологическаго отдѣла изслѣдованій автора, нельзя не отнестись съ признательностью къ его попыткѣ дополнить скудныя страницы этой древности матеріаломъ совершенно новымъ, впервые добытымъ чрезъ могильныя изслѣдованія или раскопки. Этому посвящено особое «Приложеніе» (стр. 613 — 647), носящее названіе: «Древняя Скиѳія въ своихъ могилахъ». Такъ какъ эти страницы по предмету своему относятся именно къ третьей главѣ книги, то я нахожу умѣстнымъ разсмотрѣть ихъ здѣсь съ нѣкоторою подробностью. Скиѳскія могилы съ ихъ содержаніемъ впервые стали предметомъ случайнаго изслѣдованія еще въ концѣ прошлаго вѣка (раскопка Мельгунова, отчетъ о которой помѣщенъ въ журналѣ Миллера: «Ежемѣсячныя сочиненія» 1764, декабрь стр. 497—515), затѣмъ также случайно Дюбрюксонъ, въ 1831 году, была открыта знаменитая Куль-обская могила и, благодаря статьѣ о нѣкоторыхъ предметахъ изъ нея Рауль-Рошета («Notice sur quelques objets en or trouvés dans un tombeau de Kertsch... Extr. du Journal des Savans 1862, Janv.»), скиѳскія древности обратили на себя общее вниманіе европейской науки. Оно усилилось послѣ выхода въ свѣтъ эрмитажнаго изданія: «Antiquités du Bosphore Cimmérien, conser. au Museé Im-

périal de l'Érmitage». S.-Pb. 1854—5. 3 т.—хотя и не вполнѣ удовлетворительнаго въ ученомъ отношеніи, но представлявшаго подробности кулобскаго открытія и превосходныя изображенія нѣкоторыхъ предметовъ скиоско-босфорской древности. Систематическія раскопки скиоскихъ кургановъ начались изслѣдованіемъ Луговой могилы (Александропольскаго кургана. Первое обстоятельное извѣстіе о раскопкѣ сего кургана, съ рисунками многихъ вещей — находимъ въ «Извлеченіи изъ отчета объ археологическихъ разысканіяхъ въ 1853 г.», Спб. 1855) и продолжались съ небольшими перерывами почти до послѣдняго времени. Разрыто было нѣсколько большихъ (царскихъ) и малыхъ могилъ, главнымъ образомъ трудами—г. Забѣлина. Особенно богатый, въ своемъ родѣ единственный матеріалъ дала его раскопка Чертомлыцкаго кургана. Накопилось так. образомъ не мало данныхъ, относящихся къ скиоской древности и добытыхъ исключительно изъ кургановъ. Археологическая Коммиссія предприняла изданіе этихъ новыхъ документовъ въ великолѣпномъ Сборникѣ: «Древности Геродотовой Скиоіи» (котораго доселѣ появилось два выпуска). Сводъ данныхъ и обработку ихъ для науки бытовой древности—впервые представляетъ г. Забѣлинъ. Говоримъ *впервые*, потому что попытки Л. Швабе (Die Griechen und die griechische Kunst am Nordgestade des Schwarzen Meeres. R. 1867) и Ленормана Старшаго («Mémoire sur les Antiquités du Bosphore Cimmérien» въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions et belles-lettres... t. XXIV, I, P. 1661, стр. 101 — 265) основаны на очень недостаточномъ количествѣ матеріала: первый остановился преимущественно на данныхъ Чертомлыцкой могилы, а второй—Куль-Обской. Я не колеблюсь признать эти богатыя не объемомъ, но внутреннимъ содержаніемъ — страницы труда г. Забѣлина однимъ изъ капитальнѣйшихъ пріобрѣтеній русской исторической науки: онѣ открываютъ совершенно новую область и дополняютъ сказанія Геродота такими живыми чертами и подробностями скиоскаго быта, какихъ не найдемъ ни въ одномъ, доселѣ извѣстномъ источникѣ. Можно, конечно, пожелать боль-

шихъ подробностей, или, говоря точнѣе, большей остановки надъ разборомъ и объясненіемъ значенія нѣкоторыхъ предметовъ, а равно и бо́льшаго вниманія къ нѣкоторымъ древностямъ завѣдомо скиѳской культуры, открытымъ какъ въ Куль-обскомъ (см. вышеуказанную статью К. Ленормана), такъ и въ другихъ южно-русскихъ курганахъ; но и въ томъ видѣ, какъ она есть— статья г. Забѣлина не только удовлетворяетъ своей цѣли, но и представляетъ въ своемъ родѣ образцовый опытъ приложенія археологіи къ рѣшенію вопросовъ бытовой исторіи и древности. Нужно желать, чтобы подобную работу г. Забѣлинъ предпринялъ относительно могилъ не скиѳскаго, не греческаго, а варварскаго и славянскаго происхожденія. Здѣсь задача сложнѣе и труднѣе, но за то сколько много пользы и успѣха пріобрѣтетъ отсюда наука! Первымъ приготовительнымъ шагомъ къ такому труду должны, конечно, быть сводъ свѣдѣній о могилахъ и распредѣленіе ихъ матеріала, подобное тому, какъ это сдѣлано въ нѣмецкой наукѣ К. Вейнгольдомъ (Die heidnische Todtenbestattung in Deutschland. W. 1859).

Четвертая глава разсматриваетъ первое появленіе «Руси» въ исторіи и слухи о ней въ Византіи и на Западѣ, именно: первый набѣгъ русскихъ на Царьградъ, вызвавшій извѣстныя проповѣди патріарха Фотія, причину этого набѣга и его послѣдствія, первые слухи о Руси на Западѣ (въ Бертинскихъ лѣтописяхъ), при чемъ, по слѣдамъ г. Гедеонова—отвергается всякая историческая цѣнность выраженія: «Imperator comperit eos (Rhos) gentis esse Sueonum», и оно не безъ основанія толкуется, какъ частное соображеніе чиновниковъ канцеляріи Людовика Бл.; наконецъ — излагаются сказанія о странѣ и народѣ Русь — арабскихъ писателей, преимущественно Ибнъ-Фадляна. Въ общемъ сей отдѣлъ книги г. Забѣлина обработанъ съ большею отдѣлкою, ясностью и воздержаніемъ отъ смѣлыхъ гаданій, чѣмъ два предыдущіе, а потому онъ гораздо удовлетворительнѣе ихъ. Недостатки его условливаются главнымъ образомъ тѣмъ, что авторъ долженъ былъ пользоваться нѣкоторыми источниками въ

обработкѣ или мало удовлетворительной, или и совсѣмъ недостаточной. Такъ напр. Гомиліи патр. Фотія о Руси были доступны ему въ переводѣ и толкованіи пр. Порфирія: «Четыре бесѣды Фотія», пер. ар. П. Успенскаго. Спб. 1864 г., мало отличающимся филологическою точностью. Если бы авторъ послѣдовалъ исправному тексту, изданному акад. Наукомъ, какъ «Appendix» къ его «Lexicon Vindobonense», Petr. 1867, онъ, конечно, нѣсколько иначе представилъ бы себѣ причину первого набѣга руси на Царьградъ и не призвалъ бы всуе какихъ-то «молотильщиковъ», о которыхъ въ текстѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія. Эти *„молотильщики"* въ недобрый часъ явились изъ головы пр. Порфирія и доселѣ еще, какъ видно изъ обстоятельной «Исторіи русской Церкви» г. Голубинскаго, т. I, стр. 20—21 in notis—смущаютъ историческую науку. Посему мы находимъ нужнымъ представить здѣсь исправное чтеніе акад. Наука въ соотвѣтствіи съ фантастическимъ чтеніемъ пр. Порфирія:

Чтеніе и перифразъ ак. Наука	Чтеніе и переводъ пр. Порфирія.
«πολλῶν δὲ καὶ μεγάλων φιλανθρώπως ἐλευθερωθέντες ὀλίγων ἄλλους καὶ ἀφιλανθρώπως ἐδουλώσαμεν»	«πολλῶν καὶ μεγάλων φιλανθρώπως 'ἐλευθερωθέντων, ὀλίγους ἀλοεῖς, ἀφιλανθρώπως ἐδουλώσαμεν...»
т. е. nos, quibus multa et gravia peccata per divini numinis misericordiam condonata sunt, levium delictorum poenas acerbas ab aliis exegimus...	т. е. многіе и великіе изъ насъ получили свободу (изъ плѣна) по человѣколюбію: а мы не многихъ молотильщиковъ безчеловѣчно сдѣлали своими рабами...

Или въ точномъ русскомъ переводѣ: «отъ многихъ же и великихъ (прегрѣшеній) человѣколюбиво освобожденные, за немногое другихъ и безчеловѣчно порабощаемъ»... Есть и иныя отличія исправнаго текста Фотіевыхъ гомилій отъ порфирьевскихъ, которыя, подтверждая слова Наука, что «vir laudabili literarum

amore insignis, sed a minuta philologorum diligentia alienus, parum caute eam rem (sc. editionem homiliarum harum) suscepisset» (Prooem. ad Lex. Vind. p. XXX).

Объясненіе географическихъ и этнографическихъ извѣстій арабскихъ источниковъ вызвало со стороны автора не мало труда и остроумія. Но можно ли сказать, что онъ достигъ успѣха? Не думаю. До той поры, пока въ точности не будетъ опредѣлена *система* этно- и географическихъ воззрѣній и понятій арабовъ, пока извѣстія ихъ намъ извѣстны только въ отрывочныхъ выдержкахъ, до той поры — всякія попытки правильно воспользоваться арабскими источниками будутъ неточны и непрочны, а сужденіе нашего автора, что «какъ о руси, такъ и о славянахъ изъ арабскихъ писателей извлекаются только тѣ понятія, какія существуютъ въ нашей первой лѣтописи» — преждевременно.

Объясненіе болгаро-арабскаго сказанія о великанѣ (стр. 466—7) славянскимъ Волотомъ, а еще болѣе сдѣланный выводъ отсюда—явное увлеченіе автора въ пользу облюбленной мысли о приходѣ въ нашу страну варяговъ-велетовъ въ незапамятное для исторіи время. Такія толкованія ничего не прибавляютъ къ успѣху науки. Экскурсъ изъ византійской исторіи IX в. (стр. 421—424) могъ быть бы опущенъ безъ малѣйшаго ущерба для дѣла. Догадка, что буртасы, сожигавшіе своихъ покойниковъ— были по всему вѣроятію русскіе славяне (стр. 446) основывается на недостаточныхъ данныхъ.

Пятая и послѣдняя глава разсматриваетъ «русскую лѣтопись и ея сказанія о древнихъ временахъ». Авторъ распространяется о томъ, какимъ путемъ и гдѣ, въ какой средѣ явились начатки русскаго лѣтописанія: вмѣстѣ съ другими современными изслѣдователями онъ полагаетъ, что первыя краткія лѣтописныя замѣтки о событіяхъ и лицахъ, почему либо памятныхъ, дѣлались церковными людьми въ церковныхъ книгахъ, гдѣ помѣщались пасхальныя таблицы или святцы, а также и на пустыхъ мѣстахъ или листахъ церковныхъ книгъ. Это обстоятельство, по мнѣнію автора, условило правду и историческую достовѣрность

записываемаго; ибо на страницу святой книги «надобно было заносить такую же святую правду, какою была исписана вся книга». Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, «первые начатки нашей лѣтописи вполнѣ самостоятельны, своенародны, ни откуда не заимствованы, образовались и развились изъ собственныхъ потребностей и нуждъ, и воспроизведены собственными средствами». Выдѣленіе лѣтописныхъ извѣстій изъ календарей или пасхальныхъ таблицъ въ одно особое цѣлое, въ лѣтопись—совершилось позднѣе, когда самая Русская земля начала собираться въ одно цѣлое, т. е. около времени Ярослава I. Тогда появилась «Повѣсть временныхъ лѣтъ», опытъ собранія въ одинъ разсказъ разрозненныхъ хронологическихъ замѣтокъ о русскихъ дѣлахъ и мысляхъ, первая попытка написать исторію народа—какъ отвѣтъ на пытливые запросы общественной мысли—откуда и какъ, «пошла Русская земля». Хотя авторъ и усвояетъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» печерскому черноризцу Нестору, но приписываетъ ей происхожденіе вовсе не строго-монастырское, а городское. «Городъ въ лицѣ княжеской военной дружины и въ лицѣ дружины торговой, гостиной—первый долженъ былъ почувствовать и сознательно понять, что онъ есть первая историческая сила Русской земли, дѣянія которой поэтому достойны всякой памяти. Такъ въ городской средѣ возникла мысль составить и написать «Повѣсть временныхъ лѣтъ». Указавъ на просвѣтительное общественное значеніе Печерскаго монастыря, авторъ излагаетъ послѣдующую судьбу русскаго лѣтописанія, его отличительныя черты и воззрѣнія лѣтописцевъ, условившихъ внутреннюю правду и искренность ихъ повѣствованій, и затѣмъ переходитъ къ объясненію лѣтописныхъ сказаній о разселеніи славянъ, говоритъ о значеніи Кіева и преданій, соединенныхъ съ его основаніемъ, о родовомъ бытѣ, въ какомъ, по его мнѣнію, застаетъ исторія русскія племена, различіи патріархальнаго быта отъ родового и иныхъ условіяхъ и порядкахъ послѣдняго. Наконецъ, авторъ излагаетъ и обсуждаетъ теоріи ученыхъ относительно возникновенія и образованія городовъ и, не удовлетворяясь господствую-

щими понятіями, предлагаетъ свою теорію, свой взглядъ на образованіе города, какъ дружины, и на исторически промысловую жизнь его. Все изслѣдованіе заканчивается объясненіемъ образовъ города и городоваго быта, открывающихся въ богатырскихъ былинахъ и въ эпическомъ типѣ стольнаго кіевскаго князя Владимира. Уже изъ этого бѣглаго обзора содержанія «пятой главы» труда достаточно видно и богатство содержанія и высокій историческій интересъ его. При чтеніи этотъ интересъ возрастаетъ столько же оттого, что авторъ сумѣлъ коснуться предмета и нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ, столько же и оттого, что отнесся къ нему съ необыкновенною теплотою — если такъ позволительно выразиться — археологически-патріотическаго воодушевленія, которое невольно сообщается и читателю. Достоинства изслѣдованій автора очень значительны, недостатки въ сравненіи съ ними маловажны. Особенно удачны и во многихъ отношеніяхъ новы тѣ страницы, которыя посвящены русскому лѣтописанію: нужды нѣтъ, что авторъ принимаетъ принадлежность «Повѣсти временныхъ лѣтъ» Нестору — за дѣло рѣшенное и поконченное, что его характеристика наивныхъ, простодушно искреннихъ и правдивыхъ воззрѣній древняго русскаго лѣтописца идеально преувеличена; — главное: постепенный ростъ русскаго лѣтописанія и отличительный характеръ его поняты правильно и представлены необыкновенно живо. Еще болѣе ученаго достоинства имѣютъ тѣ страницы, которыя относятся къ исторіи города, его постепеннаго сложенія, быта, порядковъ и стремленій его дѣятельности: въ предметъ темный, очень запутанный искусственными гипотезами, г. Забѣлинъ сразу вноситъ столько свѣта и естественнаго порядка, что его рѣшенія въ главныхъ своихъ частяхъ могутъ быть названы истинными пріобрѣтеніемъ науки. Правда, по направленію своего труда онъ склоненъ болѣе къ догматическому, чѣмъ къ историко-критическому изслѣдовательному изложенію; но нельзя не видѣть, что догма у него есть только выводъ долговременныхъ предшествовавшихъ изслѣдованій и поисковъ. По важности предмета считаю нужнымъ

представить здѣсь основныя мысли автора, хотя только въ сухомъ, сжатомъ извлеченіи.

Семья, отдѣляя отъ себя новыя семьи, становится союзомъ семей или родомъ; родъ, образуя новые роды, становится союзомъ родовъ, родовой общиной или племенемъ. Въ поземельномъ отношеніи семьѣ отвѣчаетъ дворъ, единичное хозяйство; роду—хутора или деревня (въ древнемъ значеніи сего слова); родовой общинѣ—село = союзъ дворовъ и союзъ селъ или волость. Волость, власть имѣла необходимость въ твердомъ гнѣздѣ, какъ средоточіи, куда за судомъ и правдой тянули родичи, и какъ твердой защитѣ и убѣжищу отъ набѣга враговъ и внутреннихъ смутъ... Такъ возникаетъ община, родовой, волостной *городокъ*, мѣсто б. или м. укрѣпленное. Въ городкѣ сосредоточивается власть, постоянная стража (дружина). Удобства, соединенныя въ жизни съ городкомъ, привлекали подъ его стѣны населеніе, въ особенности если оно занималось торговлей и промысломъ... Такимъ обр., городокъ или городъ въ древнемъ смыслѣ является головою волости, выразителемъ ея земскаго единства... Съ размноженіемъ вѣтвей рода, ставшаго волостью — ослаблялось родовое начало; а вмѣстѣ съ тѣмъ въ городкѣ должны были произойти перемѣны: въ немъ собирались уже люди не одного рода, какъ прежде, но разно — родные, выходившіе изъ различныхъ обособившихся родовъ, если и не совсѣмъ чужіе другъ другу по происхожденію отъ одного корня, за то совсѣмъ другіе для каждаго отдѣльнаго родства: возникаетъ общество, которое, какъ союзъ другихъ, вполнѣ равныхъ товарищей или друзей — называется *дружиною*. Городъ становится средоточіемъ дружинныхъ и общинныхъ союзовъ и связей... Дружинная связь распредѣляетъ людей по иному порядку, чѣмъ прежняя родовая: послѣдняя слѣдовала здѣсь степенямъ родства, первая—«боевому дѣлу»; боевые ряды послужили основаніемъ для рядовъ дружинныхъ, т. е. общественныхъ, иначе сословныхъ. Городокъ въ сущности былъ военной защитой, въ немъ первое мѣсто принадлежитъ людямъ «боеваго поля», и между ними первому—князю, который

водилъ и строилъ полки, творилъ судъ и расправу. За княземъ слѣдовали *передніе мужи*, бояре, потомъ—*дѣтскіе*, *гриди*... Торговый и промышленный людъ, селившійся подъ защитою города, подобно военному—несъ также повинности городской защиты: городъ, какъ военное мѣсто, дѣлалъ каждаго жителя воиномъ. Горожане, купцы и промышленники въ отношеніи своего воинскаго и вообще городскаго тягла дѣлились на десятки, сотни, тысячи; во главѣ каждой изъ сихъ собирательныхъ единицъ стояли десятскій, сотскій и тысяцкій (старшій изъ бояръ)... Распространеніе малаго городка въ большой зависѣло отъ выгодъ мѣстности. Наибольшее расширеніе находилъ городъ, стоящій у удобныхъ путей, удобный для торговаго промысла: онъ привлекалъ людей промышленныхъ во всѣхъ видахъ; вблизи его стѣнъ разводились *слободки* (т. е. жилища людей, независящихъ отъ городскаго тягла), *концы*, въ общемъ составлявшіе *посадъ*, съ населеніемъ смѣшаннымъ изъ всякихъ людей, которое въ существенномъ смыслѣ и завязывало узелъ перваго гражданства...

Въ общемъ—какая ясная и правдивая въ своей простотѣ и естественности картина!... Но—одно замѣчаніе:

Какъ и въ прежнихъ своихъ трудахъ, такъ и теперь, авторъ является рѣшительнымъ послѣдователемъ теоріи родового быта, началамъ котораго онъ подчиняетъ всю русскую жизнь до-историческаго времени, и отчасти даже историческаго. Доктрина родового быта проведена и примѣнена авторомъ къ русской жизни съ строгою послѣдовательностью, онъ даже сумѣлъ прибавить къ ней отъ себя любопытныя наблюденія о значеніи и дѣйствіи «братняго начала» въ родѣ... Тѣмъ не менѣе я позволяю себѣ думать, что теорія родового быта г. Забѣлина не есть непосредственный плодъ самостоятельныхъ наблюденій надъ жизнью вообще и русской народностью въ особенности, а принята и усвоена имъ готовою и примѣняется къ объясненію данныхъ русской бытовой исторіи въ такой исключительной, строгой формѣ, какую едва ли одобрятъ и сами послѣдователи сего ученія. Нельзя отрицать въ древнемъ русскомъ бытѣ присутствія и дѣй-

ствія родового начала: оно есть и требуетъ внимательнаго объясненія; но распространять его на всю жизнь, считать родовой бытъ такою абсолютною, общею формою жизни, которая когда-то господствовала повсюду и единовластно, опредѣляя всѣ условія и порядки быта—нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, не говоря уже о данныхъ. Это — чистая фикція и притомъ, какъ показываютъ современныя изслѣдованія древнѣйшей бытовой исторіи человѣчества—вовсе не необходимая. Теорія «чистаго» родового быта возникла въ русской исторической наукѣ въ то время, когда сравнительное языкознаніе только что пробовало свои силы надъ возсозданіемъ древнѣйшаго быта племенъ и установкой ихъ генеалогіи; тогда естественно было слова лѣтописи о древнѣйшемъ бытѣ русскихъ племенъ понимать въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, выводить отсюда полное господство родового быта, отчужденность и разрозненность родовъ, — объяснять этимъ брачную умычку и т. д.; тогда можно было не замѣчать, что принимая все это за истину, должно будетъ существованіе и возрастъ славянскихъ племенъ считать двумя-тремя сотнями лѣтъ. Теперь— нѣтъ сомнѣнія — эта увлекательная теорія (объяснившая, впрочемъ, очень многое частное въ исторіи Руси) — требуетъ новаго пересмотра, и перестройка должна быть измѣнена согласно съ успѣхами лингвистики, археологіи и этнологіи. Нельзя сомнѣваться, что при этомъ во многомъ измѣнятся и тѣ историческіе взгляды и объясненія, которые прямо вытекали изъ прежней теоріи родового быта. Замѣтимъ здѣсь, что во второмъ томѣ «Исторіи русской жизни» г. Забѣлинъ значительно отходитъ отъ теоріи родового быта, которую онъ пытался приложить въ томѣ первомъ. Но этого я коснусь далѣе, при разборѣ относящейся сюда части «Исторіи»...

Миѳологически-бытовыя объясненія, какія даетъ авторъ «Трояну» Слова о Полку Игоревѣ, будто бы выражающему «идею трехъ-братняго рода» и стоящему въ связи съ «несомнѣнными наслѣдниками тѣхъ же миѳическихъ созерцаній» тремя братьями скиѳскими, кіевскими и варяжскими — едвали могутъ быть при-

мяты: имъ недостаетъ прочнаго основанія; но принадлежность «трехъ братьевъ» къ области народнаго поэтическаго творчества авторомъ указано вѣрно и подтверждается народной сказкой. Мысль автора, что былинный князь Владиміръ есть эпическій образъ стольнаго города,—есть предположеніе, основанное на чертахъ внѣшняго совпаденія. Притомъ же объясненія бездѣйствія, безсилія и трусости былиннаго Владиміра (578—9) стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что авторъ вообще говоритъ о доброй дѣятельности города и князя.

Этимологическаго сопоставленія словъ: *князя* съ конъ, *Кія*— съ именемъ *Хуновъ* или *Хоановъ*, *бояре* со словомъ *бой*—ничего, конечно, не прибавляютъ къ достоинствамъ труда.

Приложенія, кромѣ вышеуказанной статьи о «Скиескихъ могилахъ», содержатъ въ себѣ выдержки изъ Космографіи «Меркатора» о Ругіи и Поморьѣ и сборникъ славянскихъ и нѣмецкихъ мѣстныхъ именъ, извлеченный изъ одной старой карты. Ономастиконъ, выбранный изъ поморскихъ, мекленбургскихъ и бранденбургскихъ грамотъ и изъ книги Фидицина «Territorien d. Mark Brandenburg» былъ бы, конечно, болѣе полезенъ и желателенъ.

II.

Переходя къ разсмотрѣнію *втораго тома* труда г. Забѣлина, невольно чувствуешь какую-то перемѣну исторической атмосферы: чѣмъ болѣе отодвигаются въ глубь темныя судьбы темныхъ народцевъ, пребывавшихъ когда-то на Русской землѣ, чѣмъ менѣе встрѣчается надобность въ гуннахъ, роксоланахъ, бастарнахъ и т. д., тѣмъ увеличиваются и растутъ достоинства изложенія автора; чѣмъ менѣе представляется надобность въ норманно-варяжскомъ вопросѣ и такъ назыв. «нѣмецкихъ теоріяхъ» происхожденія Руси, тѣмъ спокойнѣе, а потому и осмотрительнѣе становится изслѣдованіе автора. Мѣстами еще появляются «послѣднія тучи разсѣянной бури»; но только мѣстами...

Первая глава второго тома посвящена изложенію «заселенія Русской страны славянами». Авторъ идетъ отъ твердой точки, отъ знаменитаго фотіевскаго упоминанія о народѣ Росѣ, въ которомъ справедливо видитъ русско-славянское племя, а не норманскую дружину... На вопросъ о томъ, что было до этого — отвѣчаютъ, по его мнѣнію, *преданія*, находящіяся въ лѣтописи. Спору нѣтъ, что сіи «преданія» имѣютъ не малую этнографическую важность; но едва ли они должны быть принимаемы безъ критическаго разбора: преданіе преданію рознь, и я сомнѣваюсь, чтобы, по разборѣ дѣла, въ числѣ народныхъ преданій историческаго содержанія могли быть удержаны разсказы, что христіанство «было проповѣдываемо славянскому языку еще самими апостолами», что «россы прозвались своимъ именемъ отъ нѣкоего храбраго Росса, послѣ того, какъ имъ удалось спастись отъ ига народа, овладѣвшаго ими и «угнетавшаго ихъ»... Послѣднее — несомнѣнно псевдоисторическій вымыселъ византійца, а проповѣдь Андрея — несомнѣнно «странствующая повѣсть», только пріобрѣвшая мѣстный колоритъ. Можно сомнѣваться также, что разсказъ о разселеніи славянскихъ племенъ съ Дуная долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ обще-славянскаго, а не частнаго преданія: переселиться отсюда могло какое-нибудь племя, или нѣсколько мелкихъ племенъ, но чтобы отсюда пошли всѣ славяне, это — не только невѣроятно, но даже немыслимо. Переходя къ разсмотрѣнію древности славянскихъ поселеній на русской землѣ (съ цѣлью узнать старую исторію *новаго* города), г. Забѣлинъ прежде прочаго останавливается на «историческихъ результатахъ Сравнительнаго Языкознанія» по отношенію къ первобытнымъ арійцамъ и славянамъ. Онъ руководствуется здѣсь почти исключительно «Краткимъ Очеркомъ» Шлейхера и сочиненіемъ Воцеля: «Pravěk země české»... Какъ ни живо представленъ сей бѣглый очеркъ, — онъ все же недостаточенъ и нуждается въ поправкахъ и пополненіяхъ. На это въ наукѣ существуютъ уже и достаточныя средства. Возраженія автора Шлейхеру на счетъ чужеземности словъ: «*князь*, *хлѣбъ*, *стькло*,

наніяхъ» (стр. 17—19) слишкомъ неопредѣленны и не убѣдятъ никого въ славянскомъ ихъ происхожденіи. Мнѣніе, что разселеніе арійцевъ «вѣроятно происходило еще въ тѣ времена, когда Аральское, Каспійское, Азовское и Черное море составляли одно средиземное море между Европою и Азіей» (стр. 10), не имѣетъ ровно никакихъ основаній. Я не упомянулъ бы, впрочемъ, объ этой частности, если бы она въ послѣднее время не дала поводъ къ одной фантастической попыткѣ опредѣлить «мѣсто первоначальнаго обособленія славянскаго племени и направленіе его движеній по отношенію къ Черному морю»[1])—попыткѣ, будто бы «основанной на данныхъ филологіи», на самомъ же дѣлѣ рѣшительно не имѣющей съ послѣдними ничего общаго... Съ большою вѣроятностью первоначальнымъ обиталищемъ обособившихся славянъ авторъ считаетъ мѣстность Южной Руси и преимущественно днѣпровскаго бассейна. Есть данныя, говорящія прямо въ пользу сей мысли. Одно, между прочимъ, очень любопытное, было указано въ послѣднее время проф. Гатталой, именно постоянство во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ выраженія «черна-земля», указывающее, что оно принадлежало славянамъ еще въ эпоху ихъ нераздѣльности и образовалось въ «полосѣ чернозема», т. е. въ Южной Руси (см. «Brus jazyka českého» p. 23—27). Кромѣ *понтійской*—*основною вѣтвью* первоначальныхъ славянъ авторъ считаетъ и *балтійскую*... Правда, на балтійскомъ поморьѣ славяне являются со временъ незапамятныхъ; но утверждать, что древность ихъ балтійскаго мѣстопребыванія равняется древности мѣстопребыванія понтійскаго—запрещаютъ многія обстоятельства, которыхъ никакъ нельзя устранить ироническими отзывами о «притязаніяхъ нѣмецкой учености» (стр. 27)... Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣшеніе Шафарика, Шельца и др. насчетъ относительно поздняго занятія славянами балтійскихъ земель—нуждается во многихъ поправкахъ, ограниченіяхъ и вообще въ пересмотрѣ, но нельзя

1) Рѣчь А. Некрасова. Каз. 1879.

сомнѣваться и въ томъ, что нѣмецкое заселеніе европейскаго сѣвера, Даніи, Скандинавскаго полуострова и даже Литвы — случилось ранѣе пришествія славянъ въ балтійскія земли. Древнѣйшія извѣстія о торговлѣ янтаремъ — по своей неопредѣленности — ничего не даютъ для утвержденія глубокой древности славянъ на балтійскомъ поморьѣ, кромѣ одного имени венетовъ, имени не славянскаго и не всегда обозначавшаго славянъ. Да и не странно-ли: славяне съ незапамятныхъ временъ ведутъ торговлю янтаремъ, а между тѣмъ не имѣютъ даже собственнаго термина сему предмету, ибо всѣ извѣстныя наименованія янтаря принадлежатъ или грекамъ (ἤλεκτρος), или нѣмцамъ (glaesum, glas, Bernstein brennstein), или Литвѣ (jentaras), или народамъ востока, но не славянамъ, которые пользовались названіемъ литовскимъ... Вообще, дѣло съ «славянскимъ янтаремъ» заслуживало бы такого тщательнаго пересмотра, каковъ сдѣланъ былъ Мюлленгофомъ относительно «янтаря нѣмецкаго»[1]); а до той поры для науки выгоднѣе будетъ позоздержаться отъ рѣшительныхъ заключеній отъ янтаря къ «славянской древности».

«Глубокая древность славянскихъ поселеній на Балтійскомъ «морѣ, по словамъ автора (стр. 33), больше всего можетъ под«тверждаться скандинавскими сагами, которыя много разсказы«ваютъ о ванахъ и венедахъ, вильцахъ — велетахъ, о странѣ «ванагаймъ... Впослѣдствіи героями скандинавскихъ и нѣмец«кихъ преданій становятся гунны съ ихъ царемъ Аттилой. По «всѣмъ видимостямъ — это была только перемѣна звука въ имени «тѣхъ же вановъ—венедовъ, ибо Гуналандъ — земля гунновъ «помѣщается точно также на востокѣ Балтики, гдѣ находилось «царство Аттилы, содержавшее въ себѣ 12 сильныхъ королевствъ. «Все принадлежало ему отъ моря до моря», какъ говорятъ саги, «подтверждая извѣстіе Приска, что Аттила бралъ дань съ остро«вовъ океана, т. е. Балтійскаго моря. Славянство гунновъ ни-

---

1) Müllenhof: Deutsche Alterthumskunde, B. 1870, p. 211 sq.

«чѣмъ не можетъ быть лучше подтверждено, какъ именно этими «сѣверными сагами» (стр. 38).

Здѣсь цѣлый рядъ неточно переданныхъ историческихъ данныхъ и невѣрныхъ отсюда заключеній. «Славянство» вановъ есть чистая гипотеза Суровецкаго и Шафарика, основанная единственно на случайномъ созвучіи словъ Vanir и Vindr. Мнѣніе Я. Гримма (DM. 199), что образы вановъ въ Эддѣ слишкомъ ярко отмѣчены миѳологическимъ характеромъ, чтобы допускать историческое объясненіе — должно остаться во всей своей силѣ. Свидѣтельства скандинавскихъ сагъ о виндахъ, вильцахъ — велетахъ не могутъ служить свидѣтельствами глубокой древности славянъ на балтійскомъ поморьѣ, потому что относятся и указываютъ на очень позднее время, на X—XII столѣтія, почти никогда — на время болѣе раннее. Въ ложной постановкѣ является роль Аттилы и гунновъ въ скандинавскихъ и нѣмецкихъ преданіяхъ: по мысли автора — эти «герои» замѣнили собою прежнихъ вановъ — вендовъ, слегка измѣнившись въ имени... Для такого утвержденія столь же мало основанія, сколько и для самой этимологіи автора.

Ваны не стоятъ ни въ какой связи съ гуннами. *Нѣмецкія и скандинавскія преданія* не только не указываютъ на славянство гунновъ вообще и балтійское ихъ славянство въ частности, но во многихъ статьяхъ свидѣтельствуютъ прямо противъ такого взгляда, потому что съ одной стороны прикрѣпляютъ родъ Аттилы и его царство къ Нидерландамъ и Фризіи, съ другой распространяютъ ихъ и на другія страны, придунайскія и даже италійскія [1]). Это географія и этнологія — миѳическія, рожденныя и выросшія подъ вліяніемъ преданій о грозномъ Аттилѣ и его царствѣ. Понятно, что именами «Hunaland», «Chunigard» могли обозначаться и страны, заселенныя славянами, и русскій

1) Мѣста изъ нѣмецкихъ и сѣверныхъ источниковъ о *Hunaland*'ѣ собраны въ сочиненіи Петерсена: «Ueber die geographische Kenntniss der alten Bewohner des Nordens» въ Lüdde's Zeitschrift für Erdkunde, Bd. VII, стр. 81 sq.

Кіевъ и вся Русь; «quod ibi — какъ объяснялъ схоліастъ къ Адаму (IV, II) — sedes Hunnorum primo fuit»... но пользоваться такимъ наименованіемъ для утвержденія славянства гунновъ — будетъ большою историческою ошибкою, ибо тогда съ одинакимъ правомъ можно было бы напр. утверждать, что русскіе славяне — *происхожденія греческаго*, ибо въ сѣверныхъ источникахъ и у Адама Бременскаго Русь иногда именуется Греціей... Вообще говоря, я не вижу, чѣмъ разъясняетъ балтійско-славянскую и въ частности русскую исторію это привлеченіе къ родству гунновъ: неизвѣстное и темное объясняется еще менѣе извѣстнымъ и темнѣйшимъ, — и въ выводѣ, конечно, получается искусственная гипотеза, столь же темная, запутанная и ненужная...

Древнѣйшіе пути вендскихъ колонистовъ по русской странѣ, поселеніе руси на Нѣманѣ — опредѣляются авторомъ на основаніи извѣстныхъ историческихъ данныхъ и свидѣтельствъ: онъ только даетъ имъ иное направленіе, сообразное съ своими понятіями, такъ сказ. иначе приспособливаетъ ихъ.

Для утвержденія мнѣнія, что область нижняго Нѣмана была заселена славянами, можно требовать болѣе твердыхъ доказательствъ, чѣмъ одни голыя указанія на топографическія наименованія отъ корня *рус*; равнымъ образомъ — позволительно считать «вѣрное» (по автору) толкованіе имени «*пруссовъ*», «*Пруссія*» — этимологіей «*порусcовъ*», «*Порусья*» — не только невѣрнымъ, но и совсѣмъ ложнымъ: выпаденіе звука *о* было бы противъ стремленія языка къ облегченію выговора, а наименованіе со звукомъ *о* не встрѣчается ни въ одной документально засвидѣтельствованной формѣ сего слова; вездѣ стоитъ Pruzzi, Pruzia, Prussia, Prussi, Prutia, Pruci, пруссы, Пруссія и т. д. (Наименованіе Borussia—сюда не идетъ: оно не народное, а книжно-ученое). *Поросье* — форма правильная, но порусы — въ смыслѣ племенномъ — неслыханная и не возможная[1]).

---

1) Mahn: Etymologische Untersuchungen: «Ueber die Ursprung und die Bedeutung der Namens Preussen», B. 1856, c. 1—16.

Колонизація балтійскими славянами Новгородскаго края намъ представляется предположеніемъ весьма вѣроятнымъ, хотя едва ли можно утверждать, что такимъ путемъ произошло общее заселеніе края: промышленно-торговое населеніе шло съ запада, съ моря, а сельское, земледѣльческое — съ юга, по твердой землѣ.

Нова и во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія попытка г. Забѣлина опредѣлить пути, по которымъ шло славянское разселеніе отъ Нѣмана до Бѣлоозера. Указаніе мѣстныхъ именъ славянскаго происхожденія, для правильныхъ историческихъ выводовъ, конечно, имѣютъ нужду еще въ хронологическомъ распредѣленіи, такъ какъ они представляютъ, такъ сказать, сумму многовѣковаго движенія славянскихъ колонистовъ; но во всякомъ случаѣ попытка заслуживаетъ добраго признанія, и цѣна ея несомнѣнно возростетъ, если авторъ — хотя впослѣдствіи — нанесетъ на географическую карту тѣ вѣхи, которыя онъ поставилъ и отмѣтилъ теперь лишь на письменномъ листѣ.

Заключительныя соображенія автора о промышленно-торговомъ характерѣ дѣятельности русскаго сѣвера (ст. 63—79) въ высокой степени замѣчательны и интересны, даже и помимо своего отношенія къ варяго-славянскимъ гипотезамъ автора. Основная мысль указывалась въ русской исторической наукѣ, но сколько знаемъ — нигдѣ съ такою ясностью изложенія и здравымъ толкомъ-разумомъ, какъ у г. Забѣлина. Потому я нахожу не излишнимъ отмѣтить и привести тѣ изъ его соображеній, которыя представляются особенно важными или мѣткими.

Въ дѣятельности промысловой общины скрывается, по мнѣнію г. Забѣлина, наша истинная исторія, начавшаяся очень рано, неизмѣнно продолжавшаяся и въ послѣдующее время, но невидимо «закрытая неугомоннымъ, но для страны бѣдственнымъ шумомъ княжескихъ мелкихъ дѣлъ, старательно изображаемыхъ лѣтописью и принимаемыхъ нами за голосъ самой всенародной жизни».

Великимъ и могущественнымъ типомъ промысловаго города

въ теченіе всей нашей древней исторіи является Новгородъ. Онъ же былъ и зародышемъ нашей исторической жизни. Мы думаемъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ полнымъ выразителемъ тѣхъ жизненныхъ бытовыхъ началъ, которыя съ теченіемъ вѣковъ постепенно наростали и развивались отъ вліянія проходившихъ черезъ нашу равнину торговыхъ связей. Онъ былъ славнымъ дѣтищемъ незнаемой, но очень старой исторіи, прожитой русскою страною безъ всякаго такъ называемаго историческаго шума.

Исходную точку торговой и промышленной дѣятельности русскаго сѣвера авторъ находитъ не на новгородской почвѣ и не у норманновъ, а на южномъ побережьи Балтійскаго моря, у вендскихъ славянъ, которые принесли къ намъ и начала гражданственности совершенно иныя, чѣмъ приносили обыкновенно норманны.

«Исторія Новгорода показываетъ, что этотъ промышленный нравъ, эта необыкновенная предпріимчивость и горячая бойкая подвижность едва ли могли народиться и воспитаться внутри страны, выйти, такъ сказать, изъ собственныхъ домашнихъ пеленокъ».

«Ильменскій словѣнинъ постоянно думаетъ о моряхъ и, живя вблизи Балтійскаго моря, хорошо знаетъ дорогу и въ Черное, такъ что увѣковѣчилъ своими именами даже Днѣпровскіе пороги, по которымъ слѣдовательно плавалъ, какъ по давнишнему проторенному пути. Онъ больше всего думаетъ о Царе-Градѣ, о всемірной столицѣ тогдашняго времени; но не меньше думаетъ и о хозарахъ, гдѣ арабы сохраняютъ его имя въ названіи главной славянской рѣки (Волги, а также и Дона), въ названіи даже черноморской страны славянскою, при чемъ и волжскіе болгары и самые хозары являются какъ бы на половину славянами. Такъ широко распространялось славянское имя и по Каспійскому морю. Вообще должно сказать, что морская предпріимчивость славянъ уже въ IX в. обнимаетъ такой кругъ торговаго промысла, который и въ послѣдующія столѣтія не былъ обширнѣе,

и затѣмъ постепенно даже сокращался. Ясно, что это добро было нажито многими вѣками прежней, незнаемой исторіи. Возможно ли, чтобы эта обширная мореходная предпріимчивость зародилась сначала только въ предѣлахъ Ильменя озера и оттуда перешла на ближайшія, а потомъ и на далекія моря, распространившись вмѣстѣ съ тѣмъ и по всей равнинѣ. Намъ кажется, что этотъ морской нравъ ильменскихъ славянъ, которымъ ознаменованы всѣ начальныя предпріятія русской земли, зародился непремѣнно гдѣ-либо тоже на морскомъ берегу, или по крайней мѣрѣ воспитывался и всегда руководился самыми близкими и постоянными связями съ моремъ. Большое озеро или большая рѣка внутри равнины, каковы были Ильмень для Новгорода и Днѣпръ для Кіева, если и развиваютъ въ людяхъ извѣстную отвагу и предпріимчивость, то все-таки ограничиваютъ кругъ этой предпріимчивости предѣлами своей страны. Все, что могъ выразить Кіевъ въ своемъ положеніи, это — только служить проводникомъ къ морю, что онъ и исполнилъ съ великою доблестью. Но морская жизнь въ ея полномъ существѣ не была ему свойственна, не могла въ немъ развить характеръ истиннаго поморянина. То же должно сказать и о Новгородѣ.

«Поэтому весьма трудно повѣрить, чтобы русская морская отвага первыхъ вѣковъ народилась и развилась изъ собственныхъ, такъ сказать, материковъ началъ жизни. Поэтому очень естественнымъ кажется, что первыми водителями русской жизни были именно норманны, какъ говорятъ, единственные моряки во всемъ свѣтѣ и во всей средневѣковой исторіи... Но исторія на ряду съ норманнами, очень помнитъ другое племя, ни въ чемъ имъ не уступавшее, и даже превосходившее ихъ всѣми качествами не разбойной, но промышленной, торговой и земледѣльческой жизни.

«Какъ на западѣ были важны норманны, въ той же степени велики были для востока — варяги-славяне, обитатели южнаго балтійскаго побережья.

«И тамъ и здѣсь люди моря, отважные мореходы, вносятъ

новыя начала жизни. Но только въ этомъ обстоятельствѣ и оказывается видимое сходство историческихъ отношеній. Затѣмъ, во всѣхъ подробностяхъ дѣла идетъ полнѣйшее различіе. Тамъ— эти моряки завоевываютъ землю, дѣлятъ ее по феодальному порядку, вносятъ самодержавіе, личное господство и коренное различіе между завоевателемъ и завоеваннымъ, образуютъ два разряда людей—господъ и рабовъ, совсѣмъ отдѣляютъ себя отъ городскаго общества, и на этихъ основахъ развиваютъ дальнѣйшую исторію, которая даже и въ новыхъ явленіяхъ осязательно раскрываетъ свои начальные корни.

«Наши русскіе варяги, какъ славяне, наоборотъ, вовсе не приносятъ къ намъ этихъ благъ норманскаго завоеванія. Они являются къ намъ съ своимъ славянскимъ добромъ и благомъ. Какъ отважные моряки, они приносятъ намъ промысловую и торговую подвижность и предпріимчивость, стремленіе проникнуть съ торгомъ во всѣ края нашей равнины. Это добро главнымъ образомъ и служитъ основаніемъ для пристройки русской народности и русской исторіи. Затѣмъ, они приносятъ однородный нравъ и обычай, однородный языкъ, однородный порядокъ всей жизни; никакого дѣленія земли, никакого раздѣленія на господъ и рабовъ, никакой обособленности отъ городской общины и т. д. Все это, какъ однородное и хотя бы по характеру мѣстъ нѣсколько различное, сливается въ одинъ общій историческій потокъ и пришельцы совсѣмъ исчезаютъ въ немъ, не оставляя яркихъ слѣдовъ и способствуя только быстротѣ развитія первоначальной русской славы и исторіи» (стр. 63—73).

Изъ всего сказаннаго мною доселѣ ясно, что историческое достоинство *первой главы* II т. сочиненія г. Забѣлина— неравномѣрно: тамъ, гдѣ авторъ имѣетъ дѣло съ отдаленною древностью, онъ является не столько изслѣдователемъ, сколько адвокатомъ своей теоріи, подбирающимъ все то, что̀, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ въ пользу ея, при чемъ не всегда имѣетъ въ виду требованія исторической и лингвистической критики: есть неправильныя объясненія свидѣтельствъ, есть невозможныя

этимологіи (кромѣ указанныхъ выше: *вар-я-гъ* производится отъ *вар-іа-ю* (34, 66), несмотря на несогласную разницу въ звукахъ; *свевы* этимологически отожествляются со *славянами* (51), *анты съ вендами*, *вятичами = уннами = ванами* (стр. 61). Въ пучинѣ темныхъ народовъ и смѣшенія языковъ авторъ видимо теряется, а потому и изложеніе его производитъ смутное, затрудняющее впечатлѣніе...; но какъ скоро онъ изъ царства тѣней и мрака выходитъ на болѣе твердую дорогу, какъ въ только что приведенныхъ нами его созерцаніяхъ, такъ мы снова встрѣчаемся съ тою ясностью мысли и изложенія и съ тѣми историческими достоинствами, которыя русская наука давно и достойно оцѣнила въ авторѣ «Домашняго быта русскихъ царей» и иныхъ многихъ замѣчательныхъ историческихъ изслѣдованій...

Со второй главой авторъ выходитъ въ положительную исторію: онъ разсматриваетъ «начало русской самобытной исторической жизни»: поселеніе Новгорода и его топографію (разумѣется, сообразно съ теоріей славяно-варяжской колонизаціи его), говоритъ объ устройствѣ новгородской жизни до призванія князей и отсюда прямо выходитъ къ «изгнанію» варяговъ и «призванію» варяго-руссовъ. По его мнѣнію «изгнанные варяги» были—оботриты, а «призванные» — ругенцы—велеты... «Призваніе» вытекало изъ требованій *суда* и *ряда* и власти. Передавая свѣдѣнія о томъ, какъ должны были итти начальныя дѣла перваго времени, «лѣтопись въ лицѣ Рюрика рисуетъ свои понятія о значеніи для земли князя, о его правахъ владѣть землею, о его обязанностяхъ воевать, городки рубить, сажать въ нихъ своихъ мужей, раздавать волости мужамъ...» Съ Аскольдомъ и Диромъ авторъ переходитъ на югъ, въ Кіевъ, указываетъ на важное значеніе мѣстности для исторической жизни Руси, особенно въ отношеніи торговой и промышленной дѣятельности, какъ центра или сборнаго мѣста промысловой жизни всего сѣвера, мѣста, «передвигавшаго эту жизнь и прямо на югъ, въ греческій Царьградъ и на юго-востокъ къ древнему Танаису-Воспору и къ берегамъ

Каспія въ страну хозаръ...» Съ образованіемъ или «усѣстомъ» варяжской дружины въ Кіевѣ, послѣдній обнаруживаетъ «задатки совсѣмъ иного развитія, чѣмъ было прежде въ родовомъ или промысловомъ городкѣ»; въ немъ появляется «то завоевательное, военно-дружинное начало, которое впослѣдствіи охватило всю землю и покрыло своею славою прежнія, только союзныя и промысловыя отношенія земли, какія развивалъ съ давняго времени по преимуществу одинъ Новгородъ...» Старѣйшина Новгородъ не могъ остаться равнодушнымъ къ усиленію Кіева и самостоятельному отчужденію его: это мѣшало свободному теченію всей сѣверной жизни, а потому, выражаясь словами автора, онъ «собравши варяговъ и военныя дружины подвластныхъ или союзныхъ городовъ чуди, славянъ, мери, веси, кривичей—переселился торжественнымъ походомъ на южный конецъ большой дороги, поближе къ тому великому всемірному торжищу, къ которому и былъ проложенъ этотъ завѣтный путь «изъ варягъ въ греки»...

Знакомый съ дѣломъ замѣтитъ, что сей отдѣлъ «Исторіи русской жизни» не бѣденъ новымъ содержаніемъ, конечно не въ отношеніи матеріала, а въ объясненіи его... Мною представленъ лишь общій сухой скелетъ его; но есть у автора не мало частныхъ мыслей — соображеній, которыя на мой взглядъ очень удачны и составляютъ «приращеніе» русской исторической науки... Они заслуживаютъ быть указаны.

Таково, прежде прочаго, мнѣніе, что «Кіевъ не былъ городомъ какого-либо одного племени, а народился (я сказалъ бы: выросъ) изъ сборища всякихъ племенъ, изъ прилива вольныхъ промышленниковъ и торговцевъ отъ всѣхъ окрестныхъ городовъ и земель»... Авторъ нѣсколько переходитъ границу исторической дѣйствительности, когда говоритъ, что такимъ Кіевъ былъ «*съ самаго своего зарожденія*»; но мысль его—совершенно вѣрна въ отношеніи эпохи роста и расширенія города.

Хотя и трудно согласиться съ тѣмъ аллегорическимъ толкованіемъ, какое даетъ авторъ преданію «о перевозчикѣ

Кій» [1]), но высказанныя имъ по этому поводу соображенія о судоходной, рѣчной и морской дѣятельности русскихъ племенъ, жившихъ по Днѣпру — вполнѣ справедливы: «ихъ морскіе походы, говоритъ нашъ авторъ, вызывались самымъ положеніемъ мѣстности, на которой онъ жилъ и, конечно — торговыми связями съ греками, равно какъ и враждебными отношеніями и къ грекамъ и другимъ приморскимъ сосѣднимъ народамъ...; во всей той исторіи, тянувшейся болѣе тысячи лѣтъ, норманнамъ вовсе не остается никакого мѣста. Если въ 9 и 10 вв. они и плавали по нашимъ рѣкамъ, то все-таки при посредничествѣ нашихъ же пловцовъ и въ полной зависимости отъ нашихъ же хозяевъ земли. Притомъ плаванье на лодкахъ по морю еще не столько отважно и значительно, какъ переправа съ большимъ караваномъ именно чрезъ днѣпровскіе пороги. Здѣсь была необходима особая школа, которая могла возродиться только вѣками и усиліями цѣлаго ряда поколѣній. Никакая вновь пришедшая дружина норманновъ и какихъ бы то ни было мореходовъ — не могла руководить этою переправою, по простой причинѣ — по незнанію всѣхъ мѣстныхъ подробностей и обстоятельствъ плаванія. Знакомство же съ этими обстоятельствами пріобрѣталось не иначе, какъ опытомъ цѣлой жизни, при помощи всякаго наука отъ старыхъ пловцовъ, при помощи живыхъ преданій отъ поколѣнія къ поколѣнію... Кто же другой могъ быть такимъ знающимъ вождемъ въ этой (трудной) переправѣ, какъ не живущее здѣсь же племя туземцевъ...? «Какой другой мореходный народъ» могъ знать всѣ камни и омуты и всѣ извилистыя быстрины этого порожистаго потока, какъ не тотъ самый, для котораго переправа чрезъ пороги съ незапамятнаго

---

1) «Сказаніе о перевозникѣ, быть-можетъ, еще вѣрнѣе обозначаетъ древнѣйшее значеніе Кіева для всей Русской страны. Какъ перевозникъ, Кіевъ былъ посредникомъ сношеній западной стороны Днѣпра съ восточною, то есть съ Дономъ, Волгою и Каспіемъ; но въ то же время, какъ перевозникъ, онъ на самомъ дѣлѣ былъ посредникомъ и пособникомъ въ сношеніяхъ далекаго сѣвера съ черноморскимъ югомъ и, въ качествѣ такого посредника — всегда былъ принимаемъ въ Цареградѣ съ немалою почестью»... (стр. 98).

времени составляла задачу существованія, главнымъ образомъ задачу промышленной и торговой жизни?

«Въ этомъ смыслѣ преданіе о первомъ человѣкѣ Кіева справедливо разумѣетъ въ немъ перевозчика на тотъ берегъ и къ Каспію отъ западныхъ земель, и къ Цареграду отъ нашихъ верхнихъ земель. Въ этомъ смыслѣ, какъ перевозчикъ Кіевъ пріобрѣтаетъ особое значеніе для древне-русской жизни вообще. Онъ является главнѣйшимъ посредникомъ торговыхъ сношеній сѣвера съ югомъ и запада съ востокомъ по той особенно причинѣ, что въ своихъ рукахъ держитъ всю работу опасной переправы къ Царьграду, что несетъ на своихъ плечахъ всѣ тягости этой трудной переправы и свободно отворяетъ ворота изъ всей русской земли въ самый Царьградъ...»

Объясненіе мѣстнаго преданія *о Кіѣ перевозчикѣ* такимъ широкимъ и притомъ ясно сознаннымъ смысломъ объ историческомъ значеніи Кіева имѣетъ, конечно, болѣе поэтическій, чѣмъ научный характеръ (едва ли напр. можно думать о какомъ-нибудь участіи кіевлянъ въ переправѣ черезъ пороги); но главная мысль автора отъ этого не страдаетъ и не теряетъ своей цѣнности.

Въ меньшей степени можно раздѣлять мысль автора о томъ, что съ развитіемъ походовъ чрезъ пороги въ Кіевѣ необходимо должна была возникнуть и военная дружина, потому что кіевскіе лодочники-перевозчики необходимо должны были къ своему товариществу весла присоединить и товарищество меча... Послѣднее вполнѣ справедливо, но вовсе не составляло необходимаго условія для перваго: дружина въ Кіевѣ могла образоваться и независимо отъ этого, для цѣлей ли защиты отъ обидящихъ сосѣдей, или съ цѣлями добычи, пріобрѣтаемой сухими путями.

Еще менѣе причинъ согласиться съ предположеніями автора о томъ, что «варяги изгнанные» были оботриты, а «варяги призванные» — велеты... Для такого утвержденія нѣтъ никакихъ данныхъ, и тѣ «наведенія», какими руководствуется авторъ, вытекаютъ изъ необходимости какъ-нибудь объяснить дѣло, а не изъ

историческихъ данныхъ: что велеты съ половины 9-го вѣка «умолкаютъ» на Западѣ,—это вовсе не потому, что дружины ихъ ушли на Востокъ, и сосредоточились въ Кіевѣ, а потому что западные лѣтописцы чаще называютъ ихъ не частнымъ, а общимъ именемъ «славянъ» или «венедовъ», да къ тому же они вовсе и не «умолкаютъ», а много разъ упоминаются въ X, XI, XII вв. Далѣе — мнѣніе, что рюгенцы принадлежали къ племени велетовъ, также не имѣетъ исторической опоры: скорѣе всего это были *поморяне*, племя отличное отъ велетовъ и отличаемое въ источникахъ. Такимъ образомъ одно изъ двухъ: или «призванные варяги» были отъ велетовъ, тогда рюгенцы—не при чемъ, а съ ними и авторовы руги, роги, росы, руссы; или были призваны послѣдніе,—тогда разысканія о велетахъ напрасны.

Столь же мало состоятельно мнѣніе, что въ числѣ причинъ для новгородскаго занятія Кіева и убійства Аскольда и Дира было христіанство послѣднихъ и ихъ мнимое руководительство въ распространеніи новой вѣры (стр. 118). Кажется, что предъ авторомъ здѣсь незамѣтно носился образъ религіозной нетерпимости у балтійскихъ славянъ..., но тамъ была на то уважительная политическая причина, а у новгородцевъ ея не было и быть не могло... Безъ особыхъ причинъ—язычество вообще не бывало нетерпимымъ...

Изложеніе топографіи Новгорода не мало выиграло бы, если бы пояснялось приложеніемъ плана. Здѣсь, къ слову о топографіи Новгорода, не могу не высказать одного недоумѣнія: «варяжское» мѣсто въ Новгородѣ очень незначительно, почти незамѣтно... Какимъ образомъ могло статься это, когда весь Новгородъ, по предположенію автора, былъ *варяжскій*, т. е. основанъ славянскими варяго-руссами?! Одно изъ указаній противъ славянства варяговъ...

Глава третья излагаетъ дѣла Олега и Игоря и главнымъ образомъ ихъ отношенія къ грекамъ; походы въ Византію, договоры съ нею, разсматриваетъ тексты послѣднихъ въ смыслѣ историческихъ памятниковъ (источниковъ) русской гражданствен-

ности, т. е. на сколько отражаются въ нихъ черты общественнаго и политическаго быта Руси той эпохи; говоритъ о походахъ и набѣгахъ руси на востокъ, на уличей и на древлянъ и заканчиваетъ смертью Игоря.

Изложеніе представляетъ критикѣ менѣе поводовъ къ разногласіямъ общаго характера, но въ частностяхъ она найдетъ ихъ довольно, и иногда такихъ, къ которымъ должна отнестись съ неодобреніемъ. Укажемъ важнѣйшее. Таково — прежде прочаго — объясненіе *имени Олегъ и Игорь*. Олегъ, по его мнѣнію, значитъ «освободитель», «ибо его корень лег-кій, льгъ-чити, о-льгъ-чити, означаетъ льг-оту, во-лг-оту въ смыслѣ свободы, об-лег-ченія отъ тягостной жизни податной, покоренной; облегченіе отъ даней, отъ налоговъ, отъ работы (стр. 124). Авторъ, какъ кажется, думаетъ, что Олегъ былъ такъ названъ за свои дѣянія... Оставляя, пока, въ сторонѣ эту *особенность* (ибо имя вездѣ и у всѣхъ дается или при рожденіи, или малый періодъ времени спустя), я спрошу: что за грамматическая форма «Олегъ» съ точки. зрѣнія русской этимологіи автора? Звукъ *о*, по его мнѣнію, есть *приставка*, предлогъ..., а *льз* что такое? По смыслу слѣдовало бы ожидать причастія дѣйствительнаго или «имени дѣйствователя», а стоитъ чистый корень, осложненный предлогомъ... Во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ мы не знаемъ ничего аналогическаго такому явленію, а потому вчѣемъ право признать эту этимологію невозможною, фантастическою. Еще несостоятельнѣе попытка объяснить имя «Игоря» «по смыслу многихъ, очень важныхъ обстоятельствъ его жизни» фантастическимъ наименованіемъ «*Горяя*», которымъ будто бы «прозывали у насъ людей несчастливыхъ, злосчастныхъ» (стр. 142). Если бы книга автора не была изъ конца въ конецъ проникнута задушевною искренностью, мы подумали бы, что онъ допустилъ здѣсь иронію или шутку; ибо если Игорь былъ такъ названъ за свою несчастную судьбу, то выходитъ, что *ему нарекли имя по его смерти;* ибо нельзя же полагать, что наименованіе сіе (а равно и

наименованіе Олега) были только народными прозвищами, а не настоящими собственными именами.

Мало вѣроятна мысль, что Олегъ былъ прозванъ «*вѣщимъ*» — болѣе всего за мирный договоръ свой съ греками: «вѣдовство» обозначаетъ иную мудрость, чѣмъ мудрость купца-воина. Гораздо ближе думать, что это прозвище взято изъ области народнаго поэтическаго творчества объ Олегѣ, творчества, разбросанные слѣды котораго въ лѣтописи не подлежатъ сомнѣнію.

Нѣтъ рѣшительно, по нашему мнѣнію, надобности для объясненія *укладовъ на города русскіе* (положенныхъ Олегомъ на грековъ) призывать «времена Роксоланскія» и думать, что это преданіе присвоено народной былиной отъ Роксоланъ — Олегу (стр. 187)... Ничто не препятствуетъ видѣть въ сихъ укладахъ историческую дѣйствительность.

Изложеніе быта и русской гражданственности по договорамъ получило бы, на нашъ взглядъ, болѣе цѣны и ясности, если бы авторъ вмѣсто переводныхъ извлеченій съ толкованіями — представилъ бы историческія данныя въ сводномъ, распредѣленномъ, систематическомъ порядкѣ, подобно тому, какъ это сдѣлано въ извѣстномъ изслѣдованіи пок. Срезневскаго.

Мнѣніе, что «договоръ Олега носитъ въ себѣ слѣды того договора, какой могъ быть заключенъ еще при Аскольдѣ» (стр. 189) — оригинально, и само по себѣ — вѣроятно; но для утвержденія своего имѣетъ нужду въ иныхъ доказательствахъ, чѣмъ указаніе на общее соотвѣтствіе историческаго факта, отмѣченнаго Фотіемъ съ первою статьею договора. Впрочемъ, быть-можетъ, я приписываю автору то, чего онъ не думалъ: я разумѣю его выраженіе о договорѣ при Аскольдѣ въ смыслѣ существованія *письменнаго юридическаго акта*... Если же онъ думалъ здѣсь о простыхъ устныхъ условіяхъ какихъ, то они несомнѣнны и по ходу дѣлъ, и изъ Фотіева «окружнаго посланія».

Главы четвертая и пятая содержатъ въ себѣ весьма одушевленно изложенное повѣствованіе объ Олегѣ и Святославѣ. И здѣсь, какъ прежде, къ общеизвѣстному авторъ сумѣлъ при-

бавить нѣсколько новыхъ чертъ и соображеній, которыя заслуживаютъ полнаго признанія. Въ изображеніи Ольги — за лѣтописью авторъ слѣдуетъ народному преданію и не пытается отдѣлить строго-историческую дѣйствительность отъ поэзіи, которою народное чувство и фантазія облекли «русскую женщину первыхъ временъ....» По нашему пониманію — пріемъ вполнѣ правильный: ибо допустивъ даже почти невозможное, именно что исторической критикѣ удастся высвободить нагую дѣйствительность изъ-подъ поэтической оболочки, — мы получимъ въ выводѣ очень немного: сухой скелетъ дѣйствительности, образъ историческаго формализма, но не образъ живой исторіи, какую переживаютъ общества и народы. Отымите изъ повѣсти объ Ольгѣ народное историко-поэтическое начало, и вы не выиграете ниже іоты для историческаго знанія; мало того — вы нарушите высшую историческую правду народнаго пониманія. Впрочемъ, это вопросъ общихъ историческихъ принциповъ, поставленный со временъ Нибура, но едва ли и въ настоящее время могущій назваться окончательно рѣшеннымъ.... Я коснулся его только затѣмъ, чтобы выразить справедливое одобреніе пріемамъ автора, который даетъ силу народному преданію, хотя бы оно и отсвѣчивалось поэтической окраской.... Но сходясь въ общемъ, признавая и мѣткость многихъ бытовыхъ объясненій автора, я рѣшительно долженъ разойтись съ нимъ въ двухъ-трехъ частныхъ примѣненіяхъ сего историческаго пріема. Такъ напримѣръ, онъ допускаетъ слѣдующую романическую прибавку къ древнему преданію: «Древлянскій князь, въ ожиданіи невѣсты (т. е. Ольги, по отправленіи втораго посольства къ ней), устраивалъ веселіе къ браку и часто видѣлъ сны: вотъ приходитъ къ нему Ольга и даритъ ему многоцѣнныя одежды, червленыя, всѣ унизаны жемчугомъ, а одѣяла червленыя съ зелеными узорами, и ладьи осмоленыя, въ которыхъ понесутъ на свадьбу жениха и невѣсту.....». Или, Ольга говоритъ у него древлянамъ: «Вы изнемогли въ осадѣ. Нѣтъ у васъ теперь ни меду, ни мѣховъ. Хочу взять отъ васъ дань на жертву богамъ, а мнѣ на исцѣленіе головной бо-

лѣзни, — дайте отъ двора по три голубя и по три воробья. Тѣ птицы у васъ есть, а по другимъ мѣстамъ я повсюду собирала, да нѣтъ ихъ! И то вамъ будетъ дань изъ рода въ родъ....» Всѣ сіи романическія раскрасы и прибавки, совершенно не извѣстныя древней лѣтописи, взяты авторомъ изъ «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго», т. е. изъ произведенія, основа котораго хотя и древняя, но тотъ видъ и та форма, въ какихъ онъ изданъ кн. Оболенскимъ (М. 1851), несомнѣнно принадлежатъ къ позднѣйшему времени литературно-романическихъ украшеній. Вносить изъ такого источника въ древнее преданіе прибавки, будутъ ли онѣ привлекательны и вѣроятны, какъ сны кн. Мала, будутъ ли онѣ чудовищно нелѣпы, какъ ссылка Ольги на головную болѣзнь свою и на то обстоятельство, что другія племена не имѣютъ воробьевъ и голубей — одинаково невозможно. Иначе, почему же не внести и всякія другія прибавки, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ русской исторической литературѣ XVII—XVIII в.? Утверждать, то лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго сохранилъ древнія черты преданія — нѣтъ ни малѣйшаго основанія.... Равнымъ образомъ, не вижу я, чѣмъ руководился авторъ, утверждая, что въ *великую и глубокую яму*, куда ввергнуты были первые послы древлянъ — *«насыпанъ былъ горящій дубовый уголь....»*. Объ этомъ, сколько знаю, не упоминается ни въ одномъ источникѣ. Къ такому утвержденію автора подвигли, какъ кажется, *нѣкоторыя* данныя «могильной древности»; но не говоря уже о томъ, что сіи данныя или сей обычай самъ нуждается въ правильномъ объясненіи, — заставлять Ольгу слѣдовать сему обычаю въ мести древлянамъ — совершенно произвольно.... Это — снова *раскраска*, только — изъ археологическаго источника!

Обстоятельнѣе, чѣмъ находимъ мы у другихъ русскихъ историковъ, описаны зданія и устройство цареградскаго двора и пріемъ въ немъ русской княгини.... Желательно было бы только имѣть и указаніе на источники въ описаніи перваго....

Не должна пройти незамѣченною и слѣдующая любопытная археологическая замѣтка автора: «Въ числѣ бытовыхъ поряд-

ковъ, сопровождавшихъ разныя обстоятельства этого событія, обращаетъ вниманіе ношеніе дорогихъ гостей въ лодкахъ. Мы не думаемъ, чтобы эти ладьи являлись здѣсь только сказочною прикрасою. Видимо, что онѣ употреблялись, какъ и сани, въ качествѣ почетныхъ носилокъ, когда требовалось дѣйствительно оказать кому-либо высокую почесть. Могло случаться, что, при особомъ торжествѣ, въ лодкахъ вносились прямо съ берега въ городъ любимые люди и особенно любимые князья. Лодками дарила Ольга князя Мала, какъ онъ видѣлъ во снѣ, и именно для того, чтобы въ нихъ нести его съ невѣстою на бракъ. Изъ этой отмѣтки видно, что лодка и въ свадебномъ обрядѣ занимала свое мѣсто. У людей, проводившихъ бо́льшую часть жизни на водѣ, жившихъ постоянно въ лодкѣ, каковы были первые руссы, лодка очень естественно въ необходимыхъ случаяхъ могла замѣнять сухопутную колесницу или носимый чертогъ и потому могла получить обрядовое значеніе. Въ лодкѣ же язычники руссы хоронили (сожигали) своихъ покойниковъ, какъ видѣлъ арабъ Ибнъ-Фоцланъ. Можно полагать, что память о языческихъ обрядахъ погребенія заставила уже въ христіанское время покрыть убитаго и брошеннаго между двумя колодами князя Глѣба тоже лодкою, что́ соотвѣтствовало какъ бы исполненному погребенію» (стр. 177—8).

Въ (очень обстоятельномъ) изображеніи дѣятельности Святослава обращаетъ на себя вниманіе толкованіе, какое даетъ ей авторъ. Приведя слова Святослава о Переяславцѣ: «не любо ми есть въ Киевѣ быти» и т. д....., онъ говоритъ, что «Кіевскій князь, быть-можетъ, повторяетъ рѣчи новгородскаго князя Олега, точно также не полюбившаго Новгородъ и переселившагося въ среду Русской земли, въ Кіевъ; теперь Новгородъ хочетъ переселиться на Дунай въ *среду* земли своей.... Чья это мысль? Одного ли Святослава, или общая мысль Руси, искавшей лучшаго гнѣзда для торговъ? Повидимому здѣсь высказывается старозавѣтная задача русской жизни — итти туда, гдѣ сильный торгъ и промыселъ. И потому еще неизвѣстно, былъ ли Свято-

славъ завоевателемъ, или онъ былъ орудіемъ другихъ идей, распространявшихъ себѣ поле дѣйствія сначала на Днѣпрѣ, потомъ на Каспіѣ, на Киммерійскомъ Воспорѣ, и наконецъ на устьяхъ Дуная, которыя оказываются даже середою чьей-то земли? (стр. 114). «Кто же отыскиваетъ эту середу своей земли? Можно было бы приписывать это только мечтамъ Святослава, если бы передъ нимъ впередъ не прошелъ по тому же направленію Олегъ. Мы думаемъ, что эта мысль отыскать середу для своей земли на самомъ выгодномъ торговомъ перекресткѣ принадлежитъ самому народу, той его предпріимчивой долѣ, которая стояла впереди и смотрѣла съ Кіевскихъ горъ дальше, чѣмъ смотрѣли другіе. Дунайская среда приближалась къ самому средоточію тогдашней всемірной торговли, къ Византіи; слѣдовательно она не въ мечтѣ, а на самомъ дѣлѣ была бы истиннымъ средоточіемъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ Руси. Кому нужны были торговые договоры съ греками, тѣмъ же людямъ необходимы были не только чистые пути во всѣ стороны, но и выгоднѣйшіе перекрестки или средоточія этихъ путей. Въ этомъ случаѣ Святославъ вовсе не былъ рядовымъ завоевателемъ, но былъ только достойнымъ выразителемъ далекихъ стремленій и смѣлыхъ побужденій самой земли....» (стр. 245—6). «Вся жизнь его была однимъ безпрерывнымъ походомъ, но напрасно думаютъ, что это былъ искатель приключеній, задорный волка, въ родѣ какого-нибудь славнаго разбойника по норманскому образцу. Его войны были исполнены великаго значенія для Русской земли. Онъ воевалъ для утвержденія русской силы, для распространія русскаго могущества, именно на торговыхъ путяхъ.... Онъ прочищалъ торговыя дороги, широко отворялъ ворота русскому промыслу. Въ самой Болгаріи ему особенно полюбилось только устье Дуная, гдѣ находились торговыя ворота отъ богатыхъ прикаспійскихъ и придунайскихъ земель. Онъ не хотѣлъ забираться внутрь болгарской страны, чего не оставилъ бы безъ вниманія простой, такъ сказать рядовой завоеватель. Ему главнымъ образомъ надобенъ былъ берегъ моря, хорошая, безопасная, скрытая отъ

враговъ пристань. А таковъ и былъ Дунайскій Переяславецъ» (стр. 244).

Этими словами автора, на нашъ взглядъ, опредѣляется очень вѣрно историческій смыслъ и значеніе дѣятельности Святослава.... Но одно ограниченіе—допустить необходимо: это, такъ сказать, безсознательное отношеніе кіевскаго князя къ такой политикѣ: ничто не обличаетъ въ немъ торгово-политическихъ расчетовъ, и если онъ дѣйствовалъ для нихъ, то въ полномъ смыслѣ слова, какъ безсознательное орудіе земской силы.... По своей природѣ онъ всего менѣе былъ политикъ и всего скорѣе «совершенный образецъ....» — если не норманна, то вообще *воина* въ сѣверномъ смыслѣ.... Преданіе, заставляющее его презирать золото и греческіе дары и облюбить оружіе — прямо указываетъ въ немъ не политика-торговца, а воина, хотя онъ и не былъ равнодушенъ къ «благамъ» міра того.... Самъ г. Забѣлинъ признаетъ, что Святославъ былъ выразителемъ стремленій и побужденій самой земли, но, кажется, онъ при этомъ даетъ ему значеніе «выразителя сознающаго, руководящаго....». А такую роль трудно согласить съ историческими данными.... Во всякомъ случаѣ, мысль г. Забѣлина очень замѣчательна и, при указанномъ ограниченіи, превосходно объясняетъ стремленіе Руси къ Дунаю.... Постановку кумировъ русскихъ боговъ въ Кіевѣ авторъ наклоненъ объяснить какимъ-то видимымъ выраженіемъ торжества языческой религіи и мысли, подъемомъ языческой жизни.... Этимъ же объясняется, по его мнѣнію, и жертвенное убійство двухъ варяговъ.... Для такой догадки я не вижу достаточныхъ основаній.... Болѣе вѣроятною мнѣ представляется догадка (которую, надѣюсь, раздѣлитъ авторъ), что постановка кумировъ въ Кіевѣ была только устроеніемъ религіознаго культа по тѣмъ образцамъ, которые Владимиръ могъ видѣть у балтійскихъ славянъ, а жертвоприношеніе варяговъ, быть-можетъ, подражаніемъ тѣмъ же образцамъ.... Впрочемъ, я не могу вчистую отвергнуть и того объясненія, которое видитъ здѣсь книжный вымыселъ: мнѣ кажется, что разсказъ о двухъ варягахъ можетъ

быть понимаемъ, какъ старое *варяжское преданіе*, перенесенное на русскую почву и переданное въ русской книжной оболочкѣ. Жертвы людьми у озлобленнаго племени балтійскихъ славянъ были не рѣдки: припомнимъ только, что въ 1066 году въ Мекленбургѣ были принесены въ жертву Редигасту многіе христіане и во главѣ ихъ архіепископъ, носившій *то же самое* имя, что́ и нашъ варягъ, имя *Іоана* (Adami brem. Ges. III, 50). Въ заключеніе разбора *пятой* главы «Исторіи русской исторіи» не могу не дать мѣста одному картинному сопоставленію, гдѣ авторъ съ искусствомъ истиннаго художника и съ тонкимъ историческимъ пониманіемъ разсуждаетъ о Византіи и Руси по поводу свиданія Святослава съ Цимисхіемъ....

«На берегу Дуная съѣхались посмотрѣть другъ на друга двѣ власти, руководительницы двухъ различныхъ земель. Одна уже создавшая и державшая громадное и богатѣйшее государство, раззолоченная и обремененная ласкательствомъ и поклоненіемъ, аки Богу, вѣчно колеблющаяся, вѣчно трепещущая отъ заговоровъ и предательства, изхитренная до послѣдней мысли, вполнѣ зависимая отъ своихъ милостивцевъ, робкая; но кровожадная, никогда не разбирающая никакихъ злодѣйскихъ средствъ къ своему достиженію.... Другая — еще только искавшая землю для созданія государства и потому съ Ильменя озера перескочившая на Днѣпръ, а теперь овладѣвшая-было Дунаемъ; еще бѣдная, неодѣтая, въ одной сорочкѣ, но безъ обмана, прямая и твердая, вполнѣ зависимая отъ той мысли, что она у своего народа только передовой работникъ, для котораго мечь, какъ и весло — свойское дѣло, лишь бы достигнута была народная цѣль; власть, ничѣмъ себя не отличающая отъ народа, не имѣющая и понятія о божественномъ себѣ поклоненіи, простодушная, какъ послѣдній селянинъ ея земли, жившая въ братскомъ довѣріи къ дружинѣ и ко всей «Землѣ» (стр. 244).

Характеристика поразительно вѣрная! Она мѣткими чертами дополняетъ прежде представленные авторомъ образы Руси торговой и промышленной....

Глава шестая разсматриваетъ «*языческое вѣрованіе древней Руси*». Въ началѣ очень подробно говорится объ основныхъ источникахъ языческихъ воззрѣній и вѣрованій, потомъ опредѣляется значеніе русскихъ божествъ, или, какъ выражается авторъ: «боговъ Кіевскаго холма»; затѣмъ обстоятельно разсматривается годовой кругъ языческаго поклоненія или религіозной практики, и въ заключеніе дается мѣсто нѣкоторымъ общимъ соображеніямъ о правѣ и нравственности язычника....

Изъ всѣхъ отраслей науки русской древности—«русское язычество», т. е. русская миѳологія и языческая религія находятся въ самомъ неразработанномъ, можно сказать, хаотическомъ видѣ. Много темнаго, недостаточнаго представляютъ и области бытовая, культурная, юридическая; но ни одна изъ нихъ—столько, сколько миѳологически-религіозная, потому, что ей недостаетъ самаго необходимаго, самаго существеннаго, безъ чего невозможны научные выводы, т. е. правильнаго метода изслѣдованія.... Въ матеріалѣ чувствуется недостатокъ только въ такомъ, который былъ бы современенъ или близокъ къ эпохѣ самаго язычества; архаическихъ же данныхъ—довольно, даже много, болѣе, чѣмъ наша изслѣдовательность одолѣть можетъ. А метода, или начала, слѣдуя которому можно было бы дать порядокъ и историческое освѣщеніе этому запасу фактовъ—нѣтъ.... И онъ объявится лишь тогда, когда ясно опредѣлятся *источники русскаго язычества* или, говоря вѣрнѣе, источники того комплекса народныхъ вѣрованій, понятій, взглядовъ, суевѣрной практики и т. д., которому мы теперь несвойственно дасмъ огульное имя—«*язычества*». Когда разобрано будетъ, что́ откуда идетъ, тогда станетъ возможно и примѣненіе къ этому матеріалу историко-филологическаго метода. Доселѣ къ нему (т. е. къ объясненію данныхъ народнаго быта) примѣняемо было или «*поэтико-историческое* (бытовое)» толкованіе, какъ у Я. Гримма и его послѣдователей, или же толкованіе «*психологическое*», какъ у послѣдователей такъ назыв. «*миѳологіи природы*».... При всемъ томъ, что для мощныхъ поэтическихъ созерцаній, догадокъ и идей Гримма не

всегда находились *надежныя* правильныя основанія, его понимание и объясненіе «язычества» имѣло характеръ *историческаго знанія*, потому что любило держаться бытовой почвы, пыталось указать соотвѣтствіе данныхъ религіозно-поэтической жизни съ бытомъ и жизнью историческою.... Экзегезъ «миѳологіи природы» (=«сравнительной миѳологіи») совершенно оставилъ въ сторонѣ историческую задачу изслѣдованія и безраздѣльно отдался разысканію *происхожденія миѳическихъ образовъ и вѣрованій* и *ихъ первоначальнаго значенія или смысла*, т. е. сталъ преслѣдовать задачу *психологическую*. Результаты были успѣшны, но опять только по отношенію къ общечеловѣческой психологіи: историческая жизнь миѳовъ и вѣрованій, отмѣчаемая извѣстными историко-бытовыми помѣтами по стадіямъ или періодамъ, — сливалась въ одну нераздѣльную массу и потому можно сказать совершенно исчезала.... Типическій примѣръ такого состоянія миѳологической науки мы имѣемъ въ почтенномъ, своего рода классическомъ — трудѣ пок. А. Н. Аѳанасьева «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», 3 т. Здѣсь мы находимъ богатѣйшіе запасы *всякаго рода* данныхъ, заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ быта и литературы славянъ; не видно только одного: религіозно-миѳическаго быта самыхъ славянъ въ его историческихъ видоизмѣненіяхъ, т. е. *нѣтъ исторіи*.... Къ книгѣ, вмѣсто заглавія: «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» — вѣрнѣе шло бы обозначеніе: «О происхожденіи и первоначальномъ смыслѣ миѳическихъ вѣрованій, образовъ, понятій и воззрѣній — на основаніи психологическихъ и иныхъ данныхъ, представляемыхъ славянскими источниками». Изслѣдуя психологическую задачу, Аѳанасьевъ, естественно, относился съ нѣкоторымъ невниманіемъ къ задачамъ историческимъ и рѣшительно пренебрегъ исторической критикой источниковъ.... Для опредѣленія происхожденія и первоначальнаго смысла какого-нибудь образа и представленія — нѣтъ надобности разбирать его историческаго родословія; достаточно будетъ посредствомъ сравненія доказать, что первоначально онъ возникъ отъ дѣйствія такого или инаго явленія на

душу человѣка, т. е. имѣетъ тотъ или иной природный смыслъ. Даетъ древняя русская письменность указаніе на какой-нибудь фантастическій образъ или суевѣрный обычай....; она заимствовала эти указанія изъ «книгъ отреченныхъ», изъ источника чужеземнаго,—Аѳанасьевъ не колеблется причислить и эти данныя къ *славянскому язычеству*, ибо «отреченная литература» выросла на языческомъ міровоззрѣніи, и указанныя данныя имѣютъ первоначально природный источникъ.... Пріемъ изслѣдованія, очевидно—могущій быть пригоднымъ въ *психологіи*, но рѣшительно негодный для *историческихъ цѣлей*....

Я нѣсколько распространился объ ученомъ изслѣдованіи «русскаго язычества» и въ частности о трудѣ Аѳанасьева затѣмъ, чтобы показать, какъ въ этой области «историкъ русской жизни» предоставленъ еще однѣмъ собственнымъ силамъ. Воспользоваться онъ можетъ, пока, очень немногимъ, болѣе частностями, чѣмъ общимъ.... И г. Забѣлинъ воспользовался этимъ, какъ нашелъ нужнымъ, но съ обычною ему добросовѣстностью и талантомъ, пополняя кое-какіе пробѣлы по своему крайнему разумѣнію. Такъ, вполнѣ удачнымъ должно назвать его изображеніе языческой годовой практики, т. е. обычаевъ и обрядовъ, сопровождавшихъ теченіе языческой жизни, чествованіе боговъ въ самомъ кругу годовыхъ временъ, «въ этомъ чередованіи свѣта и мрака, тепла и холода, оживанія всей природы и ея замиранія до новаго тепла и свѣта» [1].... Какъ въ объясненіяхъ народной годовщины, такъ и въ разсмотрѣніи данныхъ, относящихся къ языческимъ божествамъ, авторъ слѣдуетъ началамъ *природнаго толкованія*, но болѣе въ томъ смыслѣ, какъ оно понималось въ школѣ Гримма, чѣмъ у миѳологовъ-натуралистовъ послѣ-

---

[1]) Не могу, хотя въ выноскѣ, не отмѣтить прекрасныхъ страницъ (286—289) о характерѣ русской природы по отношенію къ образованію поэтико-миѳическихъ воззрѣній ея обитателей, т. е. иными словами — вліянія природы русскаго края на поэтическую миѳологію и вѣрованіе. Авторъ коснулся здѣсь въ высокой степени важнаго этнографическаго вопроса и сумѣлъ, хотя въ общихъ очертаніяхъ, представить нѣсколько соображеній и замѣчаній, очень цѣнныхъ....

дующаго времени. Способъ изложенія автора скорѣе можетъ быть названъ систематическимъ, чѣмъ историческимъ: онъ не отваживается на попытку построенія постепенныхъ историческихъ измѣненій въ языческихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, а излагаетъ данныя въ томъ видѣ, въ какомъ они, по его мнѣнію, были предъ введеніемъ христіанства.... Неудовлетворительно въ историческомъ отношеніи такое изложеніе; но имѣя въ виду неудовлетворительное состояніе самой науки,—вправѣ ли мы требовать отъ автора «Исторіи русской жизни» новыхъ разысканій и изслѣдованій о предметѣ? Конечно — нѣтъ! Онъ добросовѣстно, и мѣстами увлекательно, передалъ изъ добытаго наукою то, что́ нашелъ для себя необходимымъ или пригоднымъ.

Теперь — нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Въ одушевленномъ, хотя нѣсколько неопредѣленномъ и болѣе художественно-литературномъ, чѣмъ научномъ — очеркѣ происхожденія наивныхъ вѣрованій народа насъ удивила встрѣча со многими выдержками изъ такъ назыв. «Травниковъ». Авторъ думаетъ найти въ этихъ произведеніяхъ «сказанія древнихъ чародѣевъ», записанныя хотя и въ позднія времена, но вполнѣ сохранившія въ себѣ, такъ сказать, языческій типъ и ясно показывающія, какъ язычникъ разумѣлъ вообще природу, и какъ онъ относился ко всѣмъ ея дарамъ и образамъ.... Мнѣніе, имѣющее на нашъ взглядъ только внѣшнее подобіе справедливости, но въ основѣ—совершенно невѣрное. Подобно средневѣковымъ Физіологамъ, Бестіаріямъ, Ляпидаріямъ — Травникъ есть плодъ той «чудесной» учености, которая жила и дѣйствовала въ Европѣ, какъ въ наукѣ природы, такъ и въ наукѣ исторіи (на Востокѣ наука доселѣ имѣетъ такой фантастическій характеръ) часто до нашихъ дней. Эти фантастическія зоологіи, ботаники, минералогіи сложились путями долгаго процесса: быть-можетъ, въ основѣ ихъ лежатъ дѣйствительно «сказанія чародѣевъ», но исторически намъ извѣстно одно, что такія воззрѣнія на природу были въ общемъ распространеніи еще въ классической древности, что ими овладѣла потомъ греческая и латинская ученость

среднихъ временъ и переработала ихъ въ систематическія «руководства къ познанію природы», встрѣчающіяся въ знатномъ количествѣ — въ старо-нѣмецкой, французской, итальянской и испанской литературѣ, переведенныя позднѣе и на многія славянскія нарѣчія и между прочимъ — на русскій.... *Травники* — плодъ баснословной науки, но никакъ не наивнаго первобытнаго вѣрованія, которое присутствуетъ въ нихъ только въ качествѣ составного, сильно измѣненнаго матеріала. Спору нѣтъ, что природный анимизмъ лежитъ въ основѣ и наивныхъ воззрѣній младенчествующаго человѣчества, и воззрѣній, распространенныхъ въ Травникахъ, но вѣдь онъ одинаково лежитъ въ основѣ и многихъ воззрѣній нашей современности, а въ особенности нашего языка.... Потому, приводить такія произведенія искусственной мудрости, какъ Травники въ поясненіе наивныхъ міровоззрѣній младенческаго народа — едва ли можетъ быть признано удачнымъ.

Трудно согласиться съ авторомъ, что *«ряженье»* во время святокъ служило олицетвореніемъ неживущаго міра, который подъ видомъ различныхъ оборотней, женщинъ переодѣтыхъ въ мужчинъ, и мужчинъ, переодѣтыхъ въ женщинъ, особенно страшилищъ въ шкурахъ звѣрей, медвѣдей, волковъ и т. п. являлся въ среду живыхъ и, ходя толпою по улицамъ, совершалъ свою законную вакханалью-*русалью* (?), воспѣвая пѣсни, творя безчинный говоръ, плясаніе, скаканіе» (стр. 313). Для такого мнѣнія я не вижу основаній: то, по мнѣнію автора — «довольно ясное указаніе на такое пониманіе оборотней», какое онъ видитъ въ извѣстной апокрифической статьѣ: «о двѣнадцати опрометныхъ лицахъ» — совершенно не ясно и не даетъ ни малѣйшаго повода къ такому выводу.... Съ бо́льшимъ вѣроятіемъ смыслъ обычая «переряживанія» объясняется Аѳанасьевымъ: Поэт. Воз. I. 717—9. Замѣтимъ здѣсь кстати и одинъ частный недосмотръ автора: онъ понимаетъ выраженіе: *«суженый-ряженый»* въ смыслѣ *переряженый*, тогда какъ это — тавтологическая формула, обозначающая «опредѣленнаго (рядъ=постановленіе, ряд=и

уговоръ) *судьбою*, и потому совершенно не относящаяся къ переряживанью....

Объясненіе имени «Свѣтовита» балтійскихъ славянъ (стр. 305) прилагательнымъ *святовитый* — невѣрно, такъ какъ во всѣхъ древнихъ источникахъ здѣсь мы находимъ носовой звукъ = an: Suanteuitus....

На стр. 333 авторъ весьма неодобрительно отзывается о «*суемудріи*» нѣкоторыхъ новѣйшихъ филологовъ, доказывающихъ, что Слово о Полку Игоревѣ въ сущности есть книжная и стало быть мертвая компиляція и въ мысляхъ и въ словахъ, собранная изъ какаго-то невѣдомаго и самымъ филологамъ болгарскаго источника. Авторъ, напротивъ, видитъ въ «Словѣ» міръ живыхъ миѳическихъ воззрѣній и созерцаній, который указываетъ «на существованіе цѣлаго и полнаго круга русскихъ миѳовъ, носившихся живою жизнью даже надъ сознаніемъ, воспитаннымъ уже христіанскими идеями». Я готовъ раздѣлить основное воззрѣніе автора; но все же позволю себѣ думать, что и «суемудріе филологовъ» не столь *суемудро*, какъ онъ полагаетъ. Неудача объясненія предполагаемыми болгарскими источниками *стиля* «Слова» еще не уничтожаетъ предположенія о литературно-художественномъ происхожденіи памятника (это признаетъ и г. Забѣлинъ) и о томъ, что миѳологическое начало его не есть начало живое, дѣйствовавшее въ русской жизни въ концѣ XII в., а художественно-литературное украшеніе, основа котораго, безъ сомнѣнія, шла отъ «старыхъ словесъ» языческой эпохи; но жизненной силы сихъ «словесъ» уже не имѣла.... Употребленіе миѳологическаго элемента въ такомъ значеніи нисколько не препятствуетъ «Слову» быть произведеніемъ художественнымъ, какъ не препятствуютъ художественности величественнаго христіанскаго храма образы античной миѳологіи, которыми онъ украшается. Гипотеза Вс. Ѳ. Миллера только недостаточно доказана (почему и вызвала *недоразумѣніе*, будто бы авторъ ея считаетъ «Слово» мертвой *компиляціей*), но никакъ не принадле-

житъ къ царству суемудрія, напротивъ — заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ.

За изложеніемъ религіозной и миѳологической стороны языческой жизни мы желали бы найти такое же разсмотрѣніе языческой бытовой жизни, обычаевъ и обрядовъ, относящихся къ рожденію и юности человѣка, женитьбѣ и погребенію; но взамѣнъ этого авторъ предлагаетъ намъ нѣсколько общихъ разсужденій о нравственности язычника, о мести и хитрости.... Правда, еще въ главѣ V, с. 204 — авторъ касается обычая «постриговъ», но касается къ случаю, мимоходомъ, да къ тому же усвояетъ имъ характеръ торжества по преимуществу дружиннаго, тогда какъ польскіе источники (Mart. Gallus, Ch. I, 27) указываютъ прямо, что постриги былъ въ ходу и между простыми земледѣльцами, какими были Пястъ и жена его Рѣпка....

Глава седьмая озаглавлена: *«Круговоротъ жизни въ языческое время»*. Останавливаясь на такихъ общественныхъ предпріятіяхъ, какъ призваніе князей, походы на грековъ, авторъ приходитъ къ мысли, что такія явленія не могутъ быть иначе объяснены, какъ признаніемъ существованія и дѣйствій цѣлаго руководящаго общества, выразителями интерессовъ котораго были послы и купцы, а задачею — свободный торгъ съ Цареградомъ и основаніе государства. Послѣднее обстоятельство ведетъ автора къ разсмотрѣнію состоянія русскаго общества въ эпоху призванія князей, при чемъ онъ яснѣе, чѣмъ въ I т., опредѣляетъ значеніе началъ родового быта въ то время и прямо уже утверждаетъ и доказываетъ, что русскую исторію нужно начинать не родовымъ, а *городовымъ* бытомъ. Далѣе онъ подробно разсматриваетъ торговый трудъ и движеніе по «пути греческому», чрезъ днѣпровскіе пороги, а потомъ, по закупкѣ товаровъ въ Греціи и возвращеніи домой — торговлю съ другими племенами внутри страны и вообще «промысловый торговый кругъ жизни», подробно и основательно останавливается на вещественныхъ доказательствахъ распространенія торговой промышленности по странѣ, т. е. на кладахъ арабскихъ, греческихъ,

западно-европейскихъ и иныхъ монетъ, находимыхъ по русской землѣ, перечисляетъ предметы торговли или товары (при этомъ особенно важно разысканіе о бисерѣ или «стеклянныхъ глазкахъ» лѣтописи), извлекаетъ любопытнѣйшія данныя о торговыхъ связяхъ русской земли съ отдаленнѣйшими странами — изъ могилъ (впрочемъ, какъ я замѣчалъ уже, изъ однѣхъ только мерянскихъ), при чемъ вообще могильными источниками возстановляетъ картину жизни мерянъ въ 9—11 вв. Глава заключается общею картиною образованности русскаго общества того времени и указаніемъ нѣкоторыхъ иноземныхъ вліяній въ древней русской культурѣ....

Таково — обильное содержаніе этого отдѣла «Исторіи русской жизни», отдѣла, который я не колеблюсь признать самымъ важнымъ въ трудѣ, наиболѣе обработаннымъ, наиболѣе заключающимъ въ себѣ новыхъ и вѣрныхъ замѣчаній....

Предложимъ, однако, и здѣсь нѣсколько частныхъ замѣчаній....

Бытъ *родовой и городовой*.... Я уже имѣлъ случай сказать, что во *второмъ* томѣ своего труда авторъ значительно отклонился отъ тѣхъ понятій о родовомъ бытѣ, которыя высказывалъ въ *первомъ*. Дѣйствительно, если въ первомъ томѣ находимъ, что «жизнь родомъ, владѣніе родомъ — заключали въ себѣ первоначальную основу русскаго быта» (I, 513), что «родъ былъ въ эпоху древнѣйшей лѣтописи господствующею формою общежитія, такъ точно, какъ теперь господствующая форма нашего общежитія есть общество» (ib., 514—15), что «такой памятникъ общественнаго права, какъ Русская Правда указываетъ на господство родового быта, на то, что общественная власть принадлежала роду или колѣну братьевъ» (стр. 524—5), — то въ томѣ второмъ встрѣчаемъ другое, именно: «Родовой бытъ, изображеніемъ котораго необходимо начинать читать нашу исторію, вліяніе котораго чувствуется въ ней на каждомъ шагу, въ сущности есть только стихія жизни и притомъ стихія жизни *частной*, домашней, жизни въ отдѣльномъ дворѣ или въ нѣсколькихъ дворахъ, — въ деревнѣ. Состояніе жизни у домашняго очага въ об-

щемъ обликѣ въ начальное время (?) дѣйствительно было исполнено порядками первичныхъ родовыхъ отношеній и связей. Частный бытъ и до сихъ поръ еще руководится такими порядками. Но такъ ли было на высотѣ сознанія народомъ общихъ цѣлей и задачъ жизни, въ дѣяніяхъ и движеніяхъ жизни общей, посреди общихъ стремленій и интересовъ, какими собственно и начинается наша исторія? Былъ ли, напримѣръ, способенъ родовой бытъ связать въ одно цѣлое цѣлую волость, цѣлую землю, хотя бы и одного племени? Могъ ли онъ выработать особую политическую форму быта, какую необходимо предполагать, если народъ жилъ раздѣльными, но самостоятельными и независимыми другъ отъ друга волостями и землями? Скажутъ, что это были отдѣльныя племена, народившіяся и жившія на своемъ мѣстѣ, владѣвшія родомъ своимъ. Но какая же форма связывала отдѣльное племя въ одну общую и самостоятельную жизнь? Въ частномъ быту такой формой былъ родъ, во главѣ котораго стоялъ старшій, или самъ родоначальникъ или старшій въ родѣ. Но большое или малое племя составляло уже новую ступень родового быта. Въ какой же формѣ обнаруживала свои дѣянія и дѣйствія эта новая ступень родоваго развитія, что́ служило ей главою и средоточіемъ, въ чьихъ рукахъ находилась власть и владѣніе всего племени? На это очень ясно отвѣчаетъ самъ начальный лѣтописецъ. Указывая на жизнь *родомъ*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ упоминаетъ о городкѣ въ уменьшительномъ видѣ, какъ о зародышѣ городского быта, затѣмъ называетъ нѣсколько городовъ...., средоточій племенныхъ волостей или областей, или же называемыхъ *княженіями*»....

«И такъ, заключаетъ авторъ, если до призванія князей, по точному свидѣтельству начальной лѣтописи, у насъ существовали племенныя княженія и самые города, безъ которыхъ княженія не могли и существовать, то какое же мѣсто въ этихъ княженіяхъ мы дадимъ родовому быту? Городъ, какъ форма народной жизни, не есть родовая форма. Это уже община и притомъ община весьма́ разнороднаго состава, населенная разными людьми

не только отъ разныхъ родовъ, но и отъ разныхъ племенъ, столько же отъ инородцевъ.... Такимъ образомъ городъ мы должны почитать новымъ основаніемъ для развитія страны, тѣмъ основаніемъ, на которомъ построилось не только призваніе князей, но и самое государство. Поэтому и *родовой бытъ мы должны удалить на извѣстное или неизвѣстное разстояніе отъ начала нашей исторіи и начинать ее не родовымъ, а городовымъ бытомъ»* (стр. 349—351).

Замѣчанія, соображенія и выводы, вполнѣ согласные и съ историческими данными, и съ историческою логикой! Или на нашъ взглядъ — теорія чистаго, строгаго родового быта, какъ явленія, бывшаго когда-то общей абсолютной формой русской жизни, не только «удаляется на извѣстное или неизвѣстное разстояніе отъ начала нашей исторіи», но и совершенно устраняется. Разумѣется, я говорю о чистой формѣ родового быта, единовластно обнимающей всѣ славянскія и русскія племена, а не объ отдѣльныхъ возможныхъ случаяхъ сожитій въ родовыхъ союзахъ: послѣдніе завѣдомо были у всѣхъ славянскихъ племенъ, но всегда составляли только *часть* бытовой исторіи славянъ, были только однимъ изъ элементовъ ея, а не полнымъ ея содержаніемъ. Равнымъ образомъ нельзя отрицать важнаго значенія (авторъ говоритъ *основнаго* — что, кажется, допущено имъ для соглашенія прежнихъ своихъ понятій о родовомъ бытѣ съ нынѣшними) родовой стихіи во всей русской исторіи, даже и доднесь...; но заключать отсюда объ исключительномъ, повальномъ нѣкогда господствѣ родового быта у славянъ, когда будто бы все это племя жило отдѣльными разрозненными родами, внѣ всякаго союза племенного и общиннаго — представляется рѣшительною невозможностью: ничего подобнаго въ этомъ смыслѣ не знаетъ никакая исторія! Ей извѣстны родовые союзы, естественные и искусственные, возникающіе при извѣстныхъ условіяхъ и отъ извѣстныхъ условій, но они извѣстны ей лишь, какъ частныя историческія явленія, какъ формы, которыя могла принять жизнь, но которыя вовсе не были для нея неизбѣжны и необходимо обя-

зательны.... Пусть допускающіе былое господство чистаго родового быта, уединенную разрозненность родовъ и ихъ отношеній — попытаются объяснить явленіе стройнаго общаго движенія внутренней *народной* или племенной исторіи въ языкѣ, религіи, нравахъ, обычаяхъ и т. д., — они должны будутъ признать, что надъ частнымъ семейнымъ родовымъ началомъ возвышалось иное, болѣе сильное, болѣе объединяющее начало, племенное, общественное....

Здѣсь, конечно, не мѣсто пускаться въ разсмотрѣніе значенія и пространства родового начала въ нашей исторіи: это требуетъ спеціальныхъ, подробныхъ изслѣдованій, но я не могу не замѣтить, что выдвигая на первый планъ господство *городового быта* въ древнѣйшей русской исторіи, объясняя его условія съ такою ясностью и естественной простотой, г. Забѣлинъ не только вноситъ въ науку русской исторіи новый объяснительный элементъ, но значительно способствуетъ устраненію того, что по нашему крайнему разумѣнію относится къ области историческихъ предразсудковъ или, по крайней мѣрѣ — недоразумѣній.... Разсужденіе г. Забѣлина о городѣ и городовомъ бытѣ представляетъ прекрасное дополненіе къ тому, что сказано имъ о семъ предметѣ въ I томѣ «Исторіи», и отличается такими же достоинствами.

Греческій торгъ, а также торги Каспійскій и Балтійскій — возбуждали, по словамъ автора, «въ русской равнинѣ то промысловое и торговое движеніе, которое создало не только большіе и малые торговые города, но и способствовало объединенію общихъ выгодъ по всѣмъ угламъ равнины.... Оно создало государство, которое потому носитъ на себѣ типъ болѣе всего промышленный, городской или гражданскій, но не военный или феодальный, завоевательный, хищническій».... Авторъ слѣдитъ движеніе промышленно-торговой жизни по «греческому пути»: переправа русскихъ судовъ чрезъ днѣпровскіе пороги даетъ ему случай коснуться снова сихъ «камней преткновенія» варягоборческой науки. Авторъ тоже дѣлаетъ попытку объяснить *сѣвер-*

ныя наименованія нѣкоторыхъ пороговъ —русско-славянскими этимологіями, и съ такимъ же успѣхомъ, какъ и его предшественники, т. е. совершенно произвольно, по внѣшнему созвучію. На мой взглядъ, такія искусственныя, натянутыя попытки во что бы то ни стало ославянить тѣ наименованія днѣпровскихъ пороговъ, которыя Константинъ Багрянородный называетъ *русскими*, даже и въ интересахъ ученія о славянствѣ варяговъ— совершенно ненужны: слова К—на Багр. вовсе не имѣютъ основного, рѣшающаго значенія въ вопросѣ о *норманствѣ Руси*: это просто на просто такое же частное мнѣніе, какимъ являются и мнѣніе канцеляриста Лудовика бл. о томъ, что русы были шведы. Мнѣ представляется дѣло такимъ образомъ: багрянородный этнографъ получилъ свѣдѣнія о двойныхъ наименованіяхъ пороговъ, одни шли отъ русскаго — словѣнина, другіе — отъ норманна; зная только словѣнъ и русь, онъ и помѣтилъ ихъ сими знакомыми именами. Выраженія: *русскій*, *по-русски* являются здѣсь только въ отличіе отъ своего двойника: *славянскій*, *по-славянски*, а потому и не имѣютъ никакой этнографической цѣны....

Сближеніе поздняго наименованія острова Хортица съ именемъ божества Хорса (364) слишкомъ смѣло, да и едва ли можно признать, что имя Хорсъ было въ народномъ употребленіи.... Любопытно мнѣніе автора о «*полюдьѣ*»: сборы полюдья, говоритъ онъ, отличаются отъ даней и состоятъ преимущественно изъ даровъ. Въ началѣ 12 в. (1125 г.) оно прямо и называется *осеннимъ полюдьемъ даровнымъ*». Такіе дары были въ употребленіи въ средніе вѣка (Grimm D. Rechtsalt. 245—6). Едва ли, однако, слѣдуетъ согласиться съ авторомъ, что «дары въ первоначальномъ значеніи должны означать любовный промѣнъ товаровъ и что полюдье *составляло* обычный способъ такого промѣна» (с. 368). Оба предметя, какъ кажется, были по существу независимы другъ отъ друга, но соединялись въ исполненіи: князь съ дружиной отправлялся въ объѣздъ или обходъ, въ полюдье, а къ нимъ присоединялись торговцы-промышленники ради

своихъ цѣлей. Быть-можетъ, торговлей занимались и самые дружинники.... Обстоятельное изложеніе мерянской жизни и культуры по матеріаламъ курганныхъ раскопокъ (с. 383—394) вызываетъ сожалѣніе, что авторъ не предпринялъ того же и относительно нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей: отведенная для нихъ страница (514—5) «Примѣчаній» слишкомъ скудна.... Правда, для мерянъ онъ имѣлъ превосходный и полновѣсный трудъ гр. А. С. Уварова, для другихъ же мѣстностей — только случайныя замѣтки и частныя раскопки; но все же и здѣсь, какъ напр. для мѣстностей московской, тверской и вятской—кое-какія обобщительныя заключенія были возможны....

Указанія иноземныхъ вліяній въ русской древней культурѣ,— очень замѣчательны, въ особенности указаніе на восточное происхожденіе русской длиннополой одежды.... Впрочемъ, въ этой важной статьѣ «Исторіи русской жизни» авторъ ограничился лишь случайными отрывочными замѣтками, а посему не вошелъ въ разсмотрѣніе очень многихъ предметовъ восточной и западной культуры, издавна усвоенныхъ Русью.... Для нихъ, какъ извѣстно, основной матеріалъ заключается въ языкѣ, т. е. въ лексиконѣ чужеземныхъ словъ...

Восьмая и заключительная глава втораго тома говоритъ *о водвореніи на Руси христіанства.* Развитіе городовой жизни въ Кіевѣ и Новгородѣ, сношенія съ иными землями, отчасти особенная энергія христіанскаго и мухаммеданскаго прозелитизма той эпохи условили принятіе новой религіи. Авторъ даетъ вѣру лѣтописнымъ разсказамъ о посольствахъ отъ разныхъ народовъ съ предложеніями принятія вѣры и испытанію послѣдней посредствомъ особыхъ нарочитыхъ людей. Первое, впрочемъ, онъ разсматриваетъ, какъ преданіе, «въ которомъ историческая дѣйствительная правда заключается лишь въ томъ, что ко Владиміру приходили послы отъ народовъ, выхваляя каждый свою вѣру, и указывали мудрому князю, что именно мудрому-то человѣку жить въ язычествѣ не слѣдуетъ». Равнымъ образомъ и въ порядкѣ избранія вѣры и въ ходѣ исторіи самаго крещенія авторъ *точно*

слѣдуетъ лѣтописному повѣствованію. Въ изображеніи христіанскаго житія князя Владиміра авторъ дѣлаетъ замѣтку, которая, если бы оправдалась—могла бы имѣть важное значеніе въ исторіи русской народной поэзіи, именно, что «въ лѣтописныхъ чертахъ Владиміра-христіанина узнается Владиміръ народныхъ пѣсенъ, ласковый князь Владиміръ Красное Солнышко» и «что первый лѣтописецъ, составляя повѣсть временныхъ лѣтъ, пользовался этими пѣснями, чтобы изобразить въ живомъ образѣ своего идеальнаго князя Владиміра»... Желательно бы видѣть такое мнѣніе подтвержденное иными доказательствами, кромѣ указанія на праздничные пиры князя... Вся дальнѣйшая исторія Владиміра, Святополка и Ярослава состоитъ изъ пересказа лѣтописнаго повѣствованія съ объяснительнымъ толковымъ комментаріемъ. Въ заключеніе приводятся данныя о книжномъ ученіи и просвѣтительной вообще дѣятельности Ярослава и его сподвижниковъ и помѣщаются подробныя выдержки изъ древнихъ собраній поучительныхъ словъ съ цѣлью показать направленіе и содержаніе христіанской морали того времени. Краткое извѣстіе о Русской Правдѣ заканчиваетъ II томъ «Исторіи русской жизни»...

Въ общемъ, изложеніе автора не представляетъ повода къ замѣчаніямъ и разногласіямъ: оно живо передаетъ лѣтописный разсказъ и толково объясняетъ его... Но есть двѣ частности, на которыхъ критика не можетъ не остановиться, хотя, сказать откровенно, ей желательно было бы признать ихъ скорѣе корректурными недосмотрами, чѣмъ ошибками... На стр. 454—5 авторъ поминаетъ знаменитаго воеводу «Якупа Слѣпого», который—будто бы—«носилъ на глазахъ луду (lodix, повязку или покрывало), золотомъ истканную» и потерялъ ее въ битвѣ при Лиственѣ... Примемъ ли мы, что Якупъ былъ слѣпъ, или представимъ его *красавцемъ* (—«бѣ Якупъ сь лѣпъ»)—все равно, только не подлежитъ сомнѣнію, что *луда*, которую онъ носилъ, была вовсе не *повязка на глазахъ, а верхняя одежда*, плащь, шитый золотомъ, англо-саксон. loda, скандинав. lodhi, lodha, др.-

нѣм. lodo = sagum chlamys... Въ такой *лудѣ*, какъ говорится въ лѣтописи (s. 6582) и Патерикѣ, прохаживался въ печерской церкви «бѣсъ во образѣ ляха, носяща въ *приполѣ* цвѣтки»...

Другое замѣчаніе наше касается частности болѣе важной, имѣющей и нѣкоторое принципіальное значеніе.

Приводя выдержки изъ сборника древнихъ поученій съ признаками русскаго или славянскаго происхожденія, авторъ останавливается на выраженіяхъ ихъ: «преплывше дни поста»..., «какъ *пучину* моря постное время прейдохомъ»..., «въ чистотѣ препроводимъ *пучину* постную», и замѣчаетъ при этомъ: «Эта пучина моря можетъ служить указаніемъ, что проповѣдь имѣла въ виду людей, для которыхъ трудъ плаванья по морю составлялъ наиболѣе замѣтный и очень знакомый подвигъ жизни и потому служилъ лучшимъ объясненіемъ трудовъ великаго покаянія, именно для людей еще необуздавшихъ въ себѣ языческое невоздержаніе и не совсѣмъ понимавшихъ для чего оно нужно. Если мы припомнимъ разсказъ Константина Багрянороднаго о русскомъ плаваньи въ Царьградъ, то можемъ допустить, что поученія, поставлявшія въ примѣръ пучину моря, были говорены именно кіевской Руси» (стр. 471). Такія любопытныя объясненія извлекаются авторомъ изъ одного выраженія: «*пучина моря*»... Мнѣ кажутся они крайностью увлеченія автора въ пользу мореходства русскихъ: слово «пучина» — ровно ни на что не указываетъ, это — обыкновеннѣйшій терминъ старославянскаго языка, какъ въ юго-славянскихъ, такъ и въ русскихъ памятникахъ, имъ почти всегда *переводятся* греческіе термины моря и пути, и нѣтъ рѣшительно никакихъ причинъ полагать, что слово «пучина» въ поученіи указывала бы на что-нибудь спеціально русское, а не употреблялось въ обыкновенномъ своемъ стилистическомъ значеніи, обусловленномъ греческими образцами. Далѣе, авторъ останавливается на словахъ другой проповѣди, гдѣ мытарь и фарисей представляются въ образахъ двухъ конниковъ, состязавшихся на ристалищѣ. Конь мытаря — это конь добродѣтели, молитвы, поста и милостыни; конь фарисея — это конь гордости,

величанія, осуженія.... Пок. А. В. Горскій, первый обратившій вниманіе на сіи памятники, сдѣлалъ къ этому мѣсту слѣдующее общее, но не совсѣмъ ясное замѣчаніе: «Такое сравненіе не чуждо характера того общества, среди котораго вправѣ мы представлять себѣ славянскаго проповѣдника, въ первыя времена христіанства у насъ»[1].... Г. Забѣлинъ далъ сему совершенно особый и — сознаемся — мало для насъ ожиданный смыслъ. «Для русской кіевской паствы, говоритъ онъ, эти два конника, какъ очевидный примѣръ, не могли быть достаточно понятны, ибо изображали обстоятельство коннаго ристалища, едва ли существовавшаго въ древнемъ Кіевѣ. Но если мы припомнимъ четыре коня и двѣ статуи, взятые Владиміромъ въ Корсунѣ и поставленные за церковью Богородицы..., то можемъ допустить, что поученіе о мытарѣ и фарисеѣ указывало прямо на эти памятники, въ полной мѣрѣ изъяснявшіе простому уму смыслъ поучительнаго примѣра» (стр. 474—5). Мы же полагаемъ, что такое сравненіе ровно ни на что иное не указываетъ, какъ на свой византійскій образецъ, который дѣйствительно утверждался на почвѣ положительной, имѣлъ въ основаніи гипподромъ.... Да и непонятно, чѣмъ могли четыре мѣдныхъ коня «изъяснять простому уму смыслъ поучительнаго примѣра»....

Конечно, эти мелочи могли бы остаться нами не отмѣчены, такъ какъ историческая истина отъ нихъ мало — что терпитъ убытка; но отмѣтить ихъ мы все же находили не безполезнымъ въ виду того, что въ нихъ замѣчается нѣкоторое отступленіе отъ принципіальныхъ пріемовъ правильнаго историческаго употребленія источниковъ....

Окончивъ критическія замѣчанія мои на первые два тома «Исторія русской жизни» г. Забѣлина, считаю нужнымъ извлечь

---

1) «О древнихъ словахъ на св. Четыредесятницу» въ Прибавленіяхъ къ Твор. св. отцовъ, ч. XVII, кн. I, стр. 37—8.

изъ нихъ общее заключеніе о достоинствахъ и недостаткахъ сего труда....

Г. Забѣлинъ взялся за задачу трудную: онъ предположилъ изслѣдовать ту часть русской исторической науки, въ которой менѣе, чѣмъ въ прочихъ, еще возможны строгіе и точные выводы и заключенія, гдѣ на десятокъ темныхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ приходится едва одинъ, удовлетворительно освященный. Трудности «предмета по существу» авторъ увеличилъ для себя еще и тѣмъ, что, за немногими исключеніями, почти вовсе оставилъ въ сторонѣ и не принялъ во вниманіе тѣхъ успѣховъ, какіе сдѣлала уже историко-лингвистическая и этнологическая наука нашего времени; а равно отчасти и тѣмъ, что отнесся къ предмету съ такой долей особаго увлеченія, какая не способствуетъ правильному спокойному изслѣдованію и нерѣдко переноситъ его на чуждую наукѣ почву....

Эти обстоятельства условили *недостатки* труда:

а) *неровность изложенія*, смѣшивающаго разсказъ, толкованіе, изслѣдованіе и обличительную полемику, вдающагося въ частыя отступленія, развивающаго однѣ стороны вопроса и нерѣдко оставляющаго въ тѣни другія, столь-же или еще болѣе важныя;

б) съ одной стороны — *пренебреженіе къ законамъ науки языкознанія*, выразившееся рядомъ несостоятельныхъ этимологическихъ толкованій, съ другой — *полное довѣріе къ этимологіямъ*, изъ которыхъ, безъ страха и сомнѣній, выводятся не только догадки, но и прямыя утвержденія настоящихъ историческихъ данныхъ;

в) *предрасположеніе къ объясненію народности и быта племенъ, кочевавшихъ на сѣверъ и западъ отъ Чернаго моря — началами народности славянской*, при чемъ доказательствамъ *противнаго* не оказывается должнаго вниманія и разбора, доказательствамъ же *своей теоріи* не сообщается должнаго развитія: она выражается догматически.

Всѣ сіи *недостатки*, какъ невольные, условленные совре-

менньмъ состояніемъ науки, такъ и вольные, зависѣвшіе отъ автора — блѣднѣютъ предъ *многими существенными достоинствами* труда.

Замѣчанія: а) о вліяніи природы русской страны на исторію, б) о происхожденіи, зачаткахъ и характерѣ русскаго лѣтописанія, в) о возникновеніи и развитіи городовъ, ихъ устройствѣ, порядкахъ, дѣятельности и о городовомъ бытѣ вообще, г) сводъ данныхъ о скиѳскихъ и мерянскихъ могилахъ и возстановленіе скиѳскаго и мерянскаго быта по открытымъ вещественнымъ памятникамъ, д) въ особенности же превосходное, обстоятельное, во многихъ отношеніяхъ новое изложеніе промысловой торговой дѣятельности русской земли — суть истинныя пріобрѣтенія русской исторической науки въ трудѣ г. Забѣлина, пріобрѣтенія новыя, остроумно, толково и нерѣдко увлекательно изложенныя. Я не говорю о многихъ частныхъ замѣчаніяхъ, соображеніяхъ и догадкахъ, сметливыхъ, если не всегда убѣждающихъ, то всегда будящихъ мысль, вызывающихъ на новые поиски!...

Все это даетъ «Исторіи русской жизни» г. Забѣлина право на весьма видное мѣсто въ русской исторической литературѣ, какъ произведенію важному во многихъ отношеніяхъ, своеобразному въ сужденіяхъ, и въ формѣ и въ пріемахъ изложенія...

Критикѣ остается заключить пожеланіемъ, чтобы почтенный авторъ не замедлилъ продолженіемъ своего предпріятія: онъ вступилъ теперь въ область жизни чисто исторической; а въ ней, какъ извѣстно каждому, его здравый, трезвый умъ и обширныя знанія умѣютъ находить такой просторъ для доброй дѣятельности на пользу отечественной науки...

Металлы и ихъ обработка въ доисторическую эпоху у племенъ индо-европейскихъ.

1865.

Много народовъ и еще болѣе поколѣній проходили по землѣ, ввѣряя ей памятники своей жизни, своей матеріальной и нравственной культуры. Часто безъ опредѣленнаго имени, безъ роду и племени, какими-то историческими сиротами—представляются эти памятники взору археолога, стремящагося разгадать загадку ихъ существованія. Матеріалъ смутный, неопредѣленный, но все же матеріалъ дѣйствительный и несомнѣнный: въ этой массѣ вещей, не помѣченныхъ опредѣленнымъ временемъ и родовымъ именемъ—еще рѣдко бываютъ возможны прочные, положительные выводы и заключенія; но пытливость изслѣдователя хотя до нѣкоторой степени удовлетворяется догадкой, болѣе или менѣе вѣроятнымъ гаданіемъ о судьбѣ этихъ нѣмыхъ свидѣтелей опочившей жизни человѣка, ихъ эпохѣ и этнологической генеалогіи. На первый разъ и это — не мало: по крайней мѣрѣ изслѣдователь можетъ разсчитывать на будущіе успѣхи науки, которые, быть-можетъ, оправдаютъ и его посильные труды, по крайней мѣрѣ его не смутитъ мысль о совершенной безплодности его стремленій: гдѣ существуетъ законная возможность догадки, тамъ еще нечего отчаяваться за успѣхъ!

Но гдѣ нѣтъ и этихъ памятниковъ, гдѣ народы переживаютъ цѣлыя тысячелѣтія, не оставляя, повидимому, никакихъ слѣдовъ своей былой жизни и культуры — неужели тамъ положенъ пре-

дѣлъ историческому знанію, предѣлъ, перешагнуть который не властна осторожная археологическая наука? Нѣтъ, если археологія не захочетъ произвольно сузить свой объемъ, ограничивъ его лишь такъ наз. вещественными памятниками, она найдетъ иного неподкупнаго свидѣтеля этихъ темныхъ эпохъ, свидѣтеля, предлагающаго богатый и благодарный матеріалъ для мысли археолога и историка. Я разумѣю—*языкъ*. «Языкъ, по словамъ величайшаго ученаго нашей эпохи, есть полное дыханіе человѣческой души: гдѣ раздается онъ, или гдѣ только существуютъ памятники его—тамъ исчезаетъ всякое сомнѣніе объ отношеніяхъ народа, имъ говорящаго, къ своимъ сосѣдямъ. Въ древнѣйшей исторіи, гдѣ изсякаютъ всѣ другіе источники, или сохранившіеся остатки ихъ оставляютъ изслѣдователя въ неразрѣшимомъ недоумѣніи, его выручаетъ только тщательное изслѣдованіе сродства и отклоненій языковъ и нарѣчій въ мельчайшихъ подробностяхъ ихъ внутренняго строя» [1]). Языкъ—это не могила жизни опочившей, окончившейся, а живое хранилище, куда слагаетъ народъ всѣ элементы своей протекшей и настоящей нравственной и матеріальной жизни. Слово человѣческое явилось не съ воздуха, безъ всякаго повода и причины: прежде чѣмъ существовать названію предмета, долженъ былъ существовать самый предметъ, дѣйствительный или фантастическій, но принимаемый за дѣйствительный. Вотъ почему языкъ можетъ быть названъ вѣрнымъ показателемъ матеріальнаго и нравственнаго быта извѣстнаго народа, такъ сказать—археологическимъ складомъ предметовъ его культуры. Въ этой области археологу нечего опасаться ни того алчнаго святотатства, которое нарушаетъ покой могилъ съ корыстною цѣлью, ни того вольнаго или невольнаго вандализма, который мѣритъ дорогіе памятники старины лишь мѣрою узкой практической пользы или воображаемаго вреда: въ области языка частная воля человѣка не властна что-либо измѣнить или уничтожить; измѣненія совершаются сами

1) Jacob Grimm. Gesch. d. deutsch. Sprache. 2 auf. I. стр. 4.

собою, силою времени и историческихъ условій, измѣненія часто сильныя, рѣшительныя, но не такія, чтобы онѣ смутили изслѣдователя и заставили его отказаться отъ попытки археологической реставраціи. Сравнительный методъ изслѣдованія языковъ показалъ, что есть возможность до нѣкоторой степени воскресить утраченное, возстановить измѣненное и обезображенное, возвратить ему первобытный видъ. Отсюда видно, какой неисчерпаемый источникъ представляетъ языкъ для древнѣйшей археологіи: тамъ, гдѣ, повидимому, прерывается всякая путеводная нить археолога и онъ отказывается итти впередъ, опасаясь заблудиться въ лабиринтѣ догадокъ и предположеній, тамъ онъ встрѣчаетъ лингвиста, который смѣло и прочно ведетъ его далѣе, даже до предѣла таинственнаго возникновенія народовъ... Давно уже признано высокое значеніе языка, какъ источника исторической науки. Существуютъ даже счастливыя попытки въ этомъ отношеніи: на основаніи языка ученые возсоздаютъ картину быта народовъ, лежащаго далеко впереди за предѣлами всякаго письменнаго или монументальнаго свидѣтельства. Эта *археологія языка*, или, какъ называютъ ее, *лингвистическая палеонтологія*, составляетъ необходимую часть общей археологической науки и, мнѣ кажется—*первую*, *начальную* часть ея, съ изученія которой и долженъ начать каждый, кто дорожитъ исторической достовѣрностью своихъ послѣдующихъ разысканій. Едва ли умѣстно будетъ указывать здѣсь на несовершенства этой науки, происходящія и отъ ея молодости и отъ личныхъ ошибокъ и увлеченій ученыхъ: дѣло идетъ не о какихъ-нибудь частныхъ недостаткахъ—отъ нихъ не свободна никакая наука,—а о законности существованія цѣлой науки вообще, правильности ея пріемовъ и основного метода; а съ этой точки зрѣнія она стоитъ внѣ всякаго недовѣрія и всякихъ сомнѣній самаго взыскательнаго скептицизма.

Имѣя въ виду все это, я думаю, что не нарушу закона осторожной археологической критики, когда рѣшаюсь предложить нѣкоторыя лингвистическія справки объ употребленіи и обработкѣ

металловъ у племенъ индо-европейскихъ въ доисторическую эпоху ихъ жизни. Въ археологической наукѣ предметъ этотъ тѣмъ важнѣе, что безъ посильнаго объясненія его нельзя рѣшить и вопроса объ этнологическомъ распредѣленіи орудій каменнаго и бронзоваго вѣка дохристіанской Европы, т. е. нельзя опредѣлить: какому народу принадлежатъ тѣ или другіе памятники; а безъ этого условія археологія внесетъ въ историческую науку лишь одни общія гадательныя и во многомъ невѣрныя очертанія.

1. *Какому народу принадлежатъ орудія каменнаго вѣка въ Европѣ.*

Разсѣянныя во множествѣ по всей Европѣ, орудія такъ называемаго каменнаго вѣка—какому племени или народу принадлежатъ они? Въ прежнее время археологи не слишкомъ заботились этимъ вопросомъ: они приписывали орудія каменнаго вѣка тому народу, который былъ *исторически* извѣстенъ за древнѣйшаго обитателя страны, гдѣ произошла находка. Пока сравнительное языкознаніе не уяснило вопроса о переселеніи индо-европейскихъ племенъ изъ равнинъ средней Азіи въ Европу—такая мысль представлялась очень вѣроятною: не зная ничего о происхожденіи и доисторическихъ движеніяхъ кельтовъ, германцевъ и славянъ, естественно было признать ихъ за первобытныхъ обитателей Европы, за ея аборигеновъ, естественно было думать, что и памятники каменнаго вѣка принадлежатъ этимъ племенамъ и знаменуютъ первый періодъ ихъ нравственной жизни и борьбы съ природою. Это предположеніе имѣло за собою столько очевидныхъ, убѣждающихъ доказательствъ, что археологическая наука приняла и безпрепятственно признала его за несомнѣнную истину: не только каменныя орудія, но и циклопическія каменныя сооруженія, встрѣчающіяся въ Англіи, Франціи, Даніи, Скандинавіи и Германіи и извѣстныя подъ названіемъ: *менгировъ, кромлеховъ, дольменовъ, могилъ гунновъ, каменныхъ комнатъ*, или *жилищъ великановъ* — оказались плодомъ религіозной и матеріальной культуры племенъ кельтскихъ, нѣмецкихъ и даже сла-

вянскихъ. Мысль эта пустила такія прочные корни въ наукѣ, что ни успѣхи сравнительнаго языкознанія, указавшаго, что кельты, нѣмцы и славяне не аборигены, а позднѣйшіе колонисты Европы, ни успѣхи описательной археологіи, открывшей существованіе подобныхъ памятниковъ въ различныхъ мѣстахъ Европы, Азіи и Африки, гдѣ никогда не жили племена индоевропейскаго корня—не могли поколебать ее; и теперь еще она находитъ многихъ послѣдователей и защитниковъ!

Циклопическія каменныя постройки преимущественно усвоивались кельтамъ: изслѣдователи объясняли ихъ возникновеніе потребностями богослуженія друидовъ, ихъ религіозныхъ вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ, въ нихъ видѣли жертвенники языческихъ кельтовъ, мѣста ихъ торжественныхъ судилищъ; а нѣкоторые англійскіе археологи заходили такъ далеко, что, вопреки извѣстіямъ древнихъ историковъ и географовъ, отрицали существованіе кельтскихъ поселеній въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ не замѣчалось *кромлеховъ*, *дольменовъ*, *менгировъ* и т. д. [1]). Рѣшительный ударъ этому мнѣнію былъ нанесенъ извѣстнымъ датскимъ археологомъ Ворсо (Worsaae) [2]). Онъ лично осмотрѣлъ большую часть мѣстъ, гдѣ находятся циклопическія каменныя

---

1) Weinhold — Die heidnische Todtenbestattung in Deutschland, Wien, 1859, Heft 1, pag. 16—18 (или Sitzungsberichte der philos. hist. classe d. k. Akademie der Wissenschaften. Band XXIX, 1858, December pag. 130—2). Изъ числа многихъ защитниковъ кельтскаго происхожденія каменныхъ циклопическихъ построекъ укажемъ только на извѣстнаго Генриха Шрейбера. Кромѣ многихъ отдѣльныхъ монографій археологическаго содержанія, онъ издалъ 5 томовъ сборника, посвященнаго преимущественно разработкѣ кельтскихъ древностей: Taschenbuch für Geschichte und Alterthum in Süddeutschland. Freib. 1839 — 1846 5 vol. Мысли его о назначеніи каменныхъ циклопическихъ сооруженій изложены въ 5 томѣ Сборника стр. 39 — 91 и въ отдѣльномъ сочиненіи: Die Feen in Europa. Eine historisch-archeologische Monographie. Freib. im Breisgau. 1842. 4°, стр. 1 — 36 Труды Шрейбера давно оцѣнены наукою, а равно и его увлеченія всюду и во всемъ видѣть кельтовъ. Grimm's. Mithol. 2-e Ausg. p. XXVI.

2) Worsaae. Zur Alterthumskunde des Nordens. Leipz. 1847, 4°, pag. 49—56 et passim. Сравни также его письмо къ Мериме, L'Athenaeum français 1853, № 17 (23 Avril).

сооруженія, со вниманіемъ изслѣдовалъ предметы, въ нихъ находящіеся, и пришелъ къ заключенію, что эти постройки не принадлежатъ кельтамъ, а относятся къ эпохѣ, предшествовавшей кельтской колонизаціи, и должны быть приписаны неизвѣстнымъ доисторическимъ обитателямъ Европы. Еслибы циклопическія сооруженія принадлежали кельтамъ, то необходимо долженъ былъ бы существовать переходный періодъ, отдѣлявшій древнѣйшій каменный вѣкъ отъ болѣе поздняго — бронзоваго, но такого перехода нельзя замѣтить ни въ постройкѣ гробницъ, ни въ находимыхъ въ нихъ издѣліяхъ: огромная бездна отдѣляетъ гробницы каменнаго вѣка, когда трупы хоронились несожженными, въ сидячемъ или согнутомъ положеніи и безъ присутствія металлическихъ орудій — отъ гробницъ бронзоваго и послѣдующихъ періодовъ, гдѣ замѣчается сожженіе и изобиліе металлическихъ орудій и совершенно иныя формы ихъ. Равнымъ образомъ географическое распространеніе циклопическихъ построекъ самымъ очевиднымъ образомъ противорѣчитъ ихъ кельтскому происхожденію: онѣ должны были бы находиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, уже на глазахъ исторіи—по указаніямъ древнихъ историковъ и географовъ — обитали кельты, но ни въ Австріи, ни въ южной Германіи, ни въ другихъ странахъ, гдѣ проходили или жили кельты — такихъ каменныхъ сооруженій не встрѣчается. Ясно, что эти памятники принадлежатъ какому-то иному племени, которымъ населена была Европа до пришествія индо-европейскихъ колонистовъ. Замѣчательно и то обстоятельство, что каменныя сооруженія находятся по преимуществу въ приморскихъ странахъ: въ южной Швеціи, Даніи, Сѣверной Германіи, Голландіи, большой Британіи, Ирландіи, Западной Франціи, Португаліи, Корсикѣ и т. д., ихъ нѣтъ ни въ Скандинавіи (въ тѣсномъ географическомъ смыслѣ), ни въ Шотландіи, ни въ средней Европѣ: какъ будто эти первобытные обитатели не смѣли долго останавливаться въ лѣсахъ и при болотахъ центральной Европы: у нихъ не было средствъ покорить дикую лѣсную природу страны, они проходили по ней и стремились къ странамъ открытымъ, гдѣ

море и ихъ нехитрыя орудія могли обезпечить ихъ существованіе; здѣсь думали они основаться и долго прожить, потому и сооружали такія прочныя жилища дорогому праху отшедшихъ отцовъ [1]). Напрасно! Постепенный притокъ арійскихъ колонистовъ вытѣснялъ ихъ и отсюда: отодвигаемые все далѣе на западъ они, наконецъ, совершенно исчезаютъ изъ исторіи. Вотъ почему высшія по отдѣлкѣ каменныя орудія находятся на самомъ крайнемъ западѣ Европы, въ Ирландіи и Бретани: оттѣсненные въ эту мѣстность, европейскіе аборигены успѣли усовершить свою культуру и своимъ орудіямъ сообщить болѣе искусную отдѣлку.

Къ соображеніямъ, высказаннымъ Ворсô противъ мысли о кельтскомъ происхожденіи циклопическихъ каменныхъ построекъ, можно прибавить еще остроумную и ученую критику извѣстнаго Эдельстана дю-Мерú (du Méril): онъ подробно разсмотрѣлъ положенія защитниковъ этой мысли и нашелъ, что ни одна изъ нихъ не выдерживаетъ строгой критики и что нѣтъ никакихъ причинъ считать *кельтскими—такъ называемыя кельтскія сооруженія:* ни въ понятіяхъ, условившихъ ихъ возникновеніе, ни въ названіяхъ этихъ построекъ, ни въ предметахъ, въ нихъ находимыхъ,—нельзя видѣть ничего исключительно кельтскаго [2]).

Въ послѣднее время Бертранъ снова подвергъ этотъ вопросъ тщательному изслѣдованію: разсмотрѣвъ географію кельт-

---

1) Основываясь на отсутствіи сооруженій каменнаго вѣка въ средней Европѣ, Ворсô находитъ возможнымъ допустить мысль, что первобытные обитатели Европы никогда не жили въ средней части ея: «при своемъ переселеніи изъ Азіи въ Европу — говоритъ онъ — кажется, они были раздѣлены на двѣ толпы: одна шла по берегамъ Средиземнаго моря, другая слѣдовала сѣверо-западному пути и по рѣкамъ сѣверной Россіи достигла сначала береговъ Балтики, потомъ Сѣвернаго моря и наконецъ Атлантическаго океана». Zur Alterthumskunde des Nordens. p. 49—60. Но не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что эти народы *проходили* и по средней Европѣ, тѣмъ болѣе, что они, какъ увидимъ, оставили здѣсь несомнѣнные слѣды своего существованія.

2) Edélstand du Méril — Mélanges archéologiques et littéraires. Paris 1850, статья: Essai sur l'origine, la destination et l'importance historique des monuments connus sous le nom de celtiques. Стр. 95—147.

свой — дѣлаютъ возможнымъ предположеніе, что орудія каменнаго вѣка относятся ко времени, предшествовавшему появленію индо-европейскихъ племенъ въ Европѣ, и принадлежатъ неизвѣстнымъ, первобытнымъ ея обитателямъ. Съ той поры, какъ археологія обратила серіозное вниманіе на важность этнологическихъ опредѣленій, эти кажущіяся противорѣчія породили между учеными два противуположныя мнѣнія: одни считаютъ каменныя орудія произведеніемъ культуры первобытныхъ обитателей Европы; другіе полагаютъ, что и индо-европейскія племена пережили на европейской почвѣ свой каменный вѣкъ, прежде чѣмъ вступили въ бронзовый; потому первые не позволяютъ себѣ никакихъ заключеній о культурѣ индо-европейскихъ племенъ на основаніи археологіи каменнаго вѣка; вторые же, по естественной послѣдовательности, не отступаютъ предъ такою попыткою. Рѣшительнымъ и рѣзкимъ защитникомъ позднѣйшаго происхожденія каменныхъ орудій выступилъ не такъ давно пасторъ Кирхнеръ: его возраженія направлены противъ мнѣнія, что каменныя издѣлія возникли въ эпоху, предшествовавшую знакомству съ металлами, и употреблялись для обыкновенныхъ житейскихъ цѣлей: онъ старался доказать, что эти орудія обязаны своимъ происхожденіемъ не недостатку въ металлахъ, а особымъ религіознымъ потребностямъ, потому и предназначались только для религіозныхъ цѣлей, какъ жертвенные молоты, ножи, амулеты или орудія религіозныхъ игръ; по теоріи Кирхнера — эти орудія выдѣланы посредствомъ металлическихъ инструментовъ и употреблялись въ жизни нѣмецкихъ племенъ даже до XII-го вѣка нашей эры, одновременно съ бронзовыми и вообще металлическими [1]). Крайность и несостоятельность такого мнѣнія очевидна для каждаго, кто знакомъ съ успѣхами доисторической археологіи, но тѣмъ не менѣе—мысль объ относительно позднемъ

1) E. Kirchner — Thor's Donnerkeil und die steinernen Opfergeräthe des nordgermanischen Heidenthums. Neu Strelitz. 1853. cf. также Schreiber's Taschenbuch etc. t. I. p. 145—149, и возраженія ему у Ворсö: Zur alterthumsk. d. Nordens, p. 58.

происхожденіи орудій каменнаго вѣка раздѣляютъ еще многіе основательные археологи. Такъ, по мнѣнію графа Евст. Тышкевича [1]), каменныя орудія, встрѣчающіяся въ Литвѣ и Руси литовской, принадлежатъ нынѣшнимъ туземцамъ страны, литовцамъ или славянамъ, самые же способы обработки камня и формы орудій были первоначально заимствованы ими у скандинавовъ. Предположеніемъ этой связи почтенный польскій археологъ хочетъ объяснить сходство или тожество каменныхъ орудій, находимыхъ въ Литвѣ и западной Руси, съ подобными орудіями скандинавской территоріи; если такъ, то приходится сдѣлать весьма невыгодное заключеніе о доисторической культурѣ славянъ и литвы, которые не съумѣли даже самостоятельнымъ путемъ дойти до искусства обработывать камни; а такая мысль станетъ въ противорѣчіе со всѣмъ, чтó намъ извѣстно о доисторическомъ бытѣ этихъ народностей, и притомъ, какъ извѣстно, каменныя издѣлія литовско-русской территоріи тожественны не только съ орудіями, находимыми въ Скандинавіи, но и со всѣми вообще, какія до сихъ поръ встрѣчались во всей Европѣ, Азіи и даже Америкѣ, такъ что становится невозможнымъ допустить мысль о внѣшнемъ заимствованіи ихъ отъ скандинавовъ только на основаніи сходства внѣшнихъ формъ и обработки. Другой польскій писатель-археологъ г. Крашевскій, излагая исторію славянскаго искусства, также начинаетъ ее съ построекъ и орудій каменнаго вѣка [2]). Очевидно, что наука не пришла еще къ опредѣленному взгляду на этотъ предметъ, нѣтъ даже сколько-нибудь замѣчательныхъ попытокъ уяснить вопросъ точнымъ сравнительнымъ разборомъ фактовъ и ученыхъ мнѣній: все дѣло ограничивается лишь личными и притомъ равнодушными взглядами, не-

1) Eus. Hr. Tyszkiewicz — Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotów sztuk i rzemiosł... Wilno, 1850, pag. 85—91.

2) Kraszewski. Sztuka u Słowian, szczególnie w Polsce i Litwie przedchrześcijańskiéj. Wilno, 1860, p. 15—45. Кажется, что и Воцель раздѣляетъ это мнѣніе, см. Archäologische Parallelen I, p. 24, или Sitzungsber. der Acad. т. XI, p. 737.

имѣющими обязательнаго ученаго значенія; кажется даже, что съ той точки зрѣнія, съ которой смотритъ археологическая наука на вопросъ объ этнологіи каменныхъ орудій—окончательное рѣшеніе его едва ли возможно. Въ самомъ дѣлѣ, народныя преданія и письменныя свидѣтельства говорятъ намъ объ употребленіи каменныхъ орудій въ житейскомъ бытѣ арійскихъ колонистовъ Европы—предположимъ, что они, владѣя искусствомъ обработки металловъ и вообще металлическими орудіями, употребляли каменныя лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обстоятельствахъ житейскаго обихода, гдѣ камень вполнѣ могъ замѣнить металлъ; допустимъ, что употребленіе металловъ—общій законъ, а камня—частное явленіе, и тогда—исчезнутъ ли сомнѣнія, можно ли будетъ прійти къ какому-нибудь вѣрному выводу? Нѣтъ: съ одной стороны тожественное сходство формъ каменныхъ орудій еще не дастъ права заключать, что они принадлежатъ одному племени: это сходство могло быть слѣдствіемъ одинакихъ потребностей и условій жизни, въ какихъ находятся народы, совершенно различные по происхожденію, съ другой—нѣтъ причины не допустить, что и племена индо-европейскаго корня должны были, подобно прочимъ, когда-то пережить свой періодъ каменныхъ орудій, а потому и нѣтъ прочныхъ доказательствъ для мысли, что орудія изъ камня, находимыя на европейской почвѣ, принадлежатъ исключительно первобытнымъ обитателямъ страны: съ равнымъ правомъ ихъ можно будетъ отнести и къ индо-европейскимъ пришельцамъ. Вообще, до тѣхъ поръ, пока археологическая наука будетъ опираться лишь на одни такъ называемые вещественные памятники—сомнѣнія и недоразумѣнія не устранятся: необходимо призвать на помощь иного археологическаго свидѣтеля—и мы найдемъ его въ *языкѣ*. Если будетъ доказано, что арійскіе колонисты вступили на европейскую почву съ умѣніемъ добывать металлы и сообщать имъ искусственную обработку, тогда каменныя орудія несомнѣнно должны быть отнесены къ періоду предшествующему, къ первобытнымъ обитателямъ страны, ибо невозможно предположить, чтобы арійскіе пересе-

ленцы, разъ достигши обладанія металлами, впослѣдствіи утратили это великое искусство и, пришедши въ обѣтованную землю, спустились въ матеріальномъ развитіи на цѣлую огромную стадію ниже, принялись снова за грубую обдѣлку камня и каменнымъ вѣкомъ снова начали свою новую, европейскую жизнь. Рѣшить этотъ вопросъ можно только посредствомъ языка, такъ какъ никакой иной свидѣтель не досягаетъ до такой отдаленной древности. Послѣдующее изложеніе, надѣюсь, докажетъ раннее, до-европейское знакомство арійскихъ племенъ съ металлами, но теперь, позволю себѣ еще на нѣкоторое время остаться въ предѣлахъ каменнаго вѣка и наперёдъ пріиму какъ несомнѣнную истину то положеніе, что *каменный вѣкъ и его орудія относятся не къ племенамъ индо-европейскимъ, вышедшимъ изъ равнинъ средней Азіи и постепенно заселившимъ Европу, а къ какому-то неизвѣстному племени, обитавшему въ Европѣ до пришествія индо-европейскихъ колонизаторовъ.* Спрашивается — что это было за племя! И здѣсь, какъ въ предыдущемъ, мнѣнія ученыхъ различны: одни относятъ каменныя орудія къ древнѣйшему финно-чудскому населенію Европы, остатки котораго представляютъ нынѣшніе лапландцы [1]), другіе приписываютъ ихъ баскамъ, или иберамъ [2]). Заключенія эти главнымъ образомъ основываются или на совершенно личныхъ предположеніяхъ, или на изслѣдованіи формы и строенія череповъ, что для археологической науки тоже имѣютъ цѣну не болѣе личныхъ предположеній. Вѣрнѣе, однако же, будетъ оставить каменный вѣкъ за иберами. Народъ каменнаго вѣка не былъ въ строгомъ смыслѣ слова кочующимъ номадомъ: номады не создаютъ подобныхъ прочныхъ каменныхъ сооруженій и безслѣдно исчезаютъ изъ страны, если она не можетъ дать прочной и постоянной поддержки ихъ существованію,

---

1) Weinhold. Die heidnische Todtenbestattung in Deutschland. 1 Heft. Wien. 1859, p. 17 или 131 d. Sitzungsberichte. d. k. acad. vol. XXIX (December-heft).

2) Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde, XIV Jahrg. Schw. 1849, p. 301, et sqt.

потому — едва ли вѣроятно, что постройки и орудія каменнаго вѣка принадлежатъ финнамъ-лапонцамъ, которые и теперь не имѣютъ прочной осѣдлости и еще менѣе должны были имѣть ее въ эпоху отдаленнѣйшей древности. Трудно также, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, допустить мысль, что лапонцы изъ первобытной осѣдлости обратились къ кочевью вслѣдствіе прилива индо-европейскихъ колонистовъ: это значило бы отрицать идею историческаго развитія; притомъ же каменныя орудія, встрѣчающіяся въ сѣверной Скандинавіи, гдѣ, какъ извѣстно, обитали лапонцы, во многомъ не походятъ на орудія южной Скандинавіи и остальной Европы: они выдѣланы изъ иного камня, не такъ художественно обработаны и вообще обнаруживаютъ гораздо низшую степень культуры противъ той, какую можно усмотрѣть изъ орудій такъ называемыхъ первобытныхъ обитателей Европы. Повсемѣстное распространеніе финновъ-лапонцевъ по Европѣ не встрѣчаетъ никакого подтвержденія со стороны историческихъ свидѣтельствъ и противорѣчитъ извѣстному широкому распространенію иберовъ; главная масса обитателей каменнаго вѣка сосредоточивалась на Западѣ, а финны сидѣли на Востокѣ; замѣчательно также, что во всей Норвегіи и сѣверной Швеціи, гдѣ обитали финны, не встрѣчается ни каменныхъ построекъ, ни каменныхъ могилъ [1]). Впрочемъ, Ворсо сомнѣвается и въ иберійскомъ происхожденіи построекъ и орудій каменнаго вѣка: онъ предпочитаетъ назвать этотъ народъ общимъ именемъ доисторическаго обитателя Европы [2]). Дѣло не въ имени, а въ томъ, что благодаря памятникамъ этого народа, наука до нѣкоторой степени уяснила вопросъ о *ходѣ заселенія Европы*, который безъ каменныхъ памятниковъ опочившаго народа навсегда остался бы для насъ темною, закрытою страницею.

---

1) Worsaae—Zur Alterthumskunde des Nordens. L. 1847. p. 50—3. Weinhold — Die Heidnische Todtenbestattung in Deutschland. 1 Heft. W. 1859, p. 17—18.

2) Op. cit, p. 55.

9. Названія металловъ у индо-европейскихъ племенъ. Археологическіе выводы отсюда.

За *каменнымъ* вѣкомъ въ Европѣ непосредственно слѣдуетъ *бронзовый*, оставившій по себѣ многочисленные и глубокіе слѣды. Естественно возникаетъ вопросъ: какому племени принадлежитъ этотъ важный шагъ впередъ въ исторіи человѣчества, кто былъ виновникомъ открытія металловъ, кто впервые сумѣлъ примѣнить ихъ къ удовлетворенію нуждъ и потребностей человѣка? Сами ли первобытные обитатели Европы, путемъ постепеннаго развитія, пришли къ такому великому пріобрѣтенію и естественнымъ порядкомъ смѣнили камень на бронзу, или это совершили новые пришельцы, которымъ суждено было заключить періодъ дикой первобытной жизни и начать тотъ новый порядокъ вещей, изъ котораго вышла современная европейская культура! Уже по тому, что́ было замѣчено выше о перерывѣ, существующемъ между культурой каменнаго и бронзоваго вѣковъ, объ отсутствіи преемственности во внѣшнихъ формахъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій — можно утверждать, что не первобытные неизвѣстные обитатели, а новые колонисты основали культуру бронзоваго вѣка въ Европѣ. Насъ не можетъ въ этомъ мнѣніи остановить и то обстоятельство, что въ могилахъ каменнаго вѣка иногда встрѣчаются металлическія издѣлія изъ бронзы и даже желѣза: старыя могилы нерѣдко раскрывались за тѣмъ, чтобы принять въ себя останки новыхъ племенъ и народовъ, и если въ дѣйствительной тревожной жизни новый пришлецъ совершенно уничтожилъ и поглотилъ стараго аборигена, то за дверями гроба они мирно покоились другъ возлѣ друга, или другъ на другѣ, не споря болѣе за право обладанія мѣстностью.

Еще не принимая во вниманіе свидѣтельствъ языка, всѣ изслѣдователи, съ рѣдкимъ согласіемъ, относятъ бронзовый вѣкъ къ первымъ пришельцамъ великаго индо-европейскаго племени: съ появленіемъ бронзы обнаруживается большее чувство изящнаго, большій навыкъ въ искусствѣ, другой стиль въ украше-

ніяхъ и вообще высшее состояніе культуры; вмѣсто огромныхъ каменныхъ комнатъ съ несожженными тѣлами и простыми каменными орудіями — вдругъ появляются земляные холмы, могильныя помѣщенія, въ которыхъ почти всегда лежатъ сожженные трупы и при нихъ изящное вооруженіе и другія художественныя издѣлія изъ бронзы и золота. Вещей грубыхъ, которыя знаменовали бы естественный переходъ отъ каменной культуры къ бронзовой — не встрѣчается вовсе; словомъ — все указываетъ на иной, пришлый народъ, который замѣнилъ прежнихъ обитателей и принесъ съ собою новую развитую культуру![1]) Ни одно свидѣтельство, ни одинъ памятникъ, никакой даже простой намекъ — не говорятъ, что этотъ народъ былъ происхожденія не индо-европейскаго, напротивъ, многое свидѣтельствуетъ объ его арійскомъ источникѣ: если бы индо-европейскіе колонисты населяли Европу позднѣе, въ эпоху, когда гадательная бронзовая культура туземцевъ окрѣпла и развилась, то отъ столкновенія ея съ культурой пришлецовъ необходимо образовался бы особый художественный типъ, отличный отъ прежняго бронзоваго; а въ памятникахъ нѣтъ и слѣда такой борьбы: бронзовыя издѣлія разнообразны и по своимъ формамъ и по орнаментовкѣ, но это разнообразіе есть необходимое слѣдствіе нравственнаго и матеріальнаго развитія индо-европейскихъ племенъ, уже успѣвшихъ раздробиться и образовать особыя народности, каждая съ болѣе или менѣе особымъ характеромъ — и, при всемъ томъ, это разнообразіе издѣлій не таково, чтобы изъ-за него нельзя было не видѣть родственности ихъ происхожденія, ихъ общей колыбели, изъ которой они только самостоятельно выросли и развились. Съ бронзовой культуры начинается настоящая исторія художественной обработки металловъ въ Европѣ: съ этой эпохи можно слѣдить постепенность въ развитіи формъ и украшеній металлическихъ издѣлій; потому что нигдѣ нельзя уже замѣтить

---

1) Worsaae—Zur Alterth d. Nord p. 54, 56. Baer—Ueber d. früheste. Zustände der Menchen in Europa... p. 35–39.

такого перерыва, какой отдѣляетъ каменный вѣкъ отъ бронзоваго [1]). Одно уже это представляетъ достаточное ручательство въ индо-европейскомъ происхожденіи бронзоваго періода.

Вопросъ переносится теперь въ сферу болѣе частную: спрашивается, когда и какимъ путемъ достигли арійскія племена знакомства съ металлами, извѣстна ли была обработка ихъ въ эпоху первоначальнаго единства, или они пріобрѣли это важное для успѣховъ жизни искусство по своемъ раздѣлѣ на отдѣльныя группы, во время своего движенія въ Европу и въ самой Европѣ, было ли это искусство туземное, самопріобрѣтенное, или оно пришло извнѣ, отъ иныхъ племенъ чуждаго происхожденія? Академикъ К. М. Бэръ, не довѣряя выводамъ и сближеніямъ извѣстнаго лингвиста-археолога Ад. Пиктé, находившаго у первичнаго индо-европейскаго племени почти всѣ употребительные металлы, полагаетъ болѣе вѣроятнымъ обратное заключеніе и думаетъ, что знакомство съ металлами пріобрѣталось съ разныхъ сторонъ и что индо-европейскія племена, по крайней мѣрѣ отчасти, узнали эти металлы во время своихъ странствованій... «Если бы этимъ племенамъ, говоритъ К. М. Бэръ, были извѣстны всѣ металлы прежде развѣтвленія, то бронза не могла бы долго употребляться у нихъ для рѣжущихъ инструментовъ. Тогда не существовало бы отдѣльнаго періода бронзы» [2]). Не такъ рѣшительно говоритъ противъ знакомства первичнаго арійскаго племени съ металлами ученый знатокъ эранскихъ нарѣчій, Г. Лерхъ: въ своей замѣчательной статьѣ объ орудіяхъ каменнаго и бронзоваго вѣка въ Европѣ [3]) онъ, по крайней мѣрѣ, допускаетъ, что

---

1) Мы разумѣемъ здѣсь обработку легкоплавныхъ металловъ, но отнюдь не желѣза, грубый матеріалъ котораго естественно долженъ былъ обусловить возникновеніе грубыхъ вещей. Вотъ почему нѣкоторые изслѣдователи не замѣчаютъ послѣдовательности, между бронзовымъ и желѣзнымъ вѣкомъ; но не слѣдуетъ, кажется, упускать изъ виду трудности, сопряженной съ добываніемъ и обработкою желѣза: и самый образованный народъ, владѣющій художественною обработкою мѣди, познакомясь впервые съ желѣзомъ, могъ начать лишь съ грубыхъ издѣлій.

2) Über die frühest. Zustände d. mensch. in Europa, pag. 87.

3) Извѣстія Императ. Археологич. Общества т. 4-й Спб. 1863 г. стр. 149.

потому — едва ли вѣроятно, что постройки и орудія каменнаго вѣка принадлежатъ финнамъ-лапонцамъ, которые и теперь не имѣютъ прочной осѣдлости и еще менѣе должны были имѣть ее въ эпоху отдаленнѣйшей древности. Трудно также, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, допустить мысль, что лапонцы изъ первобытной осѣдлости обратились къ кочевью вслѣдствіе прилива индо-европейскихъ колонистовъ: это значило бы отрицать идею историческаго развитія; притомъ же каменныя орудія, встрѣчающіяся въ сѣверной Скандинавіи, гдѣ, какъ извѣстно, обитали лапонцы, во многомъ не походятъ на орудія южной Скандинавіи и остальной Европы: они выдѣланы изъ иного камня, не такъ художественно обработаны и вообще обнаруживаютъ гораздо низшую степень культуры противъ той, какую можно усмотрѣть изъ орудій такъ называемыхъ первобытныхъ обитателей Европы. Повсемѣстное распространеніе финновъ-лапонцевъ по Европѣ не встрѣчаетъ никакого подтвержденія со стороны историческихъ свидѣтельствъ и противорѣчитъ извѣстному широкому распространенію иберовъ; главная масса обитателей каменнаго вѣка сосредоточивалась на Западѣ, а финны сидѣли на Востокѣ; замѣчательно также, что во всей Норвегіи и сѣверной Швеціи, гдѣ обитали финны, не встрѣчается ни каменныхъ построекъ, ни каменныхъ могилъ [1]). Впрочемъ, Ворсó сомнѣвается и въ иберійскомъ происхожденіи построекъ и орудій каменнаго вѣка: онъ предпочитаетъ назвать этотъ народъ общимъ именемъ доисторическаго обитателя Европы [2]). Дѣло не въ имени, а въ томъ, что благодаря памятникамъ этого народа, наука до нѣкоторой степени уяснила вопросъ о *годѣ заселенія Европы*, который безъ каменныхъ памятниковъ опочившаго народа навсегда остался бы для насъ темною, закрытою страницею.

---

1) **Worsaae**—Zur Alterthumskunde des Nordens. L. 1847. p. 50—**B. Weinhold** — Die Heidnische Todtenbestattung in Deutschland. 1 Heft. W. 1859, p. 17—18.

2) Op. cit, p. 55.

2. *Названія металловъ у индо-европейскихъ племенъ. Археологическіе выводы отсюда.*

За *каменнымъ* вѣкомъ въ Европѣ непосредственно слѣдуетъ *бронзовый*, оставившій по себѣ многочисленные и глубокіе слѣды. Естественно возникаетъ вопросъ: какому племени принадлежитъ этотъ важный шагъ впередъ въ исторіи человѣчества, кто былъ виновникомъ открытія металловъ, кто впервые сумѣлъ примѣнить ихъ къ удовлетворенію нуждъ и потребностей человѣка? Сами ли первобытные обитатели Европы, путемъ постепеннаго развитія, пришли къ такому великому пріобрѣтенію и естественнымъ порядкомъ смѣнили камень на бронзу, или это совершили новые пришельцы, которымъ суждено было заключить періодъ дикой первобытной жизни и начать тотъ новый порядокъ вещей, изъ котораго вышла современная европейская культура! Уже по тому, что́ было замѣчено выше о перерывѣ, существующемъ между культурой каменнаго и бронзоваго вѣковъ, объ отсутствіи преемственности во внѣшнихъ формахъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій — можно утверждать, что не первобытные неизвѣстные обитатели, а новые колонисты основали культуру бронзоваго вѣка въ Европѣ. Насъ не можетъ въ этомъ мнѣніи остановить и то обстоятельство, что въ могилахъ каменнаго вѣка иногда встрѣчаются металлическія издѣлія изъ бронзы и даже желѣза: старыя могилы нерѣдко раскрывались за тѣмъ, чтобы принять въ себя останки новыхъ племенъ и народовъ, и если въ дѣйствительной тревожной жизни новый пришлецъ совершенно уничтожилъ и поглотилъ стараго аборигена, то за дверями гроба они мирно покоились другъ возлѣ друга, или другъ на другѣ, не споря болѣе за право обладанія мѣстностью.

Еще не принимая во вниманіе свидѣтельствъ языка, всѣ изслѣдователи, съ рѣдкимъ согласіемъ, относятъ бронзовый вѣкъ къ первымъ пришельцамъ великаго индо-европейскаго племени: съ появленіемъ бронзы обнаруживается большее чувство изящнаго, большій навыкъ въ искусствѣ, другой стиль въ украше-

первоначальныя индо-европейскія названія металловъ у разныхъ племенъ могли быть замѣнены современемъ *новыми*, стало быть въ эпоху индо-европейскаго единства могли существовать и свои собственныя имена, могла быть извѣстна и обработка металловъ [1]). Безъ подобныхъ предположеній не обходится еще пока никакая историческая наука, но въ настоящемъ случаѣ они едва ли необходимы: ни одинъ осторожный лингвистъ не сомнѣвается нынѣ въ томъ, что арійцамъ была извѣстна обработка и употребленіе металла—и сомнѣваться можно лишь на счетъ того, какой металлъ обозначался общимъ именемъ.

Остановимся на именахъ важнѣйшихъ металловъ у индо-европейскихъ племенъ и потомъ сдѣлаемъ нѣкоторые общіе археологическіе выводы.

Для обозначенія *металла* вообще—санскритъ употребляетъ слово *ayas*, въ другихъ родственныхъ языкахъ — отъ одного корня произошли слова, обозначающія то *мѣдь*, то *желѣзо*, таковы: латинское—*aes* (вмѣсто *ais* изъ *ayas*, или же, какъ сокращеніе, изъ *ahes*, *ahenus*), готское *ais* и (*eisarn*), древ. вер.-нѣмецкое *êr* (и *îsarn*), ново-нѣмецкое—*er-z*, древне-ирландское—*jarn* (изъ * *isarn*), англо-саксонское—*âr*, англійск.—*ore*. Трудно, почти невозможно думать, что сходство этихъ названій есть дѣло случая или внѣшняго заимствованія: они идутъ отъ одного корня, вылиты по одной первичной формѣ и въ теченіе многихъ столѣтій испытали лишь легкія видоизмѣненія; потому предположеніе, что арійскія племена въ эпоху до-историческаго единства были знакомы съ употребленіемъ металла—получаетъ силу достовѣрнаго историческаго явленія. Иной вопросъ, какой родъ металла обозначался этимъ названіемъ. Въ санскритѣ оно почти исклю-

---

1) Въ своей послѣдней статьѣ (ibid. т. V вып. 4, стр. 217) Г. Лерхъ уже прямо говоритъ, что, по его мнѣнію, «индо-европейскіе народы, при переселеніи своемъ въ Европу, не были знакомы съ обработкою металловъ». Такая опредѣленность произошла, по всему вѣроятію, вслѣдствіе мыслей, высказанныхъ К. М. Бэромъ и Нильсономъ.

чительно употреблялось для обозначенія *желѣза*, въ латинскомъ и нѣмецкихъ нарѣчіяхъ оно значило первоначально *мѣдь*, а потомъ тотъ металлъ, который въ древности употреблялся предпочтительно для практическихъ цѣлей, помѣсь мѣди съ оловомъ или цинкомъ, *бронзу*. Максъ Мюллеръ думаетъ, однако, что и въ санскритѣ *ayas* первоначально значило *металлъ*, т. е. *мѣдь*, а когда мѣсто мѣди заступило желѣзо, это слово получило другое спеціальное значеніе, значеніе *желѣза*. Въ Атарва-Ведѣ (XI, 3, 1, 7) и въ Vâjasaneyisanhitâ (XVIII, 13) встрѣчается мѣсто, гдѣ дѣлается различіе между *Syâmam ayas* = *темный, черноватый металлъ*, и *loham* или *lohitam ayas*=*свѣтлый металлъ*, такъ что первое значитъ *мѣдь*, второе же — *желѣзо*. Мясо животныхъ сравнивается съ мѣдью, кровь уподобляется желѣзу. Это показываетъ, что исключительное значеніе *ayas*=*желѣзо*—позднѣйшаго происхожденія и дѣлаетъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что, подобно племенамъ латинскимъ и нѣмецкимъ, индусы первоначально съ словомъ *ayas* соединяли понятіе о металлѣ *par excellence*, т. е. о *мѣди*. Въ греческомъ *ayas* перешло бы *ἐς*, но оно не удержалось и было замѣнено словомъ *χαλκός*: это слово тоже первоначально значило *мѣдь*, а позднѣе получило значеніе *металла вообще* и *χαλκεύς* = *ковачь мѣди* встрѣчается въ Одиссеѣ (12, 391) въ значеніи *кузнеца вообще*, или работника желѣза, *σιδηρεύς*. Ясно, что греческая народность уже существовала до открытія желѣза. Даже въ греческой поэзіи сохранилась память о періодѣ, когда мѣдь была единственнымъ металломъ, употреблявшимся для приготовленія оружія, военныхъ доспѣховъ и мирныхъ орудій: Гезіодъ говоритъ о третьемъ поколѣніи людей, «которое имѣло мѣдное оружіе, мѣдные домы, мѣдью работало (пахало) и не знало чернаго желѣза». Въ поэмахъ Гомера—ножи, концы копій, доспѣхи — приготовлялись все еще изъ мѣди... Можно думать, что древніе знали способъ придавать твердость этому мягкому металлу... Латинское *cuprum* очень поздняго происхожденія: оно вошло въ общее употребленіе не ранѣе III—IV в. и было лишь простымъ сокращеніемъ двухъ словъ *aes cyprium*.

не должно быть объяснено случайностью созвучія или внѣшнимъ заимствованіемъ; многія изъ племенъ арійскаго корня по раздѣленіи и пришествіи своемъ въ Европу—оставались чужды другъ другу и не имѣли между собою никакихъ исторически извѣстныхъ сношеній и столкновеній и потому не могли передать другъ другу этихъ названій. Это сходство родственное, идущее изъ эпохи единства индо-европейскихъ племенъ: выдѣляясь изъ общаго племеннаго потока, становясь на собственныя ноги, каждый народъ забралъ съ собою и запасъ словъ, образовавшійся въ эпоху этнологическаго единства; съ теченіемъ времени старыя слова забывались, замѣнялись новыми, или же видоизмѣнялись подъ вліяніемъ новыхъ природныхъ и историческихъ условій. Намъ неизвѣстны въ точности внутреннія причины этихъ видоизмѣненій, но существованіе законовъ, по какимъ совершались эти измѣненія—не подлежитъ сомнѣнію: на это указываетъ постоянство и правильность фонетическихъ измѣненій въ языкахъ, и если взглянуть на приведенныя мною названія металловъ у различныхъ племенъ съ точки зрѣнія законовъ, дѣйствовавшихъ въ языкахъ индо-европейскаго корня, то всѣ названія окажутся не только *сходными*, но и родственными, идущими отъ одного корня, органически правильно измѣнившими свою фонетику; потому, я думаю, съ увѣренностью можно заключить, что арійскимъ племенамъ—еще до разселенія ихъ—было извѣстно употребленіе металловъ: золота, серебра и мѣди въ болѣе или менѣе чистомъ состояніи: санскритъ, латинскій, нѣмецкій и кельтскій языки сходятся въ названіяхъ мѣди или бронзы; славянскій, литовскій и нѣмецкій — въ названіяхъ золота и серебра; санскритъ, зендъ, греческій, латинскій, кельтскій—въ названіяхъ серебра.

Не всѣ, какъ видно, племена удержали древнія названія трехъ металловъ: золота, серебра и мѣди: иныя образовали новыя на-

---

126) A. W. Schlegel — Indische Bibliothek; Bonn. 1823 t. 1. p. 242—245; Max Müller — Lectures on the science of language. Second series L. 1864, p. 230 — 236.

званія; но такое явленіе ничего не говоритъ противъ основной мысли объ исконномъ знакомствѣ арійскихъ племенъ съ употребленіемъ металловъ: на долгомъ пути отъ равнинъ средней Азіи въ Европу народы могли на нѣкоторое время быть лишены употребленія нѣкоторыхъ металловъ: это обусловливалось и переходнымъ, непосѣднымъ бытомъ ихъ и металлургическою природою странъ, проходимыхъ ими,—такъ съ утратой предметовъ утратились и имена ихъ; но усѣвшись на прочныя жилища, они скоро воротили утраченное и естественно должны были образовать новыя названія, какъ для новоотысканныхъ металловъ, такъ и для искусства ихъ обработки.

Въ противоположность названіямъ мѣди, золота и серебра, названія желѣза различны въ каждой изъ главныхъ отраслей арійской семьи — и если вспомнимъ, что санскритское *ayas* первоначально значило то же, что латинское—*aes*, готское *ais*, а потомъ стало обозначать *желѣзо*, что нѣмецкое названіе желѣза произведено отъ готскаго *ais* и что греческое *χαλκός*, сперва обозначавшее мѣдь, употреблялось потомъ въ значеніи металла вообще, а иногда и въ значеніи желѣза—то можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что индо-европейскіе языки существовали прежде открытія желѣза, что отдѣльныя племена арійской семьи познакомились съ этимъ полезнѣйшимъ металломъ послѣ своего разселенія, потому-то каждое племя образовало названіе этого металла изъ своихъ собственныхъ средствъ, наложивъ на него свой національный отпечатокъ, между тѣмъ какъ названія золота, серебра и мѣди были вынесены изъ общей сокровищницы ихъ прародины. Первобытное арійское племя не только было знакомо съ металломъ, но и умѣло обработывать его, придавать ему извѣстную форму для извѣстныхъ цѣлей: нѣкоторыя изъ орудій, служащихъ и теперь для мирныхъ и воинственныхъ цѣлей, удержали свои первоначальныя названія: *серпъ*-греч. ἅρπη (вм. σάρπη), латинск.—*sarpo*=очищать, обрѣзывать, франц. — *serpe* = орудіе, которымъ обрѣзываютъ вѣтви, нѣмецк. — *sarf* (изъ scarf) — могъ быть только изъ металла, рав-

нымъ образомъ изъ металла должны были быть и острыя рѣжущія и колющія орудія, какъ *топоръ*, *ножъ*, *мечъ*, *копье*, *стрѣла*, *буравъ*, для которыхъ также существуютъ общія названія во многихъ индо-европейскихъ языкахъ. Замѣчательно, что и термины *кузнечнаго дѣла*, *ковки*, *литья* одинаковы у самыхъ отдаленныхъ народовъ арійскаго корня [1]). Индо-европейское племя не было народомъ кочевымъ: оно имѣло прочныя жилища, обработывало землю *плугомъ* и *сохою*, знало различные роды зернового хлѣба; а при такихъ условіяхъ быта почти нельзя представить народа, не знающаго употребленія и пользы металловъ, еслибы даже и не сохранилось никакихъ иныхъ свидѣтельствъ о такомъ знакомствѣ [2]).

Языкъ предложилъ намъ вѣрное свидѣтельство о знакомствѣ древнѣйшихъ арійскихъ племенъ съ металлами. Не излишнимъ будетъ теперь съ точки зрѣнія добытаго вывода еще разъ осмотрѣть этнологію орудій бронзоваго и желѣзнаго вѣка въ Европѣ. Для полнаго и окончательнаго результата недостаетъ лишь средняго термина, неизвѣстнымъ остается употребленіе металловъ въ эпоху переселенія арійскихъ племенъ: оставивъ арійскую прародину, непрерывно-ли сохранили эти племена искусство обработки металловъ, сами ли они, путемъ самостоятельнымъ — принесли это искусство въ Европу, или позабывъ однажды пріобрѣтенное, научились ему лишь впослѣдствіи отъ народовъ чуждаго происхожденія, иными словами: принадлежитъ ли бронзовый вѣкъ къ самобытной культурѣ арійскихъ переселенцевъ, или онъ

---

1) Ad. Pictet, Les origines Indo-Européennes ou les Aryâs primitifs. Par. 1863, 2 т. стр. 103 — 39. Здѣсь представленъ подробный лингвистическій разборъ этихъ наименованій и терминовъ, хотя, конечно, никто не назоветъ его вполнѣ рѣшающимъ дѣло: Пикте недостаетъ основательнаго знакомства съ литовскимъ и славянскими нарѣчіями. Болѣе осторожный, чѣмъ Пиктэ — А. Веберъ также полагаетъ, что арійское племя знало употребленіе *мѣди* или *бронзы* (ers) и изъ нея выдѣлывало свои орудія: *мечи*, *косы*, *копья* и *стрѣлы*. v. Indische Skizzen. B. 1857, p. 9 sq.

2) Pictet—Les origines, II, p. 87—98, 235 sqt., 309 sqt. Kuhn—Zur ältest. Gesch. d. Indo-german. Völker (1845) p. 12—18 и Justi—въ Historisch. Taschenbuch v. Raumer. Leip. 1862. p. 317—323.

возникъ подъ вліяніемъ чуждой, иноземной культуры, съ которой арійцы ознакомились въ эпоху своихъ переселеній въ Европу?... Въ пользу послѣдняго предположенія, сколько мнѣ извѣстно, нельзя найти ни одного прочнаго археологическаго указанія; а противъ него — говоритъ многое: еслибы арійскіе колонисты заимствовали обработку металловъ отъ чужихъ народовъ, то они не удержали бы собственныхъ древнихъ названій металловъ: что приносится извнѣ, то почти всегда отмѣчается чужимъ именемъ и долго, по крайней мѣрѣ—носитъ на себѣ печать чуждаго происхожденія. Ни того, ни другаго нельзя сказать объ орудіяхъ и издѣліяхъ бронзоваго вѣка Европы. Въ могилахъ этого вѣка, правда, находятся издѣлія, обнаруживающія близкое сходство съ вещами чудскими, финикійскими и вообще восточными, но количество этихъ вещей всегда останется незначительнымъ сравнительно съ огромнымъ запасомъ издѣлій самобытнаго европейскаго происхожденія или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя должно признать за самобытныя, потому что нельзя признать за заимствованныя. Многіе ученые отрицаютъ самобытное происхожденіе европейскихъ бронзовыхъ издѣлій [1]), но ни одинъ изъ нихъ еще не указалъ полнаго тожества между предметами европейской и азіатской (фино-чудской, финикійской или юго-азійской) бронзы: замѣчаютъ лишь сходство въ нѣкоторыхъ частностяхъ, указываютъ мелкія однородности въ стилѣ формъ и украшеній, приводятъ и тожество между немногими вещами, но все это далеко отъ того полнаго сходства или тожества, которое одно можетъ дать прочную опору для мысли о внѣшнемъ заим-

1) Nilsson — Die Ureinwohner des Scandinavischen Nordens. Hamb. 1863, а также и прибавленіе къ этому сочиненію (Nachtrag), издан. въ нѣмецк. переводѣ въ нынѣшнемъ году, ibid. 64 стр. Лерхъ полагаетъ, что «индо-европейскіе народы, занявшіе Балканскій и Апеннинскій полуострова, познакомились съ обработкою металловъ (сначала мѣди) чрезъ жителей передней Азіи. Впослѣдствіи южная Европа передала умѣнье обработывать мѣдь и желѣзо западной части сѣверной Европы, снабжавши ее передъ тѣмъ долгое время готовыми металлическими произведеніями». Извѣстія Археол. общ. т. 5, вып. 4 1884), стр. 217.

ованія[1]). Зная раннія торговыя сношенія Европы съ Азіей, ло бы странно, если бы въ почвѣ ея не отыскалось слѣдовъ іхъ сношеній, восточныхъ монетъ, металлическихъ издѣлій; но лючать отсюда о круговомъ, повальномъ заимствованіи бронзыхъ вещей съ Востока—несогласно съ осторожною археолоческою критикой; потому нѣтъ, кажется, причинъ относить оисхожденіе европейской бронзы къ внѣшнему заимствованію, раздо вѣроятнѣе признать ея самобытное арійское происхожіе: съ одной стороны эта мысль находитъ поддержку въ несинѣнномъ раннемъ — и при томъ непрерывномъ — знакомствѣ до-европейскихъ племенъ съ употребленіемъ мѣди, золота и ребра; съ другой ее подкрѣпляетъ то явленіе, что во многихъ стахъ Швейцаріи, Франціи, Англіи, Германіи и Скандинавіи ѣстѣ съ бронзовыми орудіями нерѣдко находятъ и литейныя цели и формы, неоконченные, или неудавшіеся опыты, литья юзлѣ нихъ грубые куски металла, предназначенные для расвки[2]).

Итакъ должно принять, что индо-европейскія племена вступи въ Европу съ умѣніемъ обработывать мѣдь, золото и сеібро. Имъ, а не инымъ какимъ народамъ, принадлежитъ кульра бронзоваго вѣка въ Европѣ, потому и археологъ имѣетъ іное право воспользоваться матеріаломъ бронзоваго періода і поясненія древнѣйшей жизни и быта арійскихъ колонистовъ европейской почвѣ.

Не вдругъ, однако же, произошло заселеніе Европы: племна шли не въ одно время и не сплошною массою, а дробными ;елками, постепенно заселяя страну и подвигаясь все далѣе западу вслѣдствіе новаго притока колонистовъ; порядокъ го движенія опредѣляется какъ географіей племенъ, такъ и

1) Полное тожество формъ встрѣчается только въ орудіяхъ, извѣстныхъ , именемъ кельтовъ, но это орудіе остается до сихъ поръ загадкою въ ологіи: ученые несогласны между собою на счетъ его происхожденія и реблевія.

2) Worsaae—Zur Alterthumskunde des Nordens. p. 60—1.

изслѣдованіемъ сродства и взаимныхъ отношеній языковъ: первыми на почву средней Европы должны были вступить кельты, за ними шло племя нѣмецкое, потомъ литва и славяне[1]). Какому же изъ этихъ народовъ принадлежатъ орудія бронзоваго вѣка? Большинство ученыхъ археологовъ оставляетъ ихъ за кельтами[2]), но гораздо вѣроятнѣе думать, что бронзовый вѣкъ принадлежалъ столько же кельтамъ, сколько и другимъ индо-европейскимъ племенамъ, населявшимъ Европу: бронза не была исключительною собственностью кельтовъ, непрерывное употребленіе и обработка ея, какъ мы видѣли, были извѣстны и племенамъ нѣмецкимъ, и при всемъ сходствѣ орудій и издѣлій бронзоваго вѣка въ разныхъ мѣстахъ средней Европы, между ними нельзя не замѣтить и глубокой разницы въ стилѣ и украшеніяхъ, разницы, которая можетъ быть объяснена не иначе, какъ различіемъ въ народностяхъ; потому слишкомъ смѣло поступаютъ тѣ археологи, которые рѣшаются говорить о кельтскомъ заселеніи сѣверной Германіи и Скандинавіи лишь на основаніи бронзовыхъ издѣлій, тамъ находимыхъ: бронзовый вѣкъ обнимаетъ не одну какую-нибудь народность, а цѣлый періодъ времени, вмѣщавшій въ себѣ рядъ племенъ и народовъ индо-европейскаго потока[3]). Археологической наукѣ предстоитъ здѣсь важная, хотя и трудная работа: она должна опредѣлить особый бронзовый стиль, принадлежащій каждой народности. Только послѣ этого историкъ культуры въ должной и законной мѣрѣ можетъ воспользоваться богатымъ матеріаломъ бронзоваго вѣка.

Бронзовый вѣкъ былъ только переходнымъ періодомъ въ жизни индо-европейскихъ племенъ: бронза господствовала лишь до тѣхъ поръ, покамѣсть они пассивно завладѣвали землею и по-

---

1) Schleicher—Die ersten Spaltungen des Indo-germanischen Urvolkes, въ Allgem. Monatsschrift für Literatur und Wissenschaft, 1853, стр. 786—7. Kuhne—Die Deutsche Sprache. St. 1860, p. 71—84.

2) Worsaae — Dänemark's Vorzeit, Kop. 1844, p. 110 et sqt. Schreiber's Taschenbuch f. Geschichte und Alterth. passim.

3) Worsaae—Zur Alterthumsk. des Nordens. p. 58—63. Weinhold—Die heidnische Todtenbestattung. 1. p. 20 (или 184, тома Sitzber).

корили дикую, лѣсную природу, пріучая ее къ удовлетворенію потребностей осѣдлой земледѣльческой жизни; но съ первымъ дѣйствительнымъ выходомъ народа на сцену исторіи, мы видимъ его обладателемъ *желѣза*. Открытіе желѣза знаменуетъ новый періодъ въ исторіи міра: оно не находится, подобно мѣди, золоту и серебру, въ безпримѣсномъ состояніи, желѣзная руда требуетъ поисковъ, изслѣдованія и процессъ выдѣленія изъ нея чистаго металла не совсѣмъ легокъ, потому желѣзо появилось позднѣе прочихъ общеупотребительныхъ металловъ: арійское племя въ эпоху единства не знало употребленія желѣза, оно стало извѣстно лишь впослѣдствіи, когда главнѣйшія племена раздробились и обособились въ отдѣльныя народности, и можно полагать, что каждая народность познакомилась съ желѣзомъ путемъ самостоятельнымъ и притомъ уже на новыхъ европейскихъ своихъ жилищахъ, иначе, скажемъ мы съ акад. Бэромъ — не существовало бы особаго періода бронзы въ Европѣ, не было бы и такого рѣзкаго несходства въ названіяхъ желѣза и желѣзныхъ орудій у разныхъ народовъ. К. М. Бэръ полагаетъ, что сѣверныя племена могли заимствовать обработку желѣза отъ финновъ, извѣстныхъ и по скандинавскимъ, и по туземнымъ преданіямъ за искусныхъ ковачей [1]); но есть причины сомнѣваться, что слава эта пріобрѣтена ими за художественную обработку желѣза: раскопки фино-чудскихъ могилъ показываютъ лишь весьма слабую часть желѣзныхъ орудій сравнительно съ богатою обработкою мѣдныхъ и бронзовыхъ. Сверхъ того, какъ показалъ Шёгренъ [2]), финны извлекали желѣзо изъ болотъ и не пользовались горными залежами, а одно изъ финскихъ словъ, обозначающихъ желѣзо, заимствовано изъ языковъ славянскихъ: *rauta* = *руда*, потому что въ языкахъ индо-европейскихъ (латинск. — *rudus*, литовск. — *rùda*, *rauda* = красная краска, *rudas* = темно-красный, русск. — *руда* въ смыслѣ крови, *рудый* =

1) Baer—Ueber die frühest. Zustände d. Menschen in Europa. p. 87.
2) Sjögren's—Zur Metallkunde der alten Finnen und anderer tschudischer Völker—въ его Gesammelte Schriften. S.-Pb. 1861, t. I. стр. 625—638.

красно-желтый) это слово имѣетъ свой корень и смыслъ, въ финскомъ же представляется безъ особеннаго знаменованія, хотя и получило весьма широкое распространеніе и даже перешло въ мѣстныя названія. Гораздо болѣе залоговъ истины имѣетъ за собою мнѣніе Ворсó, который полагаетъ, что обработка желѣза въ средней и сѣверной Европѣ возникла подъ вліяніемъ римской культуры [1]): дѣйствительно, сходство формъ скандинавскихъ военныхъ орудій съ римскими указываетъ на прямое и рѣшительное заимствованіе, но едва ли вліяніе классической культуры было такъ широко, чтобы исключительно ему одному можно было приписать возникновеніе желѣзнаго вѣка: оно могло сообщить толчокъ, вызвать искусство обработывать желѣзо, выдѣлять его изъ соединенія съ прочими металлами, но *повсемѣстная* культура желѣза не была занесена съ юга и должна была возникнуть самостоятельно, путемъ постепеннаго, туземнаго знакомства съ этимъ металломъ: уже въ самыхъ издѣліяхъ бронзоваго вѣка замѣчается значительная примѣсь желѣза [2]), въ могилахъ Даніи, южной Швеціи, всей Европы при бронзѣ находится и желѣзо: бронза преобладаетъ, но не отсутствуетъ и желѣзо. Все это указываетъ на возможность самостоятельнаго знакомства съ желѣзомъ, на постепенность въ ознакомленіи съ нимъ, нужно было лишь прійти къ убѣжденію въ высокомъ значеніи этого металла для жизни, чтобы начать новую эпоху европейской культуры, *эпоху желѣза*.

Можетъ-быть, такое убѣжденіе и было плодомъ сближенія съ культурою классическаго міра!

3. Металлы у скиѳовъ. Общіе результаты изслѣдованія.

Не можемъ обойти еще одного важнаго для насъ вопроса, употребленія металловъ у скиѳскихъ племенъ. Не безъ основанія нѣкоторые изслѣдователи [3]) считаютъ скиѳовъ за племя индо-ев-

---

1) Zur Alterthumsk. des Nordens. p. 63 et sqnt.

2) Wocel—Archäologische paralellen, I, p. 9, 12—14, 36.

3) Grimm—Gesch. d. deutsch. Sprache I p. 5218. Bergmann—Les Scythes.. Colm. 1858. Ch. Lenormand—Les Antiquités du Bosphore Cymmerien. Par. 1861.

ропейскаго происхожденія. У древнихъ историковъ, географовъ и поэтовъ — названія: Скиѳія, скиѳы не имѣютъ строгаго географическаго и этнологическаго смысла. Скиѳія — это обширныя области, лежавшія на сѣверъ и востокъ отъ Чернаго моря, скиѳы — это собирательное имя народовъ, занимавшихъ эти страны. Нѣтъ сомнѣнія, что въ составъ скиѳовъ входили и кочевники чудскаго или монгольскаго происхожденія и племена индо-европейскія. Полукочевая-полуосѣдлая стоянка скиѳовъ на равнинахъ южной Руси стоитъ въ видимой связи съ великимъ движеніемъ племенъ изъ средней Азіи въ Европу. Физическій обликъ скиѳовъ, образъ жизни, религія, нравы, обычаи ихъ, на сколько они извѣстны изъ неполныхъ и неточныхъ историческихъ указаній, находятъ многочисленныя аналогіи въ жизни индо-европейскихъ племенъ, германцевъ, славянъ, литвы и взаимно другъ другомъ объясняются [1]), потому намъ необходимо коснуться вопроса объ употребленіи металловъ у скиѳскихъ племенъ: скиѳы служатъ единственными представителями того переходнаго періода жизни индо-европейскихъ племенъ, которымъ замыкается древняя азіатская эпоха и начинается новая, европейская!

По извѣстіямъ Геродота, *золото* и *желѣзо* были употребительнѣйшими металлами у скиѳовъ: золото находилось въ большомъ количествѣ на западной границѣ и на сѣверѣ, гдѣ Аримаспы тайно похищали его у грифовъ стражей золота (IV, 27), массагеты употребляли его для украшенія вооруженія головы, плечъ и самаго туловища (I. 215); желѣзо служило для военнаго оружія: желѣзный мечъ, символъ бога войны, находимъ въ каждой области (IV, 62, 71), впрочемъ у собственныхъ скиѳовъ и сарматовъ желѣзо не было обыкновеннымъ металломъ: по замѣ-

---

4⁰. Šafařík. Slovanské Starožitnosti. Pr. 1837 p. 227 et sq. Hansen—Ost-Europa nach Herodot... Dorp. 1844.

1) Неполный и недостаточный опытъ сближенія скиѳскихъ нравовъ, обычаевъ и образа жизни съ индо-европейскими былъ сдѣланъ мною въ журн. «*Лѣтописи русской литературы и древности*», изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. (I-II, вып. 1-II, М. 1859 стр. 121—144.

чанію Павзанія (I, 21, 8) — савроматы не знали искусства обработывать желѣзо, а массагеты вовсе не употребляли его, и почва, ими обитаемая, не заключала желѣза, но за то была неисчерпаемо богата золотомъ и *мѣдью*, изъ которой они вырабатывали копья и военныя сѣкиры (I, 215). Хотя въ одномъ мѣстѣ своей исторіи (IV, 71) Геродотъ и замѣчаетъ, что *мѣдь* не была въ употребленіи у скиѳовъ, но, описывая (VI, 81) исполинскій сосудъ, сдѣланный изъ оконечностей стрѣлъ, онъ называетъ его χαλκήιον — *мѣднымъ*, такъ что мы имѣемъ право предположить, что скиѳы пользовались мѣдью для приготовленія стрѣлъ. *Серебро* не употреблялось вовсе ни у собственныхъ скиѳовъ, ни у массагетовъ (I, 215, IV, 71) [1]. Изъ этихъ нѣсколько разнорѣчивыхъ извѣстій можно однакоже сдѣлать тотъ достовѣрный выводъ, что скиѳскимъ племенамъ было извѣстно употребленіе всѣхъ важнѣйшихъ металловъ, за исключеніемъ серебра, болѣе всего употреблять *золото* и *желѣзо*. Если, послѣ этого, мы обратимся къ могиламъ, схоронившимъ остатки нѣкогда славныхъ скиѳовъ, то найдемъ полное подтвержденіе древнихъ извѣстій: въ двухъ важнѣйшихъ и безспорно скиѳскихъ курганахъ — Александровскомъ и Чертомлыкѣ находки состояли въ вещахъ изъ золота, серебра, мѣди и желѣза; въ другихъ, менѣе замѣчательныхъ южныхъ курганахъ, относимыхъ не безосновательно къ скиѳскимъ — также найдены были вещи всѣхъ четырехъ родовъ металла [2]). Отсутствіе точныхъ и подробныхъ описаній скиѳскихъ раскопокъ не дозволяетъ еще сдѣлать вывода на счетъ количествен-

---

1) Hansen. Ost-Europa nach Herodot, Dorp. 1844, p. 63—64.—Ukert Skythien... N. 1846 г., p. 246—7. — Eichwald — Alte Geographie des Kaspisch. Meeres. Ber. 1838, p. 18—19 et passim.

2) Журналъ Минист. Народ. Просв. 1853, № 7 (ч. LXX, IX, отд. II) стат. Терещенка. «*Насыпи могильныя въ Южной Россіи*», стр. 1—36. Извлеченіе изъ всепод. отчета объ археол. разысканіяхъ въ 1853, Спб. 1855, стр. 47 — 65. Сравни также: стат. Zwick'a: «Die gräber in den Caucasischen Don.» въ Dorpater Jahrbücher 1835, № 10, стр. 285 — 290; таблицы кургановъ, разрытыхъ Корнисомъ въ «Bulletin scient. de L'Academie de Spb». 1845, № 37 и стат. Кёппена: «Sur quelques tumulus dans la Russie meridionale», ibid. 1838, № 18—19 IV-го тома.

наго отношенія найденныхъ металлическихъ вещей, но можно думать, что скиѳскія могилы заключатъ въ себѣ серебра относительно менѣе, чѣмъ золота, желѣза и мѣди. Этимъ хотя отчасти объясняется извѣстіе Геродота, что скиѳы не употребляли серебра вовсе.

Допустивъ мысль объ индо-европейскомъ происхожденіи скиѳскихъ племенъ, невольно останавливаемся на важномъ извѣстіи, что имъ было знакомо употребленіе *желѣза*, невольно приходимъ къ убѣжденію, что индо-европейскія племена лишь въ Европѣ познакомились съ этимъ полезнѣйшимъ металломъ. Въ то время, какъ западныя колоніи арійскихъ племенъ, кельты и народы нѣмецкіе — пользуются лишь *бронзовыми орудіями*, юго-восточные, скиѳы, быть можетъ родоначальники литвы и славянъ — уже владѣютъ *желѣзомъ* и умѣютъ искусно употреблять его для удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей. Сами ли они выработали это искусство, или заимствовали его, своихъ сосѣдей: сѣверной чуди, издавна занимавшейся обширнымъ металлическимъ производствомъ [1]), или отъ классическихъ народовъ, съ которыми стояли въ такихъ близкихъ сношеніяхъ, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ — скиѳы первые изъ всѣхъ народовъ центральной Европы начали эпоху европейскаго желѣзнаго вѣка.

Этимъ я окончу замѣтки объ употребленіи металловъ въ древнѣйшую эпоху жизни индо-европейскихъ племенъ, не коснувшись многихъ входящихъ сюда вопросовъ, какъ напр. вопроса о мѣстѣ и времени появленія бронзы, т. е. сплава мѣди съ оловомъ и позднѣе съ цинкомъ.

Въ заключеніе позволю себѣ собрать въ одно цѣлое общіе выводы, слѣдующіе изъ моего изложенія.

Умѣніе обработывать и пользоваться металлами восходитъ къ отдаленной эпохѣ доисторическаго единства индо-европей-

1) Эйхвальдъ — «О Чудскихъ копяхъ», Записки Импер. Археологическаго Общества, т. IX, вып. 2-ой, стр. 270—280.

скихъ племенъ: еще до раздробленія на отдѣльныя вѣтви—арійцы знали употребленіе *мѣди* и, можетъ-быть, двухъ благородныхъ металловъ—*золота* и *серебра*. Несомнѣннымъ представляется употребленіе *мѣди* и *серебра* у вѣтви греко-итало-кельтской и индо-эранской, *мѣди*, *золота* и *серебра*—у вѣтви летто-славяно-нѣмецкой. На европейскую почву всѣ эти племена вступили съ умѣніемъ обработывать металлы: мѣдь (бронзу), золото и серебро, и потому бронзовая культура средней Европы была самобытнымъ произведеніемъ первыхъ колонистовъ арійскаго племени: кельтовъ и народовъ нѣмецкихъ. Въ исторіи употребленія *мѣди* у племенъ летто-славянскихъ замѣчается нѣкоторый переломъ, заставившій ихъ образовать собственныя, отличныя отъ прочихъ родственныя—названія этого металла; происходилъ ли этотъ переломъ вслѣдствіе временной утраты знакомства съ мѣдью, или это была простая замѣна стараго названія новымъ,—рѣшить, пока, невозможно. Юго-восточная часть Европы не знала строгаго бронзоваго періода: уже древнѣйшіе ея поселенцы—скиѳы владѣютъ желѣзомъ въ богатомъ количествѣ; позднѣе, въ первые вѣка по Р. Х, и вся сѣверная и средняя Европа мѣняетъ бронзу на желѣзо, постепенно достигнувъ искусства его обработки. Чужеземныя вліянія на культуру бронзоваго и желѣзнаго вѣка въ средней Европѣ не могутъ быть указаны съ полною отчетливою достовѣрностью: если они и *были*, то далеко не въ такой рѣшительной степени, чтобы имъ однимъ можно было приписать возникновеніе бронзовой и желѣзной культуры. Вообще есть гораздо болѣе причинъ принимать самостоятельное возникновеніе и образованіе этой культуры, чѣмъ думать о внѣшнемъ заимствованіи. По всему этому исторію индоевропейской культуры въ Европѣ должно начинать не съ каменныхъ построекъ и орудій, принадлежащихъ первобытнымъ обитателямъ страны, а съ періода бронзы для сѣверной и средней Европы и совмѣстнаго употребленія бронзы и желѣза для юго-восточной.

Вотъ все, что можно сказать о такой отдаленной древности,

опираясь на свидѣтельство языка, исторiи и нѣмые монументальные документы!

Итти ли далѣе, за предѣлы первобытнаго арiйскаго племени, къ первоначальной колыбели народовъ? Утверждать ли, подобно одному археологу, замѣчательному сколько обширною ученостью, столько и мистическимъ взглядомъ на предметы, что арiйцы сами переняли искусство пользоваться металлами отъ другихъ верхне-азiйскихъ племенъ, что поэтому существовалъ у нихъ презираемый ими культъ металловъ, страшныя божества металловъ.... [1]).

Младенчествующiй человѣкъ населилъ свою исторiю многими миѳическими мечтанiями и грёзами: есть у него и свое золотое время и свои безгрѣшные люди-прародители; но наука имѣетъ дѣло лишь съ дознаннымъ фактомъ, она прибѣгаетъ къ догадкамъ лишь тогда, когда существуютъ достаточныя основанiя для нее....

Вотъ почему здѣсь должно пока остановиться!

Скандинавскiй корабль на Руси.

Въ числѣ памятниковъ, достойныхъ вниманiя и мысли археолога, представляющихъ не малую добычу для его соображенiй, по всей справедливости можно назвать и произведенiя устной народной словесности. Даже записанныя въ позднѣйшее время и въ позднѣйшей формѣ, они часто хранятъ въ себѣ драгоцѣнныя черты старины, которыя остались бы вовсе неизвѣстны намъ, если бы ихъ не сберегла благодарная память народа.

Особыя исключительныя условiя древне-русскаго образованiя не дозволили произведенiямъ народной словесности войти въ

---

1) L'Athenaeum français III, 1854, № 33, p. 577 — 8. «Des origines de la metallurgie» par baron Eckstein.

письменность и получить литературную обработку: какъ были, такъ и оставались они устнымъ достояніемъ простого народа до поры, когда наука захотѣла обезпечить ихъ отъ дальнѣйшей порчи и утраты рукою умѣлыхъ собирателей и приняла ихъ подъ защиту, какъ свое законное достояніе. Оттого у насъ вовсе нѣтъ пѣсенъ, о которыхъ можно было бы сказать, что онѣ исключительно принадлежатъ извѣстной эпохѣ и сохранились въ своемъ первобытномъ видѣ, еще не тронутомъ порчею и позднѣйшими привнесеніями. Передъ нами лежитъ лишь огромная масса разновременнаго матеріала, части котораго сплотились между собою въ разнообразныя причудливыя сочетанія: возлѣ воспоминаній — если такъ можно выразиться, вчерашняго дня — стоятъ и воспоминанія глубокой старины, и стоятъ не какъ внѣшняя механическая прибавка, но соединенныя между собою простодушіемъ и наивностью народнаго чувства, не требующаго строгой исторической или хронологической достовѣрности, не смущающагося никакими сомнѣніями. Кто привыкъ вникать въ исторію народа, въ развитіе его быта, тотъ не удивится этой помѣси анахронизмовъ и противорѣчій, наполнявшихъ и наполняющихъ его существованіе. Съ той поры, какъ человѣкъ перешагнулъ непосредственное природное состояніе и выступилъ на сцену исторической дѣятельности — противорѣчія и анахронизмы стали необходимымъ дѣйствующимъ началомъ его жизни и исторіи: отъ нихъ не свободны ни образованныя общества, ни высокоразвитыя отдѣльныя личности, — и какъ часто многія историческія событія своимъ происхожденіемъ бываютъ обязаны противорѣчію между сознаннымъ убѣжденіемъ и роковымъ, безсознательнымъ влеченіемъ къ поступку! Можно даже сомнѣваться, что это дѣятельное историческое начало когда-нибудь исчезнетъ предъ общею нивеллирующею силою образованія и науки, что жизнь, однажды нарушенная вторженіемъ противорѣчій, подведетъ итогъ всѣмъ своимъ анахронизмамъ, нравственнымъ и матеріальнымъ — и вступитъ въ послѣдовательное ровное теченіе! Сѣтовать ли на такое, повидимому болѣзненное движеніе исторіи, ставить ли ей

въ упрекъ обиліе противорѣчій, густыми слоями скопившихся отъ разныхъ періодовъ жизни и во многомъ препятствующихъ успѣхамъ просвѣщенія? Но это значило бы сѣтовать на всю исторію, отнимать у нея живой характеръ борьбы, сводить ее къ осуществленію безплотнаго закона формальной логической необходимости! Относительно русской науки, мнѣ кажется, скорѣе должно сѣтовать на то, что до сихъ поръ она такъ мало извлекла пользы изъ этого качества исторіи, не воспользовалась имъ въ должной мѣрѣ для поясненія русской древности.... Извѣстно, какія любопытныя и важныя данныя для исторіи древне-русскаго быта, вѣрованій, обычаевъ, нравовъ, костюма—извлечены гг. Срезневскимъ и Буслаевымъ изъ народныхъ пѣсенъ, нищенскихъ стиховъ, пословицъ и поговорокъ. Попытку объясненій подобнаго рода слѣдовало бы сдѣлать относительно всего археологическаго матеріала русской народной поэзіи, и я имѣю твердыя основанія думать, что такой трудъ вознаградился бы полнымъ успѣхомъ и во многихъ отношеніяхъ прояснилъ бы исторію древне-русскаго быта, торговли, промышленности, ремеслъ и искусствъ. Нужно умѣть лишь привести въ связь письменныя свидѣтельства съ свидѣтельствами устной народной словесности, внести хотя приблизительный хронологическій порядокъ въ послѣднія, однимъ словомъ—разложить сочетаніе анахронизмовъ въ достовѣрные историческіе факты.

Позволяю себѣ на этотъ разъ остановиться на разборѣ извѣстій, сообщаемыхъ нашими былинами о *кораблѣ*. Въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ изображается, какъ изъ-за моря-глухоморья зеленаго, отъ славнаго города Леденца, отъ царя *заморскаго*—выбѣгали-выгребали тридцать кораблей и единъ корабль славнаго гостя богатаго, Соловья Будимировича:

«Хорошо корабли изукрашены,
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено

По дорогу камешю по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому —
И якутскому — вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія,
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе.
У того было Соколà у корабля—
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено —
На томъ было Соколѣ кораблѣ,
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Нось-корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному....» (Кир. Дан. № 1).

На этомъ Соколѣ-кораблѣ былъ сдѣланъ муравленъ чердакъ, а въ чердакѣ — *беседа-дорогъ рыбій зубъ*, подернутая рытымъ бархатомъ. По другой редакціи былины (Рыб. 1, 318) — этотъ корабль передомъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ, высоко его головка призаздынута, нось-корма у него была по звѣриному, а бока сведены по туриному, того ли тура заморскаго, заморскаго тура литовскаго; самъ корабль-червленый, у него паруса-флаги крупчатой (хрущатой) камки, снасти и кодолы (канаты) шелковые, шелку шемахинскаго, якори у него булатные, желѣза сибирскаго, поморскаго; *середи* корабля стоялъ муравленый зеленъ чердакъ, потолокъ его обитъ чернымъ бархатомъ, стѣны покрыты чернымъ соболемъ, изнавѣшанъ зеленъ чердакъ куницами и лисицами, печерскими и сибирскими, ушистыми и пушистыми.... Въ другихъ варіантахъ былины говорится, что нось-корма корабля были *расписаны* по змѣиному — по звѣриному,

вмѣсто рукъ было повѣшено по дорогу заюшку заморскому, вмѣсто личика повѣшено по дорогой лисицѣ по заморскія, вмѣсто очей врощено по дорогу по соколу заморскому, пролетному...., вмѣсто лба было врощено по дорогу камешку самоцвѣтному, вмѣсто кудрей было повѣшено по дорогу бобру, по заморскому, на чердакахъ бесѣдочки сидѣльныя.... (Рыб. II, 185—6). Въ былинѣ о Садкѣ богатомъ, этотъ знаменитый новгородскій гость строилъ себѣ черленъ корабль,

«Корму въ емъ строилъ по *гусиному*,
А носъ въ емъ строилъ по орлиному,
Въ очи вкладывалъ по камешку
По славному по камешку по яхонту.... (Рыб. I, 364).

Другіе его кораблики великіе имѣютъ снасточки шелковыя, кормы-то писаны по звѣриному, а носъ-то писанъ по змѣиному (Рыб. I, 368). Подобно кораблю Соловья Будимировича и корабль Садки называется *Соколомъ*, вообще корабли его черные, они летятъ какъ соколы; а самъ соколъ какъ бѣлъ кречетъ летитъ, паруса у нихъ полотняные.... (Кирѣев. V, 34, 41—3, 46). Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ также называется *Соколъ*-корабль, носъ его съ кормою выгнутъ по звѣриному, а киль его сдѣланъ по змѣиному, вѣялъ парусъ, какъ орлиное крыло (Кирѣев. I, 22—3).

Вотъ поэтическое, живописное изображеніе древне-русскаго богатаго корабля!

Откуда взятъ этотъ образъ? Вымыселъ ли это фантазіи пѣвца, или сказателя былины, желавшаго изобразить роскошный корабль богатаго гостя, или это образъ дѣйствительный, почерпнутый прямо изъ жизни? Ничто не вызывало пѣвца на подобный вымыселъ: роскошь и богатое убранство корабля сами по себѣ — еще не причина, они были бы живописуемы инымъ образомъ, иными чертами, если бы сама дѣйствительность не предлагала достаточнаго повода къ созданію поэтическихъ очер-

танія именно — *корабля-звѣря*; сверхъ того и эпическое постоянство, съ какимъ былина каждый разъ повторяетъ это описаніе, и самая опредѣленность очертаній, трезвая, чуждая всего невозможно-фантастическаго — прямо указываютъ на дѣйствительный фактъ народной жизни. Нельзя, конечно, сказать, что всѣ приведенныя нами подробности корабельной орнаментовки взяты съ дѣйствительности: многія изъ нихъ обязаны своимъ происхожденіемъ лишь идеальному настроенію поэта, но цѣлый образъ не вымышленъ, — онъ взятъ — чтобъ не сказать срисованъ — съ роскошной житейской обстановки древне-русскихъ богатыхъ гостей-мореходцевъ, и потому, я думаю — наука русской древности безопасно можетъ занесть на свои страницы фактъ существованія въ древней Руси кораблей *звѣринаго символическаго стиля*.

Но для науки — этого мало: она спрашиваетъ объ источникѣ этого стиля, хочетъ знать — откуда и почему явился онъ, былъ ли онъ самобытнымъ плодомъ русской культуры, или заимствованъ отъ другихъ народовъ, и имѣетъ лишь цѣну блѣднаго подражанія полному смысла оригиналу! Отъ рѣшенія вопроса, въ ту или другую сторону, зависитъ степень археологической цѣнности факта, но въ обоихъ случаяхъ русскій зооморфическій корабль заслуживаетъ вниманія изслѣдователей отечественной древности, какъ несомнѣнный памятникъ почтенной старины.

Нельзя не признать, что тѣ украшенія корабля, подробности которыхъ переданы намъ былинами — не украшенія одной роскоши и комфортныхъ стремленій богатаго мореходца сибарита, но имѣютъ и смыслъ положительный, если можно такъ выразиться — *символическій*: корабль рисуется, какъ живое существо, какъ какой-то морской звѣрь съ опредѣленными формами: головы, глазъ, ушей, гривы, боковъ, хвоста...

Только народъ, всецѣло отдавшійся интересамъ морской жизни, нашедшій въ ней не одно лишь средство къ удовлетворенію нуждъ и практическихъ стремленій, но и высокую прелесть поэзіи, народъ, для котораго море стало отчизною, которому оно

внушало и любовную тоску въ разлукѣ и поэтическое вдохновеніе, только такой народъ могъ почувствовать необходимость надѣлить корабль атрибутами живаго существа: морская жизнь была слишкомъ близка его сердцу, чтобы онъ могъ оставаться равнодушнымъ къ своему кораблю и видѣть въ немъ лишь механическую постройку, лишенную дыханія жизни. Любовь къ морю создала образъ *корабля-звѣря*!

Но существовалъ ли поводъ къ созданію подобнаго образа у русскихъ славянъ? Сколько помнитъ исторія — славянскія племена (за вычетомъ славянъ балтійскихъ) никогда не отличались въ мореходномъ дѣлѣ: по выдѣленіи своемъ изъ общаго славяно-летто-нѣмецкаго потока, обособившись въ отдѣльное племя, они заняли страну, природа которой не допускала развитія мореходства: древнѣйшій лѣтописецъ говоритъ только о разселеніи славянъ по рѣкамъ и озерамъ, вовсе не упоминая, чтобы какое-нибудь племя (кромѣ поморянъ) заняло приморье. Правда, народныя славянскія пѣсни называютъ и миѳическія, и дѣйствительныя имена морей, но не надо забывать, что пѣсня есть плодъ *всей* исторической жизни народа, что она, въ томъ видѣ, какъ мы ее имѣемъ, не слѣдуетъ точному отличію историческихъ эпохъ и беззаботно сближаетъ и князя Володимира съ татарами и Ермака Тимоѳеевича съ княземъ Володимиромъ, она роднитъ самыя отдаленныя лица, ставитъ рядомъ самыя разновременныя и изъ разныхъ источниковъ почерпнутыя событія, и поэтому не представляетъ надежнаго ручательства для мысли, что русскіе славяне искони занимались обширнымъ мореходствомъ; сверхъ этого древняя народная пѣсня представляетъ такія смутныя, неопредѣленныя очертанія моря, что не остается сомнѣнія въ томъ, что оно было вѣдомо народу не по собственному опыту, а по разсказамъ тѣхъ немногихъ странствователей, которые «многихъ племенъ города посѣтили и обычаи зрѣли» [1]. Собственное дѣ-

---

1) Къ этимъ единичнымъ предпріятіямъ должны быть, по нашему мнѣнію, отнесены свидѣтельства лѣтописей и арабскихъ путешественниковъ о

п.

ствіе, происшествія и похожденія героевъ русской былины никогда не совершаются на морѣ, но всегда на твердой землѣ, на рѣкахъ. Еще рѣшительнѣе въ пользу континентальнаго характера первоначальнаго быта русскихъ славянъ свидѣтельствуетъ языкъ: у нихъ вовсе не существуетъ собственныхъ древнихъ словъ и терминовъ мореходнаго дѣла, они забыли и древнее арійское названіе корабля (санскр. — *nau*, греческ. — νεως, латин. — *navis*, др. вер. нѣм. *nahho*, англо-сакс. — *naca*, древне-сѣверн. — *nǫckvi*, средн.-вер. нѣм. — *nache*), сохранившееся у всѣхъ прочихъ индо-европейскихъ племенъ, которымъ судьба отвела въ удѣлъ приморское житье, заимствовали отъ чуждыхъ народовъ, (отъ грековъ?) самое слово *корабль* (греч. κάραβος, κάραβιά лат. — *carabus*, роман. — *corbita*, *corbeta*), примѣнивъ его къ легкому рѣчному судну.... Вообще всѣ русскіе термины судоходства относятся исключительно къ судоходству рѣчному, морскіе же явились очень поздно и обнаруживаютъ несомнѣнно чуждое происхожденіе.

Народъ материковаго быта, удаленный отъ моря, знакомый съ нимъ лишь по разсказамъ немногихъ предпріимчивыхъ купцовъ, не имѣлъ ни причины, ни повода украшать мореходное судно зооморфическими живыми атрибутами, съ какими выступаетъ образъ Сокола корабля нашихъ былинъ, — и дѣйствительно, въ произведеніяхъ древне-русскаго искусства намъ нигдѣ не удалось замѣтить изображеній корабля-звѣря: миніатюры нашихъ рукописей (какъ напр. въ знаменитомъ Сильвестровскомъ сборникѣ XIV в.) рисуютъ намъ русскій насадъ—простое рѣчное судно на подобіе глубокой ладьи съ возвышеннымъ носомъ и кормою, но безъ всякихъ украшеній зооморфической орнаментовки.

Возможно еще одно предположеніе: можно думать, что вслѣдствіе существованія нѣкоторыхъ чисто-миѳологическихъ пред-

---

посѣщенія русскими гостиными людьми различныхъ и такихъ морей отдаленныхъ странъ, какъ Римъ и Испанія.

ставленій о кораблѣ, вынесенныхъ изъ эпохи доисторическаго единства племенъ, *дѣйствительному* кораблю сообщали тотъ образъ, тѣ атрибуты и украшенія, какими народное воображеніе надѣляло корабль фантастическій. Дѣйствительно, сравнительная миѳологія свидѣтельствуетъ, что у племенъ индо-европейскихъ очень обыкновенно было представленіе неба, какъ моря-пустыни, а тучъ, какъ кораблей, плывущихъ по морю: наивное міросозерцаніе первобытныхъ людей представляло себѣ движущіяся, причудливо-разнообразныя облака — въ формахъ различныхъ животныхъ: для него это были — небесные кони, коровы или быки, змѣи и драконы, лебеди и сильныя хищныя птицы, живущіе и дѣйствующіе въ небесной сферѣ. При ближайшемъ ознакомленіи съ морскою жизнью, быстрыя облака, по сходству впечатлѣнія, были приняты за небесные корабли и естественно получили въ народномъ воображеніи зооморфическіе формы и атрибуты: уже въ Ведахъ облака называются *nâvyah*, т. е. *корабли небеснаго океана*, у грековъ водная нимфа Ναιάς, Νηάς— *nâvyâ* — первоначально принималась за плывущую богиню *облака* [1]); въ миѳѣ Аѳины *корабль* также имѣетъ смыслъ облака; у нѣмецкихъ племенъ, начиная съ Эдды, гдѣ облако носитъ названіе *корабля вѣтра (vindflot)*, и до поговорокъ, живущихъ въ устахъ современнаго народа, можно замѣтить яркіе слѣды миѳическаго представленія тучи, облака въ образѣ корабля [2])…. Но какъ индусы, такъ и греки и племена нѣмецкія могли во всей свѣжести удержать этотъ первоначальный образъ, потому что сама обстановка жизни, сближавшая ихъ съ моремъ, поддерживала и такъ сказать питала это воззрѣніе; но у славянъ, удаленныхъ отъ моря, слѣды подобныхъ представленій очень слабы: только въ какой-нибудь сказкѣ, отъ которой народъ не ждетъ и не требуетъ изображенія дѣйствительной жизни, гдѣ-нибудь въ темной загадкѣ [3]) тускло свѣтитъ миѳическій образъ

---

1) Kuhn—Zeitschr. für vergleich. Sprachforsch. t. I, p. 535.
2) Mannhardt—Germanische Mythenforsch. B. 1898 p. 37—41, 366.
3) Худяковъ—Великорусскія Загадки (2-го изд.). № 607, 919, 1503.

живого *звѣря-корабля*; но въ практической обрядовой сторонѣ народнаго быта нѣтъ никакихъ признаковъ воспоминанія о такомъ образѣ, потому нельзя и думать, чтобы изъ области фантазіи онъ былъ перенесенъ въ жизнь практической дѣйствительности и вызвалъ появленіе корабля-звѣря нашихъ былинъ. Причина весьма понятна: несмотря на всю привязанность народа къ обрядовой старинѣ, на упорную стойкость его стародавнихъ представленій и обычаевъ, онъ невольно покоряется природѣ страны, имъ занятой, и мало по малу утрачиваетъ память, забываетъ то, что противорѣчитъ этой природѣ и ея условіямъ. Такимъ образомъ, уступая неотразимому вліянію природы, блекнутъ тѣ образы и представленія, которые, при иныхъ территоріальныхъ условіяхъ, могли бы устоять и сохраниться во всей свѣжести, какъ и дѣйствительно сохраняются они у другихъ родственныхъ народовъ, территорія которыхъ благопріятствовала ихъ процвѣтанію. Еще въ началѣ X вѣка, по свидѣтельству Ибнъ-Фослана — русскіе славяне (?) сожигали тѣла усопшихъ въ лодкѣ на рѣкѣ, по воспоминанію о первоначальномъ способѣ погребенія на морѣ въ кораблѣ или ладьѣ; но уже въ эпоху начальной кіевской лѣтописи этотъ обычай исчезаетъ: сожженіе тѣлъ совершается на твердой землѣ, и только могилы, воздвигаемыя надъ прахомъ усопшихъ по берегамъ *рѣкъ*, позволяютъ догадываться, что связь воды, моря и загробнаго существованія еще слабо мерцала въ сознаніи народа. Видна эта связь и въ обычаѣ, уже совершенно *безсознательномъ*, современнаго простолюдина, когда въ такъ называемый *Навскій Великъ день* (*навье*, *навъ*, готск. *naus* — *мертвецъ*; срав. санскр. *naus*, греческ. νεώς, ναῦς, латин. *navis*, франц. — *nef* и т. д. — *ладья*, *корабль*) онъ бросаетъ въ *воду* скорлупы красныхъ яицъ, которыя *приплывутъ* къ берегамъ жилищъ *мертвыхъ праотцевъ* въ тотъ день, когда они начинаютъ праздновать Свѣтлое Воскресенье! Сообразивъ такой законъ исчезновенія и измѣненія народныхъ миѳическихъ представленій и обычаевъ, естественно прійти къ заключенію, что нѣкогда извѣстный *образъ морского звѣря-ко-*

рабля, въ фантастическихъ представленіяхъ русскихъ славянъ, почти незнакомыхъ съ морскою жизнью — ослабѣлъ, не получилъ поддержки и развитія, а потому и не могъ перейти въ жизнь дѣйствительную, не могъ быть поводомъ къ тѣмъ звѣринымъ украшеніямъ, съ какими выступаетъ въ нашихъ былинахъ славный Соколъ-корабль Соловья Будимировича или Садки богатаго. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что настоящее море не играетъ никакой роли ни въ миѳологіи, ни въ быту древнихъ русскихъ славянъ: у нихъ нѣтъ ни опредѣленныхъ морскихъ божествъ, ни морскихъ миѳовъ, какъ у прочихъ родственныхъ племенъ; а всюду только одни лѣсные, рѣчные, озерные, болотные и т. д.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что образъ славнаго Сокола-корабля не обязанъ своимъ происхожденіемъ древнерусскому народному міросозерцанію: оно не предлагало къ этому никакихъ прочныхъ основаній, никакого матеріала; остается допустить, что устройство, а главнымъ образомъ украшенія этого корабля — были заимствованы отъ другихъ народовъ. Изъ всѣхъ сосѣдей русскихъ славянъ только одинъ народъ отмѣтилъ себя въ исторіи славнымъ мореходствомъ, отважными морскими походами. Это — скандинавы. Еще не справляясь съ исторіей, теоретически только можно утверждать, что при постоянныхъ торговыхъ и воинскихъ сношеніяхъ скандинавовъ съ русскимъ Сѣверомъ, они не могли не имѣть вліянія на развитіе судоходства и морской торговли новгородцевъ. Быть-можетъ, даже колонизаціонныя стремленія Новгорода, неустанно дѣйствовавшія во все продолженіе древняго періода русской исторіи — своимъ происхожденіемъ отчасти обязаны вліянію той жажды смѣлыхъ предпріятій и опасностей, какую приносили съ собою заморскіе выходцы! Здѣсь не у мѣста приводить свидѣтельства исторіи о постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ съ Новгородомъ, Псковомъ, Смоленскомъ: эти связи слишкомъ извѣстны и не могутъ болѣе быть предметомъ сомнѣнія или кривотолка. Русская былина съ своей стороны предлагаетъ не только полное подтвержденіе ихъ, но и довольно яркое доказательство вліянія

смѣлыхъ сѣверныхъ мореходцовъ на самое устройство и украшеніе русскаго торговаго корабля.

Куда ни обращалъ взоры сѣверный германецъ въ своихъ поискахъ чести, славы и богатства, вездѣ онъ встрѣчался съ моремъ, потому, сколько помнитъ исторія, море было для него отечествомъ: купецъ и мореплаватель обозначались у скандинавовъ однимъ и тѣмъ же словомъ — *farmadr*. При такихъ условіяхъ жизни сѣверный житель не могъ отнестись равнодушно къ своему кораблю: послѣдній былъ для него болѣе, чѣмъ обыкновенное перевозное судно, онъ — его ближайшій другъ и товарищъ, какъ у звѣролова-охотника другомъ бываетъ собака, а у воина-богатыря — вѣрный конь его; оттого корабль въ глазахъ германскихъ мореходцовъ былъ живымъ, одушевленнымъ существомъ, морскимъ звѣремъ, онъ носилъ собственное имя, къ нему обращался герой съ просьбой въ минуту опасности, съ благодарностью или прощальною рѣчью, и корабль—говорятъ преданія—понималъ своего господина.... Устройство и украшенія корабля соотвѣтствовали этому понятію о немъ; по свидѣтельству Снорри Стурлесона — суда строили заостренные съ обоихъ концовъ и давали имъ видъ драконовъ, змѣй, буйволовъ и другихъ животныхъ, передняя часть судна была головою и шеей животнаго, задняя—хвостомъ его. Всего обыкновеннѣе сравнивали такой корабль съ *конемъ*, *оленемъ*, *медвѣдемъ*, *волкомъ*, *быкомъ* или *хищною птицей*; цѣлый особый отдѣлъ кораблей носилъ названіе *драконовъ* (drekar); передняя часть корабля (носъ — корма) украшалась изображеніемъ головы и гривы этихъ животныхъ, а задняя—хвоста животнаго, рыбьяго или змѣинаго. Всѣмъ этимъ изображеніямъ приписывали сверхъестественную силу. Какъ живыя существа, корабли—подобно нашему Соколу, имѣли собственныя имена: буйвола, коршуна, орла, ворона.... Широкіе брустверы окружали корабль, въ срединѣ стояла подвижная мачта, въ средней же части помѣщалась *беседа*, шатеръ, покрытый сукномъ или бархатомъ. На выдающихся частяхъ вдѣлывались кольца, вбивались гвозди, золоченыя бляхи, помѣщались и

рическихъ свѣдѣній о вліяніи морскихъ витязей на сѣверно-русскій бытъ прибавляется еще одно немаловажное свидѣтельство, и именно для той стороны его, на которую доселѣ менѣе всего было обращено вниманіе, для стороны житейской обстановки, удобствъ и роскоши ея. Кажется, что вліяніе сѣверныхъ мореходцевъ на русскую жизнь не ограничивалось областью суровой практической — торговой или военной — дѣятельности; оно шло глубже, вторгаясь въ житейскій обиходъ и производя тамъ нѣкоторыя измѣненія и привычки въ новомъ духѣ *заморской моды*.

Корабли Соловья Будимировича и Садки богатаго были произведеніями этой заморской моды въ житейской обстановкѣ древняго русскаго гостя-мореходца!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

